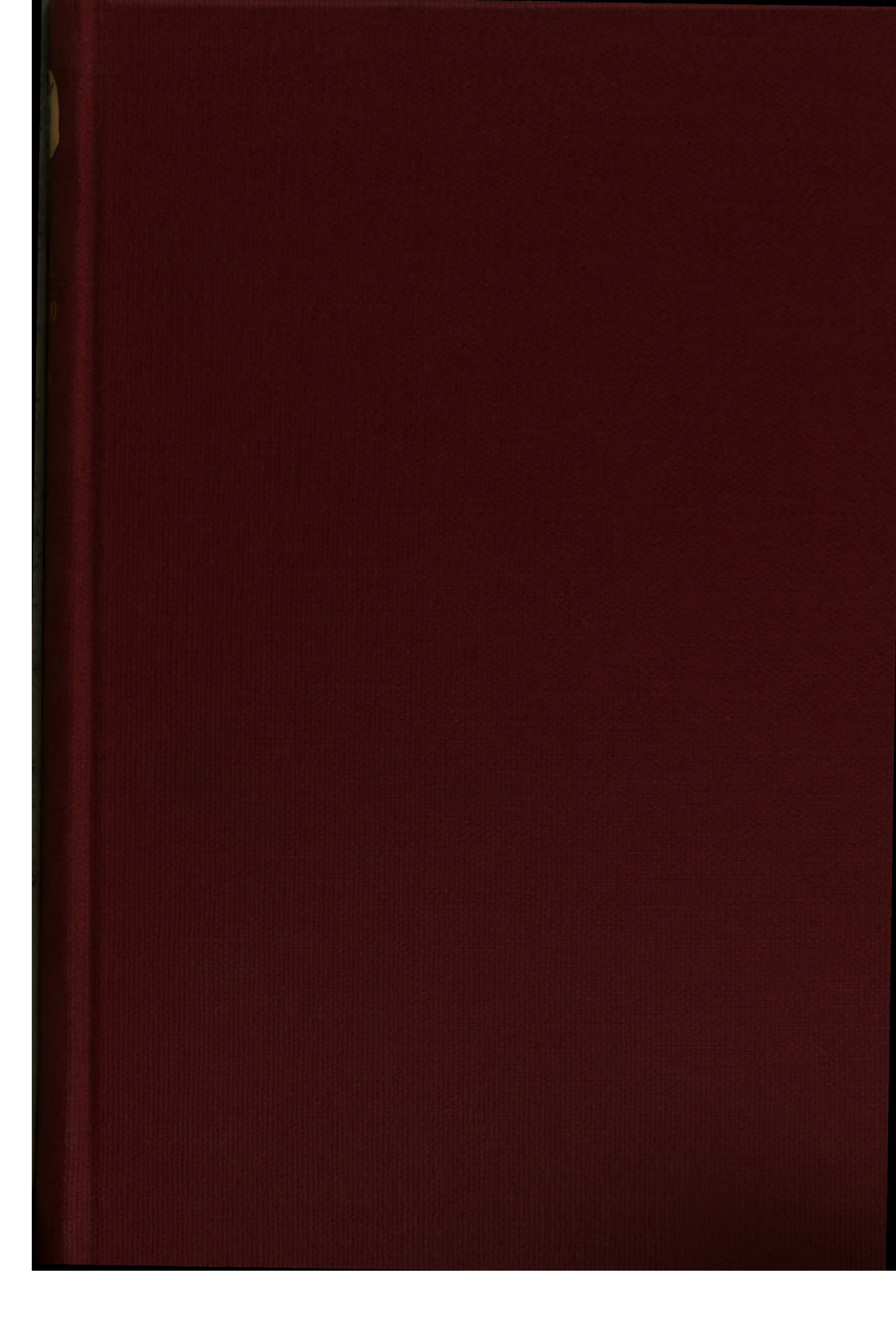


ІЮНЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

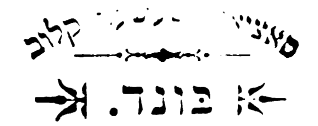
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 іюня 1905 г



СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора. — I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія.—II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи. — III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.—311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка. — На мельницѣ. — Облачко. — Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи. — Шелаевскій рудникъ. — Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни. — Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда. — На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ). — Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Өедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Щепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". Братья Курочкины, Ножинъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ, Минаевъ. — „Гласный судъ", „Современ. обозрѣніе", „Отеч. Записки". — Некрасовъ.—Романъ „Борьба" и статья „Что такое прогрессъ". Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Некрасовъ, какъ человѣкъ.— Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова. Шелгуновъ и Позднышевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы" А. М. Скабичевскаго. — П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ". — Въ одной изъ толстовскихъ колоній. Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г. Мечниковъ, какъ гигіенисты. О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки. О будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны. Г. Сементковскій о нашемъ недавнемъ прошломъ.—„Книга о книгахъ". Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ„ Беллами и „Крушеніе цивилизаціи" Буажильбера".—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск. Вѣдомости", „Гражданинъ" и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры.— Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*.—496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". Основы народничества г. Юзова. — Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ.—О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычки вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта. „Выдающаяся женщина" г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.—О „Литературномъ обществѣ" и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ОТКЛИКИ. Томъ II. Изд. 1904 г.—432 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Томъ I. Ц. 1 р. 50 к.

— „ „ Томъ II. Ц. 1 р. 50 к.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

С. Подъячевъ. МЫТАРСТВА.—Т. I. Ц. 75 к.

— СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Т. II. Ц. 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ. — Недодѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ. — Современные аргонавты. — Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти.—Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ.—Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить. — Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.—Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи. — Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. — Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.*—Современная Миньона. *Н. Сѣверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. І. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.* — Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратца* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*—А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Е. Кудрина.*—Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.* — Неудавшійся праздникъ. *Л. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. *Второе* изданіе. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. (Печатается).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднэго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

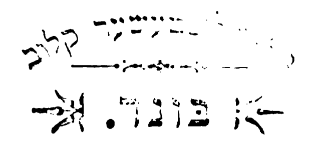
Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**



ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

(Картинки провинціальной жизни).

I.

Лѣто наступило непріятное: сухое и жаркое. Едва начиналась вторая половина іюня, а зелень уже была подсушена солнцемъ, и село Высокіе Дубы глядѣло поблекшимъ, пыльнымъ, точно въ концѣ августа. Отъ засухи образовались трещины на окаменѣвшей землѣ; по ночамъ не было росы, травы на пригоркахъ выгорѣли, а на низкихъ мѣстахъ росли чахлыя, рѣдкія, не подавая надеждъ на вторичный покосъ. Появилось много гусеницы, дубы стояли темные, объѣденные, какъ будто засохшіе навсегда.

Въ началѣ утра, пока знойное солнце не успѣло подняться повыше, Петръ Ильичъ Сребдольскій, младшій сынъ мѣстнаго благочиннаго, отца Ильи Сребдольскаго, шелъ домой послѣ купанья въ Рѣчищѣ. Идти надо было недалеко: Рѣчище— глубокое озеро, оставшееся отъ протекавшей когда-то рѣчки, которая теперь рѣзко измѣнила направленіе,—примыкало къ усадьбѣ отца Ильи, немного пониже сада. Выше, за садомъ, лежалъ черный дворъ съ обмазанными глиной загонами для скота, съ птичникомъ, конюшнями и экипажнымъ сараемъ; а дальше — примыкалъ къ деревенской улицѣ дворъ, чистый, поросшій курчавой, низкорослой травой, съ тропинками, утоптанными отъ дома къ погребамъ, къ леднику, къ изолированнымъ хлѣбнымъ амбарамъ подъ желѣзными крышами такого же ультрамариноваго оттѣнка, какъ и крыша на домѣ.

Во всей усадьбѣ отца Ильи было просторно. Домъ онъ выстроилъ тоже большой, просторный, о двѣнадцати комнатахъ, жаркій зимою и прохладный лѣтомъ, окруженный палисадниками съ топольками и липками.

Отецъ Илья болѣе сорока лѣтъ священствовалъ въ Малороссіи, но родомъ былъ великоросъ, изъ Тульской губер-

ніи. Его малороссійскій говоръ до сихъ поръ отзывался „кацапскимъ“ произношеніемъ, особенно хохлацкое „э“, звучавшее у благочиннаго Сребдольскаго гораздо мягче, чѣмъ слѣдуетъ. Отразилось его великорусское происхожденіе и на сооружаемыхъ имъ постройкахъ. Отецъ Илья возводилъ не мѣстныя глиняныя мазанки, а основательныя, рубленыя на кацапскій ладъ изъ сухого выдержаннаго лѣса строенія, обѣщавшія простоять безъ изъяна десятки лѣтъ. Отъ крупнаго до мелочей—все было у отца Ильи до того доброкачественное, что, казалось, ничему не предвидится конца. Столь же долголѣтнимъ казался и фруктовый садъ, хорошо разросшійся, но далеко не старый.

Освѣженный утреннимъ купаньемъ, Петръ Ильичъ, — темнорусый блондинъ съ чуть рыжеватой бородкой, съ рыжеватыми, свѣтлѣе бороды, усами,—поднимался по садовой дорожкѣ отъ Рѣчища къ черному двору. Рослый и сильный, онъ шелъ вверхъ по гористому саду свободно и быстро, въ сѣрой пиджачной парѣ, выгорѣвшей еще отъ прошлогодняго солнца, въ малорусской рубахѣ, широко расшитой на груди бѣлымъ шитьемъ въ мережку. Все кругомъ было такъ близко знакомо Петру Ильичу: и этотъ садъ, насаженный отцомъ Ильею, и пасѣки на полянѣ среди подростающихъ бѣлыхъ акацій, и сосѣдняя „Левадка“ надъ Рѣчищемъ, гдѣ росли рано краснѣвшія рябины, березы, тополи и много дубовъ, гдѣ осенью обмолачивали у отца Ильи хлѣбъ на конной молотилкѣ и складывали на зиму длинныя скирды соломы и сѣна, гдѣ зеленѣли надъ Рѣчищемъ грядки съ капустою, огурцы, картофель и всякая огородина.

Все было свое, близкое...

Сегодня же все казалось Петру Ильичу вдвойнѣ близкимъ и пріятнымъ, потому что онъ чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ многолѣтняго гнета. Онъ только вчера возвратился домой, окончивши семинарію въ угоду настойчивому желанію отца,—хотя на двадцать седьмомъ году и не студентомъ, а лишь со свидѣтельствомъ второго разряда, но кончилъ...

Навязанная ему тяжесть, наконецъ, свалилась съ плечъ, освободила его. Въ семьѣ Сребдольскихъ происходила заурядная, часто встрѣчающаяся среди духовенства исторія: сыну не хотѣлось идти по отцовскимъ стопамъ, а огорченный отецъ — въ надеждѣ, авось впослѣдствіи все перемѣнится,—настаивалъ, чтобы сынъ кончалъ семинарію, и затѣмъ уже поступалъ по своему усмотрѣнію.

Отецъ Илья,—человѣкъ независимо-состоятельный, пользующійся почетомъ и вліяніемъ, — считалъ себя неудачливымъ въ дѣтяхъ. Дочерей не было совсѣмъ, старшіе сы-

новья умирали, а изъ двухъ младшихъ — слегка горбатый и страдающій сердечной болѣзнью Палладій Ильичъ, хоть и кончилъ семинарію студентомъ, но вышелъ аскетомъ, противникомъ женщинъ и женитьбы. На Палладія нечего было надѣяться, что онъ обзаведется семьей и, принявъ священство, унаслѣдуетъ современемъ приходъ въ Высокихъ Дубахъ, какъ того хотѣлось отцу Ильѣ. Къ тому же Палладій съ увлеченіемъ отдался иному занятію — противосектантской миссіонерской дѣятельности въ сосѣдней N—ской губерніи. Оставался, значитъ, одинъ Петръ Ильичъ, который учился вяло, нехотя, возбуждая опасенія, что, пожалуй, вовсе не получитъ семинарскаго свидѣтельства, и тогда ужъ, навѣрное, уклонится отъ духовнаго сана. Собственные вкусы Петра Ильича не тяготѣли къ семинарскимъ наукамъ. Великовозрастный и довольно развитой умственно, онъ принуждалъ себя къ ученью и еще больше къ соблюденію школьной дисциплины. Ему трудно было довести это ученье до конца, какъ трудно преодолѣть все то, что дѣлается по принужденію. Но онъ преодолѣлъ и теперь радостно посматривалъ на развѣтвленныя антоновскія яблони съ подпорками, на кусты винограда съ несозрѣвшими еще блѣдно-зелеными гроздьями, на вишневыя деревца, расцвѣченныя поспѣвающими вишнями.

Все это какъ будто улыбалось Петру Ильичу, какъ улыбался онъ самъ, начиная ощущать подъ ногами болѣе твердую почву. Вчерашнее возвращеніе домой уже не походило на предыдущіе пріѣзды. Отецъ — по внѣшности всегда строгій и холодноватый — встрѣтилъ Петра Ильича растроганно, обнялъ, расцѣловалъ, сказалъ: „ну, спасибо!“ — и послѣ служилъ съ причетниками благодарственный молебенъ въ залѣ, которая олицетворяла въ глазахъ домашнихъ особый парадъ. Потомъ, въ продолженіе дня, отецъ Илья, точно подавая тонъ остальнымъ домочадцамъ, нѣсколько разъ назвалъ сына Петромъ Ильичемъ вмѣсто прежняго: „хлопецъ“, „Петруша“, „Петька“, или даже (подъ сердитую руку) „Петька-шелапутъ“. И мать глядѣла вчера на богослова съ уваженіемъ, въ родѣ того, какъ смотритъ на отца Илью, и воспитанница матери, — Полюся, — была весь день неестественно сдержанна съ Петромъ Ильичемъ, и какъ-то особенно покраснѣла, когда онъ, по старой привычкѣ, поцѣловался съ нею при первой встрѣчѣ въ присутствіи стариковъ. Петръ Ильичъ не привыкъ къ такому почтительному отношенію со стороны домашнихъ. Отчасти это стѣсняло его. За то скучная общая почтительность напоминала, что онъ получаетъ права самостоятельности. Вспоминая объ этомъ, Петръ Ильичъ продолжалъ улыбаться и вишнямъ, и

яблонямъ, и отцовской левадкѣ. Было весело на душѣ, и лишь одна, время отъ времени возникавшая, мысль отравляла жизнерадостныя ощущенія Петра Ильича. Безпокойная мысль опредѣлялась словами:

— А Адріана Павловича нѣтъ!

Нѣтъ... и уже не будетъ этого прожившагося барина, одного изъ послѣднихъ Диворадовичей, владѣвшихъ когда-то Высокими Дубами. Петру Ильичу не къ кому спѣшить въ красный флигель въ паркѣ, не съ кѣмъ охотиться. Никто въ Высокихъ Дубахъ не снабдитъ его интересной книжкой, не скажетъ:

— Э, хлопецъ! Все—чепуха... И бремя жизни не такое ужъ тяжкое. Надо лишь умѣть нести его. Сумѣй найти и взять то, что именно тебѣ нравится... тогда и будешь доволенъ. Жизнь для жизни намъ дана — въ этомъ весь законъ и пророки. Не будь черезчуръ мудрымъ, смотри на все, улыбаясь. Ты училъ въ Экклезіастѣ: „во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь?“ Положимъ, Экклезіастъ и о смѣхѣ говоритъ: глупость! Но смѣхъ пріятнѣе скорби, и надо умѣть легко жить, хлопецъ!

Диворадовичъ умеръ такъ же легко, какъ жилъ. Продалъ крестьянамъ еще кусокъ земли въ восемьдесятъ десятинъ, побывалъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ; въ январѣ, возвратившись въ Высокіе Дубы, сталъ собираться за границу, но заснулъ съ вечера и не проснулся утромъ...

Вчера, передъ заходомъ солнца, Петръ Ильичъ успѣлъ побывать на его могилѣ. Похоронили Адріана Павловича не въ склепѣ Диворадовичей (тамъ не нашлось свободнаго угла), а рядомъ на открытомъ мѣстѣ. На могилѣ разостлались — вѣрно, насаженные Полюсей — разноцвѣтные портулаки, да подлѣ могилы возвышается зеленый крестъ, окрашенный масляной краской. И это все, что осталось отъ Адріана Павловича, отъ его смѣющагося невѣрія, отъ скептическихъ рѣчей, отъ эпикурейскаго отношенія къ жизни...

Петръ Ильичъ долго простоялъ надъ глинистымъ холмикомъ съ пуртулаками, потомъ долго ходилъ по пустынному выгорѣвшему отъ зноя кладбищу, растаптывая ногами несжигаемую солнцемъ аптечную ромашку съ прянымъ запахомъ,—и снова останавливался въ раздумьи надъ яркими портулаками. Глинистая могила точно заслоняла собою воспоминаніе о Диворадовичѣ. Но минутами представленіе о могилѣ исчезало, и Петру Ильичу припоминался знакомый полуироническій голосъ:

— Э, хлопецъ... все пустое! Пользуйся жизнью по своему вкусу и не создавай себѣ химеръ. Рѣдкій человѣкъ не

гонится за химерой, и рѣдкій не погибнетъ отъ нея. Вы— люди изъ духовенства—страдаете маніей стяжательства. У васъ говорятъ: скупость—не глупость... А скупость—глупость... большая глупость! Деньги лишь для того, чтобы ихъ тратить: онѣ хорошій слуга, но плохой хозяинъ. Затѣмъ—честолюбіе... Тоже химера, и опасная. Ну, къ чему сводится каждое, отдѣльно взятое, честолюбіе? Къ тому, чтобы обо мнѣ, напримѣръ, гдѣ-нибудь въ толпѣ повторяли: „Вы знаете, кто это? Это—Диворадовичъ"! Чортъ побери, какъ лестно... да я и безъ нихъ знаю, что я—Диворадовичъ. Умѣй, хлопецъ, цѣнить свою молодость, не убивай ея на химеры. Ибо, въ концѣ концовъ... одинъ юмористъ не ошибся, когда сказалъ: лучше быть молодымъ клопомъ, чѣмъ старой райской птицей!

О многомъ вспомнилъ и передумалъ Петръ Ильичъ вчера на кладбищѣ, но всѣ его думы безпомощно расплывались въ одномъ и томъ же мысленномъ восклицаніи:

— А Адріана Павловича нѣтъ!

И Высокіе Дубы надъ Рѣчищемъ, и Рѣчище, сверкающее подъ селомъ, круглая церковь съ плакучими березами, засыхающій паркъ Диворадовича, вѣтряныя мельницы въ полѣ, за кладбищемъ, остатки дубовой рощи у въѣзда въ село,—все осталось на старыхъ мѣстахъ. По прошлогоднему свѣтитъ и жжетъ горячее солнце, Петровъ день недалеко, пора готовиться къ охотѣ на Петельковскихъ болотахъ,—а Адріана Павловича нѣтъ, и не будетъ больше...

II.

На черномъ дворѣ все было озарено солнцемъ.

Гоготали индюки, кудахтали куры, кричали пѣтухи. Темная земляная пыль казалась узорчатой отъ многочисленныхъ слѣдовъ утиныхъ и гусиныхъ лапъ; видно недавно погнали птицу къ Рѣчищу. Лохматый Шарикъ довѣрчиво заигрывалъ возлѣ конюшни съ цѣпными собаками, а тѣ—въ сознаніи превосходства своихъ силъ—не обращали на него вниманія. Увидѣвъ Петра Ильича, Шарикъ подбѣжалъ къ нему, попрыгалъ, повилялъ хвостомъ и сталъ на заднія лапы, ожидая хвалы за свое искусство. Но Петръ Ильичъ молча прошелъ мимо, даже не щелкнувъ пальцами, въ видѣ поощренія.

На другомъ концѣ двора шла по направленію къ левадкѣ Полюся въ свѣтло-синемъ ситцевомъ платьѣ, съ двумя оборочками на юбкѣ. Въ рукахъ она несла пустую глиняную миску.

— Полюся!—крикнулъ Петръ Ильичъ, тоже сворачивая къ левадкѣ.—Доброе утро, Полюся!

Полюся покраснѣла, можетъ быть, отъ неожиданности, смущенно улыбнулась, показывая заблестѣвшіе на солнцѣ мелкіе зубы, и отвѣтила съ заминкой:

— Здравствуй... Петръ Ильичъ!..

— Во-первыхъ, какой я тебѣ: „Петръ Ильичъ"?—какъ бы обидчиво заговорилъ Сребдольскій, опять поддаваясь жизнерадостному настроенію сегодняшняго утра.—Во-вторыхъ, что ты изображаешь какую-то барышню?

— Но теперь...—не договорила Полюся.

— Теперь то же, что всегда. Кому: „Петръ Ильичъ", а кому—Петя. Не смѣй звать меня: Петръ Ильичъ. А то и я буду говорить: Пелагея Васильевна.

— Не Пелагея, а Полина.

— Полина! Она—Полина? Скажите, фигура какая? Ты птичку „ай"—забыла? Наступаетъ мѣсяцъ май, прилетаетъ птичка...

— Ой!--избѣгая риѳмы, крикнула Полюся. Петръ Ильичъ больно дернулъ ее за прядь бѣловато-золотистыхъ волосъ, поднятую въ прическу отъ затылка. Продолговатые сѣрые глаза Полюси шаловливо заискрились: богословъ Петръ Ильичъ началъ отступать куда-то далеко, оставался лишь пріятель дѣтскихъ игръ, Петя, который хотя и былъ на десять лѣтъ старше, но въ шалостяхъ превосходилъ малолѣтнихъ... Полюсѣ захотѣлось подразнить его, какъ въ прежнее время: „Петька, Петька! голова, какъ рѣдька!" Или же коварно намекнуть на рыжеватый оттѣнокъ его каштановыхъ волосъ и бороды: „Рыжій, красный—человѣкъ опасный! Рыжій краснаго спросилъ: чѣмъ ты бороду красилъ?" Впрочемъ, Полюся не успѣла выговорить ни слова, потому что невзначай подверглась вторичному нападенію.

— А „коза"? Ты и про козу забыла? „Коза мальчика вотъ тутъ ка-къ уку-уситъ!"—И Петръ Ильичъ крѣпко захватилъ пальцами правую щеку Полюси:—„А у мальчика вотъ тутъ кро-овь!"—По непонятному стеченію обстоятельствъ, отъ укуса въ правую щеку кровь у мальчика выступала на лѣвой щекѣ, которая такъ же, какъ и правая, поспѣшно была захвачена въ плѣнъ.—„А мальчикъ пла-ачетъ!"—Обѣ щеки ошеломленной Полюси стремительно прижались къ носу.—„Ну, взяли козу за бородушку и потащили"... Полюся опомнилась и ловко отскочила въ сторону.

— Эге! нельзя теперь про козу!—лукаво сказала она.— Мы уже не маленькіе.

Лицо Полюси ярко горѣло отъ самоуправства нахальной козы. Исторія о козѣ была длинная. Въ дѣтствѣ толстыя

щеки Полюси не мало терпѣли при этомъ разсказѣ. Но тогда любопытное желаніе узнать, что происходило дальше съ козою, преодолѣвало боль: Полюся стойко переносила наглядныя изображенія, какъ рѣзали козу, какъ распродавали по кускамъ козлиное мясо на базарѣ, рубили изъ мяса котлеты и проч. Теперь Полюся уже знала окончаніе этой исторіи. Она задорно повторила еще разъ:

— Нельзя! Мы—не маленькіе...

— Охъ, какая большая! Куда идешь?

— За редиской. Матушка послала... Къ чаю.

— И я съ тобой. Еще есть редиска?

— Мы нарочно поздно посѣяли. Возлѣ колодца... Я сама поливала.

— Для меня?

— Для всѣхъ.

— Ишь ты! А зачѣмъ такую большую миску взяла? Думаешь, я съѣмъ такъ много?

— Ого! и больше съѣшь, если со свѣжимъ масломъ. Ты же обжора извѣстный. Я даже думаю, что у тебя солитеръ. Кто съѣдалъ за обѣдомъ блюдо раковъ, миску варениковъ и по два цыпленка сразу? Съ костями, съ фаршемъ...

— Когда то было!

— Въ прошломъ году.

— Какіе цыплята!

— Большущіе...

Не открывая воротъ въ левадку, они перелѣзли черезъ „перелазъ" правѣе воротъ и пошли внизъ по скату левадки къ колодцу.

— Чай скоро?—спросилъ Петръ Ильичъ, которому при напоминаніи объ его обжорствѣ захотѣлось ѣсть.

— Вотъ только батюшка вернется. Поѣхалъ пріобщать на хутора. Старый Ратникъ кончается, Гаврила...

Возлѣ колодца было нѣсколько грядокъ редиски.

— Ты вырывай съ этой стороны, а я съ той,—сказала Полюся.—Да смотри, не вытаскивай мелкой...

Присѣвъ надъ грядкой, Петръ Ильичъ началъ набирать въ пучекъ розовую, бѣлую и синеватую редиску.

— Полюся!—отозвался онъ послѣ молчанія:—ты была, когда Адріана Павловича хоронили?

— Была... Какой онъ красивый лежалъ; лучше, чѣмъ живой. Лицо стало совсѣмъ молодое, и никто не видалъ, какъ умеръ. Утромъ хозяйка его, Оришка, прибѣжала къ батюшкѣ: „баринъ сомлѣлъ!" Къ нему, за докторомъ, а онъ—уже холодный... Становой выѣзжалъ, запечатали все... Въ ящикѣ деньги незапертыя лежали: онъ себѣ приготовилъ на за-границу. Потомъ уже, для дочки, поснимали печати...

— И дочка пріѣхала?

— Она и теперь тутъ.

— Что ты?

— Съ января, все время. И не носитъ траура... Такъ странно: отецъ умеръ, а она подъ краснымъ зонтикомъ.

— Что-жъ она дѣлаетъ здѣсь? Съ января мѣсяца? Она же артистка въ оперѣ?

— Эге! Она уже безъ голоса... Не поетъ больше, и эту зиму не пѣла: уроки пѣнія давала въ Одессѣ. Батюшка ей телеграфировалъ, безъ нея не хоронили. Оришку наградила: дала двѣсти рублей... Всѣ кораллы отдала, которые у Адріана Павловича хозяйки носили. Костюмы малороссійскіе, старинные: тѣ, что онъ для хозяекъ держалъ... Все досталось Оришкѣ.

— Была у насъ?

— Ксенія Адріановна? Была, два раза. Немолодая уже, старше Палладія Ильича. Звала меня приходить. Мы разъ пошли съ матушкой, а одну меня не пускаютъ. Досадно! Я бы ходила... Она—простая, съ нею—свободно. Для меня мука разговаривать съ незнакомыми! Не хватаетъ словъ... А съ нею—какъ будто десять лѣтъ знакома. Ты ее помнишь?

— Чуть-чуть... Она молоденькой уѣхала...

— Правда, что она тогда убѣжала съ женатымъ? Съ художникомъ?

— Кажется, правда. Говорили, что съ товарищемъ брата, Александра Адріановича. Александръ тоже былъ художникъ...

— Тотъ Александръ, который за фальшивыя деньги въ тюрьмѣ сидѣлъ?

— Тотъ.

— Хорошъ художникъ! Разрисовывалъ сторублевки. Его хотѣли сослать на каторгу?

— Онъ отравился въ тюрьмѣ, не дождался суда.

— Бѣдный Адріанъ Павловичъ!—съ сожалѣніемъ вздохнула Полюся.—Такой отчаянный сынъ... преступникъ!

— А самъ Адріанъ Павловичъ не считалъ его преступникомъ. Какъ-то разсказывалъ мнѣ... Такъ выходило, что Александръ впутался не ради корысти... что онъ искалъ сильныхъ ощущеній. Адріанъ Павловичъ говорилъ: съ притупленными нервами и на костры идутъ, и подвиги иногда совершаютъ... все ради жажды чего-нибудь возбуждающаго. Не знаю... Мнѣ это не понятно...

Полюся ничего не возразила.

Редиски набралось много. Полюся налила въ миску воды изъ колодезнаго ведра, достала изъ кармана складной ножикъ. Съ привычной быстротой она обрѣзывала каждую ре-

диску съ двухъ сторонъ и бросала въ миску. Петръ Ильичъ выловилъ изъ воды нѣсколько крупныхъ редисокъ, которыя аппетитно захрустѣли у него на зубахъ.

— Не наѣдайся передъ чаемъ! — недовольно попросила Полюся. — Лѣзетъ въ воду съ грязными руками... Не можетъ потерпѣть... Хуже маленькаго, а еще—богословъ...

— Богословъ!—громко подтвердилъ Петръ Ильичъ, прищелкивая языкомъ, и выкинулъ замысловатое антраша вкругъ колодца.—Охъ, и радъ же я, Полюся! Надоѣло въ семинаріи...

— И я была рада въ прошломъ году, когда вышла изъ епархіальнаго. Скучища, строгость... Кормятъ впроголодь. Да тебѣ еще ничего было: ты больше за дамами бѣгалъ, чѣмъ учился.

— За дамами?

— Ну, конечно! А какъ тебя прошлый годъ провалилъ на экзаменѣ Хандажинскій? Чтобы не ухаживалъ за его женой... Ага?

— Вранье!

— Нѣтъ, не вранье. Ты съ нею каждый вечеръ въ Павловскомъ скверѣ гулялъ. Сдѣлаешь чучело на кровати, какъ будто спишь, а самъ и удерешь изъ семинаріи.

— Вранье, враки! Не всякому слуху вѣрь!

Петръ Ильичъ сердился. Онъ считалъ присущее ему „легкое“ отношеніе къ женщинамъ своимъ крупнѣйшимъ недостаткомъ. Въ послѣдній годъ, много работая надъ собою, Петръ Ильичъ старался искоренять и этотъ недостатокъ, хотя не всегда успѣшно. Онъ былъ красивъ, къ нему благоволили женщины: учительскія жены и епархіалки въ губернскомъ городѣ, молодицы и дивчата въ Высокихъ Дубахъ. Ему случалось злоупотреблять этимъ снисходительнымъ благорасположеніемъ, но онъ полагалъ, что похожденія его составляютъ непроницаемую тайну. И вдругъ—оказывается—о нихъ знаетъ даже Полюся! Петръ Ильичъ былъ смущенъ и разсерженъ.

— Вранье! враки!—настойчиво повторялъ онъ.

— Нѣтъ, не враки... И въ епархіальномъ говорили...

— Кто?

— Глазурская Варвара...

— Х-хха! Этотъ черный жукъ?

— Жукъ? А она думаетъ, что ты къ ней расположенъ...

— Пускай думаетъ, если ей пріятно. А знаешь, какъ семинаристы прозвали и ее, и всѣхъ сестеръ Глазурскихъ? Блондинки изъ Южной Африки.

Полюся, просіявъ, громко засмѣялась. Румянецъ удовольствія залилъ ея лицо, уши, открытую часть шеи за ушами. Петръ Ильичъ замѣтилъ это.

— Отецъ Евграфъ Глазурскій тоже надѣется, не будешь ли сватать Варвару? Они—богатые, — продолжала говорить Полюся, испытующе поглядывая на Петра Ильича.—Пріѣзжалъ къ намъ, по дѣламъ благочинія къ батюшкѣ. И все про тебя... а потомъ про свою Варвару... Деньги къ деньгамъ, говоритъ, и отдавать не жалко.

— Пускай отдаетъ тому, кто брать захочетъ.

— Такъ тебѣ не нравятся такія черныя, какъ Варвара?— блеснувъ глазами, переспросила Полюся.

Петръ Ильичъ прикусилъ губы, чтобы не разсмѣяться. Онъ молчалъ. Полюся опять покраснѣла, на этотъ разъ отъ смущенія за свой вопросъ.

— А сказать тебѣ, какія мнѣ больше всего нравятся?— неожиданно предложилъ Петръ Ильичъ.

Полюся вопросительно приподняла голову.

— Такія, какъ ты!

Еще нежданнѣе — и не только для Полюси, но и для себя—Петръ Ильичъ наклонился къ дѣвушкѣ, придержалъ ее за руки и сталъ цѣловать то въ одну, то въ другую щеку. Полюся, вырвавшись, отбѣжала отъ колодца къ кустамъ отцвѣтающей бузины.

— Петръ Ильичъ!—возмущенно крикнула она издали.— Ну, какой ты... безсовѣстный!

И исчезла.

Миска съ редиской осталась возлѣ Петра Ильича. Онъ постоялъ, растерянно улыбаясь, у колодца, приподнялъ шляпу, провелъ рукой по волосамъ, сокрушенно вздохнулъ, вспомнивъ, что и это—результатъ все того же неискоренимо легкаго отношенія къ женщинамъ, и, захвативъ редиску, пошелъ вслѣдъ за Полюсей къ дому.

III.

Солнце поднялось, пригрѣло; становилось жарко. Возлѣ дома Петръ Ильичъ встрѣтился съ отъѣзжавшимъ мягкорессорнымъ кабріолетомъ, на которомъ только что подъѣхалъ отецъ Илья. Не видя сына, отецъ Илья всходилъ на крыльцо, какъ всегда, принаряженный, въ парусиновой, подъ чесучу, дорожной рясѣ, въ широкополой панамѣ, прикрывающей отъ пыли его сѣдую косу. По щегольской внѣшности онъ скорѣе былъ похожъ на протоіерея городской— и то богатой—церкви, чѣмъ на сельскаго священника. И въ частной жизни, и на богослуженіяхъ отецъ Илья любилъ пріодѣться. Ризница въ Высокихъ Дубахъ была одной изъ лучшихъ въ уѣздѣ. Ризы бѣлыя и цвѣтныя, изъ парчи

серебряной и изъ парчи по бархату, шелковые подрязники, красивыя епитрахили, кресты, кисти и пуговицы—все сіяло на отцѣ Ильѣ, когда онъ священнодѣйствовалъ въ церкви. Его служеніе нравилось прихожанамъ. Служилъ онъ съ вѣрою, съ усердіемъ, на подобіе монастырскихъ службъ, не жалѣя силъ и голоса. Молебны и панихиды правилъ безъ пропусковъ, акафисты вычитывалъ умиленно, поля и колодцы святилъ въ весеннее время неутомимо. Когда онъ въ началѣ утрени возглашалъ изъ алтаря своимъ прекрасно сохранившимся тепоромъ: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“ или же пѣлъ надъ плащаницею „Благообразнаго Іосифа“,—молящіеся умилялись. А молитву передъ причастіемъ произносилъ до того трогательно, что исповѣдники плакали. Церковь въ Высокихъ Дубахъ содержалась въ отмѣнномъ порядкѣ. Въ опредѣленные дни все подвергалось чисткѣ, провѣтриванію, осмотру; отецъ Илья иронически трунилъ надъ тѣми „попами“, у которыхъ только къ архіерейскимъ проѣздамъ водворяется чистота въ храмахъ, при чемъ впопыхахъ дьяконицы и псаломщицы моютъ царскія врата и чистятъ чаши.

Самъ отецъ Илья былъ крѣпкій, выносливый человѣкъ, большого роста, широкоплечій, съ широкой костью, но сухощавый, съ ровной, ни мало не сгорбленной спиною и величественной осанкой. Посѣдѣвшіе волосы,—еще достаточно густые и длинные,—и волнистая сѣдая борода придавали ему сходство съ изображеніями ветхозавѣтныхъ патріарховъ. За то живой взглядъ не поблѣднѣвшихъ отъ возраста голубыхъ глазъ вовсе не дополнялъ этого сходства. Въ энергичномъ взорѣ отца Ильи отсутствовало то безмятежное и безразличное спокойствіе, какое придается кроткимъ лицамъ древнихъ патріарховъ. Въ благочинномъ Сребдольскомъ даже и человѣкъ ненаблюдательный заподозрѣлъ бы, судя по наружности, натуру дѣятельную, сильную, созидательную.

Петръ Ильичъ велѣлъ работницѣ отдать редиску Полюсѣ и пошелъ въ столовую. Тамъ все было готово къ чаю, но матушка, Анна Степановна, и не подумала налить чаю голодному Петру Ильичу: если отецъ Илья бывалъ дома или если обѣщалъ, уѣзжая, скоро возвратиться, безъ него не начинали ѣсть. Уставленныя на столѣ скоромныя и постныя яства (по случаю Петровокъ старики постились, а Полюсѣ и Петру Ильичу разрѣшалось скоромное)—дразнили аппетитъ. Матушка контрабанднымъ образомъ подсунула ему двѣ сардинки на кускѣ свѣжей домашней булки. Онъ жадно на набросился... Матушка, усмѣхаясь, просто и ласково глядѣла на богослова, безъ вчерашней почтительности во взорѣ. На Аннѣ Степановнѣ было ситцевое платье съ широкой кофтой,

неизмѣннаго „рябенькаго“ цвѣта. Ея сѣдѣющую голову прикрывала черная вязаная косынка. Для своихъ пятидесяти восьми лѣтъ Анна Степановна выглядѣла умѣренно-полной, подвижной, моложавой. Верхняя часть лица, съ вздернутымъ носомъ, съ большими, какъ у младшаго сына, карими глазами, сохранилась недурно, но беззубый ротъ и впалыя губы старили Анну Степановну. Матушка обыкновенно обращалась къ мужу на „вы“, называла его: „отецъ Илья“ или „батюшка“, вообще оказывала ему видимые знаки почтенія. Однако, въ семейныхъ и домашнихъ вопросахъ, по большей части, все складывалось такъ, какъ желала Анна Степановна, хотя бы и вопреки желаніямъ отца Ильи. Не возражая явно и не нарушая почтительности, матушка умѣла настоять на своемъ, если желала. Хозяйка она была рѣдкостная, и прекрасно ладила съ деревенскими бабами. Со старухами при случаѣ выпивала „по чарочкѣ“, съ молодицами иногда цѣловалась, какъ съ ровнею, для больныхъ дѣтей раздавала касторку, хину, горчицу, сухую малину и липовый цвѣтъ, и ея лѣкарствамъ вѣрили больше, чѣмъ докторскимъ. Уроженка Высокихъ Дубовъ,—она интересовалась всѣмъ, что дѣлалось на селѣ, всѣхъ знала, во все вникала, разспрашивала, давала совѣты, никого не выпускала изъ своей кухни, не накормивши досыта. Женское населеніе съ большой охотой несло ей въ даръ утокъ и куръ, полотно и медъ, паляницы, яйца и „прядево“. Ни одна изъ окрестныхъ матушекъ не умѣла держать себя съ такою подкупающей простотою, какъ матушка-благочинная; за то сосѣднія матушки не получали и третьей части того добра, какое само собою притекало къ Аннѣ Степановнѣ...

Чай пили долго и много ѣли за чаемъ.

Полюся сидѣла на своемъ мѣстѣ возлѣ самовара. Петръ Ильичъ покаянно посматривалъ на нее, но лицо Полюси оставалось неподвижнымъ, и нельзя было узнать по ея лицу, сердится она или нѣтъ. Говорили о домашнихъ дѣлахъ, перебирали новости о сосѣднихъ священникахъ, о знакомыхъ семинаристахъ и барышняхъ. Договорились и до отца Евграфа Глазурскаго.

— Евграфъ тутъ былъ у меня,—сказалъ отецъ Илья сыну.—Опять хлопочетъ о дьяконѣ... Не старъ еще, а не охочъ до работы. Дьякона! другой постыдился бы и просить въ его годы. Я Евграфу въ отцы гожусь, и приходъ мой побольше Евграфова. Одноклирный, какъ у него, да побольше... А я ни разу и не вспомнилъ о дьяконѣ. Разжирѣлъ Евграфъ, богатѣть началъ, залѣнился... Въ церковной школѣ—тоже не трудится, отецъ наблюдатель жаловался.

Только расписывается, будто былъ на урокахъ, а самъ — ни за холодную воду! Все на учительницу свалилъ...

Матушка обратилась къ Петру Ильичу недовольнымъ тономъ:

— Просилъ Евграфъ, чтобы ты пожилъ у нихъ лѣтомъ. Къ своему Сергѣю въ гости зоветъ.—Перебивая самое себя, матушка поспѣшно добавила:—А что тебѣ за компанія Сергѣй? Мальчуганъ, какъ есть... всего во второмъ классѣ. Чего ты у нихъ не видѣлъ? Можетъ, Евграфовыхъ дочекъ? А уже-жъ и поганыя! До того некрасивыя, смотрѣть вредно. Всѣ въ отца, настоящія цыганки! Хоть бы и Варвара... прямо тебѣ цыганка изъ-подъ шатра! Накинь плащъ и вези за таборомъ...

Отецъ Илья махнулъ матушкѣ рукой, останавливая ея рѣчь. Но матушка продолжала, выдавая свою тревогу:

— И какъ же ты можешь уѣхать изъ дому, если у насъ у самихъ гости? Палладій пріѣдетъ лѣчиться... дядя, Семенъ Степановичъ... Когда-то собрался, а...

— И дядя будетъ?—переспросилъ Петръ Ильичъ, обрадовавшись.—Когда?

То обстоятельство, что онъ обрадовался предполагаемому пріѣзду дяди,—заставило насторожиться отца Илью. Дядя Семенъ Степановичъ Москитскій, младшій братъ Анны Степановны, оставивъ адвокатуру, служилъ городскимъ головою въ крупномъ губернскомъ городѣ Z., и Петръ Ильичъ почти не зналъ Москитскаго, который давно не былъ въ Высокихъ Дубахъ.

Отецъ Илья подозрительно нахмурился.

— Когда же пріѣдетъ дядя?—повторилъ свой вопросъ Петръ Ильичъ.

— Къ Ильину дню долженъ бы быть,—отвѣтилъ отецъ Илья полуугрюмо.—На Кавказѣ теперь... А Палладій раньше пріѣдетъ. Хвораетъ Палладій, простудился; инфлуэнцу схватилъ, послѣ того еще хуже съ сердцемъ стало... Она всегда,— что послабѣе, то и задѣнетъ...

— Да-аа...—разсѣянно подтвердилъ Петръ Ильичъ.

Ѳтецъ Илья искоса посмотрѣлъ на сына и перемѣнилъ разговоръ.

— Что-жъ, горюешь по пріятелѣ своемъ?—спросилъ онъ, послѣ паузы, съ принудительно-добродушной интонаціей въ голосѣ.—Скучно безъ Адріана Павловича?

— Да, жаль! — сдержанно сказалъ Петръ Ильичъ, зная, что отецъ не любилъ Адріана Павловича.

— Нежданно, нежданно!—покачалъ головой отецъ Илья.— Пожилъ бы еще, кабы жизнь велъ иную... Форсилъ чрезмѣрно: высидится въ деревнѣ, дорвется до города и—жарь

во всѣ нелегкія! А оно—грязью играть, только руки марать, да здоровье портить. На седьмой десятокъ перевалило, а у него однѣ глупости на умѣ. Неправильно жилъ, — такъ и умеръ безъ покаянія... Лядащій былъ, не тѣмъ будь помянутъ!

Петръ Ильичъ дипломатически молчалъ.

— Можетъ, и неглупый былъ,—продолжалъ отецъ Илья, точно испытывая терпѣніе сына,—а жизнь провелъ по-пусту... Какая польза отъ него была? Кому? Человѣка видно по дѣламъ его... а что Адріанъ Павловичъ сдѣлалъ? Отцовское добро развѣялъ по вѣтру, своихъ дѣтей не довелъ до пути... И дѣти у него—такія же... оглашенныя! Вѣрно сказано: не породитъ сова сокола.

— По дѣтямъ никого нельзя судить, — тихо сказала матушка и вздохнула.

— Жилъ въ свое удовольствіе, ничего не дѣлалъ.. А заговоритъ!—въ три дня не переслушаешь... Мелетъ, мелетъ,— и что изъ того? Ты мало скажи, да скажи хорошо... А у него — пустота. Какъ въ прошлый Ильинъ день праздность прославлять вздумалъ!.. Трудъ, стало быть, страданіе. Праздный человѣкъ, дескать, самый настоящій. Праздность—единственное напоминаніе о раѣ... послѣдній остатокъ божескаго совершенства... Скажетъ тоже... курамъ на смѣхъ! А на что онъ пригоденъ, тотъ, кто праздный? Человѣкъ, какъ машина,—оставь въ бездѣйствіи—и заржавѣетъ. Да и сушитъ не работа, а неправильность жизни...

— Адріанъ Павловичъ не то говорилъ, папаша! — возразилъ Петръ Ильичъ, не выдержавъ дальше.—Онъ защищалъ не праздность ради праздности, а порицалъ обязательный трудъ. Подневольный...

— Кто не хочетъ работать, у того всякій трудъ подневольный! Лишь бы бить баклуши... Адріанъ Павловичъ самъ ничего не дѣлалъ, и другихъ училъ тому же!..

— Никого онъ ничему не училъ... И никого нельзя научить: дѣлай то, а не это. У всякаго своя голова на плечахъ.

Петръ Ильичъ отвернулся и умолкъ.

Отецъ Илья упрямо сдвинулъ свои, наполовину сѣдыя, брови. Голубые глаза его загорѣлись сердито-подозрительнымъ, вспыльчивымъ выраженіемъ, но это продолжалось съ минуту, не болѣе. Онъ вздохнулъ, какъ бы заставляя себя примириться съ чѣмъ-то непобѣдимымъ, затѣмъ проговорилъ съ прежней принудительно-добродушной мягкостью:

— Ну, да что! Не судите, да не судимы будете... Сейчасъ Адріану Павловичу — Богъ судья, одинъ Богъ, никто больше..

Отецъ Илья ушелъ въ кабинетъ, заниматься дѣлами благочинія.

IV.

Въ кабинетѣ онъ окрестилъ привезеннаго кумовьями съ хуторовъ младенца и сѣлъ къ столу — разбирать почту. Письмоводство по благочинію отецъ Илья велъ самолично, не довѣряя ни псаломщикамъ, ни наемнымъ секретарямъ. Только передъ Новымъ годомъ, при составленіи годичныхъ отчетовъ, призывалъ онъ на помощь своихъ причетниковъ, и тогда на ихъ долю доставалась великая встряска, памятная имъ потомъ на цѣлый годъ.

Отецъ Илья былъ строгъ и требователенъ; ему нравилось, когда въ уѣздѣ и въ консисторіи говорили о немъ: службистъ! Но—строгій къ себѣ и къ своей работѣ—онъ не злоупотреблялъ широкими правами благочинническаго усмотрѣнія; случалось, даже „покрывалъ" проступки нѣкоторыхъ провинившихся, входя въ положеніе виновныхъ и разсматривая каждую провинность по существу.

Благочинный написалъ нѣсколько незначительныхъ служебныхъ увѣдомленій, составилъ рапортъ въ отвѣтъ на запросъ консисторіи о церковной ругѣ въ селѣ Васильевкѣ, гдѣ у священника возникли изъ-за руги пререканія съ причтомъ, обозначилъ адреса, приложилъ печати и отмѣтилъ номера пакетовъ въ книгѣ отправленій. За дверью кто-то проходилъ мимо осторожными шагами.

— Ты, Петръ Ильичъ? — громко спросилъ отецъ Илья, узнавъ шаги, и снялъ очки, надавившія ему переносицу.— Зайди сюда... ужъ я управился.

Приглашеніе, произнесенное столь миролюбивымъ тономъ, было новостью для Петра Ильича. До сихъ поръ его звали въ отцовскій кабинетъ исключительно для распеканій за нежеланіе учиться; для того, чтобы сказать лишній разъ, что онъ шелапутъ и лядащій малый... Теперь онъ впервые входилъ въ эту комнату не съ чувствомъ провинившагося школьника, а какъ равный. Въ кабинетѣ на обычномъ мѣстѣ стоялъ письменный столъ, съ черной клеенкой на столешницѣ, правѣе у стѣны темнѣлъ несмѣняемый клеенчатый диванъ, горѣли лампады передъ божницей съ образами, и надъ диваномъ висѣли давнишніе портреты отца Ильи и Анны Степановны. Портреты были написаны однимъ странствующимъ портретистомъ. Анну Степановну заѣзжій художникъ изобразилъ не натурально, съ тою вынужденной улыбкою, какая появлялась у нея два раза въ годъ: на име-

нинахъ отца Ильи и на храмовомъ праздHествѣ въ день Покрова, когда разодѣтая матушка, въ лиловомъ шелковомъ платьѣ, безъ устали повторяла многочисленнымъ гостямъ:— „Кушайте, прошу васъ, — получайте! Закусочки? Грибковъ къ водочкѣ? Осетринки? Осетринки получали?"—Отецъ же Илья вышелъ на портретѣ, словно живой, въ синей рясѣ, величественный и сосредоточенный,—только не такой сѣдой какъ теперь, да безъ креста на груди, котораго тогда у него еще не было. Подъ своимъ портретомъ отецъ Илья начерталъ старинными буквами съ завитушками: „Іерей Илья Сребдольскій, рожденъ въ 1838 году", и затѣмъ пониже: „Земля еси и въ землю отъидеши". Эту надпись Петръ Ильичъ зналъ давно, съ дѣтства, и прежде надпись казалась ему внушительной, почти грозной, а сейчасъ не производила никакого впечатлѣнія...

— Жарко на дворѣ! — произнесъ отецъ Илья, указывая сыну на круглое клеенчатое кресло возлѣ стола. — Знойно, знойно... Что это съ хлѣбами будетъ? Подгорѣло все...

Петръ Ильичъ сѣлъ на указанное мѣсто.

— И что за время настало! — говорилъ отецъ Илья немного напряженно. — Жары, засухи... Рѣки не разливаются, земля тощаетъ. Урожаи не тѣ, народъ измельчалъ ..

Петръ Ильичъ быстро взглянулъ на отца, соображая, къ чему ведетъ его вступленіе. Петръ Ильичъ ждалъ разговора съ отцомъ, но попозже; теперь же было очевидно, что старику не терпится, что ему трудно переносить постепенно наростающую тревогу неопредѣленности. Отецъ Илья торопился выяснить дѣло, но начиналъ издалека:

— Въ старые годы,—Господи, Ты Боже мой,—какая роскошная благодать была! Лѣса, хлѣба, травы... Пріѣхалъ я въ первый разъ въ Высокіе Дубы,—залюбовался. Лѣсъ кругомъ стоялъ дубовый, столѣтній... Во истину высокіе дубы были! Сейчасъ и слѣдовъ не видно...

Заговоривъ о старинѣ, онъ поддался обаянію прошлаго, и напряженность тона исчезла.

— Посмотрѣлъ на село и рѣшился,—остаюсь на Украйнѣ! А до того колебался: отъ своихъ больно далеко, хотѣлось поближе къ отцу, въ тульскую епархію. Не хватило тамъ мѣстъ на наше семейство. Передо мной троихъ братьевъ рукоположили, за мной еще двое стояло, на всѣхъ не припасешь. Викарнаго нашего, Митрофанія, назначили сюда, на Украйну, владыкою, онъ меня и выписалъ: еще по семинаріи зналъ и меня, и братьевъ... Увѣдомилъ: есть, дескать, приходъ, но временно оставленный за дѣвицею, жениться надо. Поѣхалъ я... Въ Высокихъ Дубахъ, какъ разъ, отецъ Стефанъ Москитскій внезапно померъ... Отъ сердечной бо-

лѣзни, въ молодыхъ лѣтахъ; старшей дочери, — невѣстѣ моей,—всего семнадцатый годъ, младшему Симеону — восьмой... И не успѣли мы пожениться, не успѣлъ я первую обѣдню отправить, а у меня ужъ семья на рукахъ: жена, четверо дѣтей и теща... Жили въ церковномъ домѣ, гдѣ псаломщики нынче. Сперва скудно было, послѣ Богъ помогъ, выкарабкались мало по малу... Дѣтей воспиталъ, пристроилъ, тещу содержалъ до смерти и похоронилъ съ честью. Дѣвочки замужъ повыходили: всѣ — за духовныхъ; отъ одного Семена, дядюшки твоего, не видѣлъ отрады... Подросъ, отъ рукъ отбился, никого знать не хотѣлъ... Въ университетъ почти пѣшкомъ удралъ... Сколько ссоръ было! Послѣ, слышимъ, адвокатомъ сталъ... Скоробрехою... Женился на богатой, дѣлами ворочаетъ... свое нажилъ, кромѣ женинаго... Городской голова вонъ теперь, его превосходительство. Ну, Христосъ съ нимъ! А съ тещей мы хорошо жили. Потихоньку да полегоньку пошло и у насъ на улучшеніе. Въ Ставищанахъ икона чудотворная объявилась, народъ повалилъ отовсюду, потекли деньги. Я при новомъ монастырѣ первыя шесть лѣтъ-то и прослужилъ! Въ самый разгаръ... Завелись кой-какія деньжонки, и опять мы назадъ, въ Высокіе Дубы. Мѣстность мнѣ полюбилась, да и Анна Степановна скучала въ Ставищанахъ. Высокіе Дубы да Высокіе Дубы,—только, бывало, и слышишь отъ нея. Извѣстно—родина! Вотъ мало по малу, зерно за зерномъ, камушекъ за камушкомъ — и обзавелся всѣмъ. Землицы купилъ у Льва Диворадовича, у брата твоего Адріана Павловича, тамъ еще прикупилъ кусочекъ, усадьбу пріобрѣлъ, строиться началъ, садъ вамъ насадилъ... все чистенькое, безъ долгу, такъ и прожилъ жизнь. Нынче одной ногой на гробовой доскѣ стою, дѣтямъ уступать мѣсто надо. Что-жъ? Я готовъ... Во всякое время готовъ сдать отчетъ дѣтямъ, пусть судятъ и меня, и дѣла мои, — не страшно. У меня вся жизнь, какъ на ладони...

Отецъ Илья волновался.

— Дѣти — не судьи родителямъ, — степенно замѣтилъ Петръ Ильичъ, стараясь попасть въ тонъ отцу и успокоить его.

— Не судьи-то — не судьи, а всетаки... не хорошо, если дѣтямъ приходится краснѣть за родителей. Не то пріятно что не смѣютъ тебя судить, а то, что судить не за что.. Я кончаю свое,—и съ чистой совѣстью! Дѣтямъ начинать пора. Тебѣ, собственно... У меня на тебя одного только и надежды. Палладія я не считаю... Онъ—непрочный, не отъ міра сего, далекъ отъ земли. Слабъ тѣломъ, и земля не тянетъ его... Значитъ, остаешься ты одинъ.

Отецъ Илья помолчалъ, вопросительно глядя на Петра

Ильича, который тоже сидѣлъ молча, избѣгая отцовскаго взгляда. Лицо отца Ильи потемнѣло, углы рта опустились внизъ. Онъ заговорилъ снова съ скорбной, уже нескрываемой боязнью:

— Ты одинъ... Палладій не въ счетъ. А родъ нашъ старинный... Духовный родъ... Отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ— Сребдольскіе всѣ священниками были! Изъ рода въ родъ, изъ колѣна въ колѣно... Такъ неужели я одинъ никого по себѣ не оставлю? Для кого же жилъ? Для кого добывалъ, собиралъ, трудился? Кому скажу передъ смертью: возьми все и продолжай дальше?

Голосъ отца Ильи возвысился, задрожалъ, дошелъ до крика. Его волненье сообщилось и Петру Ильичу.

— Папаша!—съ торопливымъ соболѣзнованіемъ началъ Петръ Ильичъ и остановился.—Но я не могу, папаша!—докончилъ онъ уже иначе.—Ни вѣры во мнѣ нѣтъ... крѣпкой, прочной вѣры! Ни желанія... Никакого желанія! Страшно допустить и въ мысли... Я—словно обреченъ на что-то!.. И боюсь этого!

Отецъ Илья одолѣлъ свое волненье.

— Кто же тебя обрекалъ?—мягко и печально возразилъ онъ.—Никто и не думалъ обрекать. Мы съ матерью можемъ совѣтовать, убѣждать, но развѣ это обреченіе? Да благослови тебя Боже на все доброе и помимо того! Намъ хочется, чтобы тебѣ же было, какъ лучше...

Кроткій голосъ отца обезоруживалъ Петра Ильича.

— Ты что же? Въ университетъ хочешь? Или въ ветеринарный?—спросилъ отецъ Илья, помолчавъ и съ тревогой. Онъ дѣлалъ усиліе говорить безъ строгости, поснисходительнѣе, понимая, что въ эту минуту ему больше ничего не остается, какъ быть снисходительнымъ. Иначе сынъ ускользнетъ изъ-подъ его вліянія совсѣмъ и безповоротно.

— Нѣтъ, не въ университетъ: и то надоѣло учиться изъ подъ палки!—прямодушно отвѣтилъ Петръ Ильичъ.

У отца Ильи, какъ будто, отлегло отъ сердца.

— Та-акъ!—протянулъ онъ, держась старчески-добродушнаго тона.—И въ попы не хочу, и въ студенты тоже. Чего же хочу?

— Не знаю еще... Надо пожить, осмотрѣться... Я хочу свободнаго выбора, по своему вкусу. Тамъ дальше видно будетъ. А пока... вотъ дядя Москитскій пріѣдетъ, попрошу у него—можетъ, найдется что-нибудь... временное. Не понравится въ одномъ мѣстѣ, уйду въ другое...

— Безъ университета по свѣтской части не зайдешь далеко. Нѣтъ карьеры.

— А я и не думаю о карьерѣ. Много ли мнѣ надо? Лишь

бы прожить... Осмотрюсь, увижу... Тогда, можетъ, и въ университетъ пойду... Не знаю еще.

— Чудной ты, право... Ровно маленькій или несмышленный. Ну, дастъ тебѣ дядя должность писца въ управѣ или иное подобное... Чего же тутъ хорошаго? Что за честь? Что за дѣло такое особенное? Всѣ-то вы не знаете, чего хотите. Тоже и у отца Даніила Славнѣйшаго: сынъ въ офицеры пошелъ. И поучаетъ солдатъ... „Приставлены вы ко мнѣ, болванье, и долженъ я васъ учить!“—Отецъ Илья искусно и не безъ юмора скопировалъ обычную манеру обученія солдатъ. Петръ Ильичъ не могъ не улыбнуться. Старикъ продолжалъ, ободренный улыбкой сына.—Спросить у него, что за отрада такая необыденная? А, въ случаѣ войны, людей убивать? Это, можетъ, утѣха? Развѣ это лучше, почтеннѣе, чѣмъ служитель алтаря? Тамъ ты, дѣйствительно, пастырь... ты—на высотѣ... Идешь, и стадо свое ведешь за собою.

— Самъ не знаю, куда идти,—задумчиво признался Петръ Ильичъ, какъ же поведу другихъ?

— И худо, что не знаешь!—вспылилъ отецъ Илья, строго нахмуривъ брови.—Кто не знаетъ, куда плыветъ, тому никакой вѣтеръ не будетъ попутнымъ!

Онъ вдругъ осѣкся, точно заставилъ себя вспомнить о чемъ-то неустранимомъ, и замолкъ. Потомъ сказалъ снова по-старчески добродушно:

— Эхъ! видно, молодое со старымъ никогда не сговорится... Осмотрись и въ самомъ дѣлѣ, Богъ въ помощь. Мы съ матерью, конечно... чтобы какъ лучше. Хе-хе... Мать уже и невѣсту тебѣ приготовила...

— Невѣсту? Какую? Кого же?—полюбопытствовалъ Петръ Ильичъ.

Отецъ Илья продолжалъ улыбаться.

— То у матери свой планъ. Не говори только, что я выдалъ: у нея на умѣ женить тебя на Полюсѣ.

— На Полюсѣ?

— А что?—Испытующій взоръ отца Ильи теперь особенно не совпадалъ съ его добродушнымъ тономъ.—Дѣвочка славная... какъ груздочекъ! Не избалованная, тихая, и мать ее любитъ. Въ духовномъ училищѣ мы за нее, какъ за свѣтскую,—по двѣсти пятьдесятъ рублей платили, лишь бы не избаловалась. Она и къ хозяйству пріучена, и съ людьми обойтись умѣетъ... поговоритъ, обласкаетъ каждаго... Чѣмъ же плоха Полюся?

— Да, но...—Петръ Ильичъ, повидимому, съ недоумѣніемъ мысленно спрашивалъ у себя о чемъ-то, и самъ прислушивался къ своему отвѣту.—Полюся?—повторилъ онъ и, пожавъ

плечами, отрицательно покачалъ головой.—Но я привыкъ, что Полюся сестра мнѣ?.. Только сестра, не болѣе...

— И то—твое дѣло, не наше,—уступчиво заявилъ отецъ Илья.—Полюсю я, пока, церковной учительницей съ осени устрою. Переведу свою и Полюсю на ея мѣсто. Я и самъ не очень съ матушкой соглашался. Въ Полюсѣ—какъ бы послѣ кровь ея не заговорила: они вѣдь всѣ шалые!

Петръ Ильичъ понялъ намекъ.

Хотя взрослые избѣгали говорить при немъ о происхожденіи Полюси, но отъ прислуги, отъ сверстниковъ, отъ псаломщицы, еще отъ кого-то онъ не разъ слышалъ, что Полюся лишь по дукументамъ дочь статскаго совѣтника Насонова, а на самомъ дѣлѣ дочка покойнаго Адріана Павловича и какой-то московской барыни, которую привозилъ однажды въ Высокіе Дубы Диворадовичъ. Разсказывали, будто между Адріаномъ Павловичемъ и московской дамой происходили частыя ссоры; дама, наконецъ, рѣшила возвратиться обратно къ мужу, а родившаяся у нея въ ближайшемъ городкѣ Полюся попала на воспитаніе къ матушкѣ, Аннѣ Степановнѣ.

Петръ Ильичъ поспѣшилъ замѣтить отцу:

— Полюся не будетъ шалая... Она не похожа на него. Ничуть.

— А и ты знаешь?—удивился отецъ Илья.—Не похожа, говоришь? А я опасаюсь... Съ лица-то похожа: такая же длинноглазая. Она не знаетъ, и ты не говори ей... Еще озлобится, что ее, какъ щенка, бросили...

— А Адріанъ Павловичъ?—смущенно спросилъ Петръ Ильичъ.—Ему тоже не было извѣстно?

— Можетъ и было... Что утаится въ деревнѣ? Но не подавалъ виду... Да ему что? Небось, не впервые... Не наше, разумѣется, дѣло, а нехорошо провелъ человѣкъ жизнь.. Хоть и пріятель твой... а неправильно!

Петръ Ильичъ молчалъ...

V.

Прошло три дня, а Петру Ильичу все не удавалось поговорить съ Полюсей. Сперва Петръ Ильичъ хотѣлъ извиниться, смягчить свою вину покаяніемъ, затѣмъ началъ сердиться, видя увертки раскапризничившейся Полюси, которая явно игнорировала его желаніе покаяться. На четвертый день, въ субботу онъ нарочно пошелъ къ вечернѣ, чтобы поговорить съ Полюсей на обратномъ пути.

— Постой! Постой, Полюся! — заговорилъ онъ, догоняя ее послѣ вечерни.—Говорю же тебѣ: постой!

Полюся замедлила шаги, но шла, не оборачиваясь. Петръ Ильичъ поравнялся съ нею.

— Чего ты, въ самомъ дѣлѣ, надулась? Я совсѣмъ не хотѣлъ обидѣть! Ну, сглупилъ, дѣйствительно сглупилъ... Раздурачился. А ты—ужъ Богъ знаетъ что вообразила!

Полюся пріостановилась.

То, что ее заподозрили, будто она вообразила „Богъ знаетъ что", и при томъ что-то такое, чего на дѣлѣ не было и нѣтъ,—крѣпко смутило ее.

— Ничего я не воображала!

— А чего злишься, если не воображала? Скажите на милость! Какъ будто я въ самомъ дѣлѣ...

Вмѣсто покаяннаго тона, Петръ Ильичъ говорилъ тономъ обвиненія. Онъ и самъ не зналъ, въ чемъ обвинять Полюсю, но обвинять было несравнимо легче, чѣмъ каяться, и Петръ Ильичъ обвинялъ, не формулируя обвиненія. Лицо Полюси уже горѣло отъ смущенія, горѣли и уши, а въ глазахъ, кромѣ смущенности, отражалось еще и облачко нежданнаго разочарованія. Это мало понятное, неизвѣстно откуда нахлынувшее, разочарованіе Полюсѣ особенно хотѣлось скрыть.

— Я не сержусь... и не думала сердиться!—невозмутимо произнесла она и посмотрѣла продолговатыми глазами въ глаза Петру Ильичу въ доказательство того, что говоритъ правду.

— А не сердишься то и не убѣгай.

— Я не убѣгаю... Шла поскорѣй, потому что... чай разливать надо!

— Вчера познакомился я съ новымъ докторомъ. Какъ его?

— Наважинскій... Игнатъ Васильевичъ. Какъ онъ тебѣ показался?

— Не больно показался... Носъ деретъ, со мною свысока: „молодой человѣкъ, молодой человѣкъ"... Будто самъ старый...

— А фельдшерица влюблена въ него! Со всѣми барышнями перессорилась, думаетъ, что за нимъ всѣ ухаживаютъ... И къ намъ перестала ходить. А онъ на сову похожъ... скупой, деньги въ кассу отвозитъ. Къ больнымъ не очень-то. Еще, кто побогаче, къ тому самъ ѣдетъ, а къ мужикамъ—все фельдшеровъ гоняетъ...

Миновали деревенскій выгонъ, большую площадь передъ церковью и свернули съ подсохшей притоптанной травы на пыльную улицу.

— Вонъ Ксенія Адріановна идетъ, — сказала Полюся, всматриваясь въ даль туда, гдѣ за домомъ и за левадой

отца Ильи узкая улица граничила съ полемъ.—Это она съ кладбища...

Вдали виднѣлась женская фигура въ бѣломъ. Ксенія Адріановна шла безъ шляпы, опираясь на красный зонтикъ. Походка у нея была тяжеловатая, развинченная, какъ у человѣка, набѣгавшагося до хронической устали. Улыбнувшись, она спросила у Полюси съ укоризной, еще на значительномъ разстояніи:

— Отчего же вы не приходите, какъ обѣщали?

Полюся начала оправдываться недосугомъ.

Въ движеніяхъ Ксеніи Адріановны сказывалась та же общая развинченность, которую замѣтилъ Петръ Ильичъ въ ея походкѣ. Голосъ былъ немного сиплый, сдавленный, словно утомленный, совсѣмъ безъ звонкихъ нотокъ ранней юности. Однако, въ первую минуту Ксенія Адріановна показалась Петру Ильичу необычайно красивой. Но это впечатлѣніе тотчасъ разсѣялось, и разсѣялось съ того момента, какъ она перестала улыбаться. Оказывалось, что красива была не она сама, а ея улыбка. Едва улыбка сбѣжала съ лица, какъ лицо постарѣло, глаза померкли, ротъ принялъ выраженіе апатичности, и остальныя черты—точно помертвѣли. Теперь видно было, что Ксенія Адріановна—женщина и немолодая, и пожившая; объ этомъ свидѣтельствовали и тонкія, лучеобразныя морщины возлѣ глазъ, и несвѣжій цвѣтъ кожи, какой бываетъ у увядающихъ блондинокъ. Все это еще рѣзче бросалось въ глаза отъ того, что рядомъ съ Ксеніей Адріановной стояла Полюся, хорошенькая и розовая, съ блестящими, густыми волосами.

— Здравствуйте!—поздоровалась Ксенія Адріановна съ Петромъ Ильичемъ, протягивая ему руку.—Какъ я довольна, что вы пріѣхали, хотѣла идти къ вамъ знакомиться...

Петра Ильича ошеломила эта необъяснимая любезность.

— Если бы вы знали, какую вы задали мнѣ задачу!—договорила Ксенія Адріановна отчасти шутливо.—Пока-то я доискалась, въ чемъ дѣло!

— Я? Задалъ вамъ задачу?

— И какую! Послѣ отца остался въ его бумагахъ дневникъ. Даже не дневникъ, а скорѣе—разныя отрывочныя замѣтки. И въ нихъ нѣтъ-нѣтъ, да и появляется нѣкій „хлопецъ".

— А!—понялъ „задачу" Петръ Ильичъ.

— То отецъ пишетъ: „Хотя я рѣшилъ оберегать себя отъ привязанностей, ибо отъ нихъ больше непріятностей, чѣмъ удовольствія, но хлопца своего поджидаю нетерпѣливо". Въ другомъ мѣстѣ опять: „Можетъ быть, я цѣню въ

моемъ хлопцѣ именно его расположеніе ко мнѣ, но безъ него мнѣ недостаетъ чего-то"...

— Неужели онъ это писалъ?—спросилъ Петръ Ильичъ растроганно.

— Писалъ. И можете представить мое недоумѣніе. Разбираю бумаги отца и не понимаю: что за хлопецъ? Откуда взялся? Гдѣ же онъ, наконецъ? То есть, чего я не передумала, пока не напала на вашъ слѣдъ!

Ксенія Адріановна говорила просто, безъ тѣни натянутости, возникающей при первыхъ встрѣчахъ. Очевидно, она привыкла не дѣлать большой разницы между знакомыми и незнакомыми людьми, какъ привыкаютъ къ этому путешественники, артисты, вообще—тѣ, кому приходится вести болѣе или менѣе кочевой образъ жизни.

— Мнѣ было больно читать замѣтки отца! О васъ вспоминаетъ, а обо мнѣ—ничего... ни слова. Какъ это грустно послѣ смерти близкихъ людей, когда увидишь, что не думалъ о нихъ во время... Скажите, отецъ не жаловался на одиночество? Не обижался, что я рѣдко пишу, не навѣщаю его?

„Какая она откровенная!—подумалъ Петръ Ильичъ:—Я бы не сталъ говорить такъ на улицѣ и передъ чужими".

— Мнѣ Адріанъ Павловичъ ничего не говорилъ про свое одиночество,—отвѣтилъ онъ.—И на васъ не жаловался...

— А о чемъ онъ говорилъ? Вы разскажете мнѣ?

— Извольте.

Ксенія Адріановна пригласила Полюсю и Петра Ильича къ себѣ на чай. Полюся рѣшительно отказалась, обѣщая придти лучше завтра. Петръ Ильичъ удивленно посмотрѣлъ на Полюсю и послѣ ужъ вспомнилъ, что ей воспрещено ходить къ Ксеніи Адріановнѣ. Петръ Ильичъ принялъ приглашеніе. Полюся простилась. Отойдя отъ Полюси, Ксенія Адріановна замѣтила:

— Жаль, что не пошла... Пріятно глядѣть на нее. Не дѣвушка, а сама весна, сама молодость. Я молодѣю при ней... Дивная миловидность! Только она очень легко сжимается. Разойдется на минутку, и — назадъ, опять спрячется въ скорлупу... Есть цвѣтокъ „Не тронь меня". Noli me tangere... Она тоже noli me tangere... А васъ я совершенно не помню. Вѣдь могла бы помнить, но не вспоминаю. Брата вашего помню. Онъ такой... немного... — Ксенія Адріановна приподняла плечи и нашла нужное слово: — немного сутуловатый?

— Горбатый,—подсказалъ Петръ Ильичъ.

— Ну, да... Помню... А васъ—нѣтъ.

— И я бы васъ не узналъ.

— Вы меня развѣ видѣли когда-нибудь?

— Сколько разъ. Но мелькомъ, въ церкви... Тоже неясно вспоминаю. Вы были — тоненькая... въ бѣломъ, какъ и сейчасъ. А глаза у васъ были... вотъ глаза ваши, тѣ, прежніе,— помню.

— Не такіе, какъ теперь?

— Не такіе: смѣющіеся... Какъ будто, вамъ все было смѣшно! Еще помню голосъ вашъ. Вы катались съ гостями по Рѣчищу и пѣли, а мы съ братомъ слушали изъ левады. Какой-то дуэтъ: съ баритономъ.

— Охъ! какъ это давно происходило...—Ксенія Адріановна, опустивъ голову, глядѣла себѣ подъ ноги, и улыбка у нея была ироническая.

Петръ Ильичъ спохватился: а вдругъ онъ допустилъ неловкость? Можетъ быть, ей непріятны воспоминанія о дуэтахъ съ баритономъ, и о самомъ баритонѣ, и о всей той эпохѣ ея жизни? Ксенія Адріановна повторила:

— Такъ давно, точно и совсѣмъ не было! Что же, нравилось вамъ мое пѣніе?

— Чрезвычайно! И мнѣ, и брату...

Она вздохнула.

— Теперь ужъ не запою... Потеряла голосъ...

Петръ Ильичъ не зналъ, что сказать на это. Разговоръ сосредоточился на воспоминаніяхъ объ Адріанѣ Павловичѣ.

— Началось наше знакомство съ охоты, — началъ Петръ Ильичъ.—Адріанъ Павловичъ былъ охотникъ, какихъ мало, и я люблю охоту. Пока мнѣ не позволяли охотиться, у сосѣдей выпрашивалъ ружья, украдкой отъ отца стрѣлять учился. А когда купили ружье,—иду я разъ полемъ, около Петельковскаго лѣса; вижу, вверху ласточка. Дай, думаю, испытаю свою мѣткость: ласточку на лету не всякій стрѣлокъ убьетъ. Прицѣлился: бацъ!—и убилъ... Смотрю, Адріанъ Павловичъ... Тоже съ ружьемъ. Говоритъ: „молодецъ, хлопецъ! изъ тебя будетъ охотникъ“... Такъ и познакомились. Онъ показалъ мнѣ мѣста, гдѣ дичь поджидать при перелетахъ. Начали мы на перелеты ходить... На утокъ охотились, на бекасовъ на вальдшнеповъ, на дрофъ ходили... Адріанъ Павловичъ и привыкъ ко мнѣ. А ужъ я... я... да для меня безъ Адріана Павловича и Высокіе Дубы не тѣ стали!

Ксенія Адріановна опять улыбнулась той улыбкой, которая такъ магически обновляла и молодила ея лицо.

— А не скучалъ отецъ въ деревнѣ?—спросила она.

— Никогда. Онъ читалъ, охотился, зимой путешествовалъ. Привозилъ много книгъ, слѣдилъ за всѣмъ... У него прекрасная библіотека...

— Недурная. Много новаго, интересно подобрано... Я перечитываю его книги, и такъ—грустно! Вдругъ натолкнусь на

какое-нибудь замѣчаніе отца... Коротенькая замѣтка карандашемъ, а такъ освѣтитъ его мысли, взгляды. Какъ будто я поговорила съ нимъ... И послѣ — еще грустнѣе... Вотъ я не умѣю не скучать въ деревнѣ.

— Вамъ скучно здѣсь?

— Да, бываетъ... Чаще всего вечеромъ или передъ вечеромъ, когда устану и отъ книгъ, и отъ рояля. Захочется поговорить съ кѣмъ-нибудь, подѣлиться... разсказать, что прочитано, что передумано за день, и никого нѣтъ... Хочется общества, шуму, смѣха... А вмѣсто того—только шумъ деревьевъ, или еще хуже: тишина. Вечерняя тишина... эта особая тишь послѣ зноя... Некуда пойти, не съ кѣмъ поговорить, и станетъ до того тоскливо! Если бы не стыдно передъ собою, заплакала бы отъ безлюдья!

— Съ непривычки это...

— Должно быть. А пройдетъ тоскливость, и мнѣ даже пріятно, что я одна въ глуши... Привычка къ людямъ, къ сутолокѣ, къ городу... Хотя съ тѣхъ поръ, какъ я лишилась голоса, тяжело стало и въ толпѣ. И города для меня опустѣли... Все не то, все не такъ, вездѣ я лишняя... Жизнь, какъ будто, прошла, а смерть не приходитъ. Прежнія связи, отношенія нарушены, новыя не налаживаются... Стоишь на перекресткѣ незнакомыхъ дорогъ и не знаешь: куда же теперь? Да и идти уже что-то неохота!

— „Какая она... прямая! — еще разъ подумалъ Петръ Ильичъ.—И этого я не сказалъ бы чужому..."

VI

На утро Петръ Ильичъ ждалъ дома разспросовъ о Ксеніи Адріановнѣ, но ни отецъ, ни мать не обмолвились о ней ни словомъ. За обѣдомъ Петръ Ильичъ самъ началъ разсказывать, какъ Ксенія Адріановна позвала его къ себѣ, какъ разспрашивала объ Адріанѣ Павловичѣ и проч.

Сообщеніе было выслушано безмолвно. Только Полюся вставила при этомъ свое слово:

— Ей, видно, скучно одной, она и зоветъ всѣхъ въ гости..

— Просила, чтобы я приходилъ сегодня съ тобою,—подхватилъ Петръ Ильичъ.—Отчего ты вчера не захотѣла идти?

— Такъ...

Полюся вопросительно глядѣла на матушку, старики сидѣли молча.

— А сегодня пойдешь? Я пообѣщалъ, что придемъ.

— Не знаю...

Полюся опять смотрѣла на матушку, спрашивая взглядомъ: можно, или нѣтъ?

— Пойди, если тебѣ такъ ужъ... хочется!—сухо сказала матушка, отворачиваясь.—Петръ Ильичъ—мужчина. Ему—другое дѣло. А тебѣ... рано еще по гостямъ бѣгать. Одинъ разъ ужъ пойди,—Богъ съ тобой.

Отецъ Илья молчалъ, но тоже хмурился. Полюся и Петръ Ильичъ притворялись, будто не понимаютъ, почему недовольны батюшка съ матушкой, и передъ заходомъ солнца пошли къ Ксеніи Адріановнѣ.

Красный флигель Адріана Павловича выстроенъ былъ въ паркѣ, неподалеку отъ входа со стороны выгона. При отцѣ Адріана Павловича въ красномъ флигелѣ живали управляющіе имѣніемъ, а барскій домъ помѣщался въ глубинѣ парка, въ ложбинѣ, хорошо защищенной отъ вѣтра и стужи. Но Адріанъ Павловичъ съ давняго времени жилъ въ красномъ флигелѣ; здѣсь было проще, теплѣе, меньше комнатъ, и отопленіе стоило дешевле, и прислуги требовалось немного. Адріанъ Павловичъ съ комфортомъ доживалъ вѣкъ во флигелѣ, въ пяти комнатахъ, обставленныхъ красивыми и цѣнными, по большей части старинными вещами, а большой домъ ветшалъ безъ поддержки. Деревянные балконы, винтовыя лѣсенки къ бельведерамъ, веранды и крылечки—все рушилось, обламывалось, требовало ремонта.

Подходя къ красному флигелю, Полюся остановилась.

— Подожди,—сказала она,—не спѣши... Послушаемъ.

Ксенія Адріановна играла на роялѣ трудную концертную вещь. Пьеса была построена на минорныхъ звукахъ, время отъ времени повторяющихся и властно хватающихъ за сердце. Играла Ксенія Адріановна вдохновенно, выразительно, но съ тою чуть замедленной бѣглостью исполненія, которая легко замѣчается у музыкантовъ, поотставшихъ отъ музыки. Въ ея игрѣ слышалась печаль. То были отзвуки не только душевной грусти, но почти органической тоски, доходящей до боли. Патетическая грусть ея музыки передавалась и слушателямъ, вызывая у Петра Ильича и у Полюси безпредметно-скорбное настроеніе души. Пьеса закончилась минорнымъ аккордомъ основного лейтъ-мотива. Мотивъ этотъ повторялся въ пьесѣ даже излишне часто. Композиторъ точно боялся, что его не поймутъ или поймутъ, да не вполнѣ, и злоупотреблялъ возможностью концентрировать чужое вниманіе и чувство вокругъ своей композиторской идеи. Но, взятая въ цѣломъ, пьеса была хорошая: талантливая, продуманная, прочувствованная, выношенная, и потому оставляющая сильное впечатлѣніе.

Полюся и Петръ Ильичъ стояли, охваченные впечатлѣніемъ; имъ было жаль умолкнувшей мелодіи.

Ксенія Адріановна вышла изъ комнаты на террасу, обвитую густымъ хмелемъ съ широкими листьями. Задумавшись, она прошлась по террасѣ и стала спускаться съ крыльца, низко опустивъ голову, заложивъ руки въ карманы. Сегодня на ней былъ домашній капотъ въ видѣ халата въ китайскомъ вкусѣ съ блѣдно-желтыми арабесками и цвѣтами по водянисто-голубому фону. Отъ этой свѣтлой одежды и благодаря отраженію еще неулегшагося музыкальнаго воодушевленія, ея лицо казалось моложе и красивѣе, чѣмъ наканунѣ.

— Пойдемъ же!—напомнила Полюся Петру Ильичу, и они вышли изъ засады.

— Какъ это великолѣпно вы сдѣлали, что пришли оба!—обрадованно начала Ксенія Адріановна, тяжеловато ступая навстрѣчу гостямъ.—Вотъ это мило!

— Мы слушали здѣсь, какъ вы играли,—призналась Полюся.—Ахъ, какъ хорошо!

— Развѣ хорошо? Увы! Играла когда-то, да разучилась; на сценѣ забросила рояль. Теперь и рада бы, а не вернешь... Нѣтъ быстроты, гибкости пальцевъ... Не та отчетливость звука. Руки не хотятъ слушаться!

— А мы слушали, и жалко было, зачѣмъ уже конецъ! Еще хотѣлось...

— Это мой рояль виноватъ, а не моя игра. У меня превосходный инструментъ! Бехштейнъ—моя послѣдняя роскошь. Недавно получила, прямо изъ за границы... Въ сущности, легкомысліе съ моей стороны. Отцовское наслѣдство на волоскѣ виситъ,—ни продавать, ни закладывать уже нечего... а я позволяю себѣ такой крупный расходъ! Изъ-за этого рояля, пожалуй, придется зимовать въ Высокихъ Дубахъ... Ну, какъ нибудь... За то—Бехштейнъ! Красота звука, мелодичность...

Она говорила о роялѣ съ нѣжностью, какъ о живомъ существѣ.

Полюся разговорилась съ Ксеніей Адріановной, и Петръ Ильичъ не узнавалъ оживившейся дѣвушки: обычной застѣнчивости не было и слѣда. Ксенія Адріановна передавала, какъ удивилъ ее недавно отецъ Илья.

— Гуляла я весной какъ-то... Иду мимо церкви во время служенія, слышу—теноръ, прекрасный, звучный. Захожу... а это—нашъ батюшка! Какія ноты беретъ! И какъ легко...

— Въ прошломъ году онъ всѣхъ гостей поразилъ...—сказала Полюся.—Въ день Покрова—престольный праздникъ у насъ. Гостей, больше восьмидесяти душъ было, составили

хоръ: одни мужскіе голоса... Запѣли: „Ой, не шумы, луже, зеленый байраче". Знаете? Для сильныхъ голосовъ, высоко начинать надо... А батюшка подошелъ, скромненько себѣ остановился возлѣ хора, да какъ подхватитъ: „Не плачь, не журыся, молодый козаче!" Всѣхъ покрылъ... И спѣлъ до конца!

— А Петръ Ильичъ не поетъ?—спросила Ксенія Адріановна.

— Поетъ,—отвѣтила Полюся. —Но до батюшки ему далеко.

Ксенія Адріановна попросила Петра Ильича спѣть, но онъ не соглашался:

— Я не пою solo! Въ хорѣ еще кое-какъ, а одинъ—никогда... А вотъ у самой Полюси, точно, большой голосъ. Она въ духовномъ училищѣ на клиросѣ пѣла, такъ нарочно въ церковь люди ходили послушать...

— Да вы оба пѣвцы? Ну, ужъ отъ меня не отбояритесь... Я васъ заставлю пѣть!

Полюся согласилась спѣть въ два голоса.

Ксенія Адріановна отошла въ сторону и сѣла на верхней ступени крыльца спиной къ гостямъ. Полюся начала пѣть высоко, свободно и звонко, Петръ Ильичъ подхватилъ пѣсню съ первыхъ нотъ, и голоса ихъ соединились:

Ска-а-ажы-и ме-ни пра-а-авду-у, мій до-о-обрый ко-за-а аче,
Що ді-я аты се ер-цю-у, я акъ во-оно бо-о-олыть?

Въ обширномъ голосѣ Полюси звучало много непосредственной задушевности. Чувствовалось, что ея собственное сердце еще не болѣло серьезно, но что если оно заболитъ, то будетъ болѣть долго и остро, какъ у тѣхъ, болѣе мягкихъ натуръ, которыя переживаютъ сердечныя муки особенно тяжело. Не глядя на Ксенію Адріановну, распѣвшіеся пѣвцы продолжали:

Якъ во-о-но за-сто огне, якъ ги-ирко-о за-а-апла-аче,
Якъ шы-иро безъ сча-а-астья во-о-но-о за-а-щы-мы-ить?

— Боже мой!—не выдержала Ксенія Адріановна, проворно поднимаясь на ноги и подбѣгая къ Полюсѣ.—Да у васъ огромный голосъ! Чудный, мягкій! Тембръ какой! Богатѣйшій голосъ... Полина Васильевна, дѣточка! вамъ учиться, учиться надо... Хотите учиться пѣнію?

Полюся покраснѣла отъ похвалы завправской пѣвицы.

— Отчего же нѣтъ? Хотѣла бы. Для себя пріятно умѣть... Въ епархіальномъ учатъ, да мало...

— Только для себя? А для публики? Не хотѣли бы пѣть передъ публикой? Въ концертѣ, на сценѣ?

— Передъ публикой?—Полюся задумалась.—Нѣтъ, не хотѣла бы,—сказала она, качнувъ головой.

— Вамъ лишь такъ кажется! А представьте себѣ: вы поете толпѣ... Кругомъ восторгъ, единеніе! Нервы приподняты, ощущаешь жизнь, почти счастье! Потомъ аплодисменты, громовые, бурные, восторженные...

— А къ чему мнѣ аплодисменты?—подумавъ, спросила Полюся.

Ксенія Адріановна остыла и засмѣялась.

— Не нужно, значитъ?

— Не нужно.

— Что же нужно?

Полюся кинула бѣглый, задумчивый взглядъ на Петра Ильича и ничего не отвѣтила.

Вечеръ заполнили пѣніемъ. Полюся пѣла Ксеніи Адріановнѣ съ аккомпаниментомъ и безъ аккомпанимента, и каждый разъ Ксенія Адріановна подтверждала:

— Большой, большой, огромный голосъ!

Провожая гостей, Ксенія Адріановна свѣтила имъ лампой съ террасы.

— Хотите, я буду давать вамъ уроки пѣнія?—крикнула она въ догонку Полюсѣ.

— Не позволятъ мнѣ,—съ грустной увѣренностью сказала Полюся, забывая поблагодарить Ксенію Адріановну.—Не позволятъ, ужъ я знаю!

На дворѣ стояла теплая и очень темная ночь. Послѣ свѣта яркой лампы, ночной мракъ казался непроглядно-чернымъ. Съ террасы, сквозь зелень хмеля и винограда еще падали на траву свѣтовыя пятна, но едва Петръ Ильичъ и Полюся отдалились отъ флигеля,—все погрузилось въ темноту. Приходилось идти наугадъ, каждую секунду опасаясь, какъ бы не попасть въ ровъ, не наткнуться на кустъ или дерево. На выгонѣ темнота стала чуть разсѣиваться, но опредѣленно ничего не было видно. Петръ Ильичъ нечаянно обернулся назадъ и испугался: въ полѣ, невдалекѣ за горой, небосклонъ былъ освѣщенъ заревомъ, какъ отъ сильно разгорѣвшагося пожара.

— Пожаръ?—испуганно спросила и Полюся.

И тутъ уже оба сообразили, что испугались безъ повода: за горой всходила поздняя, желто-красная луна. Вскорѣ она выглянула изъ-за горы и появилась на небѣ, большая и полная, съ явственно оттѣненными пятнами, похожими на каррикатурныя черты человѣческаго лица... Забѣлѣла церковь съ плакучими березами въ оградѣ, обозначились бѣлыя хаты вдоль улицъ, неподвижные колодезные журавли съ пустыми ведрами, отдѣльныя группы деревьевъ. Но свѣтъ

былъ мглистый, неясный; становилось тревожно и жутко отъ этого фантастически-таинственнаго освѣщенія. Полюся шла молча. А Петру Ильичу казалось, будто она еще продолжаетъ пѣть и жалуется вслухъ на что-то очень несправедливое, выплакивая въ чужой пѣснѣ свое затаенное горе:

Якъ тее сухее перекаты-поле,
Не знае, куды его витеръ несе!

И онъ все думалъ, какъ бы оградить Полюсю отъ напрасной надежды и разочарованія, разубѣдить ее, сказать, что отецъ Илья и матушка ошиблись въ своихъ предположеніяхъ, что того, о чемъ она сейчасъ думаетъ, не можетъ быть ни теперь, ни въ будущемъ. Но Петръ Ильичъ не зналъ, какъ заговорить объ этомъ съ Полюсей. Онъ боялся, что слова его обидятъ дѣвушку еще больше, чѣмъ несбыточная надежда, и не сказалъ ничего...

VII.

Дня черезъ два пріѣхалъ съ утра Палладій Ильичъ.

Его ждали все время, но не знали напередъ дня пріѣзда, такъ что пріѣздъ вышелъ внезапнымъ. Петръ Ильичъ не былъ друженъ съ братомъ. Что ни годъ, то больше и больше отдалялись они другъ отъ друга. Палладій и въ юности проявлялъ аскетическія наклонности; теперь же велъ почти монашескую жизнь. Онъ подолгу молился, строго соблюдалъ посты, мяса не ѣлъ совсѣмъ, придерживаясь вегетаріанства. Онъ, словно умышленно, исключалъ изъ жизни все легкое и пріятное, не любилъ ни общества, ни развлеченій, ни музыки; лѣтомъ, въ лунныя ночи, сердито закрывалъ у себя въ комнатѣ ставни и садился за священныя книги. Отъ Петра Ильича Палладій заранѣе не ожидалъ ничего дѣльнаго. Палладій Ильичъ считалъ брата смазливымъ, здоровымъ и пустымъ малымъ, который только и думаетъ о тѣлесныхъ удовольствіяхъ, да о томъ, какъ бы попріятнѣе скоротать время. Въ свою очередь, и Петръ Ильичъ чуждался Палладія, находя его скучнымъ.

Но сегодня, взглянувъ на пріѣхавшаго брата, Петръ Ильичъ встревожился: Палладій былъ, очевидно, боленъ, и боленъ упорно. Онъ и прежде не отличался цвѣтущимъ видомъ; теперь же пріѣхалъ исхудавшій, слабый, съ тѣмъ отпечаткомъ безнадежности на лицѣ, который ложится на лица неизлѣчимо-больныхъ, независимо отъ пониманія или не пониманія ими самими степени опасности. Петръ Ильичъ слыхалъ отъ отца Ильи, что тотъ, причащая тяжело больныхъ, без-

ошибочно опредѣляетъ—умретъ больной или останется жить. „Складочка въ лицѣ есть такая",—говорилъ отецъ Илья. И, глядя на Палладія, Петръ Ильичъ понялъ, какая это складочка.

Пріѣхалъ домой, какъ будто, прежній Палладій Ильичъ, полугорбатый, съ круто выдвинутой впередъ грудной клѣткой, съ слабой растительностью на изможденномъ лицѣ, съ плоскими прядями темныхъ волосъ, нависавшихъ сзади на воротникъ. Но было въ немъ и что-то новое, что просвѣчивало въ каждой чертѣ холодно-серьезнаго лица, въ особомъ блескѣ глазъ съ расширенными зрачками. Это новое—была именно роковыя складочка близкой опасности, грозящая уничтоженіемъ организму Палладія. Складочку подмѣтили всѣ, до Полюси включительно, а самъ Палладій Ильичъ не замѣтилъ безпокойства родственниковъ и о болѣзни своей беззаботно сказалъ вскользь:

— Простудился весною при разъѣздахъ. Уже подлѣчился, а еще не вполнѣ. Припадки частые, спина болитъ... Молочную діэту совѣтовалъ докторъ: пройдутъ Петровки, посижу на молокѣ...

—Нездоровому и въ постъ разрѣшается?—замѣтила матушка въ видѣ вопроса.

Палладій Ильичъ неодобрительно взглянулъ на нее, напоминая этимъ взлядомъ, что онъ не любитъ пустыхъ и лишнихъ рѣчей. Матушка замолчала. Палладія поили чаемъ и кормили постнымъ послѣ утомительной дороги. За чаемъ онъ обратился къ Петру Ильичу съ оттѣнкомъ большого превосходства:

— Ну? Кончилъ? Позравляю... Давно пора!

Петра Ильича не обидѣлъ тонъ значительнаго превосходства въ словахъ брата. Однако, сострадательное сочувствіе къ больному Палладію само собою уменьшилось, почти исчезло у Петра Ильича. Палладій заговорилъ съ отцомъ:

— Какъ же земство ваше? Отдаетъ школы грамоты въ вѣдѣніе духовенства?

— Нѣтъ, не согласились... Отецъ наблюдатель хлопоталъ, хлопоталъ... Убѣждалъ, уговаривалъ... Не изъявили согласія.

— М-да! Не хорошо. И церковныхъ школъ не прибавилось?

— Нельзя сказать, чтобы много новыхъ. Разъ, два—и обчелся.

— Духовенство, духовенство виновато! Само духовенство!— Палладій Ильичъ строго постучалъ по столу длинными и крупными не по корпусу руками.—Сами виноваты! Отъ лѣности все. Не умѣютъ понять, проникнуться, не сознаютъ значенія своей государственной роли! Невѣжественны, не под-

готовлены... Семинаріи требуютъ реформы: устарѣли, не даютъ развитія въ должномъ направленіи. Мало церковности, не тотъ духъ, рутина... Вонъ онъ сидитъ!—Палладій Ильичъ махнулъ рукой на Петра Ильича.—Вотъ какіе экземпляры выходятъ изъ семинарій!

— Что же онъ?—обидѣлся отецъ Илья за достоинство младшаго сына, попираемое старшимъ.—Слава Богу... Не плоше другихъ.

— И другіе такіе же... Кто онъ? Ни попъ, ни мужикъ, ни баринъ... Ни Богу свѣчка, ни дьяволу кочерга.

Петръ Ильичъ усмѣхнулся.

— Не у іезуитовъ ли поучиться?—освѣдомился онъ съ ироніей.

— И дѣло было бы!—разсердился Палладій.—Туда же и онъ: іезуиты, іезуиты... Съ насмѣшечкой! Надо знать, тогда и говорить... Іезуиты! У іезуитовъ—какая организація была? Въ самомъ строгомъ духѣ церковности... Они и владѣли міромъ, а насъ скоро курица ногой загребетъ... изъ-за этакихъ господъ, какъ ты! Вамъ—лишь бы себя ублажать, ни о чемъ другомъ не заботитесь!.. Такъ тяготятся школами?—обратился Палладій Ильичъ къ отцу.

— Наичаще тяготятся,—безпристрастно отвѣтилъ отецъ Илья.—Наблюдающій постоянно жалуется. Нѣсколькихъ стариковъ въ заштатъ сдвинули; ровно ничего не дѣлали въ школѣ! И у молодыхъ больше черезъ пень-колоду дѣло идетъ... Страха ради—и только. Есть—которые выслуживаются на этомъ, да маловато. Одиночки они. Молодые же...

— Молодые хуже стариковъ!—раздражительно возвысилъ голосъ Палладій Ильичъ.—Равнодушнѣе.

— Къ народу относятся хуже,—добавилъ отецъ Илья, думая про что-то свое.—И все жалуются! То да се... а на себя не хотятъ оглянуться. Многіе, весьма многіе сами неусердны. Не такъ церковную службу служатъ, какъ должно. Небрежно, безъ благолѣпія! Жадны не въ мѣру, сразу богатѣть хотятъ. Вѣры мало, по новому все, стригуны нынче пошли. Косицу, бороду тайкомъ подстригаетъ, воротнички у него изъ-подъ ризы на полъ-аршина... а съ людьми—не умѣетъ жить. Неотзывчивый, формальный... Не попъ, а чиновникъ. И плачется послѣ: не цѣнитъ паства, мало даютъ ему... Даютъ, да съ неохотою. Какъ такъ? Какъ не даютъ, если и въ Евангеліи сказано: „достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея"! Законъ! Освящено вѣками, и вдругъ: не даютъ? Не понимаю. Мнѣ все даютъ! Съ усердіемъ, съ уваженіемъ, еще выбираютъ, что получше дать... Ничего я ни отъ кого не требовалъ, тѣмъ паче не вымогалъ, и всегда все по хорошему было. Сколько одной пшеницы насобираешь за годъ!

Палладій Ильичъ, въ нетерпѣньи, потеръ ладонями свои оттопыренныя уши.

— Важно не это, а совсѣмъ другое,—произнесъ онъ, сдерживаясь.

Отецъ Илья не понялъ ни его словъ, ни нетерпѣливой мины и продолжалъ свое:

— Оно и брать надобно умѣючи. Не все брать да брать, умѣй и дать, ежели потребуется. Если такой часъ подошелъ, что тебѣ, какъ пастырю, дать нужно,—давай, не жалѣючи. Воротится въ свое время! У насъ, какъ насталъ неурожай въ восемьдесятъ седьмомъ году, я все роздалъ... Что только въ амбарахъ было! Кому на сѣмена, кому на прокормленіе,—возьмите... На все воля Божья, отъ васъ бралъ, вамъ и отдаю. И все въ свой часъ вернулось полностью... Слава Богу, всего есть съ избыткомъ. Или какъ вышло распоряженіе церковныя школы строить? Выстроить надо, безъ проволочки... а общество не соберется съ средствами, не откуда взять имъ сразу... Такъ я наполовину за свой счетъ строилъ... Что тамъ моего матеріалу пропало! Хлопотъ, труда ужъ и не считаю. И выстроилъ. Изъ первыхъ въ епархіи поставилъ... Въ одинъ годъ съ Божьей помощью. Да и какъ иначе? Общество не можетъ, хоть ты его убей... А мнѣ непріятность: я обязанъ быть исполнительнымъ. Тоже и попамъ нелегко стало... Скоро, какъ губернаторамъ: столько имъ разныхъ дѣлъ надаютъ, что—будь ты хоть семи пядей во лбу, всего не выполнишь.

У Палладія снова проскользнуло нетерпѣливое движеніе, и опять отецъ не замѣтилъ и не понялъ его нетерпѣнія. Петръ Ильичъ, не вмѣшиваясь въ разговоръ, наблюдалъ отца и брата. Они говорили на разныхъ языкахъ, не понимая другъ друга, и какое-то внутреннее чувство вполнѣ опредѣленно подсказывало Петру Ильичу, что оба они врядъ ли правы...

Помолчали довольно долго.

— Хотѣлъ я посовѣтоваться съ тобой, Палладій,—вспомнилъ отецъ Илья.—Какъ мнѣ лучше распорядиться по одному дѣлу? Дѣло-то по твоей части... Да ты нынче усталъ съ дороги, пусть потомъ...

— Что такое?

— Завелся тутъ у меня человѣчекъ... подозрительный.

— Сектантъ?—живо блеснувъ глазами, предположилъ Палладій Ильичъ и—насколько могъ—выпрямился, насторожившись.—Кто такой? Откуда?

— Сектантъ не сектантъ... а подозрительный. Остапа Нечипоренка второй сынъ, Арсеній... Вы его оба, небось, еще школяромъ помните. Рыбу съ нимъ вмѣстѣ удили.

Палладій Ильичъ утвердительно кивнулъ головой и дѣловито справился:

— Онъ послѣ солдатчины служилъ гдѣ-то... Гдѣ?

— Въ Х. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Палладій Ильичъ точно обрадовался.

— Штундистъ долженъ быть!—категорически установилъ онъ.—Навѣрняка штундистъ! Въ Х? Да тамъ—самый, что ни на есть, разсадникъ, именно среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Чего онъ здѣсь? Къ отцу въ гости?

— Къ отцу... и загостился третій мѣсяцъ. Съ Пасхи. Меня и урядникъ частнымъ образомъ извѣщалъ, и люди разсказываютъ... Въ церковь не ходитъ... Соберетъ крестьянъ, Евангеліе читаетъ, Библію...

— Псалмовъ еще не поютъ?

— Про псалмы не слышно.

— Все равно. Это молитвенное собраніе, предусмотрѣнное и воспрещенное. Надо принять мѣры.

— Какія же мѣры? Доказательствъ противъ него нѣтъ. Заподозрѣнный не есть виновный! Этакая оказія... Меня до сей поры Богъ миловалъ: и въ благочиніи моемъ не случалось. А теперь—на-ка-ся! У самого благочиннаго...

— Тѣмъ болѣе, какъ благочинный, вы обязаны...

— Я благочиннымъ не первый годъ, и никого не прошу учить меня!—рѣзко остановилъ отецъ Илья Палладія.—Знаю, что обязанъ, чего не обязанъ... Я—священникъ, духовный отецъ, а не полицейскій! Если меня начнутъ со становымъ да съ урядникомъ смѣшивать, тоже благодарю покорно. Мнѣ же,—іерею,—да создавать мучениковъ? Воздвигать гоненія?

Палладій Ильичъ пожалъ плечами.

— Чего же вы отъ меня хотите?

— Экспертизы твоей. Провѣрилъ бы ты, этакъ стороною, что онъ такое? Насколько опасенъ? Побесѣдуй съ нимъ по старому знакомству, по домашнему... Зайди разъ, другой, найди предлогъ... вызови на бесѣду. А коли окажется въ самомъ дѣлѣ... Я его припугну по своему... Пусть уѣзжаетъ по добру, по здорову, куда хочетъ, лишь бы отъ насъ подальше... Онъ отъ деревни отрѣзанный ломоть; что у него на умѣ,—его дѣло, я за него не въ отвѣтѣ... А за паству свою я отвѣчаю... И мутить людей здѣсь у меня не дозволю! Ты мнѣ только выясни, сектантъ ли онъ?

— Можно.

— Потоньше съ нимъ: подозрительный. Подсылалъ я къ нему одного человѣка, бойкаго на языкъ, бывалаго... Такъ Арсеній мой весь въ комочекъ. Знать не знаю, какая она и есть, эта штунда! Я послѣ пожалѣлъ, зачѣмъ и посылалъ.

— Не слѣдовало. Чего захотѣли?.. Чтобы сектантъ самъ

себя штундистомъ назвалъ? Они отъ этого и руками, и ногами... Даже опознанные, завѣдомая штунда, и тѣ говорятъ: мы баптисты, евангелическіе христіане... евангелически-баптистскаго вѣроученія. Такъ и въ паспортахъ просятъ обозначать. Закономъ отъ четвертаго іюля девяносто четвертаго года штунда признана вредной для всей церковно-государственной жизни. Они и укрываются подъ сѣнь баптизма. Ну, да кто ихъ согласится признать за баптистовъ! Баптисты—секта нѣмецкая. И какъ нѣмецкая, она пользуется свободой молитвенныхъ собраній. По закону семьдесятъ девятаго года, отъ двадцать седьмого мая. Но законы наши не знаютъ баптистовъ, какъ русской секты. Мы считаемъ подобныхъ баптистовъ штундистами.

— А чѣмъ они вредны?—спросилъ Петръ Ильичъ. — Въ какомъ отношеніи? Не признаютъ властей?

Палладій раздраженно отмахнулся, какъ отъ кого-то безтолково-надоѣдливаго и назойливаго.

— Объ этомъ долго разсказывать!—сердито возразилъ онъ, подозрѣвая, что Петръ Ильичъ прикидывается наивнымъ. — Ихъ ученіе раціоналистически-мистическое сектантство, вредное во всѣхъ отношеніяхъ.

На вопросъ Петра Ильича, вмѣсто Палладія, отвѣтилъ отецъ Илья:

— Положимъ, противъ властей они не идутъ. Но секта вредная. Противъ иконъ проповѣдуютъ, не признаютъ духовенства, таинствъ, постовъ. Въ загробную жизнь не вѣруютъ. Не будь съ нимъ строгъ, Палладій. Съ Арсеніемъ... Не выскажется онъ передъ тобою: побоится, какъ бы не опознали.

— У меня выскажется! Не такіе высказывались... Я и переубѣдить его попробую. Эти частныя бесѣды—полезнѣе публичныхъ... Ближе войдешь въ душу, легче завладѣешь сердцемъ. Такъ поступали и апостолы въ языческихъ городахъ: апостолъ Павелъ въ Солуни... въ Аѳинахъ... Такъ же и епископъ Николай обращалъ въ православіе японцевъ: сперва путемъ воздѣйствія на отдѣльныхъ лицъ. Публичныя пренія много стѣснительнѣй, и привлекать людей тогда труднѣе...

— Не идутъ?—предложилъ вопросъ отецъ Илья.

— Рѣдко, чтобы съ охотою. Приходится приглашать черезъ старосту. Пріѣдешь на собесѣдованіе, и ждешь, ждешь... Староста иной разъ бьется, бьется... придетъ разсерженный: не хотятъ! Хоть силкомъ тащи... Пока-то соберешь ихъ кое-какъ!

— А потомъ?—допытывался Петръ Ильичъ съ интересомъ.—Что же ты говоришь имъ, когда соберешь?

— Многое говорю... Если опознанные, явные, заговариваю безъ обиняковъ, прямо. Если же лишь заподозрѣнные, на-

чинаю издали. Вотъ-де, рядомъ съ истиннымъ вѣроученіемъ, есть и еретическія заблужденія. Христіанину, чтобы обойти эту яму, надо знать, гдѣ она. И излагаю сущность ихъ ученія, а потомъ опровергаю на основаніи Писанія. Они долго крѣпятся, не хотятъ возражать, дальше не выдерживаютъ... вдругъ прорвутся! Одинъ, другой... третій—и пренія готовы.

— А опознанные? Тѣ, вѣрно, и не говорятъ съ тобою?

— Какъ когда. Любого человѣка можно заставить заговорить, лишь бы умѣнье. У сектанта явнаго одинъ на все отвѣтъ: „Не скажемъ ничего про свою вѣру, идите отъ насъ! Зачѣмъ мы вамъ? У насъ есть одно вѣчное Евангеліе; все, что отъ вымысла человѣческаго, намъ не нужно!" Тутъ важно сохранить спокойствіе, не раздражаться... Миссіонеръ—увѣщатель по любви, ему не идетъ быть гнѣвнымъ. И я стараюсь отвѣтить имъ съ полной любовностью: „Какъ же вы уклоняетесь сказать о своей вѣрѣ? А забыли, что пишетъ апостолъ Павелъ? Будьте всегда готовы всякому требующему у васъ отвѣта—дать оный съ кротостью и благоговѣніемъ". „То, говорятъ, апостолъ христіанамъ пишетъ, а вы насъ обзываете сектантами. Чего вамъ съ нами? Бесѣдуйте со своими, насъ учить нечего!" Я опять отвѣчаю сказавшему:— Братъ мой! не обольщайся высокимъ мнѣніемъ о себѣ... Помнишь, у апостола: „Кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ такъ, какъ должно знать". Пусть ты сектантъ... однако, въ Слово Божіе ты вѣруешь? А оно приказываетъ дать отчетъ въ твоемъ упованіи всякому вопрошающему. Всякому! Ты же раздражаешься, вмѣсто отвѣта, говоришь грубо. Раздражающійся въ спорѣ—или неправъ, или неуменъ. Премудрый Соломонъ учитъ насъ: „Разумный воздержанъ въ словахъ своихъ, и благоразумный хладнокровенъ". Такъ, не горячась, и наладишь споръ...

Отецъ Илья исподлобья глядѣлъ на Палладія и внимательно слушалъ...

— Дѣльно!—похвалилъ онъ, выслушавъ.

VIII.

Арсенія Нечипоренка Петръ Ильичъ помнилъ отчетливо и издавна. Дѣтьми они играли въ войны, ходили купаться, собирали грибы, лѣсные орѣхи и груши, пускали по вѣтру бумажныхъ змѣевъ, удили рыбу. Не встрѣчались они лѣтъ восемь: Арсеній отбывалъ воинскую повинность на Кавказѣ, потомъ служилъ гдѣ-то на частной службѣ.

Послѣ разговора отца Ильи съ Палладіемъ Петру Ильичу захотѣлось увидѣть Арсенія. Онъ было и пошелъ къ Арсе-

нію, но возвратился съ полпути, остановленный предположеніемъ: а если Арсеній заподозритъ, что и Петръ Ильичъ, какъ Палладій, присланъ отцомъ Ильею присмотрѣться и развѣдать? Вызывая въ своей памяти прежній обликъ Арсенія, Петръ Ильичъ не припоминалъ о немъ ничего, выходящаго изъ линіи заурядности. Обыкновенный былъ мальчикъ: сѣроглазый, вихрастый, съ выгорѣвшими отъ солнца бѣложелтыми волосами, робко-застѣнчивый съ посторонними, разбитной и шаловливый въ кругу своихъ. Голова у него работала не быстро. Арсеній былъ медлителенъ на догадку и при томъ довѣрчивъ: его легко было провести или высмѣять.

Но за что бы, бывало, ни взялся Арсеній, все спорилось у него въ рукахъ. Нужно ли было смастерить вѣтряную мельницу по образцу настоящей, деревяннаго верховового коня или лодку на подобіе корабля,—никто не справлялся съ такими задачами лучше Арсенія. Онъ, если начиналъ что дѣлать, все терпѣливо доводилъ до конца, не расхолаживаясь отъ препятствій, не впадая въ уныніе при неудачѣ. Въ этомъ заключалось его большое преимущество передъ Петромъ Ильичемъ, у котораго рѣдко когда хватало терпѣнія и выдержки доводить начатое до окончанія. Часто иниціатива какого-нибудь плана или предпріятія принадлежала Петру Ильичу, а разработка и выполненіе составляли заслугу Арсенія. Помимо же того, Арсеній былъ обыкновеннымъ деревенскимъ хлопцемъ, и Петръ Ильичъ никакъ не могъ вообразить его еретикомъ, уклонившимся въ сектантство.

Палладій Ильичъ посѣтилъ Арсенія четыре раза и, наконецъ, сообщилъ за обѣдомъ, что ждетъ Арсенія сегодня въ гости на собесѣдованіе.

— Штундистъ?—коротко спросилъ отецъ Илья объ Арсеніи.

— Еще не выяснился вполнѣ,—сказалъ Палладій.—Остороженъ... Но мнѣ удалось задѣть его за живое. Кое-что все же сказалъ. По моему, если и не штундистъ, то подъ большимъ вліяніемъ штундистскихъ разговоровъ. Горючій матеріалъ! Броженіе въ немъ, много исканія, много интереса... Силенъ въ Писаніи; сильнѣе, чѣмъ показать хочетъ. Но мнѣ кажется... можетъ, онъ и не безнадежный. Пожалуй, еще можно поколебать въ немъ многое...

— Придетъ ли къ тебѣ?—усомнился отецъ Илья.

— Придетъ! Его заинтересовало, что я какъ бы склонился на его сторону относительно почитанія мощей. Явится, не безпокойтесь. Самоварчикъ мнѣ вечеромъ отдѣльный, въ мою комнату...

— А онъ знаетъ, что ты миссіонеръ?—освѣдомился Петръ Ильичъ у брата.

— Зачѣмъ же ему знать это? Чтобы меньше довѣрялъ мнѣ?

— Не знаетъ?!

— И не зачѣмъ знать...

Свечерѣло, но еще не было темно, когда Петръ Ильичъ возвращался съ вечерняго купанья. Послѣ знойно-вѣтрянаго дня въ саду стояло затишье. Было душно, сухіе листья лежали на землѣ, какъ осенью, отъ земли отдавало жаромъ и пылью, свалившіяся на землю яблоки испеклись подъ деревьями. По выгорѣвшей травѣ двигались то здѣсь, то тамъ молодые ежики, гдѣ-то въ сторонѣ, но очень близко, стрекотали невидимые кузнечики...

Петръ Ильичъ думалъ объ Арсеніи, смутно безпокоясь за него. Казалось, Арсенію угрожала какая-то серьезная, но ловко спрятанная опасность, и Петръ Ильичъ жалѣлъ, зачѣмъ не пошелъ къ Арсенію, когда собирался и раздумалъ идти. Можно было бы предупредить, остеречь, а теперь не поздно ли?

Впереди, по дорожкѣ отъ пасѣки, шелъ отецъ Илья, заложивъ руки за спину, прямой и широкоплечій, въ легкомъ сѣромъ подрясникѣ. Петръ Ильичъ поравнялся съ отцомъ.

— Пришелъ Арсеній къ Палладію?—спросилъ Петръ Ильичъ.

— Пришелъ! Какъ же, сидитъ. Франтъ-франтомъ: усы у него—офицерскіе, борода клиномъ... При цѣпочкѣ. Сапоги—бутылками, синій пиджакъ—съ иголочки. Щеголь со всѣхъ сторонъ! Палладій съ нимъ такъ и рѣжетъ...

— Вы слышали? Развѣ туда можно войти?

— И, не входя, слышно. Окна открыты, изъ бесѣдки въ палисадникѣ все отъ слова до слова... Хочешь послушать? Пойдемъ, пройдемся мимо? Дѣльно говоритъ Палладій, голова парень! Кабы ему да твое здоровье. Или тебѣ да его голову...

Петръ Ильичъ согласился пройти мимо бесѣдки. Въ палисадникѣ двѣ работницы поливали грядки съ цвѣтами. Отъ политой земли шла свѣжесть, слабо напоминавшая о дождѣ. Почуявъ приближеніе ночи, приподнялся и развернулъ бѣлые цвѣты увядшій за день душистый табакъ. Его сильный, наркотическій запахъ разспространялся въ воздухѣ, заставляя забывать о близости другихъ пахучихъ растеній. Изъ комнаты Палладія донесся громкій голосъ увлекшагося Арсенія. Онъ говорилъ съ пыломъ убѣжденности:

— Апокалипсиса я принимать не буду! Въ немъ много всякихъ диковинъ, и не поймешь, не растолкуешь...

Палладій Ильичъ произнесъ свой отвѣтъ тихимъ, мягкимъ, ласково-увѣреннымъ голосомъ. Отдѣльныхъ словъ Палладія издали нельзя было разобрать. Подойдя къ бесѣдкѣ, Петръ Ильичъ пріостановился. Арсеній, перебивая Палладія и торопясь говорить, напомнилъ:

— У Сираха Премудраго читали? „Отъ мертваго, какъ отъ несуществующаго, нѣсть прославленія“... Палладій возразилъ невозмутимо и покровительственно-мягко:

— Но у того-же Сираха говорится, что тѣла праведниковъ и по смерти ихъ свидѣтельствуютъ о могуществѣ и славѣ Божіей. Помнишь? „Илья сокрытъ былъ вихремъ, и Елисей исполнился духомъ его... Ничто не одолѣло его, и по успеніи его пророчествовало тѣло его. И при жизни своей совершалъ онъ чудеса, и по смерти дивны были дѣла его“. И церковь въ мощахъ святыхъ угодниковъ почитаетъ не прахъ умершихъ людей, а благодатную силу Божію...

— А въ псалмѣ восемьдесятъ седьмомъ? „Развѣ надъ мертвыми ты сотворишь чудо? Развѣ мертвые встанутъ и будутъ славить тебя?“

— Чудеса творятъ не мертвые, но чудодѣйственная сила Божія. Она неоскудно пребываетъ въ останкахъ угодниковъ. Самъ Богъ благословилъ почитать тѣла избранныхъ. Доказательствомъ тому—неисчислимыя чудеса и знаменія. „И умеръ Елисей, и похоронили его. И полчища Моавитянъ пришли въ землю въ слѣдующемъ году. И было, что когда погребали одного человѣка, то, увидѣвъ это полчище, погребавшіе бросили того человѣка въ гробъ Елисеевъ,—и онъ, при паденіи своемъ, коснулся костей Елисея (слышишь: костей? Въ древности „мощи“ и означали: кости!)—И ожилъ, и всталъ на ноги“...

— Но то...

— Подожди! Я не кончилъ... Твое слово впереди. У Премудраго Іисуса, сына Сирахова, о давно почившихъ двѣнадцати пророкахъ сказано: „Процвѣтутъ кости ихъ отъ мѣста своего“. Даже одежда праведныхъ людей, и та прославлялась отъ Господа силою чудотворенія. Платки и полотенца апостола Павла, въ отсутствіи его, исцѣляли недужныхъ, изгоняли нечистыхъ духовъ. Даже тѣнь апостола Петра имѣла чудесную силу! А милоть Иліи? Въ книгѣ Царствъ читалъ? „И взялъ милоть Иліи, упавшую съ него, и ударилъ ею по водѣ, и“...

— Читалъ!—чему-то обрадовавшись, крикнулъ Арсеній.— Книга четвертая, вторая глава, стихъ четырнадцатый... Такъ то̀ Илья бросилъ милоть пророку Елисею, когда еще не отошелъ отъ земли! И платки апостоловъ, и молитва ихъ—отъ *живыхъ* праведниковъ. Молитвы живыхъ людей можно искать, Слово Божіе повелѣваетъ другъ за друга молиться... Господь приказалъ друзьямъ Іова просить молитвъ его: Авимелеху, царю герарскому, велѣно было просить молитвъ Авраама... Такъ Іовъ и Авраамъ тогда живы были! А вы говорите— молиться давно умершимъ? Молитвы умершихъ—излишнія...

„Единъ есть ходатай Бога и человѣковъ—человѣкъ Христосъ Іисусъ“. .

— Уйдемъ!—шепотомъ попросилъ Петръ Ильичъ и отвелъ отца Илью отъ бесѣдки.

Петръ Ильичъ былъ разочарованъ. Онъ ждалъ спора на тему: что есть истина и справедливость? Ждалъ исканія и вопросовъ мятущейся души Арсенія, а вмѣсто того рѣчь шла о костяхъ, мощахъ, о милоти Иліи и прославленіи мертвыхъ. Положимъ, разговоромъ управлялъ Палладій, и естественно, что онъ направилъ бесѣду въ ту сторону, гдѣ надѣялся оказаться наиболѣе сильнымъ. Но и Арсеній говорилъ съ воодушевленіемъ о милоти и объ Авимелехѣ, царѣ герарскомъ... Петру Ильичу было тягостно отъ этого отвлеченнаго словеснаго пререканія. И тонъ Палладія ему претилъ, и на Арсенія онъ досадовалъ, и себя укорялъ настойчивѣе прежняго: почему не предостерегъ онъ Арсенія вовремя?

Послѣ чаю Петръ Ильичъ не захотѣлъ снова идти въ бесѣдку слушать пренія. Не пошелъ онъ и къ Ксеніи Адріановнѣ, хотя съ утра собирался къ ней. Онъ безпокойно бродилъ по саду и по левадѣ, потомъ вышелъ въ село и занялъ на выгонѣ передъ церковью такой наблюдательный пунктъ, мимо котораго непремѣнно долженъ былъ пройти Арсеній, возвращаясь домой.

Ночь была душная, молодой мѣсяцъ рано исчезъ съ небосклона; стало темно, на селѣ затихли голоса и звуки, лишь въ церковной оградѣ иногда нежданно трещала сторожевая колотушка. Петръ Ильичъ испытывалъ волненіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ нетерпѣливѣе ждалъ онъ Арсенія. Арсеній появился поздно, должно быть—часу въ двѣнадцатомъ. Онъ шелъ медленно, въ ночной тишинѣ слышно было, какъ поскрипывали его новые сапоги. Петръ Ильичъ негромко позвалъ:

—Арсеній? Здравствуй...здравствуйте!—тотчасъ поправился онъ, вспомнивъ, что теперь неудобно говорить съ Арсеніемъ на ты, какъ бывало прежде, потому что Арсеній теперь, навѣрное, не скажетъ Петру Ильичу: ты.

Арсеній узналъ его не сразу, но, узнавъ, обрадовался.

— Петръ Ильичъ?—привѣтливо отозвался онъ охрипшимъ отъ утомленія, переговорившимся голосомъ.—Какъ живете, Петръ Ильичъ? Домой идете?

Въ новомъ городскомъ говорѣ Арсенія всетаки слышался малорусскій акцентъ.

— Я васъ ждалъ, Арсеній. Весь вечеръ...

— Меня?—удивился Арсеній.—Что такъ?

— Хотѣлъ сказать вамъ... видите... вотъ что!—Петръ

Ильичъ, путаясь въ словахъ, произнесъ еще нѣсколько безсвязныхъ фразъ и, въ заключеніе, сказалъ:—Не ходите больше къ брату... Не нужно... Потому что...

Онъ опять запнулся. Арсеній молчалъ. Полуотвернувшись отъ Петра Ильича, онъ неуклюже затоптался на мѣстѣ. Въ темнотѣ нельзя было разглядѣть лица Арсенія.

— Почему-жъ не ходить, Петръ Ильичъ?

— Онъ—миссіонеръ... а вы не знаете этого!—выговорилъ Петръ Ильичъ рѣшительно.

Арсеній переспросилъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ:

— Миссіонеръ?!

— Ну да! Знаете, Арсеній... уѣхать бы вамъ отсюда?—Петръ Ильичъ продолжалъ взволнованно и спѣшно:—Уѣзжайте, послушайтесь меня, право лучше! Вы уже на виду... наблюдать будутъ. Отецъ не собирается преслѣдовать. Самъ говорилъ: пусть бы уѣзжалъ по-добру, по-здорову... Но если вы на другихъ какое-нибудь вліяніе... отецъ приметъ мѣры! А братъ переубѣдить васъ хочетъ... поколебать взгляды...

— Вонъ оно какъ!—не то обидчиво, не то разочарованно произнесъ Арсеній.—Такъ миссіонеръ онъ? Ахъ ты, Господи! А непохоже было... Показалось... И нельзя подумать, что съ хитростью. Не говорилъ словами, а такъ понимать можно было, какъ бы самъ онъ правой вѣры ищетъ. Отецъ, говоритъ, мой—одно, а я, говоритъ, другое... Каждый уже не то, что его родитель. Дубъ, говоритъ, изъ жолудя растетъ, а жолудь—не дубъ. Соглашался со мною. Дѣйствительно, говоритъ, Евангеліе у людей только для видимости; не по Христу живутъ... А теперь...

— Теперь уѣдете, Арсеній?

— Уѣхать? Конечно... Отойди отъ зла. Не страшно и пострадать, если надобность, я не пугаюсь. Но если безъ нужды,—зачѣмъ же зря? Отойди отъ зла... Гмм! миссіонеръ?

Онъ наполовину сомнѣвался. Точно жаль ему было разстаться съ симпатичнымъ обликомъ, который померещился ему во образѣ Палладія Ильича.

— Прощайте, Арсеній!

Петръ Ильичъ протянулъ Арсенію руку.

— Спаси васъ, Господь, за откровенность!

Арсеній неловко пожалъ руку Петра Ильича, низко поклонился и отошелъ. Петръ Ильичъ еще долго ходилъ по выгону и по селу, раза два доходилъ до мельницъ въ полѣ и возвращался обратно къ церкви.

Дома, не смотря на поздній часъ, онъ засталъ освѣщенныя окна. Никто не ложился спать; только что отвезли обратно въ больницу, на другой край села, доктора: у Палладія случился острый припадокъ сердца... Палладій съ за-

крытыми глазами полусидѣлъ на кровати, на своемъ монашески-твердомъ сѣнникѣ, опираясь спиной на гору большихъ квадратныхъ подушекъ, принесенныхъ сюда изъ другихъ комнатъ. Собственная подушка Палладія,—волосяная, въ кожаномъ чехлѣ, — валялась на полу. Отецъ Илья шепнулъ Петру Ильичу:

— Посиди съ нимъ до утра, его страхъ одолѣваетъ... Отъ сердца это, всегда страхъ у больныхъ сердцемъ... Просилъ: не уходите, боюсь я... Я бы посидѣлъ, да хоронить завтра съ утра надо. Какое удушье страшное было. Переговорился... непрочный онъ!

Петръ Ильичъ остался наединѣ съ дремлющимъ больнымъ. Онъ смотрѣлъ на изможденное лицо брата, на его худое тѣло въ одномъ бѣльѣ, на горбато-выпуклую грудную клѣтку, на складочку близкой опасности, отражающейся на лицѣ, и уже не помнилъ ни объ Арсеніи, ни о миссіонерствѣ Палладія. Онъ лишь испытывалъ страхъ отъ опасенія, какъ бы сердце брата, и въ самомъ дѣлѣ, не перестало биться, и жалѣлъ его щемяще-сострадательной жалостью.

Палладій Ильичъ ослабѣлъ послѣ припадка. Нѣсколько дней не выходилъ онъ изъ своей комнаты, а когда оправился,—оказалось, что Арсеній Нечипоренко выѣхалъ изъ Высокихъ Дубовъ, и выѣхалъ не въ Х. на прежнее мѣсто, а неизвѣстно куда, искать новой службы.

О. Н. Ольнемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. К. Михайловскій

Характеристика-эскизъ.

(*Окончаніе*).

„Великъ и величественъ храмъ науки, но въ немъ слишкомъ много самостоятельныхъ придѣловъ, въ каждомъ изъ которыхъ происходитъ свое особое, спеціальное священнодѣйствіе, безъ вниманія къ тому, что дѣлается въ другомъ"...

Н. К. Михайловскій.

VI.

Между всѣми работами Михайловскаго существуетъ органическая, я сказалъ бы, интимная связь: онѣ залиты свѣтомъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, согрѣты огнемъ однихъ и тѣхъ же чувствъ, проникнуты жаждой однихъ и тѣхъ же идеаловъ. Какіе это принципы, чувства и идеалы, мы уже знаемъ: они достаточно ярко обрисованы въ статьяхъ „Что такое прогрессъ?", „Теорія Дарвина и общественная наука", „Борьба за индивидуальность".

Обратимся же теперь къ другимъ его крупнымъ соціологическимъ работамъ и прежде всего къ ряду статей на тему *о герояхъ и толпѣ.* Предметомъ этихъ статей, какъ извѣстно, служитъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественной психологіи, а именно, вопросъ о причинахъ массовыхъ движеній, о той роли, которую въ нихъ играетъ личность выдающагося въ какомъ-нибудь смыслѣ человѣка, о законахъ, управляющихъ отношеніями между „героемъ" и „толпой". Интересная и сама по себѣ, тема эта въ интерпретаціи Михайловскаго пріобрѣла двойной интересъ, благодаря широкой постановкѣ и оригинальному освѣщенію ея. Можно безъ преувеличенія сказать, что никто ни до, ни послѣ Михайловскаго не подвергалъ ее такому глубокому анализу, и въ то же время никто не давалъ на этотъ вопросъ болѣе удовлетворительнаго отвѣта.

Обратите вниманіе на слова, поставленныя эпиграфомъ къ настоящей статьѣ. Михайловскому не разъ приходилось указывать на обособленность различныхъ „придѣловъ“ въ величественномъ храмѣ науки, какъ на обстоятельство, мѣшающее всестороннему изученію біологическихъ явленій вообще и соціальныхъ отношеній въ частности. Его личныя попытки разбить перегородки между отдѣльными отраслями знанія по большей части встрѣчали дружный отпоръ со стороны священнослужителей спеціальныхъ „придѣловъ“ и вызывали нареканія въ томъ, что онъ, молъ, эклектикъ, энциклопедистъ-диллетантъ, перепутавшій всѣ „вѣдомства“ науки и нахватавшій доказательства для своихъ „сомнительныхъ“ положеній изъ самыхъ разнообразныхъ областей ея, а вовсе не „соціологъ“, который обязанъ отмѣрить себѣ опредѣленное количество квадратныхъ вершковъ на общей нивѣ знанія и пользоваться при обработкѣ ихъ „спеціальными“ орудіями мысли. Спеціалисты настолько свыклись съ душною атмосферой отмежованныхъ имъ судьбою „придѣловъ“, что потеряли способность понимать подлинныя задачи „великаго и величественнаго храма науки“ въ его цѣломъ. Михайловскій находилъ, что невниманіе священнодѣйствующихъ въ одномъ изъ научныхъ „придѣловъ“ къ тому, что дѣлается въ другихъ, можетъ въ лучшемъ случаѣ привести къ открытію частныхъ истинъ, имѣющихъ очень узкое спеціальное значеніе; обыкновенно же оно приводитъ къ выводамъ односторонимъ, а потому и ложнымъ. Будучи сторонникомъ контовской классификаціи наукъ, Михайловскій не покушался на самостоятельность каждой изъ нихъ, поскольку такая самостоятельность обусловливается своеобразнымъ характеромъ того „спеціальнаго остатка“, который является исключительнымъ достояніемъ той или иной науки. Но отсюда еще далеко до признанія полнѣйшей отчужденности различныхъ отраслей знанія...

Возьмемъ статью „Герои и толпа“. Съ точки зрѣнія цеховыхъ представленій о задачахъ и границахъ соціологіи, она является чѣмъ-то, по меньшей мѣрѣ, уродливымъ. Это какой-то калейдоскопъ фактовъ и обобщеній, почерпнутыхъ изъ самыхъ отдаленныхъ „придѣловъ“ великаго храма науки. Чего только здѣсь нѣтъ! Точныя историческія данныя перемежаются съ фактами изъ біологіи, живой этнографическій матеріалъ переплетается съ курьезами изъ области гипнотизма, оригинальные эпизоды изъ практики криминалистовъ или психіатровъ чередуются съ художественными картинами, выхваченными изъ произведеній великихъ мастеровъ слова. Тамъ, смотришь, яркая характеристика средневѣковой цеховой организаціи, здѣсь—блестящій отрывокъ изъ „Войны и мира“; сейчасъ шла рѣчь о лѣтописяхъ самоубійства, и вдругъ, словно по прихоти какого-то чародѣя, развернулись страницы о подражательной окраскѣ у животныхъ; то вы попадаете неожиданно въ солдатскую казарму, гдѣ совершается

методическая переработка человѣка въ пушечное мясо, то переноситесь въ Якутскую область, населеніе которой страдаетъ временами массовымъ психическимъ недугомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ „омеряченія". А тамъ опять поэтическая сценка, напримѣръ, изъ шекспировскаго „Ричарда третьяго", или экскурсія въ таинственную область „патологической магіи"... Королева Бланка Кастильская и бабочка-геликонида, стигматичка Луиза Латто и полярный заяцъ, проповѣдникъ Витвальдъ, наполеоновскіе солдаты, передовой баранъ, исторія, психіатрія, біологія, житейско-обиходная практика, гипнотизмъ, психологія, Адамъ Смитъ и св. Францискъ, Уоллесъ и Шопенгауеръ... да развѣ это не вавилонское столпотвореніе! восклицаетъ возмущенный читатель. Разумѣется, „всѣ вѣдомства перепуталъ!" Разумѣется, кощунственно насмѣялся надъ элементарными правами отдѣльныхъ „придѣловъ" науки священнодѣйствовать за свой собственный страхъ, молиться своему кумиру! Предвидя и этотъ упрекъ, и это возмущеніе, Михайловскій писалъ: „Надѣюсь, что, когда мы дойдемъ до конца, читатель оправдаетъ эту фактическую пестроту, *ибо именно въ этомъ пестромъ мы найдемъ цѣльное; въ этомъ многомъ—единое.* И только такимъ образомъ удастся намъ разгадать великую загадку, выражающуюся словами: герои и толпа" *). (Курсивъ мой). „Если бы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—для уясненія занимающихъ насъ психическихъ процессовъ и тѣхъ общественныхъ или или иныхъ условій, которыя обставляютъ эти процессы, если бы для этого оказались въ какомъ-нибудь смыслѣ пригодными отношенія между передовымъ бараномъ и бросающимся за нимъ бараньимъ стадомъ, то и ихъ изслѣдователь не можетъ исключить изъ своей работы" **). Само собою разумѣется, что при такой широко захватывающей и глубоко проникающей постановкѣ дѣла должны разлетѣться въ стороны всѣ искусственныя перегородки, которыя понастроилъ умъ узкаго, сухого, педантичнаго спеціалиста въ роскошномъ зданіи науки; само собою разумѣется, что при такомъ представленіи объ интимной связи между различными отраслями знанія, должна исчезнуть та отчужденность между отдѣльными „придѣлами величественнаго храма науки", благодаря которой оказываются возможными священнодѣйствія въ одномъ изъ нихъ, независимо отъ того, что творится во всѣхъ остальныхъ.

Но обратимся къ вопросу о герояхъ и толпѣ. Кто-жъ это герои? И что такое толпа?

„*Героемъ*,—пишетъ Михайловскій,—мы будемъ называть человѣка, увлекающаго своимъ примѣромъ массу на хорошее или дурное, благороднѣйшее или подлѣйшее, разумное или безсмы-

*) „Герои и толпа" II, 127—128.

**) Ibid., стр. 100.

сленное дѣло. *Толпой* будемъ называть массу, способную увлекаться примѣромъ, опять-таки высоко-благороднымъ или низкимъ, или нравственно-безразличнымъ. Не въ похвалу, значитъ, и не въ поруганіе выбраны термины „герои“ и „толпа“...

„Нашъ герой просто первый „ломаетъ ледъ“, какъ говорятъ французы, дѣлаетъ тотъ рѣшительный шагъ, котораго трепетно ждетъ толпа, чтобы со стремительною силою броситься въ ту или другую сторону. И не самъ по себѣ для насъ герой важенъ, а лишь ради вызываемаго имъ массового движенія. Самъ по себѣ онъ можетъ быть, какъ уже сказано, и полоумнымъ, и негодяемъ, и глупцомъ, ни мало не интереснымъ“ *).

Отсюда слѣдуетъ, что въ основѣ отношеній между героями и толпой лежатъ два важныхъ психологическихъ момента: способность героя *увлекать* и способность толпы стремительно слѣдовать за нимъ, заражаться его примѣромъ, *подражать* его дѣйствіямъ. Вотъ эта-то тенденція подражать—*невольно, безсознательно*—и составляетъ, по мнѣнію Михайловскаго, главный стимулъ въ отношеніяхъ между героемъ и толпой. Но невольная, безсознательная склонность къ подражанію не является исключительнымъ достояніемъ одной лишь „толпы“: *она широко разлита во всей живой природѣ* и можетъ быть подмѣчена въ явленіяхъ, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ психологіей толпы. Мысль эта составляетъ центральный пунктъ всѣхъ разсужденій Михайловскаго на тему о взаимоотношеніяхъ между героемъ и толпой. И, чтобы доказать ее, онъ покидаетъ на время спеціальную область фактовъ изъ исторіи человѣчества и совершаетъ рядъ экскурсій то въ біологію, то въ психологію, то въ психіатрію.

Кому не знакомы поразительныя явленія покровительственной окраски и мимикріи у животныхъ? Бѣлая куропатка, мѣняющая по сезону свой костюмъ; богомолъ, похожій то на сучокъ дерева, то на зеленый листъ, то на цвѣточный бутонъ; бабочка-каллима, уподобившаяся высохшему листу; паукъ, имитирующій муравью; жукъ, принаряженный шмелемъ; гусеница, схожая со змѣйкой; хамелеонъ или осьминогъ, мѣняющіе окраску своихъ наружныхъ покрововъ, согласно цвѣту окружающей ихъ обстановки, и т. д., и т. д.—все это факты общеизвѣстные, безспорные. Присоедините сюда рядъ аналогичныхъ же явленій изъ царства растеній, явленій, нынѣ не подлежащихъ никакому сомнѣнію,—и у васъ будетъ на лицо богатый матеріалъ, свидѣтельствующій о существованіи „подражательныхъ“ формъ и красокъ въ живой природѣ. Не разъ дѣлались попытки воспользоваться ученіемъ Дарвина съ цѣлью объяснить происхожденіе такого рода формъ и красокъ. Но попытки эти врядъ ли могутъ

*) Ibid. 97, 100.

быть признаны удачными. Дѣло въ томъ, что естественный подборъ подхватываетъ, закрѣпляетъ и совершенствуетъ въ живомъ существѣ только такія особенности, которыя даютъ послѣднему нѣкоторое преимущество въ борьбѣ за существованіе. Слѣдовательно, измѣненія, надъ которыми оперируетъ подборъ, должны быть *уже въ началѣ дѣйствія его* настолько ярко выражены, чтобы подбору было къ чему приложить свою руку. Покровительственные цвѣта и формы служатъ, безспорно, великолѣпнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе—съ этимъ никто не станетъ спорить. Но вѣдь, очевидно, что благотворная роль ихъ могла сказаться только тогда, *когда они уже были*, такъ сказать, *вполнѣ законченны*, когда сходство, положимъ, бабочки-каллимы съ сухимъ листомъ или бѣлой куропатки съ окружающей ее зимнею обстановкой сказалось настолько опредѣленно, что это давало имъ возможность скрываться отъ враговъ или оставаться незамѣченными для добычи. Если же это такъ—а иного толкованія тутъ не можетъ быть,—то надо признать, что естественный подборъ одинъ, безъ участія иныхъ факторовъ органической эволюціи, не въ силахъ былъ *создать* тѣ замѣчательныя формы приспособленій, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ покровительственной окраски и мимикріи; надо признать, что роль его въ данномъ случаѣ была очень и очень незначительна. Какъ же въ такомъ случаѣ быть? Какъ объяснить возникновеніе покровительственныхъ формъ и красокъ? Вопросъ этотъ не разъ уже ставился въ наукѣ, ставился онъ и раньше, лѣтъ 25—30 тому назадъ, ставится и теперь. Недостаточность дарвинистическихъ толкованій въ примѣненіи къ этой категоріи фактовъ отмѣчалась и подчеркивалась много разъ. Отмѣтилъ ее и Михайловскій. Однако сами же дарвинисты—Грантъ-Алленъ, Пуше, Пультонъ, Копъ и др.—указали на выходъ изъ затруднительнаго положенія. Они высказали весьма вѣроятное предположеніе, построенное на цѣломъ рядѣ остроумныхъ экспериментовъ. Сводится оно въ сущности къ слѣдующему: во-первыхъ, различные цвѣтовые лучи, а отчасти тепло и пища, *непосредственно* вліяютъ на окраску наружныхъ покрововъ животнаго, часто измѣняя ее соотвѣтственно цвѣту окружающей обстановки; во-вторыхъ, *постоянное и продолжительное созерцаніе предметовъ, имѣющихъ такую или иную форму и окрашенныхъ въ тотъ или иной цвѣтъ, вызываетъ въ организмѣ рядъ рефлекторныхъ движеній, направленныхъ къ воспроизведенію внѣшнихъ особенностей этихъ предметовъ*. Тутъ ужъ, какъ видите, вопросъ сводится къ признанію нѣкотораго *внутренняго, безсознательнаго фактора*, который можетъ дѣйствовать и наряду съ обычными факторами органическаго процесса, и независимо отъ него.

Михайловскій обратилъ особенное вниманіе на это объясненіе и формулировалъ свой взглядъ на факты покровительствен-

ной окраски и мимикріи слѣдующимъ образомъ: „Зрительное впечатлѣніе предмета или предметовъ, почему-либо обращающихъ на себя особенное вниманіе животнаго, вызываетъ такую группу рефлексовъ, которая въ большей или меньшей степени уподобляетъ животное созерцаемому предмету. Это нисколько, разумѣется, не мѣшаетъ дѣятельности приспособленія и наслѣдственности, какъ факторовъ вторичныхъ, выступающихъ уже послѣ того, какъ подражательная форма готова“ *).

Итакъ, въ явленіяхъ покровительственной окраски и мимикріи мы имѣемъ дѣло съ фактомъ *безсознательнаго, мимовольнаго подражанія.* Какое же, однако, отношеніе имѣетъ этотъ фактъ къ вопросу о герояхъ и толпѣ?

Въ отвѣтъ на этотъ скептическій вопросъ Михайловскій предлагаетъ вниманію читателя новую вереницу фактовъ, калейдоскопически пеструю и почерпнутую изъ обыденной жизни, изъ физіологіи, психологіи и психіатріи. Приводить ихъ я не стану. Достаточно сказать, что всѣ они свидѣтельствуютъ о присущей человѣку склонности *къ безсознательному и невольному подражанію.* Особенно ярко эта склонность сказывается, во-первыхъ, при различнаго рода психическихъ разстройствахъ, когда сильно развитое и односторонне направленное воображеніе вызываетъ въ больномъ рядъ чисто физіологическихъ измѣненій, носящихъ *несомнѣнно подражательный характеръ* (напр., явленія стигматизаціи у Луизы Латто), а во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда она принимаетъ характеръ психической заразы, распространяющейся на болѣе или менѣе значительныя группы лицъ. Несомнѣнно, что такого рода факты служатъ живымъ связующимъ звеномъ между явленіемъ мимикріи и покровительственной окраски, съ одной стороны, и психологіей массовыхъ движеній—съ другой. И совершенно такъ же отъ фактовъ, аналогичныхъ со стигматизаціей, нетрудно перейти сперва къ проявленіямъ подражательности въ случаѣ психическихъ эпидемій, а затѣмъ и къ массовымъ движеніямъ, при которыхъ увлеченіе примѣромъ „героя“ и безсознательное стремленіе подражать его дѣйствіямъ составляетъ часто основную ноту психологіи „толпы“. Указывая на законную связь всѣхъ только что перечисленныхъ явленій, Михайловскій говоритъ: „Какъ ни разнообразны вышеприведенные факты, набранные и изъ житейскаго опыта, и изъ разныхъ областей научнаго знанія, а каждая ихъ группа имѣетъ всетаки одинъ и тотъ же центръ—*безсознательное и мимовольное подражаніе.* И если читатель, какъ я надѣюсь, убѣдился въ чрезвычайной силѣ и распространенности этого психическаго двигателя, то намъ остается только разрѣшить вопросъ объ условіяхъ, *при которыхъ склонность къ подражанію присут-*

*) Ibid. 137.

ствуетъ и отсутствуетъ; проявляется и исчезаетъ, выражается съ большею или меньшею силою; при какихъ, слѣдовательно, условіяхъ складывается то, что мы условились называть „толпой“—податливая масса, готовая идти за „героемъ“ куда-бы то ни было и томительно и напряженно переминающаяся съ ноги на ногу въ ожиданіи его появленія“ (Курсивъ мой) *).

Однако, прежде чѣмъ говорить объ условіяхъ, при которыхъ создается „податливая масса, готовая идти за героемъ куда бы то ни было“, необходимо сдѣлать нѣсколько очень существенныхъ оговорокъ: иначе мысль Михайловскаго можетъ быть понята совершенно ложно.

Подражанію, какъ соціальному фактору, и въ особенности тѣмъ формамъ его, которыя обусловлены гипнозомъ, Михайловскій придавалъ громадное значеніе. Мало этого. Онъ пытался доказать, и далеко не безуспѣшно, что тѣ формы подражанія, которыя проявляются въ межчеловѣческихъ отношеніяхъ, должны разсматриваться какъ частный, спеціальный случай иной, широко распространенной въ живой природѣ, формы подражанія, которую біологи окрестили именемъ покровительственной окраски и мимикріи. Стало быть, и въ данномъ случаѣ Михайловскій остался вѣренъ избранному методу изученія общественныхъ явленій. Относясь отрицательно къ тенденціи нѣкоторыхъ ученыхъ утопить соціологію цѣликомъ въ біологіи, возставая противъ незаконныхъ посягательствъ послѣдней на первую, онъ тѣмъ не менѣе и тутъ не отказался отъ мысли воспользоваться данными *науки о жизни* въ интересахъ возможно полнаго анализа явленій, изучаемыхъ *наукою объ обществѣ.* Если склонность къ подражанію есть дѣйствительно фактъ прежде всего біологическій, а потомъ уже общественно-психологическій, то, несомнѣнно, что понять мотивы и механизмъ дѣйствія этой склонности въ общественныхъ отношеніяхъ можно только при томъ условіи, когда будутъ правильно оцѣнены мотивы и механизмъ ея дѣйствія въ случаяхъ болѣе элементарныхъ и простыхъ, т. е. въ явленіяхъ біологическихъ. Когда же это будетъ сдѣлано, то соціологу останется показать, какимъ образомъ условія, связанныя съ различными формами коопераціи, отражаются на тенденціи „подражать“, направляя ее въ ту или иную сторону, измѣняя характеръ и силу ея, то совершенно парализуя, то вновь возсоздавая ее. Само собою разумѣется, что такія условія имѣютъ мѣсто не только въ человѣческихъ отношеніяхъ; если не всѣ, то нѣкоторыя, пожалуй, наиболѣе существенныя изъ нихъ, наблюдаются и въ низшихъ формахъ коопераціи, напримѣръ, у животныхъ. Слѣдовательно, и тутъ біологическія данныя могутъ оказать очень цѣнную услугу при рѣшеніи вопросовъ соціальной

*) Ibid. 146.

жизни у людей. Это собственно и имѣлъ въ виду Михайловскій, когда говорилъ о значеніи отношеній между „передовымъ бараномъ и бараньимъ стадомъ“ въ дѣлѣ правильнаго освѣщенія массовыхъ движеній и психологіи толпы.

Поставить вопросъ широко и освѣтить его возможно разностороннѣе, это—черта, вообще характерная для всего умственнаго склада Михайловскаго. Проявилась она очень ярко и въ отношеніи его къ вопросу о герояхъ и толпѣ. Но она же и удержала его отъ такихъ одностороннихъ и въ тоже время категорическихъ приговоровъ, которые дѣлаетъ, напримѣръ, Тардъ въ своихъ соціологическихъ построеніяхъ. Михайловскій отводилъ подражанію очень важное мѣсто *въ ряду* факторовъ общественной жизни; Тардъ же придалъ ему универсальное значеніе. Это—разница громадная, и забывать о ней не слѣдуетъ. Не говоря уже о томъ, что само подражаніе можетъ быть не только безсознательнымъ и непроизвольнымъ, но и вполнѣ сознательнымъ, совершающимся при большой затратѣ волевой энергіи, обдуманно и съ разсчетомъ направленной къ повторенію тѣхъ или иныхъ дѣйствій,—не говоря уже объ этомъ, общественныя отношенія вообще и отношенія между толпою и героемъ въ частности опредѣляются, помимо подражанія, и другими факторами, къ числу которыхъ нужно прежде всего отнести *сознательное творчество*, обусловливаемое всею гаммою присущихъ людямъ интересовъ, чувствъ, мыслей и настроеній.

„Общество,—говоритъ Тардъ,—это—подражаніе, а подражаніе—родъ гипнотизма“.

„Соціальное состояніе, какъ и состояніе гипнотическое, есть не что иное, какъ сонъ, сонъ по приказу и сонъ въ дѣятельномъ состояніи“.

„Не имѣть никакихъ идей, кромѣ внушенныхъ, и считать ихъ самопроизвольными—такова иллюзія, свойственная, какъ сомнамбулу, такъ равно и соціальному человѣку“.

Эти бравурные афоризмы, возведенные на степень крылатыхъ словъ загипнотизированными поклонниками Тарда, лишены на самомъ дѣлѣ всякаго научнаго содержанія, и именно потому, что въ нихъ слишкомъ много необузданнаго „полета мысли“, не считающейся съ фактами живой дѣйствительности и безконтрольно парящей въ мірѣ натяжекъ и призраковъ. Конечно, если отрицать самый фактъ существованія сознанія и воли у человѣка, если всю сферу его дѣйствій—дѣйствій обдуманныхъ, просвѣтленныхъ разумомъ, согрѣтыхъ чувствомъ ясно сознаваемаго долга, направленныхъ къ осуществленію опредѣленныхъ цѣлей—считать продуктомъ какого-то „навожденія“, тогда и въ самомъ дѣлѣ надо признать, что соціальное состояніе, это—сонъ, и человѣкъ въ обществѣ—никогда не просыпающійся лунатикъ. Но дѣло-то въ томъ, что для признанія такой печальной „соціологической истины“

нѣтъ никакихъ основаній. „Исторія человѣчества,—говоритъ Михайловскій,—переполнена такими явленіями, которыя представляютъ собою не аналогію какую-нибудь съ автоматизмомъ гипнотика, а самый этотъ автоматизмъ въ болѣе или менѣе сильной, въ болѣе или менѣе слабой степени. Но она, эта исторія человѣчества, не есть, конечно, сплошной рядъ гипнотическихъ сновъ безчисленныхъ, смѣняющихъ другъ друга, поколѣній. Если бы это было такъ, мы не могли бы имѣть никакого понятія о бодрственномъ, не гипнотическомъ состояніи, а, слѣдовательно, и о самомъ гипнотизмѣ, какъ особой группѣ явленій, имѣющихъ свои отличительные признаки, свои опредѣленныя причины и слѣдствія. Казалось бы это такъ ясно само собой, что даже говорить объ этомъ смѣшно или нелѣпо... Гипнотикъ автоматически, безъ борьбы, безъ думы, повинуется приказанію и подражаетъ примѣру. И я, очевидно, не гипнотикъ, если повинуюсь приказанію не безотчетно, а, напримѣръ, изъ страха наказанія, или если слушаюсь предписаній врача по довѣрію къ его познаніямъ, если подражаю примѣру по мотивамъ тщеславія или по убѣжденію въ выгодѣ, пользѣ, нравственной обязательности такого поведенія. Всѣ эти мотивы, каковы бы они ни были по своей нравственной цѣнности, представляютъ собою работу бодрствующаго сознанія. Они осложняютъ собою даже тѣ явленія, которыя Тардъ до извѣстной степени справедливо отдаетъ въ вѣдѣніе законовъ внѣлогическихъ вліяній" *).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, избавляющихъ насъ отъ необходимости указывать дальше на различіе между взглядами Михайловскаго и другихъ авторовъ, писавшихъ по вопросу о подражаніи, мы можемъ перейти къ той соціальной темѣ, которой посвящены статьи „Герои и толпа", „Научныя письма", „Патологическая магія", „Еще о герояхъ" и „Еще о толпѣ".

VII.

„Патологическая магія"—такъ называется одна изъ интереснѣйшихъ статей Михайловскаго. Не смотря на крайнюю пестроту фактическаго матеріала, статья эта является произведеніемъ вполнѣ законченнымъ и по формѣ, и по мысли. Она безспорно представляетъ самостоятельный интересъ, какъ великолѣпно выполненная попытка объединить въ стройное цѣлое разнообразнѣйшіе факты изъ области психо-физіологіи и психо-патологіи. Но главное значеніе ея, на мой взглядъ, всетаки не въ этомъ: „патологическая магія" бросаетъ яркій свѣтъ на психологію отношеній между „героями и толпой"—она обнаруживаетъ подлинный характеръ

*) Еще о толпѣ. II, 418, 419.

этихъ отношеній, указываетъ на основной стимулъ ихъ, объясняетъ часто загадочное поведеніе толпы, вскрываетъ секретъ вліянія героевъ на массу. Вотъ почему, не зная статьи „Патологическая магія", трудно судить не только объ отношеніи Михайловскаго къ спеціальному вопросу о герояхъ и толпѣ, но и о нѣкоторыхъ сторонахъ его соціологическаго міровоззрѣнія.

Что-же въ ней особеннаго? И какъ связать обобщенія, основанныя на данныхъ „патологической магіи", съ психологіей взаимоотношеній героевъ и толпы?

Сѣдая старина обилуетъ разсказами о всяческаго рода чародѣяхъ, надѣленныхъ даромъ вступать въ общеніе съ міромъ „безтѣлесныхъ духовъ", прорицать будущее, творить чудеса. Не все въ этихъ разсказахъ одна сплошная выдумка, не все въ дѣяніяхъ чудодѣевъ—одно лишь надувательство, поддерживаемое суевѣріемъ темной, невѣжественной массы: есть тутъ и правда, которая находитъ себѣ объясненіе въ толкованіяхъ современной науки. Она, эта самая наука нашихъ дней, находитъ много общаго между „чудесами", которыми щеголяли жрецы, кудесники и волхвы древней Индіи, Египта, Китая, Персіи и Греціи, и тѣми явленіями, которыя еще не такъ давно заносились за общую скобку *мантеизма* и *месмеризма*, а сейчасъ извѣстны подъ именемъ *гипнотизма*. Мало этого: современная наука утверждаетъ, что къ той-же области гипнотическихъ явленій относятся и всевозможныя продѣлки теперешнихъ дервишей, факировъ и іогиновъ, всѣ дѣйствительные случаи „ясновидѣнія" и стигматизаціи, всѣ поразительные на первый взглядъ факты психическихъ эпидемій и такъ называемой нравственной заразы. Наконецъ, сюда же надо причислить и различные опыты и наблюденія надъ *внушеніемъ и самовнушеніемъ* у животныхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и составляетъ таинственную область „патологической магіи"; говорю „таинственную" потому, что она взвинчиваетъ фантазію, разстраиваетъ воображеніе, парализуетъ нормальную работу мысли въ головахъ, склонныхъ къ мистицизму, и порождаетъ цѣлый рядъ нелѣпыхъ толкованій, въ родѣ тѣхъ, напримѣръ, „теорій", которыми гг. спириты морочатъ и себя самихъ, и легковѣрную публику.

Предполагая, что читатель хорошо знакомъ съ тѣми фактами, которые составляютъ предметъ патологической магіи, я не стану на нихъ спеціально останавливаться. Отмѣчу лишь два—три случая, да и то только для того, чтобы напомнить читателю о характерѣ этихъ фактовъ.

„Чары" змѣи... Змѣя, разинувши пасть, устремляетъ на жертву свой пристальный, жадный взглядъ,—и жертва теряетъ способность на это время воспринимать какія бы то ни было иныя впечатлѣнія, кромѣ тѣхъ, что въ данную минуту всецѣло овладѣваютъ ея вниманіемъ. „*Въ сознаніи ея*—подчеркиваю эти строки Михайловскаго—*водворяется какъ бы пустыня, безгласная, безцвѣт-*

*ная, безъобразная, среди которой ярко горитъ лишь одинъ единственный пунктъ,—этотъ странный, упорный взглядъ змѣи, грозящій какою-то опасностью" *).* Мысль намѣченной змѣею добычи помрачена, воля ея парализована, она не въ состояніи предпринять какое либо цѣлесообразное движеніе въ интересахъ самосохраненія; она, наоборотъ, сама идетъ на встрѣчу грозящей ей смерти, „очарованная" опустошившимъ ея душу взглядомъ хищницы.

Есть чары и на змѣю. Вспомните поэтическую „Пѣснь торжествующей любви" Тургенева... Впрочемъ, оставимъ поэзію. Обыденные факты подтверждаютъ это не менѣе убѣдительно. Индійскій заклинатель змѣй выводитъ на своей незатѣйливой дудкѣ простые, монотонные звуки. Подъ продолжительнымъ, упорнымъ вліяніемъ этихъ звуковъ змѣя направляется къ „чародѣю", приподнимаетъ переднюю часть своего тѣла и принимается покачиваться изъ стороны въ сторону, въ точности воспроизводя движенія заклинателя. Что ей эта заунывная, несложная музыка? Трудно сказать. Но фактъ въ томъ, что, въ концѣ концовъ, змѣя идетъ навстрѣчу звукамъ дудки; *сознаніе ея порабощено источникомъ этихъ звуковъ: она какъ будто не видитъ ничего, кромѣ дудящаго музыканта и тѣхъ однообразныхъ движеній, которыя онъ продѣлываетъ, и потому машинально воспроизводитъ эти движенія и направляется къ заклинателю.* Процедура заклинанія кончается тѣмъ, что музыкантъ беретъ змѣю и опускаетъ ее въ корзину...

Упорный взглядъ и монотонные звуки—вотъ тѣ „чары", при помощи которыхъ въ описанныхъ только что случаяхъ животное низводится на степень автомата. Но вотъ другой примѣръ.

Въ австрійской арміи практикуется особенный способъ укрощать норовистыхъ лошадей. Онъ извѣстенъ подъ именемъ балассированія. Лошадь, отличающуюся непокорнымъ нравомъ, методически и равномѣрно поглаживаютъ ладонью по лбу и по глазамъ, и она послѣ нѣсколькихъ сеансовъ становится „тише воды, ниже травы". Такого же результата можно достигнуть и путемъ продолжительнаго, неподвижнаго взгляда на лошадь.

„Пассы" гипнотизера дѣйствуютъ на человѣка такъ же, какъ „балассированіе" на лошадь, звуки дудки на змѣю, пристальный взглядъ этой послѣдней на обреченное ей въ жертву животное; а „чудеса", которыя способенъ производить искусный гипнотизеръ, оставляютъ далеко за собой и „чары" змѣи, и „заклинанія" индуса. Факты на лицо.

Извѣстный англійскій врачъ Брэдъ загипнотизировалъ женщину, которая бросила кормить своего ребенка, вслѣдствіе потери молока, и затѣмъ сталъ дѣлать пассы надъ ея правою грудью,

*) Патологическая магія. II, 297.

съ цѣлью сосредоточить ея вниманіе на этомъ именно пунктѣ. Вскорѣ загипнотизированная приняла такую позу, какъ будто она собирается кормить ребенка, и грудь ея наполнилась молокомъ. То же самое продѣлалъ Брэдъ и надъ другою грудью своей паціентки—и что же? Она послѣ этого оказалась способною кормить ребенка еще въ теченіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ!

Въ другой разъ, тотъ же Брэдъ, загипнотизировавъ одного больного, внушилъ ему, что, по прошествіи извѣстнаго времени послѣ пробужденія, у него должны будутъ на различныхъ мѣстахъ тѣла показаться красные пятна и нарывы: пятна и нарывы дѣйствительно показались, и какъ разъ на тѣхъ мѣстахъ и въ то самое время, которыя были указаны гипнотизеромъ.

Еще примѣръ. Передъ нами почтенная женщина, уважаемая мать семейства, особа деликатная, скромная, набожная. И вотъ, по волѣ гипнотизера, съ ней происходитъ рядъ послѣдовательныхъ метаморфозъ: она превращается въ монахиню или кокотку, въ генеральшу или крестьянку, въ старуху или маленькую дѣвочку. Въ кого внушатъ ей преобразиться, тѣмъ она и чувствуетъ себя, въ точности копируя манеры, жесты и типичныя черты характера возсоздаваемыхъ ею персонажей иллюзіоннаго маскарада. Она то цинична, какъ кокотка, то смиренна, какъ монахиня, то напыщена, какъ генеральша, то скромна и наивна, какъ маленькая дѣвочка. Вы чувствуете, что это лишенный воли автоматъ съ помраченнымъ сознаніемъ, которое можетъ быть направлено въ ту или иную сторону, смотря по капризу экспериментатора...

Наконецъ, еще одинъ, послѣдній, примѣръ. Тутъ уже дѣло будетъ нѣсколько сложнѣе, хотя по существу оно ничѣмъ не разнится отъ всего того, что было приведено раньше.

Мы съ вами въ Якутской области передъ взводомъ солдатъ. Всѣ они заражены повальнымъ психозомъ, всѣ „омерячены“, и болѣзнь ихъ сказывается довольно таки курьезно. Офицеръ командуетъ: „На плечо!“ А въ отвѣтъ ему весь взводъ, словно многоголосое эхо, отвѣчаетъ тоже: „На плечо!“ Командиръ жестикулируетъ въ недоумѣніи. Жесты его въ точности воспроизводятся солдатами. Командиръ выходитъ изъ себя, сыплетъ угрозами и бранью,—а взводъ, съ методичностью хорошо налаженнаго фонографа, повторяетъ угрозы и многоэтажную брань. Опять, какъ видите, автоматизмъ—параличъ воли и помраченіе сознанія. Весь вопросъ только въ томъ, кто же загипнотизировалъ этихъ несчастныхъ людей или, вѣрнѣе, *что* загипнотизировало ихъ?..

Итакъ, во всѣхъ только что разсмотрѣнныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло *съ психо-физіологическимъ автоматизмомъ*: невольное подражаніе и безсознательное повиновеніе—вотъ важнѣйшіе психологическіе моменты его. Но вѣдь такого рода автоматизмъ и есть въ сущности то, что принято называть гипнозомъ. Слѣдовательно, вся совокупность явленій, обнимаемыхъ однимъ

общимъ понятіемъ „патологическая магія“, въ конечномъ подсчетѣ сводится къ гипнозу. Чѣмъ же обусловлено то состояніе, которое принято называть гипнотическимъ? Какъ, при какихъ обстоятельствахъ и искусственныхъ манипуляціяхъ вызывается оно? Каковы тѣ пружины, подъ вліяніемъ которыхъ и животное, и человѣкъ преображаются въ автоматовъ, покорно исполняющихъ приказанія гипнотизера и безсознательно подражающихъ его движеніямъ?

„Та односторонняя концентрація сознанія, то съуженіе его поля, которымъ характеризуется гипнозъ,—пишетъ Михайловскій,—лучше всего достигаются или *мгновеннымъ сильнымъ впечатлѣніемъ или рядомъ однообразныхъ, слабыхъ, монотонныхъ впечатлѣній* (пассы, созерцаніе блестящей точки, прислушиваніе къ тиканью часовъ). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ производится *оскудѣніе личной жизни*; какъ бы запираются всѣ двери и окна души и оставляется только одна форточка, изъ которой видно и слышно только гипнотизера и то, что онъ дѣлаетъ или приказываетъ дѣлать. При этомъ понижается дѣятельность сознанія и воли, и всякое впечатлѣніе или только представленіе о немъ,—а впечатлѣнія и представленія входятъ черезъ единственную форточку гипнотизера,—овладѣваетъ гипнотикомъ вполнѣ: впечатлѣнія и представленія разрѣшаются немедленно соотвѣтствующимъ мышечнымъ движеніемъ,—подражаніемъ или исполненіемъ приказанія“ (Курсивъ мой) *).

Стало быть, условія, необходимыя для обнаруженія склонности къ автоматическому подражанію и къ столь же автоматическому исполненію приказанія сводятся къ слѣдующему: необходимо одно изъ двухъ: или внезапное и при томъ столь сильное впечатлѣніе, чтобы оно временно задавило, вытѣснило изъ души всѣ остальныя впечатлѣнія, или же, наоборотъ, хроническая скудость, однообразіе впечатлѣній; и то, и другое, какъ въ отдѣльности, такъ и вмѣстѣ взятое, можетъ опустошить на время сознаніе и парализовать волю животнаго или человѣка, т. е. загипнотизировать ихъ, превратить въ автоматовъ.

Обратимся теперь къ нашимъ „омеряченнымъ“ солдатамъ. Спрашиваю еще разъ: кто загипнотизировалъ ихъ, чѣмъ вызвано оскудѣніе ихъ личной жизни, гдѣ тотъ „рядъ однообразныхъ, монотонныхъ впечатлѣній“, подъ вліяніемъ которыхъ они дошли до состоянія автоматовъ, повторяющихъ непроизвольно слова команды и воспроизводящихъ въ точности жестикуляцію недоумѣвающаго, разгнѣваннаго, бранящагося офицера? Отвѣчу кратко.

Во-первыхъ, спеціально солдатскія условія жизни — строгая, всенивеллирующая дисциплина, систематическое подавленіе сознательной работы мысли, монотонный режимъ каждодневнаго су-

*) Еще о толпѣ. II, 438.

ществованія, крайняя узость интересовъ и занятій, сведенная къ минимуму духовная дѣятельность.

Во-вторыхъ, специфическія условія Якутской области—крайняя скудость и однообразіе доставляемыхъ самой природой зрительныхъ, слуховыхъ и всякихъ иныхъ впечатлѣній.

Вотъ это-то и составляетъ тотъ „рядъ однообразныхъ впечатлѣній", который способствуетъ „оскудѣнію личной жизни" и дѣлаетъ изъ человѣка автомата.

Условія, создающія „омеряченныхъ" солдатъ, не представляютъ собою ничего исключительнаго. Напротивъ, они встрѣчаются въ жизни на каждомъ шагу, они составляютъ нѣчто характерное для того типа общественной организаціи, который держится на принципахъ строгаго общественнаго раздѣленія труда. Всѣ такъ называемыя „психическія эпидеміи" и большая часть извѣстныхъ въ исторіи человѣчества „массовыхъ движеній" объясняются дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ, которыми обусловливается поведеніе „омеряченныхъ" солдатъ. Всякая толпа есть въ сущности сборище людей, до извѣстной степени „омеряченныхъ", какъ бы нарочно препарированныхъ всѣмъ строемъ ихъ личной и общественной жизни къ исполненію роли автоматовъ. Можно говорить о толпѣ болѣе или менѣе податливой, воспріимчивой, склонной къ подражанію и повиновенію, и степень этой податливости въ значительной мѣрѣ опредѣляется характеромъ и дѣйствіемъ тѣхъ „пассовъ", которыми толпа подготовлялась къ гипнозу. Чѣмъ проще была та формула жизни, которая выпала на долю людей, образующихъ „толпу", чѣмъ уже былъ кругъ ихъ впечатлѣній, чѣмъ меньше струнъ звучало въ ихъ душѣ и чѣмъ интенсивнѣе, наконецъ, направлялось ихъ сознаніе на ограниченный кругъ интересовъ, тѣмъ больше тенденціи подражать и готовности слѣдовать, очертя голову, за какимъ бы то ни было „героемъ" обнаруживала толпа. Въ этомъ отношеніи любопытный образчикъ представляетъ собою толпа средневѣковая. Она была великолѣпно „балассирована" всѣмъ экономическимъ, общественнымъ и политическимъ строемъ средневѣковья. Давши яркую характеристику этого строя, Михайловскій продолжаетъ: „Средневѣковая масса представляла, можно сказать, идеальную толпу. Лишенная всякой оригинальности и всякой устойчивости, до послѣдней возможной степени подавленная однообразіемъ впечатлѣній и скудостью личной жизни, она находилась какъ бы въ хроническомъ состояніи ожиданія героя. Чуть только мелькнетъ какой нибудь особенный, выдающійся образъ на постоянно сѣромъ, томительно ровномъ фонѣ ея жизни — и это ужъ герой, и толпа идетъ за нимъ, готовая, однако, свернуть съ половины дороги, чтобы идти за новымъ, бросившимся въ глаза образомъ... Чтобы сдѣлаться въ ту пору героемъ, не нужно было обладать какими-нибудь специфическими чертами вожака... Сталъ человѣкъ ни съ того ни съ сего плясать на улицѣ—и онъ герой;

пошелъ освобождать гробъ Господень—герой; сталъ хлестать себя публично плетью по обнаженному тѣлу—герой; пошелъ бить жидовъ—герой и т. д., и т. д.“ *).

Не мѣшаетъ кстати прибавить, всякая толпа уже по тому одному, что она—толпа, т. е. собраніе людей, заключаетъ въ себѣ à priori нѣчто благопріятное для проявленія склонности къ подражанію и повиновенію: въ ней „зараза“ не только легко передается отъ одного индивида другому, но и растетъ, усиливается по мѣрѣ того, какъ увеличивается число зараженныхъ, а это въ свою очередь вліяетъ на остальныхъ, менѣе податливыхъ и воспріимчивыхъ членовъ сборища. Нужно только, чтобы толпа была *предварительно* подготовлена, путемъ всевозможныхъ „пассовъ“ и „балассированія“, къ воспріятію заразы, а тамъ ужъ не трудно будетъ брошенной въ нее искрѣ разрастись въ пожаръ...

Теперь мы можемъ сказать, что такое толпа, что такое герой и каковы психо-физіологическія основы существующихъ между ними отношеній. *Толпа*, это — покорная, спеціально препарированная для подраженія и повиновенія масса; *герой*, это — человѣкъ, владѣющій „секретомъ“ гипнотизаціи; а основной психологическій моментъ въ отношеніяхъ между ними, это—гипнозъ. „Кто хочетъ властвовать надъ людьми, заставить ихъ подражать или повиноваться, тотъ долженъ поступать, какъ поступаетъ магнетизеръ, дѣлающій гипнотическій опытъ. Онъ долженъ произвести моментально столь сильное впечатлѣніе на людей, чтобы оно ими овладѣло всецѣло и, слѣдовательно, на время задавило всѣ остальныя ощущенія и впечатлѣнія, чѣмъ и достигается односторонняя концентрація сознанія; или же онъ долженъ ихъ поставить въ условія постоянныхъ, однообразныхъ впечатлѣній. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ можетъ дѣлать чуть не чудеса, заставляя плясать подъ свою дудку массу народа и вовсе не прибѣгая для этого къ помощи грубой физической силы“ (ibid.).

Итакъ, въ ряду явленій, характерныхъ для общественной жизни людей, не маловажное мѣсто занимаетъ склонность къ подражанію и повиновенію; но склонность эта обусловливается внушеніемъ. А отсюда ужъ слѣдуетъ, что внушеніе часто играетъ роль могучаго соціальнаго фактора—выводъ, съ которымъ долженъ считаться всякій соціологъ, и который былъ прочно обоснованъ и подробно развитъ Михайловскимъ... Читатель, усвоившій основные принципы соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго, навѣрное сумѣетъ связать содержаніе статей „Патологическая магія“ и „Герои и толпа“ съ ученіемъ о борьбѣ за индивидуальность. Связь эта установлена самимъ Михайловскимъ, и вотъ къ чему собственно она сводится.

*) Герои и толпа. II, 188, 189.

Отвѣчая на вопросъ—что такое индивидъ, мы, если помните, пришли къ необходимости признать существованіе различныхъ, подчиненныхъ другъ другу, ступеней индивидуальности. Индивидуальное, „единое", сказали мы, есть въ сущности „многое". Примѣняя это общее положеніе къ человѣку, Михайловскій говорилъ: „Наше человѣческое *я* не есть что-нибудь единичное, не *я*, а *мы*; только члены этого множественнаго числа давно низведены процессомъ органическаго развитія до степени совершенно подчиненныхъ единицъ, самостоятельное значеніе которыхъ утопаетъ въ сознаніи цѣлаго..."

Въ человѣкѣ „спаяно много субъектовъ и много сознаній, которые, однако, іерархически подчинены цѣлому, сознающему себя и предъявляющему свою волю, какъ единое, нераздѣльное *я*. Чѣмъ централизованнѣе эта единица, чѣмъ болѣе путемъ приспособленія къ спеціальнымъ, служебнымъ функціямъ подавлены входящія въ ея составъ низшія единицы, тѣмъ личность выше. Въ этой деспотической централизаціи лежитъ залогъ здоровья, счастья, нравственной высоты личности. *Наоборотъ, болѣзнь и нравственное паденіе объективно выражаются децентрализаціей нашего я, распаденіемъ индивидуальности, какъ бы возстаніемъ низшихъ индивидуальностей противъ законнаго господства цѣлаго я*" (Курсивъ мой) *). Всѣ явленія изъ области „патологической магіи" могутъ быть, такимъ образомъ, объяснены децентрализаціей нашего *я*, оскуденіемъ личности, пониженіемъ индивидуальности. Но и децентрализація, и оскудѣніе, и пониженіе индивидуальности являются въ результатѣ тѣхъ чувствительныхъ пораженій, которыя человѣческая личность несетъ въ борьбѣ за существованіе и въ борьбѣ съ индивидуальностями высшаго порядка. Все, что нарушаетъ правильную, строго-координированную, гармоничную работу низшихъ индивидуальностей, образующихъ личность человѣка, все, что суживаетъ формулу его жизни, односторонне направляетъ работу его мысли, парализуетъ размахъ его воли, ограничиваетъ кругъ его духовныхъ интересовъ,— все это въ большей или меньшей степени децентрализуетъ человѣческое *я* и тѣмъ самымъ создаетъ благопріятную почву для обнаруженія явленій „патологической магіи". Въ основѣ этихъ явленій, какъ мы уже знаемъ, лежитъ гипнозъ. Но онъ-же и составляетъ главную пружину въ психологіи отношеній между героями и толпой. Слѣдовательно, и эти отношенія, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ обусловливаются децентрализаціей человѣческаго *я*, пониженіемъ его индивидуальности, оскудѣніемъ его сознанія; а все это, повторяю, получается въ итогѣ тѣхъ пораженій, которыя человѣческая личность терпитъ въ борьбѣ за существованіе и въ борьбѣ съ индивидуальностями

*) Патологическая магія. II, 357, 358.

высшаго порядка, стремящимися принизить, поработить, низвести ее на степень органа. Такимъ образомъ, принципы борьбы за индивидуальность находятъ себѣ оправданіе не только въ области „патологической магіи,“ но и въ психологіи „героевъ и толпы...“

Герой... Толпа... Не въ похвалу и не въ порицаніе употреблялъ Михайловскій эти выраженія. Если героемъ въ томъ смыслѣ, который придается этому слову Михайловскимъ, можетъ быть человѣкъ ограниченный, бездарный, безнравственный, но владѣющій „секретомъ“ вліять на толпу и вести ее за собой на дѣло безсмысленное и подлое; если толпа способна совершать подвиги высокаго благородства, увлекаемая все тѣмъ же гипнотизеромъ, постигшимъ силу своихъ чаръ и умѣющимъ пользоваться податливостью толпы не только въ сторону зла, но и добра,— то, разумѣется, въ понятіяхъ „герои и толпа“ нѣтъ по существу ни порицанія, ни похвалы. Порицаніе и похвала возможны лишь при наличности сознанія и воли въ поведеніи людей: человѣкъ, совершающій добро или зло въ состояніи гипноза, моральному суду не подлежитъ, это—банальная истина, которую даже неловко повторять. Но вотъ въ чемъ дѣло. „Толпа“ Михайловскаго, низведенная условіями жизни на степень автомата, хотя бы и очень сложнаго, толпа, состоящая изъ людей съ опустошеннымъ сознаніемъ, парализованною волею, пониженною индивидуальностью, и децентрализованнымъ *я*—такая толпа крайне неустойчива во *внушенныхъ* ей симпатіяхъ и антипатіяхъ и представляетъ собою обоюдоострый мечъ въ рукахъ людей, пользующихся ея мощью во имя достиженія тѣхъ или иныхъ цѣлей. Но такъ же неустойчивъ въ своемъ величіи и герой, если онъ всего лишь юродивый, ясновидецъ, чтецъ мыслей, лжепророкъ, „святой“, стигматикъ, факиръ и т. п.—словомъ, человѣкъ съ помраченнымъ сознаніемъ и децентрализованнымъ *я*: вліяніе его недолговѣчно, слава мимолетна.

Однако возможны герои и толпа съ бодрствующимъ сознаніемъ и не помраченною волею. Исторія знаетъ много такихъ героевъ, они есть и сейчасъ, а современная дѣйствительность даетъ—къ сожалѣнію, пока еще рѣдко—примѣры того, какую могучую, творческую силу можетъ представить собою „толпа“, просвѣтленная лучами сознанія и велѣніями совѣсти, сорганизованная въ нѣчто прочное не безсознательнымъ инстинктомъ подражанія, не „пассами“ гипнотизера, не дисциплиною властной руки, а яснымъ пониманіемъ своей исторической роли и ожидающихъ ее перспективъ, любовью къ ближнему и „дальнему“, страстнымъ желаніемъ выбиться изъ тѣхъ тисковъ, которыми „естественный ходъ вещей“ сковалъ индивидуальность человѣка. Надо думать, что, вмѣстѣ съ развитіемъ человѣческой личности, вмѣстѣ съ расширеніемъ формы ея жизни, измѣнится и самый

характеръ „толпы", измѣнятся и психологическіе стимулы ея поведенія. Все стихійное—непроизвольное и неосмысленное—станетъ отодвигаться все дальше и дальше на задній планъ: стремленія „толпы" будутъ сознательнѣе, настроеніе устойчивѣе, тактика планомѣрнѣе и цѣлесообразнѣе. Но это, разумѣется, будетъ уже не та „толпа", о которой говорится у Михайловскаго. Герои и ихъ вліяніе такъ же не исчезнутъ. Но это будутъ уже не „магнитизеры", а люди, надѣленные даромъ дѣйствовать на бодрствующее, критически-настроенное сознаніе и раскрѣпощенную, добрую волю. Это будетъ уже не гипнозъ, а обаяніе, аналогичное тому, которое производятъ на людей съ сильно развитымъ сознаніемъ и бодрою волею природа и искусство...

VIII.

Прежде чѣмъ подвести итоги всему тому, что говорилось въ предыдущихъ главахъ, мнѣ хотѣлось бы указать на нѣкоторыя возраженія, которыя естественно возникаютъ при сколько-нибудь обстоятельномъ знакомствѣ съ общимъ міровоззрѣніемъ Михайловскаго, тѣмъ болѣе, что не всѣ эти возраженія лишены серьезнаго значенія.

Вскорѣ послѣ появленія первыхъ трудовъ Дарвина, многіе видные натуралисты—среди нихъ на первомъ планѣ выступаютъ крупныя фигуры Негели и Келликера—пришли къ тому выводу, что ученіе о борьбѣ, подборѣ и дивергенціи не объясняетъ *прогресса* органической жизни. И нельзя сказать, чтобы идея эта была въ корнѣ несправедлива. Въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь теорія Дарвина есть въ сущности *ученіе о происхожденіи видовъ путемъ расхожденія признаковъ, совершающагося подъ вліяніемъ подбора, который разыгрывается на фонѣ борьбы за существованіе.* Прогрессъ, т. е. развитіе, усложненіе, совершенствованіе органическихъ формъ, есть частный и *вовсе не обязательный* выводъ изъ теоріи борьбы и переживанія наиболѣе приспособленныхъ. Безспорно, что совершенствованіе есть также приспособленіе и, въ качествѣ такового, можетъ возникать изъ борьбы и подбора; но не забывайте, что оно — всего лишь одна изъ многочисленныхъ формъ приспособленія, при томъ сравнительно рѣдкая и, повторяю, вовсе необязательная, въ виду безразличной тенденціи подбора, преслѣдующаго чисто практическіе интересы наиболѣе приспособленныхъ, а не наиболѣе совершенныхъ: тысячи приспособленій, возникающихъ на почвѣ борьбы и подбора, не имѣютъ ничего общаго съ прогрессомъ. Это совершенно правильная мысль была подхвачена Михайловскимъ и положена, какъ мы уже знаемъ, въ основу предложенной имъ теоріи прогресса. Но вотъ чего мы еще не знаемъ и на что слѣдуетъ обратить должное вниманіе.

Идя по стопамъ Негели и Келликера, Михайловскій допускалъ, что въ живой природѣ, помимо факторовъ, указанныхъ Дарвинымъ, дѣйствуютъ и другія силы, направляющія организованную матерію по пути прогресса, независимо отъ борьбы за существованіе и подбора и даже вопреки ихъ вліянію. Онъ считалъ возможнымъ предположить, что организованная матерія надѣлена свойствомъ принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе. „*Въ этомъ свойствѣ,—писалъ онъ,—нѣтъ ничего мистическаго.* Какъ магнитной стрѣлкѣ свойственно обращаться всегда однимъ концомъ къ сѣверу; какъ въ неорганической природѣ извѣстнымъ элементамъ свойственно группироваться только въ опредѣленныя химическія соединенія и принимать только опредѣленныя кристаллическія формы; какъ, наконецъ, въ клѣточкѣ атомы углерода, водорода, кислорода и азота обнаруживаютъ стремленіе слагаться въ болѣе и болѣе сложныя и высшія соединенія, такъ точно и самимъ клѣточкамъ свойственно сходиться все въ большемъ и большемъ числѣ и составлять все болѣе сложныя формы органической жизни. Усложненіе это состоитъ въ увеличеніи числа и разнообразія органовъ и въ усиленіи *физіологическаго раздѣленія труда,* т. е. въ усиленіи обособленія и приспособленія органовъ къ спеціальнымъ отправленіямъ. Такимъ образомъ, *законъ развитія неудержимо и постоянно толкаетъ организованную матерію впередъ къ дальнѣйшему усложненію.* Подъ его вліяніемъ сумма силъ и способностей недѣлимыхъ постоянно растетъ. Дарвиновскіе же принципы подбора, борьбы и полезныхъ приспособленій болѣе или менѣе отклоняютъ жизнь отъ этого прямо прогрессивнаго пути въ разныя стороны. Они представляютъ собою вліянія пертурбаціонныя... Но въ общемъ счетѣ, въ цѣломъ, законъ развитія одерживаетъ всетаки верхъ, чѣмъ и объясняется сложность и богатство не только органической жизни вообще, а и отдѣльныхъ индивидуальныхъ ея представителей“ (Курсивъ мой) *).

Это одинъ изъ слабыхъ пунктовъ въ аргументаціи Михайловскаго, и я считаю своимъ долгомъ подчеркнуть его. Михайловскій, разумѣется, правъ, находя, что теорія Дарвина недостаточна для объясненія органическаго *прогресса*: всякій, кто хоть немного знакомъ съ современными теченіями въ біологіи, долженъ знать, что то же самое утверждаютъ сейчасъ и всѣ такъ называемые нео-ламаркисты. Но врядъ ли можно согласиться съ тѣмъ, что въ предполагаемомъ имъ свойствѣ организованной матеріи принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе „нѣтъ ничего мистическаго“. Нечего говорить, что въ самомъ фактѣ органическаго прогресса нѣтъ ничего мистическаго, ибо это—фактъ, засвидѣтельствованный геологіей и палеонтологіей. Но

*) Борьба за индивидуальность. II, 458, 459.

вѣдь задача науки, пытающейся объяснить прогрессъ органическихъ формъ, сводится къ тому, чтобы показать, подъ вліяніемъ какихъ именно факторовъ совершался этотъ прогрессъ. Считая толкованія Дарвина неудовлетворительными, Спенсеръ, напримѣръ, ставилъ совершенствованіе животнаго и растительнаго міра въ зависимость отъ постепеннаго усложненія той среды, къ которой организмамъ приходилось приспособляться въ интересахъ поддержанія своей жизни: разнообразились условія космическія, геологическія, метереологическія и біологическія, а въ связи съ усложненіемъ среды, какъ „мертвой", такъ и „живой", должны были совершенствоваться и органическія формы. Пусть въ этомъ объясненіи много неяснаго, проблематичнаго, неубѣдительнаго, но все-же нельзя не видѣть въ немъ, по крайней мѣрѣ, попытки указать на *факторы* прогресса. Считая недостаточными толкованія Дарвина, другой ученый, знаменитый эмбріологъ Вильгельмъ Ру, написалъ свое „Der Kampf des Theile im Organismus", въ которомъ пытается доказать, что прогрессъ живыхъ формъ природы обусловливается борьбою между отдѣльными частями—молекулами, клѣтками, тканями и органами—растенія или животнаго. Считая сомнительною роль естественнаго подбора въ дѣлѣ возникновенія „высшихъ формъ жизни", нео-ламаркисты признали необходимымъ подчеркнуть значеніе для органическаго прогресса такихъ факторовъ, какъ систематическое упражненіе тѣхъ или иныхъ органовъ, наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ, привычка, сознаніе и т. д. Тутъ мы опять-таки имѣемъ дѣло съ *объясненіями*. Удачны-ли они или нѣтъ—это ужъ другой вопросъ и не о немъ сейчасъ рѣчь. Но что представляетъ собою утвержденіе, будто жизнь прогрессировала потому, что въ организованной матеріи заложена тенденція прогрессировать, принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе? Въ лучшемъ случаѣ, это просто тавтологія, ничего не объясняющая и никого не удовлетворяющая. Сказать: „законъ развитія неудержимъ и постоянно толкаетъ организованную матерію впередъ, къ дальнѣйшему усложненію"—все равно, что ничего не сказать или просто констатировать фактъ, подлежащій еще объясненію.

Вѣдь съ неменьшимъ правомъ можно будетъ выставить и такое, напримѣръ, положеніе: законъ измѣнчивости неудержимо и постоянно толкаетъ организованную матерію то вправо, то влѣво къ дальнѣйшему измѣненію. Фактически оно будетъ совершенно правильно, поскольку правильно всякое констатированіе безпорнаго факта. Но что же дальше? Какое примѣненіе можно сдѣлать изъ такого общаго положенія для изученія явленій измѣнчивости и для выясненія тѣхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершается трансформація организованной матеріи? Ровно никакого!..

Михайловскій, очевидно, самъ прекрасно чувствовалъ недо-

статочность своей аргументаціи. Иначе ему не къ чему было бы заявлять, напримѣръ, слѣдующее: „Хотя для меня далеко не безразлично, признаетъ ли читатель законъ развитія или нѣтъ, но настаивать здѣсь на этомъ пунктѣ я не могу“ (ibid). Мнѣ кажется, что по существу для Михайловскаго „не безразлично“ должно быть лишь одно: чтобы читатель призналъ, во-первыхъ, самый *фактъ* органическаго прогресса, и чтобы онъ согласился, во-вторыхъ, съ тѣмъ, что теорія Дарвина и теорія развитія—совсѣмъ не одно и то же; а признаетъ ли читатель за организованной матеріей какое-то врожденное свойство, которое якобы „неудержимо и постоянно толкаетъ“ ее къ дальнѣйшему развитію, или не признаетъ—это, надо полагать, совершенно безразлично и ничего не говоритъ ни за, ни противъ ученія о борьбѣ за индивидуальность, которая есть такой же безспорный фактъ, какъ борьба за существованіе и органическій прогрессъ.

Есть въ міровоззрѣніи Михайловскаго другой, болѣе существенный пунктъ, невольно наталкивающій читателя на рядъ вопросовъ первостепенной важности. Я имѣю въ виду безповоротно отрицательное отношеніе нашего писателя къ экономическому или общественному раздѣленію труда, къ кооперации *по типу сложнаго сотрудничества.*

Михайловскій великолѣпно проанализировалъ вліяніе сложнаго сотрудничества на развитіе человѣческой индивидуальности. Въ чемъ и какъ сказывается это вліяніе, мы уже знаемъ и повторяться не станетъ. Но вотъ въ чемъ дѣло. Въ воображеніи Михайловскаго рисуется такая общественная организація, въ которой устранены всѣ гибельныя для человѣческой личности послѣдствія экономическаго раздѣленія труда. Общество будущаго должно, по его мнѣнію, покоиться на принципѣ *простого* сотрудничества. Однако мысль не можетъ успокоиться на такого рода слишкомъ ужъ общихъ и неопредѣланныхъ перспективахъ. Намъ хочется знать—въ какія формы выльется это желанное общество будущаго? Какъ реализируется въ немъ принципъ простого сотрудничества? Будетъ ли тогда совершенно устранено „общественное раздѣленіе труда“ и если да, то не повлечетъ ли это за собою пониженія всей культуры, современный ростъ которой въ значительной степени обусловливается спеціализаціей труда, техническихъ и научныхъ знаній? Или, быть можетъ, придется какъ-нибудь совмѣстить выгодныя стороны сложнаго сотрудничества съ неменѣе выгодными сторонами сотрудничества простого? Вѣдь печальныя послѣдствія общественнаго раздѣленія труда сказываются больше всего въ томъ, что личность, силою необходимости, помимо своего желанія и присущихъ ей склонностей, прикрѣпляется на всю жизнь къ какой-нибудь крайне ограниченной сферѣ дѣятельности. Быть можетъ, задача имѣющихъ придти формъ общественной организаціи къ тому и сво-

дится, чтобы освободить личность отъ подневольнаго, до nec plus ultra, спеціализированнаго труда и предоставить ей широкій, ничѣмъ не ограниченный просторъ въ выборѣ занятій, соотвѣтственно ея вкусамъ, способностямъ и призванію? Если такъ, то тогда вѣдь сложное сотрудничество не упразднится, а будетъ лишь вставлено въ опредѣленныя рамки, уничтожающія его принудительный характеръ и парализующія его губительное вліяніе на развитіе человѣческой личности?.. Да мало ли еще какихъ вопросовъ ни связано съ перспективами желаннаго будущаго! И на эти вопросы у Михайловскаго, къ сожалѣнію, отвѣтовъ нѣтъ. Другое дѣло—можно ли поставить ему это въ вину. Онъ всегда относился строго къ ошибкамъ исторической перспективы; а такія ошибки—вещь почти неизбѣжная во всяческаго рода пророчествахъ на счетъ соціальнаго будущаго людей. Нагляднымъ примѣромъ тутъ могутъ служить всевозможныя утопіи. Во всякомъ случаѣ, если Михайловскаго и можно упрекнуть въ томъ, что онъ слишкомъ ужъ неясно очертилъ *положительныя* основы будущаго общественнаго строя, то не слѣдуетъ забывать, что и такъ называемый „научный соціализмъ" страдаетъ такимъ же самымъ недочетомъ.

Вотъ, наконецъ, еще одинъ пунктъ, на который не мѣшаетъ обратить должное вниманіе при оцѣнкѣ соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго.

Если общество и личность представляютъ собою двѣ враждебныя ступени индивидуальности, если развитіе одной изъ нихъ идетъ въ ущербъ развитію другой, то не слѣдуетъ ли отсюда, что полнѣйшій, всесторонній расцвѣтъ личности возможенъ лишь при окончательномъ пораженіи общества, какъ цѣлаго? Или, говоря иначе, не является ли отрицаніе общества (анархизмъ) логически необходимымъ выводомъ изъ ученія о борьбѣ за индивидуальность? Насколько мнѣ извѣстно, нѣкоторые теоретики анархизма приходятъ къ отрицанію общества именно потому, что не считаютъ возможнымъ примирить интересы автономной личности съ какими бы то ни было замкнутыми, регламентированными формами общественной организаціи. Для нихъ, какъ, напримѣръ, и для Спенсера—индивидуалиста съ несомнѣнно буржуазною складкою мысли—соціализмъ представляется въ видѣ „грядущаго рабства", при которомъ узы капитализма должны будутъ смѣниться всего лишь новыми, пожалуй, болѣе утонченными формами узъ—не экономическихъ, конечно, а юридическихъ и духовныхъ. Они, какъ огня, боятся „пепельно-сѣраго костюма равенства", въ который общественная организація будущаго яко бы принарядитъ все человѣчество. Что принесетъ съ собою эта самая „организація будущаго" въ смыслѣ „грядущаго рабства",—объ этомъ судить трудно. Несомнѣнно, что конфликта между личностью и обществомъ она всецѣло не устранитъ; но еще несомнѣннѣе, что она покончитъ

разъ навсегда съ тысячью тѣхъ узъ и цѣпей, которыми сейчасъ скована человѣческая индивидуальность. Что же касается борьбы за индивидуальность въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее Михайловскій, то нужно замѣтить, что отрицаніе общества совсѣмъ не входитъ въ ея разсчеты. Напротивъ, „всесторонне и гармонично развитая личность" Михайловскаго есть прежде всего *соціальный* человѣкъ, человѣкъ *въ* обществѣ, а не *внѣ* общества, человѣкъ, пользующійся всѣми благами нормальнаго общественнаго строя, а вовсе не отрѣшенный отъ какихъ бы то ни было формъ кооперація. Мы знаемъ, какъ высоко ставилъ Михайловскій роль сочувственнаго опыта въ дѣлѣ развитія личности; мы знаемъ, что онъ придавалъ громадное значеніе опредѣленнымъ формамъ кооперація, при помощи которыхъ личность получитъ возможность отстаивать свою индивидуальность въ борьбѣ съ внѣшними условіями и посягательствомъ на ея права со стороны другихъ личностей и цѣлаго ряда индивидуальностей высшаго порядка; мы знаемъ, наконецъ, что онъ настаивалъ лишь на необходимости *приспособлять* общественныя формы къ запросамъ личности, стремящейся къ полному самоопредѣленію. Вѣроятно, что, во имя интересовъ личности, людямъ придется распроститься со многими изъ тѣхъ *соціальныхъ цѣнностей*, которыми сейчасъ они еще такъ дорожатъ; возможно, что имъ придется отказаться и отъ цѣлаго ряда *моральныхъ цѣнностей*, съ которыми современный человѣкъ настолько сроднился, что не можетъ даже допустить и мысли о ихъ ненужности; очень и очень вѣроятно, что многіе изъ современныхъ идеаловъ должны будутъ посторониться предъ побѣдоносным шествіемъ мятежной, томимой нескончаемою жаждою обновленія, человѣческой личности. Все это возможно, но до отрицанія общества отсюда еще очень далеко: *только въ обществѣ и чрезъ посредство общества* человѣкъ сумѣетъ добиться возможно полнаго раскрѣпощенія своей индивидуальности — таковъ, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, основной смыслъ всѣхъ писаній Михайловскаго...

IX.

Передъ нами прошелъ рядъ наиболѣе крупныхъ работъ Михайловскаго. Всѣ онѣ представляютъ собою различныя грани одного и того же строя идей, самостоятельные отдѣлы громаднаго теоретическаго зданія, отличающагося глубиною мысли, строгимъ выборомъ и прочностью строительнаго матеріала.

Основы соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго были заложены еще въ статьѣ „Что такое прогрессъ". Идеи этого общественно-философскаго трактата красною нитью проходятъ черезъ всѣ научныя и публицистическія работы нашего выдающа-

гося мыслителя. Имъ пришлось пройти черезъ горнило самыхъ разнообразныхъ и тяжелыхъ испытаній, обусловливаемыхъ колеблющимся и измѣнчивымъ развитіемъ русской общественной мысли. Чѣмъ только ни увлекалась интеллигентная Русь за тотъ долгій періодъ времени, пока Михайловскій стоялъ „на славномъ посту", высоко и твердо держа въ рукахъ дорогое ему знамя съ девизомъ: все для человѣка, все во имя освобожденія его отъ всевозможныхъ путъ и цѣпей! Сначала это былъ матеріализмъ, распустившійся на развалинахъ ultra - идеалистической натурфилософіи и подогрѣваемый блестящими завоеваніями естествознанія; почти одновременно съ нимъ пришелъ и дарвинизмъ, пытавшійся наложить свою властную руку на соціологію и дать упрощенное рѣшеніе вопросовъ, волновавшихъ общественную мысль; затѣмъ настала полоса дѣйственнаго отношенія къ жизни, героическій періодъ бури и натиска на обветшалыя формы русской дѣйствительности, когда идеи Михайловскаго служили яркимъ свѣточемъ, вдохновлявшимъ нашу интеллигенцію и направлявшимъ ее по пути къ завоеванію узурпированныхъ правъ личности; но силы и боевая готовность, сцѣпившихся не, на жизнь, а на смерть враговъ, оказались далеко не равными: одухотворенная мыслью и крѣпкая волей, кучка самоотверженныхъ „героевъ" должна была сойти со сцены. Настало затишье, мертвая зыбь. Встрепенулись вновь ихтіозавры и мастодонты реакціи, зашипѣли змѣи, прослезились крокодилы, зашевелилась свободнѣе всяческая мразь и нечисть отечественная. Это были тяжелые, сѣрые, гнетущіе восьмидесятые годы,

Дни сомнѣній ядовитыхъ,
Злыхъ вопросовъ, мрачныхъ думъ,
Отъ которыхъ сохнетъ сердце,
Стынетъ кровь, мятется умъ...

Въ атмосферѣ стоялъ сдержанный гулъ голосовъ, приниженно и стыдливо твердящихъ на тысячу ладовъ: „наше время—не время широкихъ задачъ"; послышался мѣщански-пошлый призывъ къ „маленькимъ, но полезнымъ дѣламъ"; раздалась проповѣдь „непротивленія злу", затянулась старая, какъ міръ, пѣсенка о личномъ самосовершенствованіи „въ кельѣ подъ елью". А старый знаменосецъ съ посеребрившейся отъ горькой думы головой продолжалъ по прежнему стоять на своемъ „славномъ посту", выпрямившись во весь ростъ и властно призывая подъ стягъ свой смущенныхъ неудачею и объятыхъ паникой согражданъ. Жизнь шла, однако, своимъ чередомъ впередъ. Сквозь мрачную, тяжелую атмосферу, насыщенную равнодушіемъ и филистерскимъ пустозвонствомъ, засвѣтили новыя искры. Казалось, вотъ-вотъ онѣ разгорятся въ яркое пламя. Но приверженцы марксизма зашли слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи „новыми словами"; ихъ они противопоставили „забытымъ словамъ" своихъ пред-

шественниковъ, легкомысленно отказываясь отъ наслѣдства, накопленнаго трудами „отцовъ“, заживо предавая землѣ послѣднихъ, искажая и понося ихъ идеалы. Испытавшій на своемъ вѣку не мало всякихъ стычекъ и закаленный въ бояхъ, знаменосецъ не выпустилъ знамени изъ рукъ и не склонилъ его покорно къ ногамъ зарвавшихся враговъ-друзей. Нѣтъ — онъ, какъ всегда, предпочелъ остаться „на славномъ посту“...

Пронеслось и это испытаніе... Но постарѣвшему въ идейныхъ битвахъ вождю пришлось на склонѣ дней своихъ услышать еще одно, самое новое изъ новыхъ словъ. Вслѣдъ за марксистами явились гг. идеалисты. Этимъ ужъ недостаточно „новыхъ словъ“: имъ нуженъ „новый путь“, ибо для нихъ, повидимому, всѣ старые пути настолько использованы, такъ сильно обветшали, что двигаться по нимъ и тѣсно, и зазорно. Однако, старому вождю не удалось, какъ слѣдуетъ, потолковать съ нашими идеалистами: начавшійся турниръ былъ грубо оборванъ безжалостной рукой смерти...

Да, много трудныхъ минутъ пришлось пережить идеямъ Михайловскаго. Но онъ смѣло и побѣдоносно провелъ ихъ цѣлыми и невредимыми сквозь строй враждебныхъ общественныхъ и философскихъ настроеній.

Если бы кому пришла охота охарактеризовать въ двухъ словахъ міровоззрѣніе Михайловскаго, то, думается, что правильнѣе всего было бы назвать его *соціалъ-индивидуалистическимъ*. Оно по духу и концепціи сильно отличается отъ міровоззрѣнія и соціалъ-демократовъ, и нашихъ неоидеалистовъ.

Центральный пунктъ ортодоксальнаго марксизма гласитъ: всякая идеологія опредѣляется характеромъ экономическихъ—производственныхъ отношеній; или, выражаясь модною, претендующею на философское глубокомысліе, терминологіей: *сознаніе всецѣло опредѣляется бытіемъ*. Отсюда—пресловутое „матеріалическое пониманіе исторіи“, выдаваемое за единственно научный „монистическій взглядъ“ на нее. Вся эта „философія исторіи“, соблазнившая не мало догматически настроенныхъ умовъ и покорившая не мало пылкихъ сердецъ, встрѣтила со стороны Михайловскаго энергичный отпоръ. „Сознаніе всецѣло опредѣляется бытіемъ“, это—не формула, доказанная анализмомъ фактовъ, это—*символъ вѣры*. Вѣдь съ такимъ же, если не съ большимъ, правомъ можно выставить, какъ это и дѣлаютъ идеалисты, діаметрально противоположную формулу: *бытіе всецѣло опредѣляется формами нашего сознанія*! Михайловскій, однако, не ухватился за этотъ спасительный лозунгъ, которымъ не разъ ужъ побивался матеріализмъ, не ухватился потому, что и здѣсь, какъ всегда, онъ предпочелъ не касаться „метафизики“ занимающаго его вопроса. Онъ утверждалъ лишь, что *сознаніе есть часть бытія* и, наряду съ остальными элементами его, *надѣлено самостоятельною творче-*

скою ролью. Въ противовѣсъ ортодоксамъ, ставящимъ весь историческій процессъ въ причинную связь съ матеріальными—экономическими, производственными — условіями жизни, Михайловскій не разъ указывалъ на *многообразіе и взаимодѣйствіе факторовъ*, перекрещивающихся и безконечно переплетающихся, подъ вліяніемъ которыхъ такъ или иначе складывались историческія судьбы народовъ. Онъ придавалъ громадное значеніе экономическому фактору, но не признавалъ за нимъ исключительной, универсальной роли во всѣхъ безъ исключенія событіяхъ исторіи. Въ этомъ—одинъ изъ существенныхъ пунктовъ его разногласій съ ортодоксами.

Затѣмъ Михайловскій отдавалъ должное тѣмъ элементамъ человѣческой психологіи и идеологіи, которые отмѣчены печатью кастовыхъ, сословныхъ и классовыхъ интересовъ; онъ не отрицалъ антагонизма и противорѣчія этихъ интересовъ. Напротивъ, онъ самъ не мало потрудился съ цѣлью констатировать наличность такого антагонизма и объяснить его мотивы. Но высшимъ критеріемъ въ оцѣнкѣ общественныхъ явленій для него служили не интересы какого-либо класса, какой-либо группы, а идея всесторонне, гармонично развитой человѣческой личности. И въ этомъ—второй существенный пунктъ разногласій Михайловскаго съ марксистами.

Еще дальше. Личности, какъ соціальной единицы, какъ творческой исторической силы, марксизмъ, собственно говоря, не признаетъ. Для него вся динамика общественной жизни, вся та великая драма, имя которой—всемірная исторія, сводится къ столкновенію, борьбѣ, побѣдамъ и пораженіямъ классовыхъ интересовъ: дѣйствующими лицами тутъ оказываются только массы. Михайловскій видѣлъ прекрасно, какъ велико значеніе массъ въ „дѣланіи исторіи". Однако это не давало ему никакого повода совершенно обезцѣнивать историческую роль, во-первыхъ, „критически мыслящихъ личностей", а во-вторыхъ, героевъ, не только въ условномъ, но и въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Тутъ сказался третій существенный пунктъ его разногласій съ ортодоксами.

Наконецъ. Общественная организація будущаго, къ которой стремятся идеологи пролетаріата, считая ее за *конечную цѣль* всѣхъ своихъ помысловъ, не представлялась Михайловскому какой-то панацеей отъ всякой скверны, тяготѣющей надъ личностью современнаго человѣка. Онъ придавалъ этой организаціи громадное значеніе, но лишь постольку, поскольку она является *средствомъ* къ освобожденію личности отъ экономическаго рабства и отъ цѣлаго ряда правовыхъ, общественныхъ и политическихъ институтовъ, связанныхъ съ капиталистическимъ строемъ. Михайловскій никогда не могъ согласиться съ самоувѣреннымъ утвержденіемъ ортодоксовъ, будто только пролетаріатъ способенъ все-

цѣло проникнуться „идеологіей будущаго", будто только ему одному дано понять и оцѣнить всѣ тѣ блага, которыя связаны съ крушеніемъ капитализма. Нужно стать буквально рабомъ, безвольнымъ, загипнотизированнымъ рабомъ ортодоксіи, чтобы не видѣть, что не всякое „пролетарское сознаніе" совпадаетъ съ „идеологіей будущаго", что соціальныя перспективы, рисующіяся въ воображеніи идеологовъ пролетаріата, доступны пониманію всѣхъ трудящихся слоевъ общества, всѣхъ эксплуатируемыхъ, униженныхъ, обобранныхъ и искалѣченныхъ „естественнымъ ходомъ вещей", разъ только сознаніе ихъ въ должной степени просвѣтлено, и что, наконецъ, къ эмансипаціи трудящихся массъ отъ экономическаго, соціальнаго и политическаго рабства самоотверженно стремится внѣклассовая интеллигенція. Считая будущую организацію общества всего лишь *средствомъ*, при томъ далеко не всеисчерпывающимъ, въ борьбѣ человѣческой личности за свою индивидуальность, ставя интересы человѣка выше интересовъ какого-бы то ни было класса, хотя бы и „четвертаго", Михайловскій естественно долженъ былъ отнестись отрицательно къ нѣкоторымъ идеямъ ортодоксовъ, хотя и признавалъ ихъ практическую дѣятельность постольку, разумѣется, поскольку она служитъ дѣлу эмансипаціи личности отъ узъ капитализма со всѣми связанными съ нимъ общественными и политическими „надстройками".

„Свобода личности—вотъ программа всѣхъ программъ, выше которой нѣтъ ничего, общѣе которой нѣтъ ничего, священнѣе которой нѣтъ также ничего".

„Безусловное уваженіе къ человѣческой личности, къ ея автономіи, къ ея праву на самоопредѣленіе—вотъ основная черта развиваемой нами этической точки зрѣнія"..

„Человѣкъ есть „разностное существо", и онъ не долженъ терпѣть нивеллировки, долженъ протестовать противъ попытки вымуштровать его по одному шаблону, сдѣлать изъ него „хориста", обратить его въ полезный для стада экземпляръ, какими бы „общественными благополучіями" эти посягательства ни прикрывались"...

„Свобода и права личности выше всякой власти, хотя-бы то была власть народа, выше всякихъ желаній и интересовъ, хотя бы и рабочаго класса".

„... Предательство принциповъ свободы, такъ нагло совершенное въ Западной Европѣ, должно найти въ насъ самый рѣшительный отпоръ. Но мы должны идти еще дальше тѣхъ, которые этотъ отпоръ готовятъ, мы не должны допустить, чтобы духовная свобода и сознаніе конечныхъ (?) цѣлей жизни были преданы, были промѣнены на соціальное благополучіе, чтобы мы оказались духовно-нищими въ тотъ часъ, когда придетъ къ намъ соціальное обновленіе"...

Кому могли бы принадлежать всѣ эти мысли? Не Михайлов-

скому ли? Да, отъ нихъ такъ вѣетъ духомъ Михайловскаго. Вспомните тѣ строки изъ статьи его „Патологическая магія“, гдѣ говорится о томъ, что человѣкъ долженъ отстаивать свои права отъ посягательствъ высшихъ ступеней индивидуальности, „какими бы пышными именами онѣ ни назывались“, и что только такая точка зрѣнія на позицію человѣка въ борьбѣ за индивидуальность заслуживаетъ названія гуманной и „приличествуетъ человѣческой мысли“. Вспомните... А впрочемъ, къ чему тутъ вспоминать отдѣльныя мѣста, когда мысль эта ярко выступаетъ во всѣхъ главнѣйшихъ работахъ Михайловскаго. И тѣмъ не менѣе только что цитированныя строки принадлежатъ не ему, а его... принципіальнымъ *противникамъ*, которые, по собственному ихъ заявленію, ушли далеко впередъ отъ своего „первоначальнаго“ учителя, *переросли* „его“. Кто жъ они, эти счастливцы, лишь „въ дни ранней юности“ увлекавшіеся Михайловскимъ, а нынѣ обогнавшіе своего учителя и вдругъ—послѣ цѣлаго ряда грубыхъ и несправедливыхъ выходокъ противъ него—почувствовавшіе желаніе „положить вѣнокъ на могилу“ того, кого они великодушно признаютъ теперь не только противникомъ, но и „своимъ другомъ и отцомъ?“ Это, читатель, наши нео-идеалисты съ гг. Н. Бердяевымъ и С. Булгаковымъ во главѣ, это авторы „Проблемъ идеализма“, а потомъ сотрудники журналовъ „Новый путь“, „Вопросы жизни“. Выдержки, приведенныя выше, принадлежатъ перу С. Булгакова и Н. Бердяева, и взяты онѣ изъ „Проблемъ идеализма“ и октябрьскаго номера журнала „Новый путь“ за прошлый годъ. Судя по этимъ выдержкамъ, да и вообще по всему тому, что пишутъ наши идеалисты о „свободѣ и неотъемлемыхъ правахъ личности“—а пишутъ они на эту тему горячо, нерѣдко въ приподнятомъ тонѣ—судя по всему этому, слѣдовало бы считать ихъ убѣжденными индивидуалистами и... послѣдователями Михайловскаго. Но мы знаемъ уже, что они „ушли отъ своего первоначальнаго учителя, переросли его“. Да „ушли“... назадъ, къ ученію о какомъ-то „метафизическомъ существѣ личности“ *), о „внѣвременномъ и внѣпространственномъ конкретномъ духѣ“; да, „переросли“... въ сторону мистики и—пусть простятъ мнѣ гг. идеалисты эту неделикатность—порою витіеватаго празднобoлтанія.

Однако, пусть „ушли“, пусть „переросли“: мнѣ кажется, что ученикамъ, послѣдователямъ и единомышленникамъ Михайловскаго не приходится завидовать такого рода успѣхамъ. И вотъ почему *мнѣ лично* это кажется.

---

*) Всѣ слова и фразы, поставленныя здѣсь и дальше въ кавычкахъ, взяты изъ статей Н. Бердяева: „Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма“ („Проблемы идеализма“) и „Философія и жизнь“ („Новый путь“. Октябрь, 1904 г.).

Сторонники Михайловскаго, насколько мнѣ извѣстно, не фантазируютъ на тему о соединеніи „эмпирическаго *я* съ *я* универсальнымъ“, о „синтезѣ идеи богочеловѣка и человѣка-бога“, смиренно признавая себя неспособными проникнуть въ міръ универсальностей и постигнуть „идеалъ окончательнаго совершенства“, ибо считаютъ такія фантазіи дѣломъ празднымъ да и просто неинтереснымъ.

Они очень и очень сомнѣваются въ томъ, что „міръ имѣетъ нравственный смыслъ, и что индивидуальная жизнь находится въ неразрывной нравственной связи съ жизнью универсальной, съ міропорядкомъ“: для признанія всѣхъ этихъ сентиментальностей высшаго порядка у такъ называемыхъ „позитивистовъ“ не имѣется никакихъ данныхъ, если не считать тѣхъ, которыя могутъ быть почерпнуты изъ неистощимаго кладезя необузданной фантазіи.

Они не вѣрятъ въ существованіе „внѣвременнаго и внѣпространственнаго конкретнаго духа, изъ природы и общества невыводимаго“, считая всѣ такого рода заявленія претенціознымъ наборомъ словъ, смыслъ которыхъ теменъ, какъ для тѣхъ, кто ихъ на досугѣ измышляетъ, такъ и для „эмпириковъ“, признающихъ личность человѣка „соціально-біологическимъ образованіемъ“, а не „вѣчнымъ духомъ“, „соприкасающимся въ сверхразумной полнотѣ своей съ существомъ міра“.

Они не ставятъ своей задачей реализовать „идеалы міра“, ибо имъ, ограниченнымъ своимъ „эмпирическимъ содержаніемъ“, извѣстны лишь идеалы человѣка, опять-таки эмпирическаго, дѣйствительнаго, а не „внѣвременнаго и внѣпространственнаго“.

Они не думаютъ, что нравственный законъ по своей природѣ принадлежитъ „царству свободы“, ибо и его относятъ къ „царству необходимости“, равно какъ не думаютъ и того, что зло есть лишь „эмпирическая видимость“, „недостаточная реализація добра“: закоренѣлые адепты „традицій и предразсудковъ позитивизма“, неисправимые „раціоналисты“, презирающіе отъ всей души идейную эквилибристику и словесный спортъ, они не вѣрятъ ни въ независимость „категоріи должнаго“ отъ „сущаго“, ни въ доказуемость „метафизическаго отрицанія зла“ уже по одному тому, что „метафизически“ зло можетъ быть съ такимъ-же правомъ отрицаемо, какъ и утверждаемо.

Они, разумѣется, не согласятся признать существованіе какого-то „трансцендентнаго, мистическаго, разрывающаго всѣ грани и разрушающаго всѣ стѣны опыта“, ибо имъ, получившимъ презрительныя клички эмпириковъ, позитивистовъ и раціоналистовъ, извѣстенъ лишь опытъ „условный, заключенный въ пространственно-временную темницу“.

Они совсѣмъ не склонны думать, что „будущее принадлежитъ мистицизму“, что соціальная демократія можетъ создать какую-то тамъ „самую тонкую духовную аристократію“ для осуществле-

нія „мистическихъ цѣлей человѣческой жизни, которыя отрицаетъ нашъ малый ограниченный разумъ, но признаетъ нашъ большой, безконечный разумъ“, ибо скромно оставляютъ въ своемъ распоряженіи лишь „нашъ малый ограниченный разумъ“ и уступаютъ всецѣло гг. идеалистамъ „разумъ большой, безконечный“.

Они, наконецъ, возвращаютъ гг. идеалистамъ полностью и обвиненіе въ томъ, будто Михайловскій всю свою жизнь защищалъ „личность безличную, безкрасочную, отвлеченную, общую“: это вѣдь дѣло метафизиковъ защищать все безкрасочное, безкровное, безплотное—имъ, значитъ, и книги въ руки. Чтущимъ-же свято завѣты нашего писателя-гражданина остается лишь одно: бороться и бороться, не покладаючи рукъ своихъ, во имя того запуганнаго, загнаннаго, замученнаго пытками, обливающагося потомъ, захлебывающагося отъ слезъ и забрызганнаго кровью, живого, одѣтаго кожею и мясомъ *человѣка*, котораго *всю свою жизнь защищалъ* Николай Константиновичъ Михайловскій!..

В. В. Лункевичъ.

Dies irae.

Воспоминанія французскаго офицера о Седанѣ.

Карла Блейбтрей.

Пер. съ нѣмецкаго **М. Тимофеевой**.

Я былъ легко раненъ подъ Фрешвейлерѣ. Такъ какъ мой полкъ былъ почти совершенно уничтоженъ, то меня для окончательнаго выздоровленія отправили въ Парижъ, гдѣ я изъ оставшихся кадровъ долженъ былъ сформировать новые батальоны мобилей.

Посреди этой работы, за которую я принялся съ большимъ рвеніемъ, меня застала оффиціальная депеша, отъ 28 августа, которая, къ моему изумленію, сообщала слѣдующее:

„Дорогой полковникъ. Я опять здѣсь. Выѣхалъ 24-го, 27-го былъ въ Марсели, сегодня утромъ пріѣхалъ въ Парижъ. Наконецъ-то, получилъ давно желанный переводъ въ дѣйствующую армію. Представьте себѣ мою радость, когда я узналъ, что вы избѣгли безполезнаго избіенія при Вертѣ! Прошу васъ немедленно явиться въ военное министерство, будьте готовы тотчасъ же вмѣстѣ со мной отправиться въ дѣйствующую армію. Болѣе подробныя и важныя свѣдѣнія получите у Паликао.

Вашъ старый другъ

Вимпфенъ".

Итакъ, губернаторъ Орана, любящій меня, какъ отецъ, мой боевой начальникъ въ Крыму и въ Алжирѣ, сегодня уже въ Парижѣ! Въ кабинетѣ военнаго министра графа Паликао меня съ распростертыми объятіями встрѣтилъ генералъ Вимпфенъ, высокій красивый мужчина, сѣдина котораго придавала еще большую прелесть его замѣчательно умнымъ и благороднымъ чертамъ.

— Ну вотъ и вы. Не думалъ я, что такъ скоро увижу васъ. Теперь мы снова можемъ сражаться бокъ о бокъ съ вами. Все уже улажено. Сегодня вечеромъ мы выступимъ по

направленію къ Седану, гдѣ сконцентрировался, судя по вчерашней депешѣ, Макъ Магонъ, оттѣсненный отъ Туртерона и Бюзанси.

— Такъ точно, маркизъ, — сказалъ военный министръ, графъ Паликао, который уже давно зналъ и меня.—Теперь талантамъ генерала Вимпфена открыто широкое поле дѣйствій. Жаль только, что мы такъ долго не пользовались ими. Прежде всего ему придется замѣнить Фальи, изумительную дѣятельность или скорѣе бездѣятельность котораго вы испытали на своихъ плечахъ при Рейхсгофенѣ.

— Но этимъ, разумѣется дѣло не ограничится,—добавилъ Вимпфенъ съ надутой важностью, которой я у него прежде не замѣчалъ: обиды по службѣ развили въ немъ самомнѣніе непризнанныхъ геніевъ.—Моя миссія можетъ принять гораздо болѣе значительные размѣры. Будьте спокойны, графъ. Полковникъ—настоящій рыцарь безъ страха и упрека и, безъ сомнѣнія, преданъ мнѣ.

— Мы знаемъ, что вполнѣ можемъ довѣрять вамъ, — учтиво заявилъ Паликао.—Знайте же, что въ руководящихъ сферахъ давно уже не придаютъ особеннаго значенія способностямъ маршала Макъ Магона. Это и подтвердилось на дѣлѣ. Въ сраженіяхъ герцогъ поистинѣ—Баярдъ, но слишкомъ легко поддается вліянію императора и его близкихъ. Онъ все дѣлаетъ обходы и теперь — послѣ категорическаго приказа идти къ Мецу для освобожденія Базена — дошелъ какъ разъ до бельгійской границы! Поэтому, очевидно, необходимо присоединить къ нему помощника, который при случаѣ могъ бы и замѣнить его. Итакъ, вы можете смотрѣть на генерала Вимпфена, какъ на будущаго главнокомандующаго всѣхъ находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій боевыхъ силъ.

Я поспѣшилъ выразить свою преданность дѣлу и затѣмъ спросилъ генерала о моемъ личномъ назначеніи.

— Вы, другъ мой, — отвѣчалъ Вимпфенъ,—будете занимать при мнѣ постъ особенно довѣреннаго лица и сопровождать меня въ качествѣ экстраординарнаго адъютанта.

— Мнѣ, конечно, нечего и говорить вамъ, маркизъ, — прибавилъ министръ,—какую пользу офицеръ вашего чина и вашего общественнаго положенія можетъ принести при нынѣшнихъ печальныхъ обстоятельствахъ, въ качествѣ авторитетной поддержки. Вы тѣмъ болѣе подходите къ этому назначенію, что вы, такъ же какъ и вашъ начальникъ, не причислены ни къ какому отряду. Само собою разумѣется, полковникъ, что ваше повышеніе, которое вы безспорно уже заслужили вашей блестящей защитой Эльзасгаузена и вашимъ яснымъ и убѣдительнымъ докладомъ о ходѣ этого несчаст-

наго дѣла, ускорится, благодаря этимъ исключительнымъ обстоятельствамъ. Прежде всего вы будете назначены на первое вакантное мѣсто бригаднаго командира.

Мнѣ дали часъ времени для приведенія въ порядокъ моихъ личныхъ дѣлъ, и вскорѣ мы отдыхали на бархатныхъ подушкахъ отдѣльнаго купэ въ поѣздѣ, увлекавшемъ насъ по направленію къ Суассону. „Мѣсто моего рожденія"!—мечтательно пробормоталъ Вимпфенъ, глядя на убѣгающія мѣстечки и поля.

Вдругъ въ головѣ его зародилась какая-то мысль, и онъ сталъ чертить что-то въ записной книжкѣ, съ очевиднымъ удовольствіемъ закругляя періоды. Значеніе этого писанья выяснилось для меня лишь тогда, когда онъ во время пятнадцатиминутной остановки въ Суассонѣ поднялъ на ноги весь желѣзнодорожный и телеграфный персоналъ и издалъ слѣдующую громовую прокламацію къ „суассонскимъ патріотамъ". Прокламація эта начиналась такъ:

„Сограждане, братья!

„Громъ военныхъ орудій достигъ до меня въ пустыняхъ Африки, и я на крыльяхъ воинственной отваги съ быстротой молніи примчался сюда. Я цѣлую родную землю и клянусь омыть ее кровью моего сердца отъ оскверняющихъ ее слѣдовъ ноги завоевателя. Сыновья матери, родившей также и меня, мужи Суассона, будьте достойны меня, я буду достоинъ васъ! Будьте французами, будьте современными римлянами! Трехцвѣтное знамя соединяетъ въ себѣ лилію Бурбоновъ, эмблему стараго рыцарства, красный цвѣтъ крови восходящаго солнца свободы и дорогой фіалковый цвѣтъ маленькаго капрала, нашего безсмертнаго цезаря. Оросите лиліи и фіалки кровью вашего сердца! Пусть пламя энтузіазма, горящее въ вашихъ сердцахъ и на вашихъ лицахъ, уничтожитъ преходящія пятна, которыми забрызганъ ихъ несущійся съ сѣвернаго полюса варварскій потокъ гунновъ".

На вокзалѣ въ Реймсѣ царило сильное оживленіе. Между воинскими и провіантными поѣздами опытный привыкшаго къ войнамъ въ Алжирѣ глазъ моего начальника различилъ отрядъ кавалеріи. Онъ велѣлъ справиться. Оказалось, что это были двадцать пять человѣкъ шестого гусарскаго полка. Куда они идутъ?—Въ Парижъ. Съ рѣшительностью, бывшей главной чертой его характера, Вимпфенъ измѣнилъ ихъ маршрутъ и приказалъ слѣдовать за нимъ изъ Реймса въ Бюзанкуръ, а оттуда въ Ретель.

Только что мы прибыли туда, какъ по улицамъ пронесся крикъ ужаса: „Уланы"! На самомъ дѣлѣ прошелъ довольно слабый патруль; но онъ былъ бы достаточно силенъ, чтобы забрать въ плѣнъ будущаго главнокомандующаго. Слѣдова-

тельно, предосторожность окружить себя личнымъ эскортомъ сослужила ему хорошую службу.

Отъ Ретеля мы сѣли на лошадей. Отсюда путь лежалъ уже по угрожаемой мѣстности. Говорили, что прусскіе кавалеристы рыскали по странѣ. Событія этого дня завершились любопытнымъ приключеніемъ. Какъ только мы достигли полосы лѣса, за которымъ виднѣлись крыши деревни Синьи л'Аббе, какъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Авангардъ эскорта тотчасъ же повернулъ назадъ. Казалось, что изъ каждой вѣтки мелькаетъ верхушка прусской каски. Всѣ наши кинулись назадъ. Вдругъ я услышалъ, что Вимпфенъ съ глухимъ ругательствомъ грохнулся на землю. Одинъ изъ гусаровъ среди сумятицы наскочилъ на генерала, и онъ, выбитый изъ сѣдла, полетѣлъ въ придорожную канаву.

Я выхватилъ шпагу и въ бѣшенствѣ хотѣлъ уже броситься на двѣ темныя фигуры, которыя готовились что-то продѣлать съ упавшимъ генераломъ, какъ вдругъ разглядѣлъ синія блузы „вольныхъ стрѣлковъ".

— Дурачье! — закричалъ я.—Какого чорта вы тутъ дѣлаете?

Они смутились и отступили отъ добычи, увидѣвъ при свѣтѣ луны свою ошибку.—Картина.

Между тѣмъ гусары, разбѣжавшіеся въ первый моментъ паническаго страха, снова собрались. Стрѣлки вышли изъ кустовъ.

Они почесывали затылки и подталкивали другъ друга. Вимпфенъ, между тѣмъ, не потерпѣвъ особенныхъ ушибовъ и поврежденій, сердито садился на лошадь. Тогда въ качествѣ предводителя крестьянъ выступилъ впередъ сѣдой старикъ. Сконфуженно вертя своимъ ружьемъ и своимъ картузомъ, онъ далъ, наконецъ, слѣдующее объясненіе:

— Ваше превосходительство! Во всемъ этомъ виноватъ я—мэръ Франсуа Леру. Не гнѣвайтесь на насъ за нашу ошибку. Я пережилъ вторженіе непріятеля въ 1814—15 году и помню, что мы въ тѣ поры дошли до самыхъ Арденъ. Этотъ отрядъ вольныхъ стрѣлковъ я организовалъ изъ окружнаго населенія. Мы ожидали прусскую конницу... къ тому же уже порядочно темно.

Вимпфенъ громко расхохотался.

— Ну, полно!—весело воскликнулъ онъ, добродушно хлопая старика по плечу,—сердиться я и не думаю. Ты служишь отечеству, старина, и я запомню твое имя, чтобы выхлопотать тебѣ награду. Ты заслуживаешь уваженія каждаго храбраго француза, какъ почтенный остатокъ той великой эпохи, когда, такъ же какъ и теперь, болѣе сильное варварское племя дерзало унижать покинутую и проданную великую на-

цію и великаго императора, послѣ того какъ врагъ надругался надъ нами и бросилъ намъ дерзкій вызовъ. Этотъ позоръ не долженъ повториться. Прекрасная Франція воспрянетъ, какъ грозное божество. Мы долготерпѣливы, мы миролюбивы; но когда врагъ попираетъ священную почву нашего обожаемаго отечества, мы дѣлаемся страшны... Продолжайте всѣ своимъ рвеніемъ на дѣлѣ доказывать, что вы достойны принадлежать къ великой націи!..

30-го утромъ мы достигли Мезьера. Оттуда можно было снова ѣхать по желѣзной дорогѣ. Поѣздъ миновалъ Седанъ и остановился лишь за крѣпостью на берегу Мааса, у деревни Базейль. Здѣсь мы узнали непріятную новость: непріятель напалъ на нашъ аріергардъ во время дневного отдыха близь Бомона и оттѣсняетъ насъ за Маасъ.

Подъ Амблимономъ мы насладились пріятнымъ зрѣлищемъ паническаго отступленія. Мы бросились навстрѣчу потоку бѣглецовъ и, насколько могли, старались остановить его.

Такимъ образомъ, мы собрали постепенно значительный отрядъ изъ различныхъ корпусовъ и заняли сильное положеніе между Мэри и Амблимономъ.

Здѣсь Вимпфенъ сталъ ожидать отвѣта на слѣдующую депешу къ маршалу:

„Прибылъ сюда съ особымъ полномочіемъ по распоряженію военнаго министра. Стою на линіи отступленія съ разбитыми войсками. Ожидаю приказаній".

Получился отвѣтъ: „Отступать къ Седану".

Вимпфенъ уже имѣлъ нѣсколько легкихъ стычекъ съ непріятельскимъ авангардомъ и вообще держалъ себя здѣсь съ апломбомъ главнокомандующаго, что, впрочемъ, при царствующей всеобщей неурядицѣ, никто не ставилъ ему въ вину.

— Такъ вотъ они, эти кимвры и тевтоны!—злобно посмѣивался старикъ.—Англичане называютъ скуку „синими чертями" (blue devils). Мнѣ эти „синіе черти" помогутъ разогнать скуку.

Сраженіе было прекращено, и части одна за другой отступили до самыхъ валовъ крѣпости. Здѣсь царилъ невѣроятный безпорядокъ, такъ что мы съ трудомъ могли пробраться впередъ. На всѣхъ спускающихся къ городу и тянущихся внизу дорогахъ стояли густыя толпы солдатъ; а наверху крѣпостного вала все было усѣяно красными мундирами офицеровъ. На просторныхъ площадяхъ внутри укрѣпленій и обоихъ внутреннихъ мостахъ, перекинутыхъ черезъ большой резервуаръ воды, кишмя кипѣли въ невообразимомъ хаосѣ люди, телѣги, стада рогатаго скота, массы двигающихся или строющихся колоннъ. Гулъ сотень тысячъ чело-

вѣческихъ голосовъ, мычанья скота, ржанья лошадей, сигнальныхъ рожковъ и барабаннаго боя стоялъ въ воздухѣ. Къ этому гулу примѣшивалось непрерывное громыханіе отъ людскихъ шаговъ, топота конницы, скрипа колесъ, слышались ругань и крики. На всѣхъ поляхъ въ ослѣпительномъ сіяніи солнца сверкало оружіе.

Городъ былъ переполненъ народомъ, и мы съ трудомъ нашли комнату въ гостиницѣ.

Вимпфену хотѣлось тотчасъ же осмотрѣть поле сраженія; однако онъ прежде всего послалъ меня къ Макъ Магону, чтобы приготовить его къ своему появленію. Онъ долженъ былъ отправиться за мною слѣдомъ.

Маршалъ немедленно принялъ меня. Онъ имѣлъ очень утомленный видъ, но встрѣтилъ меня радушно.

— Радъ видѣть васъ,—сказалъ онъ,—хотя и не удивляюсь, что вы тотчасъ по выздоровленіи заняли вашъ постъ: такъ и долженъ былъ поступить такой бравый солдатъ, какъ вы. Правда, мнѣ было бы пріятнѣе, если бы вы привели съ собой собственный корпусъ. Вашъ полкъ, вы знаете, уничтоженъ и для васъ трудно будетъ найти подобающее вамъ мѣсто.

— Господинъ маршалъ, реорганизированные мною кадры и составленные изъ нихъ батальоны мобилей прикомандированы къ Винуа, который привлекаетъ къ себѣ вообще всѣ наличныя боевыя силы департаментовъ Сены и Марны.

— Вотъ это хорошо!—горячо подтвердилъ герцогъ.—Винуа офицеръ осторожный и осмотрительный. Онъ стоитъ на парижской дорогѣ (какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно) и долженъ искать соединенія съ нашимъ правымъ флангомъ. Судя по его вчерашней депешѣ, онъ, пожалуй, уже здѣсь.

Маршалъ указалъ на пунктъ, отмѣченный красной булавкой на развернутой по столу картѣ.

— Впрочемъ,—послѣ короткаго молчанія и бросивъ мечтательный взглядъ въ окно, сказалъ онъ, быстро зашагавъ по комнатѣ,—можетъ быть, лучше будетъ, если онъ останется подальше.

„Ага! — подумалъ я, — пораженія, какъ видно, заразительны“.

Онъ пытливо взглянулъ мнѣ въ лицо и медленно, съ какой-то двусмысленной улыбкой проговорилъ:

— Не давайте дурного толкованія моимъ словамъ! Но я желалъ бы, чтобы и вы направились къ Винуа. Я понимаю, ваши отряды были еще не готовы къ походу и вы въ своемъ усердіи долгу и рвеніи къ дѣлу одинъ поспѣшили впередъ, откуда грозитъ опасность.

— Не совсѣмъ одинъ!—почтительно возразилъ я.—Я поз-

волю себѣ донести вашему высокопревосходительству, что я прибылъ сюда въ качествѣ личнаго адъютанта генерала Вимпфена.

Макъ Магонъ буквально отскочилъ на одинъ шагъ и на лицо его набѣжала темная туча.

— Ахъ, вотъ какъ! Я и забылъ, что вы — старый другъ и почитатель генерала. Ну что-жъ, вы въ хорошихъ рукахъ— и васъ остается только поздравить... Извините, однако, но это просто комично: два генерала, которые принуждены выискивать свои будущія войска!

— Это не совсѣмъ такъ. Графъ Паликао предоставилъ генералу Вимпфену пятый корпусъ.

— Часъ отъ часу не легче!—Два командира для одного и того же корпуса такая роскошь, которой мы не смѣемъ позволить себѣ по нынѣшнимъ тяжелымъ временамъ!

— Къ моему глубокому сожалѣнію, герцогъ, я долженъ сообщить вамъ, что генералъ Фальи отрѣшенъ отъ должности. Приказъ объ отставкѣ мотивируется поведеніемъ генерала при Вертѣ.

— Да развѣ я на него жаловался?—воскликнулъ Макъ Магонъ.—Я нахожу этотъ шагъ крайне необдуманнымъ.

— Позвольте, господинъ маршалъ, — многозначительно возразилъ я,—обратить ваше вниманіе на то, что *Бомонъ* никакъ не могъ служить къ укрѣпленію подорваннаго довѣрія къ способностямъ г. де-Фальи.

— Гм... вы правы, полковникъ.

Въ эту минуту Вимпфенъ вошелъ вслѣдъ за докладывавшимъ о немъ дежурнымъ офицеромъ.

— Честь имѣю представиться, мой дорогой... маршалъ!— онъ хотѣлъ назвать по имени своего товарища по оружію, но холодное пожатіе руки заставило его замѣнить имя чиномъ.—Я прибылъ сюда прямымъ путемъ изъ Орана.

— Завернувъ, конечно, въ Парижъ, дорогой генералъ!— съ ѣдкой иронiей поправилъ его Макъ Магонъ.—Я слышалъ, что вы имѣли тамъ съ Паликао важные разговоры.

— Которые привели къ печальнымъ заключеніямъ,—отпарировалъ, гордо выпрямившись, Вимпфенъ, котораго оскорбилъ холодный тонъ маршала,—и потому вслѣдствіе различныхъ соображеній высшія власти нашли желательнымъ привлечь къ дѣлу новыя силы.

— Ну да, вы во всякомъ случаѣ успѣли отдохнуть,—съ саркастическимъ паѳосомъ возразилъ Макъ Магонъ,—этимъ Фальи похвастатся не можетъ. Намъ непріятель не давалъ времени отдыхать. Я надѣюсь,—торопливо добавилъ онъ,—въ скоромъ времени найти подходящую почву для вашей дѣятельности.

— Почву я обыкновенно выбираю самъ, да уже и выбралъ ее,—спокойно отвѣчалъ Вимпфенъ.—Вообще, я съ каждой минутой все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что мое присутствіе здѣсь необходимо.

— Что вы говорите, генералъ!.. Ну, да мы это увидимъ!—сказалъ герцогъ, дѣлая видъ, что подавляетъ зѣвокъ.

— Только, пожалуйста, какъ можно скорѣе... Прежде всего я попрошу г. маршала представить меня пятому корпусу.

— Съ удовольствіемъ.

Гордая сдержанность побѣдителя при Маджентѣ едва смягчилась вѣжливымъ наклоненіемъ головы, сопровождавшимъ эти слова.

— Затѣмъ я буду просить ваше высокопревосходительство распорядиться, чтобы мнѣ, *старшему генералу*, были даны нѣкоторыя объясненія относительно хода событій.

— О, *вамъ* не трудно будетъ оріентироваться,—небрежно замѣтилъ герцогъ.

— *Здѣсь*, конечно, не трудно,—сухо отвѣчалъ Вимпфенъ.—Я уже порядочно оріентировался на мѣстѣ и составилъ себѣ мое личное мнѣніе.

— Тѣмъ лучше! Къ сожалѣнію, я въ настоящую минуту занятъ составленіемъ маршрута, но тотчасъ же сяду на лошадь, чтобы исполнить желаніе вашего превосходительства. До свиданія!

Вплоть до возвращенія въ гостиницу Вимпфенъ хранилъ упорное молчаніе. Онъ заговорилъ лишь тогда, когда, вытянувшись на диванѣ, закурилъ сигару. Задумчиво слѣдя за голубоватыми кольцами дыма, онъ сказалъ:

— Скорѣе сдержанное, чѣмъ доброжелательное отношеніе ко мнѣ маршала озабочиваетъ меня. Прямо удивительно! Ни слова о томъ, что онъ намѣренъ дѣлать.

— Меня болѣе всего,—замѣтилъ я,—поразило то спокойствіе,—чтобы не сказать довольство—которое выражалось на его лицѣ. А между тѣмъ мы находимся, можетъ быть, въ весьма печальномъ положеніи.

Вимпфенъ быстро повернулся ко мнѣ и, облокотившись на столъ, пытливо взглянулъ мнѣ въ лицо.

— Что это значитъ, полковникъ?—Надѣюсь, что я не услышу болѣе отъ васъ подобныхъ вещей. Неужели тайный лозунгъ: „спасайся, кто можетъ“ сдѣлался повальной нравственной эпидеміей?

Я пожалъ плечами и не отвѣтилъ. Прошелъ часъ—Макъ Магонъ не являлся. Вмѣсто него, доложили о прибытіи генерала Лебрена, командовавшаго двѣнадцатымъ корпусомъ. Вимпфенъ счелъ этотъ визитъ подобающимъ ему знакомъ

почтенія и встрѣтилъ гостя съ извѣстнаго рода снисходительностью, не замѣчая его холодной вѣжливости. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Лебренъ съ сдержаннымъ раздраженіемъ сказалъ:

— Генералъ, я явился, чтобы исполнить мой долгъ относительно васъ. Какъ только вы прибыли сюда, я счелъ себя обязаннымъ высказать вамъ мою искреннюю благодарность. Вы, какъ я слышалъ, собрали остатки моего корпуса, увлеченнаго въ разгромъ вмѣстѣ съ пятымъ. Эта помощь заслуживаетъ тѣмъ большей признательности, что явилась неожиданно.

Вимпфенъ, почувствовавъ уколъ этого косвеннаго упрека, рѣзко отвѣтилъ:

— Я подоспѣлъ какъ разъ во время, чтобы увидѣть, какъ необходимо ввести здѣсь порядокъ. Вѣдь недаромъ же высшія власти прислали меня сюда съ *неограниченными полномочіями.*

Это вѣское слово точно громовымъ ударомъ сбило безобидную иронію Лебрена.

„Проклятіе!—прочиталъ я въ его глазахъ,—только что явился и уже ведетъ себя такъ, какъ будто побѣда у него въ карманѣ!“

Однако, онъ сдержался и съ свѣтской ловкостью раскланялся, сказавъ, что не желаетъ безпокоить болѣе генерала. Прошло еще часа два—три. Я позвонилъ, чтобы подали обѣдъ. Маршалъ не являлся. Послѣ обѣда Вимпфенъ, весь красный, вскочилъ со стула.

— Вѣдь это же оскорбленіе! Но подожди, я ужъ отплачу этому выскочкѣ. Если онъ и въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себѣ, что я буду держаться за полы его сюртука, то онъ очень ошибся. Я самъ представлюсь моимъ солдатамъ.

Въ такъ называемомъ „старомъ лагерѣ“, центральномъ пунктѣ нашей позиціи, гдѣ пятый корпусъ стоялъ въ запасѣ, царствовало смятеніе. Свой знаменитый дамскій багажъ и свою кухню маршалъ на этотъ разъ оставилъ дома. Прочія приспособленія къ военной прогулкѣ въ Берлинъ также отсутствовали: дѣло, очевидно, приняло слишкомъ серьезный оборотъ. Тѣмъ не менѣе дисциплина далеко не была образцовой и не удовлетворила даже меня, а тѣмъ болѣе такого скрупулезно строгаго по отношенію къ службѣ офицера, какъ мой начальникъ.

— Хороша дисциплина!—ворчалъ онъ,—и послѣ этого удивляются, что непріятель нападаетъ на насъ врасплохъ средь бѣла дня.

И онъ, со свойственной ему горячностью, тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, призвалъ къ себѣ трубача и велѣлъ сиг-

наломъ созвать всѣхъ офицеровъ, которымъ по всѣмъ правиламъ объяснилъ свое назначеніе.

— Фальи идетъ!—вдругъ сказалъ кто-то вполголоса.

И въ самомъ дѣлѣ, генералъ скакалъ прямо на насъ, вылощенный и вычищенный, какъ всегда. Вимпфенъ деликатно отъѣхалъ въ сторону, чтобы дать ему возможность поговорить со своими офицерами. Когда послѣдніе объяснили ему, въ чемъ дѣло, Фальи не заставилъ себя долго ждать.

— Что это значитъ?—заговорилъ онъ дрожащимъ отъ злости голосомъ,—чужой генералъ помимо меня принимаетъ на себя команду моимъ корпусомъ? Кто вы такой? Какъ вы смѣете...

— Вы, конечно, понимаете,—холодно перебилъ его Вимпфенъ,—что такихъ вещей никто на свою отвѣтственность не принимаетъ.

Съ этими словами онъ вручилъ Фальи указъ о его отставкѣ. Фальи прочелъ, сначала поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ.

— Да, да, все какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ,—саркастически сказалъ онъ.—Такъ вы, значитъ—генералъ Вимпфенъ, губернаторъ Африки, и вы поймете мое удивленіе видѣть васъ свалившимся словно съ неба въ главную квартиру, чтобы оттѣснить отъ командованія испытанныхъ военачальниковъ.

— Милостивый государь!—Одно мгновеніе оба генерала, со шпагой въ рукѣ и пристально смотря другъ другу въ глаза, стояли неподвижно. Но импозантная фигура и гордая осанка моего шефа замѣтно подѣйствовали на Фальи.

— Ну да, я знаю!—съ робкой ироніей сказалъ онъ,—въ редакціи „Gaulois“ все идетъ, какъ по маслу, и все кажется просто и ясно, какъ день. Одинъ французъ беретъ въ плѣнъ трехъ улановъ, приходитъ генералъ и громомъ пушекъ истребляетъ непріятеля, гдѣ бы онъ его ни встрѣтилъ. Кто не исполняетъ этихъ драконовскихъ требованій, тотъ прусскій шпіонъ и измѣнникъ!

— Дилетантизмъ съ его пошлымъ вмѣшательствомъ въ военныя дѣла такъ же ненавистенъ и мнѣ,—съ достоинствомъ возразилъ Вимпфенъ,—но я долженъ напомнить вамъ, г. де-Фальи, что въ Парижѣ министерствомъ управляетъ не невѣжественная толпа, не газетные писаки, а его превосходительство, военный министръ, графъ Паликао.

— А, этотъ храбрецъ!—злобно воскликнулъ Фальи,—онъ всегда былъ очень хитеръ. Сидитъ у себя дома и пишетъ депеши и бюлетени, тогда какъ мы ставимъ на карту свою честь и свою жизнь. Конечно! здѣсь вѣдь нѣтъ китайскихъ дворцовъ, изъ которыхъ люди выходятъ, какъ пьяные, по-

тому что сапоги у нихъ биткомъ набиты драгоцѣнными каменьями.

— Милостивый государь!—гнѣвно перебилъ его мой начальникъ,—я долженъ напомнить вамъ, что я, какъ командующій здѣсь, принужденъ буду потребовать у васъ вашу шпагу за проступки противъ субординаціи. Не ухудшайте и безъ того тяжелаго положенія и покоритесь неизбѣжному!

— Счастливо оставаться!—Фальи круто повернулъ лошадь и помчался, проговоривъ, не помня себя отъ ярости:—Много еще нашлютъ намъ сюда такихъ помощниковъ!. Гдѣ падаль, туда и воронье летитъ.—Я посмотрѣлъ на Вимпфена и замѣтилъ, какъ огорчило его все то, что произошло.

— Прямо непонятно,—заговорилъ онъ дрожащими отъ волненія губами и немилосердно теребя пуговицы своего мундира,—непонятно, до какой степени этотъ человѣкъ болѣе пригоденъ для придворныхъ салоновъ, чѣмъ для войны. Впрочемъ, при Ментанѣ онъ выигралъ блестящее дѣло.

Вся его, чуждая интриги и зависти, натура высказалась въ этихъ словахъ.

— Теперь къ императору!

Какъ только о насъ доложили въ главной квартирѣ, насъ немедленно приняли. Императоръ даже пошелъ навстрѣчу Вимпфену и, горячо пожавъ ему руку, тотчасъ же со слезами въ голосѣ заговорилъ:

— Что же это значитъ, генералъ, что насъ постоянно бьютъ? Что же, наконецъ, было причиной этого несчастнаго дѣла при Бомонѣ?

— Государь, я полагаю, что наши корпуса по близости отъ непріятеля всегда находятся слишкомъ далеко другъ отъ друга. Приказы отдаются плохо и неудовлетворительно исполняются.

— Весьма возможно и вѣроятно, мой милый генералъ. Я радъ видѣть васъ. Да, кстати,—нерѣшительно прибавилъ онъ,—я надѣюсь, что вамъ уже назначили соотвѣтствующій вашему чину и вашимъ наклонностямъ постъ?

— Гм... не совсѣмъ. Впрочемъ, до извѣстной степени—да. Меня назначили командующимъ пятымъ корпусомъ.

— Какъ же такъ? Да вѣдь тамъ Фальи,—сказалъ императоръ, и лицо его вытянулось.

— Былъ тамъ. Но военный министръ нашелъ нужнымъ смѣстить его.

— Да, я знаю, его упрекаютъ во многомъ. Я, можетъ быть, не довольно безпристрастенъ: императрица покровительствуетъ ему. Но во всякомъ случаѣ это вноситъ раздоръ, а несогласіе между генералами въ арміи, гдѣ дисциплина и безъ того такъ слаба...

— Вотъ потому-то, государь, и слѣдуетъ подчинить все единому руководству.

Императоръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на моего начальника.

— Да вѣдь нельзя же васъ такъ просто...—наивно замѣтилъ онъ.

— Развѣ я могу даже подумать объ этомъ, государь? Я прошу ваше величество прочитать вотъ этотъ документъ.

Съ этими словами Вимпфенъ подалъ Наполеону приказъ герцога Паликао, регулирующій это обстоятельство. Императоръ прочиталъ его съ видимымъ изумленіемъ.

— Хорошо, очень хорошо!—съ удовольствіемъ проговорилъ онъ.—Это вполнѣ отвѣчаетъ моимъ желаніямъ.

— Я осмѣлюсь спросить ваше величество,—съ замѣтнымъ волненіемъ началъ генералъ,—почему мнѣ такъ поздно поручили команду?

— Гм... мой милый генералъ,—маршалъ Макъ Магонъ настаивалъ на томъ, чтобы оставить васъ въ Алжирѣ. Онъ считалъ ваше присутствіе тамъ необходимымъ для спокойствія провинціи.

— О, конечно!—съ горькой усмѣшкой воскликнулъ Вимпфенъ.—Такими ничего нестоющими увѣреніями, что въ Африкѣ нуженъ человѣкъ съ характеромъ и что поэтому приходится отказаться отъ моихъ услугъ въ Европѣ, онъ уже не разъ отдѣлывался отъ меня. Поэтому-то меня и призвали лишь послѣ тяжелыхъ пораженій; но я все сдѣлаю, чтобы исправить бѣду. Разсчитывайте на мою энергію, государь!

— Я знаю, что могу разсчитывать на васъ.

Въ этотъ моментъ вошелъ главнокомандующій, и Вимпфенъ торопливо сунулъ приказъ военнаго министра въ карманъ своего мундира. Однако Макъ Магонъ успѣлъ разглядѣть печать министерства и бросилъ на генерала пытливо недовѣрчивый взглядъ, за которымъ послѣдовала саркастическая улыбка.

— Вы навѣрное также радуетесь, дорогой маршалъ,—началъ императоръ,—что будете имѣть при себѣ столь опытнаго совѣтника. Жалѣю только, что мы такъ долго должны были отказываться отъ его помощи.

Макъ Магонъ невнятно пробормоталъ что-то, что можно было счесть за благодарность, и затѣмъ съ нѣкоторой горделивой небрежностью извинился.

— Къ сожалѣнію, я не могъ еще представить васъ корпусу Фальи,—сказалъ онъ.—У меня было такъ много дѣла.

— Пятый корпусъ или корпусъ Вимпфена,—съ рѣзкимъ удареніемъ возразилъ мой начальникъ,—черезъ меня самого узналъ, что онъ избавленъ отъ прежняго неумѣлаго коман-

дира... Во всякомъ случаѣ я имѣлъ честь три часа ожидать вашего превосходительства. Теперь я осмѣливаюсь просить васъ сообщить мнѣ, по крайней мѣрѣ, о состояніи вашихъ операцій.

— Это будетъ сдѣлано, какъ только я соберу военный совѣтъ,—сурово отвѣчалъ маршалъ.

Императоръ, бросилъ на него недовольный взглядъ.

— Я также желаю этого, — сказалъ онъ. — Нѣкоторыя указанія генерала могли бы, можетъ быть, принести пользу.

— Вамъ стоитъ только приказать, ваше величество.

Однако,высокомѣрный герцогъ не могъ удержаться, чтобы не обратиться со своимъ рапортомъ исключительно къ императору и не повернуться почти спиною къ Вимпфену.

— Къ сожалѣнію, положеніе дѣлъ таково: Вчера ваше величество телеграфировали въ Тюильери: „Невыгодное дѣло при Бомонѣ. Стычка безъ особаго значенія“. *Моя* же только что отправленная депеша гласитъ слѣдующее: „Принужденъ отступить къ Седану“.

— Весьма лаконично!—воскликнулъ Вимпфенъ. — Отступить? Но я думалъ, что мы, наоборотъ, наступаемъ. И принужденъ—кѣмъ же?

— Это вы скоро узнаете,—сухо отвѣтилъ Макъ Магонъ.— Я вамъ выясню свой планъ. Послѣ того какъ я сконцентрировалъ армію въ лагерѣ подъ Шалономъ, я двинулся на сѣверо-западъ, такъ что непріятель подумалъ, что я встрѣчу его съ фронта или отойду къ Парижу. Вмѣсто этого, распоряженія военнаго министра, которымъ я вначалѣ покорно слѣдовалъ, принудили меня повернуть на востокъ, чтобы двинуться на освобожденіе рейнской арміи. Непріятель, однако, благодаря развѣдкамъ своей кавалеріи, во-время угадалъ мое намѣреніе и совершилъ, повидимому, достойное удивленія движеніе вправо. Однимъ изъ загибовъ своей далеко захватывающей линіи онъ обошелъ насъ у Бомона и отбросилъ за Маасъ. Поэтому я, во всякомъ случаѣ, предпочитаю движеніе на западъ, то есть въ противоположную сторону. Мы направляемся къ Мезьеру.

— Къ бельгійской границѣ?—насмѣшливо вставилъ Вимпфенъ. — Какое знаменательное начало! Это насъ поведетъ очень далеко.

— У насъ нѣтъ выбора,—съ ледянымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Макъ Магонъ.—Однако, я надѣюсь и даже увѣренъ, что мнѣ удастся проскользнуть между границей и непріятелемъ у Мезьера.

— Проскользнуть!?—въ неописуемомъ изумленіи воскликнулъ Вимпфенъ. — Французское войско должно ускользнуть

отъ непріятеля?! Неужели это говоритъ герцогъ Маджентскій?!

— Онъ самый. — Я васъ понимаю: вы намекаете на попытку идти напроломъ. Если бы передо мной были, какъ при Сольферино, австрійцы, то и я былъ бы этого мнѣнія. Но тутъ совсѣмъ другое дѣло.

— Мнѣ кажется,—весьма логично возразилъ Вимпфенъ,— что если непріятель дѣйствительно уклонился такъ далеко вправо, то его корпуса должны при этомъ движеніи значительно растянуться, и намъ было бы не трудно прорваться между находящимися въ движеніи частями.

— Въ этомъ есть доля правды!—согласился маршалъ.— И возможно, что я, по зрѣломъ обсужденіи вопроса, приму этотъ планъ. Можетъ быть, мнѣ удастся достигнуть дороги въ Монмеди и возстановить сообщеніе съ Винуа.

— Ахъ, да что намъ до Винуа,—раздражительно воскликнулъ Вимпфенъ.—Дѣло идетъ не о немъ, а о Базенѣ.

Непонятная тогда для меня усмѣшка Макъ Магона была отвѣтомъ на самонадѣянную увѣренность Вимпфена.

— Да, да, конечно! — медленно проговорилъ онъ. — Но тогда мы прежде всего должны перейти Маасъ обратно.

— Совершенно вѣрно! — съ горечью согласился Вимпфенъ. — Отъ широкаго моста остались лишь быки. Мы съ такой горделивой поспѣшностью рѣшили отдѣлить себя водой отъ непріятеля. Но это все равно! развѣ рѣку нельзя перейти безъ моста?

— Разумѣется. Впрочемъ, я поручаю вамъ правый флангъ, то есть пятый и двѣнадцатый корпуса, такъ что вы, въ случаѣ нападенія, будете во главѣ авангарда.

Макъ Магонъ хотѣлъ, вѣроятно, смягчить этой честью пытливость допросовъ своего инквизитора. Но тутъ вмѣшался въ разговоръ все время внимательно слушавшій императоръ и весьма резонно замѣтилъ:

— Вы знаете, что я принципіально не вмѣшиваюсь въ военные вопросы. Но объясните мнѣ только одно: если вы считаете необходимымъ пойти на Мезьеръ черезъ Седанъ, то почему же мы теперь уже не на мезьерской дорогѣ?

Маршалъ смущенно разгладилъ свои усы.

— Это совершенно вѣрное замѣчаніе вашего величества, къ сожалѣнію, теряетъ свою силу вслѣдствіе обстоятельствъ. Вчерашнее пораженіе вызвало до извѣстной степени панику, и мы должны сначала привести себя въ порядокъ здѣсь, подъ защитой крѣпостныхъ пушекъ. Къ тому же и истощенной арміи нужно дать день отдыха.

„Да, если непріятель тоже будетъ отдыхать!“ — подумалъ я.

— Если же мы здѣсь будемъ ожидать *сраженія*,—Вимпфенъ съ его презрѣніемъ къ стратегическимъ маршамъ и контръ-маршамъ всегда попадалъ на своего конька: — то я полагаю, что французской императорской арміи нечего бояться утомленнаго противника, который, вслѣдствіе попытки насъ опередить или обойти,—принужденъ такъ растянуть свою линію, что врѣзывающійся въ нее острымъ клиномъ корпусъ неминуемо долженъ разорвать ее.

Лицо маршала замѣтно вытянулось.

— Нѣтъ, генералъ,—сказалъ онъ,—вы все видите въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. Наши шансы далеко не столь благопріятны. Но объ объ этомъ нечего и говорить. Завтра до полудня непріятель, навѣрно, не успѣетъ собрать достаточно войска, чтобы пойти въ атаку, а до восьми часовъ мы будемъ уже далеко.

— Скажите,—озабоченно спросилъ императоръ,—неужели духъ арміи такъ упалъ?

— О, это пустяки! Я знаю французскаго солдата и видѣлъ его въ двадцати сраженіяхъ. И мой прежній корпусъ, которымъ теперь командуетъ Дюкро, рвется въ бой, чтобы отомстить за Вертъ.

— Вы также, вѣроятно, всей душой желаете сразиться, дорогой маршалъ,—съ злобнымъ участіемъ замѣтилъ Вимпфенъ.

— Утѣшьтесь, генералъ,—отпарировалъ тотъ, — я буду исполнять свой долгъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не буду годенъ въ дѣло. И тогда,—многозначительно покосился онъ въ сторону,—безъ сомнѣнія, мнѣ найдется достойный замѣститель.

Когда насъ отпустили, я напомнилъ моему начальнику, что онъ хотѣлъ осмотрѣть поле сраженія.

Я былъ сильно взволнованъ, когда увидѣлъ старыя знамена и полковые значки, и когда я снова очутился среди своихъ товарищей по битвѣ при Вертѣ. Со всѣхъ сторонъ меня узнавали и радостно привѣтствовали. Это меня очень смущало, такъ какъ моего начальника никто не зналъ. У одного изъ бивачныхъ огней я увидѣлъ моего бывшаго дивизіоннаго генерала, теперь корпуснаго командира Дюкро. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ, вытаращилъ на меня глаза, затѣмъ съ непритворной радостью поспѣшилъ мнѣ навстрѣчу:

— Господи, Боже мой! вы, маркизъ? Живы вы еще или воскресли изъ мертвыхъ? — Взглядъ Дюкро упалъ на Вимпфена и, признавъ его высокій чинъ, онъ поклонился ему по формѣ и вопросительно взглянулъ на меня. Но мнѣ казалось не совсѣмъ удобнымъ представлять свое начальство,

Вимпфену же мѣшала это сдѣлать гордость. Пришлось самому Дюкро избавить его отъ этой непріятной церемоніи.

— Простите!—сказалъ онъ,—мнѣ кажется, я не ошибаюсь, предполагая, что вы—генералъ Вимпфенъ?

— А я имѣю честь видѣть передъ собой генерала Дюкро? спросилъ тотъ, съ большимъ достоинствомъ отвѣчая на поклонъ.—Очень радъ познакомиться съ вами. Я давно уже зналъ васъ по слухамъ, но за ваше отличное поведеніе въ вертовской западнѣ вы сдѣлались за глаза милы и дороги мнѣ. Кромѣ того, военный министръ обратилъ мое вниманіе особенно на васъ, генералъ.

Дюкро поклонился, но въ его плутоватой улыбкѣ ясно выразилась мысль: „Ужъ и примчались вы ваше превосходительство, съ экстреннымъ поѣздомъ прискакали изъ Алжира, чтобы выразить мнѣ высочайшую похвалу!"

Однако, онъ не могъ устоять, когда Вимпфенъ, со своей обычной сердечностью протянулъ ему руку со словами:

— Не правда ли, мы будемъ добрыми товарищами?

Послѣ нѣсколькихъ минутъ незначительнаго разговора, Дюкро спросилъ:

— Я полагаю, вы приняли пятый корпусъ лишь номинально.

— Какъ такъ?—насторожившись, спросилъ Вимпфенъ.

— Если я не ошибаюсь, мнѣ передавали, что вы, генералъ, облечены свыше особыми полномочіями.

— Совершенно вѣрно!—спокойно отвѣтилъ Вимпфенъ.

Наступила длинная пауза. Дюкро задумчиво нагнулся надъ костромъ и сталъ раздувать огонь. Вспыхнувшее пламя освѣтило его рѣзкія черты. Онъ принужденно улыбнулся, что служило у него всегда выраженіемъ скрытаго гнѣва.

— А что вы думаете о нашихъ позиціяхъ?—снова заговорилъ онъ.

— Я думаю, что онѣ выбраны недурно, — отозвался мой начальникъ.

Я испуганно вздрогнулъ и многозначительно кашлянулъ. Оба генерала съ удивленіемъ и неудовольствіемъ посмотрѣли на меня.

— Извините меня, ваше превосходительство,—почтительно заговорилъ я,—но мои взгляды совершенно расходятся съ вашими. Я чистосердечно сознаюсь, что на мѣстѣ маршала затруднился бы отвѣтить на вопросъ: *самъ* ли онъ выбралъ для себя эти позиціи, или же *непріятель* выбралъ ихъ для него?

— Эге, да вы быстро сообразили, въ чемъ дѣло!—воскликнулъ Дюкро, очевидно соглашаясь со мной.—Ну, высказывайте ваше мнѣніе, полковникъ! мы здѣсь всѣ свои.

— Я имѣю въ виду вотъ что: занятая нами равнина имѣетъ видъ пирожной формы, въ центрѣ которой мы теперь находимся. Если непріятель появится на краю формы, его концентрированный огонь долженъ уничтожить насъ.

— Ну, это нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, — возразилъ Дюкро, — вѣдь изъ середины углубленія выступаетъ верхушка горы, и мы какъ разъ стоимъ на этомъ возвышеніи, а противъ краевъ пирога, употребляя ваше выраженіе, мы выставили отдѣльныя дивизіи.

— Тѣмъ хуже!—поспѣшно возразилъ я.—Дальнобойныя орудія непріятеля съ окружающихъ лѣсистыхъ возвышенностей еще, пожалуй, не достигли бы глубины долины, тогда какъ это высокое плато онъ можетъ видѣть и обстрѣливать со всѣхъ сторонъ.

— Пустяки! — тономъ неудовольствія и порицанія воскликнулъ Вимпфенъ,—вы ужъ воображаете, что для непріятеля все возможно. Но предположимъ даже, что наши позиціи невыгодны; какъ же пруссаки взберутся на эту цѣпь горъ, которая окружаетъ насъ на многія мили кругомъ?

— О, насчетъ этого будьте спокойны!—недовольнымъ тономъ замѣтилъ Дюкро,—вы еще не знаете непріятеля!

— Однимъ словомъ, ваше превосходительство, — частью удовлетворенный, частью испуганный, заключилъ я,—вы раздѣляете мое мнѣніе относительно сквернаго выбора позиціи?

— Разумѣется. Непріятель намѣренно долженъ былъ бы вогнать насъ въ этотъ котелъ, а Макъ-Магонъ какъ разъ здѣсь располагаетъ свой лагерь, зажигаетъ костры и даетъ суточную передышку.

— Да вѣдь это прямо безуміе!—воскликнулъ Вимпфенъ.

— Что прикажете дѣлать! Армія еще сегодня утромъ была въ такомъ состояніи деморализаціи, что дальнѣйшее *отступленіе* еще болѣе деморализировало бы ее. Вѣдь вы знаете, что нашъ солдатъ подъ словомъ отступленіе всегда понимаетъ *бѣгство.* Мы должны были привести въ порядокъ войско и справились, по крайней мѣрѣ, съ паникой.

— Однако, вѣдь вы полагаете, ваше превосходительство,— нетерпѣливо замѣтилъ я,—что битва на этомъ мѣстѣ могла бы имѣть гибельныя послѣдствія для насъ?

— Я этого не отрицаю,—согласился Дюкро, — но зачѣмъ же предполагать самое худшее? Я утѣшаю себя тѣмъ, что мы во всякомъ случаѣ будемъ завтра въ полномъ ходу по направленію къ Мезьеру.

— Къ Мезьеру? Мнѣ пришла въ голову такая мысль,— сказалъ Вимпфенъ.—Всѣ только и говорятъ, что о движеніи къ *западу* и *востоку*,—почему же не къ *сѣверу* или *сѣверо-*

востоку? Мы прошли черезъ Ретель и нашли весь этотъ путь свободнымъ.

Дюкро съ любопытствомъ поглядѣлъ на него такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „этотъ вопросъ выказываетъ нѣкоторую сообразительность“. Затѣмъ серьезно отвѣтилъ:

— Вы удивляете меня, генералъ! Отъ васъ я менѣе всего ожидалъ отреченія отъ всякихъ шансовъ. Вѣдь это значитъ абсолютное отступленіе къ *Парижу* и отказъ отъ сообщенія съ Базеномъ. Кромѣ того, примите во вниманіе наши внутреннія, закулисныя обстоятельства. Мы получили изъ Парижа категорическій приказъ не предоставлять Мецъ самому себѣ. Тамошняя чернь дѣлаетъ затрудненія, газетчики предписываютъ намъ поведеніе.

— Чортъ бы побралъ этихъ бумагомарателей! — яростно воскликнулъ Вимпфенъ.

— Да, но они существуютъ и надо считаться съ условіями. Къ тому же, какъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, духъ арміи такъ плохъ, что прямое отступленіе возможно только въ случаѣ послѣдней крайности. Господи! Когда я только вспомню, что нашъ почтенный маршалъ на обѣдѣ въ замкѣ Дюркгеймъ чокнулся со мной, когда доложили о наступленіи непріятеля, и сказалъ: „Теперь, господа прусаки, вы у меня въ рукахъ!“

На обратномъ пути мой шефъ былъ очень молчаливъ. Оба полководца измѣрили другъ друга и уже по предвзятой антипатіи нашли одинъ другого невыносимымъ. И не безъ основанія. Оба смертельно ненавидѣли тщеславныхъ людей. Самомнѣніе же, когда оно встрѣчаетъ отпоръ, всюду наталкивается на мнимыя оскорбленія, мимо которыхъ истинно гордый человѣкъ прошелъ бы съ холодной улыбкой.

— Несомнѣннымъ фактомъ, — доброжелательно и съ созерцательнымъ самопознаніемъ Сократа замѣтилъ мой шефъ,— останется то, что истинный талантъ всегда скроменъ!

Когда мы достигли лагеря нашего (пятаго) корпуса, оказалось, что Фальи со своей комфортабельной палаткой преспокойно перебрался въ шестой корпусъ къ своему пріятелю Дуэ. Поэтому, когда смущенные дивизіонные генералы стали предлагать своему новому корпусному командиру свои собственныя палатки, Вимпфенъ заявилъ, что онъ привыкъ раздѣлять жесткое ложе на голой землѣ съ любымъ изъ рядовыхъ. У бѣднаго Вимпфена, въ самомъ дѣлѣ, сохранились еще такія старомодныя понятія! Мнѣ тоже пришлось, разумѣется, волей-неволей, буквально подчиниться этой тяжелой участи, и мы оба, подложивъ сѣдло подъ голову и подост-

лавъ подъ себя шинель, улеглись, какъ могли. Я попросилъ инструкцій и получилъ приказаніе въ извѣстныхъ случаяхъ съ неограниченнымъ полномочіемъ осматривать форпосты.

— Ладно!—зѣвая, проговорилъ Вимпфенъ.—Теперь прочитайте вечернюю молитву и... ахъ да, я вѣдь и забылъ, что вы—вольтеріанецъ. All right—good night! И, весьма довольный этими крохами своего лингвистическаго образованія, старый рубака повернулся на лѣвый бокъ и вскорѣ заснулъ.

Внезапно я согналъ съ себя сонъ, ощупалъ столбъ, къ которому была привязана моя лошадь, и, медленно спускаясь, направился къ городу, укрѣпленія котораго грозно выступали въ ночной темнотѣ. За ними слышался неумолкаемый шумъ. Всѣ кафэ были еще переполнены, и звуки оргій доносились до меня по вѣтру.

Да, будемъ пѣть гимны Вакху и Венерѣ! А если битва завтра? Ну, что-жъ, тогда пусть разобьютъ въ дребезги сосудъ съ мозгами, и красное вино жизни пусть брызнетъ кругомъ во славу Творца!

Я повернулъ назадъ и сталъ спускаться по крутымъ скатамъ плоскогорья, пока не достигъ лежащаго у подножія его Гаренскаго лѣса, гдѣ мы нѣсколько часовъ тому назадъ сидѣли съ Дюкро. Все спало. Я прошелъ вдоль линіи форпостовъ и углубился въ чащу лѣса. И въ то время, какъ я шелъ въ темнотѣ и роса сыпалась на меня съ задѣтыхъ мною вѣтокъ, какая-то таинственная грусть охватила мою душу.

Когда я вернулся на то мѣсто, съ котораго ушелъ, я нашелъ моего коня и моего престарѣлаго начальника погруженными въ глубокій мирный сонъ. Я позавидовалъ имъ— и животному, и идеалисту и, содрогнувшись отъ утренняго холода, растянулся около нихъ. Вскорѣ усталость заставила меня заснуть тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ.

Вдругъ холодный утренній вѣтерокъ разбудилъ меня. Что это? Туманъ, что ли, движется тамъ? Такъ какъ сонъ окончательно слетѣлъ съ меня, я разбудилъ моего дрожащаго отъ утренняго холода коня и отправился осматривать форпосты.

Какъ только я, ни разу не остановленный караульными, проѣхалъ по лѣсистой долинѣ къ Базейлю, я услыхалъ, какъ бы въ противоположность тишинѣ, царствовавшей на нашемъ флангѣ, какой-то сдавленный шумъ и замѣтилъ подозрительное движеніе на томъ берегу Мааса. Я мигомъ бросился вдоль построекъ Базейля по тому направленію, гдѣ сквозь темную чащу деревъ сверкала серебряная лента рѣки. Черезъ нѣкоторое время послышалось: „Кто идетъ?“ Это былъ первый признакъ передовыхъ постовъ, который я услышалъ. Я сказалъ пароль. Блеснулъ слабый огонекъ, и я увидѣлъ

пикетъ моряковъ, расположившихся вокругъ глиняной хижины. Они играли въ карты.

— Встать!—скомандовалъ я. Такъ какъ при мерцающемъ пламени костра ясно видны были мои эполеты, они тотчасъ же, хотя и неохотно, повиновались. — Развѣ такъ служатъ на передовомъ посту?

— Простите, г. полковникъ, вѣдь мы не въ виду непріятеля, — позволилъ себѣ отвѣтить въ извиненіе сѣдой сержантъ.

— Да? Вотъ какъ? Кто это вамъ сказалъ?

— На Маасѣ мостъ взорванъ; не полѣзетъ-же непріятель ночью черезъ рѣку!

— Глупости! Гдѣ ближайшій патруль?

— Ѣздятъ тамъ, близь фермы.

— А гдѣ дежурный офицеръ?

— Тамъ у пруда. Главный обсерваціонный пунктъ.

— Хорошо. Прощайте.

И, должно быть, въ тотъ же моментъ тьма скрыла меня и моего коня отъ глазъ этихъ людей, такъ какъ я услышалъ позади себя ихъ удивленные возгласы въ то время, какъ мчался полнымъ карьеромъ, съ опасностью сломать себѣ шею сквозь волнистый туманъ, направляясь къ рѣкѣ. Прошло около десяти минутъ, когда я услыхалъ щелканье курковъ и окрикъ „стой!“ Удостовѣривъ свою личность, я тотчасъ же принялъ команду надъ патрулями и, выслушавъ докладъ о подозрительномъ шумѣ на берегу рѣки, самъ взобрался на ближайшій пригорокъ. Внезапно сдѣлалось свѣтлѣе,—утренняя заря разсѣяла немного густой туманъ. Достигнувъ вершины, лошадь моя споткнулась. Громкій лязгъ моей сабли при паденіи и невольно вырвавшійся у меня возгласъ вызвали неожиданное эхо. Должно быть, я потревожилъ кого-то внизу. Опасались ли тамъ засады съ нашей стороны, или по безсознательной оплошности, или же просто, чтобы сбросить съ себя маску,—но непріятельскіе понтонеры, наводившіе внизу мостъ, прокричали слабое ура! Я такъ внезапно понялъ все положеніе, что даже конь мой споткнулся отъ того, что я весь вздрогнулъ отъ неожиданности. Глаза мои, привыкшіе уже къ темнотѣ, ясно различали двѣ черныя полосы моста и копошащихся вокругъ нихъ, какъ муравьи, людей.

Снизу доносились громкіе крики команды и глухой мѣрный топотъ роты солдатъ. Почти одновременно густая, черная колонна войскъ двинулась черезъ рѣку въ долину.

Не колеблясь ни одной минуты, я выпалилъ всѣ заряды моего револьвера, приказалъ патрулю сдѣлать то же и бросился черезъ покрытыя росою поля наперерѣзъ къ желѣзнодорожной станціи.

— Кто идетъ?

— Гдѣ офицеръ?

— Кто стрѣлялъ?—перекрещивались вопросы.

— Я самъ и мой патруль. Смирно! Къ оружію!—спокойно отвѣчалъ я, сильнымъ движеніемъ разбрасывая пирамиду ружей.

— Что за дьяволъ! Какъ вы смѣете здѣсь распоряжаться?—выходилъ изъ себя дежурный офицеръ, старавшійся разсмотрѣть мое лицо при свѣтѣ гаснувшаго костра.

— Я—личный адъютантъ генерала Вимпфена!—крикнулъ я ему.—Непріятель переходитъ Маасъ. Форпосты не подаютъ своевременно сигналовъ. Живо! Вы будете отвѣчать за эти упущенія. Ваша безпечность намъ дорого обойдется. Трубачъ, сигналъ къ сбору!

Уничтоженный поручикъ стоялъ блѣдный, какъ смерть, однако осмотрительно сдѣлалъ нужныя распоряженія. Я неутомимо старался собрать патрули позади Базейля, но мнѣ попались лишь не многіе, привлеченные выстрѣлами.

— Гдѣ квартира Лебрена?

— Позади Балана.

Мчась къ Балану, я въ промежуткахъ кричалъ: „непріятель!“ какъ только мнѣ попадался бивачный огонь, гдѣ я замѣчалъ не спящихъ людей. И мнѣ припомнился анекдотъ о нападеніи при монастырѣ Кампѣ во время семилѣтней войны, когда капитанъ овернскаго полка Асса, подъ штыками непріятеля, ожидая неминуемый смерти, закричалъ свое безсмертное: „Ко мнѣ, Овернь! непріятель!“ И я рѣшился съ неменьшею стойкостью исполнить свой долгъ. Когда мнѣ удалось разыскать квартиру корпуснаго генерала, не мало труда стоило мнѣ предстать передъ его свѣтлѣйшія очи. Я оттолкнулъ отъ входа храпѣвшаго денщика и непрерывнымъ повтореніемъ словъ: „Адъютантъ Вимпфена... непріятель!“ проложилъ себѣ путь къ спальнѣ Лебрена.

— Хорошій у васъ пропускъ,—сердито накинулся на меня заспанный генералъ:—Вимпфенъ и Вимпфенъ безъ конца!

— Личное донесеніе чрезвычайной важности...

— Приказъ о моемъ увольненіи, что ли! Долженъ сдать корпусъ Вимпфену? такъ, что ли?

— Я долженъ напомнить вамъ, генералъ, что ему подчиненъ уже пятый корпусъ,—почтительно замѣтилъ я.

— Это ничего не значитъ! Вѣдь и четырнадцатый корпусъ, который еще вовсе и не готовъ къ мобилизаціи, Поликао уже заранѣе отнялъ у моего друга Трошю, чтобы его, въ случаѣ, если Трошю окажется не удобнымъ, отдать тому же господину Вимпфену. Да и зачѣмъ вообще существуютъ раз-

личные корпуса? одинъ соединенный корпусъ Вимпфена—вотъ и все.

Старый воинъ развеселилъ себя самъ своей тирадой.

— Генералъ!—воскликнулъ я. Мой серьезный видъ, очевидно, произвелъ на него впечатлѣніе.

— Ну, что такое?—Ахъ да, маркизъ—ну, что скажите?

— Непріятель!—громко крикнулъ я.—Пока мы здѣсь разсуждаемъ, время бѣжитъ.

— Непріятель? Какъ, гдѣ?

— Перешелъ черезъ Маасъ. Двигается на Базейль. Теперь, должно быть, ужъ тамъ.

— Пустяки! Аванпосты дали бы знать.

— Аванпосты—да, но они ничего не видѣли. Непріятель подкрадывается незамѣтно. Да и туманъ невѣроятный. Смотрите сами!—Я распахнулъ окно.

— Чортъ возьми!—Старый ревматикъ вздрогнулъ и закашлялся.—Впрочемъ...

Въ это время мои объясненія и уговоры стали излишними. Сначала слабый, затѣмъ все усиливающійся лязгъ оружія заставилъ Лебрена смолкнуть. Въ отвѣтъ на мой безмолвный, но многозначительный жестъ онъ моментально застегнулъ мундиръ и прицѣпилъ саблю. Я молча поклонился, вскочилъ на лошадь и поскакалъ обратно къ Базейлю. Нѣсколько кавалерійскихъ трубачей и пѣхотныхъ горнистовъ попались мнѣ на опушкѣ лѣса. Они разыскивали свои части и громко трубили зорю.

— Стой! направо кругомъ! Эй, вы! ухватитесь за стремена кавалеристовъ и маршъ, что есть духу, къ Базейлю. Трубите изо всѣхъ силъ, пока легкія не лопнутъ! Приказъ главнокомандующаго! Живо! Живо!

Поминутно къ намъ примыкали части пѣхоты.

— Сюда, сюда!—далеко разносившимся голосомъ командовалъ я.—Приказъ главнокомандующаго! Стройся! Ружье направо, въ атаку!

Давно уже со свистомъ летали надъ нами ружейныя пули... Теперь къ намъ направлялись бѣглецы, съ сѣверной опушки.

— Стой! бросайся въ кусты! стрѣляю! кто васъ ведетъ?

Пѣхотный офицеръ сдѣлалъ мнѣ подъ козырекъ.

— Какъ дѣла?

— Плохи. Насъ буквально вытрясли изъ постелей. Туманъ благопріятствуетъ непріятелю; онъ незамѣтно пробрался въ самую глубь. Вонъ тамъ, этотъ угловой домъ...—Вдругъ онъ повернулся и упалъ. Ружье, высунувшееся изъ того дома, на который онъ указывалъ, уложило его на мѣстѣ около меня.

— Чортъ возьми! И оттуда уже бѣгутъ!

Разсѣянная кучка нашихъ бѣжала отъ желѣзнодорожной станціи. Я бросился имъ навстрѣчу и приказалъ отстрѣливаться.

— А, господинъ лейтенантъ, опять я встрѣчаю васъ!— привѣтствовалъ я начальника флотскаго аванпоста.—Вашей проклятой беспечности мы отчасти обязаны этимъ миленькимъ началомъ сраженія.

Офицеръ заскрежеталъ зубами отъ злости и стыда.

— Вы поведете въ атаку, полковникъ? — глухо, съ подавленнымъ волненіемъ, но съ корректной выправкой и держа руку у козырька, спросилъ онъ меня.

— Подождите!

Продолжающаяся перестрѣлка въ деревнѣ убѣждала меня въ томъ, что гарнизонъ успѣшно защищается въ домахъ.

— Впередъ! Скорымъ шагомъ! Въ штыки! — Я замѣтилъ, какъ получившій выговоръ офицеръ, желая загладить свою вину, готовъ былъ разорваться на части—я самъ поспѣшно пробѣгалъ ряды,—и быстрымъ, какъ вихрь, натискомъ мы штыками отбросили за деревню все, что оставалось здѣсь отъ непріятеля. Тамъ завязался горячій бой. Мнѣ удалось обходомъ отрѣзать слишкомъ далеко ушедшія части непріятеля, и я отдалъ приказъ немедленно штурмовать сѣверо-западные дома, куда бросились нѣмцы.

Между тѣмъ подоспѣло нѣсколько полковыхъ командировъ, но каждый предоставилъ мнѣ свободу дѣйствія, не оспаривая мою команду, такъ какъ всѣ считали меня лично уполномоченнымъ отъ главнокомандующаго.

Примчавшись снова къ выходу изъ деревни, я услышалъ громкій крикъ торжества и тотчасъ же увидѣлъ, что слишкомъ поспѣшно и смѣло занятые непріятелемъ угловые дома сѣверной опушки очищены отъ врага, который только что сложилъ оружіе.

— Загладилъ ли я свою вину?—услыхалъ я слабый голосъ: мимо меня проносили умирающаго. Нерадивый командиръ аванпоста руководилъ штурмомъ и своей жизнью поплатился за успѣхъ.

— Наконецъ-то!—подумалъ я, почтительно отдавая честь умирающему и оглядывая строптивыя и обозленныя физіономіи плѣнниковъ. Ихъ было человѣкъ двѣсти, между ними одинъ маіоръ. Я узналъ въ нихъ баварцевъ. Благодаря непрерывной перестрѣлкѣ, густой туманъ разсѣялся, за то кругомъ стоялъ черный пороховой дымъ. Тѣмъ не менѣе я отчетливо увидѣлъ, какъ голубая колонна надвигалась на насъ, а позади нея прибывали все новыя и новыя подкрѣпленія.

— Надо воспользоваться туманомъ—туда въ самую гущу!

Только что прибылъ свѣжій, еще неразрозненный батальонъ и выдвинулся въ линію огня. Вслѣдъ затѣмъ грянуло громовое: „Vive l'Empereur!“ (да здравствуетъ императоръ!).—Мы бросились на небольшой отрядъ непріятеля, который тотчасъ же дрогнулъ и отступилъ. Я не сталъ дожидаться дальнѣйшаго хода сраженія и, ставъ во главѣ эскорта плѣнныхъ, направился къ Седану.

Между тѣмъ, вначалѣ глухіе, пушечные выстрѣлы слышались все чаще и чаще. Наши батареи быстро развернулись между Баланомъ и Буа де-Шевалье; въ то же время загремѣли баварскія пушки, а съ того берега Мааса на Базейль летѣли гранаты.

Какъ разъ, когда мы добрались до шоссе, я, по бѣлымъ облачкамъ, носившимся надъ массами тумана въ глубинѣ долины на югъ отъ Ламонселя, замѣтилъ, что и тамъ работаетъ непріятельская артиллерія.

— А! это вы, маркизъ!—Знакомый голосъ вызвалъ меня изъ задумчивости. Самъ генералъ Дюкро со своимъ штабомъ, среди котораго я тотчасъ же различилъ мрачное лицо отставленнаго Фальи, мчался мнѣ навстрѣчу.—Каковъ сюрпризъ! Это превзошло наши самыя смѣлыя ожиданія. Въ семь часовъ должны были забить тревогу, а насъ уже въ пять предупредительно вытаскиваютъ изъ постелей. Какое деликатное вниманіе!.. Э! да вы привели намъ рѣдкихъ гостей!

— Къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдкихъ, генералъ!—воскликнулъ я, съ нѣкоторою гордостью окидывая взоромъ угрюмыя фигуры моихъ плѣнниковъ.

— Варвары!—пробормоталъ сквозь зубы Дюкро,—и съ такой сволочью намъ приходится сражаться! Какъ эти баварцы наступаютъ! Вообще мы чертовски ошиблись, воображая, что южная Германія симпатизируетъ Франціи! Какъ бы не такъ! Хорошо было бы всю эту распутную сволочь, которая шпіонила для его величества при зарейнскихъ дворахъ, хоть на одинъ часокъ пригнать сюда подъ этотъ огонь и показать ей, что такое эта „маленькая война“!

Въ эту минуту старикъ Лебренъ со своими дивизіонными генералами полнымъ карьеромъ прискакалъ отъ Балана.

— Спасибо, полковникъ, что предупредили!—бодро закричалъ онъ мнѣ еще издали, привѣтствуя меня рукой.—Мы великолѣпно наступаемъ. Гляди-ка, — пробормоталъ онъ, на ходу бросивъ взглядъ на моего баварскаго маіора,—какой у этихъ парней самоувѣренный видъ!

— Да, мнѣ тоже это бросилось въ глаза,—улыбнулся Дюкро, какъ-то особенно взглянувъ на меня. Въ эту минуту я неожиданно поймалъ озабоченный взглядъ, который плѣн-

ный офицеръ бросилъ по направленію къ Ламонсель-Дэньи, и тотчасъ же угадалъ причину его тревоги.

Правый флангъ непріятеля стоялъ здѣсь безъ всякаго прикрытія, угрожаемый нашимъ центромъ (Дюкро); точнѣе: между баварцами и непріятельскимъ корпусомъ, наступавшими на Дэньи и Живоннъ, прикрытія не было. Сюда-то и должно было направиться наше главное нападеніе: начало было уже сдѣлано. Мы подвинулись къ сѣверо-западному краю плато, до Дэньи.

— И теперь я спрашиваю васъ, полковникъ, что изъ этого должно выйти,—торопливо шепнулъ мнѣ Дюкро.—Помните вчерашній разговоръ?.. Наши опасенія еще усиливаются. Отъ отступленія, повидимому, придется отказаться.

— Подождите, генералъ. Уговорите маршала. Сраженіе должно быть прервано или, по крайней мѣрѣ, пріостановлено.

— А между тѣмъ Лебренъ запутывается все больше и больше!—проворчалъ Дюкро.—Да, все это вовсе не такъ просто, мой милый! Во-первыхъ, маршалъ, вѣроятно, еще нѣжится въ постели или тщательно совершаетъ свой боевой туалетъ. Во-вторыхъ, авторитетъ мой слишкомъ слабъ. Если бы я что-нибудь и предпринялъ, то вашъ почтенный шефъ мнѣ, несомнѣнно, изгадитъ все дѣло—pardon! я хотѣлъ сказать—исправитъ мои ошибки. Онъ же имѣетъ полномочія. Не представляйтесь, пожалуйста, мой милый,—всякій ребенокъ догадается, что онъ намѣченъ на мѣсто маршала. Слѣдовательно, мнѣ нечего и думать о какомъ-либо рѣшительномъ самостоятельномъ руководствѣ. А что мой достопочтенный новый коллега думаетъ объ отступленіи, это намъ достаточно извѣстно. Въ концѣ концовъ, придется выжидать здѣсь. Теперь только половина шестого. Можетъ быть, маршалъ еще и уразумѣетъ положеніе дѣлъ и прикажетъ отступать. А до тѣхъ поръ—vive la bagatelle!

— Скажите-ка, Дюкро,—прервалъ нашъ интимный разговоръ Фальи,—у васъ уже вездѣ выступаютъ на позицію. А между тѣмъ Дуэ даже и не призываетъ къ оружію.—И дѣйствительно на сѣверѣ, повидимому, едва лишь снимались съ лагеря.—Но, конечно, Вимпфенъ въ Седанѣ уже поднялъ *мой* пятый корпусъ и потревожилъ резервы посреди отдыха. Ну, да, впрочемъ, это меня не касается!

— А я боюсь, что Дуэ будетъ слишкомъ много дѣла,—вполголоса сказалъ мнѣ начальникъ перваго корпуса.

Фальи громко захохоталъ.

— Много шума изъ пустяковъ! И гдѣ же этотъ непріятель? Кругомъ все пусто. Только вонъ тамъ, къ центру движутся значительныя боевыя силы. А тамъ, направо отъ

баварцевъ, стоятъ порядочные резервы. Но вы дѣйствительно вѣрите вообще въ сраженіе?

— Вѣрю ли я? Я вижу, слышу, чувствую! Вы, можетъ быть, генералъ считаете это за рекогносцировочную перестрѣлку?

Я указалъ на страшное столкновеніе въ Базейлѣ которое съ каждой минутой грозило стать ожесточеннѣе.

— И все новыя и новыя колонны идутъ черезъ Маасъ— это уже несомнѣнно горькая истина.

— Ахъ, нѣтъ! будемъ смотрѣть веселѣе! Мы занимаемъ такія благопріятныя позиціи.

— Ужъ скажите лучше неприступныя, — засмѣялся Дюкро,—это все равно, что вашъ другъ Фроссаръ: когда ему во время завтрака съ шампанскимъ доложили объ атакѣ Шпихернскихъ высотъ,—онъ воскликнулъ: „Бѣдные пруссаки!“ Вы вѣдь были при Вертѣ, маркизъ! Да, разумѣется, Фальи, вашъ другъ Бурбаки также сдѣлалъ бы это лучше. Знаемъ мы это!

Фальи что-то пробормоталъ непонятное сквозь зубы. Фроссаръ ученый генералъ — воспитатель наслѣднаго принца, и Бурбаки, также красивый мужчина и ловкій кавалеръ, были, подобно побѣдителю при Ментанѣ, особыми любимцами императрицы, пропитанные придворной атмосферой, вслѣдствіе чего служили обычной мишенью насмѣшекъ боевыхъ генераловъ.

— А о Базенѣ опять ничего не слышно,—сказалъ онъ, желая дать разговору другое направленіе. — И всетаки, по слухамъ, Канроберъ почти совершенно уничтожилъ прусскій гвардейскій корпусъ.

— Ну, у *этого* достаточно навыка отъ бульваровъ!—раздался скрипучій голосъ Дюкро, явно намекавшаго на декабрьскую рѣзню.

Мой шефъ незамѣтно въѣхалъ на холмъ и остановилъ лошадь посреди группы.

— Съ добрымъ утромъ, господа! Впрочемъ, этотъ гвардейскій корпусъ не замедлитъ извѣстить насъ о своемъ существованіи. Наше хвастовство уже давно всѣмъ надоѣло. Ну, мой милый полковникъ,—ласково обратился онъ ко мнѣ, хлопая меня по плечу,—молодчина вы! Если бы у васъ уже не было креста, то я привѣсилъ бы вамъ мой собственный. На что это вы такъ уставились, мой дорогой Дюкро?

Послѣдній, послѣ легкаго поклона, направилъ свою подзорную трубу на линію Флуэнгъ-Илли, между тѣмъ какъ Фальи, горделиво поклонившись, не говоря болѣе ни слова, удалился къ позиціямъ Дюкро.

— Ага! вы высматриваете нашего милаго Дуэ. Васъ не

удивляетъ этотъ внезапный порядокъ въ его обычномъ ералашѣ? Я ѣздилъ туда, чтобы распорядиться, и нашелъ тамъ настоящій хаосъ, который мнѣ всетаки скоро удалось привести въ порядокъ.

И, дѣйствительно, мы увидѣли тамъ бригады, эшелонами сформированныя въ батальоны. Они занимали лѣсистыя высоты, выдвинувъ далеко впередъ линіи стрѣлковъ.

— Собственно говоря, я сдѣлалъ это для порядка, такъ какъ тамъ это не имѣетъ значенія. Вдоль и поперекъ никакого непріятеля не видно! Вообще я считаю седьмой корпусъ только резервомъ. И что значитъ, что *мой* пятый корпусъ при Баланѣ (при словѣ *мой* Дюкро незамѣтно пожалъ плечами) называютъ резервомъ? Именно здѣсь, при Ламонселѣ и Дэньи надо ожидать рѣшенія. Тамъ, выше на сѣверѣ — только одна забава.

— Такъ, такъ!—подтвердилъ Дюкро,—не замѣтили ли вы только, товарищъ, вонъ тѣ темныя точки, которыя подвигаются на Сенъ-Манжъ и Фленье?

— Вамъ опять чудятся призраки, товарищъ, -возразилъ съ хвастливой самонадѣянностью Вимпфенъ.—Это не грозовая туча. Этого мы не испугаемся. Маленькій отрядъ кавалеріи, чтобы потревожить нашъ флангъ—вотъ и все!

— Молю Бога, чтобы насъ не засталъ тамъ такой ливень, котораго мы долго не забудемъ,—многозначительно отвѣчалъ Дюкро.

— Хорошо, хорошо! Я даже желаю этого для бѣднаго Дуэ на его скучной позиціи. Его положеніе я объяснилъ ему достаточно основательно, и онъ, какъ добросовѣстный подчиненный, исполнитъ свой долгъ. Хорошій человѣкъ—Дуэ,— очень старательный, но—малоспособный.

— Ну, кто способенъ и кто не способенъ, это мы скоро узнаемъ,—воскликнулъ Дюкро, очевидно, крайне раздраженный тономъ превосходства, принятымъ Вимпфеномъ.—Все способность, да способность! Я смотрю на Илли, какъ на нашъ путь къ отступленію, и достаточно разъяснилъ свою мысль маршалу.—Но гдѣ же, наконецъ, Макъ Магонъ?—Я невольно улыбнулся при мысли, что мы до сихъ поръ ни разу даже и не вспомнили о главнокомандующемъ.—Ну, а теперь— дѣлайте, что хотите! Я знаю, что знаю, и знаю, чего хочу! И хорошо было бы, если бы каждый зналъ это... Святые угодники! вѣдь это по моему адресу.

Надъ нами по направленію отъ Ламонселя пролетѣла граната, и огонь, задѣвшій насъ съ этой стороны, показывалъ, что началась атака на линіи Дюкро близь Дэньи.

— Знаете что, господа? Я думаю намъ каждому слѣдовало бы отправиться къ своему корпусу: балъ начался!

При этихъ словахъ генералъ съ изящнымъ салоннымъ поклономъ, приподнялъ кэпи и помчался прямо черезъ гранатный огонь въ долину Ламонсель.

— Чудный солдатъ, этотъ Дюкро!—произнесъ мой шефъ свое компетентное сужденіе,—но только исполнитель! На грандіозныя идеи не способенъ. Ложное пониманіе. Къ тому же его довольно ясное сужденіе, очевидно, сбито съ толку только что испытанными неудачами.

— Да, у него еще *Вертъ* не вывѣтрился изъ головы,—съ горькой усмѣшкой замѣтилъ я.—Не находите ли вы также, генералъ, что наше положеніе...

— Лучше быть не можетъ, любезный маркизъ, но надо дѣйствовать сильно и энергично. Мы сбросимъ ихъ въ Маасъ. Дайте мнѣ только скомбинировать! Я сберегу здѣсь мои резервы и буду ожидать своего часа. Минута чести, опасности, рѣшенія судьбы застанетъ меня готовымъ ко всему. Я вгоню ихъ въ Маасъ. Я устрою прорывъ центра въ стилѣ Наполеона и тогда сброшу непріятеля въ Маасъ — или же прогоню его сквозь строй нашихъ штыковъ. Ого! тамъ у Дюкро что-то неладно. Что это за неувѣренное маневрированіе! Мнѣ надо спѣшить туда, чтобы исправить дѣло. Вы сами здѣсь будете наблюдать за стычкой въ деревнѣ. Впередъ! впередъ! Ловкость, энергія, натискъ, быстрота! Прощайте!

Съ этими словами старый рубака, выкрикивая приходившіе ему на память отрывки изъ приказовъ великаго Наполеона, умчался вдаль.

Утомленный продолжительной болтовней, я почти одновременно поскакалъ по дорогѣ къ Базейлю, которая, вслѣдствіе летавшихъ черезъ нее снарядовъ, была уже значительно усѣяна ранеными и мертвыми. Вдали я замѣтилъ какое-то необычное стеченіе людей; адъютанты и курьеры, отпустивъ поводья, скакали туда, сломя голову. Я обратился къ старому ветерану, который, сидя на краю канавы, перевязывалъ себѣ руку.

— Эй, пріятель! Какъ идутъ дѣла?

— Отлично. Канальи держатся только еще на южномъ краю—но какъ! Это не то, что подъ Инкерманомъ!

— Развѣ тамъ что-нибудь особенное?

— Особенное?—старикъ хрипло захохоталъ и, быстро схвативъ свое шаспо, примкнулъ къ только что разсѣянной толпѣ солдатъ. Кого-то ранили!

— Кого?

— Макъ Магона.

Толпа бросилась по деревенской улицѣ, надъ которой уже носились густые клубы дыма и подымались языки пламени.

Извѣстіе это, какъ громомъ, поразило меня. Итакъ, маршалъ на этотъ разъ дѣйствительно всталъ рано, только, очевидно, съ лѣвой ноги.

Я нашелъ раненаго главнокомандующаго въ обморокѣ у тополя, къ которому онъ прислонился. Онъ, повидимому, былъ раненъ въ очень неудобное мѣсто, и рана мѣшала ему сѣсть на лошадь. Очнувшись отъ обморока, онъ прежде всего увидѣлъ меня, такъ какъ титулъ „адъютантъ Вимпфена" оказался волшебнымъ лозунгомъ и въ этомъ кругу и помогъ мнѣ добраться до маршала.

Что-то въ родѣ злорадства пробѣжало по его блѣднымъ, аристократическимъ чертамъ.

— А, маркизъ,—отлично! Вы, вѣроятно, явились за тѣмъ... чтобы принять команду изъ моихъ рукъ и передать ее своему шефу. Хотя... я... да... По старшинству генералъ Вимпфенъ, безъ сомнѣнія, стоитъ на очереди и я... да я... гм... съ удовольствіемъ передалъ бы ему главную команду, если-бъ.. если бъ его незнаніе состоянія и условій арміи... ахъ, гм... докторъ, мнѣ ужасно скверно! Я долженъ быть краток. Словомъ, онъ недостаточно... недостаточно долго находится среди насъ, чтобы... чтобы хорошо знать условія. Я назначаю своимъ пріемникомъ... а... гм .. возьмите меня, унесите меня— генерала Дюкро!

Съ этими словами Макъ Магонъ снова упалъ въ очень удобный для него обморокъ, а меня оставилъ въ весьма непріятномъ состояніи духа. Если Вимпфенъ теперь воспользуется тайнымъ приказомъ Паликао, то произойдетъ невообразимая путаница. Я посмотрѣлъ на часы. Былъ восьмой часъ. Не теряя ни минуты, я поворотилъ лошадь и помчался сквозь сильнѣйшій огонь.

Мнѣ удалось, наконецъ, по лощинамъ взобраться на плато, которое уже было густо усѣяно непріятельскими снарядами. Случайно я наткнулся на мчавшагося во главѣ батареи, которая должна была вступить въ растянутую линію нашихъ на вершинѣ окраины, моего стараго школьнаго товарища де-Молеона.

— Ты къ Дюкро спѣшишь, мой милый!—кинулъ онъ мнѣ на скаку.—Присоединяйся къ намъ и ѣдемъ вмѣстѣ. Мы тоже туда. Важныя извѣстія? да? Подкрѣпленія нужны или что-нибудь болѣе важное? Что? не хочешь сказать? Все у тебя секреты! Такимъ былъ всегда, а теперь еще примкнулъ къ величайшему комеціанту въ мірѣ. Я подразумѣваю, конечно, нашего суроваго алжирца, свирѣпаго пашу съ семнадцатью лошадиными хвостами.. Знаешь, кого ты тамъ встрѣтишь? Угадай-ка! Злосчастныя саарбрюкенскія пушки теперь попадутъ въ исторію: его величество императоръ удостоилъ ста-

рыя наполеоновскія орудія своимъ особеннымъ вниманіемъ; короче—онъ остается у насъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ. Не ожидалъ я этого отъ него! Вѣдь между нами сказать... Да ты откуда?

— Прямымъ путемъ изъ Базейля.

Молеонъ глядѣлъ на меня, какъ на чудо.

— Какъ?.. Ты былъ тамъ и остался цѣлъ и невредимъ? Вотъ тамъ, я думаю, весело-то! И цѣлятся же эти пруссаки! Не худо бы и нашему брату у нихъ кое-что перенять. И лѣзутъ впередъ, какъ отчаянные. И чего они въ сущности хотятъ? Цѣль совершенно не ясна. Такъ, атакуютъ въ пространство.

Я громко расхохотался.

— Это мы каждый разъ говорили, и послѣ каждаго пораженія намъ съ трогательной ясностью раскрывался смыслъ атаки.

— Ну, я съ своей стороны *стрѣляю*. А остальное до меня не касается... Готово дѣло! По мѣстамъ, господа. Чертова перечница! вотъ такъ сюрпризъ!

Цѣлый дождь шрапнелей посыпался на насъ.

— Эти бестіи и въ самомъ дѣлѣ дождались подкрѣпленія, и мы теперь попали въ самую кашу. Съ пятью батареями мы пошли навстрѣчу одной ихъ батареѣ и всетаки не одолѣли ихъ, а теперь они, подлецы, одерживаютъ верхъ.

И, дѣйствительно, я въ подзорную трубу увидѣлъ новыя орудія, вступавшія внизу въ боевую линію, не смотря на то, что нашъ огонь причинялъ имъ большой вредъ. Только что я хотѣлъ скакать далѣе и обернулся, чтобы сдѣлать прощальный жестъ и послать прощальный привѣтъ Молеону, какъ слово замерло у меня на губахъ—раздался страшный взрывъ. Пороховой ящикъ взлетѣлъ на воздухъ, и безпорядочная куча разбитыхъ фургоновъ и падающихъ лошадей показывали то мѣсто, гдѣ произошла катастрофа.

Отъ Молеона не осталось ничего. Его разорвало на куски!

Я собралъ все свое мужество, чтобы удержать слезу сожалѣнія о страшной судьбѣ моего стараго друга и вмѣстѣ съ тѣмъ подавить невольный страхъ, отъ котораго и самый храбрый въ такія минуты уберечься не можетъ. Такова война!

Вскорѣ я добрался до Дюкро. Съ двухъ сторонъ скакали сюда же офицеры главнокомандующаго. Я тотчасъ увидѣлъ, что вѣсть о его назначеніи еще не дошла до новаго главнокомандующаго.

— Что это вы съ какой важной миной являетесь ко мнѣ, маркизъ?—съ удивленіемъ спросилъ Дюкро, видя мою строго оффиціальную выдержку.

— Я не получилъ приказа, — нерѣшительно началъ я.— Позвольте просить васъ сказать мнѣ, гдѣ находится мой начальникъ? Я надѣюсь найти его здѣсь.

— Онъ уже уѣхалъ въ Базейль. Да, чортъ возьми! Говорите же скорѣе, если вы знаете что-нибудь особенное—теперь не до пустыхъ церемоній.

— Честь имѣю доложить вамъ, генералъ, что раненый маршалъ Макъ Магонъ передалъ главную команду въ ваши руки.

Я видѣлъ, какъ Дюкро вздрогнулъ.

— Возможно ли? Значитъ не Вимпфенъ?

Противоположныя чувства отразились на его лицѣ. Но неожиданное извѣстіе, очевидно, не лишило его самообладанія. Черты его прояснились, и съ веселой, почти недовѣрчивой улыбкой онъ, казалось, вполнѣ освоился со своей новой обязанностью.

„Ничего не слѣдуетъ опасаться... Въ концѣ концовъ, все еще можетъ исправиться",—прочиталъ я въ его глазахъ, въ которыхъ отражалось вмѣстѣ съ тѣмъ странное напряженное выраженіе, котораго я сначала не могъ объяснить себѣ и съ которымъ онъ глянулъ въ сторону Илли. Это былъ человѣкъ, считавшій составленный планъ неосуществимымъ и видящій, что этотъ планъ, вопреки всякому вѣроятію, исполняется. Рѣшимость и твердость выразились въ каждой линіи его рѣзко очерченнаго лица и, казалось, перешли въ непоколебимую стремительность.

— Строжайшій приказъ Лебрену,—твердымъ голосомъ скомандовалъ онъ:—отодвинуть дивизіи Граншана и Бассуаня и идти эшелонами на плато къ Илли. Резервы въ бой! Вы, полковникъ, передадите этотъ приказъ вашему начальнику. А вы, господа,—обратился онъ къ двумъ дивизіоннымъ генераламъ Пеллэ и Лерилье, бывшимъ здѣсь въ свитѣ своего корпуснаго командира,—тотчасъ же послѣдуете этому движенію. Пятый и седьмой корпуса примкнутъ къ нему и направятся прямо на сѣверо-западъ. Если встрѣтится непріятель,—опрокинуть его на ходу. Живо, живо, живо!

Всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые, и молчали.

— Вѣдь это форменное отступленіе,—вырвалось у меня противъ воли. Живѣйшее безпокойство пробѣжало по всѣмъ членамъ штаба.

— Да вѣдь это инсубординація! — громовымъ голосомъ крикнулъ Дюкро.—По мѣстамъ! Безъ праздныхъ разсужденій! А вы *еще* тутъ, полковникъ?—вы отвѣчаете мнѣ за исполненіе моихъ приказаній. Въ вашихъ рукахъ спасеніе арміи.

. . . .

И въ то время, какъ я съ громадными затрудненіями

проѣзжалъ опасный путь къ Базейлю, во мнѣ созрѣла внутренняя увѣренность въ томъ, что этотъ человѣкъ—единственный полководецъ между нами, и только отъ него еще и можно ожидать сообразнаго съ планомъ руководства. При въѣздѣ въ ярко пылавшую деревню, я тотчасъ же увидѣлъ моего начальника, приводившаго все новыя и новыя части. Выраженіе его лица было мрачно и неувѣренно.

— Что дѣлать?—сердито проворчалъ онъ, бросаясь ко мнѣ,— приходится подчиниться. Этотъ мерзавецъ... вонъ тамъ,—онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой и плюнулъ.—Гадость какая! завистливъ до послѣдней минуты. Чтобы его не затмила болѣе даровитая личность, этотъ старый оселъ передаетъ команду человѣку, который губитъ войско... Дюкро— впрочемъ, нѣтъ, я противъ него ничего не могу сказать. Онъ очень способный, но еще мало былъ въ дѣлѣ. И, кромѣ того, у него нѣтъ идей, нѣтъ остроумія — онъ все еще держится старой школы. А еще у этой измочалившейся породы не хватаетъ настоящаго порыва.

— Если бы вы, ваше превосходительство, хотя бы вчера заставили засвидѣтельствовать ваше полномочіе!—почтительно замѣтилъ я.

— Неправда ли, я долженъ былъ при первомъ же знакомствѣ съ Макъ Магономъ униженно сообщить ему: мой милый маршалъ, какъ только съ вами приключится что-нибудь серьезное и т. д. На это Вимпфенъ не способенъ. Да и, наконецъ, такія вещи говорить не легко. Ужъ мнѣ достаточно непріятностей было и съ Фальи.

— И всетаки вы должны будете...

— Вмѣшаться? Совершенно вѣрно! Какъ вы все это угадываете, мой дорогой другъ! Вотъ у *васъ* такъ есть идеи. Преклоняюсь передъ французскимъ дворянствомъ, — онъ любезно приподнялъ фуражку: — это дворянство обладаетъ наслѣдственнымъ *ésprit*... понимаете... по теоріи Дарвина.

Къ сожалѣнію, мы слишкомъ далеко продвинулись въ ружейной перестрѣлкѣ, чтобы вести длинные разговоры. Поэтому мой начальникъ успѣлъ еще только второпяхъ шепнуть мнѣ:

— Минута опасности, минута чести, минута рѣшенія судьбы застанетъ меня на моемъ посту. Я жду велѣній судьбы. Лишь въ великіе моменты проявляется истинное величіе души! Предоставимъ Дюкро честь командованія („И отвѣтственность“, улыбнулся я про себя). Но какъ только онъ предприметъ что-нибудь, что мнѣ не понравится и что съ моей высшей точки зрѣнія... ну, да вы понимаете—я буду на мѣстѣ, его по боку и вступлю въ свои права.

Я окаменѣлъ при этихъ словахъ. Вѣдь я самъ долженъ

былъ передать ему приказъ, который могъ привести его въ бѣшенство. Тѣмъ не менѣе, я всетаки обязанъ былъ передать его, во что-бы то ни стало.

Борьба сначала приняла благопріятный оборотъ. Совершенно истощенный непріятель выдвинулъ свои послѣдніе резервы; съ нашей же стороны выступили густыя резервныя колонны изъ Седана, и побѣда надъ лѣвымъ флангомъ непріятеля задерживалась лишь огнемъ, который непріятельская батарея поддерживала противъ нашего фланга со стороны Френуа, гдѣ стояли еще нетронутыми массы баварцевъ.

— Ого! да мы опрокинемъ ихъ въ Маасъ!—съ торжествомъ крикнулъ мой начальникъ. Сѣдые волосы его развѣвались по вѣтру, лицо было черно отъ пороховаго дыма. Ярко освѣщенная пламенемъ пожара, мощная фигура неустрашимаго старика была видна отовсюду. Онъ безпрерывно произносилъ краснорѣчивыя воззванія въ стилѣ Наполеоновскихъ бюллетеней.

— Слушайте, маркизъ,—обратился онъ ко мнѣ,—пожалуй, вѣдь и вправду придется мнѣ устроить эту штуку. Мнѣ это по душѣ. Все дѣло *должно* быть подчинено одному высшему руководству!

„Ага! — подумалъ я. — Аппетитъ разыгрывается во время ѣды. Отступающую армію онъ вести не желаетъ, а побѣдоносно движущуюся впередъ—съ большимъ удовольствіемъ!“

Я предвидѣлъ, что должно было произойти. Все зависѣло отъ того, признаетъ ли его Дюкро. Кромѣ того, я долженъ былъ спѣшить съ моимъ порученіемъ.

Я нашелъ, наконецъ, Лебрена и въ сильныхъ выраженіяхъ передалъ ему категорическій приказъ Дюкро. Лебренъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Что вы сказали? Идти назадъ? Да вѣдь мы все время идемъ впередъ.

Привлеченный нашимъ жаркимъ разговоромъ, мой начальникъ внезапно дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ перебилъ насъ.

— Что такое? Что тутъ происходитъ, да еще за моей спиной? И вы мнѣ ничего не говорите объ этомъ, маркизъ? Хорошій вы адъютантъ послѣ этого. Да вѣдь онъ превосходитъ еще блаженной памяти герцога Маджентскаго! Подлость, трусость!

— Я всегда былъ иного мнѣнія о Дюкро,—добродушно отозвался Лебренъ.

— Разумѣется. Трусость? Нѣтъ, это хуже преступленія, это — глупость, какъ говорилъ нѣкій Талейранъ. Это — подлость, это—чистѣйшая *измѣна*!

— Ради Бога, не выходите изъ себя, генералъ,—шепнулъ

я ему, такъ какъ сражавшіяся вкругъ насъ войска поймали страшное слово и смутились.

— Теперь насталъ моментъ!—продолжалъ я, такъ какъ это казалось мнѣ единственнымъ средствомъ избѣжать дальнѣйшаго смятенія и начинающагося разгрома.

— Примите главную команду!

— Я сдѣлаю это!—съ большимъ достоинствомъ отвѣтилъ Вимпфенъ.—Лебренъ не только не отступитъ, такъ какъ это дурно подѣйствуетъ на его сражающіяся войска, но я еще выдвину резервы. Не бойтесь ничего, старый товарищъ: теперь войско будетъ имѣть объединенное руководительство энергичной воли: я проявлю себя.

— Гм...—добродушно усмѣхнулся Лебренъ,—вы, конечно, старѣйшій здѣсь, но...

— Я принимаю отвѣтственность на себя.

Вимпфенъ протянулъ ему лѣвой рукой поспѣшно вытащенное изъ кармана полномочіе, правой же въ это время писалъ что-то на оторванномъ изъ записной книжки листкѣ, прислонивъ его къ полуразрушенной стѣнѣ. Затѣмъ бросилъ и сказалъ:

— Тотчасъ отправляйтесь къ Дюкро! Ничего не бойтесь, любезный Лебренъ! Я отвѣчаю головой!

Какъ будто у него кто-нибудь требовалъ его головы.

— Да мнѣ-то это даже очень по душѣ,—возразилъ защитникъ Базейля.—Слушай, ребята! маршъ вонъ туда въ переулокъ и посчитайте имъ ребра штыками!

Когда я снова очутился на верху центральнаго холма, сцена измѣнилась и сдѣлалась еще болѣе грандіозной. Земля буквально дрожала и гудѣла, словно готовилась треснуть. Тѣмъ временемъ непріятель, повидимому, все подвигался впередъ по всей линіи Ламонсель-Дэньи-Живоннъ. Здѣсь бросились имъ навстрѣчу съ скорострѣльными орудіями; шаспо и игольчатыя ружья трещали съ обѣихъ сторонъ. Непріятель съ упорной стойкойстью держался на многихъ пунктахъ, и его частичное наступленіе поддерживалось страшнымъ огнемъ трехсотъ пушекъ, которыя, какъ градомъ, осыпали снарядами все плато и лѣса. Наша артиллерія отвѣчала стойко и неустанно, но оставалась въ ужасающей малочисленности и уже много разъ была выбита изъ боя. Отъѣзжавшія, совершенно негодныя къ употребленію батареи уже у самыхъ валовъ встрѣчались съ бѣгущими отъ непріятеля пушками нашей баланской батареи, которую нѣмцы прогоняли съ одной позиціи на другую концентрическимъ огнемъ отъ Френуа, Мааскихъ мостовъ и Ламонселя. Самъ Вимпфенъ приказалъ

уже, чтобы стоявшіе въ Седанѣ полки бросались на землю не только ради прикрытія, но и для того, чтобы не видѣть отнимавшей мужество картины ни къ чему негодной артиллеріи. И сколько нашихъ гранатъ разрывалось безъ всякой пользы для насъ передъ непріятельскими линіями!

По пути я наткнулся на группу всадниковъ, въ которыхъ, къ моему удивленію, узналъ уже весьма порѣдѣвшую свиту императора. Послѣдній тотчасъ же узналъ меня и поспѣшно подозвалъ меня къ себѣ.

— Вы опять здѣсь, маркизъ... Я уже видѣлъ васъ и раньше. Вы какой-то вездѣсущій,—благосклонно заговорилъ со мной его величество.—Скажите же мнѣ, ради Бога, что это еще значитъ?

И онъ указалъ на дефилирующія мимо ущелья Казаль дивизіи Лерилье и Пеллэ, подвигавшіяся къ позиціямъ Дуэ.

— Вѣдь я сейчасъ только видѣлъ эти войска на сильныхъ позиціяхъ. Да что же Дюкро дѣлаетъ? Что онъ имѣетъ въ виду?

— Отступленіе!—неосторожно выпалилъ я.

Императоръ сильно вздрогнулъ.

— Какъ? Уже опять отступленіе? Да, объ этомъ генералъ мнѣ, разумѣется, ничего не сообщилъ. Онъ бросилъ мнѣ такую фразу: „Непріятель забавляетъ насъ у Мааса и хочетъ сразиться съ нами близь Илли. Но это ничего значитъ!..“ Ну, я принципіально не вмѣшиваюсь въ военныя дѣла... Чего же смотрѣть вашъ начальникъ? Гдѣ онъ? почему онъ не занимаетъ предназначеннаго ему поста?

— Государь,- оффиціальнымъ тономъ отвѣтилъ я,—честь имѣю донести вашему величеству, что генералъ Вимпфенъ принялъ главную команду.

— Отлично!—воскликнулъ видимо обрадованный императоръ.—Теперь все пойдетъ хорошо. Энергичное единое руководство. Скажите моему милому Вимпфену, что я вполнѣ довѣряю ему... Прощайте, милый маркизъ! Надѣюсь, что мы еще сегодня увидимся съ вами.

Нѣсколько минутъ спустя самъ Дюкро попался мнѣ навстрѣчу. Видъ его былъ страшенъ.

Вонзая до крови шпоры въ бока своего покрытаго мыльной пѣной вороного, Дюкро налетѣлъ на меня, какъ грозовая туча. Онъ дико вращалъ глазами, лобъ былъ грозно наморщенъ, жилы на вискахъ надулись до того, что, казалось, готовы были лопнуть. Онъ уже издали кричалъ мнѣ:

— Вы вернулись назадъ? Что это значитъ? Мои приказы не исполнены?

— Ваше превосходительство,—нерѣшительно началъ я.

— Ну, хорошо. Вы будете привлечены къ отвѣтственности

послѣ битвы. Не довольно того, что правый флангъ продолжаетъ работать по прежнему, еще и резервы пущены въ дѣло. Мало этого—я самъ лично спѣшу, чтобы разъяснить это непонятное недоразумѣніе—мои, *мои* собственныя войска снимаются съ мѣста!

Онъ указалъ на Седанъ, гдѣ движеніе Лерилье и Пеллэ внезапно остановилось.

— Нѣтъ, тутъ есть еще что-нибудь помимо вашей медлительности.

— Генералъ Вимпфенъ,—началъ я довольно нерѣшительно.

Дюкро подскочилъ, словно его укусилъ скорпіонъ.

— Такъ я и зналъ! Не недоразумѣніе, а недовѣріе, злая воля! Но до сихъ поръ еще...

Въ этотъ моментъ самъ Вимпфенъ съ блестящей свитой въѣзжалъ на высоту и уже издали дѣлалъ привѣтственный знакъ рукой. Его письмо было написано въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и онъ, конечно, предполагалъ, что Дюкро уже прочелъ его. Между тѣмъ, тотъ, скрипнувъ отъ злости зубами, поскакалъ прямо на него. Я поспѣшилъ за нимъ, чтобы исправить свою медлительность.

— Умоляю васъ, генералъ,– сказалъ я,—немедленно прочитать это письмо.

Дюкро вырвалъ у меня бумагу изъ рукъ и, когда оба военачальника встрѣтились, онъ, хотя и вполголоса, пробурчалъ привѣтливо кланявшемуся ему Вимпфену:—Я васъ, милостивый государь, къ военному суду привлеку.

— А я за такое поведеніе долженъ бы былъ потребовать вашу шпагу, генералъ, — спокойно отвѣчалъ изумленный Вимпфенъ въ то время, какъ тотъ машинально пробѣгалъ глазами знаменательное письмо. Въ то же время Вимпфенъ, не торопясь, вынулъ изъ кармана своего мундира подлинный приказъ военнаго министра и подалъ его Дюкро, который тотчасъ же возвратилъ его съ глубокимъ поклономъ. Сначала сильное негодованіе и волненіе выразились на его лицѣ, теперь же только своебразная насмѣшливая улыбка заиграла на его губахъ.

— Я долженъ просить у васъ прощенія,—сказалъ Дюкро,—и прошу васъ принять увѣреніе въ томъ, что я безусловно буду повиноваться вамъ. Кстати извиняюсь передъ вами, что до сихъ поръ своими распоряженіями не заслужилъ вашего одобренія.

— Да, дѣйствительно, потому что я не могу понять даже ихъ мотивовъ.

— Да?—переспросилъ Дюкро.—Не будете ли вы такъ добры

отъѣхать со мной немного въ сторону, чтобы я могъ переговорить съ вами съ глазу на глазъ.

— Не вижу никакой цѣли. Время не терпитъ. Впрочемъ какъ вамъ угодно.

Съ этими словами Вимпфенъ учтиво послѣдовалъ приглашенію. Мнѣ Дюкро приказалъ слѣдовать за ними, прибавивъ:

— Свидѣтель этого разговора будетъ нелишнимъ впослѣдствіи.

Мы доскакали до склона, откуда можно было до извѣстной степени окинуть взоромъ поле сраженія. Дюкро молча показалъ на западъ, гдѣ дѣйствительно начиналась сильная канонада и трескъ оружейныхъ выстрѣловъ.

— Ну, да, Дуэ, повидимому, нѣсколько стѣсненъ,—спокойно сказалъ Вимпфенъ.—Если они только не мѣтятъ на вашъ Гареннскій лѣсъ. Но я считаю все это лишь ложнымъ маневромъ, фальшивой диверсіей. Мы дадимъ фронтальный бой у Базейля. Поэтому, не смущаясь обстрѣливаніемъ нашего лѣваго фланга, мы должны собрать всѣ наши силы, чтобы уничтожить то, что стоитъ противъ Лебрена.

Дюкро слушалъ напряженно и терпѣливо.

— Слѣдовательно, вы намѣрены прорваться къ Монмеди?

— Прорваться? Какія странныя выраженія вы употребляете, товарищъ. Мы сбросимъ баварцевъ въ Маасъ—вотъ и все!

Дюкро помолчалъ немного.

— Значитъ, вы принимаете планъ герцога Маджентскаго?

— Я ничьего плана не принимаю,—отвѣчалъ обиженнымъ тономъ Вимпфенъ.—Но вы, съ вашей обычной проницательностью, угадали мои сокровеннѣйшія намѣренія. Я предполагаю съ главными силами идти на Кариньянъ-Монмеди, чтобы стиснуть непріятеля...

— Пожалуйста, притисните его хорошенько,—вполголоса замѣтилъ Дюкро.

— И боковымъ движеніемъ достигнуть дороги въ Метцъ. Такимъ образомъ, намъ удастся подать руку помощи маршалу Базену.

— Который, можетъ быть, уже запертъ... Ну что-жъ, это всетаки планъ! — облегченно вздохнулъ Дюкро, какъ будто онъ вообще и не предполагалъ, чтобы Вимпфенъ могъ имѣть какой-нибудь планъ, и у него словно камень свалился съ сердца. — Да, и даже очень грандіозный планъ! Только непріятель будетъ другого мнѣнія. Вы исходите изъ того предположенія, что онъ спокойно предоставитъ намъ свободу дѣйствій, а что онъ также можетъ имѣть весьма серьезныя намѣренія—это кажется вамъ невѣроятнымъ. Я не стану оспаривать

у васъ права команды; но позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что я уже полтора мѣсяца нахожусь лицомъ къ лицу съ нѣмцами. Я знаю ихъ операціонную технику; я изучилъ положеніе и мѣстность, и мнѣ кажется прямо несомнѣннымъ, что непріятель имѣетъ намѣреніе насъ...—Дюкро остановился на мгновеніе и затѣмъ съ рѣшительнымъ удареніемъ докончилъ:—*окружить*.

Вимпфенъ вытаращилъ глаза при этомъ изумительномъ заявленіи и недовѣрчиво проговорилъ:

— Окружить? Гдѣ же? Какъ? Кого? Насъ? Преклоняюсь передъ вашей боевой опытностью, но это выше моего пониманія.

Тотъ, не смущаясь этимъ замѣчаніемъ, хладнокровно продолжалъ:

— Только что прискакалъ ко мнѣ курьеръ отъ мэра Виллеръ Сернэ: неисчислимыя войска непріятеля двигаются по полю, направляясь къ Флуэну. Въ письмѣ говорится, что это движеніе продолжается съ ранняго утра. Куда же направляется вся эта непріятельская пѣхота, если не на Илли?

— Илли?—пренебрежительно отвѣчалъ Вимпфенъ.—Что такое Илли? Почему вѣчно повторяютъ имя этого мѣстечка?

— А, вы не знаете, что такое Илли?—сухо возразилъ Дюкро.—Могу себѣ представить... Такъ я вамъ скажу. Смотрите сюда.

Съ этими словами онъ развернулъ карту, такъ какъ онъ одинъ только изъ всѣхъ корпусныхъ генераловъ придерживался еще этой старомодной слабости.

— Вотъ лента Мааса, которая, изгибаясь къ сѣверу, оставляетъ лишь узкую полосу между рѣкой и бельгійской границей. Мы могли пройти только въ одномъ пунктѣ—черезъ Илли. Если непріятель его займетъ—мы погибли.

Но Вимпфенъ не удостоилъ карту даже и взгляда: въ такой чепухѣ прирожденный полководецъ не нуждается.

— Отлично, отлично! прекрасно мотивировано, мой дорогой. Но вѣдь дѣло совсѣмъ не въ томъ. Въ настоящую минуту Лебренъ въ выгодномъ положеніи, и мы должны изъ этого извлечь пользу. Намъ не *отступленіе* нужно, а *побѣда.*

— Побѣда?—Дюкро стоялъ передъ нимъ, пораженный изумленіемъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Мы должны быть счастливы, если къ вечеру успѣемъ отступить. Если же Гареннскій лѣсъ окруженъ, наше положеніе весьма серьезно... Впрочемъ, сраженіе въ полномъ разгарѣ: мы принуждены расхлебывать кашу, которую намъ заварили. Тѣ полчаса, въ которые я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, сообразно съ моими распоряженіями, отступленія къ Илли,—самое тяжелое время въ моей жизни.

Оно рѣшило, можетъ быть, судьбу Франціи. Да спасетъ Господь наше отечество!

— И пусть чортъ возьметъ ваше воронье карканье!—раздраженно воскликнулъ Вимпфенъ.—Прошу васъ сообщить мнѣ, товарищъ, желаете вы черезъ Илли только дойти до бельгійской границы или собираетесь перебраться черезъ нее?—съ колкостью спросилъ онъ.

— Почему же и нѣтъ?—отвѣчалъ на это замаскированное оскорбленіе Дюкро.—По моему ужъ лучше *переходъ*, чѣмъ позоръ *капитуляціи*.

Злополучное слово было произнесено. У меня дрогнуло сердце.

— Боже мой!—воскликнулъ, выходя изъ себя, старый рубака.—Французскій генералъ на полѣ брани, гдѣ его храбрые солдаты проливаютъ кровь во имя побѣды, говоритъ о капитуляціи! Какъ низко мы упали!

Казалось одно мгновеніе, что Дюкро выхватитъ свою шпагу. Но онъ сдержалъ себя и, съ полнымъ спокойствіемъ поклонившись Вимпфену, сказалъ:

— Покорно благодарю. Я долженъ спѣшить къ своимъ людямъ. А то вы, чего добраго, подумаете, что я на старости лѣтъ пушекъ испугался. Я старался внушить вамъ благоразуміе... простите, пытался поучить васъ, т. е. я хотѣлъ сказать.. осмѣлился совѣтовать вамъ,—поправился онъ съ невыразимо горькой усмѣшкой,—чтобы сложить съ себя отвѣтственность. Прощайте! самый тяжелый долгъ мой исполнилъ я *здѣсь*. Отвѣтственность падаетъ теперь на вашу голову!

Съ этими словами онъ въ карьеръ поскакалъ къ своимъ позиціямъ, чтобы больше не оставлять ихъ во время боя. Болѣе онъ уже не вмѣшивался въ руководительство; что касается Вимпфена, то онъ, повидимому, воображалъ, что обладаетъ плечами Атласа, способными выдержать такую страшную тяжесть.

Однако, онъ казался нѣсколько смущеннымъ и взволнованнымъ. Послѣ краткаго суроваго молчанія, онъ сказалъ мнѣ:

— Слѣдуйте за мной! Я лично хочу произвести рекогносцировку новаго непріятеля на лѣвомъ флангѣ.

Но вскорѣ это выраженіе показалось просто смѣшнымъ. Самый обзоръ вышелъ необыкновенно легкимъ. Какъ только мы достигли высоты Илли, мы увидѣли весь противоположный край господствующей надъ мѣстностью цѣпи холмовъ занятымъ линіей артиллеріи — приблизительно двѣсти орудій,—растянутой на пять километровъ. Казалось, они явились туда по какому-то волшебству. Видно было также, какъ большія массы непріятельскихъ силъ рѣшительнымъ шагомъ направлялись къ Флуэну. Въ эту минуту передъ ущельемъ

Казаль, гдѣ стоялъ весь кавалерійскій резервъ, мы увидѣли скачущаго къ намъ офицера. Я узналъ въ немъ знаменитаго маркиза Галлифэ.

— Чего же мы, наконецъ, должны держаться, генералъ?—кричалъ онъ уже издали.—Четверть часа тому назадъ получаю отъ Дюкро извѣщеніе, что онъ принялъ команду. Въ то же время вижу, что нѣсколько дивизій отступаютъ. Вдругъ приходитъ контръ-ордеръ. Кто же его далъ?.. Можетъ быть, вы, генералъ?

На рѣзко утвердительное движеніе Вимпфена Галлифэ тотчасъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и почтительно отдалъ честь.

— Слѣдовательно, если я имѣю честь говорить съ главнокомандующимъ. Осмѣлюсь убѣдительно просить ваше высокопревосходительство принять во вниманіе, что вѣчные марши и контрмарши изнурительно дѣйствуютъ на солдатъ.

— Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе!—благосклонно согласился Вимпфенъ.—Теперь они уже заняли прежнія позиціи.

— Такъ, такъ,—пробормоталъ Галлифэ. Онъ казался смущеннымъ и озабоченнымъ.

— Но какъ же я долженъ согласовать полученный мною новый приказъ: стянуть мои полки и на шоссе, ведущемъ въ Илли, атаковать и отбросить непріятеля, чтобы расчистить дорогу къ отступленію?

— Чистое безуміе!—проворчалъ Вимпфенъ.—Это не можетъ такъ продолжаться,—надо показать всѣмъ, что *одинъ* только командуетъ... Не очень-то радуйтесь заранѣе блестящему дѣлу, генералъ! Для вашего вступленія я выберу подходящій моментъ. Этотъ моментъ настанетъ тогда, когда мы воспользуемся нашей побѣдой, и поколебленныя войска непріятеля необходимо будетъ разсѣять.

Съ этимъ объясненіемъ онъ оставилъ словно съ неба упавшаго и озадаченнаго начальника кавалеріи и бросился къ войскамъ держать свои „наполеоновскія" рѣчи.

Въ сраженіи насталъ какъ бы отливъ.

Линія высотъ, поднимавшаяся непосредственно позади Флуэна, до Илли, представляла собой естественную крѣпость, возвышаясь террасами, а въ одномъ мѣстѣ выступала навѣсомъ подобно бастіону. Тамъ стоялъ одинокій могучій тополь, словно намѣренно поставленный туда сигнальный флагъ. На этомъ-то мѣстѣ утвердилась та большая митральезная батарея, которая такъ прославилась своимъ героическимъ упорствомъ, выдержавъ бой до конца.

Менѣе стойкому и упрямому врагу эта позиція должна была казаться неприступной. Этимъ и утѣшался Вимпфенъ. Въ сущности, дѣло вовсе не было проиграно.

Въ то время, какъ онъ въ подзорную трубу смотрѣлъ на бушующее подъ нашими ногами столкновеніе съ нѣмцами войскъ Дюкро въ молодомъ лѣсу, тянущемся вверхъ по склону, насъ окликнули голоса. Это былъ самъ императоръ, который блуждалъ по полю битвы, разумѣется, не имѣя никакого понятія о положеніи дѣла. Свита его, погруженная въ глубокое молчаніе, очевидно была въ сильномъ смущеніи. Хотя смерть многихъ скосила въ самой непосредственной близости его, этотъ замѣчательный игрокъ, ставившій все на карту, и здѣсь сохранялъ свое невозмутимое равнодушіе и спокойствіе.

— Какъ идетъ сраженіе?—поспѣшно спросилъ онъ прежде, чѣмъ Вимпфенъ успѣлъ представиться ему, какъ главнокомандующій.

— Такъ хорошо, какъ только можетъ идти, государь. Мы наступаемъ.

— Однако говорятъ, что сильный непріятельскій отрядъ обходитъ нашъ лѣвый флангъ.

Вимпфенъ съ непоколебимою увѣренностью произнесъ въ отвѣтъ слѣдующія памятныя слова:

— Тѣмъ лучше! Пускай обходятъ. Мы сбросимъ ихъ въ Массъ.

Эта фанфаронада ровно ни на чемъ не была основана. Сѣлъ ли онъ на своего базейльскаго конька, или же онъ подразумѣвалъ ту извилину Мааса, гдѣ какъ разъ, къ моему немалому ужасу, у Серифонтена на противоположномъ берегу сформировалась непріятельская батарея, фланкирующая линію Сенъ Менжъ-Фленье? Такимъ образомъ, теперь Седанъ обстрѣливался не только спереди, налѣво отъ Базейля, но также и отъ Френуа, съ тыла. Мы были окружены со всѣхъ сторонъ — желѣзное кольцо сомкнулось. Однако: „чѣмъ сильнѣе непріятель, тѣмъ больше чести!“ Такъ отвѣчалъ Вимпфенъ на вторичный запросъ императорскаго адъютанта, сохраняя стоическое спокойствіе и, подобно своему великому образцу, заложивъ два пальца за бортъ сюртука, прибавилъ:

— Скажите императору, что черезъ два часа я сброшу ихъ въ Маасъ.

Вскорѣ мы очутились въ его излюбленномъ Базейлѣ. Съ обѣихъ сторонъ сюда прибывали новыя силы, какъ будто для того, чтобы питать этотъ огнедышащій кратеръ. Двѣнадцатый корпусъ сражался здѣсь въ продолженіе семи часовъ, но командиръ, носившійся между сражающимся, не переставалъ ободрять, возбуждать и лично отдавать приказы. Всюду — въ конюшняхъ, въ сараяхъ, на чердакахъ, въ по-

гребахъ люди дрались въ рукопашную, и часто дѣло рѣшала личная физическая. сила; все выше и выше поднималась волна возбужденія, росла дикая, кровавая жажда истребленія. Земля была усѣяна трупами, раненые съ трудомъ отползали назадъ; еще нетронутые пулями, съ черными отъ порохового дыма лицами, полные кровожадной ярости рвались впередъ.

Теперь я не могу вполнѣ ясно представить себѣ картину этой безумной рѣзни. Люди сражались съ кровавой мстительностью смертельныхъ враговъ. Со стороны нѣмцевъ—питаемая въ теченіе долгихъ лѣтъ ненависть; со стороны французовъ—самолюбіе, оскорбленное высокомѣріемъ всемірныхъ завоевателей, которыхъ они считали дерзкими выскочками. Безсознательно въ каждой мелкой дракѣ происходилъ поединокъ двухъ воинственныхъ націй новаго времени за всемірную гегемонію.

Въ концѣ концовъ, въ человѣкѣ пробудился тотъ демонъ, который живетъ въ груди каждаго человѣка, и вскорѣ люди обратились къ своимъ природнымъ средствамъ борьбы: они давили и раздирали другъ друга руками. Я видѣлъ такихъ, которые бросались другъ на друга съ оторваннымъ отъ ружья штыкомъ, не думая ни о чемъ другомъ, какъ объ уничтоженіи противника, и однимъ ударомъ убивали другъ друга разомъ; офицеры, не парируя ударовъ, прямо всаживали другъ другу шпагу въ грудь; умирающіе впивались зубами въ своихъ побѣдителей или старались опрокинуть проходящихъ. Защитниковъ поголовно выбрасывали въ окна, и мозги брызгали изъ головъ; ихъ убивали камнями сзади, и они, окруженные, наконецъ, со всѣхъ сторонъ, лежа за грудами развалинъ и мусора, стрѣляли, не заботясь о томъ, что въ нихъ могли выстрѣлить сзади.

Былъ полдень, когда мы потеряли Базейль.

Затѣмъ послѣ кровопролитнаго боя взяты были непріятелемъ Дэньи, Живоннъ, Ламониль. Вообще ряды нашихъ, опереженные и отрѣзанные, смѣшались съ прусскими линіями.

Уже цѣлые разсѣянные полки бѣжали, чтобы укрыться въ Гареннскомъ лѣсу. Тѣмъ не менѣе всюду еще защищались отрѣзанные отряды и такіе, которые не хотѣли сдаваться, сражаясь съ изумительнымъ упорствомъ до послѣдней крайности. Наша артиллерія, хотя и ужасно поврежденная, стойко держалась на своихъ позиціяхъ.

Мнѣ попалась навстрѣчу сформированная къ атакѣ колонна, которая черезъ ущелье вступала въ чащу на востокъ отъ Илли.

То былъ генералъ Пеллэ, который составилъ эту колонну изъ разбитаго отряда зуавовъ. Я привѣтствовалъ моего ста-

раго знакомаго и спросилъ его, какъ держатся его люди? Онъ яростно ругался, что они не слушаются его и, какъ звѣри, стрѣляютъ въ своихъ же офицеровъ.

— Но также и дерутся какъ львы,—сухо замѣтилъ я.

— Не дурно!—проворчалъ онъ.—Но дисциплина совсѣмъ упала. *Измѣна* начинаетъ пускать корни.

Недоставало только этого несчастнаго слова, которое, какъ летучій огонь, пронеслось по рядамъ. И, такимъ образомъ, офицерамъ приходилось идти на смерть съ уничтожающимъ сознаніемъ, что солдаты бросятъ ихъ на жертву непріятелю; солдатамъ—что ихъ вожди предали ихъ.

Внезапно моимъ глазамъ представилось замѣчательное зрѣлище: изъ разстрѣлянной, почти развалившейся хижины вышелъ человѣкъ, вскочилъ на лошадь и медленно, съ нѣсколькими сопровождавшими его людьми, направился черезъ поле къ Седану. Всѣ узнали его: это былъ императоръ.

Лицо его было землистаго цвѣта, глаза были тусклы и безжизненны, словно устремлены внутрь. Онъ сидѣлъ, небрежно опустившись и нагнувшись къ шеѣ лошади; руки безвольно и апатично лежали на сѣдлѣ. Однако лицо его не выражало ни страха, ни безпокойства. Никакая забота не обостряла этотъ расплывшійся профиль: на этомъ лицѣ выражалось одно лишь безконечное равнодушіе. Только одинъ до крайности изумленный взоръ бросилъ онъ вокругъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна. Этотъ взглядъ какъ будто говорилъ: „Неужели это правда? неужели звѣзда моя, поднявшаяся изъ болота, должна угаснуть въ лужахъ крови?“

Я не могъ подавить въ себѣ чувство жалости къ несчастному монарху, который буквально искалъ здѣсь смерти. Ему не суждено было найти ее и на полѣ чести.

Кое-гдѣ проѣзжавшаго императора встрѣчали отдѣльные возгласы: „Vive l'Empereur!“ но раздавались также и угрозы. Нерѣдко какой-нибудь раненый, приподнявшись съ усиліемъ, показывалъ сжатый кулакъ и съ пѣной у рта посылалъ ему вслѣдъ проклятіе. Мнѣ припомнился отъѣздъ Наполеона I при Аспернѣ... „Призракъ имперіи!“—подумалъ я, когда несчастная фигура проѣхала мимо. „Цезарь, умирающіе привѣтствуютъ тебя“. Этотъ видъ отнималъ всякое мужество.

— Сомкнись!—поспѣшно скомандовалъ Пеллэ.—Впередъ! Да здравствуетъ императоръ!

— Э, чего тутъ!—проворчалъ старый сержантъ. — Долой Бонапарта! Да здравствуетъ Франція!

Этотъ боевой кличъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ, и въ то время, какъ гранаты, одна за другой, укладывали на землю цѣлыя части, словно подъ дѣйствіемъ электрическаго тока, со всѣхъ сторонъ разомъ, навстрѣчу посыпавшемуся граду

пуль, раздались мощныя слова запрещеннаго свергаемымъ правительствомъ народнаго гимна:

„Allons enfants de la patrie
Le jour de gloire est arrivé"...

День славы...

Здѣсь уже ничѣмъ нельзя было помочь. Я рѣшилъ отправиться къ Галлифэ и оставаться при послѣднемъ нетронутомъ резервѣ. Такимъ образомъ, вдоль ущелья Казаль я достигъ крѣпостныхъ укрѣпленій.

По дорогѣ я встрѣтилъ Вимпфена. Мундиръ его былъ весь въ лохмотьяхъ, лицо искажено.

— Хорошо, что я васъ встрѣтилъ! — закричалъ онъ мнѣ еще издали. — Я ожидаю отвѣта отъ императора. Онъ долженъ стать во главѣ войска, мы помѣстимъ его посреди насъ.

Я не могъ подавить улыбку недовѣрія.

— У меня шесть тысячъ человѣкъ, — съ важностью продолжалъ онъ.—Я соберу ихъ въ колонну; мы пробьемся впередъ.

— Сбросите непріятеля въ Маасъ, — вполголоса насмѣшливо сказалъ я.

— И достигнемъ дороги въ Монмеди.

— Такъ. А потомъ что? На насъ идутъ многочисленные корпуса, а за ними я замѣтилъ еще большія силы. Мы попадемъ только между непріятельскими резервами.

Вимпфенъ смотрѣлъ на меня, очевидно думая о другомъ.

— Хотите со мной? Мои шесть тысячъ...

— А кто же будетъ прикрывать отступленіе?

— Дюкро и Дуэ, которые сравнительно меньше были въ огнѣ.

— Меньше были въ огнѣ? — поспѣшно возразилъ я.—Да мы тамъ, наверху, у Илли въ два часа больше вытерпѣли, чѣмъ здѣсь внизу въ шесть часовъ.

— Господи, Боже мой!—воскликнулъ Вимпфенъ, театрально закрывая лицо руками.—Мои храбрецы падали рядами.

Затѣмъ съ рѣшительнымъ видомъ и какъ бы въ доказательство своей замѣчательной военной проницательности прибавилъ:

— Сраженіе безповоротно проиграно.

— Вы только теперь пришли къ этому убѣжденію? — холодно спросилъ я.—А я, генералъ, давно это зналъ. Теперь вопросъ только въ томъ: какъ избѣжать разгрома и оконча-

тельнаго пораженія? Теперь мы сражаемся только за честь нашего оружія!

— Отступимъ за укрѣпленія Седана.

— Съ четырьмя корпусами, которымъ и здѣсь тѣсно? Да еще безъ боевыхъ припасовъ и провіанта?

Въ эту минуту мы увидѣли, что по тополевой аллеѣ къ намъ приближались двѣ пары всадниковъ: Лебренъ съ трубачомъ, у котораго на древкѣ знамени развивался бѣлый платокъ, и свитскій генералъ съ придворнымъ чиновникомъ, который также судорожно махалъ бѣлымъ платкомъ.

Вимпфенъ покачнулся въ сѣдлѣ, словно ему выстрѣлили въ грудь.

— Бѣлый флагъ! — простоналъ онъ, — значитъ *капитуляція?*

Не знаю, разозлила ли меня трусливая физіономія придворнаго, или возмутилось во мнѣ оскорбленное чувство военной чести,—какъ бы то ни было—но я выхватилъ бѣлое знамя изъ рукъ трубача и швырнулъ его прочь.

Отскочившій отъ меня, придворный старался вручить Вимпфену какое-то письмо.

— Отъ его величества. Весьма важное.

Вимпфенъ открылъ письмо и сталъ читать.

— Я не приму этого письма!—съ бѣшенствомъ воскликнулъ онъ.—Лебренъ, и это вы называете выдерживать до послѣдней возможности? Ваше мѣсто въ Баланѣ.

— У баварцевъ?—пожавъ плечами, отвѣчалъ тотъ.—Да и ваши шесть тысячъ соскучились ждать. Всякое дальнѣйшее сопротивленіе кажется мнѣ безуміемъ.

— О, Франція! какъ низко ты упала!—декламировалъ Вимпфенъ.—Я проигралъ битву только потому, что мои генералы не хотятъ меня слушаться.

— Разумѣется! Иначе вы, какъ Наполеонъ, окружили бы врага и пробили бы его центръ... и все такое! — закричалъ Лебренъ, которому надоѣлъ менторскій тонъ Вимпфена.— Пойдемте, пожалуй, со мной. Сдѣлаемъ нападеніе—только не вдвоемъ! Соберемъ людей и сдѣлаемъ послѣднюю попытку.

— Товарищъ! я никогда этого не забуду! — воскликнулъ видимо растроганный старикъ.—Итакъ, впередъ на эту прусскую сволочь—кто только не трусъ!

Mourir pour la patrie!

И, напѣвая про себя этотъ предсмертный гимнъ жирондистовъ, главнокомандующій въ полномъ восторгѣ поскакалъ къ Балану, гдѣ возобновилъ свои безплодныя усилія, и дѣйствительно изъ хаоса, царствовавшаго внутри крѣпости, выводилъ въ бой все новыя и новыя силы.

Этотъ человѣкъ навѣрное взялъ бы шанцы подъ Москвой и, какъ послѣднее прикрытіе великой арміи, какъ храбрый изъ храбрыхъ, перешелъ бы обратно Нѣманъ. Какъ самостоятельный вождь, онъ неминуемо долженъ былъ терпѣть одни пораженія. И такой-то человѣкъ въ четверо сутокъ примчался изъ Алжира въ Седанъ, чтобы принять на себя команду въ такомъ отчаянномъ положеніи!

Рѣшившись обречь себя на смерть, я помчался прямо къ одинокому тополю, который, подобно надгробному кипарису, колыхался надъ этимъ необозримымъ кладбищемъ. Онъ служилъ мишенью для всѣхъ непріятельскихъ орудій. Тамъ все еще съ непоколебимымъ мужествомъ гремѣли орудія; хотя офицеры и лошади были убиты, ихъ всетаки обстрѣливали справа и слѣва непріятельскіе стрѣлки.

Непріятель, дѣйствительно, взялъ штурмомъ окопы Флуэна и послѣ отчаяннаго сопротивленія завладѣлъ Илли. Уже непріятельскія штурмовыя орудія соединились у западной окраины Гареннскаго лѣса и гнали передъ собой наши колонны. Но имъ врядъ ли удалось бы это, если бы ихъ, во всѣхъ отношеніяхъ превосходная артиллерія, не пошатнула наши колеблющіяся линіи, а также наши подкрѣпленія прежде, чѣмъ они прибывали на мѣсто. Ихъ словно сдувало съ поля сраженія, и наши орудія принуждены были окончательно смолкнуть, такъ что только непрерывный трескъ выстрѣловъ шаспо по склонамъ свидѣтельствовалъ еще о стойкости нашего сопротивленія.

Съ изумленіемъ увидѣлъ я вдругъ всѣ кавалерійскія силы, собравшіяся на кладбищѣ Илли. Молоденькій новобранецъ, упавшій съ молитвой на устахъ и съ тянувшимися къ чему-то руками, привлекъ мое вниманіе. Слѣдуя за направленіемъ его взгляда, я замѣтилъ маленькую часовню Богоматери Vierge des Consolations, стоявшую совершенно неповрежденной, тогда какъ все падало и рушилось вокругъ. Это мѣсто поклоненія всей округи, казалось, и теперь еще посвященнымъ миру. Ликъ Мадонны все такъ же, подъ защитой каменной ниши, улыбался падающимъ къ ея ногамъ трупамъ. Не одинъ изъ этихъ несчастныхъ юношей, корчившихся теперь въ предсмертныхъ мукахъ, усердно и жарко молилъ ее о защитѣ и утѣшеніи!

И она могла дать имъ даже реальную защиту подъ своей каменной крышей.

— Сюда, маркизъ!—крикнулъ мнѣ знакомый голосъ. То былъ Галлифэ, который преспокойно покуривалъ папироску, прислонившись къ подножію статуи.

— Ну что? — спросилъ онъ какимъ-то тягучимъ, свистящимъ голосомъ,—какъ дѣла, всезнающій?

Я пожалъ плечами.

— Все погибло, кромѣ чести,—сказалъ я.—Здѣсь мы должны умереть.

— Браво! Вотъ такіе-то товарищи всегда могутъ пригодиться въ экспедиціи на смерть. Хотите присоединиться къ намъ?

— Вы собираетесь прорваться?

— Для чего же мы и лошадей имѣемъ? Теперь только, дѣйствительно, чувствуешь себя кавалеристомъ. Подъ Кульмомъ спаслись только кавалеристы Вандама. Мои люди поклялись скорѣе загнать на смерть своихъ лошадей, скача черезъ каменный мостъ, нежели отдаться въ руки непріятеля.

— Сказано-сдѣлано. Когда-жъ мы ѣдемъ?

— Я жду только, пока вотъ тѣ тонкія синія линіи, вонъ тамъ, растянутся, какъ резинка. Тогда я прорву ихъ съ моими бѣлыми кителями, какъ ниточку. Это будетъ наша послѣдняя атака, три первыя были безуспѣшны. Старикъ Маргеритъ палъ при первомъ столкновеніи и закричалъ мнѣ: „спаси моихъ ребятъ и отомсти за меня!“ Qui vivra—verra!

Я молча кивнулъ головой и сбоку посмотрѣлъ съ любопытствомъ на моего собесѣдника, за которымъ я долженъ былъ броситься навстрѣчу смерти и умереть, какъ истинный французъ на полѣ чести! Да, пусть всѣ мы погибнемъ здѣсь подобно экипажу фрегата Революціи, „Le Vengeur“, который, не не позволивъ себѣ сдаться, съ крикомъ: да здравствуетъ республика!—погрузился въ волны на глазахъ у всего британскаго флота. *Національное чувство* не простой звукъ, а единственная реально, осязаемая истина.

Я бросилъ послѣдній прощальный взглядъ на поле сраженія.

На правомъ флангѣ все еще свирѣпствовалъ ожесточенный бой. Всюду—на дворахъ, за изгородями, въ садахъ отчаянно отбивались наши. Отброшенные до самыхъ укрѣпленій, они съ остервенѣніемъ снова бросилась въ атаку.

На лѣвомъ флангѣ непріятель штурмовалъ упорно защищаемыя высоты.

Двѣ атаки были сдѣланы нашими кавалеристами, чтобы освободить пѣхоту. Вся земля кругомъ была покрыта бѣлыми пятнами, словно лоскутками бумаги. Между ними были болѣе темныя, пестрыя, но все это было недвижно.

Хотя наша кавалерія и была хуже непріятельской, но она навѣрное не уступала въ геройской храбрости ея бѣлымъ кирасирамъ, отчаяннымъ мужествомъ которыхъ при Марсъ-Ла-Турѣ такъ гордятся пруссаки.

Нигдѣ противникъ не давалъ покоя нашимъ. Его пѣхота съ барабаннымъ боемъ обступала насъ отовсюду въ нетерпѣніи довершить побѣду. Отрядами бился непріятель съ выскакивавшими изъ всѣхъ засадъ нашими, которые то спасались безуспѣшнымъ бѣгствомъ въ этомъ замкнутомъ кругу, то отчаянно бились, защищая своихъ. И въ эту смѣшанную толпу безъ разбора палили и нѣмецкая, и французская артиллеріи. Иногда снаряды падали такъ густо, что друзья и недруги, стрѣлки, мушкетеры, егеря и тюркосы, всѣ кучей, слѣдуя одинаковому импульсу, прятались другъ за дружкой позади древеснаго ствола, чтобы какъ-нибудь укрыться отъ снарядовъ. Отовсюду наши, какъ бы ободренные тѣмъ, что имѣютъ передъ собой видимаго непріятеля—передъ артиллеріей они были безсильны—набрасывались на штурмующихъ.

Да, только пустые лгуны посмѣютъ утверждать, что солдаты второй имперіи не были вполнѣ достойны своихъ предковъ. Армія была великолѣпна; но мы слишкомъ низко цѣнили противника.

„Львы, предводимые ослами!" — сказалъ защитникъ Редана объ англичанахъ; это можетъ относиться и къ другимъ. Наполеонъ, отправляясь на о. св. Елены, сказалъ: „Родина храбрыхъ! нѣсколькими подлецами меньше — и ты все еще была бы великой націей..."

Но и самой могучей человѣческой натурѣ поставлены границы. Крайнее истощеніе лишаетъ всякой возможности сопротивляться. Съ безконечной тоской видѣлъ я чрезъ мой бинокль, какъ просѣки, занятые нашими войсками, кишѣли уже не бойцами, а утомленными, измученными плѣнными. На высотахъ по эту сторону показывались уже линіи пруссаковъ. Запыленные, красные отъ жары, съ разбитыми касками и разорванными мундирами, они двигались легкимъ, быстрымъ шагомъ, какъ будто шли на новую побѣду. Громъ пушекъ, ружейные выстрѣлы, музыка,—все покрывалось ихъ громовымъ крикомъ: ура! И такъ они шли тріумфальнымъ маршемъ мимо нашихъ разбитыхъ, несчастныхъ, униженныхъ солдатъ, которые мрачно смотрѣли на свое сложенное оружіе въ то время, какъ мимо нихъ съ торжествомъ проносили отнятыя у нихъ знамена, на желтомъ шелку которыхъ, вѣрно, красовались имена Аустерлица, Іены, Бородина. Но рука знаменосца выпустила ихъ, конечно, лишь въ предсмертной судорогѣ!

Между тѣмъ, и лѣвый флангъ нашъ былъ разгромленъ. Началось отступленіе, похожее на бѣгство.

Въ Седанѣ царилъ хаосъ. Два слова пробѣгали ряды сражающихся: измѣна и капитуляція. Всѣхъ утомила эта бойня. Всюду по городу убитые горожане; земля, усѣянная

осколками гранатъ. Голодные солдаты разрѣзали трупы убитыхъ лошадей и готовили себѣ пищу. Около загражденій уже происходила давка, чтобы попасть въ городъ. Кавалеристы пытались перескочить черезъ контръ-эскарпъ; другіе вмѣстѣ съ лошадьми прыгали въ крѣпостной ровъ, рискуя сломать себѣ ноги. Офицеры всѣхъ чиновъ лѣзли другъ черезъ друга въ этомъ позорномъ смятеніи. Сзади надвигались пушки со своими тяжелыми лафетами и крупными лошадьми, пробивая себѣ путь сквозь эту мятущуюся толпу, среди которой безпрестанно разрывались прусскія гранаты.

Внезапное движеніе Галлифэ, который, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на бой, вывело меня изъ задумчивости. Почти въ ту же минуту смолкла батарея у одинокаго тополя, прислуга которой, уже мертвая, обнимала пушки, и мы помчались черезъ высоты.

Всюду, какъ стаи куропатокъ, вылетали на насъ непріятельскіе авангарды, которые уже у Казаля отрѣзали намъ путь къ крѣпости.

Галлифэ бросилъ мнѣ многозначительный взглядъ, и я послѣдовалъ за нимъ. Почти въ то же время хриплый голосъ произнесъ надъ моимъ ухомъ:

— Хорошо, мой милый генералъ, еще *одну* попытку ради чести оружія!

Кто былъ этотъ всадникъ, за которымъ ѣхалъ только солдатъ съ краснымъ значкомъ корпуснаго командира? Почти неузнаваемой подъ слоемъ пыли и копоти, съ искаженнымъ лицомъ, съ прилипшими ко лбу потными волосами... это былъ онъ, трагическій герой этого дня—*Дюкро*! Галлифэ высоко приподнялся на сѣдлѣ, его чудная львиная голова буквально сіяла смѣлымъ порывомъ.

— Сколько вамъ будетъ угодно, генералъ, пока живъ будетъ хоть *одинъ* изъ насъ!

И изящно, приподнявъ кэпи, онъ крикнулъ своимъ офицерамъ:

— Мы, вѣроятно, не увидимся съ вами болѣе, поэтому говорю вамъ: прощайте!—И тотчасъ же раздалась его звонкая команда: „Впередъ“.

Минуту спустя трубы гремѣли уже къ атакѣ.

Неудержимо понеслись впередъ дивизіи Маргеритта и Салиньякъ-Фенелона: кирасиры, драгуны, гусары, африканскіе стрѣлки съ развѣвающимися штандартами и ментиками, конскими хвостами и значками; всѣ офицеры передъ фронтомъ, Галлифэ, съ поднятымъ клинкомъ дамасской сабли, впереди всѣхъ, напротивъ линіи пруссаковъ, которая молча

ожидала столкновенія. Никогда еще не чувствовалось столь великой единодушной рѣшимости жертвовать собой до слѣдняго издыханія. Ни тѣни колебанія.

Мы прорвались сквозь непріятельскихъ стрѣлковъ, которые съ опущенными штыками пошли съ нами въ рукопашную. Такимъ образомъ, смѣлымъ напоромъ мы дошли до непріятельскихъ резервовъ. Непріятельскія орудія держали насъ прямо среди вихря разрывныхъ снарядовъ. Словно легіоны адскихъ духовъ, шипѣли вокругъ насъ изрыгавшія огонь пушечныя дула, громя и уничтожая этихъ живыхъ несущихся въ объятія смерти демоновъ.

Но какъ по липкому отъ крови склону, такъ и по скользкимъ пластамъ лавы, они безстрашно скакали прямо къ кратеру, откуда сыпалось на насъ синеватое сѣмя смерти. Командующій генералъ еще съ минуту велъ сраженіе, но затѣмъ страданіе наше стало неописуемо. Цѣлые отряды, сраженные, скатывались по склонамъ, всѣ генералы и офицеры штаба пали; многіе, которыхъ не тронули орудія, скатывались въ каменоломни или добровольно бросались туда, какъ гекатомба военной чести.

О себѣ я помню только, что обмѣнялся нѣсколькими ударами сабли съ капитаномъ, котораго я вышибъ изъ сѣдла: я чувствовалъ, что меня нѣсколько разъ что-то задѣло, что я легко раненъ, затѣмъ я увидѣлъ себя несущимся въ карьеръ вмѣстѣ съ шестью товарищами по большой дорогѣ.

Мы дѣйствительно прорвались и были уже по ту сторону непріятельскихъ линій. Выстрѣлы становились все глуше и глуше позади насъ въ глубинѣ, и вдругъ все смолкло.

Мы остановились на холмѣ и взглянули въ открытую гробницу, гдѣ похоронена была слава великой націи. Лишь изрѣдка слышался гулъ отдѣльныхъ орудій.

Завѣса тумана разсѣялась. Мы услышали, какъ трубили сборъ. Словно рыданіе донеслось оттуда.

— Капитуляція!—тихо произнесъ я. Спутники мои заскрежетали зубами. Молча спустились мы въ долину и достигли бельгійской границы. Солнце сіяло кровавымъ закатомъ.

И еще разъ увидѣлъ я этотъ кровавый закатъ надъ потоками крови: то не было солнце Аустерлитца. Не пробуждавшаяся жизнь привѣтствовала весеннее солнце 27 мая, а ужасная жатва смерти. *То былъ день гнѣва.* Полумертвый отъ усталости послѣ пятидневнаго боя, я остановился на Гренвиллерскомъ плато. Предо мной былъ Парижъ.

Недалеко отъ меня выступалъ желѣзнодорожный віадукъ, забрызганный при „большой вылазкѣ“ кровью многихъ тысячъ

людей. Въ то время, когда Дюкро во главѣ всѣхъ батальоновъ, одинъ и пѣшкомъ, переходилъ плотину, послѣ того, какъ подъ нимъ убиты были двѣ лошади и всѣ адъютанты пали у его ногъ, декабрьскій снѣгъ покрывалъ віадукъ.

Тамъ, далѣе извивалась серебряной лентой Сена. Тамъ, далѣе наши саперы разрушали мосты черезъ Марну, закрывая глаза лѣвой рукой, чтобы не видѣть того, что рушится, и мы, слѣпые, какъ разъяренные быки, мчались къ шанцамъ Шампиньи только для того, чтобы безплодно обагрить ихъ нашею кровью. Но не безъ славы для насъ закатилось солнце этого дня, и радостно обратили мы тогда наши взоры назадъ, туда, гдѣ весь горизонтъ засіялъ иллюминаціонными огнями столицы. *Сегодня* она лежала еще болѣе *свѣтлой* передъ нашимъ неподвижнымъ взоромъ. И уста наши бормотали проклятія.

То былъ не волшебный блескъ электрической машины, которая съ обсерваторіи Базена на Монмартрѣ заливала своимъ яркимъ свѣтомъ всю равнину отъ Монъ Валеріена до форта Ла-Бришъ! Совсѣмъ иной блескъ озарялъ городъ.

Отчетливо и ясно надъ *Тріумфальной Аркой*—нашимъ *кавдинскимъ ярмомъ*, подъ которымъ *вступающій въ городъ завоеватель* согнулъ нашу гордость—подпимались къ небу каменныя высоты собора Нотръ Дамъ. Позолоченный куполъ Инвалидовъ сіялъ рядомъ съ массивными кровлями Тюильрійскаго дворца; Лувръ, погребальный факелъ этой варѳоломеевской ночи, пылалъ.

Да, на нашихъ глазахъ пламя пожирало монастыри, церкви, театры, желѣзнодорожные вокзалы, ратушу и министерства. Коммуна жгла Парижъ. Подъ взглядомъ страшной медузы гражданской войны каменѣло всякое чувство, и убійственный мечъ вонзался въ братскую грудь.

Мнѣ казалось, что весь Парижъ горитъ неугасимымъ пламенемъ въ моемъ собственномъ сердцѣ. Вся великая армія взята въ плѣнъ и отослана въ родные форты, на время одолженные милостью побѣдителя, чтобы потомъ чужіе сдѣлались ихъ властителями, а у моихъ ногъ — горящая столица! Да, морскія пушки, осыпавшія безвредными гранатами осаждающихъ, изрыгали теперь огонь и смерть на родной городъ, который онѣ такъ ревностно недавно защищали. Безустанно гремѣли наши двадцать восемь батарей со всѣхъ сторонъ, образуя непроницаемое кольцо пламени. Съ высоты Фуръ-а-шо, гдѣ наша артиллерія 1 декабря, дойдя на крайнемъ передовомъ фронтѣ до самыхъ непріятельскихъ линій и непоколебимо, подъ градомъ мелкаго оружія, потерявъ всѣхъ офицеровъ, выдержала битву до конца, теперь она мчалась внизъ по трупамъ своихъ враждующихъ братьевъ и, разрушая одну баррикаду за другой, осыпала улицы картечью. Наши синія

колонны штурмомъ проникли концентрическими кругами черезъ всѣ ворота, на всѣ площади и улицы и стиснули красныхъ въ крайнемъ углу окружающей городъ стѣны.

О, тѣни защитниковъ Сенъ-Клу, вы, которые самосожженіемъ избавились отъ обвивающихъ васъ колецъ мѣднаго змія, не вы ли въ патріотическомъ гнѣвѣ шли передъ нами, когда мы черезъ ворота Сенъ-Клу проникли въ городъ? Истиннымъ олицетвореніемъ патріотическаго чувства явился Жюль Дюкатель, который вдругъ, подъ защитой утренняго тумана, прокрался 21 мая на высоту, гдѣ стояли мы, штабные офицеры этого фланга.

Подъ страшной смертельной опасностью, рискуя попасть подъ выстрѣлы нашихъ собственныхъ форпостовъ, взобрался онъ сюда, чтобы сообщить намъ, что стѣна тамъ не занята никѣмъ. Честно отказался онъ отъ всякой награды и признался, что принадлежитъ къ партіи мятежниковъ.

Зачѣмъ же онъ рисковалъ жизнью ради этой измѣны? Тихимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ, скрежеща зубами, разсказалъ, что они уже наканунѣ вечеромъ завязали переговоры съ пруссаками, стоявшими въ фортахъ, съ цѣлью сдать Парижъ исконному врагу, если онъ обѣщаетъ защитить ихъ. И прежде, чѣмъ онъ потерпитъ этотъ ужасъ...

Человѣкъ этотъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а у насъ рука хваталась за рукоятку сабли.

Да, вонъ что-то блеститъ на валахъ внѣшнихъ фортовъ, шлемъ къ шлему лежатъ они на брустверѣ, какъ на барьерѣ театральной ложи, и рукоплещутъ фейерверку.

А на возвышенности вокругъ расположились жители окружныхъ деревень—„наши добрые поселяне". Они радовались и пили, чокаясь при каждомъ взлетавшемъ къ небу снопѣ пламени. Ихъ злобная зависть тѣшилась божьимъ судомъ надъ грѣшнымъ Вавилономъ, заражающимъ провинцію.

Чу!—раздается музыка. Это комендантъ ближайшаго форта велитъ полковому оркестру играть аккомпаниментъ для этого сатанинскаго карнавала! Съ яростью вонзилъ я шпоры въ бока моего коня и помчался дальше, пока не достигъ равнины Сартори. И тамъ я увидѣлъ его снова, моего товарища по скачкѣ сквозь дебри смерти, маркиза Галлифэ.

Ужасная сцена. На необозримое пространство разстилался внизу пылавшій городъ. Безконечной лентой, гремя, въѣзжали въ него батареи и волнами вливались колонны пѣхоты. Но и оттуда кверху поднимался безконечный потокъ. Возмущенныя войска гнали передъ собой многочисленныя толпы плѣнныхъ, тридцать тысячъ коммунаровъ, оставивъ за собой двадцать тысячъ труповъ, погребенныхъ подъ горя-

щими развалинами. Во время іюньской битвы, африканцы Кавеньяка выдали своихъ плѣнныхъ подлой мести національной гвардіи. Теперь они не брезгали служить палачами „убійцъ, поджигателей и предателей отечества". Съ кровожадной злобой въ глазахъ они, прикладами и штыками, съ дикими угрозами и циничной бранью, гнали свои жертвы на мѣсто казни. И сколько было невинныхъ между ними! Но галльскій тигръ попробовалъ крови. „Тигры-обезьяны!"—съ содроганіемъ произнесъ я страшное слово Вольтера.

Наверху, посреди площадки, стоялъ Галлифэ со своимъ штабомъ. Онъ добровольно взялъ на себя обязанность исполнить казнь.

И снова я увидѣлъ его передъ собой, совсѣмъ какъ тогда у статуи Мадонны: онъ небрежно сидѣлъ на сѣдлѣ, и высокомѣрная улыбка играла вокругъ его рта. Во время смертельной скачки подъ Седаномъ вражеская пуля отскочила отъ знаменитой платиновой пластинки, которую прикрѣпилъ ему лейбъ-медикъ императора, вмѣсто клочка кожи, на животѣ, сорваннаго штыкомъ при штурмѣ Пуэблы.

Мы встрѣтились глазами.

— Исторія повторяется! — съ напускнымъ спокойствіемъ сказалъ онъ.—За Цезаремъ послѣдовалъ Октавіанъ и подарилъ насъ вторымъ Ватерлоо. А за іюньскимъ сраженіемъ — то была пустая перестрѣлка въ сравненіи съ нынѣшнимъ—послѣдовала майская битва, которая какъ нельзя болѣе по душѣ пришлась бы Марату.

— Да,—пробормоталъ я,—а за краснымъ терроромъ, за сентябрьскимъ разгромомъ слѣдуетъ спокойная рѣзня термидористовъ.

— А ба! „бѣлый терроръ" роялистовъ?—захохоталъ Галлифэ.—Вѣдь мы же—добрые республиканцы, вѣрные слуги господствующаго режима?

— Такимъ же былъ Талліенъ,—сухо отвѣтилъ я.

— Что же это? намекъ на вашего покорнаго слугу, товарищъ? Очень лестно. Гладкій, вылощенный трибунъ отличался мужествомъ, я же—простой, грубый солдатъ и развѣ только „орудіе въ рукахъ великаго человѣка", какъ называлъ себя покойный Ней.

— *Этого* великаго человѣка?—протянулъ я.—Конечно! Надѣюсь только, что эта директорія прирученнаго террора не повторитъ „умѣренной мести ссылокъ". *Наполеоновъ* это усмиряетъ, а нашъ Леонъ...—многозначительно взглянувъ на Галлифэ, я замолчалъ. Онъ закусилъ губу.

— Вы, можетъ быть, намекаете на нашего Карно?—бросилъ онъ, окинувъ меня пронзительнымъ взглядомъ.—Ахъ, красный призракъ заставляетъ васъ видѣть призраки всюду, мар-

кизъ.—Да, надо покончить, наконецъ, съ этой исторіей. Раздавить каналій! Надо начать чистку!

Съ этими словами онъ проскакалъ мимо рядовъ плѣнниковъ и затѣмъ, медленно подвигаясь вдоль фронта, чтобы осмотрѣть этихъ людей, крикнулъ:

— Показать руки!

Они подняли руки. Отъ порока ли онѣ были черны, или отъ копоти и грязи—все равно. Когда тутъ было разсматривать? Каждая неумытая рука зачернила себя здѣсь на жизнь и смерть.

— Къ стѣнѣ!

Сотнями стояли они тамъ, виновные и невинные, праведные и неправедные. До Бога высоко, до правосудія далеко а содомскій судъ людей слѣпъ и глухъ.

...Но ни одинъ не дрогнулъ. Всѣ они умерли, какъ подобаетъ французамъ. Однако способъ казни, повидимому, былъ недостаточно быстръ. Здѣсь нужна была дантоновская краткость и съ лихорадочной поспѣшностью работала коса *террора*.

„Malborough s'en va-t-en guerre“ насвистывалъ потихоньку Галлифэ, смотря прямо въ лицо осужденнымъ. Нѣкоторые блѣднѣли подъ испытующимъ взглядомъ, но большинство дерзко скалили зубы въ лицо знатному палачу. Физіономіи такихъ людей не нравились ему. Онъ только показывалъ большимъ пальцемъ за спину: „Къ стѣнѣ!“ Гремѣлъ взрывъ выстрѣловъ, и несчастные падали. Другихъ гнали дальше въ долину. Огонь разстрѣливающихъ гремѣлъ непрерывно.

Снизу громовой кличъ: „Vive la République!“ поднимался кверху и разносился по холмамъ. Послѣдняя баррикада пала. На ней погибъ послѣдній предводитель красныхъ, престарѣлый Робеспьеръ коммуны—Делеклюзъ, который театральнымъ жестомъ обнажилъ свою грудь, подставляя ее подъ выстрѣлы.

„Vive la Commune!“—съ сигарой во рту или бросая ее кверху, какъ сигналъ къ выстрѣлу, мужественно пали послѣдніе коммунары, всѣ въ рядъ, прислонивъ головы къ стѣнѣ... Внизу зазвонили колокола монастыря кармелитокъ, и торжественный благовѣстъ понесся отъ одной колокольни къ другой—знакъ побѣды и поминовенія усопшихъ! Пушки наши замолкли.

О, пусть впредь онѣ привѣтствуютъ лишь одни мирныя торжества! И пусть тогда Европа, слышавшая ихъ громъ въ безчисленномъ множествѣ битвъ, радостно внимаетъ могучему голосу ихъ мѣдныхъ устъ.

Разорванныя облака заката казались длинными потоками

крови. Не были ли они отраженіемъ того кроваваго призрака, который, истекая кровью, шелъ по землѣ?

Надъ Монмаргромъ спускались сумерки.

Мѣсяцъ зловѣщимъ блѣдно-желтымъ серпомъ взошелъ надъ лѣсомъ, и лучи его, словно блѣдныя крылья ангела смерти, скользили по землѣ.

Звѣзды медленно поднялись словно на стражу надъ этимъ моремъ крови, отражаясь въ немъ съ своимъ обычнымъ безстрастіемъ. Когда нибудь и ихъ самихъ ангелъ смерти смететъ съ небесъ, какъ ненужный соръ.

Онъ сотретъ и эту кровь, удобряющую родную почву для новой зарождающейся жизни.

Какъ грозныя привидѣнія, вставали вдали непріятельскіе форты, безмолвные и строгіе, какъ образъ грядущаго.

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА.

Вкругъ Африки мрачной, по бурной равнинѣ
Безбрежныхъ тропическихъ водъ,
Къ далекой странѣ Восходящаго Солнца
Семья броненосцевъ плыветъ.
Прекрасны и грозны стальные гиганты—
Окрашены въ цвѣтъ боевой
И жѐрлами сотенъ орудій зіяютъ,
Готовые ринуться въ бой.
Но странно безмолвны они, какъ гробницы:
Ни кликовъ, ни пѣсенъ живыхъ;
Недвижнѣе статуй, угрюмые люди
Стоятъ у лафетовъ стальныхъ.
Такъ узникъ стоитъ передъ плахой кровавой...

— „Погибель вѣрна впереди,
И тѣ, кто послалъ насъ на подвигъ ужасный,—
Безъ сердца въ желѣзной груди!
„Мы—жертвы.. Мы гнѣвнымъ отмѣчены рокомъ...
Но бьетъ искупленія часъ—
И рушатся своды отжившаго міра,
Опорой избравшаго насъ.
„О, день лучезарный свободы родимой,
Не мы твой увидимъ восходъ,

Но если такъ нужно—возьми наши жизни...
Впередъ, на погибель! Впередъ!“

И вотъ, зашумѣли восточныя воды,
Сѣдой буревѣстникъ кричитъ...
Привѣтъ тебѣ, грозное Желтое море!
Чу! выстрѣлъ далекій гремитъ...
„Не флотъ ли Артура?.. Взгляни: Петропавловскъ,
Полтава, Побѣда, Баянъ...
То старый Макаровъ къ намъ ѣдетъ навстрѣчу,
Салютъ отдаетъ Ретвизанъ...“

. . . .

Безумная грёза!.. Ужъ гордо не грянетъ
Огонь изъ его амбразуръ;
Въ развалинахъ дымныхъ, кровавою раной
Зіяетъ погибшій Артуръ!
И путь туда русскому флагу заказанъ...
— Смѣлѣе-жъ направо! Впередъ —
Къ безвѣстнымъ утесамъ враждебной Цусимы,
Въ зловѣщій Корейскій проходъ!

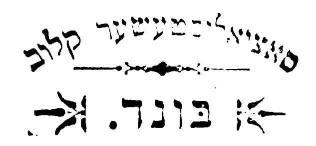
— „Ты сжалишься, сжалишься, праведный Боже,
И волю измѣнишь свою:
Пусть чудо, великое чудо свершится —
Врага поразимъ мы въ бою!“ —

. . . .

Свершилось!.. На днѣ ледяномъ океана
Стальные красавцы лежатъ,
И чуда морскія, акулы и спруты,
На нихъ въ изумленьи глядятъ.
Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Гротъ-мачты, лафеты, рули...
Ни стона, ни звука... Въ могильномъ покоѣ,
Недвижимы, спятъ корабли...

Но бурею вѣсть по отчизнѣ далекой
Промчится, темна и грозна —
И кличемъ могучимъ: „Довольно!“ отвѣтитъ
Одѣтая въ трауръ страна.
Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой послѣдней легли:
Разсвѣтъ уже близокъ... Она у порога —
Свобода родимой земли!

П. Я.



На озерѣ Свѣтлоярѣ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

I.

Кто читалъ „Въ лѣсахъ“ Мельникова-Печерскаго, тотъ не забылъ, вѣроятно, тѣхъ яркихъ эпизодовъ романа, которые развертываются въ своеобразной обстановкѣ озера Свѣтлояра, на типичномъ фонѣ старовѣрческой толпы, стекавшейся сюда 22—24 іюня въ огромномъ количествѣ. Самыя грандіозныя сборища происходили въ ночь на 23 іюня, когда „правовѣрные“ томятся и горятъ отъ страстной жажды получить желанную вѣсточку изъ „невидимаго града великаго Китежа“. По старообрядческой легендѣ, этотъ городъ покоится съ незапамятныхъ временъ на днѣ озера и продолжаетъ жить тамъ своею жизнью, открываясь избраннымъ „очесамъ и ушесамъ“ людей „древляго благочестія“ лишь въ ночь на Владимірскую...

Наблюденія Печерскаго и нарисованные имъ типы и сцены относятся къ 1840—1850-мъ годамъ, когда жизнь, кипѣвшая ключемъ на берегахъ озера Свѣтлаго, носила исключительно старовѣрческую окраску, безъ малѣйшей примѣси стороннихъ элементовъ. Если и тогда посѣщали озеро „православные“, то, преимущественно, изъ тѣхъ, которые только номинально числились въ господствующей церкви, а въ дѣйствительности были старообрядцами, или же, занятые поисками „*взыскуемаго* града“, находились на перепутьи отъ „никоніанской вѣры“ къ старой. Старовѣры, преимущественно безпоповцы разныхъ толковъ, смотрѣли на Свѣтлояръ, какъ на свою, исключительно, святыню, къ которой не могутъ и не должны подступаться никоніане. Для послѣднихъ немыслимо было тогда вступать на озерѣ въ богословскія пренія съ старовѣрами, и сильная „пря“ шла только между представителями разныхъ старообрядческихъ толковъ.

Съ тѣхъ поръ много воды испарилось въ озерѣ, и въ наши дни картина свѣтлоярскихъ сборищъ рѣзко измѣнилась. Теперь все меньше и меньше является жаждущихъ услышать въ пред-

разсвѣтной тишинѣ звонъ китежскихъ колоколовъ и помолиться, по обрядамъ старой вѣры, „на горахъ“ у Свѣтлаго озера. Благодаря дипломатическому союзу православныхъ миссіонеровъ съ ярмарочной коммерціей, Свѣтлояръ совсѣмъ „обмірщился“ и потерялъ свой исконный старовѣрческій характеръ.

Эта перемѣна давно наблюдается, но особенно рѣзко сказалась въ послѣдніе годы, такъ что даже, сравнительно, недавнія наблюденія, напримѣръ, В. Г. Короленко въ очеркѣ „Рѣка играетъ“, относящіяся къ началу 1890-хъ годовъ, даютъ иную картину Свѣтлояра, мало похожую на теперешнюю.

Разумѣется, старовѣры и въ настоящее время смотрятъ на озеро Свѣтлое, какъ на „свою“ святыню и съ горькимъ чувствомъ обиды относятся къ безцеремонному вторженію православныхъ... Старовѣрамъ крайне тяжело бывать здѣсь въ дни 22 — 24 іюня, и съ каждымъ годомъ число ихъ уменьшается, являются же они, главнымъ образомъ, для участія въ преніяхъ о вѣрѣ. Моленія, же происходившія прежде чуть не „подъ каждымъ деревомъ и кустомъ“, теперь крайне рѣдки и переносятся на другіе праздничные дни (29 іюня и пр.). Тогда имъ никто и ничто не мѣшаетъ молиться—ни присутствіе православныхъ и др. праздныхъ зрителей, ни миссіонерское толченіе воды въ ступѣ, ни ярмарочная сутолока, ни пикники уѣздной „аристократіи“, ни кутежи мѣстной „интеллигентной“ молодежи и тому подобныя совершенно новыя и дикія явленія, свидѣтельствующія о некультурномъ отношеніи мѣстнаго общества къ чужой святынѣ...

Не знаю, когда появилась „на горахъ“ Свѣтлояра православная часовня и начались пренія миссіонеровъ, но духовенство почти уже добилось изгнанія старовѣровъ съ озера въ дни 22—24 іюня, хотя для самихъ православныхъ результатъ получился совершенно неожиданный и врядъ ли желательный въ цѣляхъ духовенства... Такъ какъ послѣднее не могло предложить ничего своего въ оправданіе молитвенныхъ собраній на озерѣ, то православные, прежде равнодушно относившіеся къ старообрядческой святынѣ, волею-неволею стали проникаться нарочитымъ уваженіемъ и къ Свѣтлояру, и къ старообрядческой легендѣ о Китежѣ. Въ прилегающихъ къ озеру Ветлужскомъ и Керженскомъ краяхъ ежегодное паломничество на Свѣтлояръ сдѣлалось для православныхъ такимъ же желаннымъ и почти обязательнымъ, какъ и для старообрядцевъ. Къ разсказамъ послѣднихъ о „великомъ Китежѣ“ и къ толкамъ о его значеніи православные чутко прислушиваются, равно какъ и къ преніямъ, въ которыхъ миссіонеры нерѣдко основательно побиваются старообрядческими начетчиками...

Другое наиболѣе яркое явленіе послѣднихъ лѣтъ — участіе въ вольной аудиторіи „на горахъ“ свѣтлоярскихъ представителей разныхъ раціоналистическихъ сектъ—духоборовъ, немоляковъ и

др. На Свѣтлоярѣ послышалось живое слово народной мысли, самостоятельно идущей впередъ, хотя робкими пока и медленными, но вѣрными шагами. Пройдетъ, конечно, еще много-много лѣтъ, прежде чѣмъ безплодные схоластическіе споры на берегахъ Свѣтлояра отойдутъ въ область преданій, но благотворное вліяніе новыхъ живыхъ вѣяній начинаетъ уже и теперь сказываться замѣтно. Народъ пробуждается отъ вѣкового сна и жадно рвется впередъ, къ свѣту...

Всѣ эти толки о новыхъ симпатичныхъ явленіяхъ на свѣтлоярскихъ сборищахъ нашихъ дней давно тянули меня на озеро, но только въ 1904 г. удалось, наконецъ, побывать тамъ и присмотрѣться къ свѣтлымъ настроеніямъ народной мысли, такъ неожиданно всплывшимъ вблизи стародавняго „великаго Китежа".

II.

Дожди, неустанно лившіе весь іюнь, приводили въ отчаяніе и заставляли опасаться, что въ дни свѣтлоярскихъ праздниковъ на озерѣ будетъ пусто и самая поѣздка туда окажется невозможной. Мнѣ предстояло сдѣлать около 20 верстъ съ р. Ветлуги (изъ Варнавинскаго у.), чтобы попасть на Свѣтлояръ, находящійся въ Макарьевскомъ у. (Нижегор. губ.).

Къ счастью, 22 іюня неожиданно выдался прелестный ясный день, тихій, безвѣтренный, безъ облачка на небѣ. Но тутъ явилось другое опасеніе, что не добудешь лошадей, такъ какъ много оказалось желающихъ ѣхать на озеро, куда уже наканунѣ съ ранняго утра потянулись толпы пѣшихъ богомольцевъ. Не безъ труда, но нашли-таки лошадей: мнѣ со спутникомъ досталась свободная „волостная пара" (для разъѣздовъ волостного старшины), а для двухъ нашихъ спутницъ добыли одну лошаденку изъ сосѣдней деревни. Выѣхали изъ с. Благовѣщенскаго въ 3-мъ часу дня.

Возницею у спутницъ былъ почтенный крестьянинъ, увѣрявшій, что отлично знаетъ дорогу на озеро. Мы пустили его впередъ, въ чемъ потомъ горько раскаялись. Можетъ быть, онъ и зналъ дорогу, но такъ увлекся бесѣдой съ своими пассажирками, что скоро позабылъ о роли проводника и около дер. Шурговашъ завезъ насъ въ такое мѣсто, гдѣ пришлось остановиться. Дорога уперлась въ полевую изгородь... За нею шло паровое поле, а дальше виднѣлась какая-то дорога.

Мы совѣтовали вернуться нѣсколько назадъ, въ деревню Шурговашъ, откуда есть порядочная дорога на Свѣтлояръ. Но наши спутницы не хотѣли и слышать о томъ и нашли другой выходъ, подсказанный чисто женской логикой: онѣ приказали своему возницѣ ломать изгородь... Какъ мы ни протестовали, что это бу-

детъ и самоуправство, и покушеніе на чужую собственность, словомъ, чистая уголовщина, онѣ настояли на своемъ...

И почтенный прудовскій крестьянинъ, оглянувшись кругомъ и убѣдившись, что людей нигдѣ не видно, смѣло принялся разбирать одно прясло въ изгороди. На помощь къ нему подошелъ и нашъ кучеръ, молодой разбитной соловьихинецъ. Говорю ему:

— А если кто у тебя подъ Соловьихой станетъ ломать изгородь, слова не скажешь?

— Эге! пусть-ка кто попробуетъ дотронуться Всѣ бока обломаю...

— А здѣсь можно ломать?..

— И тутъ, ежели изъ Шурговаша запримѣтятъ, да поймаютъ насъ, живымъ манеромъ вздуютъ, за первый сортъ... Надо поспѣшать да удирать...

— Вотъ видишь... Зачѣмъ же такъ дѣлать?

Но соловьихинецъ только рукой махнулъ и бросился помогать товарищу. Черезъ 5 минутъ мы были на той сторонѣ изгороди. На мое требованіе, чтобы было исправлено разобранное прясло, ветлужане отвѣчали отказомъ, настаивая на необходимости поскорѣе удирать отъ деревни... Того же требовали наши спутницы, только теперь раскусившія, въ какую исторію мы попали, благодаря ихъ иниціативѣ...

Мы торопливо выбрались на невѣдомую дорогу, въѣхали въ лѣсъ и скоро спустились въ громадную низину, сплошь залитую дождевой водой. Дорога почти исчезла, и мы двигались по какимъ-то просѣкамъ, полянамъ, лужайкамъ, вырубкамъ, между стѣнами то крупнаго лѣса, то кустарниковыхъ зарослей. Цѣлый часъ плелись мы шагъ за шагомъ, шлепая по водѣ и грязи, ежеминутно рискуя поломать наши корзинки въ невидныхъ подъ водою ямахъ и колдобинахъ. Два раза пришлось переправляться черезъ вздувшіяся рѣчки, и, только благодаря инстинкту лошадей мы избавились отъ удовольствія, если не выкупаться, то застрять въ глубокихъ бочагахъ.

Наконецъ, это мучительное бездорожье кончилось, и мы выбрались изъ болотистой низины на довольно торную дорогу, поднимавшуюся на возвышенное плато, на которомъ находится с. Владимірское—цѣль нашей поѣздки. Проѣхали нѣсколько деревень, между прочимъ дер. Орловку, населенную переселенцами изъ Орловской губ. Хотя они давно поселены здѣсь, еще въ крѣпостное время, но и до сихъ поръ рѣзко отличаются отъ коренныхъ ветлужанъ своимъ обличьемъ, выговоромъ, костюмами, постройками, всѣмъ складомъ жизни. Съ сосѣдними ветлужанами, среди которыхъ орловцы вкраплены (и, кажется, насильственно, по помѣщичьему произволу) небольшой деревушкой, они не особенно ладятъ.

Въ одномъ отношеніи орловцы основательно оветлужились...

Какъ водится, ворота у околицы Орловки отворилъ намъ паренекъ, которому мы ничего не дали за услугу, но нашъ кучеръ пообѣщалъ дать ему гостинца на обратномъ пути. Обратно мы проѣзжали Орловку на разсвѣтѣ и забыли про обѣщаніе, но паренекъ помнилъ и насъ узналъ. Когда мы и на этотъ разъ проѣхали, не расплатившись съ нимъ, орловскій паренекъ выругался такою артистическою, чисто ветлужскою, бранью, что въ пору было бы и завзятому бурлаку.

Мы выбрались на плато, гдѣ стали попадаться большія группы разряженныхъ богомольцевъ, торопившихся засвѣтло къ Свѣтлояру. У всѣхъ почти были узелки съ провизіей, значитъ—они собирались провести на озерѣ 2—3 дня.

На улицахъ с. Владимірскаго, гдѣ на завтра былъ престольный праздникъ и открывалась ярмарка, царило большое оживленіе. Толпы народа сновали къ выѣзду на озеро и обратно въ село. Въ каждомъ дворѣ виднѣлись распряженные возки, корзинки и телѣги наѣхавшихъ гостей и ночлежниковъ, нанимающихъ на эти дни избы у крестьянъ. Много телѣгъ стояло и на улицахъ, и на лужайкахъ за селомъ, по дорогѣ къ озеру.

Миновавши на выѣздѣ изъ села довольно представительную усадьбу купеческой вдовы Зеленовой, которой теперь принадлежитъ озеро Свѣтлояръ съ окрестностями, мы переѣхали по хорошему мосту черезъ рѣку Люнду и скоро увидѣли озеро. Подвигаться можно было почти шагомъ среди толпы богомольцевъ.

Я былъ на озерѣ въ прошломъ году и теперь не узнавалъ его... Тогда я былъ здѣсь въ простой воскресный день и встрѣтилъ всего нѣсколько десятковъ богомольцевъ, которые были совсѣмъ незамѣтны на берегахъ большого озера и ничѣмъ не нарушали царившей здѣсь благоговѣйной тишины и спокойствія.

Теперь берега озера, особенно южный (къ селу) и западный (гористый и лѣсистый) чернѣли и пестрѣли отъ многотысячной толпы, шумъ и говоръ которой несся издалека, громко разносясь въ посвѣжѣвшемъ къ вечеру воздухѣ.

Былъ 6-й часъ дня, когда мы подъѣхали къ Свѣтлоярской ярмаркѣ, расположившейся на южномъ берегу озера. Наши возницы не догадались объѣхать ярмарку и торжественно провезли насъ по единственной ея улицѣ, вызывая справедливое негодованіе толпившагося народа. Кое-кто уже началъ поругивать насъ, наши ветлужане не могли смолчать и отругивались очень усердно, съ трудомъ расчищая дорогу среди толпы. Показались угрожающіе жесты съ обѣихъ сторонъ... Но мы скоро выбрались изъ ярмарочной сутолоки и стали подниматься въ гору, гдѣ виднѣлась масса экипажей.

Ярмарка была, какъ всякая сельская ярмарка: ряды малень-

кихъ балаганчиковъ, навѣсовъ и отпряженныхъ телѣгъ, съ разными дешевыми крестьянскими товарами и съѣстными припасами. Выдавались изяществомъ отдѣлки деревянныя издѣлія кустарей Семеновскаго уѣзда (лакированныя и раскрашенныя коробочки въ формѣ фруктовъ, игрушки и т. п.) и оригинальностію берестяные „бураки“ разныхъ размѣровъ, начиная съ объема больше ведра. Позади лавочекъ расположились чайныя палатки, уставленныя рядами столовъ и скамеекъ. Громадные многоведерные самовары дымились тутъ безъ конца. Чаевавшихъ была масса, не хватало мѣстъ за столами, и многіе располагались на травѣ. Пьяныхъ не было видно, но людей подъ хмѣлькомъ встрѣчалось довольно. Оживленная, шумная толпа, весело сновавшая по ярмаркѣ, расположенной на самомъ берегу озера, отражалась въ спокойныхъ водахъ его причудливыми образами.

Ярмарка отдѣляется изгородью отъ рощи, что „на горахъ“ Свѣтлояра (на западномъ берегу озера), гдѣ находится православная часовня, а дальше, за ручьемъ, на лѣсныхъ полянкахъ происходятъ пренія и моленія старообрядцевъ. Эта наиболѣе священная часть свѣтлоярскихъ береговъ нѣсколько удалена отъ ярмарочнаго шума, хотя онъ временами достигаетъ и туда. Часть экипажей направляется за изгородь и располагается въ долинѣ ручья и дальше въ лѣсу. Но большинство пріѣзжихъ устраивается на ярмарочной сторонѣ изгороди, на горѣ, вблизи часовни, и по скату къ ярмаркѣ. Здѣсь и мы устроили на гребнѣ горы свое становище и поспѣшили, пока было еще свѣтло, побывать на всѣхъ выдающихся пунктахъ „на горахъ“. Наши спутницы торопились сдѣлать нѣсколько снимковъ изъ своего небольшого аппарата.

III.

У раскрытыхъ воротъ загороди, сквозь которыя безъ конца двигались вереницы людей съ ярмарки „на горы“ и обратно, сидѣли въ нѣсколько рядовъ нищіе, съ мисочками въ рукахъ и на колѣняхъ, собирая не особенно изобильно сыпавшіяся грошевыя подаянія прохожихъ, тѣснившихся въ узкихъ воротахъ. Нищіе лѣниво тянули гнусавыми голосами что-то ужасно тягучее, сонливое, нестерпимо скучное и тоскливое. Не было охоты вслушиваться въ это надоѣдливое пѣніе, речитативъ, да еще исполняемое такъ апатично, оффиціально; я не знаю, какой „стихъ“ они гнусавили, но, вѣроятно, изъ старообрядческаго цикла—что-нибудь о Китежѣ и т. п. Любопытно, что нищіе расположились только здѣсь, поближе къ ярмаркѣ, да еще попадались у часовни въ меньшемъ количествѣ, а болѣе нигдѣ не встрѣчались „на горахъ“, не разсчитывая тамъ на поживу.

Утоптанная вѣками большая тропа, ведущая „на горы“, вьется сначала по берегу Свѣтлояра, затѣмъ спускается въ лощину, по которой бѣжитъ въ озеро порядочный ручей, и, переправившись черезъ него, отлого поднимается на крутую гору, къ тому мѣсту въ лѣсу, гдѣ съ давнихъ временъ устраиваются подъ вѣковымъ дубомъ моленія уренскихъ безпоповцевъ (Уренской волости, за р. Ветлугой), а дальше, на лѣсныхъ лужайкахъ, собираются частные, любительскіе кружки для преній о вѣрѣ. Оффиціальныя же миссіонерскія пренія происходятъ у часовни, къ которой нужно подниматься, не переходя ручья, по очень крутой и плохой тропинкѣ, или же лѣзть прямо на гору, цѣпляясь за кусты и траву. Не смотря на довольно давнее происхожденіе православной часовни, народная толпа не пробила туда торной тропы...

Не доходя переправы черезъ ручей, вправо отъ береговой тропы, у самой почти воды пріютился подъ деревомъ небольшой столбикъ-часовенька, подлѣ котораго суетливо возились три старухи старообрядческаго типа, въ полумонашескомъ платьѣ. Онѣ принесли свой образъ и поставили его на травѣ, прислонивши къ столбику, напротивъ помѣстили аналой, разложили большую старую книгу и принялись править по ней какую-то службу. Одна старуха усердно читала по книгѣ, другая, стоя подлѣ и изображая, очевидно, хоръ, произносила нараспѣвъ то, что полагается пѣть хору. Третья молилась, стоя на колѣняхъ въ мокрой, покрытой водою травѣ.

Только и было ихъ трое... можетъ быть, это жалкіе остатки одного изъ славныхъ когда-то Керженскихъ скитовъ?.. По истинѣ жалкое впечатлѣніе производили эти одинокія старухи, усердно молившіяся въ двухъ шагахъ отъ шумливой толпы, безпрерывно сновавшей по тропѣ. Когда шумъ усиливался, молельщицы сурово озирались по сторонамъ, не прерывая своего чтенія. Иногда подходили къ нимъ изъ толпы 2—3 женщины, останавливались, клали на аналой чтицы мѣдную монету, слушали и молились. Но большею частью старухи были однѣ и сами для себя правили свою службу.

Много разъ пришлось въ тотъ вечеръ пройти мимо этого импровизированнаго алтарика, а старухи не переставали молиться втроемъ, съ зажженными свѣчами въ наступившей темнотѣ. Такъ хотѣлось подойти къ нимъ и разспросить—кто онѣ и откуда?.. Но боялся помѣшать ихъ молитвѣ, да и не надѣялся вызвать суровыхъ старухъ на откровенную бесѣду съ человѣкомъ въ „нѣмецкомъ“ платьѣ.

Переправа черезъ раздувшійся отъ дождей ручей, съ топкими берегами, устроена безобразно: брошены два круглыхъ, неотесанныхъ бревнышка—и все! Тутъ и днемъ трудно балансировать по скользкой поверхности бревенъ, а въ темнотѣ прохожіе

то и дѣло срывались въ ручей и болотину. Владѣлица Свѣтлояра поскупилась устроить самый простенькій пѣшеходный мостикъ... Ручей тянется издалека и подступы къ нему болотистые, такъ что обойти его нѣтъ возможности.

Между тѣмъ, именно за ручьемъ „на горахъ" лежитъ центръ свѣтлоярскихъ сборищъ, и всѣ обязательно туда направляются. Этотъ западный берегъ самый красивый: гора и скаты ея къ озеру покрыты старымъ, довольно густымъ лиственнымъ лѣсомъ, сбѣгающимъ почти до самой воды. Тутъ всего больше толпилось народа, покрывавшаго красивыми группами и скаты горы, и подошву ея. Многіе расположились уже на ночлегъ на сырой, сильно росистой травѣ. Нѣкоторые группировались около двухъ импровизованныхъ у подошвы горы алтарей, состоявшихъ изъ ряда иконъ на подмосткахъ. Судя по тому, что тутъ же продавались свѣчи (и ставились частью къ тѣмъ же иконамъ, а частію уносились народомъ), алтари были православные, т. е. устроены отъ церкви с. Владимірскаго. Никакой службы здѣсь не отправлялось, но у одного алтаря стоялъ какой-то длиннополый чтецъ и что-то бормоталъ по книгѣ себѣ подъ носъ, кажется, акафистъ. Немногіе слушатели благоговѣйно стояли и, ничего не слыша и не понимая, только вздыхали, переминаясь съ ноги на ногу, пока скука не прогоняла ихъ отсюда...

Повыше этихъ алтарей пріютилась оригинальная торговля—старообрядческими „лѣстовками". Бойкая пожилая женщина, въ полумонашескомъ костюмѣ, любезно показала намъ весь свой разнообразный товаръ, отъ скромныхъ кожаныхъ четокъ въ 5 коп. до вышитыхъ золотомъ и жемчугомъ, изящной работы и тонкаго рисунка, цѣною въ 2 рубля. О послѣднихъ лѣстовкахъ она съ гордостью отозвалась:

— Эти мы готовимъ для Бугровыхъ и другихъ благодѣтелей... Разбираютъ... поддерживаютъ насъ, спаси ихъ Христосъ!.

Отсюда мы повернули обратно черезъ ручей и направились къ часовнѣ, гдѣ сейчасъ должны были открыться миссіонерскія пренія.

IV.

Стародавнимъ, древне-русскимъ духомъ повѣяло отъ той картины, которая представилась намъ около часовни...

Слѣва высилась эта громоздкая, неуклюжая деревянная постройка чисто-сарайнаго „стиля", съ высокимъ крыльцомъ главнаго входа, на которомъ сидѣли уставшіе богомольцы. Въ растворенныя двери виднѣлась внутренность темной часовни, слабо освѣщенной мигавшими огоньками свѣчей, поставленныхъ передъ образами иконостаса.

Изъ часовни то и дѣло спускались по крыльцу богомольцы

и присоединялись къ толпѣ, тѣснымъ кольцомъ окружавшей высокій деревянный помостъ, устроенный на площадкѣ у главнаго входа. Изъ окружавшаго съ двухъ сторонъ лѣса, изъ-подъ горы, отъ ручья и озера, отовсюду подходилъ народъ и примыкалъ къ кругу у помоста. Только съ южной стороны площадка открыто глядитъ на поля с. Владимірскаго, отдѣляясь изгородью отъ того мѣста, гдѣ устанавливаются экипажи пріѣзжихъ. Доносящійся оттуда шумъ, говоръ, ржаніе коней много мѣшаютъ преніямъ у часовни.

Но толпа у помоста сосредоточенно молчитъ, ожидая начала преній и внимательно оглядывая миссіонеровъ, собирающихся на помостѣ, который возвышается надъ толпою почти въ ростъ человѣческій. Помостъ былъ тѣсно набитъ духовными особами и свѣтскими лицами. Они бесѣдовали между собою, видимо кого-то поджидая, поставили аналой, разложили книги.

Среди духовныхъ выдавались два юныхъ, безбородыхъ попика, съ академическими кандидатскими значками, и одинъ пожилой попъ, приземистый крѣпышъ, съ упитаннымъ розовымъ лицомъ, чисто крестьянскаго типа, съ лысиной во всю голову. Онъ больше всѣхъ суетился на помостѣ и переговаривался со многими знакомыми въ окружавшей толпѣ.

Сосѣди обратили вниманіе мое на этого розоваго толстяка въ рясѣ, какъ на лучшаго мѣстнаго миссіонера, по происхожденію крестьянина и бывшаго старовѣра. Отказавшись отъ старообрядчества, онъ сначала былъ свѣтскимъ миссіонеромъ, въ родѣ тѣхъ чуекъ и поддевокъ, которые толпились на помостѣ, въ роли помощниковъ духовныхъ миссіонеровъ. Затѣмъ этотъ крестьянскій сынъ добился рясы и теперь имѣетъ хорошій приходъ, гдѣ и почіетъ на лаврахъ, лишь изрѣдка приглашаемый на миссіонерскія гастроли на Свѣтлояръ и другія мѣста.

Почти всѣ эти миссіонеры въ поддевкахъ—бывшіе старообрядцы, большіе знатоки разныхъ старовѣрческихъ толковъ, и потому оченв охотно привлекаемые въ ряды миссіонеровъ. Получаютъ они по 10 руб. въ мѣсяцъ, не считая расходовъ на разъѣзды и проч. Впереди же многимъ изъ нихъ улыбаются ряса и сытая жизнь приходскаго попа.

Мой сосѣдъ у помоста, старообрядецъ, сильный брюнетъ съ энергичнымъ лицомъ, такъ отозвался объ этихъ миссіонерахъ изъ старовѣровъ:

— Продаютъ себя и своихъ, поправши вѣру отцовъ и дѣдовъ... да къ рясѣ подбираются, какъ вотъ эта красная рожа.. Знаютъ только брюхо себѣ наращивать... ироды!..

Наконецъ, на помостѣ показался предсѣдатель миссіонерской сходки — старый протопопъ изъ Нижняго-Новгорода, и „пря“ началась. Объ этомъ почтенномъ старикѣ отзываются, какъ о большомъ знатокѣ старообрядчества. Нельзя отвергать въ немъ

ни большихъ знаній въ этомъ предметѣ, ни широкаго богословскаго образованія вообще, но его методы собесѣдованія и изложенія не выдерживаютъ критики. Передъ другой, чисто богословской аудиторіей, онъ могъ бы имѣть нѣкоторый успѣхъ, но здѣсь, среди разнообразной свѣтлоярской публики, вступительное слово о. протопопа, носившее характеръ отвлеченной проповѣди, а не живаго собесѣдованія, было совсѣмъ неумѣстно и говорилось на вѣтеръ.

Протопопъ говорилъ на тему о необходимости существованія церкви и о возможности спасенія только при ея посредствѣ... Тема простая, общедоступная и умѣстная, но развивалась она столь пространно и протяженно, начиная буквально „съ Адама", и трактовалась съ такими подробностями, что совсѣмъ пропадала для большинства слушателей. Для десятка же—другого знающихъ начетчиковъ все это было совершенно лишнее, черезчуръ извѣстное, всѣмъ набившее оскомину, надоѣвшее. Противъ сотни старыхъ доводовъ миссіонера старовѣры могли привести сотню такихъ же старыхъ возраженій, столько же основательныхъ и выведенныхъ изъ того же общаго источника...

Словомъ, тутъ предстояло толченіе воды, да еще застоявшейся, заплѣсневѣлой... Толченіе было, вѣроятно, интересно для непосредственныхъ участниковъ обѣихъ сторонъ, горѣвшихъ желаніемъ показать на людяхъ, до какой степени виртуозности можетъ доходить ихъ миссіонерскій жаръ и угаръ, и какъ велики ихъ діалектическія способности. Но для слушателей это состязаніе на схоластической почвѣ не представляло никакого интереса, и большинство стало расходиться. На мѣсто ушедшихъ приходили новые слушатели, и, разочарованные, скоро тоже исчезали. Такая толчея шла здѣсь безпрерывно, но нисколько не смущала почтеннаго о. протопопа, продолжавшаго неумолкаемо говорить все такъ же ровно, медленно, спокойно, благообразно и благочинно...

Я отошелъ въ лѣсъ покурить. Возвращаюсь черезъ полчаса, а протопопъ все говоритъ и говоритъ безъ конца... Старообрядческимъ начетчикамъ, давно уже горѣвшимъ желаніемъ сразиться съ нимъ, становилось, наконецъ, не въ моготу слушать эту нескончаемую канитель, когда противъ каждаго довода ея они могли представить столько же возраженій... Многіе уже не сдерживались и вполголоса развивали сосѣдямъ свои мысли, иные сцѣпились съ миссіонерами, помощниками, тщетно призывавшими къ порядку и молчанію. Нѣкоторые безцеремонно прерывали громкими восклицаніями рѣчь протопопа. Тотъ, наконецъ, не выдержалъ спокойнаго тона, возвысилъ голосъ и закричалъ:

— Эй, ты, черная борода! Помолчи ужо! Дай мнѣ договорить... Потомъ я тебя послушаю...

— Больно ужъ много ты наговорилъ,—проворчала про себя

„черная борода“ и ушла совсѣмъ отъ помоста, подальше отъ грѣха.

— Его не переслухашь — подхватилъ другой старовѣръ,— ишь какъ размазываетъ, тошно слухать... Айда отселева!

Я послѣдовалъ ихъ примѣру, а когда черезъ часъ снова заглянулъ къ помосту, о. протопопъ, къ удивленію, только что передъ тѣмъ закончилъ свое „вступительное слово“, тянувшееся болѣе двухъ часовъ... Для преній остался всего одинъ часъ, такъ какъ усталый протопопъ поспѣшилъ прервать ихъ, въ виду наступившихъ сумерекъ, „до завтра“. И хорошо сдѣлалъ, потому что пренія шли безтолково и безплодно. Нѣсколько ораторовъ изъ толпы разомъ выступили съ своими возраженіями, вопросами, недоумѣніями, на которые и съ помоста послышались отвѣты разныхъ лицъ: одному отвѣчалъ протопопъ, другимъ попы, третьимъ миссіонеры въ поддевкахъ. Произошло всеобщее безтолковое галдѣнье, распространившееся на всю толпу, гдѣ также происходили отдѣльныя схватки между старовѣрами и любителями изъ православныхъ. Слушать тутъ было нечего: все вертѣлось на схоластическихъ тонкостяхъ старыхъ пережеванныхъ вопросовъ о выѣденныхъ яйцахъ...

Протопопъ скоро исчезъ совсѣмъ, но попы и свѣтскіе миссіонеры, разойдясь съ помоста, направились въ лѣсъ „на горы“ и тамъ, разбившись по кружкамъ, продолжали до поздняго вечера свою миссіонерскую службу. Туда и я направился.

V.

Переправившись черезъ ручей и поднявшись на гору, я скоро нашелъ въ лѣсу обширную поляну, покатую къ долинѣ ручья. На полянѣ тамъ и сямъ разбросаны купы деревьевъ и отдѣльные великаны-дубы, подъ которыми собирались кружки собесѣдниковъ, чувствовавшихъ себя здѣсь гораздо свободнѣе и вольготнѣе, чѣмъ у часовни. Сюда-то направились и миссіонеры, тоже видимо почувствовавшіе себя нараспашку внѣ надзора почтеннаго о. протопопа.

Толстый попъ-крестьянинъ, бывшій старовѣръ, буквально распоясался, распахнулъ и рясу, и подрясникъ и удобно усѣлся на травѣ, прислонившись къ дубу. Вечеръ былъ прохладный, но попъ все время вытиралъ потъ, обильно проступавшій на его красномъ, лоснящемся, кругломъ, какъ полная луна, лицѣ и огромной лысинѣ. Попъ или просто отяжелѣлъ отъ непривычнаго теперь для него моціона, когда взбирался на гору, или плотно покушалъ передъ бесѣдою, но его видимо клонило ко сну, и подъ конецъ онъ сталъ безцеремонно позѣвывать...

Участвовалъ онъ въ преніяхъ крайне небрежно, явно нео-

хотно, говорилъ деревяннымъ тономъ, сонливо отбывая неинтересную теперь для него миссію, оффиціально на него возложенную. Но волею-неволею на каждомъ шагу въ немъ прорывался большой знатокъ дѣла, отлично знающій всѣ тонкости своихъ противниковъ, способный ихъ побивать ихъ же оружіемъ. Въ литературѣ предмета онъ оказался отличнымъ начетчикомъ, съ громадною памятью: цитатами такъ и сыпалъ на каждомъ шагу, произнося на память огромныя тирады изъ св. Писанія, отцовъ церкви и старообрядческихъ писателей.

Для миссіонерскихъ цѣлей это золотой человѣкъ, настоящій кладезь старообрядческой премудрости... Недаромъ его переманили и поторопились наградить рясой. Но эта же ряса его и погубитъ: человѣкъ еще среднихъ лѣтъ, въ расцвѣтѣ силъ, онъ уже опускается подъ вліяніемъ сонныхъ условій сытой поповской жизни... Узкія цѣли послѣдней у него уже, видимо, доминируютъ надъ миссіонерскими задачами.

Всѣ его большія знанія и незаурядныя діалектическія способности только временами мелькали и проскальзывали въ его рѣчахъ, когда противники ужъ черезчуръ припирали его къ стѣнѣ и даже поднимали на смѣхъ, если попъ начиналъ лукаво отлынивать отъ прямыхъ отвѣтовъ на рѣзко поставленные вопросы.

Одинъ замѣчательно толковый и знающій старообрядческій начетчикъ, молодой рыжеватый парень, типа мастерового, по молодости очень самолюбивый, какъ банный листъ, привязался въ одномъ мѣстѣ къ увильнувшему въ сторону попу и безцеремонно закричалъ ему:

— Нѣтъ, ты насъ не морочь!.. Ты не съ бабами тутъ толкуешь... Что виляешь хвостомъ? Ты дай намъ прямой отвѣтъ...

Попъ встряхнулся и однимъ духомъ выпалилъ своимъ сдобнымъ, пришепетывающимъ голосомъ огромную тираду изъ какого то „отца церкви", впрочемъ — прескверно, скороговоркой, словно „переучилъ" текстъ. Его заставили повторить, и онъ снова отбарабанилъ точно такъ же. Многіе не разобрали и ничего не поняли, но рыжему старовѣру цитата оказалась знакомою, и онъ блистательно сталъ доказывать, что попъ отводитъ вопросъ въ сторону, что цитата его къ дѣлу не относится, и онъ старается затушевать ею очень щекотливый вопросъ, очутившійся на опасной для попа почвѣ... Дебатировался пресловутый вопросъ объ антихристѣ, и старообрядцы очень искусно и смѣло гнули дѣло къ тому, что „антихристъ уже давно пришелъ и обрѣтается въ господствующей церкви"...

Вообще, публика безцеремонно относилась къ этому жирному попу, какъ къ своему недавнему собрату-крестьянину. „Тыкали" ему всѣ обязательно, даже самые молодые парни, тяжеловѣсно хлопали по плечу, дергали за рясу, прерывали на каждомъ шагу,

не слушали, смѣялись въ лицо, когда противники прижимали его къ стѣнѣ и попъ вилялъ въ сторону, уклоняясь отъ рѣшительныхъ отвѣтовъ.

Такая безцеремонность страшно не нравилась попу, и только природное добродушіе удерживало его отъ вспышекъ гнѣва, но онъ старался всячески поддержать свое колеблющееся достоинство... Онъ принималъ разныя позы, пріосанивался, возвышалъ голосъ, прибѣгалъ къ сомнительной жестикуляціи. Онъ никакъ не могъ взять надлежащій тонъ съ людьми, желавшими обращаться съ нимъ за панибрата, противъ чего онъ въ душѣ протестовалъ, но выразить протеста не умѣлъ... И онъ самъ вдругъ пускался въ сомнительныя шуточки съ окружающими, дружески хлопалъ иныхъ по плечу, съ другими заговаривалъ объ ихъ домашнихъ дѣлахъ.

Мнѣ казалось, что ему чувствуется здѣсь, въ своей теперешней роли, далеко не по себѣ... Это сказывалось и въ его неровномъ поведеніи —то въ излишней суетливости и развязности, то въ полной апатіи и сонливости, въ безпокойномъ блескѣ его глазъ и въ неувѣренной подчасъ рѣчи. Разумѣется, никакой физической опасности онъ не чувствовалъ, окруженный свитою изъ свѣтскихъ миссіонеровъ, да и въ окружающей толпѣ видѣлъ не однихъ противниковъ, но и сторонниковъ.

Но... не могъ же онъ забыть, что такъ недавно еще онъ самъ былъ въ другомъ лагерѣ, въ томъ самомъ, противъ котораго теперь воевалъ!.. Точно такъ же и онъ приходилъ тогда „на горы“ Свѣтлояра, чтобы постоять предъ „никоніанами“ за свою „старую вѣру“, и стоялъ за нее твердо, горячо, убѣжденно. Считался онъ однимъ изъ столповъ старообрядчества, и первымъ насмѣялся бы надъ тѣмъ, кто тогда напророчилъ бы его теперешнюю судьбу...

Можетъ быть, и сейчасъ въ окружающей толпѣ онъ видѣлъ прежнихъ своихъ соратниковъ и единомышленниковъ, хорошо зналъ, какъ они относятся теперь къ нему... Да они въ своихъ рѣчахъ нисколько и не скрывали презрительнаго отношенія къ нему, какъ къ ренегату. Изъ толпы нерѣдко вылетали самыя оскорбительныя замѣчанія насчетъ этого ренегатства и не могли не долетать до его чуткаго, настороженнаго слуха. Да и помимо того, достаточно было взглянуть въ разгорѣвшіяся лица старовѣровъ, въ ихъ устремленные на попа взгляды, полные ненависти, чтобы понять, какая глубокая пропасть лежитъ теперь между этими лицами, когда то такъ близкими между собою.

Потому, можетъ быть, попъ и усѣлся на землѣ, чтобы не встрѣчаться съ этими страшными для него, укоризненными взглядами, чтобы не видѣть этихъ, когда-то дорогихъ ему лицъ, а теперь пылавшихъ безконечною ненавистью Потому, можетъ быть, и рѣчи его были порою несвязны, часто неубѣдительны, всегда небрежны, лѣнивы, апатичны. Онъ, видимо, торопился поскорѣе

отбыть навязанную ему службу и уйти на покой отъ мучительныхъ воспоминаній о прошломъ, отъ тягостей настоящей минуты.

Тутъ чуялась трагедія,—и жирный попъ съ круглымъ бабьимъ лицомъ вызывалъ невольное сожалѣніе... Что таится въ его душѣ? Какою цѣною купилъ онъ свое настоящее „благополучное“ существованіе? Не тяготитъ ли оно его хотя временами? Не ложится ли иногда на его плечи тяжелымъ бременемъ эта легковѣсная ряса, такъ несуразно облегающая его кряжистую крестьянскую фигуру?!.

Все это невольно проносилось въ моей головѣ, когда я всматривался и вслушивался въ происходившее передъ моими глазами. Какою патріархальностью вѣяло отъ всей сцены!.. Подъ старымъ развѣсистымъ дубомъ сидѣлъ кряжистый попъ, подлѣ него расположились на землѣ миссіонеры въ поддевкахъ и нѣкоторые изъ публики, а кругомъ стояла тѣснымъ кольцомъ большая толпа такая чуткая и отзывчивая ко всему, о чемъ тутъ говорилось.

Хотя пренія шли на схоластическія и давно пережеванныя темы, но сколько здѣсь въ толпѣ было кипучей страсти, бодраго задора, здороваго смѣха, тонкой ироніи... Какіе прирожденные ораторы тутъ выступали, какіе тонкіе діалектики обнаруживались, какіе глубокіе критики открывались среди этихъ сермягъ, чуекъ, поддевокъ!.. Горько и обидно до слезъ становилось, что вся эта масса кипучей народной энергіи цѣликомъ и зря уходила на пережевываніе старой мертвечины, вмѣсто того, чтобы продуктивно работать надъ живыми вопросами жизни, которыхъ у насъ непочатый уголъ и которые со всѣхъ сторонъ трепетно объемлютъ насъ и ждутъ рѣшенія...

А здѣсь эта средневѣковая картина преній о вѣрѣ, да еще на какія узкія темы—объ антихристѣ, о „седьми просфорахъ“, о „хожденіи по-солонь“, о троеперстіи и двуперстіи и т. п. Больно было за этихъ богато надѣленныхъ людей, не нашедшихъ еще пока, и не по своей винѣ, болѣе глубокихъ и жизненныхъ предметовъ для собесѣдованія... Однако, какъ увидимъ ниже, запросы жизни начинаютъ уже понемногу пробиваться и на Свѣтлоярѣ.

VI.

Надъ обширною поляною, гдѣ происходили пренія, спускались глубокія сумерки, когда попъ-крестьянинъ оборвалъ свою бесѣду, откладывая ее до завтра, и исчезъ какъ-то незамѣтно, словно крадучись отъ людей... Если около этого попа вѣяло чѣмъ-то трагическимъ, то въ другомъ кружкѣ, гдѣ вели пренія молодые попики академисты, было много комическаго.

Среди небольшого кружка, все болѣе и болѣе таявшаго, стояли эти юные, безбородые, страшно волновавшіеся попики, какъ без-

помощные галчата среди стаи соколовъ... Они были въ чистенькихъ, новенькихъ рясочкахъ и очень хлопотали о томъ, чтобы не замарать ихъ: не садились на землю и все отодвигались отъ напиравшей на нихъ публики, старавшейся стать поближе, чтобы вслушаться въ ихъ тихія, робкія, блѣдныя рѣчи. Оба попика очень заботились, чтобы все около нихъ было „въ порядкѣ“, чтобы публика стояла тихо и благоговѣйно, не прерывала ихъ, а главное, — чтобы не напирала и не мяла ихъ рясокъ... Устроивши порядокъ, попики начинали говорить, толпа придвигалась къ нимъ, тѣснилась и—опять приходилось прерывать рѣчь и снова возстановлять порядокъ и т. д. и т. д. Они обнаруживали удивительный вкусъ къ полицейскимъ обязанностямъ...

Говорилъ, собственно, одинъ попикъ, а другой стоялъ позади и буквально подсказывалъ, какъ добрый товарищъ, вполголоса, первому, когда тотъ заминался или начиналъ нести чушь. Оба обнаруживали „ужасную ученость“, позаимствованную изъ недавно пройденнаго курса „обличительнаго богословія“, который они добросовѣстно вызубрили, что называется, „на зубокъ“, отчего часто сбивались, путались, теряли всякую нить, пока соединенными усиліями не выходили на торную дорогу академической премудрости. Попикъ до того вызубрилъ академическій курсъ, что даже выпаливалъ иногда подстрочныя „примѣчанія“, состоявшія изъ самыхъ добросовѣстныхъ библіографическихъ указаній на литературу предмета и т. п.

И этотъ „ученый багажъ“ предлагался на горахъ свѣтлоярскихъ и подносился простому народу, жаждущему совсѣмъ другой пищи!.. На лицахъ всѣхъ слушателей было написано полное недоумѣніе: зачѣмъ эти галчата пришли сюда и пыжатся надъ чѣмъ-то совсѣмъ ненужнымъ, лишнимъ, смѣшнымъ здѣсь?! Болѣе опытные люди съ усмѣшкою и сожалѣніемъ глядѣли на юнцовъ въ рясахъ, слушали ихъ минутъ пять и уходили прочь. Не знаю, дождались ли незадачливые попики „преній“ съ старовѣрами? Врядъ ли... Кому была охота палить по воробьямъ изъ пушекъ и учинять „избіеніе младенцевъ“?!

Вотъ и все, что „наработали“ отцы миссіонеры, съ ихъ помощниками въ поддевкахъ, за первый день (22 іюня) свѣтлоярскихъ праздниковъ. Судя по такому началу, и въ слѣдующіе два дня дѣятельность ихъ не могла быть продуктивнѣе, отдавала тою же казенщиною, формализмомъ, службою...

Не то, рѣшительно не то происходило въ тѣхъ совершенно частныхъ кружкахъ, гдѣ бесѣда и пренія шли безъ всякаго участія миссіонерской братіи. Здѣсь жизнь кипѣла ключемъ, и страсти разгорались открыто, хотя и здѣсь дебатировались преимущественно схоластическіе вопросы. Тутъ бились совершенно равныя стороны, стоявшія на одной и той же почвѣ, и одинаково заинтересованныя преслѣдованіемъ одной цѣли—добытія истины, до-

ступной ихъ пониманію. Никакихъ стороннихъ цѣлей здѣсь не преслѣдовалось; тутъ не было ни мундировъ, ни службы, ни разъѣздныхъ, ни суточныхъ... Здѣсь братъ шелъ на брата и по-братски высказывалъ все, до самаго дна души, ничего не скрывая и не прикрываясь никакими дипломатическими соображеніями и китайскими приличіями.

Обѣ стороны—и старообрядческіе начетчики, и православные любители божественнаго — выдвигали почти равныя силы, но нравственный перевѣсъ всетаки былъ на сторонѣ первыхъ, преобладавшихъ, къ тому же, и въ количественномъ отношеніи.

Послѣднее обстоятельство иногда обнаруживалось совершенно неожиданно. Иной кружокъ казался состоящимъ въ большинствѣ изъ православныхъ: такъ апатично, повидимому, слушатели относились къ громовымъ рѣчамъ оратора-старовѣра... Какъ вдругъ какое-нибудь острое словцо или смѣлая ироническая выходка по адресу православныхъ разбивали апатію слушателей, и они почти поголовно выражали вслухъ нескрываемыя симпатіи оратору.

Въ одномъ кружкѣ шла прежаркая проповѣдь о великомъ вопросѣ насчетъ просфоръ: на 7-ми просфорахъ слѣдуетъ служить обѣдню, или на 5-ти?.. Кругомъ стояла самая сѣрая, сермяжная публика, поражавшая своимъ соннымъ видомъ. Мнѣ это казалось вполнѣ естественнымъ: вопросъ былъ страшно скучный. Но я недоумѣвалъ: почему же они не расходятся?.. Какъ вдругъ вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, гомерически захохотала, услышавши дерзкій отпоръ старовѣра, бросившаго православному замѣчаніе:

— Да у васъ вѣдь нѣтъ ни одной настоящей просфоры!..

Какой злой ироніей свѣтились лица старовѣровъ, когда ихъ ораторы пускали лукавые намеки на то, что антихристъ уже сидитъ въ господствующей церкви, или распространялись о „бѣсовской прелести“, такъ неожиданно проявившейся въ послѣдніе годы въ этой церкви и проч.

И среди православныхъ попадались недурные, толковые ораторы. Мои знакомые ветлужане были до крайности поражены, когда увидѣли среди ораторовъ одного кружка двухъ крестьянъ (православныхъ) изъ деревень Прудовки Песочной. Это были самые заурядные, сѣрые крестьяне, ничѣмъ особеннымъ не выдававшіеся въ своемъ міру, кромѣ того, что они считались любителями почитать „божественное“ и потолковать о немъ. И вдругъ, на Свѣтлоярѣ, они оказались такими хорошими ораторами, дѣльными и довольно знакомыми даже съ нѣкоторой богословской литературой. Это былъ ихъ первый дебютъ на озерѣ, и очень удачный.

Но иные православные ораторы поражали чисто дѣтскою наивностью доводовъ въ защиту господствующей церкви. Очень насмѣшилъ публику одинъ ветхій, добродушный старичокъ, упиравшій на матеріальное богатство этой церкви, какъ на доказа-

тельство ея истинности... Онъ ссылался на богатые храмы, высокія колокольни, образа въ драгоцѣнныхъ окладахъ, тысячные колокола и т. п. Распространялся онъ также о „палатахъ ума", гнѣздящагося въ православной іерархіи, увѣряя, что митрополитовъ здѣсь выбираютъ „изъ тысячи архіереевъ" и т. п. Конечно, болтливый старичокъ успѣха не имѣлъ, выслушали его дѣтскіе доводы и отвернулись.

Старовѣрки не участвуютъ въ преніяхъ, хотя извѣстно, что между ними встрѣчаются замѣчательныя начетчицы, наставницы и руководительницы многихъ старообрядческихъ общинъ разныхъ толковъ. Даже среди слушателей преній женщины очень рѣдко попадались.

Когда я стоялъ подлѣ того кружка, гдѣ распинался за церковь болтливый старичокъ, ко мнѣ вдругъ подскочила худощавая женщина, въ одеждѣ скитницы, и заговорила слезливымъ голосомъ:

— А у насъ икона плачетъ... Какъ быть бѣдѣ, такъ и плачетъ... такъ двѣ слезинки и катятся...

— Гдѣ это у васъ?—спрашиваю ее.

— Въ Семеновскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ... Такъ передъ бѣдою и плачетъ, такъ и заливается...

Видя, что ея сообщеніе о чудѣ не произвело никакого эффекта, и никто изъ толпы не сталъ разспрашивать о подробностяхъ, скитница отошла отъ насъ и приблизилась къ стоявшей въ сторонкѣ группѣ женщинъ, гдѣ и застряла на этой благодарной для чудесъ почвѣ...

VII.

Самая горячая и страстная пря шла въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ сталкивались старовѣры или православные съ представителями раціоналистическихъ сектъ, одинаково враждебныхъ и тѣмъ, и другимъ. Казалось бы, ради борьбы съ общимъ врагомъ православные и старовѣры могли бы соединиться и дружно напасть на него сообща. Но нѣтъ! между тѣми и другими издавна легла такая глубокая пропасть, что ни о какомъ даже временномъ союзѣ тутъ не могло быть и рѣчи. Когда съ „немолякомъ" *) боролся старовѣръ, православные молчали, хотя въ душѣ были на сторонѣ старовѣра, и обратно.

Когда я въ первый разъ, еще засвѣтло, пришелъ на эту поляну, уже издали замѣтилъ большой кругъ и услышалъ громовый го-

*) Немоляки—сравнительно новая секта, отвергающая церковь, таинства, іерархію и всякую обрядность. до наружной молитвы включительно, хотя, изъ предосторожности, многіе немоляки наружно соблюдаютъ требованія православной церкви и продолжаютъ номинально числиться въ ней. Секта успѣшно развивается въ Семеновскомъ, Макарьевскомъ, Варнавинскомъ и др. уѣздахъ.

лосъ, разносившійся далеко вокругъ. Въ блестящей, плавной, горячей рѣчи слышалось страстное возбужденіе и глубокая убѣжденность оратора въ непререкаемой истинности того, о чемъ онъ такъ проникновенно говорилъ. Я ни минуты не допускалъ, чтобы эти страстныя рѣчи могли касаться „7 просфоръ“, или двуперстія и т. п. грошовыхъ темъ, и не ошибся.

Въ центрѣ самаго большого круга, больше котораго не было на полянѣ, могучій голосъ оратора громилъ внѣшнее, наружное богопочитаніе и взывалъ къ внутреннему, „въ духѣ и истинѣ“...

Если гдѣ на Свѣтлоярѣ, то всего больше здѣсь я пожалѣлъ, что нельзя прибѣгнуть къ записной книжкѣ и внести въ нее хотя бы отрывки живыхъ и характерныхъ рѣчей этого блестящаго оратора. При массѣ полученныхъ здѣсь впечатлѣній нечего было разсчитывать на собственную память, а записать что-либо на мѣстѣ рѣшительно немыслимо: публика сейчасъ обратила бы вниманіе на записывающаго и потребовала бы прекращенія записей, увидѣвши въ этомъ дѣяніи что-то полицейское, розыскное... Оттого и приходится передавать сущность рѣчей въ самыхъ сжатыхъ, общихъ выраженіяхъ, дающихъ лишь голый скелетъ живой мысли, развивающейся тутъ такъ свободно, рельефно и своеобразно, въ типичныхъ формахъ народной рѣчи.

Ораторъ былъ головою выше толпы и удивительно напоминалъ рѣшительно всѣмъ обличіемъ одного извѣстнаго артиста московской оперы: такая же высокая, сухая и мускулистая фигура, такое же худощавое лицо съ тонкими чертами энергичнаго брюнета, только съ большой бородой, даже такой же рѣзкій басовый голосъ съ расшатанными, дрожащими нотами. Манеры его были рѣзки и угловаты, но это шло къ нему и не портило общаго впечатлѣнія отъ такихъ же рѣзкихъ и страстныхъ рѣчей его.

Окружающая толпа была поражена необычными здѣсь рѣчами, громившими показную обрядность въ религіи и всякое фарисейство въ жизни. Толпа чутко слушала, но, какъ ко всему новому, относилась крайне настороженно, боязливо... Для многихъ слушателей, знакомыхъ съ немолячествомъ, было несомнѣнно, что передъ ними немолякъ. Но самъ онъ, когда къ нему обращались чуть не съ прямымъ запросомъ: „рцы ми, чадо, како вѣруеши?..“, — настойчиво уклонялся отъ прямого отвѣта и рѣшительно отвергалъ кличку немоляка, какую всѣ ему давали. Очевидно, скрывалъ онъ свое немолячество только потому, что оно еще не пріобрѣло правъ гражданства на свѣтлоярскихъ горахъ.

Главный его оппонентъ, вышеупомянутый рыжій старовѣръ, сгорая отъ нетерпѣнія узнать, къ какому толку принадлежитъ ораторъ, брякнулъ разъ такое замѣчаніе:

— Знаемъ мы васъ!.. Вы подъ кустами вѣнчаетесь... сегодня съ одной, завтра съ другой... Вотъ ваша вѣра! Слыхали и мы...

Брюнетъ вспыхнулъ отъ негодованія и заговорилъ, подступая къ рыжему и угрожающе жестикулируя:

— Ты слышалъ звонъ, а не знаешь, гдѣ онъ... Про кого ты говоришь? Ежели про меня, такъ врешь!.. Могу свидѣтелей, сколько хошь, призвать, что я вѣнчался въ соборной церкви г. Семенова и живу съ своей законной женой...

Рыжій парень не унимался и продолжалъ вышучивать духоборовъ, немоляковъ и др. сектантовъ, отвергающихъ внѣшнюю обрядность. Немолякъ заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Что ты травишь? Что пришелъ травить?! Такъ гусей травятъ... а людей грѣхъ такъ травить!..

Вообще, рыжій старовѣръ, такъ удачно оппонировавшій попу-крестьянину въ схоластическихъ вопросахъ объ антихристѣ и т. п., тутъ, по живому вопросу, поднятому немолякомъ, оказался ниже всякой критики: вертѣлся вокругъ да около, ни до чего толкомъ не договариваясь, придираясь къ словамъ и, видимо, не понимая сущности рѣчей противника. А этотъ велъ свое дѣло блистательно, съ убѣжденіемъ и чувствомъ пророка, скорбящаго, что его не понимаютъ... Можно было залюбоваться и его вдохновеннымъ лицомъ, и выразительными, горящими глазами, и страстными рѣчами...

Но скоро онъ понялъ, что „мечетъ бисеръ“ совершенно напрасно, что и рыжій старовѣръ, и другіе, еще болѣе слабые оппоненты не достойны его вниманія, — и онъ вдругъ какъ-то сразу опалъ въ своемъ проповѣдническомъ жарѣ и сталъ апатично относиться къ возраженіямъ. Рыжій въ концѣ бесѣды попрекнулъ его:

— Ты не по евангелію говоришь...

— А ты по евангелію?

— А ты по евангелію?.. — и т. д., разъ по пяти каждый изъ нихъ повторилъ этотъ укоризненный вопросъ, и послѣ того они разошлись. Уходя, рыжій пообѣщалъ назавтра „притащить гору книгъ“, надѣясь при ихъ помощи побѣдить противника и какъ бы сознаваясь тѣмъ, что сейчасъ онъ слабъ и неубѣдителенъ. Немолякъ ничего на это не отвѣтилъ, хорошо зная, какія книги притащитъ старовѣръ и какъ по нимъ будетъ доказывать... Для немоляка существенны были не эти отжившія книги, покрытыя вѣковою пылью и поблекшія отъ времени, а живой голосъ разума и совѣсти, который еще такъ слабо раздается на берегахъ Свѣтлояра и вызываетъ пока не столько сочувствіе, сколько недоумѣніе. Но судя по углубленнымъ въ раздумье лицамъ слушателей, расходившихся съ этого круга, не одно зерно изъ рѣчей немоляка упало тутъ на благодарную почву и дастъ здоровые ростки...

Такое же благотворное вліяніе сказывалось и въ другихъ кружкахъ, гдѣ дебатировались не схоластическіе церковные вопросы, а чисто житейскіе, хотя и на религіозной отчасти почвѣ.

Въ одномъ, напримѣръ, кружкѣ трактовался вопросъ о разныхъ требованіяхъ нравственной жизни, въ другомъ—о вредѣ пьянства, въ третьемъ—объ омерзительности „матернаго слова“ и т. п.

Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ одинъ симпатичный сѣдой старикъ, очевидно, изъ духоборовъ, который такъ трогательно и задушевно, въ живыхъ образныхъ картинахъ, возставалъ противъ жестокаго обращенія съ животными — „нашими друзьями и помощниками...“ Видимо было, какъ это живое слово неотразимо запечатлѣлось въ сердцахъ слушателей: всѣ расходились, оживленно и сочувственно бесѣдуя объ услышанномъ и благодаря отъ души старика „за правду, что онъ молвилъ...“ Одинъ изъ слушателей сдѣлалъ такой выводъ:

— Скотовъ своихъ мы не милуемъ, а сколь часто сами бываемъ хуже всякихъ скотовъ!..

Все это были новыя, живыя слова, начавшія лишь съ недавнихъ поръ раздаваться на Свѣтлоярѣ. Эта свѣжая струя еще чуть-чуть пробивается здѣсь, но будущее, конечно, за нею, а не за тою схоластическою стороною, которая и на Свѣтлоярѣ уже доживаетъ свой вѣкъ и готовится уступить мѣсто новымъ вліяніямъ...

VIII.

На той же большой полянѣ, гдѣ происходили пренія частныхъ кружковъ, въ южномъ концѣ ея, на склонѣ къ долинѣ свѣтлоярскаго ручья, расположилось единственное (въ этотъ день) молбище старообрядцевъ, именно уренскихъ безпоповцевъ. Тутъ, на ихъ обычномъ съ давнихъ временъ мѣстѣ, подъ старымъ дубомъ и нѣсколькими кустами, поставленъ былъ рядъ принесенныхъ иконъ, очень старинныхъ, иныя въ серебряныхъ окладахъ. Передъ этимъ своего рода иконостасомъ установили подсвѣчники и аналой съ книгами, за которымъ стоялъ, читалъ и дѣлалъ возгласы мужчина среднихъ лѣтъ, въ длинной поддевкѣ. Подлѣ него расположился хоръ скитницъ, изъ 4—5 женщинъ, довольно согласно гнусившихъ „древле-отеческое“ пѣніе, въ отвѣтъ на гнусавые возгласы своего наставника. Тутъ же вертѣлись, прислуживая ему и около образовъ, нѣсколько молодыхъ скитницъ, а группа постарше стояла впереди молящихся.

Среди послѣднихъ были исключительно женщины, усердно выстаивавшія долгіе часы продолжительной службы. Онѣ зорко слѣдили за всѣми движеніями стоявшихъ впереди скитницъ и неукоснительно слѣдовали ихъ примѣру: словно по командѣ, крестились, отвѣшивали то поясные, то земные поклоны, становились на колѣни и простирались по землѣ, затѣмъ всѣ разомъ вскакивали и т. д. Это были чисто машинальныя движенія, преслѣдовавшія одну цѣль—соблюсти „букву закона“ до послѣд-

ней степени скрупулезности. Подстать этимъ заученнымъ, мертвеннымъ движеніямъ было и монотонное гнусавое чтеніе наставника, и деревянное пѣніе скитницъ, и одеревенѣлыя лица всей небольшой паствы, видимо отбывавшей самое скучное, но неотвратимое дѣло своей жизни...

Но вся эта сонная группа поражала своеобразностью—на роскошномъ фонѣ вѣкового дубоваго лѣса, въ двухъ шагахъ отъ бившей ключемъ жизни въ собравшихся вблизи кружкахъ собесѣдниковъ... И недаромъ одинъ нижегородскій докторъ, притащившій на Свѣтлояръ огромный фотографическій аппаратъ, собирался, въ компаніи съ ветлужскимъ докторомъ, увѣковѣчить снимкомъ уренскую группу молящихся старообрядцевъ. Но доктора потерпѣли полное фіаско.

Съ большимъ трудомъ приволокли они на гору аппаратъ, выбрали самую удобную позицію, установили камеру и уже собирались снимать, какъ вдругъ замѣтили въ толпѣ молящихся большой переполохъ. Служба оборвалась. Начетчикъ и еще нѣсколько старообрядцевъ подскочили къ докторамъ и рѣшительно запротестовали, обращаясь къ нижегородцу:

— Убери свою машину!.. Мы тебѣ не позволимъ изображать насъ, мы не желаемъ этого... Ты мѣшаешь намъ молиться!.. Если не бросишь, мы сейчасъ пойдемъ жаловаться. Самому царю пожалуемся, пошлемъ телеграмму... Онъ разрѣшилъ намъ молиться, а ты мѣшаешь!.. Теперь вотъ кровь на войнѣ проливается, нужно молиться, каяться въ грѣхахъ, а ты тутъ приволокъ свою машину... Убери сейчасъ!,.

Какъ ни уговаривали доктора, что они сдѣлаютъ снимки лишь для себя и не пустятъ ихъ въ обращеніе, старообрядцы рѣшительно уперлись на своемъ. Стала собираться толпа, также неблагосклонно отнесшаяся къ затѣѣ докторовъ. Замелькали угрожающіе жесты, послышались угрозы поломать „чортову машину..." Доктора, разумѣется, отступили и ограничились (какъ и наши спутницы, имѣвшія маленькій аппаратъ) снимками въ другихъ мѣстахъ болѣе невинныхъ предметовъ — видовъ озера, ярмарки и т. п.

Одинъ изъ докторовъ, разсказывая мнѣ объ этой стычкѣ съ староверами, очевидцемъ которой я не былъ, возмущался такою „косностью" и „варварствомъ" протестовавшихъ противъ фотографированія... Но я, признаться, ничего подобнаго здѣсь не вижу, и ставя себя на мѣсто старовѣровъ, нахожу, что и я, и всякій поступилъ бы, вѣроятно, точно такъ же хотя бы и по другимъ нѣсколько мотивамъ), если бы невѣдомые любители вдругъ захотѣли, не испрашивая разрѣшенія, снять меня съ моими близкими друзьями въ какой-нибудь интимной нашей обстановкѣ. Простое приличіе и чувство деликатности требовали, чтобы доктора предварительно испросили согласіе тѣхъ, кого хотѣли снимать. Вмѣсто того они

отнеслись къ молящейся группѣ старовѣровъ, какъ къ молчаливой природѣ, у которой никто разрѣшенія не спрашиваетъ, что бы ни продѣлывалъ надъ нею...

Я подошелъ къ уренскому моленію, когда вся эта исторія съ докторами закончилась, и уренцы спокойно молились. Снявши шляпу, я сталъ въ заднихъ рядахъ молящихся и долго тутъ стоялъ, никѣмъ не тревожимый, хотя сосѣдки косо на меня посматривали и самъ начетчикъ нѣсколько разъ оборачивался въ мою сторону. Что такое они „правили"—точно не могу сказать, но похоже было на заутреню, съ добавленіемъ акафистовъ и разныхъ вставочныхъ чтеній, какъ полагается по чину монастырскаго устава. Очевидцы говорили, что служба уренцевъ тянулась часовъ пять, и закончилась въ глубокія сумерки.

Это была единственная крупная группа (до 50 человѣкъ) открыто, съ полнымъ „оказательствомъ", молившихся старообрядцевъ. А прежде, говорятъ, такія моленія „на горахъ" попадались „на каждомъ шагу, подъ каждымъ деревомъ"... Теперь мало молятся, но больше разсуждаютъ о вѣрѣ.

Уренскія скитницы, покончивъ свою службу, не стали отдыхать, а сейчасъ же занялись другимъ дѣломъ: отойдя отъ своего алтаря нѣсколько въ сторону, усѣлись кружкомъ на травѣ и затянули нескончаемое пѣніе какихъ-то стиховъ о „пресвѣтломъ озерѣ Свѣтлоярѣ и о чудномъ градѣ великомъ Китежѣ"... Одна пѣвица слѣдила по рукописной книгѣ за пѣніемъ и вела его, а остальныя ей подтягивали. Пѣніе было монотонное, въ унисонъ, но чуточку поживѣе, чѣмъ во время службы, да и посодержательнѣе. Группа слабо освѣщалась колеблющимся пламенемъ нѣсколькихъ восковыхъ свѣчей, перебѣгавшимъ по утомленнымъ лицамъ пѣвицъ, тогда какъ стоявшая вокругъ толпа слушателей оставалась въ полной тѣни.

Пѣніе вдругъ оборвалось. Какая-то старуха изъ скитницъ властнымъ голосомъ замѣтила „уставщицѣ", ведшей по рукописи пѣніе, что онѣ „не такъ поютъ"—что-то „пропустили". Та заметалась, стала оправдываться, перелистовала рукопись и должна была сознаться въ пропускѣ, не знаю ужъ—вольномъ или невольномъ... Старуха досадливо крякнула на такое нарушеніе „чина" и велѣла пѣть пропущенное.

Въ другомъ сосѣднемъ кружкѣ, также состоявшемъ изъ женщинъ, одна изъ нихъ читала, при свѣтѣ восковой свѣчки, по рукописи извѣстное „сказаніе о градѣ великомъ Китежѣ".

Такимъ образомъ, хранительницами древнихъ старообрядческихъ завѣтовъ на Свѣтлоярѣ оказываются преимущественно женщины, не смущающіяся ни вторженіемъ „никоніанъ", ни ярмарочной сутолокой, ни другими новыми явленіями свѣтлоярской жизни. Но и женская охрана этихъ завѣтовъ въ дни свѣтлояр-

скихъ праздниковъ съ каждымъ годомъ становится все слабѣе и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ.

IX.

Одинъ изъ старыхъ завѣтовъ, предъявляемыхъ на Свѣтлоярѣ къ „людямъ древляго благочестія", рекомендуетъ имъ оригинальный пріемъ для того, чтобы войти въ сношенія съ невидимымъ градомъ Китежемъ, живущимъ на днѣ озера... Они должны прилѣпить къ щепочкамъ зажженныя восковыя свѣчки и пустить ихъ на озеро. Въ Китежѣ-де замѣтятъ эту иллюминацію и „возрадуются зѣло", что правовѣрные на землѣ еще сохранились и не забыли китежанъ...

Такое объясненіе свѣтлоярскихъ огней далъ мнѣ одинъ ветхій старикъ (существуютъ и другія версіи), котораго я встрѣтилъ позднимъ вечеромъ въ лѣсу около большой поляны. Онъ сидѣлъ на гребнѣ горы и восхищался дѣйствительно живописной картиной: далеко внизу мелькали сквозь листву деревъ маленькіе огоньки, медленно колыхавшіеся по зеркальной поверхности озера, сосредоточиваясь у южнаго берега (около ярмарки).

Но огоньковъ было очень немного—не болѣе сотни, и старичокъ плакался, что съ каждымъ годомъ ихъ становится меньше и меньше, а онъ помнилъ, какъ въ былое время огоньки, по его словамъ, плавали по всему озеру, отъ края до края: „столь много ихъ бывало, какъ божьихъ звѣздочекъ на небѣ..."

Другая полоса рѣдкихъ огоньковъ тянулась по берегамъ почти круглаго озера: это также исполнялся свѣтлоярскій завѣтъ — обойти озеро три раза, съ зажженною свѣчею въ рукахъ.

Простившись съ сѣденькимъ старичкомъ, какъ-то по-дѣтски охавшимъ объ упадкѣ „древляго благочестія", я спустился съ горы и хотѣлъ обойти озеро, но дошелъ только до „святаго ключа" (колодецъ на береговой тропѣ, съ отличной водой) и долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Дальше шла болотистая низина, и въ другихъ пунктахъ берега попадались топкія мѣста, еще болѣе засырѣвшія послѣ недавнихъ дождей, да и остальные берега были покрыты страшно росистой травой.

А между тѣмъ, находились охотницы, совершавшія „для ради спасенія души" такой подвигъ: онѣ, на колѣняхъ проползали три раза вокругъ озера по такой мокротѣ и грязи, т. е. дѣлали въ этомъ неудобномъ положеніи до 10 верстъ!..

Одна такая несчастная старуха, добровольно взявшаяся за этотъ подвигъ, страшно измученная, еле дышавшая, загрязнившаяся и оборвавшаяся, попалась на глаза вышеупомянутому нижегородскому доктору, имѣвшему стычку съ уренцами. Почтенный докторъ въ первый разъ очутился на Свѣтлоярѣ, всѣмъ восхи-

щался, все его интересовало, трогало, но постоянно попадалъ онъ впросакъ и натыкался на разныя исторіи, которымъ не предвидѣлось конца...

Увидѣвши изможденную старуху, докторъ—не знаю что вообразилъ себѣ и, по профессіональному человѣколюбію, бросился помогать страждущей, собираясь уже поднять ее на ноги. Старуха окрысилась и сердито закричала:

— Не тронь! я тебѣ не мѣшаю, и ты мнѣ не мѣшай...

— Видно, бабушка, много нагрѣшила...—не сдержался докторъ.

— Считай, батюшка, свои грѣхи, а мои нечего...—отозвалась старуха и поползла дальше.

Попадались немногіе купающіеся въ озерѣ (съ береговъ оно мелкое и заростаетъ травою), тоже по завѣту отцовъ—„для омовенія грѣховъ". Впрочемъ, отцы и матери предпочитаютъ возлагать эту обязанность на ребятъ обоего пола, до грудныхъ младенцевъ включительно.

И тутъ злополучный докторъ налетѣлъ на исторію... Онъ напустился на одну молодую мать, купавшую годовалаго ребенка въ холодной водѣ озера, когда солнце уже зашло и въ воздухѣ вѣяло прохладой. Женщина, съ своей стороны, набросилась на доктора, заявляя, что онъ „суется не въ свои дѣла" и доказывая, что „въ святой водѣ" простудиться нельзя...

Злоключенія доктора кончились тѣмъ, что онъ „очень выгодно" купилъ на ярмаркѣ, за 2 рубля, „старинную рукопись", за которую самъ торговецъ требовалъ только 3 рубля. Рукопись оказалась новѣйшимъ спискомъ (половины прошлаго вѣка, если не новѣе) извѣстнѣйшаго „сказанія" о Свѣтлоярѣ и Китежѣ...

Когда я возвращался въ 12 часу ночи съ горы, гдѣ происходили пренія, весь скатъ къ озеру былъ усѣянъ тѣлами спящихъ и дремлющихъ, улегшихся тутъ по традиціи, какъ располагались ихъ дѣды и прадѣды. Но послѣдніе приходили сюда не спать и дремать, а бодрствовать въ ночь на 23 іюня, въ ожиданіи вѣстей изъ града Китежа—звона его колоколовъ и пѣнія его иноковъ... Теперь же крайне рѣдки были бодрствующія группы: кое-гдѣ онѣ попадались въ тиши, подальше отъ народа, и шепотомъ вели божественныя бесѣды, или слушали сказанія о Китежѣ, выученныя многими наизусть, или другія поучительныя исторіи изъ цикла старообрядческихъ легендъ. Эти немногія группы состояли больше изъ старовѣровъ, рѣдко изъ православныхъ, большинство которыхъ предпочитало мирно почивать по сосѣдству съ Китежемъ, собираясь съ силами на завтрашній престольный праздникъ и ярмарку въ с. Владимірскомъ.

На большой полянѣ пренія прекратились около полуночи, но моленіе уренцевъ возобновилось и тянулось до разсвѣта.

Раньше приходилось слышать, будто Свѣтлоярскія ночи стали превращаться въ недавнее время въ „Ярилины ночи", съ ихъ

разгуломъ и развратомъ. Но очевидцы, посѣщавшіе Свѣтлояръ въ послѣдніе годы, рѣшительно это отвергаютъ, и я охотно къ нимъ присоединяюсь, по крайней мѣрѣ, относительно ночи на 23 іюня, когда рѣшительно нигдѣ нельзя было встрѣтить никакихъ безобразій, кромѣ „пикниковъ“ уѣздной знати. Простой же народъ велъ себя безукоризненно, подавая тѣмъ отличный примѣръ мѣстной „аристократіи“ и „интеллигенціи“, къ сожалѣнію, ему не слѣдовавшей...

Можетъ быть, въ слѣдующіе дни, подъ вліяніемъ престольнаго праздника, сопровождающагося обязательнымъ пьянствомъ всего села и его гостей, и вслѣдствіе ярмарочнаго разгула, на свѣтлоярскихъ берегахъ толпа становится нѣсколько разнузданнѣе и пьянѣе. Но 22 іюня и въ ночь на 23-е, т. е. въ самые уважаемые часы на Свѣтлоярѣ ни разнузданности, ни пьянства не встрѣчалось. Въ лѣсу, за большой поляной иногда попадались отдѣльныя парочки, но и онѣ торопились уходить подальше отъ центра сборищъ и никому не мѣшали, составляя рѣдкія исключенія.

X.

Около полуночи я вернулся къ нашему стану, гдѣ засталъ чаепитіе. У фельдшера, пріѣхавшаго съ докторами, нашелся самоваръ, за которымъ хозяйничали наши спутницы. Кучера разложили костеръ, гдѣ грѣлись, и мы, и всѣ, кто хотѣлъ изъ проходящихъ. Ночь была очень холодная и желавшихъ погрѣться являлось не мало. Всѣ безъ церемоніи подходили къ нашему и другимъ кострамъ, присаживались на корточки, не спрашивая ничьего позволенія, и грѣлись, сколько хотѣли. Нѣкоторые укладывались подлѣ чужихъ костровъ и дремали, а иные засыпали, подъ шумный говоръ чаевавшихъ и кутившихъ кружковъ „чистой публики“.

Эта патріархальная простота производила очень милое впечатлѣніе своею безпритязательностью, но я искренно пожалѣлъ тѣхъ крестьянъ, которые не дремали и не спали у нашихъ костровъ, а подходили съ намѣреніемъ и погрѣться, и послушать— „о чемъ говорятъ господа“. Увы! лучше бы они не подходили: ничего серьезнаго и поучительнаго не было въ рѣчахъ „господъ“, собравшихся покутить у Китежа, а неприличнаго и даже возмутительнаго было не мало...

Кружки „чистой публики“ вели себя черезчуръ нараспашку, нисколько не скрывая, что пріѣхали сюда только для того, чтобы весело провести время и покутить. Тамъ шло разливанное море: слышались и крики, и взрывы пьянаго хохота, и отрывки несвязныхъ рѣчей сомнительнаго достоинства, иногда на скверномъ нижегородско-французскомъ жаргонѣ. Тамъ относились съ кондачка

и къ Свѣтлояру, и ко всѣмъ сложнымъ явленіямъ свѣтлоярской жизни, заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія. Прокисшія „сливки“ мѣстнаго общества неприлично шутили надъ всею свѣтлоярскою обстановкою и надъ простымъ народомъ, собиравшимся здѣсь далеко не для шутокъ.

Еще днемъ въ разныхъ пунктахъ Свѣтлояра приходилось натыкаться на эти группы безвкусно и аляповато разряженныхъ дамъ и кавалеровъ, вездѣ сновавшихъ безъ толку, съ своими некрасивыми ужимочками, хохотомъ и безпардоннымъ отношеніемъ ко всему окружающему. Модныя шляпки нѣкоторыхъ уѣздныхъ дамъ и дѣвицъ — эти нелѣпыя аршинныя колеса, на всякомъ мѣстѣ поражающія своимъ безвкусіемъ, здѣсь, въ свѣтлоярской обстановкѣ, были просто возмутительны. Не менѣе отличались костюмами и уѣздные кавалеры.

Особенно поражалъ одинъ изъ ветлужскихъ земскихъ начальниковъ — необычайной толщины молодой человѣкъ, съ бабьимъ лицомъ и брюхомъ беременной женщины, догадавшійся нарядиться въ чесунчовую рубаху, плотно облегавшую его противныя жирныя формы. И когда такое смѣхотворное „бебе“ появлялось на горахъ Свѣтлояра въ компаніи нелѣпыхъ дамскихъ шляпъ колесомъ, среди строгихъ, темныхъ большею частью, костюмовъ народа, получалось впечатлѣніе чего-то нелѣпаго, комедіантскаго, анекдотическаго... А когда такое великовозрастное бебе начинало своимъ сладенькимъ и сюсюкающимъ бабьимъ голоскомъ „занимать“ своихъ дамъ пошлыми шуточками надъ окружающимъ, становилось и совѣстно за нихъ, и жалко ихъ, и больно за народъ, выдѣляющій изъ себя и такія „сливки“...

Когда ночью они всѣ собрались въ одномъ мѣстѣ и обнаружили откровенно, ради какого „своего дѣла“ они сюда понаѣхали съ разныхъ концовъ сосѣднихъ уѣздовъ, когда они безцеремонно стали кутить „на всемъ честномъ народѣ“, собравшемся сюда для другихъ, совершенно серьезныхъ цѣлей—картина получалась по истинѣ отвратительная и дикая...

Такимъ, чисто варварскимъ, неуваженіемъ къ мѣсту религіозныхъ сборищъ народа можетъ заражаться только некультурное русское общество... Какъ бы ни были наивны и примитивны здѣсь проявленія народной религіозной жизни, но разъ народъ не получаетъ другой здоровой пищи отъ своихъ представителей и руководителей, послѣдніе не въ правѣ относиться съ презрѣніемъ къ тому, чѣмъ живетъ народная душа, бродящая въ потемкахъ.

Самый обширный кружокъ составляла группа „временныхъ статистиковъ“, работавшихъ это лѣто въ сосѣднихъ земствахъ. На Свѣтлояръ собралось ихъ „отдохнуть“ отъ статистическихъ работъ до 30 человѣкъ. Это была самая шумная, даже буйная, и

самая пьяная группа... Состояла она, къ удивленію, изъ студентовъ разныхъ цвѣтовъ и погоновъ, семинаристовъ и т. п.

Часть этого кружка (кажется — семинаристы) устроила пѣніе изъ свѣтскаго репертуара, словно нарочно выбравши мѣсто по сосѣдству съ часовней, т. е. поближе къ толпамъ дремавшихъ и бодрствовавшихъ „на горахъ" богомольцевъ... Это было уже чистое издѣвательство надъ народомъ, и народъ запротестовалъ и заставилъ безобразниковъ прекратить пѣніе.

Затѣмъ произошла какая-то пьяная свалка между кучерами, съ требованіемъ урядника, протокола... Въ свалку почему-то встряли взвинченные винными парами „временные статистики", съ кѣмъ-то сцѣпились и долго орали, потрясая воздухъ и тонкими юридическими терминами, и крупною нецензурною бранью...

Словомъ, вышло нехорошо... И совѣстно становилось за все это безобразіе и передъ чинными толпами народа, съ серьезными думами на лицахъ, и передъ тихими водами Свѣтлояра, этой вѣковой народной святыни, и передъ тихо мерцавшими на небѣ милліардами чистыхъ звѣздъ...

XI.

Костеръ нашъ потухалъ, и около него подремывали и наши спутницы, и случайно набредшіе на тепло путники. Я бодрствовалъ, перебирая всѣ пережитыя за день свѣтлоярскія впечатлѣнія.

Въ сосѣднихъ кружкахъ — и „временныхъ статистиковъ", и толстомясаго, брюхатаго „бебе", и другихъ, постепенно все утихло и успокоилось. Временами только срывались кони съ привязей и убѣгали, чуть не налетая на нашъ станъ, будя и пугая дремавшихъ. Но скоро и кони успокоились, и все затихло въ предразсвѣтной тишинѣ.

Тихо было и на озерѣ, и на берегахъ его и „на горахъ". Вездѣ почти дремалъ народъ... И мысли невольно неслись къ его духовной дремотѣ, къ его богатымъ, нетронутымъ силамъ, которыя или дремлютъ также, или тратятся безплодно на толченіе воды, да на усилія открыть давно отпертыя двери... Когда же онъ проснется, и когда найдетъ разумный выходъ для своихъ титаническихъ силъ?.. Свѣтлояръ молчалъ и не давалъ отвѣта... Да и кто его дастъ?!

А воображеніе рисовало картины новаго, въ недалекомъ грядущемъ, Свѣтлояра, когда народъ такъ же будетъ здѣсь собираться по традиціи, но не для дебатовъ объ антихристахъ и т. п. дребедени, а для обсужденія и своихъ жизненныхъ дѣлъ, и высшихъ запросовъ жизни. Это будетъ вольное и свободное народное вѣче, собирающееся по своей иниціативѣ и надобности, безъ протоко-

ловъ и иной мертвящей формалистики. Какія живыя рѣчи польются тогда у свободнаго культурнаго народа на горахъ свѣтлоярскихъ, освободившихся отъ всякихъ наростовъ схоластики и казуистики... Какая сила и правда почуются тогда въ этихъ свободныхъ рѣчахъ на вольномъ просторѣ свѣтлоярскаго вѣча!..

Н. Оглоблинъ

НА ДЮНАХЪ.

Иду я съ тихой думою
По дюнамъ золотымъ,
Гдѣ волны пѣснь угрюмую
Поютъ камнямъ сѣдымъ,
Гдѣ мохъ блѣдно-зелеными
Узорами лежитъ,
И красными колоннами
Сосновый лѣсъ горитъ.
И, сѣвера суроваго
Печальные цвѣты,
Тамъ вереска лиловаго
Раскинулись кусты...
Люблю я эту странную
Нѣмую красоту,
Какъ милую, туманную
И грустную мечту!
И пѣсню я угрюмую
Холодныхъ волнъ люблю
И морю съ тихой думою
Несу печаль мою...

Г. Галина.

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Каждое лѣто Вѣрѣ Сергѣевнѣ приходилось проѣзжать чрезъ Т*, гдѣ ея братъ служилъ офицеромъ при штабѣ, и гдѣ она, обыкновенно, оставалась у него погостить нѣсколько дней...

Какъ всегда, онъ встрѣтилъ ее на вокзалѣ; какъ всегда, они поѣхали къ нему по пыльнымъ, узкимъ улицамъ, мимо домовъ съ закрытыми ставнями, гдѣ, казалось, всѣ уже спали, хотя день еще только начиналъ клониться къ вечеру.

Жилъ Николай Сергѣевичъ много лѣтъ подъ-рядъ на одной и той же квартирѣ; и въ его четырехъ комнатахъ было всегда холодно, угарно, вездѣ лежала пыль, валялись спички, окурки папиросъ... Видно было, что никто никогда не садился на креслахъ въ гостиной, не читалъ газетъ, лежавшихъ на этажеркѣ, не писалъ за столомъ въ кабинетѣ... На окнахъ уныло чахли цвѣты, скучали желтыя, запыленныя занавѣски... На всемъ лежалъ отпечатокъ холостой жизни, когда хозяина ничто не тянетъ домой, и возвращается онъ къ себѣ только, чтобы переночевать...

Вѣра Сергѣевна обошла эти комнаты, гдѣ каждая вещь была ей такъ хорошо знакома,—перелистала въ залѣ альбомы съ „cartes postales“ и голыми женщинами, перебрала на этажеркѣ приложенія къ „Нивѣ“ и „Родину“, потрогала на подзеркальникѣ искусственные цвѣты, съ которыхъ сыпался мохъ... Потомъ подошла къ окну и стала смотрѣть... На дворѣ денщикъ собирался идти за обѣдомъ, играли чумазые ребятишки, и накрапывалъ мелкій, унылый дождикъ... И на душѣ у нея вдругъ стало тоскливо, точно она давно, всегда жила въ этихъ неуклюжихъ, мрачныхъ комнатахъ, постоянно смотрѣла на этотъ скучный, словно заплаканный дворъ...

— Ну, что же,—сказалъ Николай Сергѣевичъ, входя,—пойдемъ пока пить чай. Өеоктистъ вѣдь еще не скоро обер-

нется...—и онъ ласково взялъ сестру подъ локоть и повелъ въ столовую...

Николай Сергѣевичъ былъ старше сестры на пять лѣтъ. Учился онъ въ гимназіи, но, по неимѣнію средствъ, долженъ былъ ее оставить и поступить въ юнкерское училище. Потомъ онъ попалъ въ Т*, гдѣ незамѣтно втянулся въ провинціальную жизнь поручика, дѣлящаго день между полковой канцеляріей и офицерскимъ собраніемъ. Теперь онъ позабылъ все, чему когда-либо учился, ничего не читалъ и велъ разсѣянную, безтолковую, безсознательно тяготившую его жизнь... Постепенно онъ привыкъ къ ней, и уже не могъ себѣ представить другой, продолжая жить такъ, какъ живутъ въ Россіи тысячи умныхъ, способныхъ и прекрасныхъ людей...

Жизнь Вѣры Сергѣевны сложилась нѣсколько иначе: ей удалось окончить гимназію и высшіе женскіе курсы. Когда-то, нѣсколько лѣтъ назадъ, она ѣздила черезъ Т* на каникулы, веселая, оживленная, полная радостныхъ надеждъ и упованій... Тогда она подолгу разсказывала Николаю Сергѣевичу о своей жизни, занятіяхъ, о томъ, что думаетъ дѣлать послѣ, много смѣялась, шутила и возилась съ нимъ... И хотя у нихъ были на все разные взгляды и разныя требованія отъ жизни, Николай Сергѣевичъ любилъ слушать этотъ молодой голосъ, вносившій столько радостнаго оживленія въ его мрачную квартиру, любилъ смотрѣть на это хорошее лицо, съ такими ясными карими глазами, чувствуя и себя при этомъ какъ-то моложе и бодрѣе...

За послѣдніе годы все измѣнилось... Время шло; Вѣра Сергѣевна не замѣтила, какъ кончила курсы, какъ и прослужила три года въ „юрисконсульствѣ“ желѣзнодорожнаго управленія, гдѣ люди съ высшимъ образованіемъ должны были переписывать бумаги и отыскивать статьи въ сводѣ законовъ. Она похудѣла, потускнѣла; видъ у нея сталъ задумчивый и всегда точно утомленный... Когда она пріѣзжала теперь къ Николаю Сергѣевичу, то уже не вносила съ собой никакого оживленія; имъ обоимъ бывало тяжело, и они часто подолгу молчали и хотѣлось плакать.. Чувствовалось, что жизнь уходитъ безвозвратно, — впереди уже нѣтъ ничего, и только гдѣ-то далеко, позади, — намеки на счастіе, на настоящую, осмысленную, интересную жизнь... И хотя они никогда не говорили объ этомъ, но понимали безжалостный обманъ жизни, и въ обращеніи ихъ другъ съ другомъ все больше и больше просвѣчивала та безконечно-усталая нѣжность, та мягкая, грустная внимательность, которая вкрадывается въ отношенія къ безнадежно-больнымъ, или людямъ—перенесшимъ тяжелую утрату...

— Отчего ты, Николай, такой мрачный?—спросила Вѣра Сергѣевна брата, когда они сѣли за столъ: — Работы много?

— Какъ всегда...—Николай Сергѣевичъ откашлянулся и закурилъ папиросу, — но не въ этомъ дѣло... А вотъ, я никакъ не могу отдѣлаться отъ одного впечатлѣнія... Отъ скуки пошелъ на той недѣлѣ въ театръ... Проѣзжая труппа ставила „Привидѣнія"—Ибсена, кажется?

— Что же, развѣ такъ хорошо играли?

— Какъ тебѣ сказать? Вѣдь я въ театрѣ бываю рѣдко, два-три раза въ годъ, и вообще мало этимъ интересуюсь... А вотъ этотъ разъ у меня изъ ума не выходитъ... — Николай Сергѣевичъ всталъ и заходилъ по комнатѣ...—И такое убійственное настроеніе создалось...

— Да почему же?—удивилась сестра.—Пьеса, по моему, далеко не изъ лучшихъ у Ибсена...

— Видишь ли...—Николай Сергѣевичъ остановился около нея и затянулся...—Вообрази себѣ человѣка, который живетъ, работаетъ, переноситъ всевозможныя мерзости, и все это ради того, что онъ вѣритъ, понимаешь—*вѣритъ* въ то, что его трудъ нуженъ, что онъ составляетъ какой-то винтикъ въ огромной жизненной машинѣ... И вдругъ... человѣка этого хлопнутъ по лбу—грубо, рѣзко, неожиданно, и скажутъ ему: болванъ! И тутъ ему вдругъ откроется вся пропасть его бездоннаго заблужденія, вся призрачность его Сизифовой работы... Вотъ я испытывалъ подобное ощущеніе, когда выходилъ изъ театра... Помнишь тамъ одну сцену... ужасную... когда сынъ упрекаетъ мать за то, что она его такъ воспитала, сдѣлала непригоднымъ къ жизни... А вѣдь она была увѣрена, убѣждена, что выполняетъ свой долгъ, пожертвовала для него всѣмъ въ жизни...

Вѣра Сергѣевна слушала эти слова, такъ непривычно звучавшія въ этихъ унылыхъ комнатахъ, и пристально смотрѣла на брата... И только сейчасъ она замѣтила, какъ порѣдѣли у него за послѣднее время волосы, какъ устали печальные, недоумѣвающіе глаза, какъ часто стала появляться между бровями изломанная складка, придававшая всей верхней части лица напряженное, страдальческое выраженіе...

— Боже мой,—сказала она, внезапно зазвенѣвшимъ голосомъ,—да вѣдь это все старо, какъ міръ! Неужели тебя удивляетъ, что существуютъ люди, поклоняющіеся истуканамъ, которыхъ они чистосердечно принимаютъ за боговъ?

Николай Сергѣевичъ сразу не отвѣтилъ и продолжалъ ходить по комнатѣ, быстро куря одну папиросу за другой и размахивая на ходу правой рукой.

— Ну, хорошо, — сказалъ онъ возбужденно, — пусть это такъ для васъ, интеллигентовъ, скептиковъ, отравленныхъ

всяческимъ умственнымъ ядомъ... Но вѣдь я-то—простой человѣкъ, чернорабочій...—и голосъ у него задрожалъ...

Черезъ минуту онъ началъ снова:

— И вотъ, съ тѣхъ поръ что-то сверлитъ, безъ конца сверлитъ у меня внутри... Начну что-нибудь дѣлать, а червякъ въ мозгу точитъ... Бывало, прежде не замѣчалъ за работой, какъ день пролетитъ... Вечеромъ идешь съ рапортомъ къ полковому командиру, а онъ тебѣ: „Вотъ, если бы у насъ побольше было такихъ работниковъ, какъ вы, Николай Сергѣевичъ, наша канцелярія была бы первой въ дивизіи"... А теперь... навалилась тоска, смертельная апатія ко всему на свѣтѣ... Точно часы какіе внутри тикаютъ: „зачѣмъ живешь? для чего? кому ты нуженъ?" И еще... что всего ужаснѣе... приходитъ въ голову, что не я одинъ, а, быть можетъ, *всѣ*, всѣ люди тоже обманываются, тоже дѣлаютъ не то, *совсѣмъ не то*, что нужно... Боже мой, какъ же жить со всѣмъ этимъ?..—и Николай Сергѣевичъ усталымъ жестомъ опустился на диванъ и сѣлъ, тоскливо сжавъ голову руками...

Вѣра Сергѣевна смотрѣла на брата, смотрѣла въ окно, за которымъ уныло расползались лѣтнія сумерки, и ей становилось жутко... Безысходный трагизмъ этого наивнаго существованія представился ей во всей своей потрясающей простотѣ... Въ головѣ мелькали вопросы: какъ быть? Какъ жить съ этой язвой внутри, въ этихъ унылыхъ комнатахъ, никогда не слыхавшихъ ни звонкаго смѣха, ни ласковыхъ волнъ нѣжнаго женскаго голоса...

— Отчего ты, Коля, не женишься?—сказала она вдругъ, садясь возлѣ брата на диванъ...—Совсѣмъ другая жизнь была бы... Семья, дѣти... Явилась бы цѣль, обязанности...

Николай Сергѣевичъ горько усмѣхнулся.

— Потому-то я, должно быть, никогда на это и не рѣшусь... Взять на себя обязанности... Понимаешь, что это значитъ? Ты *долженъ* обезпечить людямъ, съ которыми свяжешь себя, не только сносное, покойное существованіе, но и счастіе, радости... Если же ты этого не въ состояніи дать, то зачѣмъ сходиться? Зачѣмъ къ своей исковерканной жизни привязывать другую, можетъ, нѣсколько другихъ?..

— Господи! да что ты только говоришь! — почти закричала Вѣра Сергѣевна.—Шагу не можетъ сдѣлать человѣкъ, безъ того, чтобы ежеминутно не думать о какихъ-то правахъ обязанностяхъ... Жить надо,—понимаешь—*жить*: любить, наслаждаться, ошибаться, падать, опять подыматься, но только жить—тѣломъ, кровью, мускулами, сердцемъ, а не головой, не разсудкомъ, не теоретическими измышленіями!

Она взволнованно встала и стояла передъ братомъ съ

пылающими щеками и сухимъ блескомъ въ глазахъ... Лицо ея, нервно-подвижное, оживилось, и на немъ игралъ каждый мускулъ, — разговоръ, видимо, больно задѣвалъ, волновалъ ее... И слова вылетали у нея несвязно, отрывисто, обгоняя другъ друга, точно ей хотѣлось много, много сказать, и она торопилась, какъ бы не забыть чего-то очень важнаго, безъ чего все остальное не будетъ имѣть никакого значенія...

— Понимаешь,—говорила она, и голосъ ея, звенящій, съ умоляющими нотами, летѣлъ куда-то далеко, во всѣ остальныя комнаты,—мы всѣ живемъ не такъ, какъ нужно, не знаемъ, что намъ нужно... У насъ — скука, грязь, будни и опять скука, больше и глубже всего—скука... Люди захлебываются ею, и все же живутъ въ ней, окутанные, одурманенные ею... Нужно другое, хоть что-нибудь другое, только не это... Вотъ ты,—скучаешь, томишься, ты, хорошій, добрый, чуткій человѣкъ, но сдѣлать что-нибудь, даже жениться, ты боишься, какъ боятся выйти изъ дому въ дождливую, ненастную погоду—можно озябнуть, простудиться... И жмешься въ своемъ темномъ, сыромъ углу, кутаешься и вздыхаешь... Эхъ, люди!.

Замолчавъ, она какъ-то сразу погасла, потеряла краски, точно сильно устала, и, опустившись возлѣ брата, положила голову къ нему на плечо.

Въ комнатѣ наступила тишина, прерываемая только монотоннымъ шипѣніемъ самовара. Братъ и сестра молчали, каждый—погруженный въ свои мысли... И было въ этихъ мысляхъ много разнаго и много общаго, и это общее было— тоска, утомленіе, почти физическая жажда свѣта, тепла, ласки...

— Ну, а ты...—заговорилъ Николай Сергѣевичъ... — меня ты все упрекаешь въ малодушіи, бездѣятельности, неумѣніи жить... Но вѣдь я человѣкъ мало-развитой, почти неучъ, мнѣ ужъ, видно, такъ на роду написано... А вотъ къ тебѣ судьба была милостивѣе: ты умная, способная, училась много... Скажи же мнѣ, скажи, ради Бога — только правду, — нашла ли ты въ жизни что-нибудь, есть у тебя чѣмъ жить, чему молиться?..

Вѣра Сергѣевна сдѣлала слабое, пугливое движеніе, точно хотѣла уйти, отклониться отъ чего-то неумѣстнаго, страшнаго, потомъ вдругъ какъ-то вся сжалась, уронила голову на руки и, ничего не сказавъ, тихо, безпомощно заплакала...

Николай Сергѣевичъ наклонился къ ней, обнялъ ее, нѣжно, бережно, какъ больного, плачущаго ребенка, и сталъ гладить ея мягкіе, пышные волосы... Жалость безконечная, острая, рѣжущая, наполнила всю его душу, жалость къ ней и къ себѣ, и къ ней еще больше, чѣмъ къ себѣ... И онъ

вдругъ понялъ, сколько такихъ несчастныхъ, мятущихся, не видящихъ исхода людей разсыпано по всей странѣ... Точно гдѣ-то далеко, въ чужомъ, незнакомомъ краю всѣ они заблудились поздно вечеромъ и бродятъ, измученные, усталые, не зная ни дороги, ни мѣстности... И уже давно спустилась ночь, и скоро начнется разсвѣтъ — а кругомъ пустунныя, глухія мѣста, и нѣтъ надежды на отдыхъ...

Самоваръ умолкъ. Въ комнатѣ воцарилась мертвая, давящая тишина, въ которой, какъ въ паутинѣ, бились и тосковали двѣ человѣческія души... За окномъ медленно умирали послѣдніе отблески дня...

Анастасія Чеботаревская.

АББАТЪ ЖЮЛЬ.

Романъ *Октава Мирбо.*

Переводъ съ французскаго С. 5.

III.

— Чего ты долженъ искать въ жизни?.. Счастья... И ты можешь добиться его, упражняя свое тѣло, чтобы быть здоровымъ, и какъ можно меньше набивая себѣ голову идеями: идеи тревожатъ покой и побуждаютъ къ дѣйствіямъ, всегда безполезнымъ, всегда мучительнымъ и часто преступнымъ. Не чувствовать своего я, быть безстрастнымъ, раствориться въ природѣ, какъ капля воды съ облаковъ расплывается въ морѣ, вотъ что будетъ цѣлью твоихъ стремленій... Предупреждаю тебя, что это вовсе не такъ легко. Легче сдѣлаться Христомъ, Магометомъ, Наполеономъ, нежели ничѣмъ... Выслушай меня... Твое знакомство съ человѣчествомъ строго ограничится самымъ необходимымъ. Первое: человѣкъ— злое и глупое животное; второе: справедливость есть гнусность; третье: любовь—свинство; четвертое: Богъ — химера... Ты будешь любить природу, будешь даже обожать ее, если тебѣ это угодно, но не такъ, какъ это дѣлаютъ поэты и ученые, съ дурацкой смѣлостью пытающіеся воспѣвать ее въ риѳмахъ или объяснять въ формулахъ. Ты будешь обожать ее, какъ звѣрь, какъ богомолки обожаютъ Бога, не сомнѣваясь въ его существованіи. Если же тебѣ придетъ въ голову безумная фантазія постичь сокровенную тайну, изслѣдовать неизвѣданное—прощай счастье! Ты станешь жертвой безконечныхъ терзаній сомнѣніемъ и неудовлетворенностью... Къ несчастью, ты живешь подъ угрозой притѣснительныхъ законовъ, подъ гнетомъ отвратительныхъ учрежденій, представляющихъ собой искаженіе природы и первобытнаго разума. Это создаетъ для тебя безчисленныя обязательства по отношенію къ власти, къ отечеству, къ тебѣ подобнымъ. Обязательства

порождаютъ пороки, преступленія, позоръ, безумныя выходки, а тебя учатъ ихъ уважать, подъ именемъ добродѣтели и долга. Я настойчиво совѣтую тебѣ освободиться отъ всего этого... но существуютъ жандармы, суды, тюрьма и гильотина... Слѣдовательно, лучше всего уменьшить зло, сокративъ число общественныхъ и личныхъ обязательствъ, насколько возможно удаляясь отъ людей и приближаясь къ животнымъ, растеніямъ, цвѣтамъ. Живи, какъ они, пышной жизнью, непосредственно черпаемой изъ источниковъ природы, то есть изъ красоты... И, проживъ жизнь безъ удручающихъ упрековъ совѣсти, безъ оскверняющей страсти къ женщинамъ и къ деньгамъ, безъ убивающихъ умъ исканій,—ты умрешь спокойно, безъ колебаній... И весь міръ, ничего не зная о твоей жизни, не узнаетъ и о смерти... Ты уподобишься тѣмъ прекраснымъ лѣснымъ животнымъ, скелеты которыхъ никто никогда не находитъ и которые исчезаютъ безслѣдно, улетучиваясь въ пространство... Да, мой мальчикъ, если бы я раньше постигъ эти истины, я теперь не былъ бы тѣмъ, что я есть. Теперь я—негодяй, зловредная тварь, гнусный рабъ грязныхъ страстей... (Можетъ быть, когда-нибудь я разскажу тебѣ все)... И знаешь почему? Потому что, какъ только я сталъ лепетать, мнѣ стали набивать голову безсмысленными идеями, а сердце—сверхчеловѣческими чувствами. У меня были всѣ органы тѣла, и по-гречески, по-латыни, по-французски мнѣ давали понять, что пользоваться ими—позорно... Функціи моего ума были изуродованы такъ же, какъ и функціи моего тѣла, и вмѣсто естественнаго, повинующагося своимъ инстинктамъ человѣка, исполненнаго жизни, изъ меня искусственно сдѣлали манекенъ, заводную куклу цивилизаціи, надутую идеалами... идеалами, порождающими банкировъ, поповъ, мошенниковъ, убійцъ и несчастныхъ... Сейчасъ я сказалъ тебѣ, что Богъ—химера... Можетъ быть... Не знаю... ничего не знаю... потому что слѣдствіемъ нашего воспитанія и результатомъ нашего образованія являются полное невѣдѣніе и сомнѣніе во всемъ... Можетъ быть, Богъ одинъ... можетъ быть, ихъ нѣсколько... Не знаю... Ну, теперь ступай бѣгать!.. Впрочемъ, подожди!.. Сегодня утромъ я опять нашелъ силки, разставленные на дроздовъ... Запрещаю тебѣ уничтожать птицъ!.. Жизнь птицъ достойна уваженія... Знаешь, что ты въ нихъ губишь? Ты губишь музыку, трепетъ жизни, стоющей дороже твоей... Видѣлъ ты птичій глазъ?.. Нѣтъ... Ну, такъ погляди... и ты больше не будешь губить ихъ... Ну, теперь бѣги играть... Лазай на деревья... бросай камни... Ступай!..

Такими-то полуанархическими, полусентиментальными тирадами мой дядя началъ подготовлять меня къ бакалавреату—цѣли честолюбивыхъ стремленій моихъ родителей.

Большею частью уроки ограничивались всевозможными дикими и продолжительными играми въ саду. Разъ въ недѣлю, не болѣе, аббатъ, одѣтый въ соломенную шляпу на подобіе колокола и въ зеленый, пожелтѣвшій отъ солнца плащъ, усаживался подъ стриженной акаціей и посвящалъ меня въ тайны своей философіи. Я не столько понималъ ее, сколько боялся. Часто я вовсе не видѣлъ аббата. Проходили цѣлые дни, а онъ не показывался: онъ работалъ въ своей библіотекѣ, или запирался въ таинственной комнатѣ, съ чемоданомъ. Мы съ Мадленой иногда слышали, какъ онъ топалъ ногами, кричалъ.

— Ну, вотъ!..—вздыхала служанка. — Опять онъ съ этой тварью!.. Ужъ, навѣрно, кончится плохо!

Въ такіе дни Мадлена заставляла меня таскать воду изъ колодца, укладывать дрова въ сараѣ. Вѣроятно, я скоро сталъ бы чистить морковь и исполнять большую часть ея обязанностей.

За годъ занятій съ аббатомъ Жюлемъ и съ Мадленой, я совершенно забылъ и ту ничтожную латынь, что прошелъ съ кюрэ Бланшаромъ. Орѳографія, ариѳметика, исторія Франціи представляли въ моей памяти не болѣе, какъ старыя, стертыя воспоминанія. За то я сталъ сильнымъ и развилъ свои мускулы.

— Какъ по-латыни *огонь*?—спросилъ меня дядя, когда я разъ вошелъ въ комнату, вспотѣвшій, запыхавшійся, весь пропитанный ароматомъ свѣжей травы.

— Забылъ, дядя.

— Отлично!—вскричалъ аббатъ, потирая руки. — Великолѣпно!.. А какъ ты напишешь *hasard*?

Я подумалъ минуту и сказалъ по складамъ:

— Н...а... На... Z...

— Z...z... великолѣпно!.. Мадлена!.. Мадлена... Дайте тартинку съ вареньемъ г. Альберту!..

Время отъ времени онъ водилъ меня гулять. Часто по самому ничтожному поводу: сорванной на дорогѣ травинки, склоненной подъ яблоней спиной крестьянина, овцы, облака, пыли, поднятой порывомъ вѣтра, онъ начиналъ излагать теоріи соціальной жизни, пересыпая ихъ оговорками:

— Не знаю, зачѣмъ я говорю тебѣ все это... Можетъ быть, тебѣ лучше бы сдѣлаться нотаріусомъ?

Рѣдко бывало, чтобы съ нами не случилось какого-нибудь необыкновеннаго приключенія. Разъ, послѣ обѣда мы встрѣтили маленькую нищенку. Она бѣжала рядомъ съ нами съ протянутой рукой.

— Бѣдное дитя!—пробормоталъ дядя участливо.—Надо быть добрымъ съ маленькими и больными... Подойди!—приба-

вилъ онъ, обращаясь къ дѣвочкѣ.—Подойди ко мнѣ, я дамъ тебѣ денегъ... Будешь ты довольна, если я тебѣ дамъ десять франковъ?

Счастливая и обрадованная, дѣвочка съ удивленіемъ и робко пошла за нами. Возлѣ „Капуциновъ" дядя обернулся и, увидѣвъ маленькую оборванку, совершенно забытую имъ, закричалъ:

— Тебѣ чего? Ахъ, ты воровка!.. Зачѣмъ бѣжишь за нами?

Смущенная, съ широко раскрытыми глазами, она не отвѣтила ни слова.

— Да вѣдь вы, дядя, сами позвали ее, — осмѣлился я замѣтить.

— Какъ — самъ?.. Ты шутишь?.. Развѣ я знаю ее?.. Кабацкая потаскушка... развратница!.. Пошла прочь!

Наконецъ и я, какъ и кузенъ Дебре, попалъ въ библіотеку. Это важное событіе произошло въ одинъ дождливый день. Введя меня въ свое грозное святилище, дядя произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Видишь!.. Вотъ книги!.. Въ этихъ книгахъ проявился весь человѣческій геній. Тутъ философія, системы міозданія, религіи, науки, искусства... Но, мой мальчикъ, все это— ложь, глупость или преступленія... И запомни твердо: наивное восхищеніе, вызываемое въ сердцахъ непосредственныхъ людей маленькимъ, ничтожнымъ цвѣткомъ, стоитъ несравненно больше, нежели тяжелое опьяненіе и глупая гордость, почерпаемыя изъ этихъ отравленныхъ источниковъ. И знаешь ли почему?.. Потому, что простое сердце понимаетъ, что говоритъ ему маленькій цвѣтокъ; всѣ же ученые, со всѣми философами и поэтами, никогда не поймутъ начальнаго слова творенія... Ученые!.. философы!.. поэты!.. Они только загрязняютъ природу своими открытіями и словами, какъ если бы ты, напримѣръ, вздумалъ загадить лилію или розу!.. Подожди, потерпи, мальчикъ, я привью тебѣ отвращеніе къ чтенію... И этого ждать не долго.

Онъ поднялся на маленькую лѣсенку, прислоненную къ книжнымъ полкамъ и, наудачу, взялъ одну изъ книгъ.

— *Этика* Спинозы. Вотъ это по тебѣ!

Сойдя на полъ, онъ подалъ мнѣ книгу, похлопавъ ее нѣсколько разъ ладонью по переплету.

— Сядь тамъ, у маленькаго столика, и читай вслухъ, съ какой хочешь страницы.

Дядя глубоко опустился въ свое кресло, положилъ одну на другую свои длинныя, худыя ноги, съ торчавшими костями, и поднялъ колѣни въ уровень съ подбородкомъ. Онъ запрокинулъ голову, правой рукой облокотился на ручку кресла, а лѣвую свѣсилъ внизъ.

— Начинай!—приказалъ онъ.

Неувѣреннымъ, беззвучнымъ голосомъ началъ я чтеніе „Этики“. Не понимая того, что читаю, я путался и дѣлалъ на каждой строкѣ грубыя ошибки... Дядя сначала хохоталъ, но вдругъ вышелъ изъ терпѣнія:

— Читай внимательнѣе, скотина!.. Что ты никогда не учился читать, что ли?.. Перечитай эту фразу...

Мало по малу онъ начиналъ увлекаться и прерывалъ меня, чтобы или высказать какое-нибудь размышленіе, или обругать меня. Наклонившись впередъ, съ сжатыми кулаками на ручкахъ креселъ, съ сверкающими, страшными глазами, какимъ я видѣлъ его по пріѣздѣ въ Куланжъ, онъ, казалось, угрожалъ и книгѣ, и столу, и даже мнѣ.

Вдругъ онъ поднялся съ мѣста, затопалъ ногами и вскрикнулъ:

— Онъ находитъ, что намъ мало одного Бога!.. Необходимо совать его всюду!.. Дур-р-ракъ!

Во время дурной погоды, когда дождь или холодъ загоняли меня въ кухню, дядя призывалъ меня, усаживалъ за маленькій столикъ и приказывалъ читать вслухъ. Я прочелъ все отъ *Экклезіаста* до Стюарта Милля, отъ святого Августина до Огюста Конта. Всякій разъ дядя возмущался ихъ мыслями и, какъ нѣкогда на людей, обрушивался и на нихъ съ тѣми же жестами и словами. Онъ относился къ идеямъ, какъ къ живымъ существамъ, показывалъ имъ кулакъ и на ихъ безплотные образы изливалъ пѣну своей злости въ оскорбительномъ восклицаніи: Дур-рр-раки!

Родители мои были въ ужасѣ отъ метода преподаванія аббата Жюля; они далеко не были согласны съ его педагогической системой и сильно безпокоились о будущемъ, предначертанномъ мнѣ дядей. Но они и не думали извлекать меня изъ рукъ этого страннаго учителя, и еще менѣе думали о томъ, чтобы сдѣлать ему какое-нибудь замѣчаніе. „Я былъ на мѣстѣ“, по словамъ моей матери, т. е. сторожилъ сокровище и уравновѣшивалъ вліяніе кузена Дебре.

Въ добавокъ, я вѣдь тоже входилъ въ библіотеку. Это преимущество возмѣщало недостатки обученія. Впослѣдствіи можно будетъ поправить зло. Далекіе отъ того, чтобы возмущаться, мои родители, напротивъ, съ усердіемъ принялись внушать мнѣ разныя льстивыя слова и фразы, заставляя повторять ихъ, съ тѣмъ, чтобы я при случаѣ сказалъ ихъ аббату и тѣмъ бы окончательно покорилъ дядю. Часто паціенты моего отца приносили намъ подарки въ видѣ откормленной птицы, зайцевъ, бекасовъ, форелей. Я относилъ ихъ въ „Капуцины“ и потихоньку клалъ на кухонный столъ. Но дядя никогда не благодарилъ меня, не упоминалъ ни о чемъ

и ѣлъ все съ видомъ удовлетворенія. Наоборотъ, когда я, приходя на „занятія“, встрѣчалъ его въ саду или во дворѣ, онъ прежде всего глядѣлъ на мои руки, какъ бы спрашивая: принесъ что-нибудь?

Мою мать мучило это молчаніе. И, нагружая мою маленькую корзинку банками малиноваго варенья, любимаго варенья дяди, она прибавляла:

— Ну, да все равно... Могъ бы поблагодарить, невѣжа!

Но аббатъ, видимо, и не думалъ объ этомъ. Онъ презрительно молчалъ и никогда не произносилъ даже имени моихъ родителей. На мои деликатные намеки въ заученныхъ фразахъ, при поднесеніи бекасовъ и вареній, онъ отвѣчалъ насвистываніемъ какой-нибудь аріи. Никакія ухищренія моихъ родителей не достигали цѣли.

— Простите, дядя, что я опоздалъ... Мамочка больна,— сказалъ я однажды, невольно покраснѣвъ.

Онъ повернулся на каблукахъ и отошелъ отъ меня, заложивъ руки за спину. Казалось, мои родители для него не существуютъ. Онъ не удостоивалъ ихъ даже оскорбительной чести восклицаніемъ: Дур-р-раки!

Не смотря на исключительную свободу, предоставленную мнѣ въ „Капуцинахъ“, эта упорная сдержанность аббата сильно безпокоила мою мать. Она видѣла въ ней не только ненависть, а нѣчто худшее: насмѣшку. Эта молчаливое игнорированіе родныхъ теперь ужасало ее гораздо больше, нежели громовая брань прежнихъ дней, такъ какъ подъ нимъ она угадывала непроницаемую холодность разсчета, смѣшаннаго съ желаніемъ одурачить послѣ смерти, съ того свѣта. Послѣ обѣда, въ ожиданіи прихода Робеновъ, она сидѣла долго, погруженная въ думы и тяжкія размышленія, накладывавшія складки страданій на ея блѣдное лицо, олицетворяя собою жертву мѣщанской трагедіи. На днѣ ея души несомнѣнно шла борьба между материнскою любовью и жадностью женщины. Ее тревожили упреки совѣсти отъ неувѣренности въ правильности своихъ дѣйствій, и легкая дрожь порою пробѣгала по ея тѣлу. Разъ я слышалъ, какъ она шепотомъ спросила отца, чистившаго инструменты:

— Ты находишь, что онъ очень боленъ?

— Я не выслушивалъ его, дорогая,—отвѣчалъ онъ.— Что ноги у дяди не опухли?—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Не знаю, папа!

— Впрочемъ, это еще ничего, — продолжалъ онъ. — По моему, у него болѣзнь сердца, можетъ быть, и печени... Но, къ счастью, я могу ошибиться въ своемъ діагнозѣ...

Онъ дохнулъ на блестѣвшій инструментъ.

— Да, я могу ошибиться!—повторилъ онъ, покачалъ головой и еще разъ осторожно провелъ по стали старой перчаткой, вытирая ее.

— Такъ ты думаешь, что съ своей болѣзнью онъ можетъ прожить мѣсяцы, годы?

— Боже мой, даже очень долго. Но и умереть можетъ каждую минуту... Смотря по обстоятельствамъ!.. по обстоятельствамъ!..—повторилъ онъ, подноси полированный инструментъ къ лампѣ и вертя его между пальцевъ, чтобы, наконецъ, уложить его въ футляръ.

— А что, если мы напрасно рискнули, поручивъ ему воспитаніе Альберта!—произнесла моя мать съ затуманеннымъ слезами взоромъ и со складкой скорби на лбу.

— Ну, вотъ!.. Не говорилъ ли я тебѣ?.. Да что тутъ! Давно слѣдуетъ опредѣлить его въ коллежъ.

Она подумала нѣсколько минутъ и сказала:

— Подождемъ еще!

Отецъ развернулъ газету, глубоко усѣлся въ кресло и согласился:

— Подождемъ!

Воцарилось глубокое, тяжелое, какъ свинцовая крышка гроба, молчаніе. Отъ тѣней, трепетавшихъ на потолкѣ и стѣнахъ, вѣяло ужасомъ смерти.

Дядя былъ, дѣйствительно, боленъ, и день ото дня ему становилось все хуже. У него дѣлалось сильное сердцебіеніе и появлялось удушье, заставлявшія его цѣлыми ночами сидѣть у открытаго окна: тяжелое дыханіе втягивало бока и сдавливало горло. Чтобы отдалить отъ себя самую мысль о смерти, онъ не хотѣлъ ни совѣтоваться съ докторомъ, ни измѣнять своего образа жизни и привычекъ. Онъ гулялъ, ходилъ, занимался въ библіотекѣ и чаще запирался въ своей комнатѣ съ чемоданомъ. Глаза его сохраняли свой странный блескъ, а тѣло, согнувшееся отъ страданій и худобы, точно переломилось пополамъ. Единственная уступка, сдѣланная имъ болѣзни, состояла въ томъ, что онъ служилъ обѣдню только по воскресеньямъ. Но и по воскресеньямъ иногда его ждали напрасно въ церкви: колокола звонили, а аббатъ не являлся. Кюрэ Бланшаръ заволновался. Полагая, что болѣзнь только предлогъ, такъ какъ аббатъ не прекращаетъ своихъ прогулокъ, онъ объяснился съ Жюлемъ.

— Я дѣлаю, что хочу,—заявилъ мой дядя.—Если я настолько боленъ, что не могу служить обѣдню, но въ то же время болѣзнь не мѣшаетъ мнѣ гулять,—то это—патологи-

ческая особенность, касающаяся только меня... Занимайтесь лучше своими викаріями...

Кюрэ принялъ угрожающе-властный тонъ.

— Господинъ аббатъ, если я до сихъ поръ оставлялъ васъ въ покоѣ, то только потому, что вы принадлежите къ одной изъ лучшихъ семей нашей страны, къ семьѣ, уважаемой, любимой и почитаемой мною.

— Такъ что-жъ? — прервалъ его аббатъ. — Продолжайте уважать ее на здоровье... Играйте ей на флейтѣ... Это очень почтенная семья... Вы—почтенный человѣкъ, я—негодяй. Это рѣшено! Но... у меня три тысячи франковъ годового дохода, небольшой домикъ, большой садъ... я въ ссорѣ съ своей семьей и не имѣю пріятныхъ для меня наслѣдниковъ... Что, если я оставлю все вамъ по завѣщанію?.. а? что вы скажете?

И аббатъ потрепалъ кюрэ по плечу.

Кюрэ посмотрѣлъ на аббата со смущеніемъ, смѣшаннымъ съ жадностью, и, наконецъ, пробормоталъ:

— О, г. аббатъ!.. О, дорогой г. аббатъ!.. Я не достоинъ вашего вниманія... я... я...

— Вѣдь вы знаете, что я боленъ и долго не протяну?..

— Но Господь не допуститъ!.. — запротестовалъ кюрэ. — Право же... я... я...

— Дур-рр-ракъ!—насмѣшливо и со свистомъ оборвалъ его Жюль и толкнулъ къ двери, громко расхохотавшись. — Вонъ!.. И вы могли подумать?.. Ха! ха!.. Вонъ!

Этотъ случай привелъ въ восторгъ кузена Дебре. Онъ воображалъ, что когда-то читалъ Вольтера, и находилъ, что Жюль больше чудакъ, чѣмъ этотъ Вольтеръ, чортъ возьми! Часто онъ приходилъ въ „Капуцины“ съ громкимъ крикомъ, отплевываясь, проклиная и ища въ травѣ гнѣздъ хорьковъ и ласокъ. Чтобы польстить самолюбію дяди, капитанъ всѣмъ восхищался въ усадьбѣ: восхвалялъ, по-военному, въ сжатыхъ и изысканныхъ выраженіяхъ, деревья, стѣны, доброкачественность почвы, граціозность флюгера на крышѣ, высоту потолковъ въ комнатахъ, и всякій разъ, указывая на лугъ и окружавшія его кольцомъ деревья, восклицалъ:

— Во всякомъ случаѣ, у тебя, чортъ возьми! живописный видъ! Чортъ побери, какая тишина вокругъ! Здѣсь было бы чертовски хорошо набивать чучела хорьковъ!..

Гораздо рѣже къ аббату пріѣзжали Сервьеры. Возлѣ хорошенькой г-жи Сервьеръ костлявые члены аббата какъ-то округлялись, разговоръ переходилъ въ веселый тонъ, принимая видъ остроумнаго ухаживанія, довольно страннаго въ такомъ сумазбродномъ и угрюмомъ человѣкѣ, способномъ на словахъ и на дѣлѣ такъ быстро переходить отъ безграничнаго энтузіазма къ безумному гнѣву. Но выраженіе его

глазъ не согласовалось со спокойнымъ видомъ его манеръ. Когда онъ устремлялъ взоръ на затылокъ молодой женщины, на мягкія, граціозныя очертанія ея тѣла, на складки ея платья, то, казалось, онъ грубо, съ дикою страстью срывалъ съ нея всѣ покровы. Глаза его принимали похотливое выраженіе, а ноздри раздувались съ дрожью, сладострастно вдыхая ароматъ ея тѣла, тянувшаго его къ себѣ. Г-жа Серверъ потѣшалась надъ нимъ. Въ душѣ она была безконечно довольна этимъ тайно обнажавшимъ ее благоговѣніемъ и дѣлавшимъ ее, въ грязномъ воображеніи фавна въ сутанѣ, предметомъ его вожделѣній.

Я и теперь вижу до мельчайшихъ подробностей страшную сцену послѣ одного изъ такихъ посѣщеній.

Дядя сидитъ въ тѣни подстриженной акаціи, опираясь спиною на ея стволъ и вытянувъ ноги въ травѣ.

Онъ возбужденъ, немного задыхается, мрачный, какъ передъ наступленіемъ кризиса. Голова его свисла на грудь и качается изъ стороны въ сторону, какъ тяжелое ядро. Съ лица его скатываются капли пота. Онъ срываетъ былинки травы, пожуетъ и выброситъ Я недалеко отъ него швыряю камни, стараясь попасть въ стѣну, отдѣляющую садъ отъ луга.

Только что здѣсь была г-жа Серверъ вся въ бѣломъ на зеленомъ фонѣ сада: бѣлое платье, мягкаго тона, бѣлая шляпа, покрытая трепещущими бѣлыми кружевами, бѣлый зонтикъ, а сквозь тонкую ткань рукавовъ просвѣчивало ея розовое тѣло. Она прикоснулась губами къ стакану съ малагой и погрызла бисквитъ... Г. Серверъ выкурилъ папиросу и говорилъ о выборахъ. Дядя былъ очарователенъ, говорилъ изысканныя вещи, получавшія странное выраженіе въ его устахъ. Сорвавъ цвѣтокъ махроваго мака, съ полузавядшими шелковистыми лепестками, спутавшимися въ прелестномъ безпорядкѣ, дядя подалъ его г-жѣ Серверъ и сказалъ:

— Посмотрите на этотъ цвѣтокъ! Онъ очарователенъ! Не правда ли, онъ напоминаетъ маленькое изящное платье въ стилѣ Людовика XV?... Смущеніемъ, нѣжностью, граціей, воплощенной мыслью моды той эпохи, всѣмъ вѣетъ отъ этого маленькаго цвѣтка, и женщина, встрѣтивъ его на пути, могла бы позавидовать его убранству. Готическіе соборы возникали отъ взгляда человѣка, брошеннаго имъ на величественныя просѣки нашихъ лѣсовъ, когда онъ проходилъ по нимъ... Удивляюсь, почему наши танцовщицы не изучаютъ движеній животныхъ, полета птицъ, колебанія вѣтокъ...

— Вы развѣ видѣли танцовщицъ? — спросилъ, смѣясь, г. Серверъ.

— Видѣлъ. Онѣ танцуютъ очень плохо.

Сервьеры ушли. Дядя сидитъ подъ круглой акаціей, я продолжаю швырять камни. Птички перелетаютъ съ дерева на дерево и поютъ. Вдругъ:

— Альбертъ!

Меня зоветъ дядя. Вѣроятно, онъ хочетъ дать мнѣ урокъ. Я предвижу курсъ анархической морали о Богѣ, о добродѣтели, о справедливости.

— Помоги мнѣ!

Его взглядъ ужаснулъ меня. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что убійцы, настигая свои жертвы, смотрятъ также, какъ онъ въ эту минуту.

— Помоги же мнѣ!

Онъ схватился за мою руку, оперся на плечо и тяжело поднялся съ земли. На сосѣдней грушѣ громко распѣвалъ снигирь,

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ меня дядя.

— Тринадцать.

— Тринадцать лѣтъ!.. это хорошо... да!..

Мы молча направились къ библіотекѣ. Я усаживаюсь на свое обычное мѣсто за маленькимъ столикомъ, гдѣ на тринадцому году перечиталъ всю философію. Съ торопливымъ нетерпѣніемъ дядя начинаетъ рыться на одной изъ полокъ, уставленныхъ большими книгами. Быть можетъ, онъ ищетъ еще какую-нибудь незнакомую мнѣ философію? И я ощущаю неопредѣленный страхъ. Въ спинѣ дяди есть что-то необычное, что производитъ на меня впечатлѣніе; руки его прямо безпокоятъ меня: онѣ появляются, исчезаютъ, опять показываются, двигаясь съ непріятной поспѣшностью. Наконецъ, онъ нашелъ. Это небольшой томикъ, въ грязномъ, оборванномъ, красномъ переплетѣ, съ расшитыми листами, вывалившимися изъ корешка. Видно, что имъ пользовались часто... Дядя быстро, быстро перелистываетъ страницы, останавливаясь на секунду, затѣмъ снова спѣшитъ еще больше... Перелистованіе производитъ шумъ, способный заглушить журчаніе маленькаго ручейка, выбивающагося изъ подъ камней.

— Вотъ!.. Нашелъ!..

И, проведя ладонью по открытой страницѣ, гдѣ остановился, онъ положилъ книгу раскрытой на столъ, отмѣтивъ ногтемъ мѣсто, откуда слѣдуетъ начать чтеніе.

— Медленно! Ты будешь читать медленно!.. Когда я тебѣ скажу, ты начнешь!..

Пока онъ усаживался въ свое кресло и вытягивалъ ноги, я прочелъ заглавіе книги: „Индіана“ Жоржъ-Зандъ... Жоржъ-Зандъ!.. Вспоминаю, что отецъ часто говорилъ о

Жоржъ-Зандъ... Онъ видѣлъ ее въ театрѣ. Это — злая женщина, одѣвается всегда по мужски, куритъ трубку...

Жоржъ-Зандъ! Я стараюсь припомнить подробности о ней изъ разсказовъ моего отца. Но мать неуклонно обрывала безконечный анекдотъ. Одно это имя уже оскорбляло и ее, и г-жу Робенъ... Очевидно, „Индіана" есть то, что у насъ въ семьѣ называется романомъ, т. е. нѣчто запретное, страшное, и я оглядываю книгу съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ...

— Начинай!..—преизнесъ дядя.—Главное, медленно...

Я искоса взглянулъ на него. Онъ закрылъ глаза... руки повисли вдоль кресла... грудь опускается и подымается, какъ мѣхи... Я началъ:

„Нунъ задыхалась отъ слезъ; она сорвала цвѣты съ своей головы, и длинные волосы разсыпались по ея широкимъ, ослѣпительнымъ плечамъ. Если бы г-жу Дельмаръ не украшали ея рабство и страданія, то Нунъ безконечно превосходила бы ее красотой въ эту минуту. Она была великолѣпна въ своемъ горѣ и въ своей любви".

— Не такъ скоро! — проговорилъ дядя шепотомъ... — И не двигайся такъ на стулѣ.

„Раймондъ, побѣжденный, привлекъ ее въ свои объятія, усадилъ возлѣ себя на софѣ и, пододвинувъ маленькій столикъ съ графиномъ, налилъ ей немного померанцевой воды въ серебряный кубокъ. Утѣшенная его участіемъ, больше чѣмъ успокоительнымъ напиткомъ, Нунъ вытерла слезы и бросилась къ ногамъ Раймонда.

— „Люби меня еще,—сказала она ему, страстно обнимая его колѣни: — скажи мнѣ опять, что ты любишь меня, и я исцѣлюсь и буду спасена. Поцѣлуй меня еще разъ, какъ тогда, и я не буду сожалѣть о своемъ паденіи, доставившемъ тебѣ удовольствіе въ теченіе нѣсколькихъ дней".

— Стой!—произнесъ дядя глухимъ и низкимъ голосомъ, похожимъ на хрипъ...—Стой!

Меня охватило странное ощущеніе: голова моя точно отяжелѣла. Слова: любовь, наслажденіе, софа, серебряный кубокъ, Раймондъ, Нунъ, эти поцѣлуи, сверкающія плечи, волнуютъ меня. Мнѣ кажется, что страницы книги принимаютъ возбуждающія формы, образы чего-то знакомаго, о чемъ я мечталъ, что предугадывалъ; листы двигаются и подмигиваютъ. Біеніе моего сердца участилось, въ вискахъ стучитъ, и незнакомое раньше пламя переливается въ моихъ жилахъ... Я слышу хриплое дыханіе дяди, прерываемое судорожными вздохами... Почему?.. Я осмѣливаюсь искоса взглянуть на него... Глаза его по прежнему закрыты, руки висятъ,

а тѣло время отъ времени нервно вздрагиваетъ. Спитъ онъ? Мнѣ страшно. Я готовъ бѣжать.

— Продолжай!

Дрожащимъ голосомъ я снова начинаю читать:

„Она обвила его шею своими упругими темными руками, окутала его своими длинными волосами; ея огромные черные глаза смотрѣли на него съ страстнымъ томленіемъ, съ тѣмъ огнемъ въ крови, съ тою восточной нѣгой, когда всѣ усилія воли, всѣ доводы разума становятся безсильными. Раймондъ забылъ все: и свое рѣшеніе, и новую любовь, и мѣсто, гдѣ онъ находится. Онъ возвращалъ Нунъ ея горячія ласки. Онъ погрузилъ уста свои въ тотъ же кубокъ, и опьяняющее вино, его наполнявшее, окончательно помутило ихъ умъ“.

Кажется, дядя говоритъ что-то?..

Я остановился... Къ тому же мнѣ надо перевести духъ. Горло мое сдавлено, влажные волосы прилипли къ черепу, и я чувствую острую боль въ затылкѣ.

— Дальше, дальше!..

Съ большимъ усиліемъ, пытаясь побороть головокруженіе, собрать разсѣянныя мысли, я продолжалъ:

„Два большихъ зеркала, стоявшія одно противъ другого, отражали въ безконечности образъ Нунъ и, казалось, наполнились тысячью призраковъ“.

Призраки, какъ живые. Я вижу ихъ. Они появляются, исчезаютъ, опять приходятъ, неясные, чудные, съ разсыпавшимися волосами, съ опрокинутыми головами, сплетаются другъ съ другомъ... А я читаю, читаю, строчки убѣгаютъ отъ моихъ глазъ, выступаютъ изъ книги, скользятъ со стола, прыгаютъ, наполняютъ вокругъ меня всю комнату... Я все читаю... Оглушенный, задыхающійся, я узнаю среди галлюцинирующихъ образовъ Робеновъ, „курочку“ кузена Дебре, г-жу Сервьеръ, съ безстыдствомъ выставляющихъ свою наготу, усиливая его еще невиданными положеніями... Всѣ мои воспоминанія воплощаются и присоединяются къ этой адской пляскѣ.

„Это она звала его,—продолжаю я читать:—и улыбалась изъ-за бѣлыхъ кисейныхъ занавѣсокъ; о ней онъ мечталъ на этомъ ложѣ, когда, изнемогая отъ любви и вина, увлекалъ на него свою безумную креолку“.

Я вдругъ остановился. Приливъ крови затуманилъ мой взоръ. Въ ушахъ звенѣло, сердце замирало отъ нахлынувшей волны внезапной зрѣлости. Я ничего не различалъ, ничего не слышалъ... Я хотѣлъ кричать, звать на помощь: думалъ, что умираю...

Наступившая тишина въ библіотекѣ удивила меня. Я не чувствовалъ больше дыханія дяди и не смѣлъ на него взгля-

нуть. Прошла безкнечная минута. До меня не долетѣло ни звука, ни малѣйшаго шороха съ кресла дяди... Что съ нимъ?.. Я тихо окликнулъ его:

— Дядя!

Онъ не отвѣтилъ.

— Дядя!

Онъ не шевельнулся. Я прислушался. Не дышитъ.

Страшное подозрѣніе мелькнуло у меня въ мозгу. Я вспомнилъ, что сказалъ отецъ въ тотъ вечеръ, когда чистилъ свои инструменты: „Онъ можетъ умереть съ минуты на минуту".

— Дядя!

На этотъ разъ я закричалъ изо всѣхъ силъ, не помня себя. Опять ни звука.

Я всталъ, весь дрожа и стуча зубами. Онъ сидѣлъ, вытянувшись, какъ прежде, почти лежа. Лицо его было очень блѣдно. Я вспомнилъ вопросъ отца: „Не замѣтилъ ты опухоли на его ногахъ"?

Да, теперь онѣ казались мнѣ огромными... И онъ не двигалъ ими... Муха кружилась надъ его лбомъ, проползла по вѣкамъ, спустилась до конца носа и вернулась. Онъ все не двигался. Я взялъ его руку: она была холодна, какъ ледъ... На сжатыхъ губахъ выступила пѣна.

— Дядя!.. Дядя!

Но вотъ задвигались пальцы; зашевелились губы, и раздался слабый стонъ, второй, третій. Оцѣпенѣвшія черты мало по малу оживились; зашевелилась и хрустнула челюсть. Онъ сталъ дышать грудью, глаза полуоткрылись; а изъ широко раскрытаго рта, какъ бы желавшаго вдохнуть жизнь, вылетѣлъ протяжный и болѣзненный стонъ.

— Дядя!.. Дядя!..

То былъ уже не крикъ моего отчаянія, а радости... Онъ былъ живъ.

Дядя устремилъ на меня взоръ точно съ того свѣта, изъ преисподней. Онъ не зналъ еще, гдѣ—онъ... не зналъ, кто—я... Взглядъ оживлялся и отражалъ удивленніе... Онъ перебѣгалъ съ меня на маленькій столикъ, гдѣ лежала книга... искалъ глазами, спрашивалъ... просилъ, умолялъ. Въ одну минуту онъ выразилъ всѣ ощущенія возвратившейся мысли, возстановленной памяти.

— Это—ты, Альбертъ?

— Да, дядя... Это—я!..

И съ выраженіемъ страданія, съ безконечно грустной жалобой, неизгладимо оставшейся въ моей памяти, онъ пролепеталъ:

— Бѣдное дитя!.. Уходи, мальчикъ... Бѣдное дитя!..

— Нѣтъ, дядя, вы больны... я буду за вами ухаживать.

— Иди... мое бѣдное дитя! Все прошло... Иди... Я такъ хочу!

На другой день я засталъ дядю во дворѣ сидящимъ у пылавшаго костра. Возлѣ него лежала груда книгъ. Онъ бралъ ихъ одну за одной, разрывалъ и кидалъ въ огонь.

— Видишь, я ихъ сжигаю...—сказалъ онъ.

Онъ приложилъ руку къ груди и продолжалъ съ выраженіемъ глубокаго отвращенія:

— И вотъ эту книгу надо было бы уничтожить, эту ужасную книгу моего сердца!..

Я смотрѣлъ на поднимавшійся кверху дымъ, на его таявшія синеватыя спирали и слѣдилъ за маленькими сгорѣвшими лоскутками бумаги, улетавшія, гонимыя вѣтромъ, какъ увядшіе листья.

IV.

Спускался вечеръ теплаго апрѣльскаго дня. Дядя и я сидѣли, облокотившись, у окна въ его комнатѣ и смотрѣли вдаль. Было еще свѣтло, но другой, болѣе тонкій, болѣе безцвѣтный, тусклый свѣтъ уже разстилался по землѣ. Солнце спускалось за лѣсомъ, еще прозрачнымъ, подернутымъ зеленымъ пухомъ. Безоблачное спокойное, какъ море лѣтомъ, небо на западѣ слегка было окрашено розовымъ свѣтомъ. Жизнь возрождалась, почки на вѣткахъ готовы были уже раскрыться. Деревья казались счастливыми, что могутъ вытянуть свои плодоносныя вѣтви. Багрянникъ обнаружилъ уже красное украшеніе своей листвы; каштанъ выпустилъ свои широкіе нѣжно-зеленые листья. Съ земли поднимался сильный запахъ проснувшейся растительной жизни. На грушевомъ деревѣ, противъ насъ, гонялись другъ за другомъ два воробья, соединялись, спутывали свои перья, трепеща крыльями.

— Знаешь, что они дѣлаютъ? — спросилъ меня вдругъ дядя.

— Нѣтъ, дядя, не знаю.

— Они любятъ другъ друга... Тебѣ это кажется простымъ, занятнымъ и милымъ, не правда ли? Это потому, что животныя—существа честныя и нормально организованныя. Они знаютъ цѣну вещей и никогда не имѣли ни философовъ, ни ученыхъ для разъясненія любви... Смотри, вотъ они улетѣли!.. Совѣсть ихъ нисколько не удручаетъ...

Онъ останавливался на каждой фразѣ, чтобы перевести духъ: онъ дышалъ часто и порывисто.

— Мы, — продолжалъ онъ: — не будучи, къ сожалѣнію, безсловесными тварями, любимъ иначе... Вмѣсто того, чтобы придать любви характеръ, свойственный ея природѣ, характеръ правильнаго, спокойнаго, благороднаго акта... характеръ органической функціи... мы допустили въ любовь воображеніе... воображеніе привело насъ къ неудовлетворенности... неудовлетворенность къ разврату. Потому что развратъ есть не что иное, какъ обезображенная идеаломъ естественная любовь... Католическая религія—главная пособница въ извращеніи любви... Подъ предлогомъ смягченія грубыхъ сторонъ ея—самыхъ естественныхъ, между прочимъ,—она развивала вредныя и пагубныя стороны посредствомъ чувственнаго возбужденія музыкой, куреніями, мистицизмомъ молитвъ, неестественнымъ поклоненіемъ статуямъ и образамъ... понимаешь?.. О, всѣ культы, эти обманщики, знали, что дѣлали. Они знали, что это лучшій способъ оскотинить человѣка и заковать его... И поэты стали воспѣвать только любовь, искусства превозносить только ее... И любовь восторжествовала надъ жизнью, какъ бичъ надъ спиною раба, рвущій ее на куски, какъ ножъ убійцы надъ пронзенною грудью жертвы!.. И Богъ не что иное, какъ одна изъ формъ того же воздѣйствія. Это—высшее недостижимое наслажденіе. Мы несемъ ему наши тщетныя моленія,—но никогда не получимъ ничего. Когда-то я вѣрилъ и въ любовь, и въ Бога. Я до сихъ поръ еще часто вѣрю въ Него, потому что отъ этого яда исцѣлиться совсѣмъ невозможно. Въ храмахъ, въ дни торжественныхъ праздниковъ, одурманенный пѣніемъ органа, возбужденный опьяняющими клубами ладана, побѣжденный чудной поэзіей псалмовъ, я чувствую, какъ душа моя приходитъ въ экстазъ... Она трепещетъ, взбудораженная всѣми этими смутными порывами, всѣми невысказанными стремленіями, какъ мое тѣло трепещетъ, потрясенное до мозга костей, передъ обнаженной женщиной, даже передъ однимъ ея образомъ въ мечтахъ... Ты понялъ?

— Нѣтъ, дядя,—отвѣтилъ я робко.

Онъ, казалось, удивился и пожалъ плечами.

— Что же ты понимаешь въ такомъ случаѣ?

— Сказать по правдѣ, — осмѣлился я возразить, — вы всегда говорите мнѣ страшное!

— Страшное!—воскликнулъ аббатъ.—Чего-жъ тебѣ страшно?.. Ты—просто дуракъ... Твои дураки родители дали тебѣ отвратительное воспитаніе!..

Онъ остановился. Одышка сдавила его горло...

По лицу его скатывались капли пота... Широко открывъ ротъ, онъ потянулъ въ себя воздухъ изъ сада продолжительнымъ, болѣзненнымъ вздохомъ.

— Тебѣ страшно!—началъ онъ опять.—Это понятно. Отцы и матери—большіе преступники, запомни это хорошенько, мой мальчикъ... Если бы, вмѣсто того, чтобы скрывать отъ ребенка, что такое любовь, сбивать его съ толку, смущать его сердце, выставляя любовь, какъ страшную тайну или отвратительный грѣхъ, они были настолько умны, что объяснили бы ему откровенно, что она есть, научили его ей, какъ учатъ ходить, ѣсть; обезпечили ему свободу любви въ періодъ полной возмужалости, — то міръ не былъ бы такимъ, каковъ онъ есть... И молодые люди не приходили бы къ женщинѣ съ испорченнымъ уже воображеніемъ, зачерпнувъ изъ нечистаго источника всѣ отвратительныя тайны... А ты самъ?.. Держу пари...

Дядя пристально поглядѣлъ на меня. Я сильно покраснѣлъ, самъ не зная почему...

— Держу пари, — продолжалъ онъ, — что ты уже мечталъ... Скажи!

— Нѣтъ дядя, нѣтъ, — бормоталъ я, краснѣя еще гуще.

— Не лги!.. Сознайся...

Я молчалъ.

— Почему ты покраснѣлъ?.. Вотъ видишь, маленькій негодяй!

Въ эту минуту Мадлена, не замѣтивъ, что мы прошли въ домъ, бѣжала по саду и кричала:

— Г. аббатъ!.. Эй!.. г. аббатъ!..

— Что такое?—спросилъ дядя.

— Вамъ надо сейчасъ же идти съ дарами и мvромъ... Въ кухнѣ васъ ждетъ человѣкъ...

— Человѣкъ! — вскричалъ дядя... — Что онъ, — смѣется надо мной? Развѣ это моя обязанность?... Я не приходскій священникъ!

— Проситель говоритъ, что г. кюрэ нѣтъ дома,—объяснила Мадлена...—Г. Дерошъ боленъ, а другой викарій въ отпуску... Васъ зовутъ къ молодой дѣвушкѣ, почти умирающей...

— Хорошо!.. Я пойду къ этому человѣку... Кхе... Кхе... я боленъ, — ворчалъ онъ, выходя изъ комнаты.

Лѣсъ наполнился голубыми и красными тѣнями, прорѣзанными то тамъ, то сямъ блескомъ оранжевыхъ лучей. Ночь еще не наступала; но небеса уже потускнѣли, зелень поблекла, предметы приняли неопредѣленныя, расплывчатыя очертанія, терявшіяся въ сгустившемся воздухѣ. Тайна окутала лугъ и серебристая зелень слилась съ пыльною мглой. На фонѣ побѣлѣвшихъ стѣнъ рѣзко вытянулись скрюченные силуэты деревьевъ. Птицы умолкли. Я съ грустью думалъ объ умирающей молодой дѣвушкѣ.

Дядя вернулся недовольный, дыша чаще. Онъ долженъ былъ присѣсть, чтобы перевести духъ.

— Въ такой часъ!—проворчалъ онъ.—Это безуміе... И я боленъ!..

Въ груди у него свистѣло и клокотало, какъ въ локомотивѣ. Грудь вздымалась и втягивалась такъ, что иногда подъ сутаной обрисовывались кости.

— Предсмертное соборованіе!. —прошепталъ онъ.—Почему я знаю, какъ оно совершается?.. Дитя!

— Что, дядя?

— Ты пойдешь со мной... Ты будешь пѣвчимъ. Фрелоттъ? Ты знаешь деревню Фрелоттъ?

— Знаю, дядя.

— Это на разстояніи одного лье отъ Віантэ?

— Да, дядя.

— Одно лье!.. Да я никогда не дойду!.. А мой требникъ!.. Гдѣ мой требникъ?

Стали искать требникъ и нашли его въ какомъ-то ящикѣ, среди свѣчныхъ огарковъ и старыхъ заржавленныхъ гвоздей. Пробѣгая страницы, гдѣ говорилось о соборованіи, онъ ворчалъ:

— А кюрэ!.. Сидитъ себѣ и навѣрное жретъ на какомъ-нибудь собраніи!.. Гмъ... *ad manus... ad pedes...* смѣшной символизмъ! И когда я помажу мvромъ... *ad lumbos*, будетъ ли эта бѣдная дѣвушка чище? Чортъ бы побралъ кюрэ! *ad aures...* Не могутъ оставить человѣка умереть спокойно!..

Аббатъ захлопнулъ требникъ и опустилъ его въ карманъ своей рясы.

— Ну, идемъ!..—сказалъ онъ.

На ходу онъ повторялъ безпрестанно:

— *Ad pedes... ad manus...* Одно лье!.. Боже, какъ я задыхаюсь!..

Тускло-матовый свѣтъ блѣднаго вечерняго неба проникалъ въ широкіе стеклянные просвѣты церкви и своимъ слабымъ невѣрнымъ свѣтомъ ослаблялъ мракъ въ придѣлахъ. Шаги наши громко стучали по плитамъ, и шумъ подымался къ сводамъ, теряясь въ темной глубинѣ купола и алтаря, гдѣ смутно бѣлѣли балки и арки, скрытыя густою тѣнью. Свѣтъ невидимой лампады, спускавшійся съ хоровъ въ пространство, былъ такой же жалкій, какъ блескъ одинокой звѣзды, заблудившейся въ небѣ и подернутой черными облаками.

Предупрежденный, церковный сторожъ ждалъ насъ въ ризницѣ. Въ высокихъ паникадилахъ изъ желтой мѣди догорали свѣчи, освѣщая мертвеннымъ свѣтомъ каменный полъ изъ черныхъ и бѣлыхъ плитъ, блестящіе шкафчики

и въ глубинѣ—маленькую исповѣдальню съ рѣзными украшеніями поверхъ зеленыхъ саржевыхъ занавѣсокъ. Острый запасъ тающаго воска, смѣшанный съ ладаномъ, щекоталъ въ горлѣ.

— Поспѣшимъ,—сказалъ дядя, почтительно поклонившемуся сторожу.

Это былъ маленькій, круглый человѣчекъ, очень блѣдный, очень чистенькій, съ длинными, прилипшими къ вискамъ волосами, съ ласковымъ лицомъ, какъ у послушниковъ въ въ монастыряхъ. По профессіи пирожникъ, онъ еще былъ подрядчикомъ по очисткѣ города, таможенной площади и церковныхъ скамей. Въ важныхъ случаяхъ онъ прислуживалъ за столомъ у кюрэ. Точный, робкій, знакомый со всѣми церковными обрядами, Батистъ Кудрэ былъ такимъ благовоспитаннымъ сторожемъ, что его уважали почти такъ же, какъ и викарія. Онъ говорилъ всегда очень тихо, очень медленно, всегда въ изысканныхъ, любезныхъ выраженіяхъ... Онъ уже приготовилъ свой ящикъ и зажегъ красный фонарь на длинной ручкѣ, что я долженъ былъ нести.

— На всякій случай я положилъ въ ящикъ скатерть для причастія,—сказалъ онъ.—Можетъ быть, у этихъ людей нѣтъ подходящей для святыхъ даровъ.

— Кладите, что хотите!.. Поспѣшимъ!—отвѣтилъ дядя.

Надѣвая съ помощью сторожа стихарь и эпитрахиль, онъ спросилъ:

— Гдѣ это кюрэ?

— Г. кюрэ въ Сенъ Сиръ-ла-Розіеръ, на засѣданіи.

— А викарій?

— Г. викарій вѣнчаетъ сегодня свою сестру на другомъ концѣ департамента.—И подавая дядѣ мантію, прибавилъ тономъ участія и покровительства: — Я замѣчаю, г. аббатъ очень боленъ... Но Фрелотъ вѣдь это—прогулка!

— Прогулка!.. — проворчалъ дядя.—Вы забыли орарь, Батистъ.

— Въ этихъ случаяхъ священнослужитель никогда не надѣваетъораря... Г. аббатъ можетъ справиться въ своемъ требникѣ.

Произнеся эти слова тономъ упрека, слегка оскорбленный, онъ потихонько ушелъ въ алтарь зажигать свѣчи.

Дядя недолго оставался у дарохранительницы. Онъ сократилъ, насколько возможно, молитву и колѣнопреклоненіе и, покрывъ дароносицу воздухомъ, обшитымъ золотой бахромой, вышелъ изъ алтаря.

Мы отправились.

Сторожъ шелъ впереди, держа въ одной рукѣ сосудъ со св. мvромъ, въ другой—колокольчикъ. Я слѣдовалъ за

нимъ съ фонаремъ. Позади насъ шелъ дядя, задыхавшійся, больной, страшно стѣсненный дароносицей; онъ то поднималъ, то опускалъ свою ношу, поворачивалъ направо, налѣво, ища удобнаго положенія, чтобы легче дышать.

— По тише!—закричалъ онъ, когда мы шли по аллеѣ отъ церкви къ городу.

Каждыя двадцать минутъ сторожъ встряхивалъ колокольчикомъ: динь-динь!.. динь-динь!.. Изъ оконъ и дверей высовывались любопытные, обнажали головы и крестились. Женщины опускались на колѣни со сложенными руками. За дядей образовалось небольшое шествіе, и толпа, увеличиваясь на каждомъ перекресткѣ, превратилась въ настоящую процессію. Колокольчикъ все звенѣлъ съ правильными промежутками. Я гордился своею ролью и каждый разъ, когда мы проходили въ полосѣ свѣта, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на свою длинную тѣнь, падавшую на дорогу, на тротуаръ, на бѣлые фасады домовъ. Красный огонекъ фонаря трепетно мигалъ При выходѣ изъ города, дядя остановился: у него захватило дыханіе.

— Я задыхаюсь!—сказалъ онъ мнѣ.—Я весь вспотѣлъ. И дароносица стѣсняетъ меня ужасно!.. Подержи!

Онъ передалъ мнѣ дароносицу, вытеръ концомъ эпитрахили потъ съ лица и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ жадно глоталъ воздухъ. Мы двинулись дальше.

Была темная, тихая ночь; только свистящее дыханіе дяди и наши шаги нарушали ея тишину. Сторожъ звонилъ при каждомъ отдаленномъ звукѣ человѣческихъ голосовъ или при скрипѣ телѣгъ вдали. Мы шли подъ тусклымъ и низкимъ небомъ, покрытымъ теперь синеватыми облаками. Тѣни, какъ огромныя скатерти, разстилались вокругъ насъ, покрывали поля бѣжали надъ близкимъ горизонтомъ, а искривленные стволы придорожныхъ яблонь казались растрепанными чудовищами. Иногда на откосѣ дороги вдругъ появлялся страшный силуэтъ низкорослаго дуба, лишеннаго вѣтвей, и въ эту темную ночь напоминалъ страшнаго горбатаго карлика, вынырнувшаго изъ бездны. Порою дорога была ровная, гладкая, безъ деревца, безъ выбоины, поднималась, бѣлѣла, въ безформенной мглѣ, подъ спустившимся надъ ней плоскимъ небомъ, своей свинцовой массой ограничивавшемъ, казалось, землю и весь міръ... Мнѣ было страшно, да и сторожъ, чтобы ободрить себя, вызывающе кашлялъ.

Ослабѣвъ отъ испарины, терзаемый страданіями, дядя долженъ былъ вновь остановиться. Ноги у него дрожали и отказывались поддерживать туловище. Онъ присѣлъ на камень и долго отдыхалъ, поставивъ дароносицу между колѣнъ и охвативъ голову руками. Страшно было слышать въ эту

мрачную ночь хрипѣніе и клокотаніе въ его груди; видѣть, какъ онъ старался вдохнуть воздухъ при каждомъ порывѣ вѣтра.

— Еще десять минутъ, г. аббатъ,—ободрялъ сторожъ.— Я уже вижу вдали огни Фрелотта.

— Десять минутъ!.. Да я никогда не дойду.. Я задыхаюсь... Умираю...

Онъ хотѣлъ встать, но пошатнулся, и чаша, звеня, скатилась въ канаву.

— Пресвятая Дѣва!—вскричалъ сторожъ.—Тѣло Господне.. Мы потеряли Господа!

На откосѣ, въ темнотѣ, блестѣлъ бѣлый булыжникъ. Онъ представилъ себѣ, что это сверкаютъ дары.

— Я ихъ вижу,—пробормоталъ онъ.—Они блестятъ!..

— Такъ подберите ихъ, Батистъ!—приказалъ дядя сдавленнымъ голосомъ.

— Я, г. аббатъ!?—вскричалъ Батистъ, объятый ужасомъ.— Мнѣ... коснуться Бога нечистыми руками и съ преисполненной грѣхами душой?.. Нѣтъ, нѣтъ, никогда!.. Меня поразитъ громъ.

— Дуракъ!—выругался Жюль.—Помоги мнѣ, дитя!

Кое-какъ онъ всталъ на ноги, и мы стали искать чашу. Сторожъ поставилъ на землю свою шкатулку и колокольчикъ и блѣдный, съ расширенными глазами, водилъ фонаремъ у края канавы. Вскорѣ въ полосѣ краснаго луча свѣта мы увидѣли на травѣ не пострадавшую чашу, покрытую даже пеленой. Я поднялъ ее не безъ содроганія. Крышка плотно сидѣла на мѣстѣ. Дядя слегка приподнялъ ее и, увидѣвъ на днѣ ея св. дары, сказалъ:

— Идемъ!.. все благополучно!.. Впередъ!

Направо отъ насъ рисовались уже смутныя очертанія домовъ. Нѣсколько огоньковъ прорѣзывали мракъ. Дядя дышалъ спокойнѣе и шелъ болѣе твердыми шагами. Все еще оглушенный происшествіемъ съ чашей и смотря на все, какъ на поруганіе и святотатство, сторожъ на ходу шепталъ молитвы. Время отъ времени онъ оборачивался съ блѣднымъ лицомъ и испуганнымъ взоромъ, смущенный тѣмъ, что священнослужитель такъ небрежно обращается со святыней. При входѣ въ деревню онъ зазвонилъ своимъ колокольчикомъ. Послышалось хлопанье дверей и стукъ деревянныхъ башмаковъ. Замелькали тѣни; лица показались въ оконныхъ рамахъ, освѣщенныхъ извнутри. Протяжно залаяли собаки; имъ отозвались другія издалека... Колокольчикъ жалобно звякалъ... Мы шли мимо дворовъ, мимо стоговъ сѣна, мимо низкихъ крышъ подъ сѣнью тощихъ деревьевъ. А сторожъ все звонилъ и звонилъ...

Передъ домомъ, гдѣ лежала больная, стоялъ кабріолетъ, и я узналъ моего отца, при свѣтѣ фонаря отвязывавшаго поводъ своей лошади. Онъ отодвинулъ экипажъ, чтобы освободить дорогу, и я услышалъ его удивленное восклицаніе:

— Да, вѣдь это Альбертъ!.. Да и Жюль тоже!

И онъ вмѣшался въ толпу, собравшуюся на звонъ колокольчика.

На высокой кровати съ ситцевыми занавѣсками, на бѣлыхъ простыняхъ лежала больная неподвижно, съ восковымъ лицомъ и съ стиснутыми зубами. Желтыя худыя руки были вытянуты поверхъ одѣяла. Она казалась мертвой: рѣсницы не мигали, носъ обострился. Какая-то женщина, стоя у кровати, рыдала, уткнувъ лицо въ передникъ. Отъ самыхъ дверей до смертнаго одра стояли колѣнопреклоненныя сосѣдки и молились, а сосѣди — на ногахъ, съ опущенными головами, безпомощно мяли въ рукахъ свои шляпы. Между очагомъ, гдѣ горѣлъ хворостъ, и кроватью, у закопченной стѣны стоялъ приготовленный маленькій столикъ. Столъ былъ накрытъ бѣлой скатертью; посреди него стояло простое деревенское распятіе, съ двумя восковыми свѣчами по бокамъ, и чаша со святой водой и кропиломъ изъ березовыхъ вѣтокъ. Рядомъ находилась тарелка съ пучкомъ пакли и хлѣбными крошками, а возлѣ тарелки — кувшинъ съ водой для омовенія священника. Весь свѣтъ комнаты сосредоточился на лицѣ умирающей, тѣни застыли наверху въ складкахъ ситцевыхъ занавѣсокъ...

Дядя остановился на порогѣ двери и, передъ зрѣлищемъ смерти и молитвъ, лицо его вдругъ измѣнилось. Глубокая скорбь смягчила складки его рта, богохульствовавшаго за минуту передъ тѣмъ. Почти торжественная ясность появилась въ глазахъ, только что ослѣпленныхъ гнѣвомъ. Рѣзкимъ, страшнымъ усиліемъ воли онъ заставилъ умолкнуть свои страданія, сжимавшія грудь и раздиравшія горло, и, протянувъ впередъ руку благороднымъ, спокойнымъ и ободряюшимъ движеніемъ, вступилъ въ обитель страданія.

— *Pax huic domui*, —сказалъ онъ мягкимъ, растроганнымъ голосомъ.

— *Et omnibus habitantibus in ea*,—отвѣтилъ сторожъ.

Поставивъ на столъ чашу съ дарами и, окропивъ всѣхъ святой водой, дядя произнесъ:

— *Dominus vobiscum*!

— *Et cum spiritu tuo*,—отвѣтилъ сторожъ.

Аббатъ взялъ распятіе и приблизилъ его къ устамъ умирающей. Но уста оставались неподвижны. Она ничего не видѣла, не слышала, не чувствовала. Глаза ея смотрѣли уже въ вѣчность. Аббатъ нѣжно склонился надъ ней. Слабое,

едва замѣтное дыханіе, какъ предсмертный вздохъ погибающаго, истощеннаго и увядшаго цвѣтка, выходило изъ сжалыхъ зубовъ. Даже простыня на ея груди не подымалась. Подъ блѣдной маской смерти дѣвушка казалась юной и трогательно прекрасной.

— Господь посѣтилъ васъ,—сказалъ ей дядя. —Не чувствуете ли вы Его?

Молодая дѣвушка не шелохнулась.

Аббатъ обернулся къ толпѣ: къ женщинамъ на колѣняхъ, въ бѣлыхъ, освѣщенныхъ огнемъ, чепцахъ, и къ мужчинамъ съ загорѣлыми лицами, стоявшимъ въ тѣни.

— Она умираетъ!—сказалъ онъ.

И, указывая на дароносицу, блестѣвшую на столѣ, и на св. мѵро въ серебряномъ сосудѣ, онъ прибавилъ:

— Къ чему?. не будемъ ее тревожить... Вы любили ее—молитесь за нее

Онъ склонилъ колѣни у кровати и съ глубокимъ волненіемъ и грустью произнесъ свою эпиталаму смерти:

— Бѣдное дитя!.. Ты явилась и уже ушла... Въ жизни ты узнала только ея первую улыбку и уснула передъ наступленіемъ неизбѣжнаго страданія... Иди къ свѣту, къ покою, невинная душа, сестра душистыхъ цвѣтовъ, сестра поющихъ въ выси птицъ!.. Завтра я вдохну твой ароматъ вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ въ моемъ саду, услышу твое пѣніе на вѣтвяхъ моихъ деревьевъ... Ты будешь охранять мое сердце и чаровать мои мысли...

Онъ всталъ, поцѣловалъ усопшую въ лобъ и, снова протянувъ руку надъ толпой, удивленной такимъ необыкновеннымъ напутствіемъ, сказалъ:

— Dominus vobiscum!

Но сторожъ не отвѣтилъ. Оглушенный, остолбенѣлый, онъ не могъ разобраться въ томъ, что произошло. Не только не понималъ, но не зналъ даже, живъ ли онъ, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ этотъ домъ, женщины, чаша съ дарами на столѣ, эта покойница, и все то, что его окружаетъ? Не сонъ ли это? Въ своемъ смятеніи, онъ неподвижно стоялъ, какъ въ столбнякѣ, и не послѣдовалъ даже за аббатомъ. Жюль направился къ выходу, а онъ остался посреди комнаты, вмѣстѣ съ другими, съ помутившимся взоромъ, съ безсильно повисшими руками и съ широко открытымъ ртомъ.

Отецъ на улицѣ поджидалъ насъ.

— Добрый вечеръ, Жюль, — сказалъ онъ, подходя къ брату съ протянутой рукой.

— Добрый вечеръ!.. Это ты?

— Да!.. Я [illegible] тамъ... Я тебя узналъ... Уже поздно... ты [illegible] везу тебя?

— Очень хочу!—отвѣтилъ дядя.

— А чаша?.. Кажется, съ тобой были дары?

— Ахъ, да! Я ихъ оставилъ... Ну, и пусть! Батистъ позаботится о нихъ.

Мы усѣлись втроемъ въ кабріолетъ... Вскорѣ дядя сталъ задыхаться.

— Ты страдаешь?..—спросилъ его отецъ.

— Да!.. да!.. Я задыхаюсь!.. задыхаюсь!.. Я весь въ поту, а между тѣмъ стучу зубами.

Отецъ укуталъ его одѣяломъ, вытащилъ изъ кармана маленькую бутылочку соли и далъ ему понюхать.

— Почему ты не хочешь принять меня? — сказалъ онъ тономъ нѣжнаго упрека —Я тебя буду лѣчить... Вылѣчу... Вѣдь я, наконецъ, твой братъ, Жюль!.. И никогда я тебѣ ничего не сдѣлалъ!..

— Хочу... очень хочу... Приходи... пусть и жена твоя придетъ... Я задыхаюсь!..—говорилъ дядя прерывисто, ощущая сильныя боли

На другой день мои отецъ и мать явились въ „Капуцины". Они застали аббата въ постели въ сильной лихорадкѣ. Онъ хотѣлъ встать утромъ въ обычный часъ, но съ нимъ сдѣлался обморокъ и рвота. Послѣ припадка голова его такъ отяжелѣла и кружилась, а тѣло такъ дрожало, что онъ долженъ былъ снова лечь въ кровать. Отецъ мой выслушалъ его, внимательно осмотрѣлъ и не могъ скрыть своей тревоги передъ серьезностью болѣзни.

— Это пустяки! — все же сказалъ онъ... — Что ты скажешь, если я позову товарища на консультацію?.. Я вѣдь спеціалистъ... И къ тому же никогда нельзя быть увѣреннымъ въ себѣ, разъ дѣло идетъ о близкомъ человѣкѣ.

— Зачѣмъ?..—отвѣтилъ дядя покорнымъ тономъ.—Все во мнѣ разваливается... я не долго протяну... Все, чего я желаю, это—чтобы мнѣ дали умереть спокойно и какъ мнѣ вздумается... Если я буду очень страдать, постарайся немного облегчить меня. Вотъ все, что я прошу... Моя смерть не имѣетъ значенія,—прибавилъ онъ въ болѣзненномъ раздумьи.—Всегда грустно видѣть, какъ рушатся старые дома, старыя деревья, колокольни... Но я... Я никого не защищалъ... никому не приносилъ плодовъ... ничто во мнѣ никогда не возбуждало ни кроткой вѣры, ни кроткой любви. Если я умру тихо, если уйду изъ міра спокойно, безъ сожалѣнія и ненависти, — смерть моя будетъ единственнымъ добрымъ дѣломъ всей моей жизни... и, быть можетъ, единственнымъ ея оправданіемъ.

Онъ долженъ былъ прервать себя, потому что задыхался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ заговорилъ опять:

— Я бы очень хотѣлъ, чтобы мою кровать поставили противъ окна... Я люблю свой садъ и свои деревья; люблю также небо, это безконечное небо...

Отецъ мой былъ сильно взволнованъ... Мать невозмутимо строго смотрѣла въ садъ.

— Дѣйствительно... здѣсь очень красивый видъ, — сказала она съ холодной усмѣшкой.

Аббатъ сдержалъ гримасу и притушилъ мрачный огонекъ, сверкнувшій въ его глазахъ.

— О!—сказалъ онъ,—я люблю все это по причинамъ, не видимымъ и не ощущаемымъ вами, сестра. Вы ихъ и не понимаете.

Онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и, устремивъ взглядъ въ блѣдный рисунокъ обоевъ, не проронилъ больше ни слова.

Большую часть дня я провелъ въ саду, не бѣгая и не играя. У меня не было къ тому прежней охоты. Все мнѣ казалось печальнымъ и мрачнымъ; зелень поблекла; птицы какъ будто стали угрюмыми; круглая акація съ темной листвой напоминала кустарникъ, растущій на могилахъ. Тѣмъ не менѣе я остановился именно здѣсь, гдѣ любилъ сидѣть дядя, вытянувъ въ траву свои длинныя ноги... Я представлялъ себѣ его рыжую сутану, соломенную шляпу, сгорбленную походку, странныя, пугавшія меня рѣчи, казавшіяся теперь вовсе не такими страшными, потому что въ эту минуту я смутно догадывался о его психическихъ страданіяхъ и думалъ, что, быть можетъ, ласка успокоила бы его. И я любилъ его, да, любилъ дѣйствительно, и сознавалъ, что, такой раздражительный всегда, онъ со мной не выказалъ ни разу ни признака нетерпѣнія. Душевная тревога безпрестанно толкала меня къ дому; я разспрашивалъ Мадлену, старался успокоиться возлѣ нея. Порою я тихонько, на цыпочкахъ, подходилъ къ дверямъ и долго стоялъ, прислушиваясь къ тяжелому дыханію дяди и къ мягкимъ шагамъ моей матери по паркету.

Передъ вечеромъ пришелъ кузенъ Дебре.

— Ну, что съ тобой? — вскричалъ онъ. — Чортъ возьми, вотъ чудакъ!

Онъ удивился, заставъ моихъ родителей расположившимися въ домѣ раньше его у постели больного, и съ тревожнымъ любопытствомъ будущаго наслѣдника поглядывалъ на столы и ящики.

Мы вышли изъ комнаты: пора было обѣдать.

— Ну?—спросила мать.

— Онъ погибъ!—отвѣтилъ отецъ.—У него не только порокъ сердца, но и чахотка!.. Бѣдный Жюль!

Вечеромъ отецъ вернулся въ „Капуцины“ къ больному, мать же спокойно и внимательно занялась ревизіей нашего носильнаго платья.

V.

Послѣ трехъ дней, проведенныхъ у постели больного аббата, мать моя пошла въ Віантэ, гдѣ, по ея словамъ, ей надо было сдѣлать кой-какія покупки. Я остался наединѣ съ дядей въ его комнатѣ. Болѣзнь еще болѣе обезобразила его лицо и своимъ неумолимымъ рѣзцомъ провела новыя борозды на высохшей кожѣ. Лихорадка оставила два красныхъ пятна на выдавшихся впередъ скулахъ, расширенные глаза блестѣли и, окруженные темносиними кругами, имѣли уже нечеловѣческое выраженіе. Дрожащей рукой, съ узловатыми суставами, время отъ времени онъ подносилъ къ губамъ чашку съ освѣжительнымъ напиткомъ, и его обложенный языкъ какъ-то особенно громко и тяжело щелкалъ во рту. Онъ дышалъ съ трудомъ. На мраморной доскѣ комода симметрично стояли склянки съ лѣкарствами, распространяя аптечный запахъ, а на горячихъ угляхъ камина пѣвуче кипѣлъ чайникъ съ горячей водой.

— Запри дверь, дитя, чтобы никто не вошелъ,—сказалъ онъ мнѣ,—и подойди ко мнѣ поближе... Мнѣ надо кое-что сказать тебѣ одному... Потому что ты единственное существо, дѣйствительно любившее меня.

Трогательная кротость голоса, сопровождавшая эти слова, взволновала меня, и я не могъ удержаться отъ слезъ. Я вдругъ разрыдался.

— Ну, полно, полно,—нѣжно утѣшалъ меня больной.— Не плачь, дитя мое, и сдѣлай, что я тебѣ скажу.

Я заперъ дверь и подошелъ къ кровати. Дядя мнѣ улыбнулся и нѣсколько минутъ какъ бы собирался съ мыслями.

За окномъ, въ саду, расхаживалъ кузенъ Дебре, отплевываясь на каждомъ шагу. Онъ также поселился въ „Капуцинахъ“ и не уходилъ оттуда, съ тревогой наблюдая за моими родителями. Его присутствіе раздражало дядю, хотя иногда онъ и потѣшался надъ капитаномъ.

— Знаете, кузенъ,—говорилъ онъ,—когда я умру, вы изъ меня сдѣлайте чучело, прикрѣпите на сосновой дощечкѣ, съ орѣхомъ въ зубахъ, какъ своихъ хорьковъ.

— Ну, не шутникъ-ли ты, Жюль!—отвѣчалъ капитанъ.— Никогда не видалъ я такого больного, какъ ты!

Отъ кузена, однако, добились, чтобы онъ появлялся какъ можно рѣже въ спальной. Онъ проводилъ день или въ про-

гулкахъ вокругъ дома, или ползалъ по полкамъ библіотеки, стараясь отыскать самыя дорогія изданія, когда-то указанныя ему аббатомъ. Потомъ бродилъ по комнатамъ, приглядывался къ вещамъ, какъ бы оцѣнивая ихъ, и всюду пронырливо запускалъ свой взоръ.

Дядя вытеръ запекшіяся отъ лихорадки губы, выпилъ еще глотокъ своего питья и прерывающимся отъ болѣзненныхъ усилій голосомъ заговорилъ:

— Дорогое дитя, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я уже составилъ завѣщаніе... Ни тебѣ, ни твоей семьѣ я ничего не оставляю... Мать твоя придетъ въ ярость, но ты въ такомъ возрастѣ, когда деньгамъ не придаютъ никакой цѣны. Надѣюсь, впослѣдствіи ты на меня за это сердиться не будешь... Ты не сердишься на меня?

— Нѣтъ, дядя! — пролепеталъ я нѣсколько сконфуженно и краснѣя.

Онъ поблагодарилъ меня кивкомъ головы и продолжалъ:

— Если я лишаю тебя наслѣдства, то не выводи изъ этого заключенія, что я не люблю тебя... У тебя будетъ порядочное состояніе и безъ моего, когда ты получишь его отъ своихъ родителей... Издавна въ головѣ моей сидитъ любопытная идея, желаніе сдѣлать психологическій опытъ... О немъ ты узнаешь на другой день послѣ моей смерти... Такъ ты на меня не сердишься?.. Вѣрно?

— Вѣрно, дядя,—отвѣтилъ я.

— Теперь слушай меня. Какъ и всѣ, прожившіе дурно свою жизнь, я долго боялся смерти... Но съ тѣхъ поръ я привыкъ смотрѣть ей въ лицо, вопрошать ее... Она не пугаетъ меня больше. Вчера ночью, въ полудремотѣ, смерть представилась мнѣ, какъ огромное море, безъ горизонта и безъ границъ... и я чувствовалъ, какъ тихо уплываю въ это море среди бѣлыхъ пѣнистыхъ волнъ, бѣловатыхъ небесъ и безконечнаго бѣлаго пространства. Въ эту минуту я вижу ее подобной огромному небу, что разстилается надо мной... Въ ней чудное и глубокое сіяніе...

Аббатъ приподнялъ голову съ подушки и, вытянувъ шею къ окну съ выраженіемъ блаженства въ глазахъ, вперилъ ихъ въ пространство.

Серебристо-бѣлыя облака плыли по лазури неба, отливавшаго мѣстами то розовымъ, то зеленовато-блѣднымъ свѣтомъ. Облака то скучивались, то расплывались и расходились въ безконечномъ пространствѣ.

— Да,—повторилъ дядя, — смерть подобна этому огромному небу...

Онъ замолкъ на минуту и съ восторгомъ слѣдилъ за мед-

леннымъ, лучезарнымъ движеніемъ облаковъ надъ лѣсомъ. Потомъ опять опрокинулъ голову на подушку, вытянулся на кровати и задумчиво продолжалъ:

— Жизнь не удалась мнѣ, мой маленькій Альбертъ... Не удалась потому, что никогда я не могъ вполнѣ усмирить гнусныя страсти, обуревавшія меня. Священникъ сдерживалъ ихъ, но онѣ были наслѣдственными, были плодомъ мистицизма матери и алкоголизма отца. Я все же боролся!.. Но онѣ побѣдили меня... Я умираю отъ этой борьбы, отъ этого пораженія. Когда я вздумалъ вернуться сюда, въ эту обитель тишины и одиночества, я обѣщалъ себѣ забыть прошлое, жить мирно, работать... у меня были обширные планы... Я не могъ... И здѣсь, какъ вездѣ, я очутился лицомъ къ лицу съ своими чудовищами... Я перенесъ страшныя муки... Хорошо, право, что я умираю... Но если я жилъ въ позорной тревогѣ, лихорадкѣ, въ вѣчномъ противорѣчіи между стремленіями моего духа и похотями моей плоти, я хочу умереть въ чистотѣ. Хочу, хотя бы на одинъ мигъ вкусить неизвѣданное наслажденіе: полноту спокойствія моего мозга, моего сердца, моихъ чувствъ.

Больной медленно вздохнулъ; онъ лихорадочно теребилъ платокъ въ своихъ рукахъ. Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія онъ продолжалъ болѣе отрывистымъ тономъ, съ искривленнымъ отъ боли лицомъ:

— Я знаю, куда пошла твоя мать, по крайней мѣрѣ, догадываюсь... Твоя мать у кюрэ... Такъ должно быть... Она желаетъ, чтобы кюрэ видѣлъ меня и принесъ утѣшеніе вѣры... Она желаетъ этого не для меня, на меня ей наплевать, она хочетъ этого для себя, для твоего отца, для репутаціи набожной семьи... Но я не хочу, чтобы нога кюрэ переступила порогъ моего дома... Я не хочу этого... То, что онъ мнѣ скажетъ, я знаю такъ же хорошо, какъ и онъ. И посѣщеніе этого толстаго дурака только разозлитъ меня, выведетъ изъ себя, нарушитъ покой моихъ послѣднихъ часовъ... Если Богъ существуетъ, то, ты понимаешь, не въ лицѣ этого олуха, этого невѣжды явится Онъ ко мнѣ... Если я хочу молиться— мнѣ никого не надо... Пусть мнѣ дадутъ умереть, какъ я хочу. Дѣлаю тебя сторожемъ моего покоя... Обѣщай мнѣ, что если кюрэ сдѣлаетъ попытку ворваться ко мнѣ, обѣщай, что ты удалишь его... Ты объяснишь ему, что я отказываюсь его видѣть, не хочу ни лживости его молитвъ, ни жалкаго фарса его увѣщаній, ни той смѣшной и мрачной комедіи, что разыгрывается у постели умирающихъ. Обѣщаешь мнѣ сдѣлать это? Обѣщаешь защитить меня отъ всѣхъ нарушителей агоніи, даже отъ своей матери?..

Онъ взялъ мои руки и почти умоляюще смотрѣлъ на меня.

— Обѣщаешь?

— Обѣщаю вамъ это, дядя!..—сказалъ я съ глубокой душевной скорбью.

— Хорошо, дитя мое! Спасибо тебѣ...

Затѣмъ, какъ бы говоря самъ съ собою, онъ проговорилъ нѣсколько тише:

— Въ высшей степени любопытно, что происходитъ во мнѣ!.. Чѣмъ болѣе умиротворяется моя душа, тѣмъ болѣе мысль о Богѣ исчезаетъ въ моемъ разумѣ... Я Его больше не понимаю... Богъ!.. Богъ!.. Когда я жилъ безпутно, я вѣрилъ въ Бога и боялся Его... Теперь же я напрасно ищу его... Я не нахожу Его больше: Онъ скрылся... Неужели же идеалъ, это—упреки совѣсти?

Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ обратился ко мнѣ:

— А теперь, не плачь, не печалься, дитя мое... Когда я взгляну на твое личико, пусть не струится по нему слезъ... Улыбнись мнѣ... Не надо плакать, когда умираетъ кто-нибудь, кого любишь. Только католическая религія сдѣлала изъ смерти страшное пугало. Въ сущности, смерть—освобожденіе человѣка, возвращеніе плѣнника жизни на его настоящую родину: въ благодѣтельное и сладостное ничто. О! я желалъ бы, чтобы, вмѣсто траура и слезъ, у постели умирающихъ раздавались звуки музыки и радости!.. Я желалъ бы... желалъ...

Онъ остановился, какъ бы ища словъ, мыслей, убѣгавшихъ отъ него...

— Не знаю, чего бы я хотѣлъ еще,—пробормоталъ онъ.— Не знаю... Я говорю съ тобой такъ, потому что чувствую приближеніе своего конца... Минутами я чувствую, какъ жизнь вытекаетъ изъ моихъ членовъ, сердце сохнетъ, кружится и путается голова, исчезая въ пространствѣ; мнѣ кажется, что я плыву уже по огромному морю, и нѣтъ ему ни дна, ни предѣла. Прежде чѣмъ уйти, исчезнуть въ лучезарной бѣлизнѣ, я хотѣлъ бы дать тебѣ кое-что дороже денегъ: секретъ счастья... Я много, много думалъ объ этомъ... Люби природу, дитя мое, и ты будешь честнымъ и счастливымъ человѣкомъ... Всѣ земныя радости, всѣ добродѣтели въ этой любви... Все, что уклоняется отъ природы,— развратъ и оставляетъ по себѣ только неизлѣчимыя страданія и жесткіе упреки совѣсти... Я бы хотѣлъ еще одного... хотѣлъ бы, чтобы ты почиталъ мнѣ Паскаля... Пойди отыщи Паскаля... ты найдешь его въ библіотекѣ на третьей полкѣ слѣва, возлѣ камина... Это—маленькая красная книжечка съ золотымъ обрѣзомъ... Принеси...

Я вернулся съ Паскалемъ и больше часу читалъ его

дядѣ. Иногда онъ засыпалъ; дыханіе его становилось короче, стоны становились слабѣе; тогда я закрывалъ книгу и умолкалъ. Но онъ, не слыша моего чтенія, вдругъ просыпался, смотрѣлъ на меня, точно стараясь признать меня, вспомнить что-то.

— Ахъ, да... это ты!..—бормоталъ онъ.—Продолжай, дитя мое... твой голосъ баюкаетъ меня... Я слышу, что ты читаешь... Слова, мысли долетаютъ до меня такъ пріятно, еле-еле, какъ очаровательныя грезы. Онѣ доносятся ко мнѣ, какъ феерическія существа, черезъ розоватый туманъ, плывущій надъ ослѣпительнымъ моремъ. Онѣ приходятъ ко мнѣ въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, съ длинными шелковыми шлейфами, украшенныя драгоцѣнностями, съ ароматомъ духовъ... Какое волшебство эти лихорадочныя видѣнія... Какъ они оживаютъ, раскрашиваются въ сіяніи смерти... Хотѣлось бы умирать постоянно... всегда... Читай, дитя мое... Если я задремлю, не останавливайся...

Иногда онъ вдругъ прерывалъ меня съ блуждающимъ взоромъ:

— Помнишь, что ты обѣщалъ мнѣ!.. Кюрэ, твоя мать... Остановись... меня это утомляетъ... Слова стали дѣлать какія-то странныя гримасы; мысли несутся черныя, растрепанныя, какъ тѣни... И еще этотъ барабанъ безъ остановки трещитъ тамъ... ахъ, какъ онъ безпокоитъ меня... Вели ему замолчать, дитя, прошу тебя!.. И этотъ колоколъ, вели ему тоже замолчать... Это кюрэ производитъ весь этотъ шумъ... Онъ гудитъ въ моихъ ушахъ, какъ огромный шмель... Прогони его... Я хочу спать...

Когда моя мать вернулась, аббатъ былъ очень возбужденъ. Онъ ворочался въ своей кровати, сбрасывалъ одѣяло и произносилъ часто безсвязныя слова. Мать подошла къ нему.

— Не говорите мнѣ ни слова!—вскричалъ онъ.—Я не хочу, чтобы кюрэ былъ здѣсь... не хочу его Бога... Не хочу!.. Я желаю умереть по своему разумѣнію!.. Зачѣмъ вы меня такъ мучаете?..

Она поправила на немъ одѣяло и сказала тихо:

— Кюрэ проходилъ мимо, мой дорогой братъ... Зная, что вы нездоровы, онъ зашелъ... ждетъ въ саду.

Дядя вскочилъ на своемъ ложѣ, въ страшномъ испугѣ.

— Нѣтъ! нѣтъ!..—повторялъ онъ.—Не желаю... Оставьте меня умереть спокойно...

Мать нѣжно настаивала ласковымъ голосомъ и съ мольбою во взорѣ.

— Онъ зайдетъ только на одну минуту... На одну минуту.

— Оставьте меня... оставьте!.. — кричалъ съ ужасомъ аббатъ.

И, схвативъ мать за руку, онъ укусилъ ей большой палецъ.

— Сожалѣю, что я — не бѣшенный, гадкая женщина!— вопилъ онъ. — Я съ наслажденіемъ убилъ бы васъ, старая злодѣйка, убилъ страшной смертью!..

Въ это время кюрэ Бланшаръ полуоткрылъ дверь и просунулъ свою красную, блестящую голову. Дядя замѣтилъ его, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и умолкъ. Невозможно было добиться отъ него ни слова. На вопросы кюрэ онъ молчалъ и, сжавъ зубы, съ раскраснѣвшимися щеками, лежалъ, неподвижный и мрачный, устремивъ пристально взоръ въ стѣну. Двигались только пальцы, судорожно мявшіе простыню. Я слышалъ, какъ сердце быстрыми ударами билось у него въ груди, какъ скрежетали крѣпко сжатые зубы. Кюрэ съ уныніемъ воздѣлъ руки къ небу и въ сопровожденіи моей матери вышелъ изъ комнаты, шепча слова негодованія.

— Хотите, дядя, чтобы я опять читалъ вамъ?—спросилъ я, стыдясь немного, что не сдержалъ своего обѣщанія, и желая отвлечь его отъ впечатлѣнія тяжелой сцены.

Больной не двигался. Вдругъ я услышалъ, какъ слабымъ и дрожащимъ голосомъ онъ сталъ напѣвать:

Le curé lui d'manda
Lari ra
Le curé lui d'manda...

— Дядя, дядя!..—завопилъ я,—говорите же со мной, посмотрите на меня!

Руки, какъ клешни краба, то разжимались, то сжимались, и онъ продолжалъ, еще тише и по прежнему не двигаясь, повторять:

C'que j'ai sous mon jupon
Lari ron
C'que j'ai sous mon jupon...

Наконецъ, онъ уснулъ. Болѣзненный сонъ, временами прерывался внезапнымъ пробужденіемъ и слезами.

Сильное возбужденіе повело за собой плохую для него ночь. Лихорадка усилилась. Сердце билось, какъ часы съ лопнувшей пружиной. Казалось, жизнь уходила при шумѣ оглушительнаго звона. Горячка придала его взору выраженіе безумія, жестамъ—порывы убійцы. Мой отецъ, съ помощью Мадлены, ухаживалъ за нимъ и удерживалъ съ большимъ трудомъ. Онъ хотѣлъ встать, испускалъ дикіе крики, пытался ринуться на воображаемаго врага, видѣлъ и преслѣдовалъ его безпорядочными движеніями, съ возраставшей

съ минуты на минуту яростью. Ему казалось, что онъ видитъ кюрэ Бланшара.

— Ты караулишь мою душу, разбойникъ! — рычалъ онъ. — Ты не хочешь, чтобы она растворилась въ мірѣ... была счастлива... Но ты ея не получишь... воръ! Она здѣсь...—онъ указалъ на свое горло, сдавленное удушьемъ.— Она здѣсь... Она причиняетъ мнѣ боль, душитъ меня... Но я всетаки не выплюну ее... Вонъ... Вонъ!..

Отецъ склонился надъ нимъ, стараясь успокоить его.

— Выгони же его!—приказывалъ Жюль.—Теперь вонъ онъ уцѣпился за карнизъ, распластавъ свои черныя крылья... А!.. вонъ летаетъ... летаетъ... жужжитъ... вотъ онъ... убей его... Да убей же его!.. Стой... онъ спрятался подъ мою кровать, поднимаетъ ее и уноситъ... Ахъ!.. Да убей же его!.. Убей гнуснаго попа!

Минутами онъ начиналъ бояться и плакать и забивался подъ одѣяло въ уголъ кровати.

Къ утру онъ успокоился. Ночное возбужденіе смѣнилось мрачнымъ угнетеніемъ, тяжелой прострацiей духа и тѣла. Онъ дремалъ въ теченіе трехъ часовъ, тревожимый нервными припадками, страшными кошмарами, сопровождавшимися криками ужаса. Въ перерывахъ забытья онъ устремлялъ на насъ глубокій, какъ пропасть, взглядъ, полный тревоги, смятенія и тяжелой сосредоточенности, таинственный взглядъ умирающаго животнаго. Онъ не отражалъ больше жизни въ блестящей выпуклости своихъ глазъ, ничего больше не видѣлъ ни внѣ себя, ни внутри. И вокругъ его мертвыхъ зрачковъ, лишенныхъ блеска, безсильныя и блѣдныя вѣки страшно обрисовывали глазное яблоко въ его впадинѣ. Одно мгновеніе, казалось, онъ узналъ меня; но лучъ сознанія угасъ безвозвратно.

— Дядя!—сказалъ я,—дядя, я, Альбертъ... вашъ маленькій Альбертъ... развѣ вы меня не видите?..

Онъ всетакъ же пристально смотрѣлъ на меня и голосомъ, полнымъ страданья, безсвязными звуками, слетавшими съ его устъ, какъ рыданіе, продолжалъ напѣвать:

C'que j'ai sous mon jupon
Lari ron
C'que j'ai sous mon jupon...

Съ этого времени кузенъ Дебре прекратилъ свои прогулки по саду. Онъ сидѣлъ, прислушиваясь, въ библіотекѣ, появляясь въ корридорѣ при малѣйшемъ шумѣ въ комнатѣ. Каждый разъ, какъ мой отецъ или мать выходили отъ больного, они встрѣчались съ нимъ лицомъ къ лицу. Онъ

стоялъ у дверей съ расширенными глазами и подозрительно оглядывался.

— Ну, что? все хуже?

— Да, хуже!

— Знаете, придется на все наложить печати!

„Курочка“ каждый день приносила ему бутылку сидра, трехфунтовый хлѣбъ и ломтики холоднаго мяса. Онъ ѣлъ въ библіотекѣ, спалъ тамъ, вытянувшись въ большомъ креслѣ дяди, просыпаясь каждый часъ, чтобы подслушивать у двери и быть въ курсѣ дѣла. Разъ вечеромъ онъ вступилъ съ моей матерью въ споръ, начавшійся шепотомъ и мало по малу перешедшій въ большую ссору, полную ярости и угрозъ.

— Знаете...—началъ капитанъ,—придется на все наложить печати.

Мать моя, выведенная изъ терпѣнія этой повторявшейся кстати и некстати фразой, отвѣтила:

— Какое вамъ дѣло?.. Прежде, всего почему вы здѣсь?

— Почему?.. чортъ возьми!.. Да чтобы мѣшать вамъ красть, уносить съ собой отсюда имущество.

— Мнѣ?.. мнѣ?..—кричала мать.—Это вы роетесь во всѣхъ ящикахъ... воръ!.. Что вы здѣсь дѣлаете? Вы вѣдь—только его двоюродный братъ!..

— Уже не хватаетъ посуды, серебра... Я иду предупредить полицію.

— Я васъ съ жандармами выброшу вонъ!

Пришлось вмѣшаться отцу и заставить капитана прекратить всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи ругательства.

По мѣрѣ того, какъ состояніе здоровья дяди ухудшалось, кузенъ Дебре становился все болѣе дерзкимъ и недовѣрчиво-сварливымъ, какъ надсмотрщикъ на каторгѣ. Онъ слѣдилъ за моими родителями, спускался до самаго низкаго шпіонства и не скрывалъ больше своихъ циничныхъ надеждъ. Онъ постоянно ворчалъ:

— Надо будетъ наложить печати, чортъ возьми!.. Обо мнѣ-то въ завѣщаніи упоминается, а васъ всѣхъ тамъ и въ поминѣ нѣтъ... Аббатъ наплевалъ на васъ, чортъ возьми!

Онъ находилъ даже, что библіотека очень удалена отъ комнаты умирающаго. Онъ перенесъ большое кресло въ корридоръ и отнынѣ проводилъ дни и ночи на караулѣ, радуясь въ душѣ стонамъ, хрипу и тяжелому дыханію, доносившимся до него со скорбнаго ложа, гдѣ дядя умиралъ въ страшной галлюцинирующей агоніи. Мы слышали, какъ онъ ходилъ, плевалъ и ругался.

— Чортъ побери! Надо будетъ наложить печати!

Разъ, въ воскресенье, родители мои ушли въ Віантэ къ

ранней обѣднѣ. Мадлена и я остались подлѣ больного. Уже цѣлую недѣлю онъ лежалъ безъ сознанія и только два или три раза за все время приходилъ въ себя на очень короткія мгновенія. И въ эти короткіе, свѣтлые промежутки его сознанія, омраченнаго мучительной лихорадкой, невыразимо больно было слышать, какъ онъ говорилъ:

— Я доволенъ... доволенъ, что умираю такъ спокойно!.. Какое счастье сойти убаюканнымъ въ огромное море свѣта... Почему ты мнѣ больше не читаешь, мой маленькій Альбертъ?.. Когда я сплю, твое чтеніе меня успокоиваетъ... Оно прогоняетъ лихорадку... Почитай мнѣ немного изъ Лукреція!..

Въ безпокойныя ночи бредъ его часто принималъ эротическій характеръ, переходя въ страшное возбужденіе. Онъ начиналъ произносить скверныя слова и дѣлать неприличные жесты. Въ эти минуты моя мать не смѣла приближаться къ кровати. Она боялась неожиданнаго взрыва, внезапныхъ страстныхъ объятій, помня, какъ однажды высвободилась изъ нихъ съ большимъ трудомъ. Аббатъ схватилъ ее за талію, грубо привлекъ къ себѣ, и она почувствовала на своихъ губахъ ядовитое и горячее дыханіе чахоточнаго... Въ это воскресенье, когда мы съ Мадленой еще не успѣли пробыть въ его комнатѣ и получаса, аббатъ, сбросивъ съ себя простыню и одѣяло, всталъ вдругъ передъ нами въ непристойной позѣ. И прежде, чѣмъ мы могли помѣшать ему, онъ сошелъ съ кровати и, качаясь на своихъ длинныхъ высохшихъ ногахъ, бросился на другой конецъ комнаты... Тутъ произошла страшная, неописуемая въ своемъ отвратительномъ ужасѣ картина... Его плотскія желанія, то сдерживаемыя и побѣждаемыя, то необузданныя и удесятерявшіяся видѣніями ненасытнаго воображенія, вылились теперь изъ всего его тѣла и мозга неудержимымъ потокомъ. Точно тѣло его, вѣчно мучимое страстью, теперь освобождалось отъ нея... Испуская дикіе крики, онъ предавался воображаемому сладострастію, гдѣ идея любви граничила съ жаждой крови, страстность объятій съ убійствомъ. Онъ представлялъ себя Тиверіемъ, Нерономъ, Калигулой.

— Бичевать ихъ!.. Разорвать въ куски!..—рычалъ онъ.

Скрючивъ пальцы, какъ когти, онъ раздиралъ воздухъ, воображая, что рветъ женское тѣло. Онъ складывалъ губы въ чудовищный поцѣлуй, точно высасывалъ струящуюся красную кровь изъ зіяющихъ ранъ. Страшно было смотрѣть на это возбужденіе умирающаго тѣла, видѣть эти неподвижные, пустые, уже мертвые глаза, среди расширенныхъ, не мигающихъ вѣкъ. Наконецъ, онъ грохнулся на полъ, раскинулъ руки и сталъ искать чего-то вокругъ себя.

Пригвожденный сначала страхомъ, я не двигался съ мѣ-

ста. Со спутанными мыслями, съ обезсилѣвшими членами и сознаніемъ, что вотъ-вотъ я провалюсь сейчасъ въ адъ, я хотѣлъ было убѣжать. Но тяжелая скорбь удерживала возлѣ этого страшнаго, жалкаго и отвратительнаго созданія. Однако, когда я увидѣлъ, что дядя упалъ, я вскрикнулъ, зовя на помощь кузена Дебре. Тотъ явился съ своего караула въ корридорѣ, и мы подняли несопротивлявшагося больше аббата.

— Вотъ хорошо!—сказалъ онъ.—Спать хочу!..

Когда его уложили, онъ сталъ потихоньку всхлипывать и стонать, но до моего слуха дошелъ опять едва уловимый мотивъ пѣсни, неотступно преслѣдовавшій его въ бреду:

C'que j'ai sous mon jupon
Lari ron
C'que j'ai sous mon jupon...

Съ этого времени мнѣ запрещено было оставаться въ комнатѣ дяди. Я тоже расположился въ корридорѣ, какъ и кузенъ Дебре, не обращавшійся ко мнѣ ни разу ни съ однимъ словомъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ съ одного конца до другого, заложивъ руки за спину, съ озабоченнымъ видомъ, недовольный, находя, безъ сомнѣнія, что агонія затянулась неприлично долго. Онъ усталъ и былъ грязенъ. Вмѣсто прежняго опрятнаго костюма, теперь на немъ было пыльное платье, борода не брита, и черный шелковый платокъ повязанъ на шеѣ, какъ веревка. Иногда онъ входилъ въ библіотеку, и я слышалъ, какъ онъ хлопалъ тамъ по книгамъ, потомъ выходилъ, усаживался снова въ большое кресло, проклиная кого-то и бормоча себѣ въ усы какія-то непонятныя мнѣ слова.

Припадки дяди, между тѣмъ, дѣлались все чаще и все ужаснѣе. Изъ-за запертыхъ дверей раздавались неистовые, удушливые крики, хрипъ, ревъ. Слышенъ былъ скрипъ тюфяка и кровати, какой-то глухой, страшный шумъ, производившій на меня впечатлѣніе происходившаго въ комнатѣ убійства. Время отъ времени голосъ моего отца умолялъ:

— Жюль, другъ мой, успокойся!

— Иди сюда!.. А! негодница!.. Отхлестайте ее!—рычалъ аббатъ.

Прибѣжалъ кюрэ Бланшаръ, пробылъ тамъ съ полчаса и вышелъ въ сопровожденіи моей матери. Они разговаривали шепотомъ.

— Это ужасно!.. ужасно!.. Онъ больше никого не узнаетъ,— говорила мать.

— Къ счастью,— отвѣчалъ кюрэ. — Иначе онъ ни за что

не согласился бы... Но дѣло сдѣлано... Нѣтъ надобности, чтобы посторонніе знали...

Цѣлый день прошелъ въ томъ, что люди приходили и уходили, всѣ были въ смятеніи, торопились, все больше и больше теряли голову. Капитанъ передвинулъ свой караулъ ближе къ двери и не спускалъ съ нея глазъ, въ ожиданіи, что изъ нея вылетитъ бѣдная, грѣшная душа и исчезнетъ въ пространствѣ.

Агонія продолжалась еще два дня, два ужасныхъ дня, показавшихся мнѣ двумя вѣками. Самъ не знаю, какъ я не сошелъ съ ума. Я жилъ въ безпрерывномъ ужасѣ; разумъ мутился, голова не переставала кружиться. Подъ вліяніемъ рѣзкихъ впечатлѣній, воспріимчивость моя приняла уродливыя формы: самыя обыкновенныя вещи казались страшными, ненормальными, сверхъестественными. Мнѣ казалось, что мои отецъ и мать, когда проходили по корридору, тоже скользили, уносясь вмѣстѣ съ тѣнями, какъ кошмарныя видѣнія; они тоже заимствовали что-то изъ безумныхъ припадковъ аббата. Нѣсколько разъ появлявшійся кюрэ представлялся мнѣ страннымъ и необыкновеннымъ призракомъ, вышедшимъ изъ головы какого-то безумца. Такъ же, какъ и дядя, онъ казался мнѣ оборотнемъ съ черными крыльями, какъ у огромной мрачной хищной птицы. Хотя я больше и не заходилъ въ комнату больного въ эти ужасные дни, я не могъ отдѣлаться отъ страшнаго образа Жюля, какимъ я видѣлъ его тогда. Напротивъ, онъ преслѣдовалъ меня, множился въ безчисленныхъ формахъ и видахъ. Каждый хрипъ, каждое удушье, конвульсивный крикъ и икота, ясно доносившіеся черезъ стѣну до моего слуха, представлялись мнѣ облеченными въ плоть, видимыми, осязаемыми. Они толпились безпорядочной массой, одухотворенные странной, чудовищной жизнью, все выростая въ своемъ могильномъ ужасѣ Я хотѣлъ бѣжать, но не могъ. Я оставался на мѣстѣ; слышалъ этотъ голосъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ дыханіемъ извергавшимъ непристойности и проклятія, оставался и слышалъ послѣдній взрывъ возмущеннаго духа, послѣднія усилія обреченной плоти. И я вспомнилъ трогательныя слова дяди:

— Какое счастіе уйти, убаюканнымъ, въ огромное море свѣта!..

Бывали часы, когда я считалъ себя мертвымъ и чувствовалъ, какъ погружаюсь въ страшный мракъ вѣчной кары.

Въ концѣ второго дня шумъ затихъ и голосъ умолкъ. Прошло, должно быть, около часу въ молчаніи. Наступила ночь; сквозь дверную щель пробивался желтоватый свѣтъ. Я былъ совершенно одинъ. Кузенъ Дебре заперся въ библіотекѣ. Отецъ вышелъ и позвалъ меня.

— Поди простись съ дядей, дитя мое,—прошепталъ онъ. Двѣ большія слезы скатились по его поблѣднѣвшимъ щекамъ.

Я вошелъ въ комнату. Дядя отдыхалъ, закинувъ голову на подушку. Можно было подумать, что онъ спитъ: лицо конвульсивно подергивалось, тѣло было неподвижно. Время отъ времени челюсти его судорожно сжимались, и руки, лежавшія поверхъ простыни, вздрагивали. Изъ едва открытыхъ устъ вылеталъ слабый свистящій звукъ, подобный бульканью воды изъ бутылки. Отросшая борода отбрасывала рѣзкую тѣнь на кожу, пожелтѣвшую на выступахъ костей, съ синими пятнами на мускулахъ. У ногъ кровати, на колѣняхъ, молилась моя мать. Но молилась ли она?..

Я приблизился; съ замирающимъ сердцемъ, запечатлѣлъ я поцѣлуй на лбу дяди. И въ короткое мгновеніе, когда уста мои прикоснулись къ его безчувственной кожѣ, въ умѣ моемъ промелькнула вся жизнь этого несчастнаго человѣка, съ того момента, какъ онъ уморительнымъ жестомъ выбросилъ черезъ заборъ мои книги, до той страшной послѣдней сцены въ его комнатѣ... Я разрыдался. Мать моя встала съ колѣнъ, скрестила умирающему руки на груди и, всунувъ ему въ пальцы принесенное съ собой маленькое мѣдное распятіе, опять стала на молитву.

Не смотря на горе, въ ушахъ моихъ звенѣлъ мотивъ шансонетки... Казалось, онъ раздавался всюду: и въ шепотѣ моей матери, и въ мало-по-малу затихавшемъ хрипѣніи умирающаго, похожимъ на мурлыканье кошки:

Qu'as tu sous ton jupon?
Lari ron...

И, задыхаясь отъ слезъ, я мысленно отвѣчалъ себѣ:

C'est un p'tit chat tout rond
Lari ron...

Когда я вошелъ въ библіотеку, то увидѣлъ кузена Дебре на лѣсенкѣ передъ полками; со свѣчею въ рукѣ, онъ производилъ осмотръ книгъ. Онъ опять старался найти дорогія и рѣдкія изданія, не дававшія ему покоя.

— Ну, какъ Жюль?..—спросилъ онъ.—Что-то не слышно больше его хрипа.

— Онъ умеръ,—сказалъ я, вновь разрыдавшись.

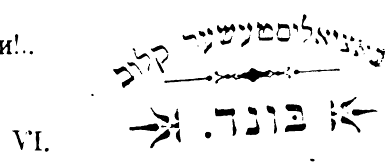
Капитанъ чуть не упалъ навзничь и принужденъ былъ удержаться за доску одной изъ полокъ.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ.

Онъ быстро спустился съ лѣсенки, схватилъ свою хорь-

ковую шапку, лежавшую на столѣ, и вышелъ, съ громкимъ крикомъ:

— Надо наложить печати!..



VI.

Семья Дервель сошлась въ конторѣ нотаріуса для выслушанія завѣщанія моего дяди. Нотаріусъ прежде всего далъ всѣмъ осмотрѣть большой четыреугольный желтый конвертъ, запечатанный пятью зеленоватыми сургучными печатями. На конвертѣ стояла надпись: „Мое завѣщаніе". Потомъ, обративъ общее вниманіе на то, что печати не тронуты, нотаріусъ взломалъ ихъ и, вытащивъ изъ конверта листъ гербовой бумаги, сложенный пополамъ, медленно и торжественно прочелъ слѣдующій странный документъ:

„Капуцины, 27 сентября 1868 года.

Я никогда не вѣрилъ въ искренность призванія деревенскихъ священниковъ и всегда думалъ, что они служители церкви только по бѣдности. Ремесло священника особенно привлекаетъ лѣнтяевъ, мечтающихъ о жизни, полной грубыхъ заботъ, праздности и беззаботности. Оно прельщаетъ также тщеславныхъ и дурныхъ сыновей, презирающихъ сгорбленныя спины въ синихъ блузахъ и мозолистые пальцы своихъ отцовъ. Для нихъ священническій санъ, это—буржуазное удобство приходскаго дома, сытный столъ и низкіе поклоны прохожихъ при встрѣчѣ. Если бы большинство этихъ жалкихъ, возмущенныхъ и завистливыхъ крестьянъ родились въ достаткѣ, они никогда ни на минуту не подумали бы вступить въ какой-нибудь орденъ, а если бы, послѣ поступленія въ орденъ, имъ вдругъ свалилось богатство, то всѣ почти поспѣшили бы выйти изъ него. Я хочу дать этому блестящее и публичное доказательство.

Мое завѣщаніе и есть это доказательство.

Первому же священнику въ епархіи, который разстрижется послѣ моей смерти, я завѣщаю въ полную собственность—все движимое и недвижимое имущество, состоящее въ слѣдующемъ:

1) Мое помѣстье „Капуцины", со всѣми угодьями, и всю находящуюся въ домѣ обстановку, съ погреба до чердака, за исключеніемъ только библіотеки, о коей рѣчь ниже.

2) Ежегодную ренту въ три тысячи пятьсотъ франковъ, заключающуюся въ различныхъ цѣнныхъ бумагахъ, списокъ коихъ хранится у нотаріуса въ Віантэ.

3) Наличныя деньги, купоны, векселя и проч., что найдется у меня послѣ моихъ похоронъ.

Не сомнѣваюсь, что когда воля моя станетъ извѣстна, очень многіе священники разстригутся и явятся съ жадностью требовать мой домъ, мои доходы, деньги, обстановку. Вотъ почему обязую моего душеприказчика точно и подробно установить званіе „перваго разстриги". Тутъ-то и откроется источникъ всякой ненависти, дикой зависти, гнусныхъ страстей, нечистой лжи, лжесвидѣтельства, всего того, что составляетъ душу священника. Если случится, что въ одинъ и тотъ же день, въ одну и ту же минуту разстригутся двадцать, пятьдесятъ, двѣсти поповъ, жребій долженъ рѣшить, кому изъ этихъ со-разстригъ будетъ принадлежать завѣщанное мною свободно и съ такимъ удовольствіемъ мое имущество. Они разыграютъ его или на соломенкахъ, или въ орелъ и рѣшетку подъ наблюденіемъ моего душеприказчика.

Этотъ неизвѣстный и недостойный наслѣдникъ обязанъ держать при себѣ Мадлену Куракенъ, мою служанку, платить ей сто двадцать франковъ въ годъ жалованья или, по ея желанію, предоставить ей пожизненную ренту четыреста франковъ ежегодно.

Прошу г. Сервьера, землевладѣльца въ Віантэ и моего друга, взять на себя обязанности душеприказчика. Прошу его такъ же, на память о нашихъ добрыхъ отношеніяхъ и въ вознагражденіе за доставленныя ему мною непріятности, принять отъ меня въ даръ мою библіотеку, въ томъ составѣ, въ какомъ она будетъ въ день моей смерти. Прошу съ особой заботливостью исполнить слѣдующій параграфъ:

Въ комнатѣ противъ библіотеки г. Сервьеръ найдетъ старый черный чемоданъ съ отдѣлкой изъ свиной кожи на крышкѣ. Поручаю г. Сервьеру, на четвертый день послѣ моей смерти, этотъ чемоданъ сжечь во дворѣ „Капуциновъ" въ присутствіи мирового судьи, нотаріуса и полицейскаго коммиссара.

Желаю, наконецъ, чтобы похороны мои были просты и непродолжительны; чтобы не было никакой заупокойной обѣдни, чтобы не зажигали свѣчъ во время богослуженія: оно должно быть такимъ же, какъ и при похоронахъ бѣдняковъ. Впрочемъ, такъ какъ я приказываю не расходовать никакихъ денегъ на совершеніе моихъ похоронъ, то, къ несчастью г. кюрэ Бланшара, я спокоенъ и не думаю объ этомъ.

Жюль-Пьеръ-Мари Дервелль,
священникъ".

Нотаріусъ окончилъ чтеніе. Покачивая головой, онъ нѣсколько разъ перевернулъ гербовый листъ бумаги, осматривая его съ сокрушеннымъ сердцемъ.

— Это все! — сказалъ онъ, дѣлая рукой недоумѣвающій жестъ. — Совершенно все. Желаете получить копію?—спросилъ онъ, подымаясь.

По утвердительному знаку моего отца, нотаріусъ вышелъ въ контору съ завѣщаніемъ въ рукѣ.

Всѣ были подавлены, уничтожены. Кузенъ Дебре не двигался. Устремивъ глаза въ полъ, онъ, казалось, окаменѣлъ: до того мертва была его неподвижность, до того изумленіе сковало его тѣло, превратило въ инертную глыбу. Однако, черезъ минуту, онъ также всталъ, громко свиснулъ и воскликнулъ глухо:

— А! негодяй, чортъ его возьми!

И ни на кого не взглянувъ, онъ вышелъ, страшно ругаясь.

Что касается отца, то, конечно, онъ всегда боялся какойнибудь загробной „штуки“ со стороны аббата, но такого завѣщанія всетаки никогда не могъ себѣ представить! Его трусливый, буржуазный умъ не понималъ этого завѣщанія, превосходившаго всѣ ужасы непростительнаго святотатства. Оно навѣки самой смертью запечатлѣвало память о безбожіи, неблагодарности, безобразіи и обманѣ, составлявшихъ сущность жизни его брата; то былъ послѣдній хрипъ нераскаявшейся души, послѣдняя отрыжка демоническаго ума, и отнынѣ онъ будетъ видѣть ее, слышать постоянно. Кромѣ того, отца жестоко огорчала оскорбительная безучастность дяди къ семьѣ, заботившейся о немъ, преданной до самой послѣдней минуты. Отцу стало жаль себя и меня и, въ огорченіи, со слезами на глазахъ онъ повторялъ:

— Ничего для меня... ни одного подарка на память Альберту!.. Ну, жена моя, я еще понимаю... Но я... ребенокъ!..

Когда нотаріусъ вернулся съ копіей, отецъ почувствовалъ необходимость облегчить немного свою душу.

— Какъ ни какъ, а тяжело!—сказалъ онъ тихо и грустно.— Конечно, не изъ-за его состоянія... онъ воленъ былъ располагать имъ, хотя такое завѣщаніе—подлость... И какой пріемъ! Ничего на память Альберту, своему крестнику. Бѣдное дитя!.. Согласитесь сами: онъ долженъ былъ бы оставить ему библіотеку... Вѣдь это не Богъ знаетъ что, не правда ли?.. А вмѣсто того—ни слова! Между тѣмъ, не разъ въ Рандоне, да и не дальше, какъ вчера еще въ „Капуцинахъ“, я отказалъ ради него всѣмъ своимъ больнымъ. О! люди не мало посмѣются!..

Нотаріусъ съ сочувствіемъ вторилъ мимикой и жестами огорченію моего отца.

— Да, да!—повторялъ онъ,—ужасно досадно!.. ужасно досадно!.. Конечно, я не даю вамъ совѣта, но мнѣ кажется за-

вѣщаніе весьма спорнымъ... Не могу сказать, въ чемъ именно... Впрочемъ, вы поступите по своему усмотрѣнію!..

— Процессъ!—вздохнулъ отецъ.—О, нѣтъ, нѣтъ! Къ тому же оскорбленіе вѣдь не сгладится...

Онъ спряталъ копію въ портфель и поспѣшилъ домой, гдѣ его ждали Робены.

Мать съ трудомъ сдерживалась при чтеніи завѣщанія, а г-жа Робенъ испускала негодующіе крики.

— Оно недѣйствительио, недѣйствительно!—кричалъ Робенъ.—Это—капище безбожія и безнравственности... Оно недѣйствительно! И какъ отдавать наслѣдство первому разстригѣ!.. Завѣщаніе недѣйствительно.

Въ теченіе трехъ часовъ онъ цитировалъ статьи гражданскаго уложенія и рѣшенія касаціонной палаты. Въ глазахъ моей матери горѣлъ мрачный и страшный лучъ ненависти. Отецъ продолжалъ ныть:

— Ничего на память мальчику!.. И если бы вы знали, какъ мы ухаживали за нимъ!.. Альбертъ читалъ ему вслухъ... Вѣдь онъ—его крестникъ... Мыслимо ли это, г-жа Робенъ?.. О! Сервьеры должны жестоко смѣяться надъ нами!.. Библіотеку имъ? Скажите на милость!

Похороны были просты и непродолжительны, какъ того желалъ мой дядя. Было почти весело. Ни одинъ патеръ изъ сосѣдняго прихода не явился. Какъ у бѣдныхъ, ни порталъ церкви, ни алтарь не были задрапированы, и органъ безмолвствовалъ. За то за гробомъ шла огромная, насмѣшливо перешептывавшаяся толпа, комментировавшая на всѣ лады завѣщаніе аббата. Шутливыя, презрительныя замѣчанія перелетали отъ одной группы къ другой; исторія о чемоданѣ переходила изъ устъ въ уста и сопровождалась сдержаннымъ ироническимъ смѣхомъ, прерываемымъ ритмическимъ звяканіемъ колокольчика и время отъ времени хриплыми возгласами единственнаго пѣвчаго. На кладбищѣ толпа увеличилась, и, толкаясь, всѣ стали вокругъ могилы. Можетъ быть, ждали, что дядя сброситъ вдругъ крышку гроба, выставитъ свое уродливое лицо, выкинетъ послѣднюю штуку, выкрикнетъ послѣднее богохульство. Когда яма была засыпана, зрители медленно разошлись, недовольные, что не видѣли ничего сверхъестественнаго и смѣшного. Никто не оросилъ каплей святой воды голый холмъ земли, гдѣ не было ни вѣнка, ни цвѣточка.

На четвертый день послѣ смерти дяди мы съ отцомъ отправились въ „Капуцины“. Робенъ, обязанный присутствовать

при сожженіи чемодана, настаивалъ, чтобы и мы были тамъ. Сервьеръ, нотаріусъ и полицейскій коммиссаръ уже ждали. Посреди двора приготовили подобіе маленькаго костра изъ трехъ сухихъ полѣньевъ и хвороста для большей силы огня. Робенъ опечаталъ все въ „Капуцинахъ“. Удостовѣрились въ цѣлости печатей на чемоданѣ, и Сервьеръ съ полицейскимъ коммиссаромъ вынесли его во дворъ и осторожно возложили на дрова. Это былъ торжественный, почти страшный моментъ. Тайна, хранившаяся на днѣ чемодана, тревожила всѣхъ. И вотъ она расплывется въ дыму! Ея боялись, но всѣмъ хотѣлось знать ее. Взоры наши были прикованы къ чемодану, точно силились проникнуть сквозь изъѣзденныя червями скоробленныя доски, скрывавшія подъ собою... что?..

Судья, блѣдный, подошелъ къ отцу и спросилъ:

— А что, если тамъ взрывчатыя вещества?

Отецъ сталъ разувѣрять его.

— Если бы было такъ,—сказалъ онъ,—то онъ поручилъ бы сжечь чемоданъ мнѣ.

Сервьеръ пододвинулъ зажженную солому подъ дрова. Сначала въ спокойномъ воздухѣ поднялось густое облако дыма. Оно колебалось легкимъ дуновеніемъ вѣтра. Мало по малу огонь разгорѣлся, затрещалъ, и вскорѣ желтые и синеватые языки пламени охватили весь чемоданъ. Онъ вспыхнулъ и свалился въ середину костра; источенныя червями боковыя доски вдругъ распались и разскочились въ стороны; цѣлый ворохъ бумагъ, странныхъ гравюръ, чудовищныхъ рисунковъ посыпался оттуда, и мы увидѣли скорченныя огнемъ огромныя женскія тѣла, чудовищную наготу, изображенія разныхъ частей тѣла во всевозможныхъ положеніяхъ, рисунки невообразимой непристойности... Пламя коробило ихъ и придавало имъ невѣроятныя движенія. Мы всѣ, пораженные такимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, приблизились къ костру съ расширенными глазами.

— Ступай прочь! ступай прочь! — кричалъ мнѣ отецъ, схвативъ меня за руку и далеко уводя отъ костра.

— Уходи, уходи!

Я отошелъ съ смущенной душой и остановился у входа въ лавровую аллею. Остальные пять зрителей простояли у огня добрую четверть часа, склонившись надъ бумагами, и съ вытянутыми шеями съ любопытствомъ и съ жадностью впивались въ нихъ глазами. Огонь погасъ, дымъ разсѣялся. А они все смотрѣли на кучку остывшаго пепла.

Возвращеніе въ Віантэ прошло въ молчаніи. На площади, прощаясь съ Робеномъ, я взглянулъ на домъ дѣвицъ Лежаръ. У окна сидѣлъ маленькій Жоржъ и шилъ, еще болѣе

сгорбившись, еще болѣе желтый и высохшій. Руки его то подымались, то опускались, вслѣдъ за иглой.

— До вечера!—сказалъ отецъ мировому судьѣ.

— До вечера!—отвѣтилъ Робенъ.

Вечеромъ жизнь вступила въ прежнюю колею. Нѣсколько разъ отецъ повторилъ:

— Но что-жъ онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?

И мнѣ казалось, что я слышу хохотъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, отдаленный, глухой хохотъ, изъ-подъ земли.

КОНЕЦЪ.

БЕЗЪ ОКОНЪ.

(Изъ жизни Закавказья).

Громадная сѣрая масса горъ, точно широкая волна золы изъ какой-то гигантской печи, охватываетъ полукругомъ ровную, желтоватую долину, всюду покрытую блестящими пятнами солончака. Соль безнадежно выѣла все кругомъ: нѣтъ ни деревца, ни кустика. Только кое-гдѣ вздрагиваютъ отъ вѣтра пучки колючаго верблюжатника, едва примѣтной травки, не боящейся ни солнца, ни вьюги и уступающей однимъ жесткимъ губамъ верблюда.

Сѣрый полукругъ горныхъ массъ замкнутъ съ одной стороны чернымъ длиннымъ хребтомъ. Темный силуэтъ хребта, точно крышка гроба, загораживаетъ выходъ изъ этого мертваго круга. Съ обѣихъ сторонъ крышки узкіе корридоры ущелій, и вѣтеръ непрерывно врывается въ долину и свиститъ, и плачетъ, встрѣчая острые углы каменнаго хряща, всюду усыпавшаго склоны горъ.

Прямо противъ хребта, у подножья ползучей сѣрой массы пріютилось кочевье: десятокъ прокопченныхъ кибитокъ и какое-то подобіе дома: каменный кубъ съ черной дырой входа и слѣпыми безъ оконъ стѣнами.

Осень. Пронзительный вѣтеръ. Холодъ и дождь, дождь непрерывный. Степь осклизла, осклизли и склоны горъ. Идти по нимъ теперь—невѣроятный трудъ: все ползетъ подъ ногами, вѣтеръ сбиваетъ съ дороги и, того и гляди, вмѣстѣ съ комкомъ скользкой глины скатишься, какъ по льду, въ пропасть. И въ горахъ, и въ долинѣ не видно ни одной живой души: все попряталось отъ вѣтра, дождя и холода. Кочевье тоже замерло; изрѣдка мелькнетъ темный силуэтъ мужчины, или покажется фигура женщины съ ребенкомъ въ одной рукѣ и съ кувшиномъ въ другой. Положивъ ребенка брюшкомъ на ладонь, женщина начнетъ поливать спинку и ножки ребенка, пришлепывая и вытирая мокрой рукой и не обращая никакого вниманія на холодъ, дождь и дѣтскій визгъ. По-

томъ вновь все тихо. И такъ цѣлый день,—даже собакъ не видно.

Но внутри кибитокъ необычное оживленіе: женщины шепчутся, перерываютъ скарбъ, вытаскиваютъ ковры—работу цѣлаго года, прикидываютъ ихъ на рукахъ и по сту разъ мѣряютъ и ступнями, и ладонями и локтями. Пріѣхалъ скупщикъ, толстый персъ Курба̀нъ-Али, и надо тащить ему работу и за долгъ, и въ продажу, и въ промѣнъ.

Толстый Курбанъ важенъ, и ему отвели каменный „домъ"—хану̀. Собственно, домъ этотъ построенъ исключительно для проѣзжихъ чиновниковъ, но Курбанъ богатъ и въ дружбѣ съ властями, да и чиновники наѣзжаютъ разъ въ годъ.

Курбанъ со старшиной сидятъ передъ разведеннымъ въ углу костромъ, на которомъ жаркой массой лежитъ кизякъ, и старшина вспоминаетъ, какъ приставъ въ одинъ изъ своихъ наѣздовъ приказалъ построить эту самую „хану̀". Исполнить приказаніе было трудно. Кругомъ на тридцать верстъ только сыпучія горы, да хрящъ шириной въ ладонь и тонкій, какъ доска.

— Сен-алла̀, ага̀,—ради Бога, — молилъ старшина пристава,—бичарымъ-ды, — бѣдняки, негдѣ камня достать!—и старшина низко кланялся, такъ низко, что цѣпь со знакомъ его достоинства и неприкосновенности касалась земли.

Приставъ задумался, потомъ притянулъ къ себѣ за цѣпь старшину и стукнулъ его по затылку, отчего изъ глазъ старшины посыпались искры, а съ головы соскочила папаха.

На другой день видны были верблюды съ людьми, шедшіе къ Шахъ-Да̀ху за камнями, а черезъ недѣлю тѣ же люди шли съ Шахъ-Да̀ха. И цѣлый мѣсяцъ возили, лѣпили, и выросла „хана̀", протекавшая въ любой дождь и трескавшаяся въ любую жару.

Помнитъ старшина, какъ черезъ годъ приставъ, теперь уже со слѣдователемъ (у сосѣдей убили горскаго еврея разносчика) опять проѣзжалъ мимо, и приставъ говорилъ слѣдователю, сидя внутри ханы̀:

— Вотъ видите, Семенъ Семенычъ, стоитъ только приказать—и можно чудеса натворить,—глядите, помѣщеньице-то!

Слѣдователь оглядѣлся и молча отодвинулся отъ холодныхъ капель дождя, падавшихъ съ потолка „помѣщеньица".

Кучки кизяка тлѣютъ, покрываются пепломъ, и старшина глядитъ, задумавшись, на огоньки, бѣгающіе подъ тонкимъ слоемъ золы.

— Бешь мона̀тъ сенѐ, слышишь? Пять рублей тебѣ, бешь мона̀тъ,—говоритъ, между тѣмъ, Курбанъ тихо и убѣдительно; онъ разставляетъ для ясности всю пятерню и тычетъ ею въ грудь старшины.

Старшина вздрагиваетъ и съ наслажденіемъ вслушивается въ плавную, журчащую рѣчь Курбана.

— Только ты недоимками, недоимками-то ихъ!—мурлычитъ Курбанъ-Али.

— Знаю,—говоритъ старшина,—а ты, унъ монàтъ менэ,— десять рублей, а? Хорошо бы!.. Чёкъ якши унъ монатъ...

Курбанъ-Али божится, что ковровъ у него больше никто не беретъ, призываетъ въ свидѣтели и Аллаха, и Магомета, и пророка Али, своего покровителя, вновь тычетъ пятерней старшину и, наконецъ, въ видѣ послѣдняго аргумента клянется вѣрой.

— Месса бàхъ,—говоритъ онъ съ пафосомъ, но ничто не дѣйствуетъ. Старшина много не возражаетъ, а только жуетъ свои „унъ монàтъ" вяло, тихо и упрямо. Курбанъ сдается, прибавляетъ еще пять рублей, и сдѣлка кончена: старшина пуститъ въ ходъ тиски податей и недоимокъ, а Курбанъ начнетъ скупать ковры и заплатитъ потомъ старшинѣ десять рублей. Пріятели долго говорятъ еще о дѣлахъ и жмутся къ костру, слушая вой вѣтра снаружи.

Вѣтеръ съ ревомъ трясетъ хану̀, сыплетъ въ нее дождемъ, и цѣлый туманъ холодной дождевой пыли окутываетъ кочевье. Издали кажется, что всѣ кибитки похожи одна на другую, и что подъ темнымъ куполомъ каждой мракъ и тишина. Но въ средней кибиткѣ богача Садыха веселый женскій смѣхъ. При свѣтѣ чиракà его жена и сестра перебираютъ ковры второй молоденькой жены Садыха, уѣхавшей къ роднымъ. Она совсѣмъ дитя, и старшія женщины не любятъ ея по южному—страстно, неудержимо, не любятъ за все: за работу и пѣсню, за плачъ и смѣхъ, за большіе испуганные глаза и маленькія пухлыя губы. Тонко, незамѣтно, ни для кого посторонняго нечувствительно, ей непрерывно отравляютъ каждую минуту жизни. Иногда, прорвавшись, старшія дѣйствуютъ открыто: онѣ кидаются на младшую съ бранью и крикомъ, колотя чѣмъ попало, и тогда кажется, что въ кибиткѣ стая шакаловъ дѣлитъ добычу. Вой, плачъ, визгъ, растрепанные волосы и клочья одежды, все это — обычныя явленія въ кибиткѣ Садыха, какъ при немъ, такъ и безъ него. Только при Садыхѣ плачутъ старшія женщины, а колотитъ одинъ Садыхъ и колотитъ за синяки на тѣлѣ и царапины на лицѣ у младшей. И тогда все стихаетъ на время, пока Садыхъ дома.

Теперь Садыха нѣтъ, и старшія придумали месть и весело смѣются. Молодая цѣлый годъ ткала коверъ, тонкій, какъ сукно, съ какимъ-то незнакомымъ имъ рисункомъ. Въ ея родномъ кочевьѣ всѣ наизусть знали этотъ рисунокъ, и ребенокъ-женщина, почти безсознательно вышивая могучій

темный оваль посреди свѣтло-дымчатой каймы, вдругъ замирала, вспоминая мрачный утесъ родной горы, на краю безконечной молочно-синей степи. Каждый шовъ ковра, казалось, связывалъ ея сердце съ далекимъ кочевьемъ.

Вотъ этотъ-то коверъ и продадутъ теперь женщины, и, представляя себѣ, какъ затуманятся большіе темные глаза соперницы, а ея побѣлѣвшія губы будутъ долго шептать что-то, жена и сестра Садыха смѣются и хлопаютъ другъ друга по плечамъ, звеня ожерельями. Онѣ торопятся и готовы бѣжать къ Курбану сейчасъ же, но тотъ пріѣхалъ недавно и, можетъ, еще отдыхаетъ.

А Курбанъ, дѣйствительно, отдыхаетъ: онъ согрѣлся у огня, и его толстыя ноги въ чулкахъ пріятно шевелятся подъ тепломъ жаркаго костра.

— Менъ-гедырэмъ—пойду я,—говоритъ старшина, вставая. Онъ беретъ палку, вынимаетъ изъ кармана цѣпь со значкомъ и надѣваетъ. Предстоитъ дѣло горячее, и не одна затрещина будетъ висѣть надъ его головой. Можетъ, шайтанъ нашлетъ что нибудь и похуже,—кто знаетъ? Подати, а тѣмъ болѣе, недоимки платятъ неохотно, съ угрозами, бранью, а то и драками даже въ обыкновенное время, а тутъ еще Курбанъ пріѣхалъ,—надо принажать. И старшина опасливо щупаетъ значекъ,—теперь онъ при исполненіи служебныхъ обязанностей: попробуй-ка обругать его, а не только ударить, и тотчасъ старшина неистово заоретъ про Сибирь, про острогъ и даже про веревку.

„Ну, ругать-то будутъ, и очень“...—соображаетъ старшина,—„вотъ развѣ колотить не станутъ“...—съ сомнѣніемъ думаетъ онъ и сжимаетъ одной рукой палку, а другой трогаетъ кинжалъ подъ чухой. Это тоже охраняетъ „при исполненіи служебныхъ обязанностей“.

Выйдя изъ ханы̀, старшина морщится: прямо въ лицо летитъ залпъ дождевыхъ капель. Нѣкоторое время онъ раздумываетъ, куда идти. Тотчасъ направо кибитка Гюль-Мамѐда. „Этотъ придавленъ верблюдомъ“... — вспоминаетъ старшина и испуганно задыхается: его собственный сынъ тоже ушелъ съ караваномъ и... какъ знать?.. „Храни его Аллахъ!..“—шепчетъ старшина, быстро минуя кибитку.

А по сосѣдству съ ханой, дѣйствительно, цѣлая драма: на старомъ тюшакѣ лежитъ неподвижно Гюль-Мамѐдъ, стройный худощавый человѣкъ. Лежитъ онъ уже второй день, съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ съ караваномъ въ послѣдній разъ. Все шло хорошо въ пути. Уже кончалась дорога, уже сквозь сѣть дождя мелькнула родная долина, какъ вдругъ одинъ изъ верблюдовъ, единственный верблюдъ Гюль-Мамѐда, поскользнулся и крикнулъ. Не думая, что̀ онъ дѣлаетъ, и со-

дрогаясь только отъ мысли, что верблюдъ упадетъ и скатится съ кручи, Мамедъ кинулся и подставилъ ему сбоку сильное плечо подъ тюкъ съ грузомъ. Но и плечо Мамѐда не сдержало тяжкаго груза; верблюдъ крикнулъ еще разъ и еще—и упалъ, не переставая кричать страннымъ скрипучимъ крикомъ. Съ кручи онъ всетаки не скатился: помѣшало тѣло Мамеда, лежавшее подъ нимъ съ оскаленными бѣлыми зубами и съ судорожно вцѣпившимися въ тюкъ ногтями.

Подбѣжавшіе караванчѝ сняли грузъ, подняли бившагося верблюда и неподвижнаго Мамеда. Верблюдъ все время кричалъ и скрипѣлъ, Мамедъ не издалъ ни звука. Только, когда его приподымали, — лицо у него посинѣло, на лбу выступилъ потъ, и сквозь сжатые зубы проступила кровавая пѣна.

Съ тѣхъ поръ Мамедъ лежитъ въ кибиткѣ молча, съ закрытыми глазами, и только по лицу его пробѣгаетъ судорога, когда Банэ̀-Хану̀мъ, его мать, тихо вытираетъ ему кровавую пѣну съ губъ. Послѣ того, какъ привезенный издалека хакѝмъ *) только покачалъ головой, Банэ̀-Хану̀мъ точно потеряла что-то и все озабоченно ищетъ. Она, мягко ступая, непрерывно ходитъ по кибиткѣ, прислушиваясь къ дыханію сына. Порой она замираетъ на мѣстѣ; лицо ея тогда постепенно мертвѣетъ, губы открываются, какъ у сына, и обнажаютъ два ряда стиснутыхъ зубовъ. Тогда Банэ̀-Хану̀мъ безшумно и быстро садится тамъ, гдѣ стоитъ, медленно запрокидывается навзничь и лежитъ неподвижно.

И долго въ полумракѣ кибитки эти двѣ фигуры кажутся мертвыми и кладутъ на все кругомъ холодъ смерти.

Старшина минуетъ поспѣшно страшную кибитку и все оглядывается, точно боясь, что несчастіе этихъ людей пройдетъ сквозь ветхія кошмы и прилипнетъ къ нему.

Навстрѣчу старшинѣ идетъ здоровенный десятникъ; составляется военный совѣтъ, и власти трогаются къ первой кибиткѣ налѣво.

— Селямъ алейкумъ!—говоритъ старшина, входя.

— Алейкумъ селямъ! — отвѣчаетъ высокій бѣлобородый старикъ и сейчасъ же прибавляетъ:—Чнэ истѐр‘сэнъ?.. Что надо?

— Да вотъ съ тебя слѣдуетъ...—говоритъ старшина, припоминая и разглядывая мѣтки на своей палкѣ.

Онъ не умѣетъ ни читать, ни писать и все держитъ въ памяти, или рѣжетъ на палкѣ. Старикъ тоже не знаетъ грамоты, да и кто знаетъ? Надо пройти всю долину, перевалить

*) „Хакимъ“—туземный знахарь.

хребетъ, пройти еще двѣ долины, ущелье и три хребта, и тамъ будетъ помощникъ муллы, такъ тотъ умѣетъ только читать. А если идти еще дальше, увидать по дорогѣ девять большихъ кочевій и двѣнадцать малыхъ, то найдешь и муллу, который пишетъ и читаетъ. Такъ не идти же къ нему за три дня пути! И потому все держатъ въ памяти, или рѣжутъ на палкахъ и стойкахъ кибитокъ.

— Билйрэмъ,—знаю,—сейчасъ-же откликается старикъ и молча идетъ къ хурджинамъ. Порывшись, онъ звякаетъ монетами и подаетъ старшинѣ деньги. Тотъ считаетъ.

— Элé-ды, такъ... — такъ говоритъ старшина, нѣсколько растерянно. Онъ не ждалъ этого. „Откуда старый чортъ досталъ денегъ...“ — думаетъ онъ, смотря кругомъ. Въ углу, качаясь изъ стороны въ сторону, сухая старуха болтаетъ курдюкъ съ сыромъ. Она третій день трясетъ его безъ устали, потомъ оставитъ киснуть. Старшина нерѣшительно мнется, искоса поглядывая на груду ковровъ, натканныхъ снохами старика.

— Курбанъ пріѣхалъ, — кидаетъ десятникъ, поворачиваясь къ выходу и собираясь уходить.

Старикъ что-то бормочетъ про чорта и Курбанову душу, и власти сконфуженно уходятъ. „Теперь не отдастъ дешево...“ — думаетъ старшина и, разозленный, рѣшительно направляется къ слѣдующей кибиткѣ. Вскорѣ оттуда раздается визгливый женскій крикъ и твердыя ноты мужского голоса.

— Продамъ!—заявляетъ азартно старшина, выходя и держась рукой за полу кибитки:—слышишь? Верблюда продамъ, если не отдашь! Мнѣ надоѣло изъ-за васъ въ холодной сидѣть!

Здѣсь удача—денегъ не нашлось, потащутъ къ Курбану ковры за гроши. Но старшина разозлился совершенно искренно, ругань взвинтила его, и онъ чувствуетъ обиду. Теперь ему хоть самого Аскѐра на зубъ, такъ и то впору. А десятникъ уже шагаетъ дальше, прямо въ аскѐровой кибиткѣ, старшина за нимъ, но, по мѣрѣ приближенія, разстояніе между нимъ и десятникомъ увеличивается. Десятникъ силенъ, бѣденъ и глупъ,—онъ, старшина, слабъ, уменъ и съ достаткомъ, а этотъ Аскѐръ („чтобъ его верблюдъ придавилъ!“) — совершенный разбойникъ. Онъ только недавно вернулся издалека: одни говорятъ—гдѣ-то служилъ, другіе—просто разбойничалъ, третьи—и то, и другое вмѣстѣ: былъ караульщикомъ на нефтяныхъ промыслахъ. Старшина даже пріостанавливается на минуту: ему вспоминается далекая Каннй-Кая, громадная отвѣсная скала съ синимъ туманомъ внизу. „Скала крови“ — зоветъ ее народъ, припоминая, какъ хȁны сбрасывали когда-то съ нея преступниковъ. Вотъ съ этой скалой и связывали

въ прошломъ году имя Аскѐра. Пастухи своими зоркими глазами видѣли, какъ кто-то подвелъ прямо къ краю скалы большого верблюда и началъ его сажать. Кроткое животное опустилось на переднія ноги, но когда стало опускаться на заднія, то половина верблюда оказалась на вѣсу. Нѣсколько судорожныхъ подергиваній, крикъ—и громадный верблюдъ сорвался со скалы внизъ; пастухи бросились къ скалѣ, но человѣкъ пропалъ, а внизу лежала безформенная масса животнаго, головы совсѣмъ не было: длинная шея, мелькнувъ въ воздухѣ, какъ плеть, со страшной силой ударилась о камни. Это былъ могучій бѣлый верблюдъ судьи, а съ судьей Аскеръ не ладилъ.. И всѣ называли Аскера и хотѣли мстить, но боялись мстить.

— Селя̀мъ алейкумъ,—говоритъ старшина, входя въ кибитку Аскѐра.

— Чортъ тебя принесъ!—совершенно опредѣленно заявляетъ Аскѐръ. Старшина даже ротъ разѣваетъ отъ неожиданности: ни одинъ мусульманинъ не рискнетъ отвергнуть благословеніе Аллаха и непремѣнно приметъ „селя̀мъ“ и отвѣтитъ благословеніемъ.

— Бусурма̀нъ сэнъ?—съ негодованіемъ спрашиваетъ старшина:—мусульманинъ ты, или нѣтъ?

— Я-то мусульманинъ, а вотъ ты собака,—оретъ Аскѐръ,—итъ сэнъ, итъ оглы сэнъ! Собачій сынъ ты!

Хотя Аскѐръ давно враждуетъ съ властями, но такого азарта старшина всетаки не ожидалъ. Онъ довольно мирно проситъ Аскера уплатить недоимку, но тотъ въ отвѣтъ такъ завертѣлъ глазами, что старшина дипломатично прекращаетъ разговоръ и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, выходитъ изъ кибитки. Темпераментъ, однако, беретъ свое: старшина быстро возвращается назадъ съ какимъ-то зловѣщимъ зеленымъ лицомъ и черезъ мгновеніе вылетаетъ кубаремъ вонъ: его выбросилъ Аскѐръ... За нимъ вылетаетъ кубаремъ самъ Аскѐръ: его выбросилъ десятникъ... Черезъ секунду ничего нельзя разобрать у кибитки Аскѐра: мелькаютъ ноги, руки, палки, мелькнулъ кинжалъ... Всѣ разсыпаются въ стороны, и передъ властями стоитъ, ощетинившись и растопыривъ ноги, съ кинжаломъ въ рукѣ, Аскѐръ. Старшина визжитъ какимъ-то бабьимъ голосомъ; показывается кое-кто изъ кибитокъ; старшина зоветъ свидѣтелей, хочетъ жаловаться, грозитъ упечь Аскѐра въ Сибирь. Тотъ криво усмѣхается и уходитъ въ кибитку: ему наплевать на жалобу! Сегодня же въ ночь онъ уйдетъ въ горы, и старшина же будетъ дрожать и за себя, и за своихъ.

Обходъ продолжается дальше. У старшины уже одинъ

рукавъ разорванъ и болтается по воздуху. „Это хорошо“—думаетъ онъ,—„лишній рубль надбавлю Курбану“...

Курбанъ, между тѣмъ, отдохнулъ. Хана́ наполняется народомъ. Первыми прибѣжали жена и сестра Садыха. Въ горахъ не такъ строго, какъ въ городѣ: чадры едва держутся на головахъ, и женщины почти не закрываютъ лицъ. Городской житель, пожалуй, позволилъ бы себѣ лишнее, но Курбанъ хорошо знаетъ нравы, и только голосъ у него дѣлается сдобнымъ.

Женщины почтительно сидятъ, а Курбанъ стоитъ и смотритъ на тонкій чудесный коверъ. Онъ знаетъ эту работу. Такъ ткутъ только верстъ за триста отсюда, въ одномъ богатомъ кочевьи. За этой работой и ѣхать далеко, да и не продаютъ дешево. За то и покупаютъ же у Курбана такіе ковры въ городѣ... Ухъ! Онъ даже слегка жмурится, вспоминая, сколько взялъ еще недавно съ одного проѣзжаго... Но, по виду, Курбанъ недоволенъ. Онъ беретъ уголъ ковра, близко подноситъ его къ глазамъ и небрежно роняетъ. Этотъ пріемъ всегда дѣйствуетъ. Женщины думаютъ, что найденъ изъянъ, и пугливо тянутъ уголъ къ себѣ. А Курбанъ уже спрашиваетъ цѣну; тѣ говорятъ и сейчасъ же сбавляютъ сами. Цѣна такъ низка, что Курбанъ только вскидываетъ въ недоумѣніи глазами, но всетаки торгуется, выспрашиваетъ и вдругъ, догадавшись о причинѣ, разомъ платитъ деньги.

„Первая покупка... удачная“—думаетъ Курбанъ, суевѣрно перебирая четки и шепча молитву.

А въ ханѣ уже тѣсно. Стоитъ гвалтъ. Курбанъ солидно торгуется, сравниваетъ работу, критикуетъ, ловко стравливаетъ работницъ; поднимается общая ругань, и цѣны летятъ внизъ.

Но это все еще не то. Во-первыхъ, трудно покупать, когда много народу, въ одиночку—лучше, а во-вторыхъ, не видно еще работы старшины. Курбанъ кое-что покупаетъ и гонитъ всѣхъ вонъ.

Но вотъ, войлочная дверь ханы́ приподымается какъ-то особенно, и на середину пола летитъ коверъ. Въ дверяхъ показываются мужчина и женщина, оба взъерошенные, оба разозленные другъ на друга.

— Ала̀-йчь...—кричитъ женщина, продолжая ссору:—бери, пей...—она не кончаетъ слова „кровь“ подъ суровымъ взглядомъ мужа.

Происходитъ обмѣнъ привѣтствій между мужчинами, спокойный, солидный, но женщина вся напряжена, какъ струна. Она цѣлый годъ ткала коверъ, не разгибаясь; цѣлый годъ надѣялась продать; у ней нѣтъ ничего, кромѣ рубахи и тумановъ изъ легкой персидской матеріи, чадра порвалась—

не грѣетъ, дѣти—голыя, пришелъ холодъ, и они, синія, дрожатъ, кашляютъ. Мужъ одѣтъ въ теплое, онъ ходитъ съ караванами, ему ничего, а всѣ дома не имѣютъ теплаго лоскута. Вся надежда была на коверъ, а теперь его возьмутъ, деньги отдадутъ старшинѣ, и въ кибиткѣ будетъ по прежнему плачъ холодныхъ дѣтей. Женщина смотритъ взглядомъ ненависти на мужа, а тотъ также косится на нее, и на его лицѣ темными пятнами ходятъ отголоски невеселыхъ думъ. Чего она хочетъ? Чтобы продали единственнаго верблюда?—вѣдь вся семья живетъ его силой, живетъ извозомъ. Овецъ мало,—ихъ въ кочевьи почти ни у кого нѣтъ, земля не родитъ, а платить надо за все, про все. „Цѣлый годъ ткала, работала"...—мысленно передразниваетъ онъ жену,—„на что же и нужна баба, какъ не на работу?" Но у женщины съ каждымъ швомъ ушло въ этотъ коверъ столько думъ и надеждъ, что она не можетъ сдержать себя. При первомъ же намекѣ на цѣну, она бросается къ ковру, хлопаетъ по немъ руками, бьетъ себя по головѣ, по груди, кричитъ и дѣлаетъ невозможнымъ какой бы то ни было торгъ. Мужъ теряетъ терпѣніе: откинувъ одной рукой полу ханы, онъ хватаетъ другой за плечо жену и злымъ широкимъ движеніемъ выбрасываетъ ее вонъ. Снаружи слышится глухой звукъ, точно кто швырнулъ связку мокраго бѣлья объ землю, и короткій крикъ. Теперь сдѣлка кончается. Коверъ идетъ по такой цѣнѣ, что если его свѣсить, то одна шерсть будетъ стоить дороже. Работа цѣлаго года идетъ въ придачу... Мужчина беретъ деньги и направляется къ выходу, но на порогѣ обертывается и твердо, спокойно бросаетъ проклятіе Курбану и всѣмъ скупщикамъ, ругаетъ могилы ихъ отцовъ, дѣдовъ и, не спѣша, выходитъ изъ ханы.

Дѣло Курбана подвигается. Старшина, какъ хорошая гончая, сгоняетъ къ нему людей: гдѣ скажетъ прямо, чтобы шли продавать ковры, благо подошелъ случай, гдѣ намекнетъ, гдѣ просто пригрозитъ и вездѣ заявляетъ, что больше ждать не будетъ—нельзя по закону, начальство требуетъ. Почти вездѣ мужчины дома. Извозъ теперь тугой, погода плохая, и ковры идутъ легко. Это женщины цѣнятъ ихъ, а мужчины рады, что шерсть приняла такую хорошую, удобную къ продажѣ форму. Простую шерсть еще когда-то возьмутъ, а тутъ продажа навѣрняка. Правда, идетъ задаромъ трудъ женщины, но мужчинѣ принадлежитъ трудъ и „вола его, и осла его, и жены его".—Цѣну, впрочемъ, назначаютъ всегда женщины, при чемъ Курбанъ только усмѣхается: вѣдь эдакъ придется, пожалуй, каждый день ихъ работы считать въ пять, а то и въ десять копѣекъ. Подобная цѣна ни съ чѣмъ несообразна въ такое „горячее" время, и толстый Курбанъ

обращается къ мужчинамъ. Тѣ клянутъ его, въ свою очередь, но продаютъ охотнѣй.

Къ вечеру ковры скуплены во всемъ кочевьи, и лежатъ грудой въ углу ханы̀. Старшина получилъ свой заработокъ, выклянчилъ немного за побои и разорванную чуху и сидитъ, довольный, щурясь на огонь. На минутку только страхъ шевелитъ его волосы, когда Курбанъ проситъ его пойти въ кибитку Гюль-Мамѐда. Говорятъ, его мать изъ одного кочевья съ Садыховой женой—излагаетъ Курбанъ,—и, вѣрно, ея ковры такъ же тонки и хороши, какъ и этотъ; Курбанъ хлопаетъ ладонью по чудному ковру съ темнымъ оваломъ посрединѣ. Но старшина разомъ вспоминаетъ полумертваго Гюль-Мамѐда, потомъ своего сына и отказывается наотрѣзъ.

Вечеромъ кочевье всегда затихаетъ рано. Только собаки настораживаются и изрѣдка подаютъ голосъ „на волка". Но теперь кочевью не до сна. Курбанъ ночуетъ у нихъ, а это праздникъ. Мало того, что онъ, житель города, привезъ новости, его далеко знаютъ кругомъ не только, какъ жаднаго скупщика, но и какъ удивительнаго разсказчика-пѣвца. Съ замираніемъ слушаютъ Курбана тѣ, кому посчастливилось, и хоть съ трудомъ понимаютъ иной разъ (Курбанъ—человѣкъ книжный, обороты его не всегда доступны), но съ восторгомъ передаютъ другимъ и его сказки, и легенды, и пѣсни. Люди, утромъ клявшіе его, вечеромъ тихо сидятъ къ кружкѣ, не смѣя шевельнуться. Этимъ взрослымъ дѣтямъ легко перейти отъ гнѣва къ радости, отъ жгучей ненависти къ восторгу и поклоненію. А сказка!—Имъ, выросшимъ въ сѣрой глуши ущелій, сказка кажется раемъ, переливающимъ всѣми цвѣтами радуги. Герои легендъ, только свѣтлые или только мрачные, близки ихъ простому складу ума.

Еще ребятишки болтаютъ, укладываясь спать, еще коегдѣ медлятъ зажигать вечерній огонь, а уже въ Курбановой саклѣ появляются отдѣльныя фигуры. Въ рукахъ ихъ нѣтъ ни ковровъ, ни пряжи, никакой продажной вещи. Лица суровы, какъ всегда, но глаза горятъ мягкимъ свѣтомъ. Кой у кого набѣгаетъ улыбка, когда рука коснется лба, губъ, груди и протянется для рукопожатія. Отлетѣли огорченія дня, страстное ожиданіе сказки, пѣсни вытѣснило всѣ заботы.

Одинъ за другимъ, усаживаются вдоль стѣнъ на коврахъ, поджавъ ноги. За первымъ рядомъ образуется второй, стоятъ въ дверяхъ, набиваются, какъ могутъ. Снаружи темной тѣнью у двери ханы̀ жмется какая-то фигура, не смотря на холодъ и сырой туманъ. Это Аскѐръ, у котораго вся душа горитъ жаждой сказокъ. Внутрь онъ не идетъ: тамъ родня старшины. „Еще убьешь кого-нибудь, или самого убьютъ"—соображаетъ

Аскеръ; надъ послѣднимъ онъ не задумался бы, но очень не хочетъ перваго: тогда травля начнется еще сильнѣй...

Немного толкуютъ о городѣ, немного о властяхъ. Курбанъ знаетъ свою силу и оттягиваетъ пѣніе столько, сколько нужно, и когда изъ-за груды ковровъ показывается тонкая, длинная шейка чунгўри, когда тихій звонъ ея струнъ проносится въ воздухѣ, полная неподвижность и мертвое молчаніе воцаряются среди слушателей. Пѣсни и сказки Курбана не записываются; да и кому записывать? Вѣдь и самыя пѣсни на завтра будутъ другія: та же сказка, да не такъ разскажется, и пѣсня та же, да не тотъ припѣвъ. Чаще всего порывъ минуты слагаетъ форму, а то и самый мотивъ. А содержаніе порой бываетъ такъ неожиданно, такъ далеко уноситъ слушателей отъ знакомой имъ обстановки прокопченыхъ кибитокъ, нужды, горя и трудовъ, что развѣ одни слова пророка могутъ вызвать такое же вниманіе. Всѣ напряженно слушаютъ и только изрѣдка восклицаютъ то хоромъ, то поодиночкѣ, поджигая разсказчика своимъ сочувствіемъ.

А Курбанъ уже не тотъ, который трясъ ковры, оттопыривъ нижнюю губу. Лицо его какъ-то худѣетъ, глаза дѣлаются больше и темнѣе. Онъ сидитъ, точно въ забытьи, и тихо перебираетъ струны; рука устало слагаетъ мотивъ, но чѣмъ дольше, тѣмъ аккорды становятся энергичнѣе, нервнѣй, и мотивъ опредѣляется. Проигравъ мелодію, Курбанъ речитативомъ говоритъ содержаніе, продолжая тихо играть. Онъ увлекается самъ: рифмы, едва проскальзывая вначалѣ, подъ конецъ сыплются непрерывно, точно пѣвецъ уже не владѣетъ собой. Поднявъ руку, онъ указываетъ въ ту сторону, гдѣ высокій хребетъ замыкаетъ долину, и говоритъ глухимъ голосомъ, точно убѣждая: „Какъ горою пройдешь...“ (онъ трогаетъ струны, и голосъ его, то модулируя на высокихъ нотахъ, то опускаясь ниже, начинаетъ переплетаться со звономъ чунгўри). „Какъ горой пройдешь, то къ востоку спустись. Труденъ будетъ твой путь, но иди, все иди... Хочешь радость очамъ, хочешь пѣсню устамъ, хочешь сердцу восторгъ?... Брось отца, брось и мать, брось жену и дѣтей, брось стада, брось кочевье свое. Никому, ничему, лишь себѣ одному, лишь себѣ будь слугой... Длиненъ будетъ твой путь, надъ тобою орелъ, подъ тобою то кротъ, а то червь. Ты душою съ орломъ, пусть смѣлѣй дышитъ грудь, ты тревоги забудь... И тогда все вокругъ будетъ жить для тебя: солнце станетъ твой путь освѣщать, вѣтеръ пѣсню споетъ, степь цвѣты поднесетъ, камни сказки разскажутъ... И вотъ, ужъ кончается путь... Осторожнѣй иди, осторожнѣй, не то упадешь оттого, что восторгомъ въ груди тебѣ сердце сожжетъ... Тише, тише... Гляди: видишь,

тамъ впереди, кто-то небо приподнялъ съ земли; тамъ на самомъ краю, точно въ свѣтломъ раю, золотой лучъ скользитъ. На краю золотой, ближе къ намъ голубой, еще ближе сквозитъ синевой... Ближе, ближе, и вотъ, валъ гудитъ и реветъ, бѣлой гривой трясетъ.

— Это море!—твердо заканчиваетъ пѣвецъ.

— Это море,—тихо откликаются всѣ въ кибиткѣ, тихо и разомъ, точно вздохъ проносится...

„Тутъ намàзъ сотвори...“ — начинаетъ опять Курбанъ, вновь трогая струны. Длинная пауза наполняется переливомъ трепетныхъ звуковъ чунгỳри.

„Ты душою съ орломъ...“ несется въ головѣ Аскера, и онъ вспоминаетъ вольную жизнь своихъ подозрительныхъ друзей изъ Дагестана. Онъ совсѣмъ увлекся и весь всунулся въ саклю. Его видитъ старшина и невольно морщится отъ боли: все плечо ноетъ отъ удара тяжелой рукой Аскера. И пѣсня не нравится старшинѣ: „никому, ничему...“ думаетъ онъ, глядя на Курбана,—„а покажи тебѣ издали рубль, одинъ только рубль, и ты за нимъ вплоть до Сибири бѣжать будешь...“

А Курбанъ уже разсказываетъ про городъ на берегу моря, старый городъ, съ высокой черной башней у воды. „Приложи ухо къ стѣнѣ черныхъ камней и послушай, что она тебѣ скажетъ“—говоритъ Курбанъ и, подъ звонъ чунгури, поетъ про могучаго хана, не выходившаго изъ гарема и передушившаго почти всю семью. Осталась дѣвушка, веселая, какъ ласточка и кроткая, какъ джейранъ. Она любила пѣть пѣсни веселому утру, яркому солнцу и голубому морю, омывавшему подошву башни. И она пѣла разъ, держа бубенъ у щеки и посылая волны звуковъ голубымъ волнамъ моря. Ханъ услыхалъ эту пѣсню, и въ первый разъ въ жизни ему стало почему-то грустно, и вспомнилъ онъ слезы старшаго сына, задушеннаго на его глазахъ. А городъ еще спалъ, и розовые лучи утра золотили минареты, и золотили башню, и золотили миндаль. Ханъ глянулъ наверхъ: на башнѣ стояла его дочь, вся въ золотыхъ лучахъ зари, и пѣла, держа бубенъ у щеки. Это была дочь отъ его первой жены, первой и самой любимой, (онъ и ее задушилъ изъ ревности).—Тепло стало на душѣ у хана, и вспомнилась ему молодость, вспомнились ласки первой жены, и глянулъ онъ еще разъ наверхъ, и въ его душѣ вспыхнуло желаніе; такъ была прекрасна его дочь и такъ похожа на его первую жену.

— Аллахъ!—шепчутъ слушатели и ждутъ.

И насталъ день, и не было обычныхъ казней во дворцѣ; ханъ сидѣлъ неподвижно, погруженный въ воспоминанія, а потомъ пошелъ къ дочери и понесъ ей всѣ ожерелья и всѣ

запястья, какія были у него, и надѣвалъ на нее, и любовался, и качалъ головой. А дочь дрожала отъ его прикосновеній и сидѣла, сжавшись отъ ужаса, а когда старый ханъ сталъ ловить губами ея пальцы на крохотныхъ ножкахъ, она вскрикнула и спряталась на самомъ верху башни. Ханъ самъ заперъ ее на ключъ и пошелъ внизъ. Съ верху башни не было ходовъ,—она отвѣсно обрывалась въ море, и ханъ ждалъ ночи, какъ ждетъ влюбленный свою невѣсту, какъ ждетъ обиженный часъ мести...

И настала ночь темная, душная, когда звѣзды мигаютъ, какъ очи, когда кровь течетъ горячимъ потокомъ въ жилахъ, когда звенитъ въ ушахъ и сохнетъ во рту. Ханъ тихо прокрадывается этой ночью наверхъ, но, отворивъ дверь, видитъ только покрывало дочери, которое, точно гигантская птица, срывается и исчезаетъ въ темнотѣ за уступомъ башни...

— Аа-а̀й!.. Шахсѐй!..—раздается вдругъ дикій вопль снаружи. Въ первую минуту всѣмъ кажется онъ крикомъ изъ сказки, и у многихъ холодѣетъ душа въ суевѣрномъ ужасѣ. Но вопль повторяется съ такой силой у самыхъ дверей, что дѣйствительность быстро пробуждаетъ всѣхъ.

— Это мать Гюль-Мамѐда,—говоритъ шепотомъ старшина.

— Гюль-Мамѐдъ умеръ!—отчеканиваетъ Аскеръ, исчезая въ темнотѣ.

Хана̀ пустѣетъ, отовсюду бѣгутъ женщины въ кибитку Гюль-Мамѐда. Теперь ихъ дѣло: начнутся причитанія, уборка кибитки, уборка мертваго...

Когда утромъ Курбанъ грузитъ на верблюдовъ тюки, у кибитки Гюль-Мамѐда уже цѣлая толпа. Старшая тетка умершаго руководитъ обрядомъ. Мать лежитъ пластомъ, сама похожая на мертвую. Съѣзжаются родственники изъ сосѣднихъ кочевій. По мѣрѣ того, какъ они приближаются, плачъ и крикъ раздается все сильнѣй и, наконецъ, принимаетъ характеръ звѣринаго воя. Пріѣзжающихъ женщинъ хлопаютъ въ тактъ по плечамъ, по головамъ, и удары, начавшись слегка и ритмически, потомъ сыплются, какъ горохъ. Старая тетка бросается кое къ кому и наноситъ такіе полновѣсные шлепки, что ихъ скорѣе можно приписать не горю, а обилію застарѣлыхъ счетовъ...

Утро ясное; хотя холодно, но дождя нѣтъ и въ поминѣ: вѣтеръ сорвалъ тучи съ горъ и пронесъ ихъ дальше. Караванъ Курбана растянулся по тропинкѣ; самъ Курбанъ ѣдетъ сзади и дышетъ полной грудью. Онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, какъ стихаетъ и, наконецъ, пропадаетъ шумъ, по мѣрѣ удаленія отъ кочевья. Вотъ перевалили и черный хребетъ, о которомъ онъ пѣлъ вчера. Курбанъ вспоминаетъ вечеръ и морщится—не удалось вполнѣ насладиться ни сво-

имъ искусствомъ, ни вниманіемъ слушателей,—испортилъ все этотъ Гюль-Мамѐдъ. Лошадь Курбана осторожно перебираетъ ногами, спускаясь подъ гору, и вдругъ разомъ останавливается, наткнувшись на верблюда: караванъ сталъ.

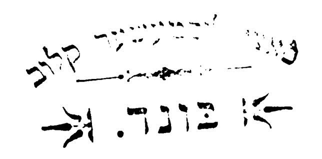
— Даянъ! — стой! — слышитъ Курбанъ твердый голосъ сбоку и, повернувъ голову, видитъ Аскера. Въ первую минуту онъ не понимаетъ, что тотъ дѣлаетъ, и почему сталъ караванъ. Онъ хочетъ гнѣвно выругаться и умолкаетъ, глядя на черную ямку дула: Аскеръ, прищурившись, цѣлитъ ему прямо въ лобъ изъ ружья. Съ секунду Курбанъ остается въ недоумѣніи—ужъ очень кочевье близко,—потомъ взглядываетъ въ глаза Аскеру, мелькомъ замѣчаетъ подъ нимъ чудесную лошадь старшины и догадывается. Онъ, какъ въ туманѣ, видитъ блѣдныя лица погонщиковъ, какъ во снѣ слышитъ приказаніе Аскера и, сойдя съ лошади, подаетъ ему кошель.

Только когда черное отверстіе ствола поднимается вверхъ, онъ приходитъ въ себя; гипнозъ ружейнаго дула пропадаетъ, и Курбанъ говоритъ Аскеру про Аллаха, про Магомета, про Али, своего покровителя, про добрыя и злыя дѣла, а тотъ, молча, указываетъ ему рукой на парящаго орла и вдругъ, гикнувъ, взмахиваетъ плетью и бросается во весь духъ подъ уклонъ горы, такъ что щебень брызгами летитъ изъ-подъ могучихъ копытъ лошади.

— Чтобъ ты голову сломалъ!—бормочетъ Курбанъ, напряженно глядя, какъ мчится Аскеръ подъ гору. Но мощный конь прыгаетъ, какъ горный козелъ и, шутя миновавъ уклонъ, скрывается за поворотомъ.

Курбанъ растерянно смотритъ кругомъ, потомъ поднимаетъ глаза на орла и вдругъ разражается бранью на погонщиковъ: онъ ругаетъ ихъ бабами, трусами, онъ хлещетъ ближайшихъ плетью... А тѣ лѣниво отругиваются, нехотя увертываются и, какъ зачарованные, смотрятъ туда, гдѣ въ послѣдній разъ мелькнула пыль изъ-подъ копытъ Аскеровой лошади...

Ник. Лялинъ.



«Уральцы» въ Туркестанскомъ краѣ.

„*Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!..*“

Тридцать лѣтъ тому назадъ на Уралѣ произошло печальное событіе, повлекшее выселеніе нѣсколькихъ тысячъ уральскихъ казаковъ съ семьями въ Туркестанскій край, гдѣ они были разселены небольшими группами по многимъ фортамъ и городамъ, начиная отъ Казалинска до г. Пянджикента, въ горныхъ округахъ Самаркандскаго уѣзда и до форта Нукуса, близь аму-дарьинской дельты.

Событіе это: безпорядки, происшедшіе при введеніи въ Уральскомъ войскѣ новаго положенія о военной службѣ и общественномъ управленіи, высочайше утвержденнаго 9 марта 1874 года. Съ тѣхъ поръ на берегахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи выросло новое поколѣніе уральцевъ, совершенно неповинное въ грѣхахъ родителей, но тѣмъ не менѣе несущее тяжелое бремя ссылки, нужды и нестроенія, со всѣми тягостными послѣдствіями безправаго положенія. Пора, наконецъ, освѣтить это историческое событіе, отошедшее уже въ область прошлаго, выяснить истинныя его причины, оцѣнить безпристрастно его послѣдствія... Этого требуютъ не только историческая правда, но и интересы выросшаго нынѣ въ Туркестанѣ новаго поколѣнія уральцевъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что событіе это далеко не освѣщено еще въ исторической нашей литературѣ, и въ настоящемъ трудѣ намъ придется широко пользоваться матеріалами, любезно предоставленными редакціей газеты „Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ“, въ числѣ каковыхъ матеріаловъ имѣются, между прочимъ, записки бывшаго атамана Уральскаго отдѣла полк. М. П. Темникова (нынѣ покойнаго), которому пришлось вводить новое положеніе и выселять уральцевъ съ родины, а также письма „уходцевъ“, какъ называютъ на Уралѣ выселенныхъ уральцевъ, изъ Казалинска, описывающія мытарства партіи въ 74 чел. въ пути и на мѣстѣ ссылки и др. интересные документы, насколько намъ извѣстно нигдѣ еще не опубликованные.

I.

Радостные и веселые возвратились въ 1873 г. уральскіе казаки изъ тяжелаго степного похода подъ Хиву подъ начальствомъ своего атамана Н. А. Веревкина. Много невзгодъ, лишеній и трудностей пришлось претерпѣть имъ во время этого похода; многихъ товарищей потеряли они въ безводной и знойной степи, въ дѣлахъ съ непріятелемъ раненъ былъ и атаманъ ихъ, но всѣ эти невзгоды были забыты, едва увидѣли казаки родной Уралъ. Разбрелись казаки по станицамъ и уметамъ и за мирнымъ трудомъ, за рыбаченіемъ, да въ семейномъ кругу вспоминали и переживали походныя впечатлѣнія, похваляясь лихостью и своими военными подвигами; украшенные георгіевскими крестами за боевыя заслуги, гордились они своей славой и, что называется, насквозь пропитаны были воинскимъ духомъ, беззавѣтной преданностью военному дѣлу и казачьимъ традиціямъ.

Вотъ въ это-то самое время по Уралу пронеслась тревожная вѣсть о новомъ положеніи, которое должно быть введено въ войскѣ. То было положеніе о воинской повинности и хозяйственномъ управленіи въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, высочайше утвержденное 9 марта 1874 года. Начались сходки и совѣщанія казаковъ; никто изъ нихъ доподлинно не зналъ, въ чемъ собственно должна была состоять реформа, и слухи, одинъ нелѣпѣе другого, волнуя общественное мнѣніе, стали распространяться въ темномъ казачьемъ кругу. Г. Витевскій такъ описываетъ въ 1878 году, т. е. три—четыре года спустя, настроеніе уральскаго казачества въ этотъ важнѣйшій первоначальный моментъ:

„Казаки-коноводы—говоритъ В. Н. Витевскій *)—увѣряли другихъ, что рѣку Уралъ у нихъ отнимутъ и переселятъ къ нимъ изъ внутреннихъ губерній крестьянъ, между которыми и раздѣлятъ войсковую землю и луга. Многіе горячились при этомъ и говорили: „нѣтъ, этому не бывать! *Кровью мы пріобрѣли Уралъ и нашу землю, кровью и продадимъ ихъ!*" **) Другіе старались доказать неприкосновенное и безконтрольное право войска на Уралъ и его территорію грамотой царя Михаила Θеодоровича, дарованной Яицкому войску. Изъ архивныхъ бумагъ Уральскаго войска видно, что грамота эта сгорѣла во время пожара бывшаго въ Яицкомъ городкѣ еще въ XVII столѣтіи; между тѣмъ, коноводы-старики говорили теперь, что грамота, или „*владѣнная*" на р. Уралъ, была вынесена во время пожара діакономъ Михайло-Архангельскаго собора и зарыта въ землю въ особомъ чугун-

*) „Расколъ въ Уральск. войскѣ въ концѣ XVIII и XIX в." стр. 203.
**) Курсивъ у автора.

номъ ящикѣ; будто діаконъ, умирая, завѣщалъ своему сыну не давать этой драгоцѣнности никому, кромѣ государя императора. Нѣкоторые изъ стариковъ прибавляли при этомъ, что на „владѣнной“ находятся изображенія четырехъ вселенскихъ патріарховъ, ихъ собственноручная подпись и золотая печать. Эти нелѣпые толки быстро распространились по форпостамъ, хуторамъ, уметамъ и зимовьямъ: вездѣ только и говорили о „владѣнной“. Отставной казакъ Кругло-Озерной станицы, Ѳедоръ Васильевъ Стяговъ изготовилъ нѣсколько копій съ этой мнимой „владѣнной“ и началъ ихъ распространять между другими. Число недовольныхъ оказалось очень значительно, когда начальство стало требовать отъ казаковъ *письменнаго обязательства* въ подчиненіи новому положенію: многіе не хотѣли и слышать о томъ. Между тѣмъ, наказный атаманъ Н. А. Веревкинъ еще въ маѣ мѣсяцѣ отправился за границу, для излѣченія раны, полученной имъ при взятіи Хивы. Воспользовавшись отсутствіемъ своего атамана, недовольные дѣйствовали еще смѣлѣе, находя поддержку въ своихъ женахъ и матеряхъ, которыя грозили имъ муками ада, въ случаѣ подчиненія новому положенію, и сулили вѣчное блаженство за непринятіе его: „лучше пострадайте мученическою смертью, а не губите своихъ душенекъ!“—говорили онѣ“...

Причину такого фанатическаго отношенія уральцевъ г. Витевскій видитъ въ томъ, что казаки-раскольники, а ихъ на Уралѣ большинство, усматривали во введеніи новаго положенія замаскированное посягательство на ихъ старую вѣру. Не мало содѣйствовало такому убѣжденію и то обстоятельство, что войсковое начальство какъ разъ въ это смутное время распорядилось разослать по всѣмъ форпостнымъ школамъ букварк, въ которыхъ, по обыкновенію, помѣщены были молитвы съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіями, а также различныя изображенія крестнаго знаменія съ объясненіями въ духѣ православной церкви, на первой же страницѣ букваря находился четырехконечный крестъ съ сіяніемъ въ пресѣченіи, называемый казаками-раскольниками „латинскимъ крыжемъ“. Прямымъ послѣдствіемъ такого распоряженія были среди казачества толки о томъ, что „начальство, разсылая по школамъ эти книжки, желаетъ заставить ихъ молиться троеперстно и поклоняться кресту четвероконечному, вмѣсто поклоненія осмиконечному „истовому“ кресту; говорили, что всѣмъ начнутъ брить бороды; что дѣтей отберутъ и увезутъ куда-то, а куда, неизвѣстно; что служащихъ казаковъ всѣхъ одѣнутъ въ солдатское платье, а взрослыхъ дѣвицъ заберутъ и отправятъ на кораблѣ въ Англію“... и т. д. *).

Безспорно, старообрядчество сыграло видную роль на Уралѣ въ эти тревожные дни и являлось однимъ изъ болѣе активныхъ

*) Тамъ же.

факторовъ въ томъ дальнѣйшемъ упорствѣ, которое оказали уральцы введенію новаго положенія. Лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить народныя казачьи пѣсни того времени, сохранившіяся до сихъ поръ. По свидѣтельству того же г. Витевскаго казачки въ тѣ дни заучивали наизусть и распѣвали заунывнымъ, раздирающимъ душу напѣвомъ на шестой гласъ:

„*Въ семьдесятъ четвертое лѣто*
Настало у насъ житіе нелѣпо:
По нашему согрѣшенью,
А по Божьему попущенью,
Начали насъ власти одолѣвать,
На новое положеніе понуждать;
А мы, христіане, стали о себѣ размышлять,
Какъ намъ христіанамъ жить,
Антихристовы прелести избыть!
Охъ, увы и горе!
Сокрушаютъ нашу волю.
Уже мы недостойны
Стали жить спокойно:
За наши земныя сласти
Послалъ намъ Господь злыя власти;
Стали дѣлать перемѣну
Вѣры Христовой измѣну.
Лишимся, братіе, мірскихъ сластей,
Станемъ противъ злыхъ властей,
За вѣру Христову пострадати
А своимъ дѣтямъ путь показати!..“ и т. д.

Очевидно, казаки въ большей, по крайней мѣрѣ, массѣ совершенно не понимали, чего отъ нихъ хотятъ введеніемъ новаго положенія о военной службѣ и общественномъ управленіи. Темный, консервативный по характеру и религіи казакъ-старообрядецъ, боящійся всякаго новшества, охотно вѣрилъ всѣмъ тѣмъ вздорнымъ слухамъ, которые обыкновенно сами собою создаются въ подобное тревожное время, тѣмъ болѣе, что онъ не слышалъ ни отъ кого изъ авторитетныхъ для него людей опроверженія этихъ слуховъ и разъясненія новаго положенія.

Начавшееся, такимъ образомъ, броженіе среди уральскаго казачества было истолковано мѣстной администраціей, какъ бунтъ, ослушаніе и неповиновеніе высочайшей волѣ. „Между тѣмъ—заявляютъ сами казаки въ одномъ изъ своихъ прошеній *)—бунта, ослушанія и неповиновенія не было... а по неумѣнію или нежеланію намъ растолковать утвержденное 9 марта 1874 г. положеніе о военной повинности въ нашемъ войскѣ, мы при объявленіи его пошумѣли, погалдѣли, но, поразмысливъ, подчинились...“

Разумѣется, не всѣ казаки отнеслись къ новому положенію съ такимъ наивнымъ невѣжествомъ; на ряду съ темною толпою

*) Прошеніе казаковъ Голованова, Ильичева и др., присланное на имя ген.-губернатора 11 апрѣля 1875 г.

были и группы казаковъ, прекрасно понимавшихъ это новое положеніе и даже входившихъ въ подробное его разсмотрѣніе до опубликованія проекта положенія. Еще 12 марта 1873 г. — свидѣтельствуетъ полковникъ Темниковъ *), — казаки, въ числѣ 25 человѣкъ **), подали командующему Уральскимъ войскомъ генералъ-маіору Бизянову, замѣщавшему наказнаго атамана, коллективное заявленіе о томъ, что, ознакомившись съ проектомъ положенія объ общественномъ хозяйственномъ управленіи въ Уральскомъ войскѣ, они находятъ, между прочимъ, что имъ, казакамъ, по сравненію съ „чиновниками" предоставлено слишкомъ мало представительства въ управленіи (по проекту всѣ чиновники участвовали въ управленіи съ правомъ голоса, а казакамъ предоставлено было имѣть лишь по *два* представителя отъ станицъ), и просили собрать въ Уральскѣ выборныхъ отъ войска, которымъ поручить ознакомиться предварительно съ общимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, а затѣмъ по большинству голосовъ составить сводъ замѣчаній на проектъ Положенія съ указаніемъ тѣхъ его статей, въ которыхъ будетъ усмотрѣно ими несоотвѣтствіе съ интересами общественнаго, нераздѣльнаго хозяйства и самоуправленія. Этотъ сводъ замѣчаній подписавшіе заявленіе казаки ходатайствовали представить на высочайшее благоусмотрѣніе.

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого заявленія, но во всякомъ случаѣ оно осталось безъ послѣдствій; между тѣмъ, слухъ о такомъ коллективномъ заявленіи, безъ всякаго сомнѣнія, облетѣлъ всѣ станицы, форты, хутора и уметы, поселивъ еще большее недовѣріе среди казаковъ къ предстоявшей реформѣ. Недоумѣніе ихъ расло, а съ нимъ и волненіе. Ничего не разъясняющіе циркуляры, коими уральцы предупреждались, что за распространеніе „ложныхъ толковъ о новомъ положеніи" виновные будутъ предаваемы суду — только усиливали общее тревожное настроеніе.

Наконецъ, послѣдовало опубликованіе на станичныхъ сходахъ высочайше утвержденнаго 9 марта 1874 года Положенія. Казаки отнеслись къ нему съ большимъ недовѣріемъ; они не видѣли подъ нимъ собственноручной подписи государя императора, и по войску пронеслась молва, что Положеніе это дѣлъ рукъ мѣстныхъ властей. Подобная молва по поводу тѣхъ или другихъ Высочайшихъ указовъ явленіе далеко не исключительное. Смущаетъ, напримѣръ, казаковъ-уральцевъ, по собственному ихъ объясненію, слѣдующее. Судится уралецъ у мирового судьи. Разобравъ дѣло, судья тутъ же объявляетъ, что по указу его величества онъ, судья, опредѣлилъ то-то. Когда могъ получить судья

---

*) Въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ.

**) Они всѣ названы поименно.

царскій указъ? Или: выдается казаку аттестатъ о довольствіи, гдѣ также упоминается, что по указу его величества такой-то удовлетворенъ слѣдуемымъ ему довольствіемъ. Бывали даже случаи, что казаки наводили справки, дѣйствительно ли получаются въ такихъ случаяхъ царскіе указы. Отсюда уже прямой выводъ: чиновники, не получая указовъ, пишутъ своевольно отъ царскаго имени, а потому нѣтъ на эти распоряженія начальства царскаго соизволенія; отсюда упорный отказъ подчиниться новому Положенію безъ непосредственнаго о томъ повелѣнія государя императора. И казаки начинаютъ изощряться на всякіе лады, чтобы довести до свѣдѣнія монарха о чинимомъ надъ ними, яко-бы, произволѣ: подаютъ прошеніе за прошеніемъ, посылаютъ ходаковъ и ходатаевъ, но всѣ ихъ попытки въ этомъ родѣ остаются безуспѣшными, и даже тѣхъ ходоковъ, которымъ посчастливилось добраться до Петербурга возвращаютъ по распоряженію начальства обратно. Въ октябрѣ 1874 г.,—какъ свидѣтельствуетъ г. Витевскій *),—отставные казаки Стяговъ и Гузиковъ (Царево-Никольскаго форпоста) пробрались даже въ Ливадію и подали на высочайшее имя прошеніе объ отмѣнѣ Положенія 9 марта; они выставляли себя уполномоченными отъ всего Уральскаго казачьяго войска. Стяговъ и Гузиковъ, какъ самовольно отлучившіеся изъ войска безъ всякаго письменнаго вида, были препровождены обратно на Уралъ, а ихъ прошеніе отправлено назадъ къ командующему войсками Оренбургскаго округа. Оба ходатая, по возвращеніи на Уралъ были заарестованы и преданы военному суду въ особо учрежденной въ Уральскѣ временной коммиссіи. Многіе изъ казаковъ пожелали видѣть ходатаевъ, но начальство этого не допустило, а упорныхъ арестовывало и отдавало подъ судъ. Въ январѣ 1875 г. состоялось слѣдующее рѣшеніе суда: „Отставныхъ казаковъ Кругло-Озерной станицы Федора Стягова и Царево-Никольскаго форпоста Евстафія Гузикова, какъ оказавшихся въ числѣ главныхъ дѣятелей по возбужденію въ войскѣ неповиновенія властямъ при введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 9 марта 1874 г. Положенія о воинской повинности и общественно-войсковомъ хозяйственномъ управленіи, позволявшихъ себѣ распространять ложные слухи и нелѣпые разсказы о правахъ войска, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ и на заводахъ на восемь лѣтъ каждаго, съ приведеніемъ въ исполненіе надъ ними обрядности, по силѣ 1040 ст. XXIV кн. С.В.П. 1869 г.“ Это рѣшеніе 28 января конфирмовано командующимъ войсками Оренбургскаго военнаго округа и объявлено виновнымъ, которые, по неимѣнію въ то время въ Уральскѣ эшафота для совершенія позорнаго обряда,

---

*) „Расколъ въ Уральск. в.“—стр. 205.

были отправлены для этой цѣли въ Оренбургъ, а затѣмъ переданы гражданскимъ властямъ для отсылки ихъ по назначенію.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были производить подобные приговоры на казаковъ, сбитыхъ окончательно съ толку и недовѣрявшихъ своимъ начальникамъ, которые не сумѣли пріобрѣсти среди населенія ни популярности, ни авторитета!

Вотъ, слѣдовательно, еще одинъ немаловажный источникъ „недоразумѣнія", легшаго въ основу всѣхъ послѣдующихъ событій.

Однако, возвратимся къ разсказу. Послѣ распубликованія на станичныхъ сходахъ новаго Положенія, казаки Ботовъ и Кирпичниковъ подали 19 іюня генералу Бизянову прошеніе, сущность котораго заключалась въ указаніи на то, что при примѣненіи къ войску новаго Положенія неизбѣжно подорвется благосостояніе войсковаго населенія, и безъ того уже не завидное *), вслѣдствіе чего они ходатайствовали объ отмѣнѣ новаго Положенія, указывая, что при отказѣ они обратятся съ такой же просьбой къ командующему войсками Оренбургскаго военнаго округа и такъ далѣе по командѣ.

Генералъ Бизяновъ наотрѣзъ отказался принять это прошеніе Ботова и Кирпичникова, и такъ какъ для оказанія ему со-

---

*) Въ прошеніи указывалось: 1) что при постоянномъ нарядѣ 3-хъ полковъ и учебной сотни долженъ неминуемо увеличиться и денежный сборъ на подмоги; 2) что обязательство имѣть всегда на готовѣ полное снаряженіе и строевыхъ лошадей должно, по мнѣнію просителей, очень невыгодно отразиться на экономическомъ положеніи Уральскаго войска, такъ какъ у казака ежедневно будетъ отниматься много времени на уходъ за лошадью, и въ то же время потребуется непроизводительный расходъ на кормъ лошади, которую, какъ строевую, ни въ какую работу онъ употреблять не можетъ; обмундированіе же и аммуниція будутъ приходить въ негодность до поступленія казака на строевую службу; 3) что хотя по зачисленіи въ казаки и дается годичная льгота, но срокъ этотъ слишкомъ недостаточенъ для того, чтобы казакъ могъ обзавестись всѣмъ необходимымъ для строя,—тѣмъ болѣе, что въ первый годъ ему воспрещается поступать въ качествѣ охотника, вслѣдствіе чего онъ лишенъ возможности обезпечить себя на счетъ подмоги; 4) наконецъ, что сборъ казаковъ для строевыхъ занятій отниметъ у нихъ самое дорогое рабочее время, а тѣхъ, кто является единственнымъ работникомъ въ семьѣ, можетъ даже поставить въ безвыходное положеніе, какъ въ отношеніи пріисканія средствъ для существованія, такъ и въ отношеніи возможности выполнить по существующему порядку воинскую повинность; самые сборы для строевыхъ занятій признавались просителями излишними, въ виду того, что казаки, благодаря врожденной и воспитываемой рыболовнымъ промысломъ ловкости, настолько сами по себѣ способны къ военной службѣ, что успѣютъ вполнѣ достаточно подучиться кавалерійскому строю и во время формированія частей. Изъ этого прошенія видно, что противиться новому положенію заставляли и экономическіе интересы казачества. Нисколько не считаясь съ послѣдними, мѣстныя власти своими неумѣлыми дѣйствіями лишь запутывали узелъ недоразумѣній, препятствуя населенію выяснить дѣйствительные недостатки новаго закона и тѣмъ поддерживая толки о мнимыхъ опасностяхъ, которыми будто бы грозилъ онъ.

дѣйствія при введеніи новаго Положенія былъ спеціально командированъ въ Уральскъ полковникъ Мартыновъ, то онъ вмѣстѣ съ послѣднимъ внушилъ просителямъ, что домогательства беззаконны и даже преступны, и далъ имъ 10-дневный срокъ на размышленіе. Однако, по истеченіи срока Ботовъ и Кирпичниковъ опять явились въ присутствіе и представили свое прошеніе. Тогда просителямъ было объявлено, что по возвращеніи генералъ-лейтенанта Веревкина изъ-за границы, гдѣ онъ еще лѣчился отъ раны, ему будетъ доложено ихъ прошеніе, но до тѣхъ поръ они во всякомъ случаѣ должны будутъ подчиниться новому положенію и воздержаться отъ всякихъ его превратныхъ толкованій, въ чемъ и потребовали отъ нихъ *особую подписку*. Кирпичниковъ и Ботовъ, посовѣтовавшись съ другими казаками, отказались дать требуемую отъ нихъ подписку и вмѣсто того представили копію съ упомянутой уже выше *„владѣнной“*, въ удостовѣреніе того, что прошеніе ихъ вполнѣ законно.

Генералу Бизянову хорошо было извѣстно, что казаки Ботовъ и Кирпичниковъ дѣйствуютъ не отъ своего только имени, а являются уполномоченными большинства уральскихъ казаковъ. Атаманъ отдѣла въ своемъ донесеніи по этому поводу указывалъ, между прочимъ, на станицу Кругло-Озерную и др., какъ на центръ, изъ котораго распространяется смута, и что не всѣ казаки настолько упорствуютъ подчиниться требованію начальства, а болѣе разсудительные изъ нихъ, хотя и погалдѣли о томъ, что слѣдуетъ попытаться попросить начальство исходатайствовать отмѣны Положенія, но, однако, не взялись подать о томъ прошеніе. Отмѣтивъ нерѣшительность части казаковъ, атаманъ отдѣла указалъ и главныхъ агитаторовъ *).

Дѣйствительно, казаки Ботовъ и Кирпичниковъ имѣли письменное полномочіе на подачу прошенія, подписаннаго огромнымъ числомъ ихъ единомышленниковъ; это письменное полномочіе извѣстно было подъ названіемъ *„заручной“*.

Въ виду отказа Ботова и Кирпичникова дать подписку въ томъ, что они подчинятся новому Положенію, отдано было 29-го іюля распоряженіе отобрать у нихъ эту „заручную“, узнать по ней всѣхъ ихъ единомышленниковъ, допросить послѣднихъ и *отобрать отъ нихъ всѣхъ подписки о томъ, признаютъ ли они себя солидарными съ Ботовымъ и Кирпичниковымъ, а также въ томъ, что они отказываются отъ единомыслія съ послѣдними и будутъ впредь подчиняться всѣмъ распоряженіямъ начальства; въ случаѣ же отказа казаковъ дать требуемую подписку—предать ихъ суду.*

Такое, на первый взглядъ, энергичное распоряженіе, на са-

*) Кромѣ Ботова и Кирпичникова указывались еще казаки Забродинъ и Красниковъ.

момъ дѣлѣ должно было неминуемо повести къ дальнѣйшему осложненію положенія вещей. „Заручную", которую Ботовъ и Кирпичниковъ первоначально сами представляли въ удостовѣреніе своихъ полномочій, они теперь, разумѣется, наотрѣзъ отказались выдать начальству, чѣмъ лишили его возможности выяснить имена лицъ, его подписавшихъ. Такимъ образомъ, распоряженіе оказалось трудно осуществимымъ. Само по себѣ отобраніе подобной подписки было почти равносильно плебисциту, пусканію вопроса на голоса и, во всякомъ случаѣ, должно было вселить въ казакахъ убѣжденіе, что ихъ спрашиваютъ о желаніи или нежеланіи принять новое Положеніе, а, слѣдовательно, что на обязательное принятіе его нѣтъ царскаго повелѣнія, и начальство домогается теперь добровольнаго со стороны казаковъ согласія принять новое Положеніе. „*Недоразумѣніе*", такимъ образомъ, росло, сгущалось въ огромную, беспросвѣтную тучу, нагонявшую мракъ, въ которомъ никто не могъ разобраться.

Съ одной стороны, генералъ Бизяновъ, повидимому, не предвидѣвшій возникшихъ затрудненій, доноситъ командующему войсками въ Оренбургѣ *) въ успокоительномъ тонѣ о начавшемся среди казаковъ волненіи умовъ, указывая, что у Ботова и Кирпичникова единомышленниковъ очень немного, во всякомъ случаѣ не больше сотни, при томъ наиболѣе невѣжественныхъ и грубыхъ казаковъ, и что все прочее казачье населеніе вполнѣ благонадежно и продолжаетъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ; при этомъ генералъ Бизяновъ придаетъ особенное значеніе тому обстоятельству, что среди протестующихъ вовсе нѣтъ молодыхъ казаковъ, забывая, повидимому, о томъ, что старики вершатъ у казаковъ дѣла, а не молодежь. Съ другой стороны, тотъ же генералъ Бизяновъ каждую минуту натыкается на новыя трудности и осложненія. Едва началось, по приказанію генерала Бизянова, слѣдствіе, производимое подполковникомъ Прытовымъ, съ цѣлью выяснить единомышленниковъ Ботова и Кирпичникова, казаки поспѣшили уничтожить „заручную", которая, какъ обнаружилось при слѣдствіи, была подписана уполномоченными отъ большей части поселковъ Уральскаго казачьяго войска. По слухамъ, эта „заручная" была сожжена въ присутствіи всѣхъ уполномоченныхъ въ степи, вблизи одного изъ хуторовъ Каменнаго форпоста, Чижинской станицы. Вызванные къ допросу, казаки показали, что они отъ единомыслія съ Кирпичниковымъ и Ботовымъ не отказываются и не откажутся *до тѣхъ поръ, пока прошеніе ихъ не будетъ доведено до свѣдѣнія государя императора, и тогда, какое бы ни послѣдовало повелѣніе его величества, они ему безусловно подчинятся.*

Отвѣтомъ на отказъ казаковъ дать подписку были аресты,

---

*) Генералу Крыжановскому.

при томъ аресты массовые. Кирпичниковъ и Ботовъ были препровождены въ Оренбургъ, гдѣ они объяснили о томъ, что собственно побудило ихъ подать прошеніе объ отмѣнѣ новаго Положенія. Результатомъ ихъ объясненій было указаніе генералу Бизянову, что ему слѣдовало бы самому явиться на сборъ казаковъ, когда они обсуждали новое Положеніе и разъяснить имъ всѣ возникшія у нихъ, благодаря невѣжеству и незнанію законовъ, недоразумѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералу Бизянову препровождены были заявленія Кирпичникова и Ботова о томъ, что они отказываются отъ дальнѣйшихъ домогательствъ отмѣны новаго Положенія.

Получивъ такое указаніе, генералъ Бизяновъ, тотчасъ же распорядился послать офицеровъ по станицамъ *), чтобы разъяснить казакамъ преступность ихъ домогательствъ и чтобы огласить подписку Ботова и Кирпичникова, но моментъ уже, разумѣется, былъ утерянъ и подобное уговариванье казаковъ, кромѣ вреда дѣлу, ничего оказать не могло.

Казаки отнеслись, конечно, скептически къ искренности заявленій Ботова и Кирпичникова; они высказали по прежнему сомнѣніе въ томъ, что новое Положеніе высочайше утверждено; высказывали опасенія, что всѣхъ ихъ дѣтей будутъ обязательно обучать грамотѣ (?) **), что введеніе сборовъ является лишь переходомъ къ очередной службѣ, а нѣкоторые высказывали даже опасенія „за крестъ и за бороду"... Словомъ, недоразумѣніе такъ и осталось недоразумѣніемъ, а казаки продолжали упорно твердить, что никакихъ подписокъ не дадутъ, а „худо будетъ, такъ видно это Богу угодно"!.. ***)

Послѣ безплодныхъ стараній убѣдить казаковъ, 9-го августа послѣдовало распоряженіе командующаго Уральскимъ войскомъ, объявить казакамъ, что дальнѣйшія ихъ домогательства отмѣны новаго Положенія подвергнутъ ихъ, какъ нарушителей дисциплины и распоряженій начальства, тяжкой отвѣтственности по

*) Надо замѣтить, что среди сосланныхъ уральцевъ, впослѣдствіи почти всѣ дѣти, достигшіе 12-ти-лѣтняго возраста, были грамотны.

**) Полковникъ Мартыновъ былъ командированъ въ Трекинскую станицу, подполковникъ Темниковъ — въ Красную, а самъ генералъ Бизяновъ ѣздилъ въ Кругло-Озерную и Чаганскую станицы.

***) „Атаманы наши симъ не удовольствовались, — заявляютъ казаки въ прошеніи, поданномъ Головановымъ, Ильичевымъ и др.,—а потребовали отъ насъ подписки, въ которыхъ говорили, что мы отъ чего-то отрекаемся, что мы въ чемъ-то обязуемся; а такъ какъ намъ сказывали, что законы должны исполняться вѣрноподданнымъ въ силу принимаемой присяги каждымъ безъ подписокъ, то старики и мы, недоумѣвая съ какимъ это намѣреніемъ атаманы наши измыслили, опять пошумѣли, поговорили: не хотимъ, дескать, давать никакихъ подписокъ, а будемъ исполнять законъ о военной повинности по данной каждымъ присягѣ. За таковое наше разсужденіе начались ссылки, каторга и заключеніе тѣхъ, кто шумѣлъ, и тѣхъ, кто недоумѣвалъ, отъ чего все это происходитъ"...

закону. Въ Уральскъ собраны были съ этою цѣлью казаки ближайшихъ станицъ, и въ назначенный часъ къ зданію хозяйственнаго правленія, возлѣ котораго происходилъ сборъ казаковъ, пріѣхали: генералъ-маіоръ Бизяновъ, начальникъ штаба полковникъ Костенко и войсковой депутатъ полковникъ Мартыновъ. Начались увѣщанія... „Много,—замѣчаетъ по этому поводу полковникъ Темниковъ,—было потрачено краснорѣчія по пустому"... Не помогло и освобожденіе препровожденныхъ въ Уральскъ, Ботова и Кирпичникова, которые были, для примѣра, отпущены по домамъ, какъ ни въ чемъ невиновные, потому что „подали прошеніе не лично отъ себя, а по уполномочію, принятому ими исключительно по легкомыслію".

Тогда рѣшено было дѣйствовать рѣшительно и фактически привести въ дѣйствіе высочайше утвержденное 9-го марта Положеніе, произведя, согласно этому Положенію, выборы въ станицахъ депутатовъ, подъ личнымъ наблюденіемъ атамановъ отдѣла. При объѣздѣ съ этою цѣлью станицъ Уральскаго отдѣла его атаманомъ, 15 и 16-го августа сходы нѣкоторыхъ станицъ (Благодатной, Бородинской и Соболевской) заявили готовность приступить къ выборамъ депутатовъ; другіе станицы (напр., Кирсановская) просили дозволить предварительно справиться въ Уральскѣ объ общемъ мнѣніи прочихъ казаковъ и, когда имъ въ этомъ было отказано, не согласились приступить къ выбору, а рѣшили возобновить ходатайство объ отмѣнѣ новаго Положенія; наконецъ, нѣкоторые станичные сходы (напр., въ Рубеженскомъ форпостѣ) не только отказались произвести выборы, но даже проявили столь сильное возбужденіе, что были распущены по приказу атамана отдѣла, а въ станицѣ Красной на сходѣ произошли даже безпорядки, при чемъ казаки силою противились арестованію виновныхъ, уступивъ лишь угрозѣ прибѣгнуть къ дѣйствію оружіемъ. Весьма характерно, что на всѣхъ станичныхъ сходахъ, по распоряженію начальства, казаки, *согласные* принять Положеніе, были отдѣляемы отъ *несогласныхъ* и такая искусственная группировка выборщиковъ породила только лишнія недоразумѣнія, давъ поводъ казакамъ думать, что начальство не рѣшается попросту произвести выборы, не допуская никакихъ разсужденій, какъ того требуетъ дисциплина.

Неудавшаяся, такимъ образомъ, попытка произвести выборы не научила ничему лицъ, приводившихъ въ дѣйствіе новое Положеніе: 1-го сентября былъ командированъ въ Уральскъ начальникъ окружного штаба генералъ-маіоръ Звѣревъ для *убѣжденія* казаковъ подчиниться новому Положенію, вслѣдствіе чего по станицамъ опять собраны были сходы. Когда же и эти увѣщанія ни къ чему не повели, отдано было приказаніе отдѣлять на сходахъ желающихъ приступить къ выборамъ депутатовъ отъ нежелающихъ, для чего предложено было казакамъ расписываться

на особыхъ чистыхъ листахъ, на которыхъ, по свидѣтельству современниковъ, не указано было даже въ чемъ дается подписка *).

Нечего и говорить, что ген.-м. Звѣревъ встрѣтилъ сильное упорство во многихъ станицахъ (Кирсановской, Трекинской и др.), гдѣ оппозиція успѣла уже вполнѣ сърганизоваться, благодаря, главнымъ образомъ, отдѣленію *„согласныхъ“* отъ *„несогласныхъ“*, благодаря предшествовавшимъ сходамъ, собиравшимся по приказанію атамана отдѣла и др. подобнымъ же мѣропріятіямъ администраціи. Между прочимъ, генералу Звѣреву, на одномъ изъ сходовъ старики заявили, что Уральское войско, „подобно излюбленному Богомъ народу еврейскому“, имѣетъ привилегію во всѣхъ своихъ нуждахъ обращаться черезъ своихъ довѣренныхъ непосредственно къ Царю“.

---

*) Вотъ что значится по этому поводу въ прошеніи, поданномъ въ 1881 г. уральцами сенатору М. Е. Ковалевскому, командированному изъ Петербурга въ Оренбургъ для ревизіи этого генералъ-губернаторства, по случаю происшедшаго въ немъ расхищенія свободныхъ казенныхъ земель (башкирскихъ): „Въ 1875 г. послѣдовало введеніе новаго Положенія въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ. Вводя это положеніе такъ, какъ вводили и вводятъ теперь въ другихъ войскахъ новыя реформы и устройства, никого не спрося, у насъ, въ уральскомъ войскѣ, не произошло бы никакого движенія, и мы этого нововведенія какъ слѣдуетъ и не замѣтили бы: такъ мало нарушало оно наши старые порядки; точно такъ, какъ изъ земель Уральскаго войска сдѣлали Уральскую область, а изъ войскового правленія сдѣлали областное правленіе, не спрося казаковъ, и послѣдніе не обратили на это никакого вниманія. А спроси согласія казаковъ, и на изъявленное согласіе потребуй подписокъ—произошелъ бы пожаръ. Такъ и случилось съ новымъ Положеніемъ.

Уральскіе офицеры и чиновники, которымъ поручено было ввести новое Положеніе, по непонятной причинѣ, поступили совсѣмъ иначе. Они во всѣхъ станицахъ собирали казаковъ и задавали намъ такой вопросъ: „Хотите ли вы принять новое Положеніе, или нѣтъ?“ не пояснивши намъ, что за новое Положеніе, въ чемъ оно состоитъ; такъ мы до сихъ поръ и не знаемъ сути новаго Положенія. Весьма естественно, что на подобные вопросы отвѣты, будь они отрицательные или положительные, не будутъ приняты за преступленія. Поэтому многіе казаки простодушно отвѣчали: „Новаго Положенія мы не желаемъ“. Отвѣтъ этотъ былъ принятъ за сопротивленіе и донесено было офицерами, какъ о бунтѣ. Послѣдовали аресты, приходъ пѣхоты Гурійскаго полка и отправленіе казаковъ въ Уральскъ, въ острогъ, какъ преступниковъ. Со стороны казаковъ, изъявившихъ *нежеланіе*, было тотчасъ заявлено, что они не сопротивляются новому Положенію и принимаютъ его безропотно. Аресты и отправки въ остроги было остановились, и дѣло тѣмъ могло бы и кончиться. Но офицеры самовольно, безъ указанія свыше, не руководствуясь ни логикой, ни доброй совѣстью, потребовали отъ казаковъ *подписки* въ принятіи новаго Положенія, предложивши намъ для этого бѣлый листъ бумаги и заставляли каждаго казака написать на немъ свою фамилію. Руководствуясь чувствомъ самосохраненія, казаки подписать свои фамиліи на бѣломъ листѣ рѣшительно отказались. Горячими мольбами мы умоляли офицеровъ ввести новое Положеніе безъ подписокъ, но намъ отвѣчали кандалами. Это фактъ“ (См. „Соврем. Изв.“ 1881 г., № 206).

Положеніе становилось серьезнымъ. Изъ Оренбурга вызваны были регулярныя войска (первый линейный баталіонъ), а 7-го сентября въ Уральскъ прибылъ генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій, который издалъ чрезвычайно строгій приказъ и принялъ рѣшительныя мѣры къ подавленію безпорядка. Приказомъ этимъ предписывалось: 1) Находящіяся нынѣ здѣсь и впредь могущія быть сюда присланными регулярныя войска расположить казарменнымъ порядкомъ, преимущественно по квартирамъ болѣе виновныхъ казаковъ въ тѣхъ станицахъ, гдѣ было замѣчено особое упорство и неповиновеніе, возложивъ на нихъ всѣ расходы по содержанію войскъ, по найму помѣщеній для арестуемыхъ казаковъ, по довольствію ихъ пищею, на путевое содержаніе имѣющихъ быть высланными по приговору военныхъ судовъ и т. п. расходы по этому дѣлу. 2) Къ участію въ такихъ расходахъ привлечь всѣ тѣ станицы, гдѣ жители уклонились отъ выборовъ депутатовъ, освободивъ отъ сего, однако, такихъ домохозяевъ, которые съ самаго начала заявляли готовность и готовы были подчиниться всѣмъ требованіямъ начальства, а равно всѣхъ, находящихся на службѣ внѣ войсковыхъ предѣловъ и въ войсковыхъ командахъ, какъ вѣрно и честно исполняющихъ свой долгъ. 3) Сдѣлать немедленно распоряженіе о производствѣ выборовъ, гдѣ они не состоялись и, если таковые не будутъ окончены въ Уральскѣ къ 11 сентября, въ Уральскомъ и Калмыковскомъ отдѣлахъ къ 16 сентября, а въ Гурьевскихъ къ 18 сентября, то съ этихъ чиселъ начнется исчисленіе и взысканіе на означенные расходы съ виновныхъ въ неисполненіи сего станицъ. 4) По мѣрѣ производства выборовъ станицы освобождать по особому каждый разъ разрѣшенію начальниковъ отдѣловъ отъ участія въ этихъ расходахъ, разлагая ихъ на прочія станицы, гдѣ выборы не будутъ сдѣланы. 5) Для сужденія виновныхъ въ неповиновеніи открыта въ Уральскѣ особая военно-судная коммиссія. 6) О преданіи же главныхъ виновниковъ и подстрекателей этому военному суду, по полевымъ военно-уголовнымъ законамъ, испрошено уже высочайшее разрѣшеніе. Приказъ этотъ былъ прочитанъ на сходахъ и выставленъ на видныхъ мѣстахъ во всеобщее свѣдѣніе.

Аресты къ этому времени достигли такихъ размѣровъ, что въ Уральскѣ не хватало мѣста для заключенія арестованныхъ. Полевой судъ приступилъ къ дѣйствію, своей строгой репрессіей стараясь сломить упорство казаковъ. 27 человѣкъ за упорство и подстрекательство были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь или въ арестантскія отдѣленія, но волненіе не утихало. 19 сентября приговоренные къ ссылкѣ 27 человѣкъ были отправлены по назначенію. Вотъ какъ описываютъ ссыльные уральцы въ своихъ письмахъ это событіе:

„Приняли мѣры судить невинныхъ 26 человѣкъ уральскихъ

казаковъ, не подписавшихся къ новому положенію. Взяли ихъ съ гауптвахты и въ судъ вводили ихъ по одному человѣку и угрожали имъ въ судѣ строгостью пристрастія. Посудила ихъ комиссія ложная: 12 человѣкъ въ каторгу, 12 человѣкъ въ Сибирь на поселеніе; и заковали ихъ въ желѣзо, одѣли въ сѣрую арестантскую одежду, заклейменную позоромъ вѣчнаго безчестія и, какъ невинныхъ страдальцевъ, заключили ихъ въ тюремный замокъ. Послѣ того суда ложной коммиссіи, на другой день прибили афишки по всему городу Уральску и во многихъ жительствахъ. Напечатано въ афишкахъ: непринявшихъ новое положеніе осуждать полевымъ судомъ въ 24 часа къ разстрѣлу. По (произведенному) слѣдствію, мы невинные преступники, не знаемъ за собой ни одного подозрѣнія или преступленія; того, что доказано противъ насъ, безъ сомнѣнья, мало для законнаго правосудія. Но, не имѣя права искать оправданія своего по суду, только осталось намъ надежды считать для себя единственнымъ счастьемъ ту минуту, которая можетъ прекратить бытіе наше... И затѣмъ вскорѣ тутъ многихъ казаковъ заарестовали въ Уральскѣ (не менѣе 3000 человѣкъ) и насажали всѣ казенныя зданія полны. Выше-же упомянутыхъ 26 человѣкъ казаковъ отправили въ Оренбургъ въ желѣзахъ за строгимъ карауломъ, и, по представленію ихъ въ Оренбургъ, возводили ихъ на эшафотъ, обрили имъ лѣвую половину головы и удалили ихъ въ дальнюю восточную Сибирь; въ числѣ ихъ нѣсколько человѣкъ было 70-ти и 80-ти лѣтъ, и отъ жестокихъ налоговъ, тиранства, не въ силахъ (будучи вынести) стѣсненія этапнаго безпорядка, и отъ туготы оковъ желѣзныхъ, многіе изъ числа ихъ встрѣтили страдальческую смерть. Въ то же время начальникъ Рубеженской станицы, есаулъ Алексѣй Бородинъ многимъ казакамъ перевязалъ назадъ руки и за надлежащимъ карауломъ погналъ ихъ въ г. Уральскъ; отъ тугой вязки рукъ, два казака (Федоръ Лапшинъ и Федоръ Буренинъ) не въ силахъ были перенести и оттого въ то время померли".

Въ ночь на 20 сентября возвратился изъ-за границы атаманъ ген. Веревкинъ и, принимая утромъ съ визитомъ уральскихъ чиновъ и представителей различныхъ частей войскъ, сказалъ: „Съ удовольствіемъ вижу васъ всѣхъ, господа, здоровыми! Одно непріятно, что въ Уральскомъ войскѣ возникли большія затрудненія по введенію новаго положенія; впрочемъ, при помощи Божьей и вашемъ содѣйствіи, господа, я надѣюсь уладить это дѣло" *).

А къ 21 сентября выборы депутатовъ были уже окончены во всѣхъ станицахъ Уральскаго войска, кромѣ Кругло-Озерной, Трекинской и 2-хъ Гурьевскихъ. Выборы производились чрезвы-

*) Витевскій—„Расколъ въ Уральск. в."

чайно энергично: въ случаѣ упорства разрѣшено было прибѣгать къ оружію, арестовывалось по 200 человѣкъ одновременно, а въ г. Уральскѣ, куда были вызваны изъ Кругло-Озерской станицы по одному казаку отъ каждыхъ 25 дворовъ для выслушанія убѣжденій генерала Крыжановскаго, всѣ они были арестованы по приказанію сего послѣдняго. Приведенный выше приказъ генерала Крыжановскаго объ имущественной отвѣтственности ослушниковъ приводился, повидимому, въ исполненіе неукоснительно и съ большой строгостью. Въ письмахъ своихъ „уходцы" пишутъ:

„Въ то же время у насъ въ войскѣ отъ страшнаго истязанія образовались двѣ партіи: согласные и несогласные. Согласные принять новое положеніе и дать требуемую подписку избираютъ депутатовъ и становятся на сторону администраціи, а несогласныхъ насъ стали въ тюремные замки заключать и раззорять наше стяжаніе, какъ: птицу, дворовое строеніе, рыболовныя снасти, инструментъ хозяйственнаго издѣлія, тащить по своему усмотрѣнію... Описывать и продавать подъ видомъ взысканія съ насъ контрибуціи, и, такимъ насильственнымъ дѣйствіемъ, или сказать — самоуправствомъ, собственность нашу въ короткое время превратили въ пустынный видъ и полное раззореніе..." Среди населенія царили полное смущеніе и растерянность:

„О, горе люто и бѣда!—

восклицаютъ уральцы въ своихъ пѣсняхъ:—

Подписаться—душѣ вреда.
Настанетъ теперь время тѣсно,
Жить намъ вмѣстѣ неполезно;
Всего у насъ недостаетъ,
Тутъ и врагъ на насъ возстанетъ...
Адамъ прадѣдъ *запись* далъ,—
Весь свой родъ во адъ послалъ..."

Грустно, на молитвенный ладъ, распѣвали уральскія женщины:

„...За что вѣру Христову оболгали,
А христіанъ безъ пощады погнали?
Мы же имъ отнюдь не досадили,
А они насъ въ темницу посадили..." *).

II.

Съ открытіемъ на Уралѣ дѣйствій военнаго суда по дѣлу о казакахъ, оказавшихъ противодѣйствіе введенію новаго Положенія, само собой разумѣется, возникъ вопросъ о томъ, какъ по-

*) Тамъ же.

ступить съ виновными, которыхъ оказалось довольно значительное число. Оренбургскій генералъ-губернаторъ вошелъ съ представленіемъ о водвореніи нежелающихъ подчиниться новому Положенію казаковъ въ киргизскія степи, находя въ этомъ удобный случай для начала колонизаціи этого огромнаго степного пространства, въ которомъ совершенно отсутствуютъ русскія осѣдлыя поселенія; между тѣмъ, такія осѣдлыя поселенія благопріятствовали бы въ значительной мѣрѣ развитію тамъ торговли, насажденію культуры и установленію административнаго порядка и сильной правительственной власти. Независимо отъ того, поселеніе между киргизами-магометанами казаковъ, устраняя, съ одной стороны, возможность распространенія среди послѣднихъ ихъ фанатическихъ воззрѣній, являлось бы чрезвычайно полезнымъ и для самихъ киргизовъ, такъ какъ ознакомило бы ихъ съ выгодами осѣдлой жизни и, такимъ образомъ, содѣйствовало бы началу осѣдлости степного населенія. Однако, военное министерство не согласилось со взглядами оренбургскаго генералъ-губернатора, находя, что близость территоріи Уральскаго войска къ киргизской степи не устранила бы вліянія сосланныхъ на остальное казачье населеніе. Военное министерство высказалось за поселеніе упорствующихъ казаковъ по Аму-Дарьѣ, гдѣ они могли бы заниматься привычнымъ и съ давнихъ поръ излюбленнымъ ихъ промысломъ—рыболовствомъ, не говоря уже о томъ, что водвореніе казаковъ во вновь занятомъ краѣ имѣло бы большое государственное значеніе, такъ какъ усилило и укрѣпило бы русское вліяніе и положеніе по Аму-Дарьѣ, создавъ на ней русскія земледѣльческія и промышленныя поселенія. Этотъ проектъ военнаго министерства удостоился высочайшаго одобренія. Первоначально предполагалось, что число сосланныхъ не будетъ особенно значительно, не болѣе 600 человѣкъ. Для того, чтобы высылка казаковъ удовлетворяла бы своему колонизаторскому назначенію, опредѣлено было переселить упорствующихъ принятію новаго Положенія казаковъ въ аму-дарьинскій край съ семьями, примѣнивъ по отношенію къ ихъ семействамъ правила слѣдованія за лицами, подлежащими ссылкѣ по суду, выселенію или удаленію по приговорамъ сельскихъ обществъ или въ административномъ порядкѣ *); при этомъ повелѣно было выдавать на каждую семью пособіе въ размѣрѣ отъ 30 до 50 рублей, а на издержки по водворенію отчислить 10 тысячъ рублей изъ суммъ Уральскаго войска.

Но, однако, малолѣткамъ, достигшимъ семнадцатилѣтняго возраста, не разрѣшено было слѣдовать по собственному желанію въ ссылку, за родителями, потому что, въ силу положенія 9-го марта 1874 г., они были обязаны отбывать повинность.

---

*) Высоч. повелѣніе 19-го апрѣля 1875 г.

Такъ какъ условія жизни въ новомъ мѣстѣ поселенія были совершенно неизвѣстны выселяемымъ казакамъ и они, въ особенности первое время, могли бы очутиться въ затруднительномъ положеніи въ отношеніи пріисканія, а тѣмъ болѣе постройки жилищъ, и даже въ отношеніи продовольствія на мѣстѣ ссылки, то предписано было первоначально отправить на Аму-Дарью однихъ только казаковъ, а семейства ихъ выслать затѣмъ отдѣльно.

Юридическое положеніе ссылаемыхъ казаковъ также озабочивало мѣстное начальство. Войсковой атаманъ, генералъ-лейтенантъ Веревкинъ, вошелъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору о томъ, чтобы за выселяемыми въ аму-дарьинскій край отнюдь не оставляли казачьяго званія. Такое лишеніе званія мотивировалось наказнымъ атаманомъ тѣмъ, что выселеніе непокорныхъ съ сохраненіемъ казачьяго званія, имѣющее смыслъ образованія особаго аму-дарьинскаго казачьяго войска, совершенно лишило бы эту высылку значенія карательной мѣры и, такимъ образомъ, послужило бы основаніемъ къ поддержанію въ неподчиняющихся казакахъ давно уже существующаго ложнаго убѣжденія и давно уже распространяемыхъ ими для смущенія покорныхъ своихъ товарищей слуховъ, что будто бы высланнымъ, т. е. неподчинившимся новому Положенію, жалуются на Аму-Дарьѣ земли и угодья, гдѣ они будутъ пользоваться всѣми казачьими правами и привилегіями; остающіеся же на Уралѣ, т. е. подчинившіеся новому Положенію, будутъ, какъ живущіе далеко отъ границы, лишены казачьяго званія и обращены въ крестьянское сословіе. Какъ ни нелѣпо, повидимому, подобное убѣжденіе и толкованіе,—замѣчаетъ генералъ-лейтенантъ Веревкинъ, — но оно находитъ легковѣрныхъ, которые, въ случаѣ оставленія за переселяемыми казачьяго званія, могутъ перейти на ихъ сторону и упорствомъ своимъ постараются добиться и своего переселенія, съ цѣлью сохранить казачье званіе и соединенныя съ этимъ званіемъ права, а въ то же время избѣжать необходимости отбывать воинскую повинность по новому Положенію. Такое предположеніе генералъ-лейтенантъ Веревкинъ обосновывалъ на близкомъ знакомствѣ съ духомъ и характеромъ уральцевъ, которые, не задумываясь, рискуютъ всѣмъ для нихъ дорогимъ, лишь бы только настоять на своемъ требованіи оставить за ними право отбывать службу по прежнему, безъ малѣйшихъ измѣненій. Генералъ-лейтенантъ Веревкинъ просилъ разсмотрѣть его предложеніе съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, котораго оно заслуживаетъ по своей важности, какъ одно изъ средствъ, во первыхъ, для успокоенія умовъ возбужденнаго населенія, колеблющагося между страхомъ потерять здѣсь свои права и надеждою сохранить ихъ въ мѣстѣ новаго поселенія и, во-вторыхъ, для окончательнаго водворенія спокойствія и порядка среди казаковъ-

уральцевъ вообще, такъ какъ, благодаря этому, у безумцевъ, не желающихъ нынѣ подчиниться требованіямъ правительства, отнимется всякая надежда добиться дальнѣйшимъ упорствомъ достиженія своихъ притязаній и въ то же время явится убѣжденіе, что выселеніе на Аму-Дарью есть тяжкое наказаніе, а отнюдь не средство сохранить прежній правопорядокъ.

Дѣйствительно, мѣра эта, какъ оказалось, произвела на казаковъ потрясающее впечатлѣніе, но далеко не подѣйствовала успокоительно.

„Въ 1875 году, 29-го мая, — читаемъ мы въ письмахъ уходцевъ,—144 человѣка нашихъ стариковъ переправили на лѣвый берегъ рѣки Урала, гдѣ начальникомъ эшелона было объявлено, что они должны слѣдовать на переселеніе въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Тогда старики обратились къ нему съ просьбою, чтобы онъ разъяснилъ имъ, за что именно ссылаютъ ихъ и лишаютъ всѣхъ заслуженныхъ правъ и привилегій. Заявленіе это начальникомъ эшелона было представлено на благоусмотрѣніе наказного атамана генерала Веревкина, и по поводу этого отказа 145 человѣкъ испрашивалось разрѣшеніе пустить въ дѣло оружіе (стрѣлять) *).

„Наказной же атаманъ,—пишутъ далѣе уходцы,—по сему заявленію командировалъ къ нимъ (старикамъ) подполковника Темникова и войскового старшину Кириллова, которые, по прибытіи къ старикамъ, вмѣсто всякаго разъясненія, съ яростнымъ подвигомъ, кинулись ихъ бить, и войскамъ приказали то же творить; такимъ образомъ, изувѣченныхъ, въ безпамятствѣ, поклали ихъ на изготовленныя тутъ же подводы и отправили по назначенію... А потомъ того же года въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ г. Уральскѣ (въ мѣстѣ), что подъ Михайловской частью, надъ собранными въ то время молодыми казаками ужасное происходило наказанье: мяли лошадьми, били прикладами и нагайками; тѣ же офицеры... обнажали шашки и полосами наносили удары. Подобно же сему и того же дня и мѣсяца, подполковникъ Гуляевъ производилъ въ лагеряхъ наказаніе; вообще, съ природными казаками поступали съ такимъ озлобленіемъ, какъ съ плѣнниками, или, сказать, предателями, безъ всякаго разсужденія и испытанія... Съ грустью вспомнилъ я тѣ прошедшія времена, когда избитаго, оборваннаго, съ запекшеюся кровью, казака Исаака Божедома привязывали на срамной позорный столбъ, и то печальное зрѣлище, въ которомъ воздухъ былъ смѣшанъ съ воплемъ рыдающихъ матерей, плачущихъ женъ и малолѣтнихъ нашихъ дѣтей!.. Затѣмъ изъ

*) Указывалось на уст. о предупр. и пресѣч. преступл. ст. 184, т. II, св. зак. ст. 412, на ст. 388, т. XIV устава о ссыльныхъ, ст. 574, 575, 576, т. III. С. В. П. 1859 г. и инстр. конвойн. унт. оф., сопровождающему арестантовъ приложен. къ цир. гл. штаба 13 февр. 1868 г. № 36.

насъ нѣкоторыхъ стали ковать въ желѣзо и выводить на эшафотъ. Въ г. Уральскѣ были выведены три казака: Трифоновъ, Гузиковъ и Фроловъ, а въ г. Оренбургѣ 23 человѣка, и всѣ они отосланы въ Сибирь. Въ то же время, по понесеніи наказанія, нѣкоторыхъ казаковъ отправляли въ военно-исправительныя роты, въ числѣ коихъ сосланы на исправленіе два семидесятилѣтнихъ старика (Канашкинъ и Потапичевъ), которыхъ на посмѣянье на стулья посадили и въ позоръ сѣдыя бороды ихъ обрили. И многихъ казаковъ отягощали усиленными работами на желѣзной дорогѣ".

24 мая 1875 г. состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, что переселяемые въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ уральскіе казаки лишались казачьяго званія и зачислялись въ сословіе сельскихъ обывателей; это высочайшее повелѣніе было объявлено по войску въ августѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ высочайшимъ повелѣніемъ 3 іюля опредѣлено было всѣхъ виновныхъ въ неповиновеніи выслать изъ войска въ Туркестанскій край и размѣстить ихъ тамъ впредь до окончательнаго устройства ихъ при войскахъ, или гдѣ окажется возможнымъ, такъ какъ они выселялись безъ семей; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось употреблять ихъ на казенныя работы, неспособныхъ же къ труду повелѣно было выслать въ города и крѣпости Оренбургскаго генералъ-губернаторства или въ станицы Оренбургскаго казачьяго войска; наконецъ, относительно дальнѣйшаго на будущее время устройства въ Туркестанскомъ краѣ высланныхъ уральцевъ, предложено было туркестанскому генералъ-губернатору представить свои подробныя соображенія.

Началось выселеніе уральцевъ. Тяжелую картину рисуютъ „уходцы" въ своихъ письмахъ *); не легко для нихъ, повиди-

*) „Далѣе въ 1875 году,—пишутъ уходцы,—насъ стали ссылать въ разныя отдаленныя мѣста Россійской имперіи и въ Туркестанскій военный округъ, а при отправкѣ изъ г. Оренбурга генералъ Юношъ всѣмъ препровождаемымъ партіямъ вычитывалъ высочайшее повелѣніе, по которому усматривалось, что насъ лишаютъ всѣхъ состояній казачьихъ правъ, съ переселеніемъ (переименованіемъ) въ составъ сельскихъ обывателей. На мѣстѣ же ссылки въ Казалѣ вычитано было второе предписаніе высочайшаго повелѣнія, изъ коего видно, что не лишены мы казачьяго званья, а взамѣнъ объявили, что мы, какъ будто бы, по собственному изъявленному на Уралѣ желанію, слѣдуемъ на пересселеніе, гдѣ и должны быть водворены. Таковое положеніе дѣлъ и колебаніе со стороны властей вызвало насъ обратиться къ здѣшнему начальству за снисхожденіемъ, на томъ основаніи, чтобы разъяснили намъ встрѣчающееся недоразумѣніе, такъ какъ мы не по собственному желанію, но силою сосланы сюда на поселеніе, за неизвѣстное преступленіе въ наказаніе, и объяснили, что нами нигдѣ и никогда не допущалось заявлять согласіе на такое переселеніе, такъ какъ мы не стѣснены и довольны были тѣми землями и угодьями, которыя пролегаютъ по долинамъ рѣкъ Урала, и съ тѣмъ вмѣстѣ настаивали просьбу, чтобы изъ среды насъ для точнаго разъясненія отправили къ начальнику Туркестанскаго края. Тутъ же мы присовокупили о томъ, что касается до населенія здѣшней мѣстности, то мы ни впредь, ни послѣ желанія заявлять не смѣемъ и се-

мому, обошлось прощаніе съ роднымъ Ураломъ и прохожденіе по всѣмъ мытарствамъ тяжелаго пути въ изгнаніе!

литься не будемъ. Такое заявленіе наше въ уваженіе принято не было, а взамѣнъ всего подполковникъ Косыревъ сказалъ, что хотя селиться мы и не хотимъ, но „это дѣло и сила въ рукахъ правительства; въ силу же поступившаго ко мнѣ распоряженія я всѣ старанія приложу и васъ поселю“. Вслѣдъ затѣмъ изъ насъ онъ сталъ вызывать желающихъ къ отправленію на объясненную выше надобность (на переселеніе въ Туркестанскій край), а 300 человѣкъ—въ прочіе форты. Когда охотниковъ на вызовъ не вышло, то онъ отдалъ 26 ноября 1875 г. распоряженіе въ Казалинскѣ войскамъ бить насъ, гдѣ войско и производило надъ нами разныя тиранства: бьютъ ружейными прикладами, казачьими плетьми, розгами и, такъ сказать, чѣмъ угодить, дабы больнѣе ударить... не было пощады тутъ никому—ни старцамъ, ни заслуженнымъ въ знаменитой Иканской битвѣ героямъ, имѣющимъ знаки отличія св. Георгія Побѣдоносца. Такимъ образомъ, красивыя улицы Казалинскаго городка вскорѣ обратились въ мрачный печальный видъ: гдѣ ни посмотри—вездѣ стонъ и слезы; а жители, какъ русскіе, такъ и азіаты, какъ бы сливая между собою сердца заедино, знай износятъ жалостныя и тяжелыя воздыханія, съ приговоромъ: „За что уральцевъ такъ мучаютъ, и за что они страдаютъ?“ Охъ, горестное наше положеніе!

Послѣ сего, отъ 26 ноября 1875 года до сентября 1876 г., въ Казалѣ, во время отправленія насъ на пароходѣ въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ, были такъ же наказанія, но о нихъ (должно быть, автору письма) не описали. Къ 8 сентября, согласно распоряженію командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области, были командированы къ намъ одинъ генералъ, одинъ штабъ-офицеръ и нѣсколько оберъ-офицеровъ, которымъ поручено было размѣстить насъ изъ Казалы по разнымъ фортамъ, а въ Казалинскѣ составить военный рабочій батальонъ шести-сотеннаго состава и подчинить насъ, уральцевъ, отправленію всѣхъ воинскихъ обязанностей наравнѣ съ мѣстными пѣхотными войсками; по сформированіи же батальона дать намъ, казакамъ, волю въ томъ, чтобы мы добровольно и по собственному желанію изъявили бы согласіе на вступленіе въ роты, и ротныхъ командировъ сознавали бы какъ своихъ ближайшихъ начальниковъ. Такое распоряженіе какъ-то нашему Уралу было не по нутру по тѣмъ обстоятельствамъ, что тутъ на первомъ же шагу теряется смыслъ дарованной намъ высочайшей грамоты и данной престолу и отечеству присяги, которыя обязываютъ насъ продолжать службу его величества по положенію своихъ конныхъ казачьихъ, а не пѣхотныхъ войскъ, вслѣдствіе чего мы отъ батальона отказались. Тогда повсемѣстно, гдѣ только сосланы были наши уральцы, безпрерывное пошло тѣлесное наказаніе, а въ особенности въ нижеслѣдующихъ мѣстностяхъ: въ фортѣ Казалинскомъ (слѣдуетъ перечень начальствующихъ лицъ, распоряжавшихся наказаньемъ), въ фортѣ Кармакчинскѣ (тоже), въ Петро-Александровскомъ укрѣпленіи (тоже), въ фортѣ Перовскѣ (тоже), въ г. Туркестанѣ (тоже); въ прочихъ же фортахъ по неимѣнію свѣдѣній фамиліи офицеровъ неизвѣстны“,—замѣчаетъ авторъ письма.

Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе возмутительной жестокости, съ которой производилось это наказаніе, сопровождавшееся истязаніемъ и даже надруганіемъ надъ религіозными святынями казаковъ-раскольниковъ. Жестокости эти ужасны до невѣроятія, а потому мы, не касаясь ихъ, укажемъ олько на ихъ послѣдствія: „нѣкоторые не выносили такого увѣчья,—пишутъ казаки,—и въ непродолжительномъ времени помирали (умерли отъ побоевъ: Маркелъ Ильичевъ, Бѣлугинъ, Самаркинъ, Либедихинъ, Кибовъ, Легошинъ, Абрамичевъ, Башкировъ, Марковъ, Давилинъ, Шепухинъ, Лачугинъ и др.). „Отъ томленья въ заключеніи и нужною смертью уморили каза-

Не смотря, однако, на высылку наиболѣе упорнаго элемента волненіе на Уралѣ улеглось не сразу. По распоряженію изъ Оренбурга, генералъ-лейтенантъ Веревкинъ продолжалъ арестами и высылкой арестованныхъ бороться съ казаками, не перестававшими упорствовать, а чтобы устранить возможность вреднаго вліянія ссыльныхъ на остальное казачье населеніе, приняты были особыя мѣры: учрежденъ былъ строгій надзоръ за перепиской ссыльныхъ съ остававшимися на родинѣ казаками и ограничены были права выселяемыхъ распоряжаться своимъ имуществомъ на Уралѣ.

Не лучше пришлось высланнымъ уральцамъ на мѣстѣ ссылки. Для иллюстраціи ихъ первоначальнаго положенія въ Туркестанскомъ краѣ, обратимся къ печатавшимся въ 1884 году корреспонденціямъ Вс. Крестовскаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Корреспонденціи эти изъ форта Джулека писаны не только по личнымъ наблюденіямъ автора, но и по даннымъ, полученнымъ отъ коменданта форта, а потому до нѣкоторой степени отражаютъ взглядъ мѣстной туркестанской администраціи на сосланныхъ къ нимъ уральцевъ. „Первоначально выслано было ихъ въ Туркестанскій край около трехъ тысячъ человѣкъ,—пишетъ Вс. Крестовскій.—Мѣстная администрація распредѣлила этихъ высланцевъ небольшими группами по многимъ фортамъ и городамъ края, гдѣ лишь существуетъ русская осѣдлость, начиная отъ Казалинска до городка Пянджикента, въ горныхъ округахъ Самаркандскаго уѣзда, и до форта Нукуса, близъ аму-дарьинской дельты. Много было крайне тяжелыхъ сценъ при этомъ разселеніи; доходило даже до того, что при отправкѣ партій воднымъ путемъ изъ Казалинска въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ многіе уральцы кидались съ баржи за бортъ, въ рѣку. Тѣмъ не менѣе, *не смотря ни на что,* удалось кое-какъ доставить всѣ группы на мѣста, предназначенныя имъ для поселенія... Положеніе этихъ людей крайне печально само по себѣ и обременительно для мѣстныхъ начальствъ, которымъ пришлось съ ними вѣдаться послѣ разселенія... Съ перваго своего появленія въ краѣ и до сего дня отвергаютъ они всѣ заботы и предложенія мѣстной администраціи, клонящіяся къ облегченію и улучшенію ихъ же собственнаго быта и положенія. Началось съ того, что, когда, послѣ разселенія, предложили имъ землю и даже нѣкоторое пособіе (?!), чтобы дать возможность сразу обстроиться, высланцы всѣ поголовно отказались и отъ земли и отъ пособія. Какъ пригнали ихъ по этапу въ фортъ, какъ поставили станомъ

ковъ Дурманова, Крикова и Волнова... не щадили они такимъ наказаніемъ ни старческой сѣдины, ни боевыхъ заслугъ"... „Такое дѣйствіе и жестокосердное наказаніе безъ ослабленія продолжалось съ 26 ноября 1875 г. по 1879 г.".

на площади, такъ они тамъ и остались, безъ крова, на голой землѣ, а время было холодное. Иные, впрочемъ, приладили коекакъ къ своимъ повозкамъ цыновки да кошмы, какія успѣли захватить съ собою въ дорогу, и уже намѣревались было провести подъ такими наметами всю зиму; а другіе даже и объ этомъ не позаботились. Много тогда переболѣло между ними народа, не мало и перемерло ребятъ, старцевъ и женщинъ, въ особенности дѣти помирали. А строиться, располагаться на осѣдлое житье высланцы всетаки не желаютъ. Списались мѣстныя начальства съ Ташкентомъ, объясняя положеніе дѣла и спрашивая: „Какъ быть?“ Изъ Ташкента разрѣшили помѣстить временно въ казармы мѣстныхъ командъ, буде найдутся гдѣ свободныя помѣщенія. Нечего дѣлать, пришлось потѣснить людей и очистить подъ выселенцевъ часть казармы. Исполнили все это, приготовили и приглашаютъ переходить съ площади на казенныя квартиры. Не идутъ.

— Почему вы, братцы, не идете?

— Не желаемъ, ваше—скородіе!—отвѣчаютъ всѣ въ одинъ голосъ.

— Почему не желаете?

— Просто не желаемъ, ваше-скородіе, да и все тутъ. Неспособно намъ.

— Однако, вѣдь такъ же нельзя, братцы!—убѣждаютъ ихъ власти.—Такъ-то жить еще хуже для васъ же самихъ: помрете всѣ отъ болѣзней. И то уже вонъ сколько дѣтей схоронено.

— Что же, пущай ихъ мрутъ! Божья воля!.. И сами помремъ съ ними. Значитъ, намъ уже судьба такая отъ Бога—претерпѣвать должны.

— Да отъ чего же вы не желаете? По какимъ причинамъ?—добиваются власти.

— Своею доброю волею, значитъ, не желаемъ, окромѣ какъ на силокъ. Коли силкомъ поведутъ насъ,—ну, тутъ нечего дѣлать, пойдемъ, потому противъ силка ничего не подѣлаешь, покориться надо. А сами, своею охотою, идти не можемъ.

— Почему не можете?

— Потому что не по нашей волѣ насъ сюда пригнали, и стало быть, ничего больше своею волею дѣлать намъ не можно. И не будемъ дѣлать! А коли вы считаете, что такъ нужно, заставьте насъ силою. Теперь надъ нами вся ваша воля и вся сила: дѣлайте, что хотите.

Какъ ни убѣждали ихъ, что ни говорили—не идутъ люди съ площади. Пришлось наряжать солдатъ изъ команды, чтобы насильно переносить ихъ пожитки въ отведенныя помѣщенія“... „пришлось насильно волочить въ казармы“ и самихъ высланцевъ.

„Это, разумѣется,—говоритъ далѣе Вс. Крестовскій,—былъ

капризъ упрямый и дикій, но нѣкоторые фанатики, кажется, разсчитывали посредствомъ его вывести власть изъ терпѣнія и вынудить ее, наконецъ, на крайнюю мѣру, въ родѣ стрѣлянія (иные даже прямо подсказывали: „стрѣляйте въ насъ"), чтобы „претерпѣть до конца"!.. *).

Какъ уже было указано выше, выселеніе уральцевъ въ Туркестанскій край принято было съ двойственной цѣлью: для наказанія и для колонизаціи края. Поэтому переселеніе къ ссыльнымъ ихъ ни въ чемъ неповинныхъ семействъ, необходимое въ цѣляхъ колонизаціи, составило довольно сложную задачу для мѣстной администраціи.

Когда первая партія уральцевъ въ числѣ 145 чел. была поселена на Аму-Дарьѣ и главный начальникъ военно-народнаго управленія, озабоченный ихъ устройствомъ, ходатайствовалъ о присылкѣ къ нимъ ихъ семействъ, ген.-лейт. Веревкинъ (3 января 1876 г.) доносилъ, что онъ не находитъ возможнымъ и удобнымъ пересылать ихъ туда противъ желанья мужей и отцовъ, хотя бы жены и заявили согласіе быть отправленными къ мужьямъ. Между тѣмъ, никто изъ сосланныхъ уральцевъ не выразилъ желанія вызвать къ себѣ свою семью, напротивъ, всѣ они отказались отъ этого наотрѣзъ. Семейства сосланныхъ никакого участія въ безпорядкахъ въ 1875 г. не принимали и съ уходомъ въ Туркестанъ ихъ главъ устроились и обжились по новому, безропотно примирившись со свершившимся фактомъ; мало того, младшіе члены этихъ семействъ—сыновья сосланныхъ, вступили уже въ права хозяевъ, пристроивъ у себя матерей, сестеръ и прочихъ членовъ отцовской семьи. Если при такихъ условіяхъ начать приводить въ исполненіе требованіе закона объ обязательномъ слѣдованіи за ссыльными ихъ семействъ и, не смотря ни на что, отправить ихъ на мѣсто ссылки уральцевъ, то положеніе получилось бы безвыходное, а именно: при согласіи на то семействъ ссыльныхъ, за матерями послѣдовали бы къ отцамъ и дѣти старшаго возраста, т. е служилые казаки, подчинившіеся уже новому порядку отбыванія воинской повинности, такъ какъ иначе имъ угрожаетъ полное экономическое разстройство; въ случаѣ же, семейства ссыльныхъ слѣдовать въ Туркестанскій край не пожелали бы—ихъ пришлось бы переселять силою, пришлось бы сломить ихъ сопротивленіе, а, слѣдовательно, вновь возбудить на Уралѣ волненіе, которое едва лишь утихло. Дѣйствительно, дилемма представлялась съ трудомъ разрѣшимой. Оставался одинъ лишь исходъ: допустить теперь же добровольное переселеніе изъявившихъ на то желаніе, а затѣмъ выждать, пока не уляжется совершенно броженіе умовъ на Уралѣ и пока окончательно не

*) „Степное гнѣздо",—„Спб. Вѣд." 1884 г. №№ 62, 66, 72 и „Полн. собр. соч.", т. VII, стр. 526.

введено будетъ въ полной мѣрѣ въ дѣйствіе новое положеніе о военной службѣ и общественномъ устройствѣ казаковъ. Такимъ образомъ, обязательная высылка семействъ сосланныхъ отложена была до весны 1877 года.

Тѣмъ временемъ предложенъ былъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ тому, чтобы сосланные казаки сами пожелали бы вызвать къ себѣ свои семейства, а именно проектировано было: 1) освободить отъ обязательныхъ работъ сосланныхъ казаковъ, пожелавшихъ вызвать къ себѣ свои семейства, и предоставить имъ право свободнаго занятія промыслами и торговлею на мѣстахъ новаго поселенія, и 2) ограничить бездѣтныхъ женъ сосланныхъ казаковъ въ правахъ пользованія войсковыми угодьями, распространивъ ту же мѣру и на женъ сосланныхъ казаковъ, имѣющихъ дѣтей моложе 14-лѣтняго возраста. Эти проекты, какъ несогласные съ закономъ, не были осуществлены, но тѣмъ не менѣе появленіе ихъ само по себѣ чрезвычайно характерно, такъ какъ указываетъ, что даже высшая администрація колебалась, не установивъ точнаго взгляда на юридическое положеніе сосланныхъ казаковъ и разсматривало ихъ, смотря по надобности, то какъ колонистовъ-переселенцевъ, то какъ ссыльныхъ преступниковъ. Двойственность цѣли, которую хотѣли достигнуть ссылкою уральцевъ на Аму-Дарью, неизбѣжно внесла шаткость и во всѣ дальнѣйшія распоряженія властей, порождая рядъ недоразумѣній, какъ среди караемыхъ, такъ и среди карающихъ. Дѣло, какъ видно изъ изложеннаго выше, дошло даже до правоограниченія лицъ ни въ чемъ неповинныхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, со стороны женъ ссыльныхъ уральцевъ послѣдовалъ отказъ добровольно слѣдовать за мужьями къ мѣсту ссылки, такъ какъ иначе согласіе ихъ было бы истолковано въ неблагопріятномъ для ихъ мужей смыслѣ, какъ признаніе факта выселенія. Начались опять аресты, начались воздѣйствія въ имущественной сферѣ съ цѣлью побудить семейства сосланныхъ къ выселенію, началось, наконецъ, насильственное выселеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ посыпались и жалобы бабъ на причиняемыя имъ насилія, на истязанія ихъ самихъ и ихъ дѣтей. Исправляющій должность генералъ-губернатора вынужденъ былъ телеграммою пріостановить на нѣкоторое время такое выселеніе, вопреки отданнымъ передъ тѣмъ распоряженіямъ окончить выселеніе къ 15 августа 1877 г. Но пріостановить начатое представлялось уже невозможнымъ, не породивъ такой нерѣшительностью еще большихъ затрудненій, и генералъ-лейтенантъ Веревкинъ категорически отвѣтилъ, что временить высылкой нельзя. Распоряженіе отсрочить высылку отчасти вызывалось поступившими въ коммиссію по выселенію семействъ сосланныхъ казаковъ прошеніями о томъ нѣкоторыхъ матерей, которыя мотивировали свои просьбы необхо-

димостью остаться впредь до устройства женитьбою или выдачею въ замужество своихъ дѣтей.

Наказной атаманъ князь Голицынъ высказался въ томъ смыслѣ, что, въ виду предполагаемой высылки семействъ сосланныхъ не одновременно, а постепенно, въ теченіе 2—3 лѣтъ, подобныя просьбы могутъ быть удовлетворяемы, если выборъ семей, подлежащихъ переселенію, будетъ предоставленъ мѣстному уральскому начальству. При этомъ послѣднемъ условіи мѣстная власть могла бы установить извѣстную очередь переселенія семействъ ссыльныхъ уральцевъ, имѣя въ виду какъ интересы самихъ высылаемыхъ, такъ и сохраненіе спокойствія въ войскѣ, высылая въ первыя очереди болѣе опасные и безпокойные элементы казачьяго населенія. Безъ сомнѣнія, операція высылки казачьихъ семействъ должна была тяжело отразиться на переселяемыхъ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, такъ какъ неизбѣжное полное разстройство семьи и хозяйства само по себѣ представлялось чувствительнымъ и ничѣмъ незаслуженнымъ наказаніемъ. Но предоставленіемъ мѣстному начальству столь широкихъ полномочій, открывался полный просторъ для произвола. Съ другой стороны, массовая ссылка съ Урала трехъ тысячъ семействъ, конечно, должна была тягостно отразиться на экономической жизни всего уральскаго войска. Отнесеніе на войсковой капиталъ всѣхъ пособій, выдаваемыхъ при переселеніи неимущихъ семействъ сосланныхъ казаковъ, не могло не обременить войска, такъ какъ общая сумма такихъ пособій по приблизительному даже подсчету должна была достигнуть 100,000 рублей, не говоря уже о томъ, что выселеніе такого огромнаго количества работоспособнаго населенія должно было чувствительно ослабить общую производительность населенія, понизить его экономическое благосостояніе и совершенно убить многія частныя хозяйства. Самая военная способность войска также неизбѣжно должна была пострадать отъ этого выселенія, такъ какъ значительно уменьшалась численность обязанныхъ службою казаковъ.

Первоначально предположено было ходатайствовать о принятіи всѣхъ расходовъ, сопряженныхъ съ выселеніемъ, на счетъ казны, но отъ этой мысли пришлось отказаться изъ опасенія замедлить неизбѣжными въ такомъ случаѣ проволочками самое дѣло переселенія казачьихъ семействъ. Къ тому же, по мнѣнію генералъ-адъютанта Крыжановскаго, можно было, игнорируя экономическіе интересы уральскаго казачества, поддержать его служебноспособность, пополняя убыль служилаго комплекта казаковъ усиленнымъ зачисленіемъ въ казачье сословіе постороннихъ лицъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, семейства ссыльныхъ уральцевъ были переселены вслѣдъ за ними въ Туркестанскій край. Съ оффиціальной стороны операція переселенія, какъ видно изъ сношеній наказнаго атамана съ исправляющимъ должность

начальника аму-дарьинскаго отдѣла, произошла безъ особенныхъ инцидентовъ, хотя переселенцами, разумѣется, и были заявляемы жалобы и претензіи. Организованъ былъ для выселенія особый казенный обозъ, организовано было и продовольствіе переселенцевъ въ пути, а на мѣстѣ ихъ водворенія заготовлены были жилища и все необходимое на первое время.

III.

Сосредоточіемъ разселенія уральцевъ въ Туркестанскомъ краѣ являлся небольшой поселокъ въ 19-ти верстахъ отъ Петро-Александровска, оффиціально названный *Первоначальнымъ* *), но болѣе извѣстный впослѣдствіи подъ названіемъ „*Уральскаго поселка*". Завѣдывающимъ переселенцами назначенъ былъ есаулъ Стариковъ, человѣкъ суровый и рѣшительный. При своемъ возникновеніи, Уральскій поселокъ состоялъ изъ небольшого числа (сорока четырехъ) глинобитныхъ, однообразныхъ домиковъ, казенной постройки, въ которыхъ и должны были разселиться уральцы. Но съ 3 по 13 ноября 1877 года, по свидѣтельству есаула Старикова, въ нихъ удалось размѣстить лишь нѣсколько семействъ, остальныя же, хотя и были при содѣйствіи войскъ размѣщены такъ же, но сейчасъ же всѣ разбѣжались, не желая идти въ дома и даже сказывать своихъ фамилій. Это обстоятельство лишило есаула Старикова возможности не только провѣрить поселенцевъ по спискамъ, но даже сдѣлать имъ приблизительный подсчетъ. Всѣ прибывшія на мѣсто ссылки переселенки настоятельно просили прислать имъ мужей, а дѣтямъ отцовъ. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ казаковъ стали, затѣмъ, приходить къ своимъ семействамъ, но только по ночамъ; съ наступленіемъ же разсвѣта опять уходили и вмѣстѣ съ другими ссыльными казаками, вовсе не пожелавшими видѣть свои семейства, скрывались на островахъ Аму-Дарьи и въ другихъ мѣстахъ. Отъ привезеннаго имущества переселенки отказывались и оно было оставлено на улицахъ подъ охраною конвоя. Это упорство объяснялось есауломъ Стариковымъ стремленіемъ переселенцевъ затруднить и даже сдѣлать невозможнымъ ихъ заселеніе на новыхъ мѣстахъ. По мнѣнію этого чрезвычайно рѣшительнаго дѣятеля — самымъ дѣйствительнымъ средствомъ побороть упорство переселенцевъ было бы предоставленіе имъ оставаться подъ открытымъ небомъ, такъ какъ время и морозъ заставили бы ихъ, въ концѣ концовъ, войти въ

---

*) Такъ онъ былъ названъ по приказанію ген.-адъют. фонъ-Кауфмана 1; названіе это, однако, утратилось и даже на картахъ, изданныхъ туркестанскимъ окружнымъ штабомъ, онъ именуется Уральскимъ поселкомъ; въ 1897 г. опять послѣдовало распоряженіе именовать его „Первоначальнымъ"

жилища, тѣмъ болѣе, что имъ уже было объявлено о томъ, что ни муки, ни дровъ имъ не дадутъ.

Съ собою переселенцы, кромѣ необходимой домашней утвари и подстилочныхъ вещей, ничего не взяли; про хозяйственныя орудія и говорить нечего; партіи, присланныя впослѣдствіи, оказались, впрочемъ, болѣе запасливыми. Собранные съ трудомъ къ переселенкамъ, мужчины рѣшительно объявили есаулу Старикову, что они семействъ своихъ не вызывали, а потому жить съ ними не желаютъ и въ поселкѣ не останутся. Дѣйствительно, не смотря на всѣ принятыя мѣры, они разбрелись и только иногда по ночамъ, скрытно отъ наблюдательнаго поста, навѣщали свои семейства. Вс. Крестовскій въ своихъ корреспонденціяхъ указываетъ, со словъ мѣстной администраціи, на подобное же поведеніе уральцевъ и въ другихъ мѣстахъ ихъ разселенія. На всѣ увѣщанія заняться чѣмъ-нибудь, высланцы отвѣчали:

— Какимъ же намъ тутъ дѣломъ заниматься? Никакихъ такихъ занятіевъ тутъ нѣтъ.

— Какъ не быть дѣлу! Да вотъ хотя бы это: всѣ вы уральцы—прирожденные рыбаки. Это дѣло вамъ еще сызмалу знакомо. Вотъ и рыбачили бы себѣ на Сырѣ, или охотились бы, что ли, на фазановъ да на тигровъ, все же зарабатывали бы себѣ тѣмъ деньги кое какія... Но что, бывало, имъ ни предложатъ, на все одинъ отвѣтъ: „по доброй волѣ не можемъ, потому не своею охотою сюда мы попали". И, исходя изъ такого принципа, всѣ они поголовно бездѣльничали въ первые годы своей ссылки"—заключаетъ Вс. Крестовскій.

Съ теченіемъ времени, однако, уральцы поневолѣ стали приспособляться къ своему новому положенію въ мѣстѣ изгнанія, въ совершенно чужомъ имъ краю! Въ Уральскомъ поселкѣ, въ которомъ первоначально въ 1877 г. числилось всего 396 чел. населенія, исключительно мужчинъ въ возрастѣ отъ 20 до 70 лѣтъ, къ 1879 году уже насчитывалось (оффиціально), кромѣ мужского населенія, 287 женщинъ и 615 дѣтей обоего пола. Въ скоромъ времени изъ Уральскаго поселка была выдѣлена небольшая колонія въ Нукусъ, куда было первоначально выселено 18 семействъ, и эта колонія также постепенно обстроилась и разрослась. Одновременно, какъ уже было сказано, небольшими группами разселены были уральцы и по другимъ фортамъ и городамъ Туркестанскаго края, но тамъ они терялись въ общей массѣ прочаго населенія. Всѣ эти „уральцы" или „уходцы", какъ ихъ называютъ на Уралѣ,—старообрядцы, большею частью не пріемлющіе священства.

„Все это народъ очень способный, смышленый — говоритъ про уходцевъ Вс. Крестовскій *),—да и по наружности всѣ они,

*) „Степное гнѣздо"—В. Крестовскаго, стр. 528.

какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу. Что ни уралецъ, то крѣпкій, рослый, здоровый и красивый дѣтина! И затѣмъ, надо еще прибавить, что это люди безусловно честные, въ дѣлахъ вѣрные своему слову, почти поголовно трезвые, и, наконецъ, крѣпко держатся правилъ своего „древняго благочестія". Они строго соблюдаютъ посты, чтутъ праздники, не курятъ табаку, не ѣдятъ говядины, если скотина не рѣзана ими самими, не пьютъ изъ одной посуды съ посторонними и ведутъ жизнь самую умѣренную, простую и трезвую. Словомъ, „уходцы" перенесли сюда съ Урала и всѣ свои обычаи, весь жизненный обиходъ, который и до сихъ поръ, не смотря на крайне неблагопріятныя условія разселенія среди мѣстнаго инородческаго населенія, они сохраняютъ въ полной чистотѣ, начиная съ мелочей одежды и кончая религіозными обрядами. Отчасти это можно объяснить и тѣмъ, что уходцы не совсѣмъ еще порвали связи съ далекимъ роднымъ Ураломъ, и поддерживаютъ еще путемъ переписки съ родными и одностаничниками, а также и личными наѣздами на Уралъ, главнымъ образомъ для женитьбы. Къ этому побуждаетъ ихъ недостатокъ дѣвицъ въ мѣстахъ разселенія уходцевъ. Хотя всѣ здѣшнія уралки, какъ замужнія, такъ и дѣвушки, отличаются безупречною нравственностью, но въ послѣднее время между ними сильно распространяется истерія, въ формѣ кликушества, что также способствуетъ укорененію обычая брать невѣстъ съ Урала, не смотря даже на то, что подобная женитьба обходится сравнительно дорого *). Семейный строй жизни уходцевъ сохраняетъ типичныя черты уральской семьи и что особенно бросается въ глаза - это забота о грамотности: всѣ дѣти, достигая десяти — двѣнадцатилѣтняго возраста поголовно грамотны **), и въ каждомъ форту, гдѣ лишь поселена кучка уральцевъ, у нихъ непремѣнно есть своя общественная школа. Особенно-же содѣйствуетъ сохраненію среди уходцевъ въ полной чистотѣ ихъ стариннаго склада жизни присущій вообще уральцамъ консерватизмъ, боязнь всякаго новшества, а также чувство взаимности и товарищества, которое необыкновенно развито между уральскими уходцами. „Выселенцы— говоритъ Вс. Крестовскій — имѣютъ какими-то своими собственными путями постоянныя сношенія между собою, какія бы разстоянія ни отдѣляли ихъ другъ отъ друга, и все, что дѣлается въ какомъ-нибудь Пянджикентѣ или Нукусѣ, очень хорошо извѣстно товарищамъ по несчастью (изгнанію) въ Казалинскѣ и Перовскѣ и обратно. Словомъ сказать, нравственная связь и общая

---

*) На Уралѣ „кладка" (денежный взносъ на сборы невѣсты) колеблется около 30 руб., а съ поѣздкой на Уралъ уходцу женитьба обходится иногда до 400 руб.

**) Дѣломъ обученія, исключительно по „старымъ книгамъ", занимаются у нихъ начетчицы-казачки, старицы, почитающія такое занятіе богоугоднымъ подвигомъ.

солидарность развиты между ними весьма сильно, и пока старики не „поволятъ“ всѣмъ кругомъ возвратиться на Яикъ на тѣхъ основаніяхъ, что предлагаются имъ правительствомъ, до тѣхъ поръ всѣ льготы, какія имъ ни дѣлай, останутся мертвою буквою“...

Трудно было уходцамъ-уральцамъ приспособляться къ чуждымъ имъ условіямъ жизни, непривычному климату и въ то же время искать себѣ пропитанія трудомъ и потомъ. Тяжело было первоначально ихъ экономическое положеніе. Въ поискахъ за пропитаніемъ и заработкомъ потянулись они, сперва кто побѣднѣе и посемейнѣе, а за ними и другіе, по Аму-Дарьѣ и, облюбовавъ родной имъ рыбный промыселъ, вскорѣ разселились по всей рѣкѣ. Конкуррентовъ у нихъ не было; они первые создали на Дарьѣ рыбный промыселъ и съ тѣхъ поръ постепенно завоевали рыбные рынки въ Оренбургѣ, Самаркандѣ, Чарджуѣ, Карки, Асхабадѣ, Мервѣ и Маргеланѣ.

Рыболовъ-поселенецъ отдается своему занятію съ тою унаслѣдованной отъ дѣдовъ любовью, даже страстью, которая составляетъ типичнѣйшую особенность казака-уральца. На своей легкой лодкѣ, съ сѣтью въ рукахъ, онъ и на Дарьѣ чувствуетъ себя, какъ на родинѣ, забывая всѣ печали и огорченія тяжелой жизни изгнанника. Въ то же время эти казаки-рыболовы быстро разработали до тонкости всю технику любимаго промысла, устанавливая пріемы и способы ловли рыбы, ея храненія и раздѣлки, добыванія и выдѣлки икры и прочихъ продуктовъ. Рыболову туземцу остается только трудъ подручнаго, и понемногу, приспособляясь, этотъ туземецъ невольно попадаетъ въ полную зависимость отъ казаковъ.

Но и казаки-рыболовы не сами извлекаютъ главную пользу отъ разрабатываемаго ими промысла. За ними стоятъ казаки-рыбопромышленники, организующіе въ широкихъ размѣрахъ этотъ промыселъ. Они собираютъ огромное количество лодокъ, не жалѣя средствъ, выписываютъ изъ Россіи пряжу, корье, веревки и другіе необходимые въ рыбномъ промыслѣ предметы; снабжаютъ снастями какъ бѣднѣйшихъ рыболовъ-казаковъ, такъ и туземцевъ и скупаютъ у нихъ впередъ весь ихъ уловъ. Для храненія запасовъ рыбы у нихъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи уже заготовлены ледники. Дѣло организовано настолько прочно, что развѣ только въ Чарджуѣ, гдѣ, впрочемъ, рыболовство не достигаетъ крупныхъ размѣровъ, съ ними еще рѣшаются конкуррировать татары, да и тѣ перекупаютъ рыбу у нихъ же изъ вторыхъ, такъ сказать, рукъ, и уже затѣмъ устанавливаютъ свою цѣну.

Мало по малу, такимъ образомъ, выработался типъ казака-коммерсанта; съ праваго берега Дарьи перекинулъ онъ свои торговые обороты и на ту сторону рѣки въ Хивинское ханство. Ком-

мерческіе обороты торговцевъ-поселенцевъ быстро растутъ, и они уже по праву могутъ называться первымъ русскимъ купечествомъ въ этой азіатской окраинѣ; торгуютъ они всѣмъ, чѣмъ хотите; начиная съ довольно крупныхъ операцій съ хлопкомъ, они захватили въ свои руки и торговлю чаемъ, сахаромъ, керосиномъ, сырьемъ и мануфактурой. Эти торговцы несомнѣнно оказываютъ замѣтное вліяніе на экономическую жизнь всего края, оживляя торговлю не только въ смыслѣ товарообмѣна, но и содѣйствуя широкому кредиту, въ которомъ особенно нуждается мѣстная промышленность.

Ни земледѣліе, ни скотоводство, ни занятія ремеслами не нашли себѣ распространенія среди поселенцевъ, за небольшимъ развѣ исключеніемъ лицъ, отбившихся отъ Дарьи и примкнувшихъ болѣе къ городской жизни. Условія поселенія уральцевъ по Дарьѣ сами по себѣ не способствовали развитію среди нихъ земледѣлія, скотоводства, огородничества и садоводства: земли у нихъ не было и нѣтъ; не было у поселенцевъ и лошадей, коровъ, даже мелкой живности. Кое-кто только завелъ себѣ верблюдовъ; овцеводствомъ занимаются лишь отдѣльныя личности, да и тѣ только лѣтомъ пасутъ своихъ овецъ по островамъ Дарьи, а зимой угоняютъ ихъ въ предѣлы Хивы, гдѣ и кочуютъ со стадами вмѣстѣ съ туркменами. Садовъ поселенцы не имѣютъ, но нѣсколько человѣкъ арендуютъ частные и казенные сады въ цѣляхъ торговли фруктами.

Однако, было бы крупной ошибкой предположить, что поселенные здѣсь уральцы находятся въ цвѣтущемъ матеріальномъ положеніи. Напротивъ того, судя по имѣющимся, къ сожалѣнію, слишкомъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, они до сихъ поръ въ большей своей массѣ переживаютъ еще черные дни, терпя зачастую нужду даже въ самомъ необходимомъ. Трудно узнать дѣйствительное экономическое положеніе уходцевъ на Дарьѣ, какъ вслѣдствіе отсутствія о томъ оффиціальныхъ свѣдѣній, такъ и вслѣдствіе крайней недовѣрчивости уходцевъ, скрывающихъ отъ всякаго чужого имъ человѣка истинное свое положеніе, изъ боязни регистраціи и административнаго вмѣшательства въ ихъ жизнь. Эта недовѣрчивость доходитъ до того, что даже зажиточные уральцы ведутъ наружно болѣе чѣмъ скромную жизнь. Отсутствіе же въ поселкѣ правильной административной организаціи не позволяетъ даже приблизительно опредѣлить размѣры главнѣйшаго—рыбнаго промысла уходцевъ, и до сихъ поръ не имѣется болѣе или менѣе положительныхъ свѣдѣній о томъ, сколько ловится въ Дарьѣ рыбы, сколько ея продается на мѣстѣ и экспортируется на иногородные рынки.

Однако, по нѣкоторымъ фактамъ можно судить о дѣйствительномъ экономическомъ положеніи большинства „уходцевъ". Начиная съ 1879 г., постоянно возбуждались мѣстнымъ начальствомъ

ходатайства о выдачѣ уходцамъ отъ казны провіанта, при чемъ ходатайства эти мотивирововались угрожающимъ населенію поселка голоднымъ тифомъ. Въ 1882 г. въ ходатайствѣ объ отпускѣ казеннаго довольствія указывалось, что за весьма небольшими исключеніями плохія обстоятельства семействъ уральскихъ поселенцевъ ставятъ въ необходимость отпускать провіантъ всему безусловно женскому населенію и дѣтямъ моложе 12-тилѣтняго возраста. Довольствіе отъ казны выдавалось до 1893 г. включительно, пока не были объявлены и не состоялись торги на поставку провіанта поселеннымъ уральцамъ, какъ мѣщанамъ г. Петро-Александровска. Надо замѣтить, что выселенные сюда уральцы были обязаны приписаться къ мѣщанскому обществу. Но страшась записью въ мѣщане покончить навсегда счеты съ казачествомъ, съ тѣмъ своимъ прошлымъ, которымъ они столь дорожатъ до сихъ поръ, боясь этой записью въ мѣщане разбить окончательно свою обособленную нынѣ, и вслѣдствіе того тѣсно сплоченную, общину,—они упорно отказываются отъ такой приписки къ мѣщанскому обществу, скрываютъ свои имена и отказываются даже отъ помощи и денегъ, если таковые сопряжены съ регистраціей ихъ въ качествѣ мѣщанъ. Не слѣдуетъ еще упускать изъ виду, что то же самое начальство, которое свидѣтельствовало о существованіи между поселенцами нищихъ, могущихъ погибнуть отъ голода и грозящихъ развить голодный тифъ по окрестности, принимало мѣры къ тому, чтобы сократить количество выдаваемаго казеннаго провіанта, исходя изъ соображеній не столько экономическихъ, сколько нравственныхъ (дабы не породить праздность) и карательныхъ (противъ упорныхъ). Не надо забывать и того, что при свойственной поселенцамъ недовѣрчивости далеко не всѣ голодающіе обращались за казеннымъ довольствіемъ, избѣгая регистраціи. Лицамъ, наблюдавшимъ на мѣстѣ жизнь поселенцевъ, приходилось неоднократно видѣть, какъ они для пропитанія собираютъ по тугаямъ мелкіе плоды маслины *), уподобляясь бѣднѣйшимъ жителямъ Дарваза и другихъ горныхъ бекствъ восточной Бухары, питающимся тутомъ.

Для того, чтобы объяснить себѣ тяжелое экономическое положеніе ссыльныхъ уральцевъ, слѣдуетъ припомнить этнографическія и, такъ сказать, топографическія условія края, въ которомъ они поселены.

Устье Аму-Дарьи и пустынные мертвые берега Аральскаго моря съ одной стороны, а далѣе дикіе тугаи Аму-Дарьинскаго отдѣла и Хивинскаго ханства представляютъ безотрадную кар-

---

*) Намъ приходилось слышать, что нѣкоторые изъ поселенцевъ вынуждены бываютъ даже пользоваться всякаго рода отбросами и тряпьемъ, остающимся въ лагерныхъ баракахъ нижн. чиновъ Петро-Алексанровскаго гарнизона послѣ его ухода на зимнюю стоянку.

тину, забытаго природой и культурой, захолустья. Въ раіонѣ Аму-Дарьинскаго отдѣла, между Кунградомъ и Нукусомъ, тянутся на сотню верстъ сплошныя камышевыя заросли, дающія пріютъ и дикому звѣрю и полудикому человѣку. Ежегодно къ осени съ давнихъ поръ перекочевываютъ сюда, убѣгая отъ зимней стужи, различныя племена, населяющія ближайшія и болѣе отдаленныя мѣстности. Много перекочевываетъ сюда, въ затишье этихъ камышей, киргизъ адаевцевъ и табынцевъ, снимающихся съ лѣтнихъ кочевокъ изъ подъ Оренбурга и Эмбы. Не мало встрѣчается здѣсь хивинцевъ, туркменъ, подданныхъ хивинскаго хана; наѣзжаютъ сюда уральскіе и оренбургскіе киргизы, хара-колпаки, а также киргизы и узбеки Аму-Дарьинскаго отдѣла.

Изъ этого краткаго очерка уже видно какую пеструю въ этнографическомъ отношеніи картину представляетъ край, въ который были принудительно поселены семейства ссыльныхъ уральцевъ, гдѣ они были оставлены совершенно безпомощными, не только неподготовленные къ мѣстнымъ условіямъ жизни, но даже не знавшіе какъ и не имѣвшіе чѣмъ бороться за свое существованіе. Удаляться отъ поселка въ поискахъ за заработкомъ было опасно. Дороги здѣсь глухія, того и гляди натолкнешься на вооруженныхъ, съ виду мирныхъ купцовъ, но въ дѣйствительности разбойниковъ-туркменъ. И вотъ начинается постепенное вытѣсненіе уральцами этого племеннаго конгломерата, объединеннаго исламомъ, и на водѣ, на быстрыхъ лодкахъ, и въ камышахъ и тугаяхъ, на охотѣ за дикимъ звѣремъ. Стойко, рука объ руку, вполнѣ солидарно, но упорно и властно захватываютъ уральцы, сознающіе, что рѣчь идетъ лишь о правѣ сильнаго, что борьба ведется на жизнь и смерть за право существованія, захватываютъ они Дарью, отбирая у туземцевъ пойманную ими рыбу, постепенно захватываютъ они и озера въ предѣлахъ Хивинскаго ханства, на которыхъ начинаютъ рыбачить и, не стѣсняясь присутствіемъ туземцевъ, безстрашно и свободно охотятся по хивинскимъ тугаямъ.

Понемногу уральцы становятся въ краѣ властными господами, и туземцы, чувствующіе въ нихъ непреклонную силу, сдаютъ и уступаютъ имъ первенство. Но эта упорная борьба, отвлекающая всю энергію и силу уральцевъ, не даетъ имъ возможности обстроиться, обзавестись домашнимъ хозяйствомъ, озаботиться о своемъ матеріальномъ благосостояніи.

Въ 1881 году послѣдовало всемилостивѣйшее прощеніе уральцевъ: имъ разрѣшено было вернуться на родину, но никто изъ уходцевъ не пожелалъ воспользоваться дарованной имъ милостью. Почему?—Вс. Крестовскій даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Въ сущности, большинство высланныхъ уральцевъ вовсе не такъ упорно и фанатично, какъ казалось вначалѣ, и радо-радехонько было бы возвратиться на Яикъ, на тѣхъ льготныхъ условіяхъ, какія еще

недавно были имъ дарованы со стороны правительства. Отъ нихъ не требуютъ больше никакихъ подписокъ на принятіе новаго „положенія“ и выдаютъ еще по пятидесяти рублей въ безвозмездное пособіе на дорогу каждому семейству, изъявляющему желаніе возвратиться на родину, съ тѣмъ, чтобы жить тамъ въ условіяхъ, въ какихъ живетъ нынѣ войско уральское. Большинство, повторяю, и радо бы ухватиться за эту льготу — до того надоѣло ему въ этомъ бездомномъ изгнаніи; но вся бѣда въ большакахъ: „старики почтенные“ мѣшаютъ. Очевидно, тутъ вся препона въ упорствѣ нѣсколькихъ вожаковъ, безусловно пользующихся громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ на остальныхъ выселенцевъ. И дѣйствительно, это—люди весьма почтенные, большею частью окуренные пороховымъ дымомъ въ неоднократныхъ бояхъ, нерѣдко украшенные георгіевскими крестами, люди строгой нравственности и примѣрнаго благочестія, искусные начетчики и диспутанты. Они-то вотъ и держатъ въ своихъ рукахъ всѣхъ остальныхъ товарищей по изгнанію, и держатъ ничѣмъ инымъ, какъ только силою своего нравственнаго авторитета“.

Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Въ упорствѣ ли этихъ немногихъ „вожаковъ“ слѣдуетъ искать причину того, что высланцы не воспользовались дарованной имъ въ 1881 году высочайшею милостью? Передъ нами № 206 газеты „Соврем. Извѣстія“ за 1881 годъ съ корреспонденціей изъ Оренбурга слѣдующаго содержанія:

„Его величество государь императоръ изволилъ простить всѣхъ сосланныхъ уральцевъ и отпустить ихъ на родину, если они того пожелаютъ, ни слова ни говоря имъ о принятіи новаго положенія. Въ этой высочайшей волѣ нельзя не замѣтить дальновидности. Если уральцы пожелаютъ возвращенія въ Уральскъ, то принятіе ими новаго положенія разумѣется само собою: нельзя предположить, чтобы кто-нибудь, поступая въ общество, не признавалъ тамошній порядокъ вещей. Въ Уральскомъ войскѣ принято и практикуется новое устройство, новое положеніе, и немыслимо, чтобы, желая возвратиться на родину, ссыльные казаки его не признали.

Совсѣмъ не такъ поступили оренбургскія власти. Поселенные въ оренбургскихъ станицахъ, ссыльные уральцы были вызваны съ семействами и имуществомъ въ Оренбургъ. Здѣсь прочитали имъ всемилостивѣйшее прощеніе и дарованіе права возвратиться на родину. Ссыльные упали на колѣни, подняли кверху руки и благодарили Творца за дарованную имъ милость, при этомъ изъ нихъ многіе плакали. Были ли то слезы сознанія несправедливой кары шестилѣтнимъ изгнаніемъ и полнымъ раззореніемъ за неумѣніе ихъ офицеровъ ввести новое положеніе, котораго они никогда не отрицали,—не умѣю сказать. Кажется, послѣ

этого слѣдовало бы только пустить уральцевъ во свояси. Но канцелярскія формальности и бюрократическіе пріемы въ эту всеобщую радость влили порядочную дозу горечи. По приказанію оренбургскаго генералъ-губернатора, генерала Астафьева, уральцамъ поднесли для подписанія прошеніе такого содержанія: „*мы просимъ у вашего превосходительства увольненія насъ на родину, раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ, и новое положеніе принимаемъ и обязуемся выполнить его*“.

Опять старыя погудки на новый ладъ! Скажите, зачѣмъ это прошеніе? Развѣ это не опять *подписка*, изъ-за которой пострадало болѣе трехъ тысячъ семей? Развѣ это не опять вызовъ на упорство, которое будетъ принято за бунтъ? „Подписать это прошеніе уральцы рѣшительно отказались. Теперь 12-й день держатъ ихъ на заднемъ дворѣ оренбургскаго станичнаго правленія, безъ покрышки, подъ открытымъ небомъ, безъ защиты отъ перемѣны погоды, какъ какую-нибудь скотину. Между возвращенными есть нѣсколько восьмидесяти и столѣтнихъ стариковъ, много дѣтей и грудныхъ младенцевъ; всего 40 семей“.

Вотъ, гдѣ надо искать и видѣть корень зла, а не тамъ, гдѣ его усмотрѣлъ Вс. Крестовскій.

Сосланнымъ на Аму-Дарью высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи возвращаться казаками на Уралъ было объявлено въ 1882 г., при чемъ также ставилось условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ письменно заявилъ о своемъ раскаяніи въ совершенномъ проступкѣ, но поселенцы подписки не дали. Въ 1883 г. имъ было объявлено разрѣшеніе возвратиться на Уралъ казаками безъ всякой подписки, но поселенцы отнеслись къ этому съ большимъ недовѣріемъ и продолжали оставаться на мѣстахъ поселенія и вести жизнь, какъ на бивакѣ, не устраиваясь. Наконецъ, имъ обѣщаны были денежныя на переѣздъ пособія отъ казны, но поселенцы и послѣ этого продолжали оставаться на мѣстѣ.

Между тѣмъ, положеніе ихъ въ Туркестанскомъ краѣ, какъ видно изъ предлагаемаго читателямъ очерка, далеко не таково, чтобы они имъ дорожили. Тяжелѣе всего для уральцевъ, поселенныхъ на Дарьѣ — ихъ внутреннее нестроеніе и полная неопредѣленность юридическаго ихъ положенія. Эти два фактора настолько тягостно отражаются на всей жизни уходцевъ, что они только и мечтаютъ, только и добиваются возможности опредѣлить свое назначеніе и сообразно съ тѣмъ свои занятія; они умоляютъ дать имъ опредѣленныя гражданскія права и корпоративное устройство. Только при такихъ условіяхъ считаютъ они возможнымъ вполнѣ проявить свои производительныя силы и стать полезными обществу и государству.

Всѣ попытки организаціи внутренняго управленія среди ссыльныхъ до сихъ поръ оказывались безуспѣшными. Въ первое время, по водвореніи ихъ въ поселкѣ Уральскомъ, завѣдывать ими

былъ назначенъ одинъ изъ офицеровъ оренбургскаго казачьяго полка, расположеннаго въ Петро-Александровскѣ. Въ 1880 году приказано было передать ихъ въ вѣдѣніе участковыхъ приставовъ: въ Нукусѣ—чимбайскаго, въ поселкѣ—шураханскаго. Для непосредственнаго же завѣдыванія ими, въ поселокъ назначался урядникъ, а затѣмъ оренбургскій казакъ, которые и жили въ поселкѣ до 1896 года, когда назначеніе этихъ должностныхъ лицъ было прекращено, въ виду предположенія назначить туда полицейскую стражу, или выборныхъ изъ самихъ уральцевъ старосту и десятскихъ.

Проектъ этотъ, однако, не былъ осуществленъ, и въ поселкѣ по прежнему ближайшимъ административнымъ начальствомъ являлся назначенный для сего оренбургскій казакъ.

На обязанности этихъ должностныхъ лицъ лежало: вести исчисленія прибыли и убыли населенія, объявлять распоряженія начальства, вручать повѣстки судебныхъ учрежденій и т. п. Въ дѣйствительности даже и эти несложныя функціи не могли ими осуществляться, такъ какъ поселенцы о родившихся и умершихъ урядникамъ не заявляли и не сказывали своихъ именъ и фамилій, вслѣдствіе чего имъ нельзя было даже вручить повѣстку.

Съ 1883 г. всѣ поселенцы, какъ отказавшіеся вернуться казаками на родину, должны были быть приписаны въ мѣщане по мѣстамъ ихъ жительства. Но они ни за что не желаютъ приписываться и даже избѣгаютъ бумагъ, въ которыхъ ихъ именуютъ или только могутъ прописать мѣщанами: не берутъ билетовъ на право рыбной ловли, не получаютъ денегъ съ почты и проч. Во многихъ случаяхъ они упрашиваютъ власти не называть ихъ мѣщанами, а писать „уральцами“ или даже ссыльно-поселенцами.

Такимъ образомъ, они до сихъ поръ фактически не имѣютъ опредѣленнаго юридическаго положенія и хоть какого-либо внутренняго устройства. Въ продолженіе всей тридцатилѣтней ссылки нравственной для нихъ связью было именно это безправное ихъ положеніе да религіозныя убѣжденія, сплотившія ихъ въ одно цѣлое, крѣпкое своей солидарностью и создавшее, въ лицѣ стариковъ, нравственно-авторитетную организацію и власть. Всѣ тѣ вопросы, которые волновали ихъ въ 1875—76 годахъ, разумѣется, утратили свое значеніе въ настоящее время, и многіе поселенцы откровенно заявляютъ, что имъ рѣшительно все равно, гдѣ бы ихъ окончательно ни поселили и какъ бы ни устроили, лишь бы не нарушали установившейся между ними религіозно-нравственной связи. Лишь бы возстановили ихъ въ правахъ, даровали имъ юридическое положеніе, гражданскія права и корпоративное устройство, соотвѣтствующее бытовому складу ихъ жизни и унаслѣдованнымъ традиціямъ.

Сандръ.

Наше общественное пробужденіе съ соціально-экономической точки зрѣнія.

Бѣглыя замѣтки.

Кризисъ, переживаемый въ настоящее время Россіей, какъ бы тяжелъ онъ самъ по себѣ ни былъ, представляетъ въ соціологическомъ смыслѣ огромный интересъ и обширное поле для наблюденія и выясненія вопросовъ чрезвычайной научной и практической важности. Выяснить въ самыхъ общихъ чертахъ причину его составляетъ цѣль настоящей замѣтки.

Что такое представляетъ изъ себя общество вообще и русское въ частности? Есть ли общество нѣчто въ родѣ организма, или оно есть нѣчто раздѣльное, не организованное? Или же, наконецъ, оно не есть ни то, ни другое, а нѣчто своеобразное? Что представляло прежде и что представляетъ въ настоящее время русское общество? Какія метаморфозы пережило оно и что привело его къ настоящему кризису, въ чемъ этотъ кризисъ заключается и какой можетъ быть выходъ изъ него? Есть ли этотъ кризисъ нѣчто внѣшнее, наносное, или онъ есть признакъ поступательнаго хода общественной жизни, развитія ея? Если кризисъ есть нѣчто наносное, то является вопросъ, отчего онъ принялъ такіе обширные размѣры? Если же онъ есть признакъ общественнаго развитія, то какія условія породили его и отчего онъ принялъ такую острую форму?

Эти и тысячи другихъ вопросовъ напрашиваются на разрѣшеніе, вопросовъ, правильные отвѣты на которые одинаково важны, какъ для научнаго мыслителя, какъ для практическаго общественнаго дѣятеля, такъ и для каждаго обывателя, именно потому, что рѣшеніе ихъ въ ту или другую сторону слишкомъ чувствительно и властно отразится не только на тѣхъ, кто этими вопросами и ихъ рѣшеніемъ интересуется, какъ гражданинъ и какъ человѣкъ, и кого то или иное рѣшеніе коснется непосредственно, но и на тѣхъ, кто придерживается принципа: „моя хата съ краю"...

Безконечно тянувшійся споръ о природѣ общества, о томъ, есть ли это организмъ или нѣтъ, привелъ, повидимому, къ общему признанію, что понятіе объ общественномъ организмѣ, внесенное въ соціологію Спенсеромъ, Шефле, Лиліенфельдомъ, можетъ служить только въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезной аналогіей и что въ дѣйствительности нѣтъ, напримѣръ, никакого общественнаго ума и никакой общественной психологіи, независимой отъ индивидуальнаго ума и индивидуальной психологіи. Но въ то же время

ясно обнаружилось, „что индивидуальный умъ нельзя понять внѣ общественной среды, и что общество нельзя понять внѣ дѣятельности индивидуальнаго ума. Вслѣдствіе этого возникаетъ соціальная психологія, изучающая умственные процессы, насколько они обусловливаются обществомъ, и соціальные процессы, насколько они обусловливаются состояніями сознанія“. Такимъ образомъ, область соціальной психологіи опредѣляется „изслѣдованіемъ взаимодѣйствія индивидуальнаго сознанія и общества, и результата такого взаимодѣйствія на индивидуальное сознаніе, съ одной стороны, и на общество—съ другой“.

Въ особенности важно для соціальной психологіи вопросъ о возникновеніи состояній сознанія въ общественныхъ группахъ и то вліяніе, которое они оказываютъ на измѣненіе привычекъ общественной группы. Въ групповой и индивидуальной жизни цѣль тщательно выработанной организаціи заключается въ подчиненіи своей власти среды, а эта цѣль обезпечивается при помощи вниманія. При помощи вниманія возникаютъ опредѣленныя привычки, отвѣчающія нуждамъ индивидуальной и групповой жизни. Когда привычки вполнѣ отвѣчаютъ обстоятельствамъ, ихъ вызвавшимъ, тогда вниманіе ослабѣваетъ. Но какъ только возникаютъ новыя условія и обстоятельства, вниманіе напрягается, душевное возбужденіе наростаетъ, старыя привычки исчезаютъ и возникаютъ новыя, отвѣчающія новымъ условіямъ. Такъ какъ вниманіе пробуждается подъ вліяніемъ кризиса, чтобы, примѣняясь къ новымъ условіямъ, измѣнился образъ дѣйствія, то кризисы имѣютъ огромное значеніе для развитія какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго.

Въ зависимости отъ того, чѣмъ непосредственно вызванъ кризисъ, голодомъ ли, или эпидеміей, наводненіемъ, засухой, пораженіемъ на войнѣ, или онъ имѣлъ какое-нибудь иное происхожденіе,—какъ въ индивидуальной, такъ и въ общественной жизни является потребность избавиться отъ послѣдствій его, а также найти средства на будущее время предупредить его появленіе. Кризисъ обнаруживаетъ несостоятельность установившихся привычекъ, обычаевъ, строя индивидуальной или общественной жизни и властно требуетъ измѣненія ихъ такимъ образомъ, чтобы они могли приспособиться къ новымъ условіямъ индивидуальной или общественной жизни *).

Но что же это за новыя условія и чѣмъ они вызываются? Вѣдь общественныя бѣдствія, какъ голодъ, засуха, наводненіе, военное пораженіе и т. п. суть только непосредственныя причины кризиса, болѣе глубокія общественныя причины не бросаются въ

*) Срав. *W. I. Thomas: The province of social psychology*, въ American Journal of Sociology, january, 1905. Что было сдѣлано соціологіей послѣ крушенія органической теоріи общества, читателя можетъ познакомить недавно вышедшая книга М. М. Ковалевскаго: „*Современные соціологи*“. Спб. 1905.

глаза, ихъ надо искать, и онѣ таятся въ медленномъ, но непрерывномъ и могущественномъ измѣненіи общественныхъ отношеній, обусловливающихъ матеріальное существованіе даннаго общества.

Общество, какъ нѣчто цѣлое и развитое, отличается отъ индивидуальнаго организма, между прочимъ, и тѣмъ, что, состоя изъ отдѣльныхъ группъ или классовъ, интересы которыхъ во многомъ сходны, во многомъ, наоборотъ, противоположны, обладаетъ всестороннею способностью видѣть, имѣя для этого тысячи глазъ, малѣйшіе признаки надвигающейся опасности и реагировать для ихъ устраненія, у него тысячи ушей, чтобы реагировать на вновь возникающія общественныя отношенія. Эта способность развивается вмѣстѣ съ ростомъ общественности, такъ какъ по мѣрѣ усложненія общественной жизни и именно вслѣдствіе такого усложненія развивается то свойство, которое такъ необходимо для предусмотрѣнія всякаго общественнаго кризиса, а слѣдовательно, и для его устраненія—развивается вниманіе къ явленіямъ общественной жизни и самое пониманіе хода ея. Слѣдовательно, для предупрежденія общественныхъ кризисовъ необходимое условіе есть развитіе общественности, а оно можетъ происходить, такъ сказать, органически, правильно только въ томъ случаѣ, когда ему ничто не препятствуетъ. Въ противномъ случаѣ, когда развитію общественности ставятся препятствія тѣми или другими общественными группами, несоотвѣтствіе существующихъ общественныхъ отношеній съ общественными отношеніями, возникшими вновь и, главнымъ образомъ, отношеніями, обусловливающими матеріальное существованіе членовъ даннаго общества, вызываютъ кризисъ, тѣмъ болѣе глубокій, чѣмъ больше сказанное несоотвѣтствіе.

Какъ мы только что говорили, общественный кризисъ очень часто разражается подъ давленіемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ стимуловъ. Различныя общества реагируютъ на него въ зависимости отъ степени своего развитія. Народъ, общественная и умственная жизнь котораго мало развита, не могъ имѣть случаевъ вдумываться и изучать сложныя общественныя отношенія, взаимодѣйствіе отдѣльныхъ ихъ факторовъ на развитіе ея. Способность абстракціи у него слишкомъ слаба, такъ какъ эта способность, способность искать и находить скрытыя пружины общественной жизни, можетъ развиваться только при наличности самого предмета такого отвлеченнаго мышленія—сложнаго общественнаго строенія. Чѣмъ менѣе сложна общественная жизнь, тѣмъ яснѣе и проще для пониманія воздѣйствіе, требуемое для устраненія препятствій для правильнаго ея теченія, тѣмъ менѣе посредственныхъ звеньевъ между внѣшнимъ возбужденіемъ, между внѣшнимъ стимуломъ, требующимъ воздѣйствія, и самимъ воздѣйствіемъ,—словомъ, тѣмъ непосредственнѣе само воздѣйствіе, тѣмъ менѣе нужна сила абстракціи мысли. Но, чѣмъ болѣе усложняются обществен-

ныя отношенія, чѣмъ болѣе увеличивается число звеньевъ между возбужденіемъ, вызываемымъ тормазами, задерживающими плавное, закономѣрное развитіе общественной жизни, тѣмъ условія этого развитія требуютъ большей силы абстракціи. Тормазами, нерѣдко вызывающими общественные кризисы, являются неравномѣрное развитіе и сознаніе интересовъ тѣхъ общественныхъ группъ или классовъ, на которые распадается данное общество. Въ интересахъ общества, какъ цѣлаго, какъ націи, дать полную возможность развитію сознанія какъ каждаго класса въ отдѣльности, такъ и всей націи, ибо только при этомъ условіи возможно развитіе абстрактной мысли, истиннаго пониманія тысячи звеньевъ, связывающихъ опредѣленное общественное явленіе со скрытыми причинами, его вызвавшими, нерѣдко очень и очень отдаленными. Если какое-нибудь общественное явленіе пагубно для общества, то при пониманіи истинныхъ причинъ, его вызвавшихъ, устраненіе его не представляетъ непреодолимой трудности. И, наоборотъ, если такое пагубное явленіе возникнетъ, и если нація, вслѣдствіе недостаточнаго развитія абстрактнаго мышленія, не въ состояніи доискаться до истинныхъ причинъ, его вызвавшихъ, то обыкновенно причину бѣдствія ищутъ въ непосредственной близости, не видя, что она есть только одно изъ самыхъ близкихъ звеньевъ, связывающихъ данное общественное бѣдствіе съ болѣе отдаленной основной истинной его причиной.

Въ этомъ смыслѣ всякая попытка насильственной задержки развитія общественности, развитія мысли, есть преступленіе передъ націей, для которой нѣтъ ни малѣйшаго оправданія передъ судомъ исторіи.

У человѣка есть глаза, чтобы видѣть; уши, чтобы слышать; умъ, чтобы координировать эти зрительныя и слуховыя впечатлѣнія и дѣйствовать сообразно съ ними, избѣгая того, что оказываетъ вредное вліяніе на развитіе жизнедѣятельности, и способствуя тому, что оказываетъ на нее благотворное вліяніе. У каждаго общественнаго класса, какъ и цѣлой націи, такихъ органовъ чувствъ тысячи, и они, какъ и у отдѣльной личности, служатъ для той же цѣли, для полученія впечатлѣнія отъ внѣшнихъ условій и для того или иного воздѣйствія на нихъ. Если кому-нибудь завяжутъ глаза, наглухо заткнутъ уши и пустятъ на всѣ четыре стороны,—живи какъ знаешь,—то не требуется особенно большого напряженія ума, чтобы понять, къ чему это поведетъ, что станетъ съ такимъ лицомъ. Что же сказать о націи, которую насильственно ставятъ именно въ такое положеніе? Она, какъ и отдѣльное лицо, лишается возможности видѣть и слышать,—словомъ, воспринимать впечатлѣнія отъ окружающей среды, лишается возможности противодѣйствовать вліяніямъ, пагубно дѣйствующимъ на нее, какъ на нѣчто цѣлое. Поэтому она доступна кризисамъ всякаго рода болѣе, чѣмъ всякая другая, органы воспріятія ко

торой функціонируютъ безъ всякихъ помѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у націи есть вѣдь также умъ для координированія воспринимаемыхъ впечатлѣній. Развиваться онъ можетъ только при условіи полной свободы. При всякомъ стѣсненіи воспринимаемыхъ впечатлѣній, стѣсняется, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность правильнаго ихъ координированія, стѣсняется возможность нахожденія причинной связи явленій общественной жизни. Если же на самую мысль налагается запретъ, то вѣроятность учащенія кризисовъ и ихъ сила возрастаютъ неимовѣрно.

Итакъ, у человѣка, какъ и у общества, есть органы чувствъ для воспріятія внѣшнихъ ощущеній; есть умъ для координированія этихъ ощущеній. Умъ, при помощи органовъ чувствъ, даетъ возможность живому существу избѣгать опасности, угрожающей его жизни, предотвращать ее, ставить жизнь въ такія условія, которыя способствуютъ всестороннему развитію ея. Все это есть и у отдѣльнаго человѣка, и у людей, соединенныхъ въ общество. Но всѣ эти способности пріобрѣтаютъ въ обществѣ необыкновенную силу, вслѣдствіе возникновенія и развитія языка, этого продукта общественнаго развитія, при помощи котораго впечатлѣнія, воспринимаемыя отдѣльными лицами, координированіе этихъ впечатлѣній умомъ отдѣльныхъ лицъ, значеніе и смыслъ наблюдаемыхъ явленій въ мірѣ природы и въ мірѣ общественномъ дѣлаются достояніемъ всего общества. Языкъ, этотъ продуктъ общественнаго развитія, становится вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій этого же развитія, въ особенности, когда ему на помощь приходитъ печатный станокъ, объединяющій опытность и мысль всего человѣчества и дѣлающій результатъ опыта и наблюденія какого-либо лица въ какой-нибудь точкѣ земного шара общимъ достояніемъ всѣхъ живущихъ, и стремящійся обратить всѣ отдѣльныя общественныя группы, всѣ націи въ одну человѣческую семью, связанную общими имъ всѣмъ интересами и стремящуюся къ одной общей всѣмъ имъ цѣли.

Такое развитіе общественности, при помощи воспринимаемыхъ ощущеній, координированія ихъ, при помощи устной и письменной передачи полученныхъ результатовъ согражданамъ, шло и идетъ стихійно, имѣя въ основѣ чувство самосохраненія. Общественность, развиваясь, требуетъ все большей и большей способности разобраться въ усложняющихся условіяхъ своего существованія, а слѣдовательно, все большей и большей умственной способности (при помощи научныхъ пріемовъ и пр.) для координированія получаемыхъ впечатлѣній и для передачи ихъ въ общее достояніе, для того, чтобы каждый отдѣльный членъ націи, каждая общественная группа или общественный классъ, каждая нація, наконецъ, чтобы все человѣчество знало, какимъ образомъ предотвратить возможную бѣду, возможное событіе, какимъ образомъ

направить общественную жизнь для достиженія наиболѣе благопріятныхъ для нея результатовъ.

Стихійное развитіе общественности, по мѣрѣ развитія въ индивидуальномъ и общественномъ сознаніи пониманія условій, ему содѣйствующихъ и его тормазящихъ, по мѣрѣ выясненія его закономѣрности, мало по малу переходитъ въ планомѣрное, подчиняющееся человѣческой волѣ.

Развитіе общественности, какъ стихійное, такъ и планомѣрное, имѣетъ въ виду огражденіе народа, какъ цѣлаго, отъ вліяній, неблагопріятныхъ для его жизни. Поэтому всякій, кто препятствуетъ такому развитію общественности, имѣя къ тому возможность, кто мѣшаетъ обществу и отдѣльнымъ его членамъ планомѣрно воспринимать впечатлѣнія отъ явленій природы и общественной жизни, т. е. кто стѣсняетъ распространеніе образованія; кто мѣшаетъ координировать полученныя впечатлѣнія, т. е. кто стѣсняетъ развитіе науки; кто мѣшаетъ дѣлиться устно и при помощи печати пріобрѣтенными знаніями, провѣрять ихъ опытомъ и наблюденіемъ себѣ подобныхъ, чтобы этимъ путемъ доискаться истины,—словомъ, каждый, препятствующій стихійному и планомѣрному развитію общественности, является, вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшимъ врагомъ мирнаго общественнаго развитія, поэтому величайшимъ преступникомъ передъ націей, такъ какъ всякая отсталость въ общественномъ развитіи, при усложняющейся общественной жизни, лишаетъ возможности цѣлые общественные классы понимать причины возникновенія ухудшающихся условій ихъ существованія и принимать мѣры для ихъ устраненія; но, съ другой стороны, такая отсталость въ общественномъ развитіи цѣлаго народа можетъ повести къ прекращенію существованія цѣлой націи, какъ самостоятельной, независимой единицы, къ смерти ея. Едва ли найдется преступленіе, по своимъ послѣдствіямъ болѣе тяжкое, болѣе позорное, болѣе гнусное, чѣмъ то, которое имѣетъ въ виду воспрепятствовать расчисткѣ путей, которые ведутъ къ развитію общественности.

II.

Препятствія развитію общественности какъ стихійной, такъ и планомѣрной надо искать въ самой націи, въ ея организаціи, въ ея группировкѣ на общественные классы и въ ихъ дѣятельности,—словомъ, въ морфологіи общества и его функціяхъ.

Психическіе типы данной націи и общественныхъ группъ и классовъ ея формируются главнымъ образомъ подъ вліяніемъ способовъ ихъ существованія, способомъ производства. Психическій типъ пастушескаго народа отличенъ отъ психическаго типа народа земледѣльческаго; а этотъ послѣдній отличенъ отъ

капиталистическаго типа. Точно такъ же психическій типъ одного общественнаго класса отличается отъ психическаго типа другого общественнаго класса той же націи—типъ капиталиста отличенъ отъ типа рабочаго или крестьянина,—и всѣ три отличны отъ типа землевладѣльца, такъ какъ способъ пріобрѣтенія средствъ матеріальнаго существованія у всѣхъ у нихъ различенъ. Каждый изъ классовъ, находясь постоянно подъ давленіемъ внѣшнихъ общественно-хозяйственныхъ условій, въ которыхъ онъ живетъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ находятся другіе общественные классы, налагаетъ на каждаго своего члена особенный психическій отпечатокъ, формируемый соотвѣтственной классовой средой.

Само собою разумѣется, что, кромѣ раздѣленія націи на классы, подъ вліяніемъ способовъ производства, требуемаго для поддержанія матеріальнаго существованія, раздѣленія, происходящаго, такъ сказать, стихійно, члены даннаго общества могутъ соединяться въ отдѣльныя группы, преслѣдующія какія-нибудь иныя цѣли, благотворительныя, религіозныя, образовательныя, научныя и т. п., но всѣ эти и имъ подобныя группировки, нѣсколько видоизмѣняя основной общественный психическій типъ члена даннаго класса, все же не въ состояніи переформировать его совершенно; общественный психическій типъ рабочаго, напримѣръ, подъ вліяніемъ такой организаціи, въ которую онъ вступаетъ въ качествѣ члена, можетъ расширить или съузить его кругозоръ, но не въ состояніи, пока онъ остается членомъ рабочаго класса, измѣнить его общественный психическій типъ, какъ типъ рабочаго.

Каждые общественные психическіе типы имѣютъ множество оттѣнковъ, въ зависимости отъ множества оттѣнковъ индивидуальныхъ темпераментовъ.

Такъ вотъ, все данное общество, весь народъ, подъ вліяніемъ достигнутаго развитія способа производства средствъ матеріальнаго существованія, распадается на классы. Каждый изъ этихъ классовъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, пріобрѣтаетъ особый, ему только свойственный, психологическій отпечатокъ. Этотъ отпечатокъ онъ накладываетъ на каждаго изъ своихъ членовъ, онъ формируетъ своихъ членовъ по образу и подобію своему. Но такъ какъ классы обособляются по способамъ пріобрѣтенія средствъ матеріальнаго существованія, то психическій типъ одного изъ классовъ рѣзко отличается отъ соотвѣтственнаго психическаго типа другого класса. А такъ какъ основаніемъ раздѣленія обществъ на классы служитъ развитіе способовъ производства средствъ матеріальнаго существованія, то каждый хозяйственный общественный классъ стремится пріобрѣсти возможно большую долю въ произведенномъ продуктѣ въ качествѣ класса капиталистовъ, класса землевладѣльцевъ, класса рабочихъ.

Отсюда постоянная борьба классовъ, основа которой, будучи экономической, облекается въ борьбу за правовое преобладаніе, а слѣдовательно, и за политическое.

Пока формируются общественные классы, сознающіе свои общіе интересы, изъ безчисленнаго множества разъединенныхъ производительныхъ группъ, дѣйствующихъ безъ всякой связи между собою; когда способы производства средствъ матеріальнаго существованія были еще очень не совершенны; когда производительность труда была еще очень низка,—такое переходное состояніе общества, какъ цѣлаго, даетъ толчокъ развитію общественности; оно представляетъ переходную фазу этого развитія, въ которой не всѣ члены данной націи объединяются одними общими имъ всѣмъ интересами, а только нѣсколько самостоятельныхъ общественно-хозяйственныхъ типовъ, объединяющихся интересами, присущими каждому изъ нихъ въ отдѣльности.

Формированіе общественныхъ классовъ подъ вліяніемъ развивающейся производительности труда и измѣненія способа производства въ томъ смыслѣ, что средства существованія изготовляются уже не для непосредственнаго удовлетворенія потребностей самихъ лицъ, принимающихъ участіе въ ихъ производствѣ, а для удовлетворенія какой-нибудь изъ потребностей всѣхъ общественныхъ группъ, вмѣстѣ взятыхъ, группъ, обособляющихся подъ вліяніемъ исключительно хозяйственныхъ условій, такое формированіе каждаго изъ общественныхъ классовъ въ отдѣльности, въ этой первоначальной стадіи, способствуетъ развитію общественности, именно вслѣдствіе объединенія его членовъ.

Формированіе и объединеніе отдѣльныхъ общественныхъ классовъ идетъ въ извѣстной послѣдовательности, въ зависимости отъ развитія производительности труда и отъ связаннаго съ нимъ измѣненія способа производства. Первоначально формируется и объединяется классъ землевладѣльцевъ, интересы котораго вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаются на первый планъ въ общественной жизни и придаютъ ей опредѣленную специфическую окраску. Право, политика, всѣ общественныя отношенія подчиняются имъ. Они формируютъ государственныя отношенія, сообразуясь со своими интересами.

Развитіе производительности труда, въ области обрабатывающей и добывающей промышленности, выдвигаетъ на общественную арену промышленный и купеческій капиталы, интересы представителей которыхъ находятся въ прямомъ противорѣчіи съ интересами землевладѣльцевъ. Противорѣчіе это состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что при развитіи производительности труда требуется свобода передвиженія рабочихъ, для удовлетворенія измѣняющихся потребностей въ ихъ трудѣ со стороны промышленнаго капитала. Слѣдовательно, узы, связывавшія ихъ въ большей или меньшей степени съ землею, и тѣмъ самымъ съ землевладѣльцемъ,

должны быть порваны, послѣдніе должны лишиться рабочихъ рукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ продуктовъ ихъ труда. Во-вторыхъ, это противорѣчіе выражается въ томъ, что вслѣдствіе развитія новаго способа производства, денежнаго, капиталистическаго, землевладѣльцы сами принуждены покупать средства существованія, которыя до того они пріобрѣтали при помощи дарового или почти дарового труда крестьянъ.

Этимъ путемъ хозяйственная мощь землевладѣльцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ политическое и правовое преобладаніе въ странѣ, все болѣе и болѣе падаетъ насчетъ развитія хозяйственнаго значенія, а слѣдовательно, власти торгово-промышленнаго класса.

Ростъ политическаго и правового вліянія торгово-промышленнаго класса, подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій его развитія и объединенія его, даромъ ему не дается. Перспектива потери хозяйственнаго, а потому политическаго и правового вліянія для класса землевладѣльцевъ слишкомъ наглядно чувствительна, чтобы этотъ классъ не употребилъ всѣ силы, которыми еще онъ пока обладаетъ, на предотвращеніе надвигающейся катастрофы. А это, по его мнѣнію, вполнѣ въ его власти. Слѣдуетъ, по его мнѣнію, препятствовать тому, что составляетъ необходимое условіе развитія капиталистическаго производства и, наоборотъ, способствовать всему тому, что можетъ усилить классъ землевладѣльцевъ. Самымъ существеннымъ средствомъ для послѣдняго служитъ сохраненіе за собою политическаго преобладенія, политической власти. Развитіе капиталистическаго хозяйства неизбѣжно требуетъ преобразованія правовыхъ нормъ, которыя бы соотвѣствовали преобразованію хозяйственныхъ общественныхъ условій, такъ какъ правовыя отношенія представляютъ только санкціонированныя положительнымъ закономъ нормы установившихся хозяйственныхъ отношеній. Представители денежнаго и промышленнаго капитала, при развитіи капиталистическаго производства, чувствуя на себѣ гнетъ и путы правовыхъ нормъ пережитой стадіи развитія хозяйственной жизни, силой самого развитія стремятся къ преобразованію правовыхъ отношеній, стѣсняющихъ ихъ дѣятельность, путемъ участія въ законодательствѣ, отождествляя при этомъ свои интересы съ интересами всего народа. Въ этомъ своемъ стремленіи они находятъ поддержку со стороны болѣе широкихъ круговъ населенія, такъ какъ несоотвѣтствіе старыхъ правовыхъ нормъ вновь создавшимся условіямъ и формамъ производства, слишкомъ чувствительно отзывается и на нихъ. Классъ торгово-промышленный, получивъ вліяніе на законодательство страны, употребляетъ его, конечно, въ своихъ интересахъ, встрѣчая противодѣйствіе, главнымъ образомъ, со стороны представителей прежнихъ монополистовъ въ этой области—землевладѣльцевъ.

По мѣрѣ развитія капиталистическаго производства, въ отношеніяхъ различныхъ классовъ населенія происходятъ перемѣны.

Съ одной стороны, землевладѣльцы, вначалѣ смотрѣвшіе на вторженіе капиталистическихъ условій производства со страхомъ, опасаясь за свои доходы, въ концѣ концовъ стали съ нимъ мириться, видя, что ихъ unearned increment, незаработанное приращеніе ихъ доходовъ, постоянно возрастаетъ въ видѣ ренты почти во всѣхъ ея видахъ *). Съ другой стороны, условія развитія капиталистическаго производства, объединивъ классъ торгово-промышленный, стремятся объединить также классъ заводско-фабричныхъ рабочихъ.

Такъ какъ въ основѣ борьбы общественныхъ классовъ лежитъ стремленіе каждаго изъ нихъ захватить елико возможно большую долю во вновь произведенномъ продуктѣ; и такъ какъ этотъ продуктъ, при капиталистическомъ способѣ производства, распадается на ренту, торгово-промышленную прибыль и заработную плату, то всѣ усилія каждаго изъ двухъ первыхъ классовъ и каждаго изъ членовъ этихъ классовъ, какъ лицъ, принимающихъ участіе въ законодательной дѣятельности, направлены къ тому, чтобы, независимо отъ индивидуальной дѣятельности въ этомъ смыслѣ каждаго изъ нихъ, само законодательство способствовало увеличенію ихъ доходовъ. Это достигается путемъ сложенія съ себя бремени государственныхъ расходовъ, напримѣръ, въ видѣ построенія государственнаго бюджета на косвенныхъ налогахъ; или въ видѣ стѣсненія организаціи рабочихъ союзовъ для отстаиванія общихъ интересовъ и т. п.

Въ этой стадіи классъ торгово-промышленный, достигнувъ цѣли своихъ стремленій, подчинивъ законодательную дѣятельность страны своимъ интересамъ, не только перестаетъ быть орудіемъ развитія общественности, прогресса, нравственности, а, напротивъ того, становится припятствіемъ такому развитію, такъ какъ, ставъ на узкую точку зрѣнія соблюденія своихъ интересовъ, онъ еще не видитъ, что, съ развитіемъ общественности, его интересы могутъ не только не пострадать, но еще и выиграть, какъ этого не видѣлъ классъ землевладѣльцевъ во время борьбы съ нимъ самимъ за политическое преобладаніе.

По мѣрѣ развитія капиталистической формы производства, по мѣрѣ сопряженнаго съ нимъ роста преобладанія вліянія торгово-промышленнаго класса на законодательство, самимъ механизмомъ капиталистическаго способа производства развивается и объединяется классъ заводско-фабричныхъ рабочихъ. Такъ какъ въ стремленіи класса капиталистовъ увеличить долю своего участія въ продуктѣ они удлиняли рабочій день выше нормы, необходимой для возстано-

---

*) Растетъ горно-промышленная рента, за наемъ земли для построекъ и т. д. Изъ сравненія бюджетовъ американскихъ рабочихъ 80-хъ и 90-хъ годовъ минувшаго вѣка оказывается, что расходъ на наемъ помѣщенія возросъ за это время процентовъ на 16—18. (Ср. Cost of living and retail prices of food въ 18 отчетѣ Commissioner of Labor за 1903 г. Washington, 1904).

вленія затраченныхъ рабочихъ силъ; уменьшали относительную долю рабочаго въ продуктѣ при помощи низкой заработной платы, не дававшей ему возможности болѣе или менѣе всесторонняго развитія всѣхъ способностей и сколько-нибудь сноснаго существованія,—то первымъ требованіемъ объединявшихся рабочихъ было или сокращеніе рабочаго дня, или увеличеніе заработной платы, или то и другое одновременно.

Во многихъ случаяхъ, когда вся нація узнавала объ ужасахъ условій существованія рабочихъ, давленіе общественнаго мнѣнія, которое видѣло, что народу грозитъ вырожденіе, бывало настолько сильно, что принимались законодательныя мѣры, какъ для ограниченія рабочаго дня, такъ и противъ другихъ вредныхъ условій заводско-фабричной работы, конечно, при сильномъ противодѣйствіи фабрикантовъ и заводчиковъ.

Проведеніе этихъ мѣръ въ жизнь не сопровождалось, какъ этого опасались капиталисты, уменьшеніемъ ихъ дохода. Напротивъ того, рабочіе, получивъ возможность полнѣе возстановить свои физическія силы, получивъ доступъ для развитія умственныхъ способностей, наблюдательности, вниманія, стали болѣе сознательно относиться къ порученной имъ работѣ, трудъ ихъ сталъ успѣшнѣе, тѣмъ самымъ они увеличивали доходы предпринимателей. Съ объединеніемъ рабочихъ въ союзы, котораго такъ опасались предприниматели, считая, что оно поведетъ къ безконечнымъ забастовкамъ для достиженія невыполнимыхъ требованій, въ концѣ концовъ, фабриканты не только примирились, но все большая и большая часть ихъ находитъ его гораздо болѣе и выгоднымъ, и удобнымъ для себя, вслѣдствіе того, что рабочіе союзы гораздо осмотрительнѣе прибѣгаютъ для достиженія поставленной цѣли къ такому обоюдоострому оружію, какъ забастовка, чѣмъ толпа неорганизованныхъ рабочихъ, соображая всѣ шансы успѣха или неуспѣха. Съ другой стороны, для фабрикантовъ несравненно удобнѣе вести всякіе переговоры съ правильно выбранными представителями рабочей организаціи, которые дѣйствительно являются ихъ полномочными довѣренными, чѣмъ съ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ *).

Нечего и говорить, что соблюденіе интересовъ рабочихъ, какъ класса, наиболѣе достигается въ томъ случаѣ, когда имъ есть возможность черезъ своихъ представителей принять участіе въ законодательной дѣятельности. Такое участіе въ законодательствѣ отнимаетъ отъ ихъ дѣятельности стихійный характеръ, во многихъ случаяхъ агрессивный, направляя ее въ спокойное правовое русло. И въ этомъ отношеніи не оправдались опасенія классовъ, имѣв-

---

*) Читатель, интересующійся взглядами на этотъ вопросъ предпринимателей и рабочихъ, найдетъ много поучительнаго въ изслѣдованіи A. Maurice Low: *Labor unions and British industry*, въ № 50 *Bulletin of the Bureau of Labor, Washington, January*, 1904.

шихъ до того въ своихъ рукахъ монополію законодательства. Хотя, казалось, имъ пришлось поступиться болѣе или менѣе значительною долею своихъ правъ, но и въ этомъ случаѣ большая обезпеченность въ пользованіи основными человѣческими гражданскими и общественными правами, большая возможность располагать своимъ временемъ для возстановленія затраченныхъ физическихъ силъ и для развитія силъ умственныхъ и духовныхъ, способствовали увеличенію производительности и успѣшности ихъ труда.

Такимъ образомъ, хотя стихійное проявленіе антагонизма общественныхъ классовъ сглаживается, грубыя его формы исчезаютъ, но тѣмъ не менѣе онъ остается въ основѣ современныхъ обществъ, какъ необходимый результатъ той формы, которую приняло производство матеріальныхъ средствъ существованія. И этотъ антагонизмъ представляетъ сильнѣйшій тормазъ развитію общественности, такъ какъ во многихъ случаяхъ отдѣльные классы, смотря на опредѣленный вопросъ съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, не въ состояніи во многихъ случаяхъ понять его съ общественной точки зрѣнія, какое отношеніе и значеніе данный вопросъ имѣетъ къ развитію общественности.

Общественно-хозяйственная среда, подъ вліяніемъ которой формируются общественно-хозяйственные типы каждаго изъ классовъ, слишкомъ властно овладѣваетъ каждою индивидуальностью даннаго класса, чтобы она могла отрѣшиться отъ точки зрѣнія на данное явленіе своего класса.

Но съ развитіемъ общества, какъ на это указывалось не разъ, развиваются общественныя силы, стоящія болѣе или менѣе внѣ арены борьбы чисто хозяйственныхъ общественныхъ классовъ, способствующія уясненію и пониманію условій, при наличности которыхъ не только возможно развитіе общественности, но эти лица этимъ самымъ содѣйствуютъ и развитію классового самосознанія и выясненію тѣхъ его сторонъ, которыя служатъ развитію общественности въ широкомъ смыслѣ слова, и тѣхъ, которыя тормазятъ это развитіе.

III.

Набросавъ въ самыхъ общихъ чертахъ схему развитія общественныхъ отношеній, какъ оно совершалось въ западной Европѣ, посмотримъ, насколько эта схема приложима къ развитію общественныхъ отношеній Россіи.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, насколько крѣпостное право задерживало развитіе производительныхъ силъ Россіи, въ особенности въ то время, когда западная Европа, стряхнувъ съ себя ветхаго человѣка, мощно стала развивать свои производительныя силы. Ко второй половинѣ прошлаго вѣка вся

Россія представляла миріады отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ самодержцевъ, въ безконтрольной власти которыхъ находились принадлежащія имъ рабочія силы. Всѣ они представляли строго выдержанный общественный психологическій типъ, сформированный общими имъ всѣмъ хозяйственными условіями существованія, въ которомъ были самыя разнообразныя разновидности, обусловленныя индивидуальными особенностями какъ личными, такъ и мѣстными общественными. Съ этими разновидностями насъ познакомили наши писатели, начиная отчасти съ Пушкина, а главнымъ образомъ съ Гоголя, и кончая Салтыковымъ.

Помѣщики смотрѣли на крестьянъ, какъ на рабочій скотъ, провиденціальное назначеніе котораго состояло въ работѣ на помѣщиковъ. И это не есть метафора: они, дѣйствительно, не считали крестьянъ за людей, въ какомъ бы то ни было отношеніи равнымъ имъ самимъ. Для помѣщицы, напримѣръ, нисколько не казалось предосудительнымъ принимать бурмистровъ и отдавать имъ хозяйственныя приказанія, сидя въ ваннѣ. Вѣдь онъ—мужикъ, холопъ, а не мужчина. Понятіе объ особенности бѣлой кости составляло характерную черту помѣщичьяго типа. Весь государственный бытъ былъ насквозь пропитанъ этими крѣпостными отношеніями. Хозяйственныя отношенія крѣпостничества отражались на всемъ государственномъ строѣ: политика, право,—все подчинялось крѣпостничеству. Нельзя отказать себѣ въ удовольствіи лишній разъ привести характеристику этихъ отношеній, данную Салтыковымъ. „Были тогда куроцапы осѣдлые, — говоритъ онъ,—которые жили въ своихъ мѣстахъ и куроцапствовали въ границахъ, указанныхъ планами генеральнаго межеванія, и были куроцапы кочующіе, облеченные довѣріемъ, которые разъѣзжали по дорогамъ и наблюдали, чтобы основы осѣдлаго куроцапства пребывали незыблемыми“.

О развитіи промышленныхъ силъ и о развитіи связанной съ этимъ общественности въ то время не могло быть и рѣчи, а между тѣмъ стремленіе къ такому развитію все болѣе и болѣе усиливалось подъ вліяніемъ необходимости поддержанія жизни наростающаго населенія и подъ вліяніемъ все большаго и большаго пониманія со стороны населенія тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ этому развитію; тѣмъ болѣе, что съ расширеніемъ и въ ширь и въ глубь товарнаго обмѣна, положеніе крѣпостныхъ ухудшалось.

Внѣшнимъ толчкомъ, заставившимъ пасть крѣпостное право, послужила несчастная крымская война. Она показала, что для успѣшной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ у насъ не было рѣшительно ничего. Она показала, что главнѣйшее орудіе борьбы заключается въ развитіи производительныхъ силъ, въ развитіи просвѣщенія, въ развитіи общественности, и что самымъ существен-

нымъ препятствіемъ такому развитію служитъ крѣпостное право, которое, вслѣдствіе этого, должно было пасть.

Крушеніе крѣпостного права еще не указывало на то, что на слѣдующій же день послѣ этого событія весь общественно-хозяйственный строй преобразуется и что такое преобразованіе поведетъ за собою немедленно же преобразованіе политическое и правовое. Положеніе дѣлъ, которое оно оставило въ наслѣдство, было слишкомъ запутано, неблагопріятно для общественнаго развитія. Поголовное невѣжество большинства населенія; подавленіе тѣни самостоятельности, не только общественнаго, но и частнаго почина; поголовная бѣдность; безправіе большинства,—вотъ общественныя условія, при которыхъ предстояло націи приступить къ переустройству своихъ хозяйственныхъ формъ.

Вся нація раздѣлялась тогда на два слоя: огромное большинство ея составляло безправное, невѣжественное, придавленное крестьянство и несравненно меньшая часть—дворянство, только что лишившееся даровой рабочей силы, изъ котораго рекрутировалась администрація. Торгово-промышленный классъ и свободныя профессіи еле-еле еще зарождались, численно они составляли величину относительно ничтожную.

Урокъ, данный крымской войной, былъ слишкомъ чувствителенъ, чтобы не всколыхнуть и не разбудить общественнаго самосознанія. „Куроцапы кочующіе“ попрятались, чтобы не обращать на себя вниманія. Сравнительно ничтожная кучка людей просвѣщенныхъ принялась объяснять причину нашей отсталости и средства для ея устраненія. Часть ихъ была призвана къ законодательной дѣятельности и стала намѣчать мѣры, необходимыя для развитія общественной самодѣятельности. Преобразовать судъ, устроить мѣстное самоуправленіе, насадить народное образованіе, снять кандалы съ общественной мысли—вотъ задачи, которыя предстояло рѣшить.

Благопріятное, въ смыслѣ развитія общественности, рѣшеніе этихъ задачъ могло произойти лишь въ томъ случаѣ, если-бы такое рѣшеніе встрѣтило поддержку въ обширныхъ общественныхъ слояхъ. Но какъ разъ эти то слои были слишкомъ невѣжественны и угнетены предшествовавшимъ крѣпостнымъ строемъ, чтобы сознательно и сплоченно выступить на защиту и поддержку такого рѣшенія. Средній классъ только что зарождался и былъ, вслѣдствіе этого, совершенно еще лишенъ даже кастового самосознанія, сознанія своихъ интересовъ, какъ класса. Поэтому „куроцапы кочующіе“, видя сравнительно слабую поддержку общественнымъ преобразованіямъ такъ называемой „эпохи великихъ реформъ“,—кстати сказать, оставшихся въ своей существенной части только на бумагѣ,—начали вылѣзать изъ щелей, куда они было попрятались, и стали дѣйствовать вновь на прежнемъ

основаніи, нѣсколько приспособляясь къ измѣнившимся общественнымъ условіямъ, вслѣдствіе паденія крѣпостного права. Слѣдствіемъ этого явилось такое положеніе. Лица, принимавшія участіе въ ликвидаціи крѣпостного права, были оттѣснены. Лица, насквозь проникнутыя идеями крѣпостного права,—общественные психологическіе типы крѣпостниковъ,—призваны были на ихъ мѣсто осуществлять задачу, прямо противоположную крѣпостническому строю. Они и принялись рѣшать ее.

Крымская война обнаружила полную несостоятельность крѣпостничества, сильную хозяйственную отсталость, низкую степень промышленнаго развитія, отсутствіе сносныхъ путей сообщенія и т. д., и т. д.

Вчерашніе крѣпостники принялись все это устраивать. Въ то время вся Россія была страною почти исключительно земледѣльческою. Потребности въ продуктахъ обработывающей промышленности удовлетворялись почти исключительно домашними промыслами. Для поднятія народнаго благосостоянія, казалось, требовалось поднятіе производительности земледѣльческаго и промышленнаго труда, чтобы въ единицу рабочаго времени получалось болѣе продуктовъ. А этого можно достигнуть исключительно путемъ подъема умственныхъ и духовныхъ силъ народа, путемъ широкаго всесторонняго образованія, при помощи котораго познаются такъ называемые законы природы и умѣнье ими пользоваться для производительныхъ цѣлей.

Конечно, подобное средство не могло придти даже на мысль вчерашнимъ крѣпостникамъ. Они начали съ конца. Началась постройка желѣзныхъ дорогъ частными обществами, при помощи иностранныхъ капиталовъ, доходы на которые были гарантированы правительствомъ. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ вздорожаніе продуктовъ мѣстнаго производства, которые попали въ круговоротъ обмѣна на всемірномъ рынкѣ. А такъ какъ страна была земледѣльческою по преимуществу, то такими продуктами были: хлѣбъ, ленъ, пенька и проч. Этимъ самымъ, и вслѣдствіе вздорожанія, такіе продукты были изъяты изъ мѣстнаго потребленія. Но, разъ ставъ на этотъ путь, при низкомъ развитіи обработывающей и добывающей промышленности и низкой степени производительности труда, движеніе въ этомъ направленіи не только не могло остановиться, но должно было идти ускореннымъ шагомъ. Этому способствовало, во-первыхъ, пониженіе курса бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе выпуска ихъ сверхъ нормы, требуемой обращеніемъ товаровъ; при чемъ обезцѣненіе ихъ охватывало не сразу всю область обращенія, а шло постепенно отъ центра къ периферіи, отъ оптовой вывозной торговли къ мелкимъ деревенскимъ сдѣлкамъ. Бумажныя деньги, обезцѣненныя въ центрѣ, еще не успѣвали обезцѣниться на мѣстахъ продажи мелкими партіями, поэтому при сдѣл-

кахъ послѣдняго рода, вслѣдствіе того, что за единицу мѣры даннаго продукта предлагали бумажныхъ денежныхъ знаковъ больше прежняго, казалось, что цѣны этого продукта повысились. Поэтому, въ моментъ пониженія курса, число продажъ земледѣльческихъ продуктовъ увеличивалось. Но по мѣрѣ распространенія обезцѣненія бумажнаго рубля, повышались также цѣны и на всѣ остальные продукты, и на всѣ сдѣлки, такъ что кажущійся выигрышъ въ продажной цѣнѣ, въ концѣ концовъ, оказался фиктивнымъ и привелъ не къ обогащенію, а къ обѣднѣнію продавца.

Во-вторыхъ, этому же обѣднѣнію способствовало усиленное таможенное покровительство обработывающей, а затѣмъ и добывающей капиталистической промышленности, при чемъ рынокъ для сбыта продуктовъ этой промышленности,—а слѣдовательно, денежная помощь капиталистамъ,—съ одной стороны, расширялся, по мѣрѣ развитія желѣзно-дорожной сѣти, а съ другой — суживался, по мѣрѣ обѣднѣнія земледѣльческаго населенія. Само собою разумѣется, что денежному обращенію и торговымъ оборотамъ чрезвычайно способствовали банки.

Съ ростомъ торговаго обмѣна развивается взаимная зависимость всѣхъ органовъ, служащихъ для этого обмѣна: денежное обращеніе, кредитъ, средства сообщенія и т. д. Эта взаимная зависимость выражается въ извѣстной закономѣрности общественно-хозяйственныхъ явленій, это законы такихъ явленій. Это значитъ, что ростъ товарнаго производства и потребленія, отъ чего бы онъ ни зависѣлъ, вызываетъ соотвѣтственный ростъ денежнаго обращенія, развитія кредита, перевозки товаровъ и т. п. Одновременно съ этимъ происходитъ болѣе рѣзкое раздѣленіе общества на классы и обособленіе ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ также солидарность интересовъ членовъ отдѣльныхъ классовъ населенія, а также зависимость одного класса отъ другого. Такое обособленіе общественныхъ классовъ и такой ростъ ихъ взаимной зависимости требуетъ возникновенія общественнаго учрежденія, гдѣ могли бы встрѣтиться представители всѣхъ общественныхъ классовъ, и которые блюли бы ихъ интересы.

Между тѣмъ, всею дѣятельностью, вызванною вновь возникшими общественными условіями, руководили представители только что почившаго крѣпостничества, при чемъ, вѣрные его завѣтамъ, строго соблюдали преданія его и не допускали чьего бы то ни было вмѣшательства въ эту дѣятельность, отождествляя такое вмѣшательство съ „потрясеніемъ основъ“. Но съ перемѣною объекта своей дѣятельности, съ упраздненіемъ помѣщичьей власти надъ крѣпостными и сопряженной съ нею охраны этой власти, руководители государственной дѣятельности все болѣе и болѣе отдалялись отъ интересовъ вновь формировавшихся классовъ и

обособлялись въ отдѣльное сословіе, считающее себя выше всѣхъ классовъ, способное знать и соблюдать противоположные ихъ интересы. Словомъ, сформировалась современная бюрократія изъ бюрократіи временъ крѣпостничества, считающая себя всевидящей, всеслышащей, всепонимающей, стоящей выше интересовъ каждаго изъ общественныхъ классовъ въ отдѣльности, а въ дѣйствительности проникнутая интересами и идеями того класса, изъ котораго рекрутируются ея представители, именно класса бывшихъ помѣщиковъ, высшаго дворянства, крупнаго землевладѣнія.

Хозяйственный строй крѣпостничества, на которомъ покоились всѣ общественныя отношенія, рухнулъ при сравнительно слабомъ соприкосновеніи съ представителями строя, далеко опередившаго насъ въ хозяйственномъ, политическомъ, правовомъ, научномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Но наслѣдіе, оставленное крѣпостнымъ правомъ, оказалось очень живучимъ. Самое тягостное условіе, тормазившее развитіе личности, заключалось въ раздробленности націи, въ отсутствіи условій для проявленія общественной солидарности, и это-то обстоятельство дало возможность еще болѣе укрѣпиться вліянію на всѣ общественныя дѣла бюрократіи.

Бюрократія взялась за насажденіе и за развитіе промышленности, но принялась за это дѣло, не соображаясь съ запросами и нуждами только что вышедшаго изъ крѣпостного состоянія крестьянства. Крестьянство, получившее въ большинствѣ случаевъ надѣлы меньше тѣхъ, которыми пользовалось до того, принуждено было теперь выносить на своихъ плечахъ расходы, сопряженные съ вновь возникшими государственными потребностями, вызванными способами, которыми думали способствовать развитію промышленности.

Послѣдствія такой хозяйственной политики не заставили себя долго ждать. Крестьянство бѣднѣло. Этотъ фактъ нельзя было не видѣть. Предпринятое въ разныхъ мѣстахъ статистическое изслѣдованіе хозяйственнаго положенія крестьянства обнаружило его съ такою очевидностью, что нельзя было не признать его. Чѣмъ отвѣтила на это бюрократія? Запрещеніемъ собирать статическія данныя... Но фактъ остается фактомъ, какъ бы о немъ ни запрещалось говорить. И фактъ обѣднѣнія крестьянства, въ концѣ концовъ, должна была признать бюрократія, назначивъ коммиссію о причинахъ оскудѣнія центральной черноземной полосы, комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и т. п.

Такой бюрократическій способъ рѣшенія вопроса о насажденіи и развитіи крупной промышленности привелъ къ тому, къ чему онъ долженъ былъ привести: съ одной стороны, къ „оскудѣнію“ крестьянина, а съ другой—къ торгово-промышленному

застою, такъ какъ все развитіе промышленности покоилось на покупательной способности бѣднѣющаго крестьянства.

IV.

Развитіе капиталистической промышленности,—вслѣдствіе какихъ бы условій оно ни происходило,—влечетъ за собою перетасовку общественныхъ отношеній. Нація организуется на новыхъ началахъ. Возникаютъ новые общественные классы. Отдѣльныхъ лицъ, поставленныхъ въ одинаковыя хозяйственныя условія, сближаетъ общность ихъ хозяйственныхъ интересовъ, подъ вліяніемъ которыхъ формируются новые общественные психологическіе типы.

Возникавшая крупная промышленность формировала классъ капиталистовъ предпринимателей и классъ наемныхъ рабочихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе крупной промышленности требовало измѣненія существовавшихъ до того общественныхъ отношеній, политическихъ, правовыхъ и т. д. Старый общественный строй пересталъ отвѣчать назрѣвшимъ новымъ общественнымъ потребностямъ, возникавшимъ подъ вліяніемъ измѣненія хозяйственнаго строя страны, съ одной стороны, а съ другой — подъ вліяніемъ быстро измѣняющихся хозяйственныхъ условій другихъ странъ, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться на міровомъ рынкѣ.

Въ чемъ же заключались требованія нарождающихся новыхъ общественныхъ отношеній и чѣмъ отвѣчала на нихъ бюрократія?

Основное требованіе каждой отрасли производства заключается въ познаніи свойствъ обработываемаго и добываемаго предмета, способовъ его обработки и добыванія, законовъ физическихъ, химическихъ, біологическихъ для достиженія наилучшаго результата. Словомъ, для развитія всѣхъ видовъ промышленности, требуется отъ лицъ, принимающихъ участіе въ нихъ, способность наблюдательности, извѣстная дисциплина ума, т. е. умѣнье во всѣхъ случаяхъ быстро находить тѣ условія, которыя вызываютъ опредѣленное явленіе, а для этого требуется опредѣленный навыкъ, пріобрѣтенный непосредственнымъ наблюденіемъ явленій природы и общественныхъ явленій, ихъ такъ называемыми законами. „Въ основѣ изученія происхожденія всякаго явленія должна быть полнота; трудности, возникающія при этомъ, должны быть разрѣшены, а не обойдены; доказательства должны быть тщательно разсмотрѣны и приняты лишь въ томъ случаѣ, когда будутъ признаны основательными и будутъ вполнѣ поняты. Цѣлью изученія явленій должно быть отысканіе истины". Этимъ самымъ дисциплинируется умъ и развитіе воображенія ставится въ законо-

мѣрныя нормы. Наблюдательность, познаніе законовъ природы, настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли для отысканія истины, развитіе способности критики; развитіе воображенія, такъ сказать, также дисциплинированнаго, такъ необходимаго для открытій и изобрѣтеній новыхъ пріемовъ въ производствѣ, усовершенствованія прежнихъ,—вотъ что требуется и что даетъ научное образованіе, необходимое какъ для рядового рабочаго во всѣхъ отрасляхъ промышленности, такъ и для лицъ, руководящихъ предпріятіями. Все это истины настолько элементарныя, и столько разъ повторяемыя, что, казалось, ими будутъ руководиться при организаціи народнаго образованія, тѣмъ болѣе, что умственныя свойства и навыки, развиваемые при этомъ, необходимы во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, а не только въ промышленной. Лишь послѣ такой умственной подготовки спеціализація образованія, въ томъ числѣ и военнаго, можетъ принести наиболѣе благотворные результаты *).

Но бюрократія, это наслѣдіе крѣпостничества, взглянула на дѣло иначе. Развитіе наблюдательности, полнота изслѣдованія, настойчивость въ отысканіи истины, въ особенности, навыкъ не принимать безъ критики и безъ яснаго всесторонняго доказательства ничего на вѣру—все это для нея составляло „потрясеніе основъ", основъ ея существованія, конечно. И вотъ она стала насаждать такъ называемое классическое образованіе, которое, не отвѣчая ни на одинъ изъ возникавшихъ жизненныхъ общественныхъ вопросовъ, притуплялъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ задатки закономѣрнаго всесторонняго умственнаго развитія. Это для достаточныхъ клас-

---

*) „Не надо упускать изъ виду значенія научнаго образованія, какъ средства воспитанія. Надо помнить, что всякаго рода пріобрѣтенія въ этой области имѣютъ два значенія, значеніе *знанія и* значеніе *дисциплины*. Сообщеніе фактическихъ свѣдѣній не есть основная цѣль научнаго образованія, какое бы огромное значеніе ни имѣли фактическія свѣдѣнія, даваемыя наукою, свѣдѣнія эти мало принесутъ пользы, если только самый способъ пріобрѣтенія ихъ не служитъ къ тому, чтобы направлять, дисциплинировать и воспитывать способности. Точность мысли и выраженія, способность располагать и сопоставлять факты, пріобрѣтеніе, усвоеніе и воспроизведеніе въ логическомъ порядкѣ новыхъ идей; привычка обдумывать раньше, чѣмъ придти къ выводамъ, — вотъ воспитательныя цѣли, имѣющія неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ какое бы то ни было количество простого знанія, какое могутъ пріобрѣсти изучающіе науку". (Sir Philip Magnus: „On preparing the way for technical instruction". Рѣчь, сказанная 14 февраля 1894 г. въ учительскомъ институтѣ о методахъ техническаго образованія).

„Существуетъ стремленіе... разсматривать извѣстное, какъ полезное, потому, главнымъ образомъ, что имъ пользуются. При этомъ слишкомъ часто забывается тотъ фактъ, что неизвѣстное, т. е. не изученное, есть родникъ, изъ котораго было добыто все научное знаніе съ милліонами его приложеній... Было бы также легко показать на множествѣ примѣровъ, что изслѣдованія, на которыя въ то время, когда они производились, смотрѣли, какъ на безполезныя, легли въ основаніе приложеній огромной важности". (*Sir Norman Lockyer*, Nature, Vol. LIX, p. 32).

совъ населенія. Для крестьянства и для фабрично-заводскихъ рабочихъ не только было ограничено школьное образованіе самыми микроскопическими порціями, но и внѣшкольному образованію ставились и ставятся всевозможныя преграды (ограниченіе числа книгъ въ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ; трудность разрѣшенія чтеній для народа, особенно строгая цензура книгъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія и т. д. и т. д.).

Въ результатѣ оказалось то, что должно было оказаться. Крупная капиталистическая промышленность могла существовать только при поддержкѣ искусственными мѣрами, охранительными пошлинами. Но такъ какъ въ западной Европѣ развитіе народнаго образованія идетъ быстро впередъ, такъ какъ развитіе науки не только не встрѣчаетъ препятствій, какъ у насъ, но повсюду находитъ поддержку (особенно поучительны въ этомъ отношеніи примѣры С. А. Штатовъ, гдѣ сотни милліоновъ жертвуются на образовательныя цѣли, и Германіи, гдѣ народные представители точно такъ же не скупятся на крупныя ассигновки для развитія науки), то приложеніе научныхъ выводовъ и результатовъ для созданія новыхъ отраслей промышленности и для увеличенія производительности труда въ существующихъ тамъ, быстро шло впередъ *). А мы, „для поддержки и защиты отечественной промышленности" принуждены были обращаться къ такому заржавѣвшему оружію, бьющему къ тому же своихъ же, какъ повышеніе таможенной пошлины. Это повышеніе шло и продолжаетъ идти непрерывно. При хронической боязни развитія народнаго образованія иначе и не можетъ быть. Но такъ какъ наши сосѣди продолжаютъ идти впередъ, а мы толчемся на мѣстѣ, то это положеніе вещей долго продолжаться не можетъ: или мы должны избавиться отъ путъ, мѣшающихъ нашему умственному, техническому, а слѣдовательно, и промышленному развитію, или же должны будемъ лишиться своей хозяйственной, а слѣдовательно національной независимости. Увѣренность, что „ёнъ достанетъ" уже сильно поколеблена жизненными фактами: оскудѣніемъ крестьянства, ростомъ недоимочности и пр.

Затѣмъ переустройство общественно-хозяйственнаго строя фор-

*) Борьба съ природою, для достиженія болѣе высокой производительности труда, возможна только при помощи знанія, при помощи изученія закономѣрности явленій. Закономѣрность явленія есть выраженіе того, что при сочетаніи опредѣленныхъ условій оно неизбѣжно произойдетъ. Въ этомъ и выражается такъ называемый законъ природы или законъ общественной жизни. Такъ вотъ дѣло человѣка состоитъ въ томъ, чтобы, пользуясь законами природы и общественной жизни, найденными при помощи науки и научнаго образованія, сочетать опредѣленныя условія такимъ образомъ, чтобы, какъ слѣдуетъ, правильно приспособить наши маленькіе механизмы и наши общественныя отношенія къ великому механизму вселенной для достиженія наибольшаго результата въ смыслѣ увеличенія матеріальныхъ и духовныхъ благъ...

мируетъ новые общественные классы. У отдѣльныхъ личностей каждаго изъ классовъ оказываются общіе интересы, которые и сближаютъ ихъ. Но такъ какъ интересы каждаго изъ классовъ противоположны интересамъ другого класса, то на этой почвѣ возникаютъ столкновенія, которыя только въ томъ случаѣ могутъ разрѣшиться къ обоюдному довольству, когда и та, и другая сторона въ состояніи обсудить возникшее недовольство даннымъ положеніемъ сначала общими силами каждой группы лицъ въ отдѣльности, а затѣмъ сообща, чрезъ посредство полномочныхъ каждой изъ группъ, предпринимателей и рабочихъ.

Для этого требуется свобода собраній, свобода слова.

Условія капиталистическаго развитія промышленности со стихійною силою формируютъ эти два общественныхъ класса. Эти условія властно требуютъ возможности выраженія тѣхъ нуждъ, которыя возникаютъ для каждой изъ личностей, принадлежащей къ данному классу, и общихъ всему классу въ совокупности, и для осуществленія общихъ пожеланій. Создается новый общественный психологическій типъ, для существованія котораго такъ же неизбѣжно реагировать на внѣшнія условія, какъ неизбѣжно реагируетъ каждое отдѣльное лицо въ томъ или иномъ направленіи, смотря по тому, благопріятно ли слагаются для него внѣшнія условія, или неблагопріятно. Если отдѣльное лицо лишено возможности такого реагированія на внѣшнія воздѣйствія, то оно осуждено или на смерть, или на вырожденіе. Та же участь предстоитъ отдѣльнымъ лицамъ общественнаго класса, если этотъ классъ лишенъ возможности объединиться для защиты общихъ интересовъ. Въ капиталистической промышленности борьба между классами идетъ по преимуществу изъ-за раздѣла выработаннаго продукта и изъ-за условій работъ. Низкая заработная плата понижаетъ работоспособность, уменьшаетъ возможность возстановить затраченныя рабочія силы, сокращаетъ продолжительность жизни. Продолжительный рабочій день ведетъ къ тому же, отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ возможность умственнаго развитія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ страдаютъ и личные, и общественные интересы. Поэтому сами условія капиталистическаго производства, формируя новые общественные классы, властно требуютъ и новыхъ средствъ борьбы за ихъ существованіе.

И въ этомъ случаѣ бюрократія, не будучи въ силахъ понять вновь возникшей общественной потребности, противодѣйствуетъ чисто стихійно неизбѣжному проявленію этой потребности; она, противодѣйствуя развитію общественности во всѣхъ ея проявленіяхъ, видитъ даже и въ этой ея формѣ какъ бы угрозу своему существованію. И въ этомъ случаѣ, какъ и повсюду, она тормазитъ общественное развитіе.

Вмѣстѣ съ усложненіемъ хозяйственно-общественныхъ отношеній возникаютъ самые противоположные интересы, большее или

меньшее примиреніе которыхъ находится въ полной зависимости отъ возможности свободно формулировать ихъ и защищать передъ всѣми устно и при помощи печати. Необходимость свободы собраній и свободы печати съ особенною силою навязывается именно вслѣдствіе потребности ввести чисто стихійное объединеніе возникающихъ новыхъ общественныхъ классовъ,—иногда принимающее противо-общественный характеръ,—въ устойчивыя правовыя и планомѣрныя нормы. Изъ борьбы мнѣній въ предѣлахъ одного класса возникаютъ общіе принципы, которыми, при данныхъ общественныхъ условіяхъ, руководятся члены этого класса въ отдѣльности и весь классъ въ совокупности. Затѣмъ изъ борьбы мнѣній отдѣльныхъ представителей всѣхъ классовъ возникаютъ общіе принципы, которыми должна руководиться при данныхъ внутреннихъ и международныхъ условіяхъ вся нація, для достиженія наиболѣе благопріятнаго для себя результата.

Но и на это выраженіе общественныхъ потребностей, насущно-необходимыхъ для существованія націи, на этотъ самый важный продуктъ развитія общественности и самое важное и необходимое орудіе для этого развитія, налагается запретъ. Но эта потребность, потребность свободы слова и печати, растетъ стихійно, вмѣстѣ съ ростомъ классовъ, интересы которыхъ требуютъ общественнаго вниманія. Противодѣйствуя свободѣ слова и печати, бюрократія вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствуетъ закономѣрному развитію общественности и лишаетъ возможности и отдѣльные классы и всю націю противодѣйствовать условіямъ, которыя могутъ быть пагубны не только для отдѣльныхъ личностей, не только для какого-нибудь изъ классовъ въ отдѣльности, но могутъ быть пагубны для всей націи...

Изъ всего этого видно, что вновь возникшій строй хозяйственной жизни властно требуетъ измѣненія всѣхъ общественныхъ условій его существованія. Онъ не можетъ мириться съ наслѣдіемъ крѣпостного права, съ бюрократіей. Политическія и правовыя рамки, унаслѣдованныя отъ крѣпостничества, становятся слишкомъ узки для общественныхъ потребностей, растущихъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ всего хозяйственнаго строя, вмѣстѣ съ ростомъ вновь возникшихъ общественныхъ классовъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ разнообразія ихъ интересовъ. Бюрократія, считающая себя всевѣдующей, всесильной, всемогущей, взяла на себя обязанность блюсти самые противоположные интересы, которые не только она не понимаетъ, не только понять не можетъ, находясь внѣ сферы той хозяйственной среды, подъ вліяніемъ которой эти интересы возникаютъ и складываются, но даже часто они ей совершенно неизвѣстны и извѣстны быть не могутъ. Всякую попытку со стороны вновь формирующихся классовъ указать пути, которыми можно достигнуть удовлетворенія потребностей, вызванныхъ этими интересами,—бюрократія считаетъ святотатственнымъ

вторженіемъ въ область ея прерогативъ. Отсюда глухая борьба между ею и общественными классами, сформировавшимися подъ вліяніемъ новаго хозяйственнаго строя. Требованія, выдвигаемыя этимъ строемъ, слишкомъ жизненны, слишкомъ близко касаются интересовъ отдѣльныхъ лицъ каждаго класса, и цѣлыхъ классовъ, чтобы могли остаться неудовлетворенными. Вопросъ возникаетъ уже не о томъ, слѣдуетъ ли эти требованія удовлетворить, или не слѣдуетъ, а о томъ, что неудовлетвореніе этихъ требованій, вызванныхъ жизненною необходимостью, становится вопросомъ о существованіи самостоятельности всей націи, вопросомъ жизни для нея.

Необходимость свободы самоопредѣленія требуется самою жизнью.

Вопросъ о необходимости представительства интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ, потребность въ активной законодательной дѣятельности ихъ все болѣе и болѣе входитъ въ общественное сознаніе. Условія усложняющихся общественныхъ отношеній принудительно навязываютъ такое рѣшеніе вопроса. Всѣми, безусловно всѣми общественными классами сначала смутно чувствуется неудовлетворительность существующаго порядка вещей и необходимость измѣненія его. Затѣмъ, по мѣрѣ болѣе рѣзкаго обособленія и формированія новыхъ общественныхъ классовъ съ ихъ интересами, такое смутное чувство переходитъ въ ясно понятую возможность удовлетворить возникшія потребности при помощи представительства интересовъ каждаго класса.

Измѣненіе хозяйственнаго строя націи охватываетъ и самый инертный, консервативный общественный классъ—крестьянство. Продукты крестьянскаго труда все болѣе и болѣе втягивались въ круговоротъ товарнаго обращенія. Крестьянство, не будучи въ состояніи противостоять и приспособиться къ измѣняющимся формамъ хозяйственнаго строя страны, вслѣдствіе отсутствія требуемыхъ для этого знаній, вслѣдствіе отсутствія сознанія своихъ общихъ интересовъ, какъ крестьянства, вслѣдствіе разобщенности сельскихъ „міровъ“ и вслѣдствіе того, что оно должно было на своихъ плечахъ выносить всю тяжесть государственнаго бюджета, вслѣдствіе того, что на его же счетъ поддерживалась и существовала нарождавшаяся крупная промышленность, оно, крестьянство, постоянно бѣднѣло, пытаясь для своего существованія брать съ земли болѣе того, что она можетъ дать при все болѣе и болѣе ухудшающихся условіяхъ земледѣльческаго труда.

Этотъ фактъ слишкомъ бросался въ глаза, онъ былъ слишкомъ ощутителенъ для фиска, вслѣдствіе сопровождавшаго его роста недоимочности, чтобы бюрократія его не замѣтила. Она объяснила его по своему разумѣнію—недостаточно сильной властью своею надъ внутренней жизнью крестьянства. Она стала бороться съ крестьянскимъ обѣднѣніемъ не путемъ распространенія знаній,

не способствуя развитію классовой солидарности, развитію общественной иниціативы, а средствами какъ разъ противоположными, унаслѣдованными отъ крѣпостничества. Оно взяло подъ свою опеку все крестьянство, его общественную жизнь, его хозяйственную дѣятельность, отнимая этимъ самымъ одинъ изъ важнѣйшихъ путей для его развитія—развитіе личности, развитіе самостоятельности его характера, пониманіе своихъ общественныхъ интересовъ, а слѣдовательно, оно сталотормазомъ развитія общественности, развитія иниціативы. Институтъ земскихъ начальниковъ, подчиненный ему институтъ урядниковъ, это—прямое порожденіе крѣпостничества.

Новый хозяйственый строй, вторгнувшійся въ жизнь крестьянства, засталъ его совершенно неподготовленнымъ. Понять его смыслъ, приспособиться къ нему, бороться съ его отрицательными сторонами препятствовала ему вся окружающая среда. Образованіе народное, которое могло бы расширить его умственный горизонтъ, дало бы возможность понять значеніе совершающейся перемѣны, способствовало бы развитію производительныхъ силъ и солидарности хозяйственныхъ интересовъ, а слѣдовательно — общественности, считалось, да и теперь еще считается чѣмъ-то очень опаснымъ для государства, собственно говоря, для бюрократіи, которая свои собственные интересы отождествляла съ интересами государства. Бюрократія порѣшила, что только она сумѣетъ поставить крестьянство въ лучшія условія, взявъ въ свои руки контроль надъ всею его дѣятельностью, т. е. окончательно отнявъ у него способность самостоятельно реагировать на внѣшнія неблагопріятныя и благопріятныя для него условія.

Вынося на своихъ плечахъ, своимъ трудомъ, народившійся капитализмъ, который въ своемъ развитіи не только захватывалъ все большую и большую долю въ продуктѣ земледѣльческаго труда, но при помощи капитализаціи неземледѣльческихъ промысловъ оставлялъ все большее и большее количество рабочаго времени не использованнымъ производительно, *) крестьянство не только лишалось возможности поддерживаться на прежнемъ хозяйствен-

*) Насколько внѣземледѣльческіе промыслы крестьянства увеличиваютъ успѣшность его земледѣльческаго труда, видно изъ слѣдующихъ цифръ, показывающихъ, что въ мѣстностяхъ Московской губ. съ болѣе развитыми промыслами и урожай ржи выше.

Мѣстность.	% промышленниковъ.	Урожай ржи.
I	21—31	41_2
II	31—36	44
III	36—46	46_5
IV	46—62	47_6

„Подобная правильность находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что заработокъ въ промыслахъ позволяетъ мѣстнымъ крестьянамъ улучшать свое земледѣльческое хозяйство“ (Москов. губ. по мѣстному изслѣдованію 1898 — 1900 гг. статистическаго отдѣленія московскаго земства. Т. II стр. 23, Москва, 1904).

номъ уровнѣ, но, бѣднѣя, оно тѣмъ самымъ принуждено было уменьшать свои покупки и для производительнаго и для личнаго потребленія.

Такое сокращеніе потребленія крестьянства, этого преобладающаго по численности населенія Россіи, должно было съ неопреодолимой силой отразиться не только на государственномъ хозяйствѣ, такъ какъ оно основано по преимуществу на косвенныхъ налогахъ, но и на самой капиталистической промышленности, на сбытѣ ея продуктовъ. Нѣтъ надобности особенно ломать голову, чтобы понять тѣсную зависимость между высотою уровня народнаго благосостоянія и развитіемъ капиталистической промышленности. Послѣдняя развивалась до тѣхъ поръ, пока шла постройка на занятыя деньги желѣзныхъ дорогъ. Развивались тѣ отрасли ея, которыя были непосредственно связаны съ этою постройкой: желѣзодѣлательная, каменноугольная, вагоностроительная и т. п.,—а также тѣ, которыя вызывались возростающимъ спросомъ увеличивающагося числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ на предметы ихъ личнаго потребленія. Но вся желѣзодѣлательная промышленность, постройка желѣзныхъ дорогъ и т. д. имѣютъ въ виду потребленіе желѣза, перевозку предметовъ производительнаго и личнаго потребленія, имѣютъ въ виду обращеніе товаровъ платящаго потребителя. Поэтому, какъ только темпъ желѣзнодорожнаго строительства ослабляется, уменьшается требованіе на желѣзо, вагоны и пр., и пр., наступаетъ заминка какъ въ желѣзодѣлательныхъ, такъ и въ другихъ производствахъ, связанныхъ съ постройкой желѣзныхъ дорогъ. Сокращается число лицъ, принимавшихъ участіе въ постройкѣ, а слѣдовательно, запросъ съ ихъ стороны на предметы потребленія, а потому и производство ихъ сокращается. Но такъ какъ всетаки главнѣйшую массу покупателей предметовъ личнаго потребленія составляетъ крестьянство, то развитіе этихъ отраслей производства находится въ полной зависимости отъ покупательной способности этого наиболѣе многочисленнаго класса населенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ экономическая политика стремилась развить бумаготкацкое производство при помощи поощренія этой отрасли крупной промышленности. Это повело къ сокращенію кустарнаго производства тканей и для собственнаго потребленія крестьянства и освобожденію рабочаго времени, а слѣдовательно, къ обѣднѣнію крестьянства и къ ухудшенію земледѣльческаго хозяйства. Поэтому покупательная способность его понижалась, во-первыхъ, вслѣдствіе освобожденія рабочаго времени, въ продолженіе котораго только и могутъ быть производимы товары, отъ продажи которыхъ могли бы получиться деньги на покупку предметовъ потребленія. А во вторыхъ, вслѣдствіе пониженія цѣны тѣхъ товаровъ, которые онъ, какъ земледѣлецъ, только и можетъ продавать — земледѣльческихъ продуктовъ. А цѣна ихъ понижается, вслѣдствіе

причинъ, находящихся внѣ его контроля, вслѣдствіе повышенія производительности земледѣльческаго труда въ странахъ, конкуррирующихъ съ нимъ на рынкѣ. Поднять производительность собственнаго труда онъ не можетъ, вслѣдствіе бѣдности и отсутствія знаній.

Что картина, только что изображенная, отвѣчаетъ дѣйствительности, свидѣтельствуютъ лица, непосредственно заинтересованныя. Въ „докладной запискѣ конторы желѣзозаводчиковъ", поданной предсѣдателю комитета министровъ (въ январѣ 1905 г.), между прочимъ, читаемъ: „Послѣ того, какъ русская желѣзная промышленность перестала быть главнымъ образомъ поставщицей по казеннымъ заказамъ, послѣ того, какъ русскому желѣзному промышленнику пришлось усиленно искать сбыта своимъ товарамъ среди частныхъ потребителей, неустроенность нашей народной жизни, съ крайне слабой потребительской способностью страны, стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ и крайне тягостнымъ явленіемъ... При крайнемъ напряженіи народнаго обложенія на нужды государства, нечего удивляться, что Россія во всѣхъ своихъ частяхъ прогрессивно оскудѣваетъ и ея потребительная способность неуклонно сжимается". Въ запискѣ наиболѣе крупныхъ фабрикантовъ московскаго района читаемъ: „Бѣдность крестьянской массы, ея обособленность, ея невѣжество, примитивные способы обработки земли, отсутствіе у народа потребностей на многочисленные продукты обработывающей промышленности — обрекаютъ послѣднюю на неподвижность, инертность и постоянное перепроизводство съ его обычными спутниками—періодическими кризисами". Наконецъ, длинный рядъ представителей крупныхъ фабрикъ Петербурга въ своей запискѣ говоритъ: „Промышленное оживленіе конца прошлаго десятилѣтія быстро смѣнилось общимъ кризисомъ и угнетеннымъ состояніемъ, съ полною очевидностью выяснившими, что промышленность не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ народъ бѣдствуетъ, что здоровый ростъ промышленности зависитъ прежде всего и главнѣе всего отъ покупательной способности населенія. Поощряемая казенными заказами и приливомъ иностранныхъ капиталовъ, металлическая промышленность быстро пришла къ выводу, что будущее и даже настоящее зависитъ отъ потребленія желѣза населеніемъ; созванный министерствомъ финансовъ спеціальный съѣздъ о мѣрахъ къ усиленію потребленія желѣза населеніемъ хорошо выяснилъ, что такое потребленіе предполагаетъ непремѣннымъ условіемъ поднятіе народнаго благосостоянія, распространеніе образованія, развитіе промысловъ, коренное измѣненіе условій жизни сельскаго населенія, нынѣ приниженнаго, хозяйственно истощеннаго, бѣднаго... Петербургскіе фабриканты неоднократно также дѣлали представленія министру финансовъ о другой важной отрасли промышленности, а именно — хлопчатобумажнаго производства, ука-

зывая на то, что покупательная способность населенія видимо истощена, и вынужденное (пошлиною на хлопокъ) высокое состояніе цѣнъ на хлопчатобумажныя издѣлія встрѣчается съ крайнимъ ослабленіемъ спроса. Петербургскія мануфактуры работаютъ послѣдніе годы съ ничтожною прибылью и даже въ убытокъ; три изъ нихъ въ самое послѣднее время погибли. Металлическая промышленность въ среднемъ удовлетворяется двумя-тремя процентами на капиталъ"...

Итакъ, всѣ наиболѣе заинтересованныя лица единогласно свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи покупательной способности населенія, о его прогрессивномъ обѣднѣніи и видятъ въ этомъ главнѣйшую причину застоя промышленности и кризиса въ нашей хозяйственной жизни.

Николай—онъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Новыя книги.

Сочиненія Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Томъ VIII. Спб. 1905 г.

Почти два года тянулось новое изданіе сочиненій Пушкина, предпринятое г. Суворинымъ, подъ редакціей г. Ефремова. Въ свое время мы давали на страницахъ „Русскаго Богатства" отчетъ о первыхъ томахъ изданія, и тогда же высказали сомнѣніе, чтобы силами одного человѣка (какъ бы ни былъ онъ опытенъ и добросовѣстенъ) возможно было въ совершенствѣ выполнить задачу, которую г. Ефремовъ себѣ поставилъ: „собрать *все*, появившееся до сихъ поръ съ именемъ Пушкина, и *все это* провѣрить, исправить и дополнить *по сохранившимся рукописямъ* поэта".

Уже въ самомъ началѣ работы почтенный редакторъ вынужденъ былъ сдѣлать оговорку, что онъ пересмотритъ и провѣритъ рукописи, лишь „насколько послѣднія окажутся ему доступными"... Часть рукописей (иногда очень даже важныхъ) неизбѣжно осталась внѣ поля его зрѣнія, а провѣрка остальныхъ, въ глазахъ критики и общества, по прежнему имѣетъ спорный характеръ. На протяженіи почти всего VIII тома полемизируетъ г. Ефре-

мовъ съ давнишнимъ своимъ соперникомъ въ дѣлѣ изученія пушкинскаго текста, г. Морозовымъ, уличая его на каждомъ шагу въ неточности провѣрки и пр., и пр., но вѣдь и г. Морозовъ, въ свою очередь, не останется, вѣроятно, въ долгу, тоже въ чемъ-нибудь уличитъ г. Ефремова,—и что же дѣлать намъ, публикѣ, страстно мечтающей обладать, наконецъ, истиннымъ текстомъ любимаго поэта, но не имѣющей ни спеціальной библіографической подготовки, ни возможности лично провѣрить показанія двухъ одинаково заслуженныхъ редакторовъ? Естественно, что мы одинаково вѣримъ и не вѣримъ имъ обоимъ, судя, такъ сказать, отъ ума, чье чтеніе лучше. Такова участь всякой единоличной библіографической работы, не имѣющей возможности претендовать на непререкаемую авторитетность.

Къ сожалѣнію, даже такое солидное учрежденіе, какъ академія наукъ, не могла до сихъ поръ коллегіальными силами заняться изученіемъ Пушкина, и со смертью Леонида Майкова академическое изданіе сочиненій величайшаго русскаго поэта надолго пріостановилось. И, очевидно, мечтать о появленіи въ свѣтъ не только дефинитивнаго, но и вполнѣ надежнаго пушкинскаго текста пока еще не приходится. Вѣдь даже многіе изъ наиболѣе цѣнныхъ автографовъ до сихъ поръ еще находятся въ рукахъ частныхъ лицъ,—напр., А. Ѳ. Онѣгина-Отто, живущаго въ Парижѣ и съ какой-то непонятной ревностью оберегающаго отъ покушеній русскаго общества свое сомнительное право на наслѣдіе Пушкина. Какимъ образомъ оно попало въ его руки? Первоначальная вина лежитъ, повидимому, на Жуковскомъ, который свою роль учителя и друга Пушкина понялъ удивительно широко. Довольно, напр., сказать, что онъ снялъ съ руки усопшаго поэта и присвоилъ себѣ знаменитый перстень—„талисманъ“ (теперь лишь случайно ставшій общественной собственностью); Жуковскій раздаривалъ также („на память“) рукописи поэта своимъ личнымъ знакомымъ и пріятелямъ... Но, кажется, еще свободнѣе обращался позже съ пушкинскими манускриптами извѣстный Анненковъ.

При такихъ условіяхъ приходится давать оцѣнку новому критическому изданію Пушкина, руководясь больше внѣшними его признаками и обще-литературными соображеніями.

„Примѣчанія“ г. Ефремова, которымъ посвященъ огромный законодательный томъ изданія (600 слишкомъ страницъ) и на которыя возлагались всѣми такія надежды, признаемся, въ очень слабой степени насъ удовлетворили. Не мало мѣста удѣлено здѣсь мелочному и, повторяемъ, спорному торжеству надъ г. Морозовымъ и другими комментаторами Пушкина. По поводу неловкаго, но все же понятнаго выраженія г. Шляпкина: „*Наше* стихотвореніе вошло въ отвѣтъ Пушкина анониму“ г. Ефремовъ считаетъ, напр., нужнымъ придирчиво замѣтить: „какъ-будто

Пушкинъ въ свой отвѣтъ анониму включилъ стихи гг. Шляпкина и Анненкова!“ По поводу одного стихотворенія, посвященнаго Пушкинымъ извѣстной А. П. Кернъ, почтенный критикъ глубокомысленно замѣчаетъ: „Въ послѣднее время принято въ печати поэтизировать ея личность, но (?) по совмѣстной службѣ съ ея мужемъ я довольно часто видался съ нею (когда? лѣтъ 20 спустя послѣ смерти поэта?). Мужа она совсѣмъ подчинила себѣ — безъ нея онъ былъ развязнѣе (!), веселѣе и разговорчивѣе; сама же она была *невысокая, полная, почти ожирѣвшая* и *пожилая* (вотъ страшные грѣхи!)“ и проч. А вотъ образчикъ критической проницательности г. Ефремова. Желая доказать (давно, впрочемъ, доказанную) недостовѣрность записокъ Смирновой, онъ останавливается въ нихъ на словахъ Пушкина о Бенкендорфѣ, какъ о человѣкѣ „наиболѣе ему враждебномъ“. Ничего подобнаго, по мнѣнію г. Ефремова, Пушкинъ сказать не могъ, — и по очень простой причинѣ: совсѣмъ не такъ отзывается онъ о знаменитомъ шефѣ жандармовъ въ письмѣ... къ нему самому, а также... въ оффиціально-благонамѣренномъ письмѣ къ своему тестю! Любопытно также, что, говоря о „Черни“ Пушкина, г. Ефремовъ, казалось бы, въ совершенствѣ обязанный знать текстъ стихотворенія, въ которомъ имѣется стихъ: „Поденщикъ, *рабъ нужды*, заботъ“,—голословно повторяетъ мнѣніе Леонида Майкова о томъ, что подъ „чернью“ Пушкинъ, молъ, разумѣлъ „пустую толпу свѣтскую“...

Скажемъ безъ обиняковъ: большая часть примѣчаній, составившихъ этотъ томъ-левіаѳанъ, отличается пустотой и абсолютной неинтересностью. Читатель задается рядомъ вполнѣ законныхъ вопросовъ: по какому поводу зародилось въ душѣ поэта данное стихотвореніе? Каковъ былъ процессъ творчества? Какое впечатлѣніе и какіе отзывы друзей и критики вызвало оно при своемъ появленіи въ печати? Какова была судьба его въ потомствѣ? Вмѣсто отвѣта на всѣ эти вопросы, вмѣсто живой исторіи каждаго отдѣльнаго произведенія великаго поэта, передъ нами лишь сухія, чисто-канцелярскія отписки... Заглядываемъ, напр., въ примѣчаніе къ „Борису Годунову“ и находимъ рядъ ссылокъ на тѣ страницы изданія, гдѣ въ письмахъ и замѣткахъ разныхъ лѣтъ самъ Пушкинъ даетъ нѣкоторыя указанія. „А полный и обстоятельный разсказъ по документамъ III отдѣленія, — замѣчаетъ при этомъ г. Ефремовъ,—помѣщенъ М. И. Сухомлиновымъ въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1884 г...“ Читатели, вѣроятно, предпочли бы найти такой разсказъ въ собраніи сочиненій Пушкина...

Разумѣется, нѣтъ правилъ безъ исключенія, и среди комментаріевъ г. Ефремова встрѣчаются и полные живого интереса; къ нимъ, прежде всего, относится примѣчаніе къ „Мѣдному Всаднику“, гдѣ г. Ефремовъ обстоятельно разрушаетъ извѣстную ле-

генду, пущенную кн. Вяземскимъ-сыномъ, о цензурномъ пропускѣ въ этой поэмѣ 30—40 стиховъ, гдѣ будто бы, „слишкомъ энергически звучала ненависть ко всей европейской цивилизаціи“.

Считаемъ, въ заключеніе, необходимымъ отмѣтить и даже подчеркнуть тотъ чисто-формальный, но, тѣмъ не менѣе, весьма существенный недостатокъ новаго изданія, о которомъ говорили еще по поводу первыхъ четырехъ томовъ: отсутствіе общаго алфавитнаго указателя. Читатель захотѣлъ бы, положимъ, узнать, въ какомъ году и при какихъ обстоятельствахъ поэтъ написалъ свое знаменитое „Ненастный день потухъ“. Для рѣшенія перваго изъ этихъ вопросовъ приходится тщательно пересмотрѣть оглавленія первыхъ двухъ томовъ, гдѣ собраны мелкія стихотворенія Пушкина. Оказывается, г. Ефремовъ относитъ интересующую насъ пьесу къ 1823 году; остальныя свѣдѣнія должно дать примѣчаніе. Но гдѣ и какъ искать его? Въ VIII томѣ помѣщено ровнымъ счетомъ 718 примѣчаній, и всѣ они аккуратно перенумерованы... Однако, увы! нумерація эта имѣетъ чисто-канцелярскій характеръ: она довлѣетъ сама себѣ—ни въ какой связи съ первыми семью томами изданія не стоитъ, и никакой пользы изъ нея читатель не извлекаетъ. Правда, расположены примѣчанія въ строго-хронологическомъ порядкѣ, но, такъ какъ не имѣется ни алфавитнаго указателя, ни хронологическихъ колонцифръ вверху каждой страницы, то нелегко отыскать среди нихъ нужный 1823 годъ. Лишь внимательно перелиставъ значительную часть книги, отыщешь на 191 страницѣ крупно напечатанную цифру „1823“ и затѣмъ на 195 страницѣ уже интересующее примѣчаніе. а, въ награду за всѣ поиски и усилія, получишь... десятокъ малозначительныхъ строчекъ!

Характерно, между прочимъ, что, ядовито полемизируя порой съ заправскими библіографами, г. Ефремовъ ни однимъ словомъ не обмолвился о замѣчаніяхъ анонимной журнальной критики. А ихъ было не мало... Procul, profani!

Н. П. Анненкова-Бернаръ (Дружинина). Бабушкина внучка. Повѣсть. Спб. Книгоизданіе (?) И. А. Сафонова.

Довольно распространенное, особенно среди неопытнаго юношества, пагубное заблужденіе, будто романы Поль-де-Кока пользуются успѣхомъ только среди людей, лишенныхъ изящнаго вкуса и падкихъ до литературной клубнички, раздѣляется, къ счастью, далеко не всѣми. Еще есть солидные, твердые въ своихъ правилахъ, читатели и читательницы (и тѣ, и другія, большею частью, уже преклоннаго возраста), понимающіе и не устающіе доказывать, что нѣтъ сочинителя полезнѣе и нравственнѣе Поль-де-Кока. Каковы бы ни были похожденія его героевъ, важно то,

что ихъ вѣрность и преданность долгу, повиновеніе старшимъ и истинная чистота сердца никогда, въ концѣ концовъ, не остаются безъ награды, а черная неблагодарность, непочтительность и другіе пороки всегда несутъ заслуженную кару. Вотъ почему произведенія знаменитаго французскаго романиста и достойны быть настольною книгой каждаго благомыслящаго человѣка. Основательное ихъ изученіе укрѣпляетъ колеблющіеся умы и сердца на стезѣ истинной добродѣтели и служитъ спасительнымъ противовѣсомъ тлетворному вліянію новѣйшей литературы, упорно стремящейся, какъ извѣстно, къ ниспроверженію основъ семьи, собственности и государства. Нельзя поэтому не привѣтствовать „Полнаго собранія сочиненій“ Поль-де-Кока, появившагося не такъ давно на русскомъ языкѣ (къ глубочайшему нашему прискорбію, мы забыли имена переводчика и издателя, заслужившихъ столь полезнымъ и капитальнымъ вкладомъ въ отечественную литературу несомнѣнную признательность какъ современниковъ, такъ равно и потомства). Но справедливость, которая должна стоять выше всего на свѣтѣ, обязываетъ насъ замѣтить, что и наша современная словесность, возбуждающая столько тяжкихъ нареканій, не совсѣмъ еще оскудѣла добрыми намѣреніями и хотя не часто, но все же иногда даритъ насъ произведеніями, строго выдержанными въ скабрезно-назидательномъ стилѣ... Къ этому-то почтенному литературному роду принадлежитъ и „Бабушкина внучка“ г-жи Анненковой-Бернардъ, единственно изъ чрезмѣрной и совершенно неумѣстной скромности названная „повѣстью“. Это—романъ въ пятнадцать печатныхъ листовъ, содержащій интимную исторію цѣлыхъ трехъ свѣтскихъ дамъ: бабушки, дочери и внучки. Бабушка, ея превосходительство, въ свое время была львицей и одерживала безчисленныя „побѣды“, пока, къ ужасу своему, не замѣтила, что у нея взрослая дочь и что пора побѣдъ приближается къ концу. Она возненавидѣла дочку и поспѣшила спихнуть ее замужъ за перваго встрѣчнаго забулдыгу изъ промотавшихся гвардейцевъ, позарившагося на большое приданое. Дочка, съ своей стороны, только этого и ждала, чтобы немедленно пуститься, по слѣдамъ мамаши, во всѣ тяжкія. Нечаянно и со скрежетомъ родивъ бабушкѣ внучку, она отдала ее на попеченіе старухѣ, которая, за утратой другихъ, болѣе острыхъ радостей жизни, привязалась къ дѣвочкѣ, странствовала съ нею за границей,—благо, милліонное состояніе давало къ тому возможность,—доставила ей необременительное „артистическое“ воспитаніе, а въ особенности учила ее искусству холить свое тѣло и вообще готовила изъ своей „Ненси“ будущую пожирательницу мужскихъ сердецъ. Авторъ вводитъ читателя въ уборную дѣвушки-подростка, заставляетъ его присутствоватъ при ея утреннемъ обтираніи водой и дальнѣйшемъ туалетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, соединяя пріятное съ полезнымъ, раскрываетъ предъ

нимъ и глубины своего психологическаго замысла: Ненси, оказывается, растетъ мечтательной натурой, чувствительной ко всему изящному, къ красотѣ въ живописи и въ музыкѣ. Шестнадцати лѣтъ она влюбляется въ юнаго сосѣда по имѣнію. Онъ талантливый музыкантъ, носитъ пріятное имя Юрія, но бѣденъ, и старуха слышать не хочетъ о мезальянсѣ... Событія развертываются съ невѣроятной быстротой и послѣдовательностью: Ненси ставитъ на своемъ, и выходитъ за Юрія, по прошествіи надлежащаго срока даритъ ему прелестное дитя и вслѣдъ за тѣмъ, разставшись ненадолго съ обожаемомъ мужемъ, мгновенно становится послушной жертвой пожилого, но все еще „неотразимаго“ селадона... Fatalité! Какъ бы то ни было, автору дается удобный случай наполнить десятка два страницъ пикантнѣйшими описаніями съ краснорѣчивыми многоточіями въ концѣ... Въ самое короткое время Ненси падаетъ такъ низко, что, даже узнавъ о связи своего сѣдого возлюбленнаго съ ея собственной мамашей и переживъ вспышку негодованія, вскорѣ возвращается къ его „утонченнымъ“ ласкамъ, послѣ чего опять слѣдуютъ безконечныя описанія съ многоточіями, а на стр. 160 изображается даже покушеніе на лесбосскую любовь, предпринятое нѣкоею экцентрической художницей, уговорившей бѣдную Ненси позировать для картины на тему: „Отдыхающая весна“. Впрочемъ, этотъ послѣдній эпизодъ не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ ходу романа и, очевидно, введенъ въ него авторомъ единственно для пущей назидательности. Дѣло же собственно кончается тѣмъ, что оскорбленный супругъ Ненси проламываетъ ея соблазнителю голову ударомъ подсвѣчника. Убійцу судятъ и оправдываютъ, но жена признаетъ себя недостойной вернуться къ нему, переноситъ горячку и, сдавъ ребенка на руки мужу и его матери, уѣзжаетъ вмѣстѣ съ неразлучной бабушкой за границу умирать отъ нефрита, при чемъ опять нѣкій художникъ пишетъ съ нея картину, но уже на тему: „Вѣчность...“ Назидательный выводъ изъ всего этого явствуетъ самъ собой, но чтобы у читателя не могло остаться и тѣни какихъ-нибудь легкомысленныхъ сомнѣній, авторъ на послѣдней страницѣ подсказываетъ ему надлежащее нравоученіе: „Какъ воспитывать женщину?“—спрашиваетъ себя овдовѣвшій мужъ бѣдной Ненси,—и отвѣчаетъ: „Убивать въ ней звѣря... Нѣтъ, не убивать, а подчинять его духу... Такъ съ дѣтства—тогда хорошо...“ Не только хорошо, но даже великолѣпно, и мы рѣшительно недоумѣваемъ, чѣмъ это хуже несравненнаго Поль-де-Кока. Разница развѣ только та, что у этого послѣдняго персонажи бесѣдуютъ между собою исключительно по-французски, тогда какъ у г-жи Анненковой-Бернардъ всѣ три героини, не смотря на свое аристократическое происхожденіе и воспитаніе, разговариваютъ на традиціонной смѣси французскаго съ нижегородскимъ, въ такомъ, напримѣръ, родѣ: „И въ Петер-

бургъ?!—продолжала бабушка:—Но это сумасшествіе!.. Mais tu mourras!.. Всѣ доктора сказали, что для тебя это погибель... Mourir si jeune, si belle... *Et il connait très bien*,—и... и допустить!.. Voilà l'amour fidèle et tendre!" И т. д., и т. д. цѣлыми страницами. За то наша почтенная соотечественница неутомима въ тончайшемъ психологическомъ анализѣ, котораго у ея французскаго собрата, какъ извѣстно, и въ поминѣ нѣтъ. Сверхъ того, въ ея произведеніи пріятно поражаетъ присутствіе идейнаго элемента: „Безъ борьбы какая жизнь?"—восклицаетъ, напр., Юрій при первомъ знакомствѣ съ Ненси: „Бороться долженъ каждый, кто сознаетъ несовершенство жизни, обманъ и злобу и неправду; бороться за обиженныхъ и защищать невинныхъ"...—„О, да, вы правы... Но это революція?"—съ испугомъ проговорила Ненси. Юрій улыбнулся ея искренней наивности: „Я говорю вамъ о борьбѣ, великой борьбѣ всего человѣчества за идеалы совершенства, а революція—это... это другое!"... И наконецъ,—что особенно должно быть пріятно цѣнителямъ отечественной литературы,—въ повѣсти, для приданія ей большаго couleur locale, выведены и наши добрые поселяне: des vrais moujiks et babas russes...

Н. П. Карабчевскій. Приподнятая завѣса. Проза и стихи. Спб. 1905.

„Книга эта могла бы не появляться,—говорится въ краткомъ афористическомъ предисловіи автора:—въ этомъ ея единственное преимущество". При всемъ желаніи уразумѣть мысль автора, это едва ли удастся кому-либо. Вѣдь то единственное преимущество, которое г. Карабчевскій приписываетъ своей книгѣ, принадлежитъ и всякой иной; нѣтъ книги, которая не могла бы не появляться. Намъ кажется, наоборотъ: книга г. Карабчевскаго должна была появиться; она потому только и появилась, что не могла не появиться.

Ибо, если бы въ этомъ появленіи не было нѣкотораго фатума, сыгравшаго дурную шутку съ авторомъ, онъ, вѣроятно, воздержался бы отъ ея изданія. Онъ самъ чувствовалъ, что послѣдствія этого неосмотрительнаго шага ему придется „принять съ философскимъ мужествомъ". Къ чему же было тратить эту драгоцѣнную добродѣтель на дѣяніе столь мало значительное, да еще въ наши дни, когда всѣмъ намъ такъ нужно мужество, однимъ философское, другимъ дѣятельное, однимъ военное, другимъ гражданское.

Содержаніе книги разнообразно: здѣсь и романъ, и разсказы, и стихотворенія въ прозѣ, и стихотворная лирика, и переводы изъ „Гамлета". Все это очень ординарно. Литературное дарованіе г. Карабчевскаго неизмѣримо ниже его признаннаго ораторскаго таланта, и можно только удивляться слабости чутья, позволившей

нашему извѣстному адвокату выступить на поприщѣ, очевидно, вполнѣ ему недоступномъ. Все — и романъ, и разсказы, и особенно стихи—какъ будто написано полвѣка назадъ: банальныя положенія, банальные пріемы, банальныя слова. Чѣмъ-то устарѣло безвкуснымъ и старчески безсильнымъ несетъ отъ этой кокетничающей фразы, отъ этой эротической лирики, отъ этой поверхностной философіи, отъ этого недостатка стыдливости. Автору не надоѣдаетъ вспоминать о „жуткой нѣгѣ", о „страсти пьянящей мечтѣ", объ „оргіяхъ сладостной ночи", о ласкахъ, „прихотливѣй и ярче", которыхъ „не вкушалъ и самъ султанъ". Эти признанія можетъ ввести въ поэзію лишь могучая рука настоящаго поэта; они пошлы, когда дышутъ прозаическимъ указаніемъ на фактъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ одно произведеніе цѣликомъ; авторъ называетъ его стихотвореніемъ въ прозѣ:

ОПЬЯНЕННЫЙ ЛЮБОВЬЮ

(О. К. Г—ка).

По мягкому бархатному ковру твоей широкой лѣстницы изъ бѣлаго мрамора нога моя ступаетъ нетвердо. Она скользитъ, и мнѣ кажется, что я пошатываюсь. Я опьяненъ ароматомъ той комнаты, гдѣ ты ласкала меня, я опьяненъ ароматомъ твоей любви...

Сейчасъ я выйду на улицу.

Изъ встрѣчныхъ, всѣ чистыя дѣвушки пугливо отшатнутся отъ меня, принимая меня за пьянаго... А между тѣмъ съ какимъ очаровательно-жаднымъ любопытствомъ онѣ бы кинулись ко мнѣ и какъ внимательно стали бы разглядывать мое лицо, если бы могли подозрѣвать истину.

Если бы онѣ только знали, что я опьяненъ любовью.

Авторъ какъ будто боится, что этого не узнаютъ. А между тѣмъ—кому до этого дѣло?

А. Ермоловъ. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Т. II—IV. Спб. 1905.

По разнымъ поводамъ, въ отзывахъ о различныхъ книгахъ мы не разъ имѣли случай на страницахъ „Русскаго Богатства" указывать на многочисленность и излишество сборниковъ историко-литературнаго сырья, къ составленію которыхъ побуждаетъ обыкновенно соблазнительная легкость этого механическаго по существу и научнаго по виду дѣла. Новый образецъ такого обширнаго собранія мы имѣемъ въ лежащемъ предъ нами объемистомъ трудѣ г. А. Ермолова. Въ предисловіи къ послѣднему тому своей работы авторъ вновь пытается оправдать это громожденіе сырья тѣмъ, что оно представляетъ цѣнный матеріалъ для обработки. „Я уже дѣлалъ сравненіе всей совокупности народной мудрости съ навѣяннымъ ворохомъ, въ которомъ въ массѣ мякины скрывается и доброе зерно. Можно сравнить ее и

съ тѣми невзрачными на видъ ископаемыми, среди которыхъ въ массѣ пустой породы таятся драгоцѣнные алмазы, до надлежащей обдѣлки и шлифовки которыхъ они являются весьма непригладными и имѣютъ видъ ничего не стоющихъ камешковъ". Сравненій можно подыскать много, но авторъ, очевидно, не чувствуетъ, что всѣ они будутъ одинаково убійственны для него. Конечно, можно въ массѣ мякины найти доброе зерно, но что сказали бы мы о человѣкѣ, который построилъ бы громадные амбары для этой мякины и копилъ бы ее гигантскими массами въ разсчетѣ на то, что когда-нибудь придетъ другой и отдѣлитъ зерна отъ мякины. „Кто знаетъ, сколько такихъ драгоцѣнностей можетъ ускользнуть отъ науки и пропасть безслѣдно, если во время не заняться тѣмъ богатымъ, но сырымъ матеріаломъ, который народная мудрость собою представляетъ, пока она надлежащимъ образомъ не обслѣдована, не систематизирована и не приведена въ ясность путемъ отдѣленія въ ней пшеницы отъ плевелъ, цѣнныхъ камней отъ пустой породы, вѣрныхъ, точныхъ наблюденій отъ моря суевѣрій и предразсудковъ". Что же значитъ „заняться" этимъ матеріаломъ? Громоздить его безъ разбора и критики? Перетасовывать изъ сборника въ сборникъ, увеличивая ихъ число и затрудняя пользованіе ими? Вчера г. Иллюстровъ представилъ собраніе юридическихъ пословицъ, гдѣ добрая половина ничего общаго съ правомъ не имѣетъ, сегодня г. Ермоловъ собралъ сельскохозяйственныя пословицы, къ которымъ относитъ, напримѣръ, такую: „Лови блошку, пока не упрыгнула". Это одинъ примѣръ изъ сотенъ. Конечно, каждому изъ такихъ спеціалистовъ по собиранію мякины хочется собрать ея какъ можно больше: вѣдь, кромѣ количества, у него нѣтъ другого критерія. А между тѣмъ, если бы вмѣсто этихъ четырехъ ненужныхъ томовъ составитель представилъ хоть небольшую попытку разобраться въ томъ обширномъ матеріалѣ, который онъ имѣлъ возможность собрать, ему была бы несомнѣнно благодарна наука, а быть можетъ, и сельское хозяйство. Вмѣсто этого, г. Ермоловъ напередъ отказался отъ мысли отнестись съ разборомъ къ своимъ матеріаламъ. Въ предисловіяхъ къ различнымъ томамъ своего труда онъ нѣсколько разъ настойчиво отмѣчаетъ, что совершенно не касался лингвистической стороны дѣла, что совершенно оставлялъ въ сторонѣ его историческую и филологическую сторону. Онъ, очевидно, чувствуетъ, что въ этомъ пріемѣ не все ладно, но надѣется этой оговоркой спасти положеніе.

Всякое незнаніе страшно болѣе всего тѣмъ, что человѣкъ не подозрѣваетъ своего незнанія и не можетъ оцѣнить его значеніе; онъ не знаетъ, *чего* онъ, собственно, не знаетъ. Онъ полагаетъ, что можетъ отпрепарировать отъ живого явленія доступныя и видимыя ему стороны и судить о нихъ, не чувствуя, что лишилъ ихъ смысла. Такъ и здѣсь. Составителю казалось,

что можно группировать пословицы, дѣлать изъ нихъ выводы, судить по нимъ о народныхъ воззрѣніяхъ, „оставляя въ сторонѣ историческую и филологическую сторону дѣла“. Между тѣмъ это немыслимо. Это все равно, что изслѣдовать древнія рукописи, не только не зная языка, на которомъ онѣ написаны, но напередъ „оставляя въ сторонѣ“ попытки ознакомиться съ этимъ языкомъ.

Для того, чтобы дѣлать выводы изъ пословицъ—а группировать значитъ дѣлать выводы—надо вдуматься въ ихъ смыслъ; для этого необходимо хоть поверхностно знать, что такое пословица. Составитель, конечно, и не задумался надъ этимъ: это такъ просто, это знаетъ всякій. Между тѣмъ, если бы онъ остановился надъ этимъ, онъ сберегъ бы много силъ и избѣжалъ не не одного изъ тѣхъ курьезовъ, которыми буквально пестритъ его книга; онъ, напримѣръ, не думалъ бы, что пословица „бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ“ есть выраженіе „сельскохозяйственной мудрости“ народа и относится къ главѣ о „Крупномъ рогатомъ скотѣ“. Неужто народъ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что рога полагаются коровамъ за благонравіе?

Изрѣдка у составителя проскальзываетъ замѣчаніе „впрочемъ, эта пословица имѣетъ также иносказательный смыслъ“,—но это между прочимъ, онъ не замѣчаетъ, какъ великолѣпно это *также*. А между тѣмъ въ немъ все дѣло. Пословица есть поэтическое произведеніе, имѣющее *только* иносказательный смыслъ; ея „прямой“ смыслъ есть только оболочка, форма мысли. Въ пословицѣ „за двумя зайцами погонишься—ни одного не поймаешь“ народная мудрость ничего, ровно ничего не говоритъ о зайцахъ, а г. Ермоловъ заноситъ ее въ главу о зайцѣ и полагаетъ, что когда либо изъ этого драгоцѣннаго матеріала будетъ извлечено важное свѣдѣніе о зайцѣ и народномъ воззрѣніи на него. „Про осетра—читаемъ мы въ главѣ *Подводное царство*—сложена ироническая поговорка, иносказательно примѣняемая къ тѣмъ, кто ничѣмъ не доволенъ: „проситъ осетръ дожжа, въ Волгѣ лежа“. Да нѣтъ-же, никакого отношенія къ осетру и къ подводному царству и къ народной сельскохозяйственной мудрости эта поговорка не имѣетъ. И, кажется, не нужно никакого углубленія въ филологическую сторону дѣла, чтобы понять это; да объ этомъ и говорится достаточно въ нѣкоторыхъ изъ книгъ, упомянутыхъ составителемъ въ обширной библіографіи, представленной имъ въ заключеніи труда. Подумавъ объ этомъ, отказавшись отъ механической сводки ради сознательнаго, вдумчиваго отношенія къ дѣлу, составитель не разъ избѣжалъ бы смѣшного положенія, въ которое онъ постоянно ставитъ себя, усматривая сельскохозяйственную мудрость народа въ такихъ пословицахъ, какъ „птицѣ теленка не высидѣть“, „всякъ куликъ свое болото хвалитъ“, „мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову“, „завтраками

сытъ не будешь", и т. п. Сельскохозяйственные комментаріи, которыми составитель связывалъ собранныя имъ изреченія, удивляютъ своей искусственностью, вымученностью, излишествомъ. Мы читали въ одномъ подобострастномъ отзывѣ, что „книга А. С. Ермолова вовсе не представляетъ собою сухого перечня пословицъ и примѣтъ", что „цвѣтистый узоръ зеренъ и блестокъ народнаго наблюдательнаго ума" въ ней раскинутъ „на фонѣ увлекательно написаннаго текста, богатаго живыми яркими пейзажами метеорологическаго, сельскохозяйственнаго и этнографическаго характера". Совершенно непонятно, гдѣ авторъ рецензіи нашелъ эти красоты. Если бы у насъ было мѣсто, мы привели бы образцы этого скучнаго механическаго соединенія народныхъ примѣтъ и изреченій. Да, въ народномъ творчествѣ есть сокровища, но мы давно знаемъ о сухомъ прислужникѣ науки, которой

Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet...

При системѣ, принятой г. А. Ермоловымъ, боимся, что и это изреченіе попадетъ въ слѣдующее изданіе „Сельскохозяйственной мудрости"—въ главу о дождевыхъ червяхъ. Оно во всякомъ случаѣ имѣетъ на это такое же право, какъ приведенная имъ пословица „улита ѣдетъ—когда-то будетъ."

„Душа Японіи". Японскіе романы, повѣсти, разсказы, баллады и танки. Подъ редакціей и съ предисловіемъ **Н. П. Азбелева**. Издательство „Оріонъ". Спб. 1905.

Составитель задался заманчивой цѣлью — раскрыть русскимъ читателямъ національную душу японцевъ, воспользовавшись для этого ихъ литературой. Не его вина, если онъ осуществилъ лишь незначительную долю своего намѣренія. Мы не только географически живемъ на разныхъ полушаріяхъ съ нашими побѣдителями, но въ значительной степени также психически. Несомнѣнно, подъ громаднымъ различіемъ, отдѣляющимъ наши средства словеснаго выраженія отъ японскихъ, подъ различіемъ пріемовъ, складовъ, стилей, бытовъ кроется основное и неустранимое сходство; несомнѣнно, что сходство это, быть можетъ, и не усиливаясь, становится въ исторіи все очевиднѣе. Но невѣроятно трудно добраться до него, невѣроятно трудно пробиться къ подлинной душѣ чужого народа чрезъ тѣ препятствія, которыя создаетъ его въ высшей степени своеобразная жизнь, отъ которой, въ свою очередь, зависитъ своеобразіе выраженія. Дѣло не только въ томъ, что у японцевъ роза все равно, что простой терновникъ, а вишневый цвѣтокъ считается царемъ цвѣтовъ, что значенія словъ японскихъ и европейскихъ только отчасти покрываютъ другъ друга, а за предѣлами этого совпаденія остается невыразимое.

Къ этому мы привыкли и въ европейскихъ языкахъ, и нерѣдки филологическіе націоналисты, основательно утверждающіе, что слова Mutter и мать не тожественны по значенію, что они однозначны только въ опредѣленныхъ конкретныхъ случаяхъ, а не „вообще". Но, разумѣется, это естественное различіе увеличивается по мѣрѣ увеличенія бытовыхъ и историческихъ различій. Вся многовѣковая исторія воплощается въ словѣ — и овладѣть его смысломъ сможетъ только тотъ, кто овладѣлъ его содержаніемъ. Къ этому присоединяются особыя чрезвычайныя трудности: у японцевъ отчасти въ ходу такъ называемое идеографическое *) письмо, въ которомъ оттѣнокъ значенія зависитъ отъ непроизносимаго начертанія. Немудрено,—какъ замѣчаетъ Астонъ, авторъ переведенной и на русскій языкъ исторіи японской литературы, – что при этихъ условіяхъ европейскому переводчику не разъ придется обойти наилучшія и характернѣйшія для японца мѣста японскаго литературнаго произведенія, даже не пытаясь передать ихъ на языкѣ, безконечно чуждомъ ихъ языку и психическому складу.

И, однако — кой-что мерцаетъ сквозь этотъ туманъ безцвѣтныхъ положеній, незначительныхъ сценъ и чуждыхъ намъ лирическихъ изліяній. Прежде всего — какое то умное и чуткое вниманіе къ природѣ. Какъ извѣстно, Европа лишь медленно къ серединѣ своей новой исторіи научилась любить и цѣнить природу; въ литературѣ она долго не знала ея описаній. У японцевъ въ ихъ старѣйшей литературѣ мы находимъ уже прочувствованныя и обобщенныя описанія природы, ея одухотвореніе безъ грубаго очеловѣченія. Мы не сумѣемъ объяснить этого отношенія къ природѣ, ея жизни и красотѣ ни однимъ изъ шаблоновъ, обычно примѣняемыхъ въ такихъ случаяхъ. Это не непосредственность дикаря, но это и не то, что называется культурой въ нашемъ смыслѣ; это чувство — нѣчто свое, уже сложное, уже имѣющее за собою вѣка развитія: тоже культура, только не наша.

Ту же своеобразную культурность мы находимъ и въ отношеніи къ литературѣ. Японія—страна поэзіи, страна лирической импровизаціи по преимуществу, – и эта импровизація находитъ теоретическое обоснованіе, сходное съ теоріей поэтическаго разряда (Entladung), развитой Шиллеромъ и Гете. „Поэзія въ Японіи также универсальна, какъ воздухъ; она чувствуется каждымъ, она читается каждымъ. Стихи сочиняются почти каждымъ, независимо отъ того, къ какому классу или состоянію онъ принадлежитъ". И это вполнѣ понятно: творчество есть для японца нравственный долгъ и естественная необходимость. „Вы разсердились? — гово-

*) Г. Азбелевъ пользуется неуклюжимъ и нелогическимъ терминомъ „идеописательные знаки", смѣшивая ихъ съ іероглифами: идеографія есть шагъ впередъ отъ іероглифовъ.

ритъ его этика: — не говорите ничего непріятнаго, но напишите стихотвореніе. Умеръ любимый вами человѣкъ?—не поддавайтесь безполезному горю, но старайтесь успокоить свое сердце и свой мозгъ составленіемъ поэмы. Вы взволнованы, можетъ быть, потому что близки къ смерти, оставляя столько дѣлъ неоконченными?—будьте мужественны и пишите предсмертную поэму". И это не только голое требованіе. „Я знаю—говоритъ англійскій писатель—стихотворенія, написанныя моими японскими знакомыми при самыхъ большихъ испытаніяхъ бѣдности и страданія, но даже на смертномъ одрѣ. И если эти стихотворенія не всегда обнаруживаютъ поэтическій талантъ, то они, по крайней мѣрѣ, представляютъ доказательство необыкновеннаго самообладанія въ страданіяхъ". Поэтическое дарованіе въ этомъ стихотворствѣ отодвинуто на второй планъ обязательнымъ шаблономъ; въ предѣлахъ этого шаблона проявляются чаще остроумная выдумка и изобрѣтательность, чѣмъ непосредственное художественное чувство. Но и здѣсь мы встрѣчаемъ нѣчто любопытное, свидѣтельствующее объ извѣстной высотѣ требованій. Среди различныхъ формальныхъ требованій мы находимъ также нормы, опредѣляющія по существу поэтическую выразительность. „Поэтъ былъ бы осужденъ за попытку законченности выраженія въ коротенькомъ стихотвореніи: его объектомъ должно быть только возбужденіе воображенія или чувства—безъ удовлетворенія его. Поэтому терминъ *иттакиръ*,—обозначающій „все пройдено" или „совершенно исчерпано" въ смыслѣ „все сказано",—презрительно прилагается къ стихамъ, въ которыхъ авторъ „деталировалъ" свою мысль: похвалы заслуживаютъ тѣ произведенія, которыя оставляютъ въ умѣ читателя отголосокъ чего-то недосказаннаго".

Эта возможность опираться на прошлое достояніе литературы, возможность опереться на самостоятельную работу читателя свидѣтельствуетъ о высотѣ литературнаго развитія. Быть можетъ, когда-нибудь европейская мысль сумѣетъ понять и оцѣнить эту высоту, какъ поняла она высоту японской живописи. Пока поверхностное знакомство съ судьбами и образцами японской литературы можетъ привести насъ только къ желанію углубить и продолжить это знакомство. Нѣкоторые матеріалы для этого даетъ книга, составленная г. Азбелевымъ.

С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904 г.

Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, учрежденное по высочайшему повелѣнію отъ 22-го января 1902 г., исчезло съ горизонта русской дѣйствительности съ такою же неожиданностью и стремительностью, съ какою совершенъ былъ за послѣдніе мѣсяцы цѣлый рядъ „реформъ" въ

области бюрократическихъ начинаній. Законодательные результаты этого широковѣщательнаго и громоздкаго предпріятія оказались, какъ и слѣдовало ожидать, сведенными къ нулю. Однако, дѣятельность особаго совѣщанія не осталась, говоря вообще, „безъ послѣдствій“ для русской жизни. Впрочемъ, наиболѣе существенныя изъ этихъ послѣдствій,—отдадимъ справедливость особому совѣщанію,—явились вопреки желаніямъ этого почтеннаго учрежденія, а особенно нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ его сочленовъ. Какъ извѣстно, особое совѣщаніе учредило въ губерніяхъ и уѣздахъ цѣлый рядъ мѣстныхъ комитетовъ. Къ составу этихъ комитетовъ,—какъ это прекрасно обрисовано въ первой главѣ рецензируемой нами книги,—были примѣнены въ широкой степени обычныя бюрократическія средства: „обсервація“, „изоляція“, и даже „дезинфекція“ (напр., въ воронежскомъ комитетѣ). Однимъ словомъ, бюрократія всѣ силы свои приложила, чтобы въ мѣстныхъ комитетахъ не сказалась какъ-нибудь сила общественнаго мнѣнія. Однако времена измѣнились. Всемогущая тогда бюрократія обнаружила все свое безсиліе при первомъ же соприкосновеніи не съ общественнымъ мнѣніемъ, а только даже съ неясною тѣнью этого общественнаго мнѣнія. Не смотря на всѣ мѣры предосторожности, оказалось,—какъ это видно изъ интереснаго подсчета, сдѣланнаго авторомъ въ заключительной главѣ,—что „консервативное теченіе въ русскомъ обществѣ не только численно слабѣе либеральнаго, но и несравненно мельче его“, а что „консервативная партія находится у насъ или въ процессѣ зарожденія и не вполнѣ еще освободилась отъ бюрократической скорлупы, или въ процессѣ умиранія и жаждетъ обладанія бюрократическимъ костылемъ“. Эти выводы являются у автора въ результатѣ изученія постановленій губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ.

Всѣ эти постановленія сведены авторомъ въ слѣдующихъ главахъ: „Народное образованіе“, „Правовое положеніе крестьянъ“, „Земское самоуправленіе“, „Финансовая политика“, „Малоземелье“, „Рабочій вопросъ“. Въ каждой изъ этихъ главъ читатель найдетъ обильный матеріалъ, представляющій основательную и живую критику современнаго положенія вещей по данному вопросу и болѣе или менѣе ясно намѣчаемые пути желательныхъ реформъ въ данной области. Оказалось, что „въ либеральныхъ кругахъ русскаго общества наиболѣе популяренъ вопросъ о народномъ образованіи; затѣмъ слѣдуетъ вопросъ о развитіи земскаго самоуправленія, о борьбѣ съ малоземельемъ, потомъ идетъ вопросъ объ уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, реформѣ финансовой политики и, наконецъ, рабочій вопросъ“.

Для насъ чрезвычайно интересно отмѣтить, что въ этой градаціи вопросъ о борьбѣ съ малоземельемъ занимаетъ довольно высокое мѣсто даже по таксѣ весьма умѣреннаго либерализма,

каковой только и былъ терпимъ,—говоря вообще,—въ комитетахъ. Присматриваясь ближе къ главѣ, посвященной сужденіямъ комитетовъ о крестьянскомъ малоземельѣ, мы видимъ, что для большинства нашихъ либераловъ ясно и отчетливо вырисовывается вся сложность аграрнаго вопроса и вся неотступность его рѣшенія. Мыслящая часть общества твердо вѣритъ, что государство должно вывести наше крестьянство изъ состоянія того крайняго земельнаго голоданія, въ которомъ оно пребываетъ, если только хочетъ дѣйствительно поднять производительныя силы страны. Вотъ почему за дѣятельную борьбу съ крестьянскимъ малоземельемъ высказались 191 уѣздный комитетъ и 37 губернскихъ и областныхъ комитетовъ. Изъ этихъ 228 комитетовъ въ пятнадцати были сдѣланы постановленія объ отчужденіи въ пользу крестьянъ частновладѣльческой земли принудительнымъ порядкомъ.

Мы остановились на аграрномъ вопросѣ особо только потому, что именно ему, вѣроятно, придется сыграть рѣшающую роль въ расчлененіи нашихъ наиболѣе демократично настроенныхъ общественныхъ группъ. Само собою разумѣется, что читатель найдетъ много поучительнаго и въ остальныхъ главахъ названной здѣсь работы.

Страдомскій, Н. Ф. Города и земство (Къ вопросу объ урегулированіи ихъ взаимныхъ отношеній). Кіевъ, 1905.

„Городъ ничѣмъ не обязанъ деревнѣ; за налоги, уплачиваемые городомъ земству, послѣднее ничего не дѣлаетъ въ пользу города". Такова одна точка зрѣнія на взаимныя отношенія городовъ и земствъ. Такого мнѣнія держится и авторъ брошюры. Другое мнѣніе гласитъ, что городскія имущества должны нести земскія повинности, потому что городъ тѣсно связанъ съ деревней, и преуспѣяніе города въ сильной степени зависитъ отъ благосостоянія деревни, и земство, оберегающее это благосостояніе, имѣетъ неотъемлемое право облагать въ свою пользу недвижимую собственность города. Для города очень важно, въ какомъ положеніи находится деревенская санитарія, насколько деревня образована, въ какихъ условіяхъ находится въ ней скотоводство, каковы дороги, соединяющія городъ съ деревней, и пр. Важно для города, чтобы пришлое деревенское населеніе не заносило съ собой въ городъ заразныхъ болѣзней, чтобы это пришлое населеніе было грамотно и до извѣстной степени просвѣщенно. Важно для города, чтобы продукты сельскаго хозяйства, привозимые въ городъ, были доброкачественны, доступны по цѣнѣ среднему покупателю, чтобы доставка этихъ продуктовъ въ городъ совершалась съ возможной скоростью и удобствами. Если городъ можетъ пользоваться отъ благосостоянія деревни такими благами, то справедливость заставляетъ не пользоваться этими благами безплатно, а уплачивать

за нихъ извѣстныя повинности. Но надо сказать, что всѣ эти разсужденія весьма растяжимы. Въ основѣ ихъ лежитъ положеніе, что деревня стремится къ городу, но нельзя забывать, что существуетъ, хоть и въ меньшей степени, и противоположное теченіе. Но не говоря уже объ этомъ, трудно разграничить взаимныя обязательства деревни и города хотя бы, напримѣръ, по вопросамъ народнаго здравія. Въ прошломъ году въ Ковенскую губернію солдатами, возвратившимися съ Дальняго Востока, была занесена дизентерія. Эпидемія перешла и въ пограничныя селенія Восточной Пруссіи. Изъ этого видно, насколько въ благосостояніи своихъ сосѣдей заинтересованы не только такія единицы, какъ деревня и городъ, но даже такіе крупные сосѣди, какъ отдѣльныя государства. Но отсюда никто не рѣшится сдѣлать выводъ, что пограничныя области Пруссіи должны жертвовать деньги на санитарныя улучшенія въ Ковенской губерніи. Если заразная болѣзнь можетъ быть занесена изъ деревни въ городъ, то одинаково возможно и противоположное (Нѣкоторыя болѣзни даже нарочито городского происхожденія). Разобраться, кто кому долженъ по этому поводу уплачивать налоги, окончательно невозможно. Mutatis mutandis, то же можно сказать и относительно народнаго образованія. Если черезъ городъ проходитъ желѣзная дорога, которая способствуетъ поднятію экономическаго благосостоянія города, то не поднимается вопроса о постоянномъ обложеніи городскихъ имуществъ въ пользу этой желѣзнодорожной линіи; если же земство устраиваетъ шоссе или мостъ въ уѣздѣ, то это уже является достаточнымъ основаніемъ выставить такое усовершенствованіе мѣстныхъ путей сообщенія въ качествѣ довода о необходимости обложенія земскимъ сборомъ городскихъ имуществъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя, конечно, утверждать, что „городъ ничѣмъ не пользуется отъ земства“, какъ утверждаетъ г. Страдомскій. Достаточно указать хотя бы на то, что, по меньшей мѣрѣ, 90% городскихъ обывателей пользуются отъ земства медицинской помощью, такъ какъ городская медицина у насъ, за исключеніемъ крупныхъ центровъ, находится еще пока въ зачаточномъ состояніи. Изъ общей суммы, затрачиваемой земствомъ на народное образованіе, 21% идетъ на пособіе не-земскимъ школамъ, находящимся почти исключительно въ городахъ и обслуживающихъ преимущественно городское населеніе. Не надо при этомъ забывать, что на народное образованіе и на медицинскую часть земства тратятъ болѣе 45% своего бюджета (свѣдѣнія 1900 г.). Другое дѣло—вопросъ о правильности и равномѣрности земскихъ сборовъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Въ общемъ по Россіи эти сборы равны приблизительно половинѣ городского оцѣночнаго сбора, но по отдѣльнымъ городамъ отношеніе земскаго сбора къ городскому

оцѣночному сбору колеблется въ весьма широкихъ размѣрахъ. Въ то время, какъ въ Петербургѣ земскій сборъ равенъ только 9,6% городского, въ Москвѣ—15,6%, въ Харьковѣ онъ доходитъ уже до 77,8%, въ Казани составляетъ 167,9%, а въ Саратовѣ уже—208,3% (Въ Саратовѣ жители платятъ 43,637 р. городского сбора и 90,801 р. земскаго). Неравномѣрны также и абсолютныя величины земскаго сбора на душу: въ Петербургѣ этотъ сборъ равенъ 21 коп. на душу, а въ Харьковѣ 1 р. 32 коп. Въ дальнѣйшихъ вычисленіяхъ г. Страдомскій допускаетъ нѣкоторую передержку (таблица 3 на стр. 36). Приведя суммы земскихъ сборовъ въ 1872 и 1890 гг., онъ вычисляетъ, что сборы съ земель увеличились на 87,0%, „съ прочихъ недвижимыхъ имуществъ" на 212,6%, а всего земскій сборъ за это время возвысился на 95,8%. „Такимъ образомъ, говоритъ онъ, въ двадцатилѣтній (?) періодъ сборы почти удвоились. Наибольшее увеличеніе пришлось на долю городскихъ недвижимыхъ имуществъ и прочихъ строеній, сборы съ которыхъ болѣе, чѣмъ утроились". На самомъ дѣлѣ сборъ съ *городскихъ* недвижимыхъ имуществъ возросъ за это время не на 212, а на 180% (882 тыс. и 2305 тыс.), а „прочія строенія", т. е. недвижимыя имущества въ уѣздахъ, дали увеличеніе на 262% (1236 тыс. въ 1872 г. и 4481 тыс. въ 1890). Лицу, незнакомому съ земскими бюджетами, при чтеніи брошюры г. Страдомскаго, дѣйствительно, можетъ показаться, что земство только и дѣлаетъ, что „обираетъ" несчастныхъ городскихъ плательщиковъ. Подчеркивая, напр., то, что московское губернское земство половину своихъ доходовъ получаетъ отъ города Москвы, авторъ нигдѣ не говоритъ, что въ общемъ земскіе сборы съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ составляютъ ужъ вовсе не особенно большую величину земскаго бюджета. Такъ, за послѣднее десятилѣтіе прошлаго столѣтія они составляли всего отъ 1/18 до 1/12 всѣхъ земскихъ сборовъ, и если они обладаютъ тенденціей къ большему повышенію, чѣмъ другія статьи обложенія, то на это не безъ вліянія оказывается и вообще быстро растущая стоимость городскихъ сооруженій.

Не смотря на явную односторонность автора, брошюра его заключаетъ не лишенный значенія матеріалъ для освѣщенія взаимныхъ отношеній земства къ городу, и не безъ пользы можетъ быть прочтена всякимъ, интересующимся затронутыми въ ней вопросами.

Ал. Колычевъ. Приказчики и ихъ нужды. Книгоиздательство „Сѣверное Эхо". 1905 г.

Неудержимо быстро растетъ русскій человѣкъ въ политическомъ отношеніи. Тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ, уже давно, очевидно, шла упорная внутренняя молекулярная работа; перестраивалась душа человѣческая. И вотъ, пробилъ часъ, наступилъ подходящій историческій

моментъ, и вы не узнаете ни людей, ни общественныхъ классовъ и группъ, которые еще совсѣмъ недавно казались такими придавленными, безсильными. Одну изъ такихъ замѣчательныхъ и неожиданныхъ метаморфозъ представляютъ намъ въ данный моментъ приказчики, конторщики, бухгалтеры и вообще весь тотъ обширный персоналъ, который берется за одни скобки неопредѣленнымъ терминомъ: „служащій“. Газеты послѣднихъ мѣсяцевъ почти еженедѣльно, иногда чуть не ежедневно приносятъ намъ факты, которые показываютъ, что „служащему“ въ конецъ опостылѣла его жалкая жизнь, что ему надоѣло ждать помощи откуда-то со стороны, что онъ самъ рѣшилъ стать кузнецомъ своей доли. Несомнѣнно, что на такое активное историческое амплуа, на такую отвѣтственную роль нельзя было выдвинуться безъ достаточной подготовки, безъ значительной тренировки. Все это и было; только происходило далеко отъ культурной жизни, почти за горизонтомъ доступнаго интеллигенту кругозора. Поэтому факты попадали въ текущую прессу разрозненные, случайные; картины настоящей не вырисовывалось, и широкая публика почти ничего не знала о томъ движеніи, которое подготовлялось въ нѣдрахъ „служащаго“ люда. Г. Ал. Колычевъ въ своей интересной брошюркѣ попробовалъ сгруппировать матеріалъ, который хоть отчасти даетъ намъ небольшое представленіе о нѣкоторыхъ подготовительныхъ стадіяхъ этого движенія. Правда, онъ нѣсколько суживаетъ свою задачу: онъ беретъ только одну категорію „служащаго“ люда.—приказчиковъ. Но и эта категорія, по свидѣтельству автора, насчитываетъ въ своихъ рядахъ свыше полумилліона душъ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на тяжелыхъ условіяхъ жизни приказчичьей арміи. Трудящемуся люду у насъ, на Руси, вообще живется несладко, а положеніе приказчика еще отягчается постоянными и непосредственными личными отношеніями къ хозяину. Мы не будемъ перечислять всѣ профессіональныя и общія нужды и запросы нашего приказчика, какъ они выразились въ различныхъ заявленіяхъ и ходатайствахъ. Мы отмѣтимъ здѣсь только одну сторону: о приказчикахъ позабыло общество, позабыло и законодательство. Въ этомъ послѣднемъ сохранились такія архаическія нормы, которыя невольно приводятъ въ изумленіе. Такъ, напр., приказчика, ведущаго безпорядочную и развратную жизнь, хозяину „дозволяется унимать домашнею строгостью“; срокъ для разсчетовъ хозяевъ съ приказчиками полагается годовой, а для отдачи отчета приказчикомъ хозяину—мѣсячный; „малолѣтніе сидѣльцы, за шалости, наказываются розгами при хозяинѣ или при родителяхъ въ домѣ“... Съ другой же стороны, законъ ничѣмъ не ограждаетъ продолжительность рабочаго дня, онъ лишаетъ всякой возможности прекратить работу въ праздничные дни, онъ отдаетъ весь этотъ мірокъ по цѣлому ряду

вопросовъ въ вѣдѣніе городскихъ думъ, которыя переполнены представителями хозяйскихъ интересовъ и т. д. Всѣ эти законодательныя нормы совершенно устарѣли и не соотвѣтствуютъ новымъ условіямъ новой жизни. Нужно и въ этой области новое законодательство. Лучшимъ рычагомъ въ этомъ отношеніи могло бы быть, конечно, общественное мнѣніе. А между тѣмъ, какъ разъ сами приказчики не позаботились до сихъ поръ воспользоваться этимъ орудіемъ. „Знаменательно,—говоритъ г. Ал. Колычевъ,—что, не смотря на существованіе массы взаимовспомогательныхъ обществъ приказчиковъ, многія изъ которыхъ функціонируютъ не одинъ десятокъ лѣтъ, ни одно изъ нихъ не предприняло обслѣдованія условій труда и жизни своихъ членовъ и вообще лицъ, занятыхъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ"... Теперь, когда общественное сознаніе приказчиковъ проснулось, когда они почувствовали себя способными на активную борьбу, они прежде всего должны заполнить этотъ пробѣлъ..

П. Головачевъ. Россія на Дальнемъ Востокѣ. Спб. 1904 г. Изданіе Е. Д. Кусковой.

Мы стоимъ сейчасъ наканунѣ болѣзненной ликвидаціи огромной авантюры, неслыханной по своимъ размѣрамъ и небывалой, быть можетъ, по непринужденности своихъ хищническихъ пріемовъ, по своей циничности, по своему презрѣнію къ общественному мнѣнію и суду исторіи. Мы говоримъ, конечно, о манчжурской кампаніи. Книга г. Головачева поднимаетъ уголокъ историческаго занавѣса, за которымъ скрываются актеры этой гнусной трагедіи.

Манчжурское предпріятіе имѣло свою довольно длинную исторію, и оно не ускользнуло бы отъ вниманія общественнаго мнѣнія, оно было бы пріостановлено въ своемъ чудовищномъ ростѣ, если бы общество могло, при помощи свободной прессы, присматриваться къ своей судьбѣ, регулировать ея теченіе. Но всего этого не было...

У манчжурской авантюры были, конечно, свои идеологи, которымъ предоставлено было свободно бряцать на своихъ бутафорскихъ лирахъ замысловатые мотивы во славу грядущаго хищенія. Къ такимъ бардамъ, напр., принадлежалъ небезызвѣстный у насъ князь Ухтомскій, который затѣмъ оказался весьма дѣятельнымъ участникомъ китайскаго банка, сыгравшаго такую видную роль въ постройкѣ манчжурской дороги, рѣшившей, въ свою очередь, участь всей авантюры. Съ мистическими балладами этого барда Дальняго Востока и ему подобныхъ и съ обстоятельною критикою ихъ можно познакомиться въ книгѣ г. Головачева.

Но пока барды пѣли свои пѣсни, дѣльцы обдѣлывали свои

дѣла. Остановить ни тѣхъ, ни другихъ, повторяемъ, у общества не было возможности: оно само было связано по рукамъ и по ногамъ. А между тѣмъ, на глазахъ у того же самаго общества была памятка, которая не могла имѣть значенія лишь для безумцевъ, да хищниковъ. Этой памяткой была вся полустолѣтняя исторія нашей колонизаціи Приамурья. Если принять во вниманіе всѣ расходы по управленію и колонизаціи, всѣ затраты на войско и флотъ въ Приамурьѣ, то дефицитъ по этой области за послѣднія 50 лѣтъ выразится не менѣе, какъ въ 400 милліоновъ рублей. „Въ 1897 г.,—дѣлаетъ г. Головачевъ интересное примѣчаніе,—въ Приамурской области считалось всего 112.944 русскихъ, и если раздѣлить средній годовой дефицитъ на количество русскихъ семей въ краѣ, то получимъ на семью 1.168 р. 80 к., т. е. каждая русская семья потребовала пособія въ размѣрѣ, превышающемъ обычную пенсію дѣйствительнаго статскаго совѣтника"... А результаты?.. „Благосостояніе приамурцевъ,—пишетъ нашъ авторъ,—лишь видимое, казовое и потому мнимое. Оно не имѣетъ подъ собой солиднаго хозяйственнаго фундамента, серьезныхъ экономическихъ основъ и поддерживается лишь внѣшнимъ воздѣйствіемъ и искусственными мѣрами: широкими льготами, щедрыми казенными субсидіями и пособіями, почтовой гоньбой, перевозкой грузовъ военнаго вѣдомства, казенными поставками по ненормально высокимъ цѣнамъ, всякими заказами интендантства, корейской и китайской арендой"... Словомъ, колонизировать этотъ край, не смотря на уйму поглощенныхъ денегъ, чиновничество наше не сумѣло... Оно взялось за дѣло, совершенно не понимая, что представляетъ изъ себя этотъ край въ экономическомъ и географическомъ отношеніи; оно перекинуло сюда тысячи семействъ, которыя не могли ни акклиматизироваться, ни приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ. Оно не только погубило ихъ въ экономическомъ отношеніи, но развратило и въ нравственномъ. Показанія добросовѣстныхъ свидѣтелей не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ. Но все это не остановило полета бюрократической фантазіи. Все это были цвѣточки, ягодки же оказались впереди.

Всѣ результаты русской манчжурской авантюры лучше всего характеризуются слѣдующимъ грустнымъ опредѣленіемъ, которое вырвалось у одного изъ публицистовъ мѣстной прессы: „Какъ Монако стало всемірнымъ игорнымъ домомъ, такъ Харбинъ и Артуръ сдѣлались всемірными публичными домами. Вотъ гдѣ нашли себѣ помѣщеніе невѣроятныя цифры стоимости версты Восточной Китайской дороги... И для этого-то, можно сказать, единственнаго результата всего предпріятія націи пришлось оплатить болѣе, чѣмъ полумилліардный счетъ. Но, повторяемъ, это огромная матеріальная затрата не только не принесла государству никакихъ матеріальныхъ выгодъ, но еще причинила

ощутительный нравственный уронъ". Не надо забывать, что манчжурская авантюра въ своей тлетворной атмосферѣ воспитала новый типъ „манчжурца", который по своей циничности, по своимъ хищнымъ инстинктамъ и по своему воровскому размаху превзошелъ даже пресловутаго „ташкентца".

Любопытно еще добавить, что, на ряду съ неудачной русской колонизаціей въ томъ же самомъ Приамурьѣ, въ той же самой Манчжуріи развернулась чрезвычайно успѣшная китайская колонизація. Китай со своей культурой оказался выше нашей бюрократіи.

П. Г. Мижуевъ. Соціологическіе этюды. Изданіе В. Крайзъ. Спб. 1904 г.

Въ названной книжкѣ П. Г. Мижуева мы рекомендуемъ читателю обратить особенное вниманіе на статью, озаглавленную „Образованіе Соединенныхъ Штатовъ Австраліи". Прежде всего мы находимъ здѣсь изложеніе конституціи, явившейся послѣднимъ словомъ науки государственнаго права и болѣе проникнутой демократическимъ духомъ, чѣмъ всѣ существующія конституціи въ мірѣ. Теперь, когда вопросы государственнаго права вообще и конституціонныхъ организацій въ частности такъ усиленно интересуютъ наше интеллигентное общество, изложеніе федеративной конституціи австралійскихъ соединенныхъ штатовъ, сдѣланное внимательной и любящей рукой г. Мижуева, является на нашемъ книжномъ рынкѣ очень кстати. Затѣмъ и самое знакомство съ исторіей возникновенія этой конституціи является весьма поучительнымъ въ различныхъ отношеніяхъ. Самъ авторъ въ въ своихъ заключительныхъ строчкахъ такъ резюмируетъ отношеніе къ данному историческому факту. „Это движеніе заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія не только потому, что оно привело къ созданію одного изъ наиболѣе важныхъ законодательныхъ актовъ, изданныхъ когда-либо и какимъ-либо законодательнымъ собраніемъ (какъ выразился объ австралійской федераціи одинъ изъ величайшихъ знатоковъ государственнаго права Дж. Брайсъ), но и потому также, что описанное нами федеративное движеніе представляетъ единственный въ лѣтописяхъ исторіи примѣръ государственнаго строительства населенія нѣсколькихъ фактически самостоятельныхъ обществъ, вполнѣ сознательно пожертвовавшихъ частію своихъ верховныхъ правъ для достиженія нѣкоторыхъ національныхъ цѣлей, — не будучи вынуждены къ такому объединенію ни близкимъ совѣтомъ опаснаго врага, ни какой-либо иной внѣшней причиной.

„Наконецъ, описанное нами движеніе, заслуживаетъ, какъ мы полагаемъ, самаго внимательнаго изученія и въ качествѣ иллюстраціи колоніальной политики величайшей изъ колоніальныхъ державъ нашего времени"...

Но знакомство съ исторіей возникновенія австралійской федераціи будетъ поучительно для русскаго читателя и еще съ одной стороны. На выработку федеративной конституціи австралійская демократія мобилизовала всѣ свои силы, буквально вся приняла участіе въ этой работѣ. И, дѣйствительно, присматриваясь ко всѣмъ этимъ безконечнымъ митингамъ, засѣданіямъ конвентовъ, къ этому морю книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей, видишь передъ собою напряженную работу всей націи,—не оставившую въ конституціи безъ внимательной критики ни одной строчки, ни одного слова, ни одного, можно сказать, знака препинанія. Но этого мало; австралійская федеративная конституція послѣ того, какъ была тщательна обсуждена въ шести парламентахъ шести австралійскихъ колоній, послѣ того, какъ къ ней было сдѣлано нѣсколько сотъ поправокъ, два раза передавалась на референдумъ (всенародное голосованіе). Такъ работаетъ надъ своимъ государственнымъ строительствомъ нація, привыкшая къ свободнымъ формамъ жизни... Сравните эту кипучую работу съ тѣми подпольными пріемами министерскихъ канцелярій, которыми у насъ ознаменовалась „эра государственнаго строительства", открытая рескриптомъ 18-го февраля.

Кромѣ названной статьи, занимающей почти треть всей книги, мы находимъ въ „Соціологическихъ Очеркахъ" еще нѣсколько интересныхъ темъ: „Полемика Ритчи со Спенсеромъ по вопросу объ отношеніи личности къ государству", „Развитіе и паденіе рабства негровъ въ Америкѣ", „Ближайшія причины и слѣдствія бѣдности" (изложеніе работы Сибома Раунтри), „Церковь и соціальный вопросъ въ Америкѣ" (о состояніи вопросовъ благотворительности и организаціи общественнаго призрѣнія въ Америкѣ, равно какъ и объ отношеніи церкви къ тому и другому).

Гербертъ Спенсеръ. Автобіографія. Сокращенное изложеніе А. Д. Коротнева. Съ портретомъ Спенсера. Спб. 1905.

Вскорѣ послѣ смерти Герберта Спенсера появился его послѣдній трудъ: его двухтомная автобіографія. Книга эта была встрѣчена съ огромнымъ интересомъ всѣмъ образованнымъ міромъ. Спенсеръ занималъ такое выдающееся мѣсто среди духовныхъ вождей человѣчества, онъ жилъ такъ долго, имѣлъ такія многочисленныя сношенія съ самыми выдающимися людьми Англіи, что его автобіографія имѣетъ большой интересъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ жизнеописаніе одного изъ самыхъ крупныхъ представителей духовной жизни; во-вторыхъ, какъ разсказъ человѣка, близко наблюдавшаго духовную жизнь великаго народа за послѣднія 50—60 лѣтъ.

Люди, не знавшіе, такъ сказать, закулисной стороны жизни Спенсера, были поражены огромнымъ несоотвѣтствіемъ между

тѣмъ Спенсеромъ, котораго они рисовали въ собственномъ воображеніи, и дѣйствительнымъ Спенсеромъ... Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, который сразу составлялъ планъ десяти-томнаго сочиненія и который систематическою работою въ теченіе 40 лѣтъ выполнилъ этотъ планъ почти безъ всякихъ отступленій,—такой человѣкъ рисовался воображенію читателей спокойнымъ кабинетнымъ ученымъ, по цѣлымъ днямъ погруженнымъ въ свои книги, изученію которыхъ ему ничто не мѣшало. Тѣмъ большимъ удивленіемъ къ необыкновенной энергіи этого человѣка проникся образованный міръ, когда узналъ, что болѣзнь и матеріальная нужда всю жизнь тяготѣли надъ знаменитымъ мыслителемъ. Здоровье Спенсера всегда было такъ плохо, что онъ часто цѣлыми мѣсяцами совершенно не могъ заниматься, и, вообще, онъ никогда не могъ заниматься болѣе 2—3 часовъ въ день. Что касается матеріальныхъ средствъ Спенсера, то лучшей иллюстраціей его стѣсненнаго положенія можетъ служить то обстоятельство, что, имѣя уже 40 лѣтъ и будучи уже очень цѣнимъ такими знатоками, какъ Милль, Гексли и др., „онъ не прочь былъ бы взять мѣсто продавца марокъ на почтѣ родного Дерби“ (стр. 95), но и на этотъ крайне скромный постъ нанялся болѣе счастливый кандидатъ.

Самою выдающеюся чертою характера Спенсера является его совершенно исключительная самостоятельность: онъ никогда не признавалъ никакого авторитета, всегда и обо всемъ составлялъ свое самостоятельное мнѣніе, которое и отстаивалъ съ непреклонною суровостью. Спенсеръ самъ отмѣчаетъ эту основную черту своего характера и даже пытается путемъ генеалогическихъ изысканій установить наслѣдственность своего характера. Онъ полагаетъ, что самостоятельность онъ унаслѣдовалъ отъ предковъ съ материнской стороны „чешскихъ гусситовъ, эмигрировавшихъ въ XV вѣкѣ въ Лотарингію, потомки которыхъ затѣмъ, въ слѣдующемъ столѣтіи, во время гоненій на гугенотовъ, къ которымъ они принадлежали, должны были переѣхать въ Англію“ (стр. 13). Такимъ образомъ, замѣчаетъ Спенсеръ, его предки „два раза боролись противъ насилія надъ ихъ религіозными убѣжденіями и предпочли лучше бѣжать, чѣмъ покориться силѣ“ (стр. 13).

Мы указали, что автобіографія Спенсера интересна не только тѣмъ, что знакомитъ насъ съ самимъ Спенсеромъ, но еще и тѣмъ, что даетъ цѣлую портретную галлерею выдающихся дѣятелей Англіи за 50—60 лѣтъ. Относительно этого послѣдняго пункта достаточно указать, что Спенсеръ находился въ личныхъ сношеніяхъ съ такими людьми, какъ Милль, Бокль, Карлейль, Гексли, Тиндаль, Льюсъ, Дж. Эллiотъ и др.

Книжка, предложенная русскому читателю г. Коротаевымъ, является сокращеннымъ изложеніемъ автобіографіи Спенсера:

вмѣсто двухъ большихъ томовъ англійскаго подлинника (имѣющаго болѣе 1,000 страницъ), на русскомъ языкѣ появилась небольшая книжка въ 178 страницъ малаго формата; но составитель сумѣлъ дать хорошій экстрактъ, который для широкой публики можетъ замѣнить подлинникъ.

Б. Уэббъ. Кооперативное движеніе въ Англіи. Переводъ съ англ. Н. и С. Алексѣевыхъ. Изд. И. Балашова. Спб. 1905.

Содержаніе названной книжки Уэбба таково: „Идея коопераціи", „Духъ ассоціаціи", „Федерація", „Производительныя товарищества", „Государство въ государствѣ", „Идеалъ и дѣйствительность". Такимъ образомъ, мы видимъ, что настоящая работа представляетъ изъ себя попытку выяснить соціологическую конструкцію коопераціи, пользуясь для этого опытомъ англійской жизни. Задача чрезвычайно важная, и для насъ русскихъ особенно интересная. Дѣло въ томъ, что и у насъ много говорилось и писалось о значеніи коопераціи и даже дѣлалось не мало попытокъ ввести кооперативное движеніе въ русло русской дѣйствительности. Но всѣ попытки какъ-то не вытанцовывались. Громадное большинство всѣхъ этихъ потребительныхъ обществъ, артельныхъ организацій, ссудосберегательныхъ товариществъ со всѣми ихъ нормальными и образцовыми уставами оставалось пустоцвѣтомъ, являлось декораціей, которая должна была показать, что и мы „не лыкомъ шиты" и т. д. Читатель Уэбба безъ труда выяснитъ себѣ, почему русское кооперативное движеніе обречено безрезультатно толкаться на пустомъ мѣстѣ. Ларчикъ открывается просто. Оказывается, что кооперація по самому своему существу—явленіе глубоко демократическое, и на Западѣ оно достигало силы и развитія только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно было конструировано на истинно демократическихъ началахъ. Ну, а какой же демократическій цвѣтокъ могъ бы распуститься у насъ въ атмосферѣ грубаго полицейскаго произвола?

Итакъ, изъ книги Уэбба читатель прежде всего выяснитъ, каковы должны быть начала истинно демократической коопераціи. Но этого мало. Коллективистскія ученія (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя школы) возлагаютъ на кооперацію большія надежды въ дѣлѣ соціализаціи хозяйства, которая должна быть завершеніемъ коллективистскаго строя. Поэтому чрезвычайно важно выяснить себѣ, насколько основательны подобныя надежды и какими предѣлами слѣдуетъ ихъ ограничить. Книга Уэбба даетъ отвѣтъ и на эти вопросы.

Робертъ Овэнъ, одинъ изъ создателей современнаго демократическаго движенія, краеугольнымъ камнемъ новаго общественнаго строя считалъ устраненіе прибыли на цѣнѣ и замѣну дѣльцовъ, ищущихъ личной наживы, платными служащими. Демокра-

тической формѣ коопераціи, дѣйствительно, удалось устранить прибыль на цѣнѣ и этимъ оказать немаловажныя услуги обществу. „Продавецъ товара въ сферѣ дѣйствія кооперативной системы,—пишетъ нашъ авторъ, — не имѣетъ личнаго интереса въ надувательствѣ кліента. Продажа въ кредитъ, скидки на ходкихъ товарахъ, фальсификація и другія уловки вмѣстѣ съ болѣе современной политикой крупныхъ синдикатовъ и капиталистическихъ союзовъ, смѣло диктующихъ цѣны, — всѣ эти гигантскія или карликовыя формы промышленной тираніи успѣшно обуздываются демократической формой коопераціи въ средѣ ея вліянія". Огромное, далѣе, вліяніе оказываетъ на организацію промышленности продажа по заготовительной цѣнѣ. Затѣмъ кооперація создала обширные кадры лицъ, искренне и глубоко преданныхъ общественному дѣлу.

При наличности этихъ данныхъ за коопераціей обезпеченъ огромный успѣхъ, и вліяніе ея на созданіе новыхъ формъ жизни надо признать дѣйствительно значительнымъ. Однако тщательный анализъ условій развитія демократической коопераціи показываетъ, что, съ одной стороны, необходимымъ дополненіемъ къ ней должны быть профессіональные рабочіе союзы, съ другой же — кооперація, какъ добровольная ассоціація, далеко не является такимъ всеобъемлющимъ средствомъ, каковымъ ее склонны считать. Наоборотъ, Уэббъ показываетъ, что добровольная ассоціація во многихъ случаяхъ должна быть дополнена ассоціаціей принудительной, т. е. коллективистскимъ государствомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ книгѣ Уэбба разобранъ цѣлый рядъ существенныхъ вопросовъ о природѣ и сущности кооперативнаго движенія.

П. А. Берлинъ. Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ. Изд. Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1905.

Въ русской литературѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ хорошей популярной книжки о положеніи и участи первобытныхъ народовъ, хотя наша литература, благодаря обильнымъ статистическимъ и мѣстнымъ изслѣдованіямъ, даетъ обширный матеріалъ для изученія этихъ вопросовъ. Названная выше книжка до извѣстной степени заполняетъ этотъ пробѣлъ. Но лишь до извѣстной степени, такъ какъ автора больше интересуетъ гадательный вопросъ о будущности низшихъ племенъ, широкаго же освѣщенія дѣйствительнаго ихъ положенія онъ не даетъ. Не смотря на общій экономическій характеръ работы, авторъ не даетъ характеристики всѣхъ стадій, въ которыхъ мы и въ настоящее время застаемъ нецивилизованныя племена: характеристики быта бродячаго, кочевого и осѣдлаго, промысловъ охотничьяго, пастушескаго и земледѣльческаго,

хозяйства натуральнаго и денежнаго. Между тѣмъ, подробная характеристика этихъ стадій показала бы ихъ естественную послѣдовательность и неизбѣжность, взаимную связь хозяйственныхъ и бытовыхъ формъ, а также показала бы и тотъ путь, которымъ должны идти цивилизованные народы, чтобы пріобщить къ культурѣ низшія племена, содѣйствуя и облегчая имъ переходъ отъ низшихъ къ высшимъ формамъ хозяйства и быта.

Къ тому же переходу авторъ подходитъ съ другой стороны. Настоящее положеніе низшихъ племенъ почти повсюду крайне тяжелое и, что всего печальнѣе, отношеніе цивилизованныхъ народовъ къ остальнымъ племенамъ не имѣетъ ничего общаго съ гуманными общественными идеалами, а всецѣло проникнуто политикой наживы и стремленіемъ эксплуатировать невѣжество и темноту низшихъ племенъ. При столкновеніяхъ народовъ цивилизованныхъ съ народами, стоящими на низшихъ ступеняхъ культуры, первые вытѣсняютъ вторыхъ, не заботясь о томъ, чтобы поднять ихъ до своего уровня и пріобщить къ общечеловѣческой культурѣ. Отсюда—вымираніе цѣлыхъ народностей. Между тѣмъ, сама жизнь и опытъ нѣкоторыхъ народностей, попавшихъ въ болѣе счастливыя условія, доказали, что многія низшія племена, какъ американскія, такъ и наши азіатскія, изъ которыхъ особаго вниманія заслуживаютъ якуты и буряты, вполнѣ способны къ переходу къ высшей культурѣ. Если этотъ переходъ не всегда совершается, то происходитъ это, столько же вслѣдствіе несовершенства формъ жизни высшихъ племенъ, сколько и низшихъ. За примѣрами ходить не далеко. Въ одно и то же время у насъ кричали о желтой опасности и безсовѣстно грабили не только русско-подданныхъ инородцевъ, но и корейцевъ, и китайцевъ. Вся наша политика среди давно завоеванныхъ нами народовъ, хотя бы, напримѣръ, бурятъ, привела къ такимъ результатамъ, которые очень скоро сказались бы, если бы японцамъ удалось подойти къ заселеннымъ ими землямъ. Вспомните хотя бы совсѣмъ еще недавнюю исторію ходатайствъ и мытарствъ агинскихъ и хоринскихъ бурятъ и отвѣтъ, полученный ими на справедливыя просьбы о сохраненіи за ними ихъ исконныхъ правъ.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, иногда и съ хорошими цѣлями, высшія племена пробовали насильно, не считаясь съ дѣйствительными потребностями, навязывать первобытнымъ племенамъ новыя формы хозяйства, результаты получались отрицательные. Авторъ напоминаетъ о чисто бюрократическихъ попыткахъ распространять культуру картофеля среди пастушескихъ племенъ, полеводство—среди звѣролововъ. Только правильная политика, сообразующаяся съ дѣйствительнымъ состояніемъ и потребностями низшихъ племенъ, разумный примѣръ и распространеніе истинныхъ знаній, могутъ вывести отставшія племена на путь истиннаго развитія

Книжка издана дешево и хорошо, и является полезнымъ вкладомъ въ популярную литературу. Остается только пожелать, чтобы въ слѣдующемъ изданіи авторъ поглубже разработалъ обширный статистико экономическій матеріалъ, касающійся Забайкалья, Восточной и Западной Сибири (работы Астырева, Личкова, Смирнова, Григорьева и др. мѣстныя изслѣдованія въ изданіяхъ географич. общества). Желательно было бы также, чтобы въ интересахъ болѣе широкаго освѣщенія вопроса, кромѣ экономической и юридической стороны, авторъ разсмотрѣлъ вопросъ о положеніи и участи низшихъ племенъ съ антропологической точки зрѣнія.

А. Д. Грантъ. Греція въ вѣкъ Перикла. Пер. подъ ред. Н. Н. Шамонина. М. 1905.

Книга Гранта входитъ въ составъ извѣстной, издающейся въ Москвѣ „Библіотеки Самообразованія", и это одно уже, до извѣстной степени, служитъ ей хорошей рекомендаціей. Содержаніе книги гораздо шире ея заглавія. Сосредоточивъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на эпохѣ полнаго расцвѣта аѳинской демократіи, совпадающаго съ „вѣкомъ Перикла" (главы VII—XII), авторъ посвящаетъ первыя шесть главъ своего труда вообще исторіи Греціи и въ частности Аѳинъ со временъ Солона. Желая, какъ самъ онъ выражается, „не оставить безъ вниманія ни одной ихъ главныхъ силъ, содѣйствовавшихъ выработкѣ греческой цивилизаціи", онъ отвелъ изъ этихъ шести главъ двѣ (I и II) условіямъ общественной и религіозной жизни страны, вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь разсматривать греческую исторію въ связи и въ сравненіи съ общей исторіей Европы. Первая глава и начинается разсмотрѣніемъ различія между греческими и современными понятіями о государствѣ. Не во всемъ можно соглашаться съ разсужденіями автора, но это не мѣшаетъ пожелать успѣха его книгѣ въ русскомъ переводѣ. Какъ разъ у насъ чувствуется недостатокъ сочиненій о Периклѣ: кромѣ прекраснаго, но вышедшаго изъ продажи и, пожалуй, успѣвшаго уже устарѣть труда Бузескула, нѣтъ вѣдь въ сущности ничего. Къ сожалѣнію, англійскій авторъ не вполнѣ воспользовался новѣйшими результатами разработки греческой исторіи на континентѣ, въ особенности нѣмцевъ: его руководителями были, главнымъ образомъ, Гротъ, Курціусъ, Эбботъ, Бухольтъ, Гольмъ, но совсѣмъ внѣ круга его чтеній остались, повидимому, такіе корифеи современной германскоой науки, какъ Эдуардъ Мейеръ и Белохъ. Самымъ существеннымъ недостаткомъ книги нужно признать малое знакомство автора съ данными „Аѳинской политіи" Аристотеля, открытой уже около пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Напр., Грантъ говоритъ о замѣнѣ царской власти въ Аѳинахъ архонтатомъ (стр. 76) по старой традиціи, совершенно устраняющейся раз-

сказомъ Аристотеля. Между тѣмъ, авторъ ссылается (стр. 78) на стихи Солона, сохранившіеся въ „Аѳинской политіи", на мѣсто въ этомъ сочиненіи, гдѣ перечисляется, сколько аѳинскихъ граждан кормилось на счетъ государства (стр. 161) и т. п. Кое-гдѣ поэтому редактору перевода слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, исправить изложеніе Гранта, хотя бы снабдивъ его подстрочными примѣчаніями. Въ концѣ книги (стр. 353—356) имѣются примѣчанія редактора перевода, но иного рода, тоже, впрочемъ, полезныя: это именно указанія на существующую на русскомъ языкѣ литературу по исторіи Греціи.

Веньяминъ Эндрузъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—62 гг. и до нашихъ дней. Пер. съ англ. Е. А Гурвичъ. Спб. 1905.

На русскомъ языкѣ имѣются исторіи Соединенныхъ Штатовъ Лабулэ и Неймана, исторіи сѣверо-американской междоусобной войны Дрэпера и гр. Парижскаго и описанія государственнаго строя и общественнаго быта заатлантической республики, принадлежащія Жоквилю и Брайсу, но до сихъ поръ не было книги, по которой читатель могъ бы познакомиться собственно съ новѣйшими событіями въ жизни великой страны. Выходъ въ свѣтъ перевода книги Эндруза восполняетъ этотъ пробѣлъ, такъ что его приходится только привѣтствовать, какъ появленіе книги полезной, необходимой, пока не имѣется чего-либо лучшаго. Широты взгляда и захватывающаго интереса читатель въ книгѣ не найдетъ, но, если ему нужны прежде всего факты, то ихъ онъ найдетъ у Эндруза въ изобиліи и, между прочимъ, встрѣтитъ цифровыя данныя, касающіяся промышленнаго прогресса въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія сорокъ лѣтъ. О точкѣ зрѣнія, господствующей въ сочиненіи Эндруза, лучше всего можно судить по тому, что авторъ—протестантскій священникъ, хотя и болѣе либеральнаго образа мыслей, бывшій нѣкоторое время профессоромъ и ректоромъ одного изъ американскихъ университетовъ, но лишившійся своего мѣста, по желанію попечительнаго совѣта своего университета, за агитацію въ пользу избранія въ президенты республики Брайана, котораго очень не долюбливаетъ высшая буржуазія. Вкратцѣ точку зрѣнія Эндруза можно охарактеризовать, какъ умѣренно-либеральную и буржуазно-демократическую. Съ другой стороны, онъ—особый сторонникъ южныхъ штатовъ, гдѣ до сихъ поръ не улегся антагонизмъ бѣлыхъ и черныхъ, и Эндрузъ даже высказывается за мѣры, которыя могли бы обезвредить негровъ. При всемъ томъ, онъ желаетъ, однако, оставаться безпристрастнымъ, что очень часто ему и удается въ полной мѣрѣ. Будучи, напр., сторонникомъ Брайана, онъ безъ предубѣжденій и порою даже съ сочувствіемъ говоритъ о глав-

номъ сопернике своего кандидата, Макъ-Кинлеѣ, и самая борьба обѣихъ партій на президентскихъ выборахъ съ 1896 г. излагается у него sine ira et studio. Въ общемъ буржуазная точка зрѣнія не помѣшала автору дать довольно много интересныхъ фактовъ для освѣщенія соціальной исторіи Соединенныхъ Штатовъ съ семидесятыхъ годовъ, начиная съ которыхъ его изложеніе и дѣлается болѣе подробнымъ. Нѣсколько непріятное впечатлѣніе производитъ языкъ перевода, страдающій чрезмѣрною небрежностью и излишней вычурностью. Напр., въ переводѣ на сценѣ выступаютъ „ташкентцы" (стр. 82) для обозначенія одной изъ политиканствующихъ фракцій (Carpet-Baggers), а одна глава озаглавлена: „Казна-матушка богата" (стр. 174), вмѣсто того, чтобы сказать, какъ въ подлинникѣ: „Соединенные Штаты заплатятъ".

З. Мостовенко. Изъ жизни птицъ (біографіи птичекъ) и наблюденія за вольными птицами. Спб. 1905 г.

Общій упадокъ русской жизни, протекающей подъ неослабнымъ гнетомъ отжившаго строя, замѣтно сказался и въ такихъ областяхъ русской дѣйствительности, которыя какъ будто бы далеко отстоятъ отъ политическихъ вѣяній и теченій какого бы то ни было рода. Такъ, при современныхъ условіяхъ общественной жизни, изученіе родного края все время находится на очень низкой ступени развитія. Это жалкое положеніе нашего родиновѣдѣнія особенно рельефно выступаетъ въ моменты народныхъ бѣдствій, когда растерявшаяся бюрократія не можетъ скрыть ужаснаго положенія въ тайникахъ своихъ канцелярій, не можетъ замазать тяжелой дѣйствительности циркулярами и разъясненіями. Жалкое состояніе русской дѣйствительности, повторяемъ, сказывается тогда съ особою силой. Въ самомъ дѣлѣ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ огромныя площади посѣвовъ гибли отъ грозной и „внезапно" разразившейся мышеяди, развѣ не оставлено было населеніе многихъ губерній совершенно безпомощнымъ, потому что никто не сумѣлъ услѣдить начала развитія бѣдствія, потому что никто не сумѣлъ опредѣлить во время виды и разновидности грызуновъ, опустошавшихъ поля земледѣльцевъ? Или, развѣ до сихъ поръ опредѣлены, какъ слѣдуетъ, виды и разновидности „озимого червя", благодаря которому нерѣдко остаются безъ ржи, главнаго своего продовольствія. десятки и сотни тысячъ мужицкихъ семействъ сѣверной и средней полосы Россіи? Да оно и понятно. Изученіе живой природы должно происходить на мѣстѣ; для этого изученія должны быть выдвинуты кадры любителей, умѣющихъ наблюдать природу; для него страна должна быть покрыта густого сѣтью наблюдательныхъ пунктовъ и естественно-историческихъ обществъ. У насъ этого ничего нѣтъ. Мы бѣдны культурными силами, да и эти силы, при данныхъ условіяхъ политической жизни, лишены воз-

можности организоваться, какъ слѣдуетъ, въ добровольные союзы для изученія родной природы. Вотъ почему мы такъ мало знаемъ свою родину... Горю, конечно, тутъ можно помочь лишь кореннымъ и немедленнымъ измѣненіемъ основныхъ устоевъ русской жизни.

И, тѣмъ не менѣе, мы отъ души привѣтствуемъ даже при современныхъ условіяхъ русской дѣйствительности всякую попытку пріохотить широкіе круги нашего общества къ наблюденіямъ надъ окружающей природой, помочь проложить ему въ этомъ направленіи новые пути, или подновить и улучшить старые. Къ такимъ работамъ принадлежитъ и названная книжка г-жи Мостовенко. Это, правда, очень непритязательная работа: въ ней просто и чрезвычайно искренне разсказывается о тѣхъ наблюденіяхъ, которыя сдѣланы авторомъ, любителемъ природы, въ избранной имъ области: въ мірѣ пернатыхъ. Въ авторѣ чувствуется много наблюдательности, много терпѣнія и настойчивости. Онъ хорошо владѣетъ языкомъ и увлекательно разсказываетъ о своихъ пернатыхъ любимцахъ, съ которыми сживался годами.

Почти вся, довольно объемистая, книжка посвящена біографіи птичекъ, среди которыхъ громадное большинство составляютъ обитатели нашихъ лѣсовъ и луговъ. Кромѣ этихъ біографій, имѣются краткія замѣтки: „Уходъ за комнатными птицами", „Наблюденія за вольными птицами", „Покровительство вольнымъ птицамъ".

Въ настоящее время, когда преподаваніе естествознанія стало, повидимому, твердой ногой въ средней школѣ, когда появилась значительная увѣренность въ томъ, что русская жизнь добьется, наконецъ, коренной реформы, безъ которой немыслимо ея правильное теченіе,—появленіе такихъ работъ надо признать вполнѣ своевременнымъ.

А. П. Нечаевъ. Почва и ея исторія. Географическій этюдъ. Спб. 1905 г. съ 30 рисунками.

Его же. Картины родины, типичные ландшафты Россіи въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ. Съ 62 рисунками. Спб. 1905 г.

Авторъ обѣихъ названныхъ книгъ—извѣстный знатокъ своего предмета и опытный популяризаторъ, доказавшій свое право на это имя цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ очерковъ и переводовъ.

Особенно большое значеніе обѣ названныя здѣсь работы пріобрѣтаютъ, благодаря тому, что всѣ положенія науки, которыя развертываются авторомъ, поясняются, главнымъ образомъ, на фактахъ, взятыхъ изъ русской природы. Таковы же хорошо подобранные и многочисленные рисунки, изъ которыхъ многіе отличаются и прекраснымъ выполненіемъ.

Въ своихъ „Картинахъ Родины“ авторъ говоритъ о типичныхъ ландшафтахъ Европейской Россіи, при чемъ эти ландшафты разработываются не съ географической, а съ геологической точки зрѣнія. Мы обращаемъ на это вниманіе для того, чтобы не ввести въ напрасную трату тѣхъ многочисленныхъ преподавателей народныхъ школъ, которымъ такъ нужны при занятіяхъ руководства именно къ ландшафтамъ, обработаннымъ съ географической точки зрѣнія, съ каковой ими только и можетъ трактоваться вопросъ въ начальной школѣ. Г. Нечаевъ въ своихъ очеркахъ преслѣдуетъ другія задачи и имѣетъ въ виду совершенно другую читающую публику. Его популярное изложеніе, во всякомъ случаѣ, требуетъ уже нѣкоторой—довольно значительной—общей подготовки и умѣнья обращаться съ книжнымъ языкомъ. И, въ самомъ дѣлѣ, „книга эта, — пишетъ нашъ авторъ, — представляетъ воспроизведеніе лекцій, читанныхъ мною ученикамъ старшихъ классовъ петербургскихъ гимназій и реальныхъ училищъ“...

Съ педагогической точки зрѣнія книга представляетъ рѣдкій образчикъ искуснаго пользованія матеріаломъ. Изложивъ образнымъ и живымъ языкомъ основныя понятія геологіи, авторъ переходитъ къ Россіи и прослѣживаетъ ея судьбу въ различныя эпохи длинной исторіи земли. При помощи установленныхъ, такимъ образомъ, основаній геологіи авторъ выясняетъ значеніе геологическихъ факторовъ въ образованіи ландшафтовъ родной природы. На всей работѣ лежитъ отпечатокъ такой любви къ своему предмету и такого основательнаго знанія, что мы ни на минуту не сомнѣваемся, что автору удастся въ своихъ читателяхъ „заронить желаніе поработать самостоятельно въ этой области, разобраться въ пестрыхъ и подчасъ сложныхъ культурно-географическихъ ландшафтахъ“.

Географическій этюдъ „Почва и ея исторія“ представляетъ, насколько намъ извѣстно, первую попытку изложить для болѣе широкаго круга читателей данныя почвовѣдѣнія, науки, надъ созданіемъ которой поработало съ успѣхомъ столько выдающихся русскихъ ученыхъ. Нечего и говорить, насколько важно распространеніе правильныхъ взглядовъ на почву и ея исторію въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія. Происхожденіе и этого очерка таково же, какъ и предыдущаго: онъ сложился изъ ряда лекцій, читанныхъ ученикамъ старшихъ классовъ с.-петербургскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Исполнена эта работа также тщательно и искусно, какъ и „Картины Родины“.

Наша средняя школа не избалована такими руководствами. Лишь за самое послѣднее время начали появляться учебники, которые среди всѣхъ этихъ невѣжественныхъ, недобросовѣстныхъ и безталанныхъ Лебедевыхъ, Смирновыхъ, Иловайскихъ составляютъ отрадный оазисъ. Въ данномъ отношеніи особенно посчастливилось географіи, которая, благодаря учебникамъ Герм.

Иванова, хрестоматіямъ Крубера и К°, очеркамъ А. П. Нечаева, перестанетъ понемногу быть въ нашей школѣ пугаломъ и предметомъ отвращенія для учениковъ, и займетъ подобающее ей высокое мѣсто въ программѣ средней школы.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изданія т-ва „Просвѣщеніе": Полное собраніе соч. ***М. Ю. Лермонтова.*** Подъ ред. А. И. Введенскаго. Т. III. Цѣна за 4 тома 3 р.—Полное собраніе соч. ***И. А. Крылова.*** Съ прим. В. В. Каллаша. Т. II и III. Ц. за 4 тома 3 р.—Сочиненія ***А. А. Потѣхина.*** Т. VIII и IX. Ц. за 12 томовъ 12 р.—Полное собраніе соч. ***А. Н. Островскаго.*** Подъ ред. М. И. Писарева. Т. VI, VII, VIII, IX, X. Ц. за 10 томовъ 16 р. Спб. 1905.

Полное собраніе сочиненій ***Генрика Ибсена.*** Перев. съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Т. IV. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 2 р.

Пѣсни свободы. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 коп.

Прибалтійскіе напѣвы. Стих. ***И. Ѳ. Генигина.*** Рига. 1905. Ц. 1 р.

Е. Н. Любичъ. Пестрядь. Разсказы и наброски. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Н. Н. Степаненко. Передѣлъ и др. разсказы. Изд. Н. В. Петрова. Харьковъ. Ц. 1 р.

Ѳ. Тищенко. Люди темные. Быль, разсказанная крестьяниномъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 10 к.

В. Пуришкевичъ. За кѣмъ? Пьеса. Спб. 1905.

Свящ. ***Стефановичъ.*** Наболѣвшее сердце. М. 1905.

Искенеке - Емельяновъ. Книга любви и книга поэта. Кутаисъ. 1905.

Ольга Лье. Робкіе звуки. Стих. Спб. 1904.

Изданія т-ва „Жизнь и Правда": На зарѣ. Изъ пѣсенъ о труженикахъ. Ѳ. Гаврилова. Ц. 10 к.—***Л. Мяздриковъ.*** Тайны неба (Общедоступная астрономія). Ц. 5 к.—***Голіардо.*** Приключеніе на лунѣ. Ц. 20 к.—***К. К. Суздальцевъ.*** „Копѣйка рубль бережетъ" (о потребительныхъ обществахъ). Ц. 3 к.—Пѣвцы нужды и горя. Н. А. Некрасовъ и И. С. Никитинъ. Ц. 5 к. М. 1905.

Изданія Н. С. Щетинина: Черезъ стѣну. Разсказъ ***В. І. Дмитріевой.*** Ц. 5 к. — Предатель. Ц. 3 к. — ***Авг. Стриндбергъ.*** Терзанія совѣсти. Ц. 4 к.—***Леонъ Кладель.*** Гражданка Изидоръ. Ц. 3 к. Спб. 1905.

С. Д. Протопоповъ. Изъ поѣздки въ Соловецкій монастырь. М. 1905. Ц. 10 к.

Изданія О. Н. Поповой: Сорокъ два дня изъ русско японской войны. Разск. ***О. Н. Поповой.*** Ц. 10 к.— ***О. Н. Попова.*** Севастополь и его оборона. Ц. 30 к. Спб. 1905.

Вацлавъ Сѣрошевскій. Матросы корабля „Надежда". Разсказъ. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1905. Ц. 20. к.

Изданія В. И. Раппъ и В. И. Потапова: По этапу. Очеркъ. ***С. Подъячевъ.*** Ц. 25 к.—***Ив. Наживинъ.*** Съ нами Богъ! Очеркъ. Ц. 4 к. Харьковъ. 1905.

А. Луначарскій. Этюды критическіе и полемическіе. М. 1905.

Лоуэллъ. Правительства и политическія партіи. М. 1905.

Г. П. Сазоновъ. Народное представительство безъ народа. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Политическое изслѣдованіе ***З. Авалова.*** Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 коп.

С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1905. Ц. 1 р.

О фонъ Цвидинекъ - Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы. Перев. съ нѣм. Б. Авилова. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 2 р.

Открытое письмо гг. членамъ отъ промышленности въ коммиссіи статсъ-секретаря В. Н. Коковцева. По рабочему вопросу о платѣ за забастовки. ***Л. М. Гольдмерштейна.*** Спб. 1905. Ц. 8 к.

А. Гудванъ. Приказчичій вопросъ. Жизнь и трудъ приказчиковъ. Одесса. 1905. Ц. 80 к.

Григорій Чалхутьянъ. Армянскій вопросъ въ Россіи. Ростовъ на Дону. Ц. 10 к.

Докторъ ***Е. В. Уленовъ.*** Сіонъ и Африка на шестомъ конгрессѣ. М. 1905. Ц. 40 к.

Н. А. Гредескулъ. На темы дня. Харьковъ. 1905.

С. В. Пантелѣева. Нидерланды и Бельгія. Очерки стараго и новаго. Изд. Л. Ѳ. Пантелѣева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Д. Бернштейнъ. Музыка и театръ у японцевъ. Изд. Л. М. Готцъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть I. М. 1905. Ц. 1 р.

Г. Ф. Чурсинъ. Народные обычаи и вѣрованія Кахетіи. Тифлисъ. 1905.

Сибирь и ея экономическая будущность. Сочиненіе ***Кл. Оланьона.*** Пер. съ фр. А. Д. Погрузова. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Волостные писаря Пермской губ. Очеркъ. ***Д. М. Бобылева.*** Пермь. 1905.

А. А. Кауфманъ. Переселеніе и колонизація. Б-ка „Общественной Пользы". Спб. 1905.

В. Норовъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Часть II. Спб. 1905. Ц. 1 р.

К. Жегота. Русскіе финансы и война. Пер. съ польскаго. Краковъ. 1905.

Ал. Д. Билимовичъ. Годъ войны и наши финансы. Кіевъ. 1905.

Ал. Д. Билимовичъ. Крестьянскій правопорядокъ по трудамъ мѣстныхъ комитетовъ. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

Н. Бѣлозерскій. Аѳ. П. Щаповъ, какъ педагогъ. Сѣверное книгоизд. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Педагогическіе курсы Саратовскаго губ. земства 1901 г. Бесѣды и уроки. Саратовъ. 1904.

Что такое логика? (По Миллю). Казань. 1905. Ц. 60 к.

Введеніе въ философію Г. Спенсера. Въ краткомъ изложеніи ***И. М. Любомудрова.*** Ковровъ. 1905. Ц. 40 к.

Протоколы по крестьянскому дѣлу. Засѣданія особаго совѣщанія о нуждахъ сел.-хоз. промышленности. Спб. 1905.

Изъ жизни земли. ***М. Сабининой.*** Изд. О. Н. Поповой. 1905. Спб. Ц. 25 коп.

Воскресная школа. Сост. ***П. А. Зюкова.*** Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 40 к.

В. и Э. Вахтеровы. Міръ въ разсказахъ для дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 30 к.

Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи. М. 1905. Ц. 1 р.

Фабричные законы. Сост. ***М. Балобановъ.*** Кіевъ. 1905. Ц. 75 к.

Упрощенная стенографія. Сост. ***Ѳ. Мирчинкъ.*** М. 1904. Ц. 1 р. 50 коп.

Указатель дѣйствующихъ въ Имперіи акціонерныхъ предпріятій и торговыхъ домовъ. Подъ редакціей В. А. Дмитріева-Мамонова. Два тома Спб. 1905.

Случайныя замѣтки.

Изъ воспоминаній о Николаѣ Гавриловичѣ Чернышевскомъ.—Написать воспоминанія о томъ или другомъ замѣчательномъ человѣкѣ не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Въ сущности, во всякой попыткѣ возстановить чужой обликъ по матеріаламъ собственной памяти—есть нѣкоторые элементы работы портретиста. И какъ бы мы ни старались „держаться фактовъ", на ихъ группировкѣ и освѣщеніи, а значитъ и на передачѣ—непремѣнно отразится наше пониманіе данной личности, то есть, до извѣстной степени и мы сами. Вотъ почему такъ много противорѣчій встрѣчаемъ мы во всѣхъ воспоминаніяхъ о всякой выдающейся личности. Это далеко не всегда ложь или сознательныя искаженія. Часто это только неизбѣжное вліяніе „преломляющей среды"...

Теперь появляется не мало воспоминаній и попытокъ характеристики Чернышевскаго, и среди нихъ встрѣчаются уже и черты противорѣчивыя. Тѣмъ важнѣе, конечно, возможное обиліе сырого матеріала, среди котораго, во всякомъ случаѣ, накопляется запасъ объективныхъ фактовъ, а критикѣ легче сдѣлать извѣстный выборъ и установить вѣрную перспективу. Съ этой точки зрѣнія, даже и повторенія, исходящія изъ разныхъ источниковъ, пріобрѣтаютъ извѣстное біографическое значеніе и помогаютъ тверже установить тѣ или другія черты замѣчательнаго человѣка.

Ничего существенно новаго читатель не встрѣтитъ и въ предлагаемыхъ ниже воспоминаніяхъ жандарма Щепина, который жилъ съ Чернышевскимъ въ Вилюйскѣ, въ качествѣ стража. Но они всетаки интересны, во-первыхъ, своей непосредственностью, а во-вторыхъ, тѣмъ, что даютъ еще одно показаніе о періодѣ жизни Чернышевскаго, далеко еще недостаточно освѣщенномъ. Воспоминанія эти „почти съ стенографической точностью" записаны со словъ жандарма Щепина врачомъ, г-мъ Михалевичемъ, котораго судьба въ 1887 году закинула въ Тункинское селеніе. „Здѣсь,—пишетъ намъ г. Михалевичъ,—среди своихъ немногочисленныхъ тогда паціентовъ я встрѣчалъ жандармскаго унтеръ-офицера Щепина, человѣка лѣтъ 35—40. Онъ былъ уже сильно боленъ (чахоткой), но сохранилъ значительную живость ума и обладалъ хорошей памятью". Въ одно изъ посѣщеній доктора, Щепинъ упомянулъ о томъ, что до своего поселенія въ Тункѣ онъ жилъ въ Вилюйскѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ, и на разспросы заинтересованнаго врача разсказалъ слѣдующее:

„Чудной былъ этотъ Чернышевскій. Онъ уже былъ старикъ, когда я зналъ его. Мяса не ѣлъ. Рыбу хотя и ѣлъ, но рѣдко.

Питался только хлѣбомъ, молокомъ, кашей. Молоко пропускалъ сквозь уголь. Воду пилъ только изъ своего ушата. Комнаты и самовара, все время ссылки, многіе годы не давалъ мыть. Ни за что въ свѣтѣ! Самъ вымететъ, бывало, комнату, но мыть полъ не дастъ. Разъ я предложилъ ему: „дайте почистимъ самоваръ: вѣдь у насъ, слава Богу, есть кому почистить: жена, сторожъ, урядники.—Не надо, не надо,—отвѣчаетъ, бывало!

„Случалось, что моютъ другія комнаты, сосѣднія съ его комнатой. Тогда онъ запрется у себя на ключъ и никого къ себѣ не пускаетъ".

Жена Щепина присутствовала при разсказѣ мужа и перебила его:

— За одну ночь, бывало, сколько перемѣнъ бываетъ съ нимъ! То онъ поетъ, то танцуетъ, то хохочетъ вслухъ, громко, то говоритъ самъ съ собой, то плачетъ навзрыдъ! Горько плачетъ, громко эдакъ! Особенно плачетъ, бывало, послѣ полученія писемъ отъ семьи. Говорили, что онъ жену свою очень любилъ; онъ самъ разсказывалъ про дѣтей своихъ, что они уже большіе, что сынъ окончилъ высшую школу и теперь уже чуть лишь не въ генеральскомъ чинѣ (?). Послѣ такихъ ночей такъ разстроится, бывало, что не выходитъ изъ своей комнаты, печаленъ, ни съ кѣмъ не говоритъ ни слова, запрется и сидитъ безвыходно.

— Не то, чтобы онъ плясалъ, — перебилъ жену Щепинъ. Нѣтъ! А такъ, бѣгаетъ по комнатѣ. Жилъ Чернышевскій въ тюремномъ замкѣ, въ которомъ, впрочемъ, никого изъ заключенныхъ, кромѣ его, да меня — жандармскаго унтеръ-офицера, да двухъ урядниковъ изъ якутъ, да стражи не было. Только послѣ попытки Мышкина освободить и увезти его (чѣмъ Чернышевскій былъ очень недоволенъ), прислали еще 7 казаковъ караулить его. Но посты свои они занимали только по ночамъ, когда Чернышевскій собирался спать и не выходилъ уже изъ комнаты. Старались уважить старику и не раздражать его. Велѣно было ставить часовыхъ такъ, чтобы онъ ихъ не замѣчалъ. Тюремный замокъ весь день былъ отпертъ. Онъ былъ вмѣсто частной квартиры, — въ Вилюйскѣ частныхъ квартиръ было мало, а просторныхъ даже совсѣмъ нѣтъ. Одну большую камеру замка занималъ Чернышевскій. Другую—занималъ я. Третью и четвертую—урядники. Пятую — сторожъ. Въ большой камерѣ Чернышевскаго стояло семь кроватей. На кроватяхъ онъ клалъ свои вещи. У него было пропасть книгъ — большая библіотека. Впослѣдствіи, когда пріѣзжалъ прокуроръ изъ Якутска, Чернышевскій подарилъ всю библіотеку якутской общественной библіотекѣ. Чернышевскій постоянно читалъ и занимался книгами. Сегодня, бывало, спитъ на одной кровати, завтра—на другой. И такъ перемѣняетъ мѣста, пока обойдетъ всѣ кровати и возвратится на первую. Человѣкъ онъ былъ очень бодрый, веселый, разговорчивый. Какъ нач-

нетъ, бывало, говорить, говоритъ цѣлые часы безъ умолку. Разсказываетъ про все такъ много, такъ любопытно, что можно заслушаться. Любилъ поговорить. Онъ былъ друженъ и часто бывалъ у священника и у помощника исправника (изъ якутовъ). А исправника не любилъ за то, что тотъ задерживалъ его письма. Разъ Чернышевскій даже написалъ углемъ на бумагѣ записку губернатору Черняеву такого содержанія. „Совѣтую г. Черняеву не задерживать моихъ писемъ". И подписался Н. Чернышевскій. За это губернаторъ разсердился на него, хотѣлъ его притѣснить, держалъ подъ арестомъ. Потомъ все это было забыто.

— А въ церковь Чернышевскій ходилъ? — спросилъ я.

— Никогда! И, если, бывало, кого не взлюбитъ, никогда къ тому не зайдетъ! А какой онъ былъ чувствительный—это ужасъ. Бывало, если кто заболѣетъ, случится ли это днемъ или ночью, хотя бы самъ онъ былъ боленъ, летитъ, разспроситъ, поможетъ. Докторъ, бывало, постоянно совѣтовался съ Чернышевскимъ о больныхъ и болѣзняхъ. Страсть какой былъ добрякъ!

— Денегъ при себѣ никогда не держитъ, бывало, ни копѣйки. Какъ получитъ мѣсячное казенное пособіе (тогда выдавали ссыльнымъ государственнымъ по 17 р. ежемѣсячно), сейчасъ закупитъ на цѣлый мѣсяцъ муки, табаку, крупъ, масла, уплатитъ сколько слѣдуетъ за мѣсяцъ за молоко, а все, что останется отъ пособія, все до копѣйки раздастъ сторожу, урядникамъ, всѣмъ, кто нуждается. Онъ много помогалъ сторожу. Сторожъ былъ человѣкъ бѣдный, жалованье получалъ маленькое. Разъ какъ-то Чернышевскій покупалъ что-то у подвальнаго еврея Дашевскаго. Тотъ взялъ съ него за проданое нѣсколько меньше, чѣмъ оно стоило. Сейчасъ Чернышевскій и спрашиваетъ Дашевскаго: зачѣмъ же вы съ меня взяли меньше, чѣмъ съ другихъ?—Я,—отвѣчалъ Дашевскій,—хотѣлъ сдѣлать вамъ уваженіе.—Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу,—возразилъ Чернышевскій,—берите съ меня то же, что берете со всѣхъ.

— Мнѣ все равно,—сказалъ, улыбаясь, Дашевскій,—мнѣ еще лучше взять больше.—Нѣтъ, нѣтъ!—горячо говорилъ Чернышевскій,—я не возьму иначе покупки.

„Когда Чернышевскій придетъ къ кому въ гости и увидитъ на столѣ бутылку водки, или карты, тотчасъ скажетъ: „А! это у васъ водка?" или „А! это у васъ карты? Прощайте, прощайте!" И уйдетъ тотчасъ домой. Непремѣнно уйдетъ. Ни за что не согласится остаться. Не любилъ онъ, когда люди пьютъ водку. Разъ былъ такой случай. Одинъ изъ служившихъ при тюрьмѣ, кажется, сторожъ, напился пьянымъ. Чернышевскій сталъ горячиться и твердить: „онъ отравился!" Призвалъ всѣхъ, началъ хлопотать... Ему всѣ говорятъ: онъ только лишнее выпилъ, проспится... Такъ и вышло. Когда пьяный проспался, Чернышевскій и говоритъ ему: „Зачѣмъ ты себя губишь? Зачѣмъ убивать себя?"

„Смѣшной былъ старикъ иногда, но добръ безконечно, всѣмъ готовъ былъ помочь, особенно въ болѣзни. Къ Чернышевскому часто пріѣзжали якуты. Любили они его. Пріѣдутъ, бывало, и спросятъ: „Есть Никола?“ Чернышевскій сейчасъ ставитъ имъ самоваръ, поитъ ихъ чаемъ. По-якутски самъ не говорилъ ни слова. Но урядники-якуты переводили ему.

„Чернышевскій любилъ копать рвы и осушилъ рвами много болотистыхъ мѣстъ, сдѣлавъ ихъ годными къ сѣнокошенію для якутъ. Якуты и теперь зовутъ эти рвы и мѣста „Николиными“.

„Бывало, придутъ къ нему гости, иногда и барыни. Чернышевскій сейчасъ ставитъ самоваръ, рѣжетъ черный хлѣбъ и угощаетъ всѣхъ, и барынь въ томъ числѣ, чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ.

„Чернышевскій былъ очень здоровъ. Сильный былъ, очень сильный. Разъ какъ-то разыскалъ онъ и притащилъ въ тюрьму два камня и говоритъ пришедшимъ къ нему въ гости якутамъ: „А ну! подымите-ка, братцы, кто-нибудь хоть одинъ изъ этихъ камней!“ Многіе брались, не могли поднять камня съ земли. А Чернышевскій взялъ оба камня, обошелъ съ ними три раза весь дворъ и говоритъ якутамъ: „Эхъ вы! а еще молодые! Я—старикъ, и то поднялъ!“

„За все время пребыванія въ ссылкѣ онъ только одинъ разъ сдѣлалъ долгъ. Купилъ за триста рублей шубу изъ чернобурой лисицы. Въ Россіи такая шуба стоила бы рублей 1.000. Шубу эту Чернышевскій послалъ женѣ. Деньги эти дала Чернышевскому казна. Ежемѣсячно изъ пособія, выдаваемаго ему, вычитали 5 р. Но, когда приказали везти въ Россію, долгъ имъ далеко еще не былъ выплаченъ. На покрытіе этого долга прислали деньги отъ генералъ-губернатора. Другихъ долговъ никакихъ у него не было. Да и какіе будутъ долги у такого человѣка? много ли ему нужно?

„Когда Чернышевскій уѣзжалъ въ Россію, ѣхать верхомъ на лошади онъ не былъ въ состояніи. Начальство приказало его везти по землѣ въ кошовѣ (глубокія сани), чтобы не растрясло его старыхъ костей“.

Въ этомъ безхитростномъ разсказѣ, записанномъ А. И. Михалевичемъ со словъ Щепина (мы сохранили запись г-на Михалевича безъ перемѣнъ), нѣкоторыя черты составляютъ повтореніе того, что приводилось уже со словъ другого жандарма, тоже жившаго съ Чернышевскимъ *). Но есть и черты новыя: большая физическая сила, вегетаріанство, взаимныя отношенія съ якутами, копаніе канавъ, рыданія ночью... Не встрѣчался также до сихъ поръ своеобразный эпизодъ съ покупкою шубы на ссуду „отъ казны“... Очень можетъ быть, что на передачѣ этого эпизода от-

*) См. „Рус. Бог.“, ноябрь 1904 г. „Воспоминанія о Чернышевскомъ“.

разнился личный взглядъ солдата-разсказчика,—человѣка, такъ сказать, казеннаго. Кажется, у Чернышевскаго были свои деньги, но, вѣроятно, ему отпускали ихъ въ опредѣленномъ количествѣ, и на экстренный расходъ требовалось особое разрѣшеніе и переписка. Не отсюда ли явилось предположеніе о „ссудѣ на покупку шубы женѣ",—ссуда, которою, по мнѣнію разсказчика, Чернышевскаго любезно снабдила „казна"...

Въ нашемъ распоряженіи есть еще любопытный документъ: воспоминаніе очевидца „гражданской казни" Чернышевскаго. Въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣсколько лѣтъ назадъ умеръ врачъ А. М. Вѣнскій, „человѣкъ 60-хъ годовъ", товарищъ П. Д. Боборыкина (послѣдній вывелъ его въ одномъ изъ своихъ романовъ). Въ первую годовщину смерти Чернышевскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ происходило частное собраніе, посвященное памяти Николая Гавриловича. Извѣстный земскій дѣятель А. А. Савельевъ предложилъ, между прочимъ, А. М. Вѣнскому подѣлиться своими воспоминаніями о событіи, котораго онъ былъ очевидцемъ. Въ то время Вѣнскій уже значительно „увялъ", замкнулся и велъ жизнь отшельника, ограничивъ кругъ своихъ интересовъ губернской больницей. Онъ отказался прочесть свои воспоминанія въ частномъ кружкѣ, о которомъ я говорилъ выше, но согласился дать отвѣты на точно поставленные вопросы. Просматривая свои бумаги, я нашелъ теперь истрепанный листикъ съ этими отвѣтами. На лѣвой сторонѣ стоятъ вопросы А. А. Савельева, а на правой—отвѣты Вѣнскаго. Не смотря на эту сухую форму, картина рисуется очень ярко, и мы приведемъ ее, держась по возможности дословно текста отвѣтовъ

Гражданская казнь Чернышевскаго происходила утромъ въ 6 часовъ *). Назначена она была въ 5 часовъ, но произошло замедленіе. Утро было пасмурное, шелъ мелкій дождь. На Конной площади былъ поставленъ эшафотъ, какой обыкновенно ставился для экзекуціи. „Вокругъ эшафота расположились кольцомъ конные жандармы, сзади нихъ публика, одѣтая прилично (много было литературной братіи и женщинъ,—въ общемъ не менѣе 400 человѣкъ) **). Позади этой публики — простой народъ, фабричные и вообще рабочіе. „Помню,—говоритъ А. М. Вѣнскій,—что рабочіе расположились за заборомъ не то фабрики, не то строющагося дома, и головы ихъ высовывались изъ-за забора. Во время чтенія чиновникомъ длиннаго акта, листовъ въ 10, — публика за заборомъ выражала неодобреніе виновнику и его злокозненнымъ

*) Вѣнскій числа и даже мѣсяца не помнилъ. По другимъ источникамъ это было 19 мая 1864 г. 13 іюня Чернышевскій уже высланъ.

**) По замѣчанію другого очевидца, нижегородскаго нотаріуса Олигера,—гораздо больше. А. М. Вѣнскій даетъ слѣдующую приблизительную схему: разстояніе публики отъ эшафота было сажень 8 или 9, а „толщина кольца" не менѣе одной сажени".

умысламъ. Неодобреніе касалось также его соумышленниковъ и выражалось громко. Публика, стоявшая ближе къ эшафоту, позади жандармовъ, только оборачивалась на роптавшихъ".

Наружность Чернышевскаго и его поведеніе въ критическую минуту Вѣнскій описываетъ слѣдующими чертами:

„Чернышевскій, — блондинъ, невысокаго роста, худощавый, блѣдный (по природѣ), съ небольшой клинообразной бородкой,— стоялъ на эшафотѣ безъ шапки, въ очкахъ, въ осеннемъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. Во время чтенія акта оставался совершенно спокойнымъ; неодобренія зазаборной публики онъ, вѣроятно, не слыхалъ, такъ какъ, въ свою очередь, и ближайшая къ эшафоту публика не слыхала громкаго чтенія чиновника. У позорнаго столба, къ которому подвелъ Чернышевскаго палачъ, надѣвшій ему сзади на руки кольца прикованныхъ къ столбу цѣпей,—Чернышевскій смотрѣлъ все время на публику, раза два—три снимая и протирая пальцами очки, смоченные дождемъ *). Стояніе у позорнаго столба продолжалось около $^1/_4$ часа, — да чтеніе столько же, если не больше **). Затѣмъ, по освобожденіи отъ цѣпей, палачъ вывелъ Чернышевскаго на средину эшафота и разломалъ надъ его головой шпагу, бросивши ея половинки въ разныя стороны.

Въ заключеніе Чернышевскій былъ сведенъ съ эшафота и посаженъ въ карету. Въ эту минуту изъ среды интеллигентной публики полетѣли букеты цвѣтовъ; часть ихъ попала въ карету, а большая часть мимо ***). Произошло легкое движеніе публики впередъ. Лошади тронулись. Дальнѣйшихъ комментарій со стороны толпы не было слышно... Дождь пошелъ сильнѣе"...

Это было 40 лѣтъ назадъ. Народъ, только что освобожденный отъ крѣпостной зависимости, считалъ, вѣроятно, Чернышевскаго представителемъ „господъ", недовольныхъ освобожденіемъ. Какъ бы то ни было, исторія старушки, въ святой простотѣ принесшей вязанку хвороста на костеръ Гусса, повторилась и на этотъ разъ... Нѣтъ сомнѣнія, что теперь отношеніе даже и „зазаборной публики" къ акту подобнаго рода было бы много сложнѣе. Во всякомъ случаѣ картина, нарисованная безхитростнымъ и суховатымъ разсказомъ „очевидца", вѣроятно, еще не разъ остановитъ на себѣ внимательный взглядъ и художника, и историка. А схема, такъ наивно набросанная Вѣнскимъ: блѣдная фигура мыслителя на эшафотѣ и кольцо его интеллигентныхъ „соумышленниковъ" между цѣпью жандармовъ и враждебно настроеннымъ

*) Очевидно, цѣпи были для этого достаточно длинны.

**) Не происходило ли это одновременно?

***) Г. Захарьинъ-Якунинъ въ „Руси" говоритъ объ одномъ вѣнкѣ, который былъ брошенъ на эшафотъ въ то время, когда палачъ ломалъ надъ его головой шпагу. Бросила этотъ букетъ дѣвушка, которая тутъ же была арестована. Вѣнскій говоритъ, очевидно, о другомъ моментѣ.

народомъ, — способна навести на многія размышленія, даже въ наше время, когда историческое значеніе, такъ называемой, интеллигенціи подвергается разнообразнымъ нападкамъ съ самыхъ противоположныхъ сторонъ...

Впрочемъ, не лишне также напомнить, что теперь, послѣ новыхъ матеріаловъ, появившихся въ прошломъ году *) — судъ сената надъ Чернышевскимъ постигнутъ уже, въ свою очередь, нелицепріятнымъ приговоромъ исторіи. Это было, несомнѣнно, вопіющее неправосудіе. Отъ этого, однако, значеніе приведенной картины не измѣняется, какъ не измѣняется и значеніе Чернышевскаго въ освободительномъ движеніи русскаго общества.

Вл. Корол.

Изъ земскихъ впечатлѣній. Собиратели этнографическихъ матеріаловъ неоднократно свидѣтельствовали, что нужна крайняя осторожность и умѣніе разсѣять предубѣжденную подозрительность, чтобы крестьянинъ отнесся съ довѣріемъ къ собесѣднику и не боялся предъ нимъ „проговориться“. Статистика въ деревнѣ встрѣчаютъ или съ опаскою, не будетъ ли новыхъ тягостей и налоговъ, или съ радостной надеждой, легко принимающей легендарные размѣры, — „на счетъ земли“... Сорокалѣтняя дѣятельность земства пріучила крестьянина къ врачу, къ учителю, къ земскому агроному,—однимъ словомъ, ко всему тому, въ пользѣ чего, при нормальномъ ходѣ вещей, крестьянинъ могъ воочію убѣдиться. Но и это не способствовало къ сближенію народа съ интеллигенціей, къ установленію взаимнаго довѣрія и пониманія, къ уничтоженію между ними той пропасти, которая въ острые моменты народной жизни способна создавать трагическіе конфликты. Въ общемъ, вполнѣ довѣряя врачу, учителю, агроному, крестьянинъ довѣряетъ каждому изъ нихъ, только какъ спеціалисту, и между духовнымъ міромъ деревенскаго интеллигента и деревенскаго обывателя - земледѣльца связи не установилось. А потому появленіе въ деревнѣ интеллигента безъ профессіи возможно лишь въ качествѣ кратковременнаго пребыванія дачника, который закупаетъ продукты и боится заразы, гнѣздящейся въ грязной одеждѣ мужика... Всякое иное поведеніе въ деревнѣ непрофессіональнаго интеллигента возбуждаетъ „превратныя“ толкованія и грозитъ доставить ему серьезныя непріятности. Несомнѣнно, послѣднее, то есть „непріятности“ проистекаютъ не столько изъ опасливой подозрительности самого крестьянства, сколько изъ строжайшихъ предписаній грознаго полицейскаго начальства—своевременно и безотлагательно обо всемъ подозрительномъ доносить. До какихъ предѣловъ доходитъ

---

*) Статьи Скальковскаго, Захарьина-Якунина, Плещеева (сына), а особенно В. С. Соловьева, сообщившаго мнѣніе о дѣлѣ его отца, знаменитаго историка С. М. Соловьева.

практика въ этомъ отношеніи, могутъ свидѣтельствовать, напримѣръ, два слѣдующихъ факта. Послѣ аграрныхъ безпорядковъ въ Полтавской губерніи, весною 1902 года, земскіе начальники Черниговской губерніи получили отъ черниговскаго губернатора циркуляръ собрать крестьянскіе сходы и сдѣлать соотвѣтствующія наставленія. Результатомъ этихъ наставленій (помимо безконечныхъ разговоровъ о полтавскихъ событіяхъ, ставшихъ въ большинствѣ случаевъ извѣстными только изъ этихъ наставленій) въ Черниговскомъ же уѣздѣ, въ короткое время, произошло два характерныхъ инцидента. Въ одномъ селѣ урядникъ доставилъ въ волость акцизнаго контролера „для установленія личности". Въ другомъ случаѣ крестьяне пристали съ требованіемъ „бумаги" къ полковнику генеральнаго штаба, дѣлавшему какія-то съемки. Полковникъ сначала принялъ грозный тонъ, но, когда это не помогло, думалъ отдѣлаться отъ усердія послушныхъ наставленіямъ начальства крестьянъ заявленіемъ: „я командированъ по высочайшему повелѣнію!" Но, увы! эффектъ этого заявленія оказался совсѣмъ неожиданнымъ: „Отъ такихъ намъ саме и треба!" — отвѣтили крестьяне и предложили полковнику отправиться съ ними къ начальству. И полковнику пришлось, прекративъ работы, отправиться за десятокъ верстъ къ земскому начальнику... Нельзя удивляться бдительности крестьянъ въ отношеніи къ лицамъ, кажущимся имъ подозрительными, если помнить, что надъ ними тяготѣетъ всевластное полицейское усмотрѣніе. Я знаю случай, имѣвшій мѣсто въ послѣдніе годы въ томъ же Черниговскомъ уѣздѣ, когда сельскія должностныя лица были вызваны за три десятка верстъ въ г. Черниговъ и на нѣсколько дней арестованы при полиціи за то, что не извѣстили немедленно становаго пристава о прибытіи въ село отданнаго подъ гласный надзоръ полиціи извѣстнаго земскаго дѣятеля...

Полицейская опека, тяготѣющая надъ деревней и тормазящая ея нормальное развитіе, можетъ объяснять намъ очень многое въ современномъ положеніи деревни. Полицейскими мѣрами прекращена почти всякая возможность общенія интеллигенціи съ народомъ, это общеніе невозможно даже для интеллигенціи, живущей и работающей среди народа, ибо врачъ можетъ только лѣчить, учитель только учить и т. д. Выходя изъ предѣловъ своей спеціальности, каждый спеціалистъ неизбѣжно встрѣтитъ полицейскую подозрительность, при невниманіи къ которой ему такъ легко стать „политически неблагонадежнымъ".

Не трудно, однако, понять, что самый успѣхъ полицейской опеки, мѣшающей сближенію крестьянства съ интеллигенціей, въ значительной мѣрѣ основанъ на томъ глубокомъ недовѣріи, съ какимъ относится крестьянинъ ко всякому интеллигенту. Не только подъ гнетомъ полицейскаго приказа крестьянинъ охотно представляетъ по начальству подозрительнаго, но и потому, что

онъ самъ органически „подозрѣваетъ". Неотложной задачей для интеллигенціи, мечтающей о работѣ среди народа, является задача побѣдить это недовѣріе, уничтожить ту пропасть, которая лежитъ между нею и народомъ. Неотложность этой задачи сознана уже давно. Стремленіе сблизиться съ народомъ сказалось съ необычайной силой и породило въ свое время знаменитое „хожденіе въ народъ". Этотъ романъ интеллигенціи съ народомъ закончился, однако, грустнымъ эпилогомъ. Насталъ періодъ разочарованія... Этотъ періодъ, однако, уже пережитъ, и старая потребность къ сліянію съ народомъ теперь возродилась съ новою силою. Мы живемъ наканунѣ новаго движенія „въ народъ", и вопросъ о формахъ, въ которыхъ наиболѣе успѣшно могло бы произойти сближеніе между мыслью и жизнью, пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе.

По этому поводу мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ читателями нѣкоторыми своими впечатлѣніями, въ качествѣ земскаго гласнаго, а именно, сказать нѣсколько словъ объ отношеніи крестьянъ къ вопросамъ, особенно сильно волнующимъ въ настоящее время русскую интеллигенцію.

Очередное земское собраніе происходило въ нашемъ уѣздѣ въ срединѣ сентября, подъ знакомъ только что обѣщаннаго обществу новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ довѣрія. Долго въ частныхъ совѣщаніяхъ отдѣльныхъ гласныхъ обсуждался вопросъ о томъ, какъ должно отозваться земство на злобу дня. Высказать свое мнѣніе о положеніи вещей стало всѣми сознанною потребностью и велѣніемъ долга. Послѣ продолжительнаго предварительнаго обмѣна мнѣній выяснилось, что въ полной мѣрѣ откровенное выраженіе всѣхъ мыслей относительно неотложныхъ задачъ государственнаго строительства не осуществимо. Рѣшено было ограничиться указаніемъ на тѣ стѣсненія общественной самодѣятельности, которыя препятствуютъ необходимому подъему духа населенія и вообще тормазятъ прогрессивное развитіе страны. При выработкѣ принятой затѣмъ земскимъ собраніемъ резолюціи подробно обсуждалось высказанное нѣкоторыми гласными опасеніе, какъ бы не было произведено надъ гласными отъ крестьянъ нравственнаго насилія при голосованіи резолюціи и подписи затѣмъ журнала засѣданія. Я имѣлъ потомъ возможность убѣдиться, что гласные отъ крестьянъ,—по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ,—вполнѣ оріентировались въ значеніи принятой земскимъ собраніемъ резолюціи и вотировали за нее вполнѣ сознательно. Солидарность, образовавшаяся уже между группой гласныхъ отъ дворянъ и разночинцевъ, съ одной стороны, и представителями отъ крестьянъ—съ другой, по вопросамъ общественно-хозяйственнымъ, на моихъ глазахъ перешла въ солидарность общественно-политическую. Преувеличивать послѣднюю я, конечно, н

склоненъ. Но послѣдующія впечатлѣнія убѣдили меня въ существованіи въ этомъ отношеніи великихъ возможностей: соприкоснувшись съ землею, интеллигенція, несомнѣнно, пріобрѣла бы могущество Антея. А „соприкоснуться" возможно... Въ началѣ марта на чрезвычайномъ земскомъ собраніи мнѣ пришлось ближе познакомиться съ нѣкоторыми гласными отъ крестьянъ, при чемъ шагъ къ знакомству былъ сдѣланъ съ ихъ стороны. Одинъ изъ гласныхъ отъ крестьянъ передалъ намъ—небольшой группѣ гласныхъ—свое личное письмо къ предсѣдателю комитета министровъ С. Ю. Витте, озаглавленное „Голосъ крестьянина", и просилъ высказать наше мнѣніе о содержаніи его. Письмо, обращенное къ „благодѣятелю всей Россіи", говорило о невозможности разрѣшить крестьянскій вопросъ, не выслушавъ голоса крестьянства о его настоящихъ нуждахъ. Всѣ комитеты, въ томъ числѣ и уѣздные комитеты особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, не могли услышать, по мнѣнію автора письма, доподлиннаго крестьянскаго голоса. А выслушать этотъ голосъ необходимо. Иначе всѣ реформы по крестьянскому вопросу ни къ чему не приведутъ и не улучшатъ крестьянскаго быта. Еще болѣе интересна была просьба — разъяснить смыслъ современнаго общественнаго движенія. Крестьяне, по словамъ моихъ собесѣдниковъ, живо заинтересованы общественнымъ возбужденіемъ, о которомъ знаютъ изъ газетъ, нынѣ проникшихъ въ самые глухіе уголки. Каждый день, по много разъ, въ деревнѣ приходится слышать задаваемый вопросъ: „чего—се паны хочуть"? Оказалось, что приблизительно вѣрное объясненіе общественнаго движенія уже не чуждо современной деревнѣ, но... деревня всетаки недовѣрчиво относится какъ къ самому движенію, такъ и къ объясненію его. Съ толку сбиваютъ деревню и широкая провокаторская дѣятельность реакціонныхъ элементовъ, сказывающаяся, между прочимъ, въ статьяхъ реакціонной печати, перепечатываемыхъ въ изобиліи въ „Епархіальныхъ Извѣстіяхъ" и въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ", а иногда оглашаемыхъ даже съ церковной каѳедры. Съ наибольшимъ интересомъ отнеслись мои собесѣдники къ вопросу о сословныхъ привилегіяхъ, прямо задавая вопросъ: будетъ ли крестьянинъ равноправенъ дворянину? Приходилось говорить о современныхъ общественныхъ программахъ, о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи, о недавно оглашенной въ печати аграрной программѣ земскихъ круговъ, о гарантіяхъ личной неприкосновенности, свободѣ личности, слова, печати, собраній, совѣсти и т. д. Отмѣчаю, что моихъ собесѣдниковъ, а по ихъ словамъ и крестьянъ вообще интересовали больше всего вопросы о правахъ. „Были бы у всѣхъ права—все бы какъ-нибудь устроилось". При этомъ вполнѣ откровенно указывалось, что крестьяне, en masse, не вѣрятъ въ возможность того, чтобы паны отказались отъ своихъ правъ и со-

гласились на равноправіе. „Ну какъ же дворянство согласится на такую великую жертву? Вѣдь это мы понимаемъ, что жертва тутъ великая".—„Только бы крестьяне повѣрили тому, что вы говорите—всѣ были бы на сторонѣ теперешняго движенія. А повѣрить имъ трудно!.."—„Вотъ если бы въ земскомъ собраніи вопросъ о равноправіи поднять, крестьяне бы увидѣли, что не одни тутъ разговоры"... При этомъ вспоминали резолюцію сентябрьскаго очередного земскаго собранія, говоря, что „надо бы постановить еще шире и понятнѣе для каждаго" *). Разговаривая о довѣріи и недовѣріи, я задалъ своимъ собесѣдникамъ вопросъ, почему же они довѣряютъ мнѣ? „Ну васъ мы знаемъ, слышимъ на собраніи, что вы говорите, за что стоите"...

Да, если бы народъ могъ услышать, что говоритъ, за что стоитъ демократическая интеллигенція! Дѣло было бы сдѣлано... Для современной прогрессивной мысли всеобщая, равная, прямая и тайная подача голосовъ является требованіемъ прочно и безспорно установленнымъ. И только тѣ, кто усвоилъ это требованіе теоретически, внѣ связи съ біеніемъ пульса живой жизни, изъ „практическихъ" соображеній обнаруживаютъ склонность пойти на временный компромиссъ для „перваго случая". О томъ, какъ примутъ этотъ компромиссъ въ рабочихъ кругахъ, обнаружившихъ столь неожиданную для многихъ стойкость и политическую сознательность, распространяться не приходится. Изъ только что разсказаннаго видно, что и въ широкихъ массахъ крестьянства „компромиссъ" еще болѣе укрѣпитъ доселѣ и безъ того достаточно крѣпкое недовѣріе народа къ „командующимъ" классамъ. Нужно по достоинству цѣнить готовность на компромиссъ и „практичность", обнаруживаемую этою готовностью. Вѣдь если осуществится одинъ изъ такихъ „компромиссовъ", то не значитъ ли это, что государственные вопросы будутъ рѣшаться

*) Любопытенъ слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ ту же экстренную сессію. Когда выяснилось, что земское собраніе, какъ чрезвычайное, лишено возможности отозваться на предоставленное всѣмъ, высочайшимъ указомъ 18 февраля, право представить свои виды на улучшеніе государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія, ибо этотъ вопросъ не былъ внесенъ въ программу, я собралъ около десятка подписей гласныхъ подъ заявленіемъ о необходимости испросить по телеграфу разрѣшеніе у администраціи на обсужденіе вопросовъ, вытекающихъ изъ указа 18-го февраля. Въ виду спѣшности, съ заявленіемъ были ознакомлены далеко не всѣ гласные. Заявленіе было прочитано мною, и г. предсѣдатель собранія объявилъ, что, удовлетворяя желаніе гласныхъ, подписавшихъ заявленіе, онъ возбудитъ, по телеграфу, соотвѣтствующее ходатайство. На раздавшіеся голоса, что слѣдуетъ сдѣлать постановленіе собранія о такомъ ходатайствѣ, г. предсѣдатель собранія отвѣтилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ допустить подобное постановленіе и даже пренія по вопросу. Послѣ этого одинъ изъ гласныхъ отъ крестьянъ обратился ко мнѣ съ просьбой дать ему текстъ заявленія. Когда я исполнилъ его просьбу, онъ вскорѣ возвратилъ мнѣ текстъ заявленія съ подписями всѣхъ гласныхъ отъ крестьянъ.

такъ, что масса этого не увидитъ и не услышитъ? Не значитъ ли это, что между общественными дѣятелями и народомъ останется прежняя стѣна недовѣрія и отчужденія, которую необходимо во что бы то ни стало разрушить.

Говорятъ: лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ. Но вѣдь вопросъ о томъ, какую птицу мы въ концѣ концовъ получимъ, зависитъ отъ силы общественнаго мнѣнія и общественной солидарности, предъ которою только и сдастся твердыня бюрократическаго всевластія. „Компромиссы“ же эту силу могутъ только ослаблять... **Мих. Могилянскій.**

Патріотическая эквилибристика. Будущій историкъ нашихъ дней, вѣроятно, съ особенной горечью и негодованіемъ остановится на дѣятельности лже-патріотической прессы, которая одна, въ сущности, и пользуется сейчасъ въ Россіи настоящей, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемой, свободой. Особенно любопытно и поучительно то, что писалось въ этой прессѣ объ эскадрѣ Рожественскаго до и послѣ ея ужасной гибели...

Передъ самымъ боемъ, на страницахъ „Моск. Вѣдомостей“, „Свѣта“, „Новаго Времени“ и иныхъ бюрократическихъ рептилій торжественно доказывалась на всѣ лады „грозная мощь“ русской эскадры, и всѣ благоразумные голоса, робко заговаривавшіе о превосходствѣ японскаго флота и о серьезной опасности, угрожавшей Рожественскому, объявлялись голосами измѣнниковъ-либераловъ. Была даже агентская телеграмма, говорившая о рѣшеніи нашего адмирала—въ первый же моментъ сраженія со всѣхъ судовъ направить огонь въ флагманскій корабль японцевъ, что, неминуемо, повлечетъ, молъ, смерть адмирала Того, разстройство всѣхъ его хитроумныхъ плановъ и, въ результатѣ, пораженіе врага... Больше всего озабочивала и страшила нашихъ патріотовъ-стратеговъ возможность уклоненія Того отъ грозной битвы, „но—вѣщала другая агентская телеграмма — Рожественскій сумѣетъ заставить его принять бой“...

Словомъ, газетные вояки самымъ внушительнымъ образомъ бряцали все время оружіемъ, видя въ одномъ Рожественскомъ залогъ спасенія Россіи. Кое-гдѣ заранѣе уже учитывалось значеніе его будущей (несомнѣнной) побѣды для борьбы съ „внутренними японцами“...

„Собственный“ лондонскій корреспондентъ „Нов. Вр.“ еще 16-го мая, когда по Лондону уже циркулировали зловѣщіе слухи о гибели русской эскадры, телеграфировалъ: „Утреннія газеты содержатъ передовыя статьи, полныя хвалы рѣшимости и энергіи Рожественскаго, и высчитываютъ его шансы благопріятными“; а ровно черезъ два дня тотъ же корреспондентъ, нимало не краснѣя, пишетъ о „рѣшеніи судьбы, *почти всѣми здѣсь давно* предвидѣнномъ“...

Какую же позицію заняли наши рептиліи послѣ разгрома Рожественскаго? Нельзя лучше и вѣрнѣе опредѣлить ее, какъ словами: безпардонно-нахальная развязность...

„Мы всѣ ждали *чуда*,—заявило тотчасъ же „Нов. Время“,—такъ страстно его желали, что многіе закрывали глаза на то, что дѣлало наши шансы шаткими, получали какую-то увѣренность, что чудо это непремѣнно совершится, что иначе быть не можетъ. Подъ это страстное желаніе старательно подгоняли и цифровые подсчеты: только этимъ и можно объяснить себѣ безконечныя варіаціи различныхъ доказательствъ, что эскадра адмирала Рожественскаго сильнѣе японскаго флота. Подсчитывали количество судовъ, ихъ водоизмѣщенія, число пушекъ, сравнивали несравнимое—и утѣшались. И вотъ чудо не совершилось, суровая дѣйствительность самымъ безпощаднымъ образомъ разбила всѣ эти разсчеты, и какими жалкими они теперь кажутся!“

„Вмѣстѣ со множествомъ людей,—подтвердилъ самъ г. Суворинъ,—я не столько вѣрилъ въ нашъ успѣхъ, сколько желалъ въ него вѣрить“. Откровенность дошла, мало по малу, до болтливости, и отъ нѣкоторыхъ признаній „Новаго Времени“ у читателя положительно волосы становились дыбомъ... Нѣкій г. А. В. сообщилъ, напр., что, прощаясь съ однимъ изъ адмираловъ флота Рожественскаго, онъ пожелалъ ему побѣды, а тотъ многозначительно будто бы отвѣтилъ, что современное боевое судно, съ его сложными механизмами, хорошо только въ рукахъ опытныхъ и хорошо обученныхъ людей, и добавилъ съ грустью: „хоть бы умереть со славою!“ Еще дальше пошелъ въ откровенности маститый шефъ газеты. Оказывается, въ прошломъ году онъ осматривалъ готовившійся къ походу, блестящій и могучій на видъ, броненосецъ „Александръ III“, и командиръ послѣдняго, нынѣ погибшій въ цусимскомъ бою Буквостовъ, произнесъ при этомъ случаѣ, въ присутствіи гостя и подчиненныхъ офицеровъ, горячую негодующую рѣчь, въ которой ясно и непреложно доказывалъ, что русскіе въ предстоящемъ бою съ японцами побѣдить не могутъ, а должны быть разбиты...

Начали сообщаться свѣдѣнія и о томъ, что самъ Рожественскій, отправляясь въ Корейскій проливъ, мало вѣрилъ въ возможность побѣды... И русскіе „патріоты“ знали все это, знали—и молчали! Нѣтъ, несравненно хуже: не молчали, а гремѣли въ литавры, предсказывали побѣду и—кто знаетъ?—быть можетъ, своими прорицаніями толкали злополучную эскадру или тѣхъ, кто ею распоряжался, на самоувѣренныя дѣйствія... Но вѣдь они ждали *чуда*!

Что же это такое?.. Мы возвращаемся, стало быть, къ временамъ сѣдой древности, когда важныя государственныя дѣла предпринимались на основаніи чудесныхъ знаменій и вѣщихъ сновъ? Армада кораблей, стоющая нѣсколько сотъ милліоновъ рублей кровныхъ народныхъ денегъ, съ десяткомъ или болѣе тысячъ цвѣтущихъ молодыхъ жизней, была послана на завѣдомую

(для науки и здраваго смысла) гибель, въ единственномъ разсчетѣ на Божью помощь, на чье то прорицаніе или благословеніе?! И посылаемые тоже знали это, знали — и покорно шли, какъ агнцы на закланіе... Но вѣдь это же—ужасъ, „безуміе и ужасъ“!..

... Человѣка человѣкъ ..
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ —
И тотъ послушно въ путь потекъ...

„Потекъ“—и утонулъ въ Корейскомъ проливѣ...

Однако, развязность „патріотической“ прессы здѣсь еще только начинается, геркулесовы столбы—дальше... Съ удивительнымъ единодушіемъ органы этого типа поспѣшили объявить, что ничего, въ сущности, ужаснаго, непоправимаго не произошло... „Погромъ въ Корейскомъ проливѣ,—заявило „Нов. Время“,—неизмѣримо важнѣе для Японіи, которой флотъ Рожественскаго грозилъ смертельной опасностью, нежели для Россіи, которая съ потерей флота пострадала лишь на Дальнемъ Востокѣ, *а не вообще*“... Это „не вообще“ просто великолѣпно! Великолѣпно и дальнѣйшее наивничанье. Случилось, видите ли, простое несчастіе... „Черный годъ“ переживаетъ Россія—вотъ и все... Повернется капризное колесо фортуны—и придетъ „свѣтлый годъ“.

„Пусть говорятъ, что это ударъ судьбы—Немезида, мстящая, безжалостная и роковая, что у насъ все, молъ, оказалось гнилью, и что эта гниль не что иное, какъ порожденіе существующаго порядка. Но, въ такомъ случаѣ (?), вся Россія (?)—гниль, такъ какъ вся она существовала при такомъ же порядкѣ, расширялась, колонизировала, побѣждала“... „Создавала прекрасную литературу, въ которой всегда горѣла виѳлеемская звѣзда гуманныхъ и просвѣтительныхъ идей“... „Стало быть, всетаки Россія не гниль“... „Откуда же эти пораженія?..“

(„Мал. письма“, 18 мая).

Отлично знаетъ, разумѣется, г. Суворинъ, что никто и никогда не называлъ „всей“ Россіи гнилью, не утверждалъ, что „прекрасная“ русская литература несетъ какой-либо отвѣтъ за дальне восточную авантюру, но именно изъ этихъ-то маленькихъ лженаивностей, облеченныхъ въ красивыя фразы, и сплетается обыкновенно искусный нововременскій узоръ...

Итакъ, случилось простое несчастіе—и выводъ отсюда ясенъ: „Россія имѣетъ еще всѣ средства доказать, что она сильна“... „Новому Времени“ стали подвывать остальные шакалы патріотической прессы. Виссаріонъ Комаровъ, съ чисто-спартанской лаконичностью и хладнокровіемъ, объявилъ въ „Свѣтѣ“, какъ только получилась страшная вѣсть о Цусимской катастрофѣ: „Нѣтъ флота—будемъ воевать безъ флота. Мы потерпѣли неудачу на морѣ, но суша—наша родная стихія. При теперешнихъ обстоятельствахъ заключить миръ было бы преступленіемъ“. „Москов.

Вѣдомости“, превзойдя въ стоицизмѣ самого Катона, высказали, по обыкновенію, вполнѣ оригинальное мнѣніе. И теперь, послѣ потери флота, побѣдить японцевъ—сущіе пустяки! Стоитъ только „прекратить дѣйствіе гражданскихъ законовъ (inter arma silent leges) и вручить всю государственную власть диктатору съ неограниченными правами до тѣхъ поръ, пока врагъ (?) будетъ разбитъ и государство снова возвратится къ мирной жизни и обычному законному порядку“.

Такая простота и грубость рецепта сконфузила, правда, даже эскулаповъ „Новаго Времени“. Въ концѣ концовъ, они хотятъ, быть можетъ, того же самаго, но предпочитаютъ идти къ цѣли болѣе культурными и путанными путями... Подобно „Свѣту“ и „Моск. Вѣдомостямъ“, „Новое Время“, конечно, прежде и больше всего жаждетъ продолженія войны, войны во что бы то ни стало, войны „до конца“ (!), но... оно не прочь отъ того, чтобы война эта была одобрена представителями народа. Г. Суворинъ пришелъ, наконецъ, къ заключенію, что земскій соборъ—единственное спасеніе Россіи въ настоящее время. Больше того: оказывается, еще полгода назадъ, сейчасъ послѣ паденія Портъ-Артура, онъ уже писалъ о земскомъ соборѣ... Положимъ, г. Суворинъ-фисъ (въ „Руси“) почтительно напомнилъ папашѣ, что память ему, очевидно, измѣняетъ, что полгода назадъ онъ, наоборотъ, утверждалъ, что съ земскимъ соборомъ можно повременить до окончанія войны... Но ничуть не смущенный этимъ безтактнымъ напоминаніемъ, г. Суворинъ-перъ отвѣтилъ съ обворожительной улыбкой, что тутъ вышло маленькое недоразумѣніе: онъ, дѣйствительно, требовалъ созыва собора на осень, но не пророкъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ! Не могъ же онъ предполагать, что русское оружіе будутъ преслѣдовать до тѣхъ поръ однѣ неудачи: напротивъ, онъ полагалъ, онъ надѣялся, онъ „вѣрилъ“, что мы побѣдимъ, и къ осени будетъ уже заключенъ миръ. Во всякомъ случаѣ, почтенный старецъ продолжаетъ утверждать и готовъ поклясться Розановымъ, Энгельгардтомъ, Меньшиковымъ и Буренинымъ, что идея земскаго собора—*его*, а не кого-либо другого, идея...

Въ чемъ же, однако, разгадка этого неожиданнаго поворота нововременскаго флюгера въ сторону „народнаго представительства? Она очень проста. Даже г. Суворинъ увѣрился, наконецъ, что нынѣшняя война совершенно непопулярна въ Россіи, и что продолжать ее безъ воли народа—немыслимо. А продолжать, между тѣмъ, нужно, продолжать *до конца, до послѣдняго издыханія*—если не самого г. Суворина съ присными, то... всей Россіи! Ибо „не хотятъ они униженія родины, не хотятъ національнаго стыда, не хотятъ контрибуціи!“ Раньше, до войны, когда у „Нов. Времени“ велика была вѣра въ мощь русскаго кулака, оно не видѣло позора и униженія родины въ томъ, что безсовѣстные и своеко-

рыстные проходимцы, съ Безобразовыми, Балашовыми и имъ подобными во главѣ, вовлекали ее въ опасную артуро-манчжурскую авантюру; ни разу не возвысило оно тогда голоса, чтобы сказать, что авантюра эта, поглощая ежегодно десятки милліоновъ трудовыхъ народныхъ рублей, грозитъ, быть можетъ, на вѣчныя времена стать піявкой на шеѣ русскаго народа; но за то теперь, когда всесильный кулакъ измѣнилъ, въ трусливыхъ и продажныхъ писакахъ заговорила неожиданно жалость къ народнымъ страданіямъ, и они льютъ крокодиловы слезы:

„Злые коршуны терзаютъ Русь и пьютъ ея горячую кровь... Врагъ торжествуетъ и готовъ затоптать ногами русскій народъ, плюнуть ему въ лицо, снять съ него одежду и раздѣлить ее между собою. Онъ насыпалъ холмы надъ павшими въ бою, онъ обагрилъ русской кровью волны океана, онъ усѣялъ дно его нашими кораблями. И это все ничего? Все это намъ, какъ съ гуся вода?"

Правда, послѣ каждаго большого и малаго пораженія „Новое Время" краснорѣчиво и убѣдительно доказывало намъ, что японцевъ погибло втрое или вчетверо больше, чѣмъ русскихъ (а въ Портъ-Артурѣ даже въ десять разъ больше), и что именно надъ своими павшими насыпали они холмы на поляхъ Манчжуріи; правда, что именно „Новое Время" собиралось „снять одежду" съ Японіи, грозясь раззорить, опустошить и обезсилить ее, „по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ". Но вѣдь одно дѣло—врагъ, другое—я самъ! Хорошо, когда я украду чужую жену, но совсѣмъ нехорошо, когда ее у меня украдутъ! Японцы, кромѣ того, народъ языческій, и сдѣлать вселенскую смазь нехристю—одно удовольствіе... И вдругъ этотъ самый желтолицый макакъ скажетъ: „позвольте получить, что слѣдуетъ, за протори и убытки войны, на которую вы меня вынудили и которая оказалась для васъ неблагополучной"... „Новому Времени" рисуется въ этомъ направленіи поистинѣ страшная картина: „И мы будемъ платить, и наши дѣти, и наши внуки, и *наши правнуки*"... Въ то время, какъ французы 70-хъ годовъ выплатили нѣмцамъ пять милліардовъ своей контрибуціи въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ, мы, по грозному пророчеству г. Суворина, еще и въ третьемъ, и въ четвертомъ поколѣніи будемъ пребывать неоплатными должниками японцевъ!

Въ дѣйствительности, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ нововременскіе Цицероны: о контрибуціи, и тѣмъ болѣе объ ея размѣрахъ, японцы еще и не заикались. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что бѣдствія мира были бы для Россіи несравненно легче, если бы она заключила его до паденія Портъ-Артура, или даже позже — до Мукдена, до Цусимы. Но г. Суворинъ и ему подобные патріоты требовали все время продолженія войны, войны во что бы то ни стало: они „на-

дѣялись", они „вѣрили", что „счастье" повернется, наконецъ, къ русскому оружію, они ждали „чуда"!.. Они, — эти архивозвышенные и самоотверженные патріоты Эртелева переулка, эти архичестные, незапятнанные общественные дѣятели, — больше всего на свѣтѣ ужасались и ужасаются „позора" родины, „униженія" арміи. Какъ могутъ они допустить, чтобы Россія (Рос-сі-я!) первая запросила мира, „стала на колѣни передъ врагомъ, ударилась головой объ полъ (?)", чтобы всегда (?) побѣдоносная русская армія вернулась домой „въ позорѣ и въ слезахъ"! Какъ могутъ они стерпѣть, чтобы изъ ранга первостепенныхъ военныхъ державъ, завидная привилегія которыхъ — самоувѣренно бряцать оружіемъ (на парадахъ) и наводить трепетъ на окрестные народы, Россія низошла на степень державы скромной, принужденной безмолвствовать за границей и заниматься лишь своими внутренними дѣлами! Вамъ, господа сторонники мира, мало этого позора? Тогда вкусите еще позоръ бѣлой расы, уступившей могущество желтой! За всю Европу, за все бѣлое человѣчество стыдно гг. Суворину, Нотовичу и Комарову... Послѣдній, между прочимъ, ужасно негодуетъ на русскую дипломатію: какъ, молъ, это она до сихъ поръ не сумѣла раскрыть глаза слѣпой, легкомысленной Европѣ, доказать ей, что въ собственныхъ ея интересахъ — оказывать помощь русскимъ противъ японцевъ? Англо-японскій союзъ, поголовное сочувствіе нѣмцевъ и американцевъ „странѣ Восходящаго Солнца"... да вѣдь это же простое недоразумѣніе, разсѣять которое ровно ничего не стоитъ!

„Конечно, японцы не остановятся,—пугаетъ „Нов. Вр." Европу:—Во всей Азіи раздастся теперь торжествующая побѣдная пѣснь... И она обратится въ побѣдное движеніе желтыхъ народовъ, которое разольется отъ Токіо черезъ всю Монголію и отъ Байкала до Бенгальскаго моря, уничтожая на своемъ пути, подобно огромной лавинѣ, все пріобрѣтенное и насажденное культурой бѣлыхъ народовъ".

„Увы! не видятъ и не слышатъ" несчастные европейцы, продолжающіе почему-то думать, что современная желтолицая Японія является носительницей и насадительницей „культуры бѣлыхъ народовъ", тогда какъ бѣлолицая Россія...

И логикой, и чувствомъ, и слезами, и величавыми позами пытается подѣйствовать г. Суворинъ... Величавыми позами даже теперь, послѣ цусимскаго пораженія!

„Кровопролитная война на Дальнемъ Востокѣ за честь и достоинство Россіи и за господство на водахъ Тихаго океана, столь существенно необходимое для упроченія въ долготу вѣковъ преуспѣянія не только нашего, но и иныхъ христіанскихъ народовъ" — такъ говорилъ о войнѣ манифестъ 18 февраля, и русскій народъ не забылъ царскихъ словъ. Съ тѣхъ поръ не случилось ничего такого, что могло бы упрочить нашу честь и достоинство на водахъ Тихаго океана: скорѣе, наоборотъ. *Слѣдовательно*, миръ въ данный

моментъ столь же невозможенъ, какъ и три мѣсяца назадъ, въ моментъ изданія манифеста.

Слѣдовательно, не смотря на утрату флота, необходимо добиваться „господства на водахъ“. Не смотря на отсутствіе крыльевъ— летѣть на луну, лбомъ прошибать каменную стѣну! Что это, какъ не горделивое помѣшательство, не болѣзнь, не судороги отчаянія? . Въ концѣ концовъ, „Новое Время“ даетъ нашему правительству мудрый совѣтъ: терпя пораженія отъ маленькой Японіи, затѣять войну еще и съ Англіей.

„Погибнуть, но, по крайней мѣрѣ, въ борьбѣ съ владычицей морей, а не со скороспѣлой азіатской Японіей! Мы бы тогда заставили ее дѣлать то, что ей непріятно, т. е. воевать собственными руками и вызвали бы вооруженное вмѣшательство *нѣкоторыхъ другихъ* державъ и тѣмъ заставили бы Европу понять, что война наша съ Японіей есть общее дѣло, и какъ они ни поднимай хвостъ (!), какъ ни ласкайся къ японцамъ, желтая раса скоро примется и за нихъ“.

Готовность разлить міровой военный пожаръ, погубить всю Россію, лишь бы спасти любезную сердцу бюрократію,—что это, какъ не растерянный аллюръ бѣшенаго волка, бѣгущаго съ налитыми кровью глазами впередъ и не знающаго, куда бѣжать и гдѣ остановиться?..

Впрочемъ, мы сказали уже, что и для „Нов. Врем.“ стало, наконецъ, ясно, что вести дальше войну безъ воли народа—невозможно. Значитъ, разъ война необходима (а что она необходима— это мы видѣли выше), надо искусственно поднять въ народѣ патріотизмъ, „чтобы за правительствомъ, за дипломатіей стала вся Россія, какъ поддержка, на которую можно опереться съ полнымъ довѣріемъ“. „Надо вызвать заглохшее патріотическое чувство, разумное, одушевленное, дѣльное. Надо вызвать не одного Минина и Пожарскаго... Надо вызвать цѣлый сонмъ людей, за которыми стояли бы города и села и чувствовали бы связь со своими избранниками. А другого средства поднять, воскресить это патріотическое чувство, кромѣ земскаго собора, нѣтъ, и нельзя его найти“.

Однако... что, если земскій соборъ выскажется за миръ?! Конечно, для гг. Сувориныхъ и Комаровыхъ это было бы смертельнымъ ударомъ, но... вѣдь подобные имъ живутъ надеждой, вѣрой, чудесами и снами.

„Мы твердо и непоколебимо держимся того убѣжденія,—говоритъ „Нов. Время“, — что русскій народъ, въ случаѣ, если ему предоставлена будетъ возможность свободно высказать свое рѣшеніе, энергично отвергнетъ всякую мысль объ унизительныхъ для Россіи уступкахъ“. „Вѣря въ чуткость русскаго народа, мы хранимъ убѣжденіе, что созывъ народныхъ представителей, облеченныхъ правомъ и тяжко-отвѣтственной обязанностью рѣшить вопросъ о войнѣ и мирѣ, положилъ бы конецъ всѣмъ теперешнимъ сомнѣніямъ и

создалъ бы новый, невиданный, безпредѣльный взрывъ народнаго патріотизма".

Такъ. Ну, а всетаки, если?.. Конечно, одинъ добрый „мужичокъ" пишетъ на страницахъ „Новаго Времени": „Я вѣрю, что мы побѣдимъ кичливаго врага, если захотимъ этого добиться (раньше не хотѣли!)"; но вѣдь сообщаютъ же въ другихъ газетахъ, будто „союзъ русскихъ людей" затѣялъ недавно опросъ москвичей насчетъ войны и мира, и изъ нѣсколькихъ сотенъ опрошенныхъ только два или три голоса высказались, будто бы, за продолженіе войны...

Подумавъ немного, г. Суворинъ всетаки героически рѣшаетъ, что сомнѣнія эти ни въ коемъ случаѣ не основательны. Вѣдь соборъ собору рознь, и тотъ земскій соборъ, который онъ, Суворинъ, предлагаетъ, будетъ *„немедленный и безотлагательный"*, созванный при всѣхъ прелестяхъ существующаго режима, безъ всякихъ тамъ свободъ предварительной агитаціи и иныхъ заморскихъ выдумокъ... А если разные „буйственные реформаторы" вздумаютъ возопить насчетъ подвоха и обмана, то развѣ нѣтъ въ Россіи почтеннаго профессора Кузьмина-Караваева, тоже правда, либеральнаго, но отнюдь не буйственнаго, а скромнаго и умѣреннаго, который сразу успокоитъ своихъ нетерпѣливыхъ коллегъ, обратившись къ ихъ уму и сердцу. Именно, онъ скажетъ имъ словами г. Суворина: „Вопросъ о выборахъ теперь совсѣмъ не такъ важенъ, какъ можетъ казаться. Нѣтъ той системы ихъ, которая не имѣла бы очень крупныхъ недостатковъ, съ которыми европейскія правительства и представительства борются многими десятками лѣтъ. Все равно идеальной системы не создастъ никакая коммиссія, сколько она ни собирайся и ни совѣщайся („Новое Время" 19 мая)!" *).

Итакъ, да здравствуетъ земскій соборъ, немедленный, безотлагательный, но—непремѣнное условіе!—патріотическій!

На этомъ пунктѣ и основался пока лейбъ-органъ нашей патріотической клики: требуетъ земскаго собора и честитъ на всѣ корки Рузвельта и другихъ „доброжелателей" и „друзей человѣчества", пытающихся „навязать" Россіи миръ, въ которомъ она ни въ малой степени не нуждается.

Поживемъ—услышимъ, что запоетъ онъ завтра...

Эль-Эмъ.

---

*) Проф. Кузьминъ-Караваевъ, какъ извѣстно, повторилъ эту золотую мысль г. Суворина въ „Руси" отъ 9 іюня, въ статьѣ „Народные представители".

Изъ Англіи.

„To grant representative institutions without responsible government is like lighting a fire in a room the chimney of which is stopped up."

Dibbon Wakefield.

(Дать представительныя учрежденія безъ отвѣтственнаго правительства—все равно, что зажечь огонь въъ комнатѣ, гдѣ труба отъ камина закупорена).

I.

Въ Англіи дано много теоретическихъ обоснованій представительнаго правленія. Изъ всѣхъ такихъ теорій наиболѣе жизненна и чаще всего повторяется та, которая сильнѣе всего критиковалась такими выдающимися ораторами, какъ Боркъ, и такими крупными писателями, какъ Галланъ и Милль. По всей вѣроятности, жизненность теоріи обусловливается глубоко національнымъ характеромъ ея. Я имѣю въ виду положенія, развиваемыя Локкомъ въ его „Двухъ трактатахъ о правительствѣ". Сводятся они, какъ извѣстно, къ слѣдующему. Начало политическаго общества зависитъ отъ соглашенія отдѣльныхъ личностей соединиться вмѣстѣ въ одинъ союзъ. Когда извѣстное число индивидуумовъ, съ согласія каждаго, составляетъ общество, они, такимъ образомъ, превращаютъ общество въ организмъ, имѣющій право дѣйствовать, какъ организмъ, но только по волѣ и соглашенію большинства.

„Великая и главная цѣль,—говоритъ Локкъ,—которую преслѣдуютъ люди, объединяясь въ государство (commonwealth) и подчиняясь правительству, это—защита ихъ собственности".

„Верховная власть, безъ согласія индивидуума, не имѣетъ права взять у него какую бы то ни было часть его собственности".

„А такъ какъ для поддержанія правительства требуются большія средства, то каждый индивидуумъ, достояніе котораго охраняется правительствомъ,—обязанъ дать свою долю на поддержаніе его. Но это должно дѣлаться только по собственному согласію. Большинство даетъ свое согласіе или прямо или черезъ посредство выборныхъ представителей. Отсюда вытекаютъ два основныхъ положенія: 1) общество управляется согласно положенію

большинства и 2) обложеніе налогами безъ представительства является тираніей *).

Въ Британской имперіи мы можемъ наблюдать послѣдовательное развитіе этихъ основныхъ положеній въ различныхъ колоніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ. Громадный, сложный организмъ, заключающій въ себѣ различныя формы общественности, отъ „тираніи", которую обличаетъ Локкъ, до почти идеальныхъ демократій,—представляетъ, если можно такъ выразиться, колоссальную наблюдательную станцію, приспособленную для изученія политической біологіи. Предъ нами различныя формы политическихъ учрежденій и постепенный переходъ одной въ другую: коронныя колоніи, затѣмъ колоніи, имѣющія представительныя учрежденія, но гдѣ контроль надъ исполнительной властью не находится въ рукахъ населенія, наконецъ, демократіи, пользующіяся полнымъ самоуправленіемъ.

Зоологъ знаетъ, что между видами встрѣчаются различныя разновидности, связанныя между собою постепенными переходами. Подобныя же незамѣтныя ступени существуютъ между видами одного и того же рода, родами того же семейства и т. д. Въ Британской имперіи мы наблюдаемъ разновидности одинаковыхъ политическихъ единицъ и незамѣтный переходъ одной въ другую. Вотъ, напримѣръ, коронная колонія, въ которой губернаторъ соединяетъ въ себѣ законодательную и исполнительную власть. Онъ распоряжается, а, въ особенности, распоряжался раньше, безконтрольно. Локкъ сказалъ бы о такой власти, что „состояніе деспотизма хуже, чѣмъ естественное состояніе, потому что въ послѣднемъ каждый можетъ защищать свое право, а передъ деспотомъ онъ не имѣетъ этой свободы". Когда въ коронной колоніи начинаетъ пробуждаться общественное самосознаніе, то при губернаторѣ появляется законодательный совѣтъ, сперва по назначенію, потомъ—смѣшанный, т. е. нѣкоторыя члены назначаются, а другіе—избираются населеніемъ. *Всѣ* британскія колоніи пережили, какъ мы увидимъ, этотъ фазисъ. По мѣрѣ пробужденія самосознанія начинается упорная борьба населенія съ правительствомъ. Первое отстаиваетъ всѣми способами, до выступленія съ оружіемъ въ рукахъ включительно (Канада), право облагать себя налогами и контроль надъ израсходованіемъ этихъ денегъ. Центральная власть въ Англіи всегда знаетъ тотъ моментъ, когда сопротивленіе желанію населенія становится невыгоднымъ. И вотъ коронная колонія переходитъ въ другую форму. Населеніе получаетъ представительныя учрежденія безъ контроля надъ исполнительной властью. Тутъ мы видимъ цѣлый рядъ разновидностей: одна палата и двѣ палаты; контроль надъ бюджетомъ

*) The Works of John Locke, Edit. 1824, vol. IV; „Two Treatises on Government", Chapter VIII, p. p. 395—423.

и отсутствіе его и пр. Наконецъ, исполнительная власть становится отвѣтственной предъ парламентомъ. Колонія получаетъ полное самоуправленіе и фактически превращается въ независимую республику. Губернаторъ, власть котораго была когда-то всесильна, превращается, въ своего рода, политическій рудиментъ. Онъ считается представителемъ короны; но при малѣйшей попыткѣ поступить противъ желанія парламента, ему настоятельно совѣтуютъ убраться. И метрополія немедленно отзываетъ губернатора, какъ было недавно въ Австраліи и въ Канадѣ. Самоуправляющіяся колоніи имѣютъ тоже рядъ разновидностей: колоніи съ одной палатой и съ двумя; колоніи, гдѣ обѣ палаты выборныя и такія, гдѣ только избираются члены нижней палаты.

Разсмотримъ теперь нѣсколько основныхъ типовъ правленія. Выяснимъ, какія причины вызываютъ переходъ отъ одной формы къ другой. Начну съ типичной коронной колоніи—Мальты. Управляетъ ею военный губернаторъ при содѣйствіи исполнительнаго совѣта и законодательнаго совѣта. Исполнительный совѣтъ состоитъ изъ губернатора, старшаго послѣ него военнаго въ крѣпости, изъ шести чиновниковъ и неопредѣленнаго числа лицъ, не состоящихъ на коронной службѣ, по назначенію правительства. „Если возможно", назначаются лица, избранныя населеніемъ во вторую палату, т. е. въ законодательный совѣтъ. Послѣдній состоитъ изъ губернатора, вице-президента, шести чиновниковъ по назначенію и тринадцати членовъ, выбранныхъ населеніемъ. Десять депутатовъ, при этомъ, выбираются всѣмъ населеніемъ (пассивнымъ и активнымъ избирательнымъ правомъ пользуются лица, имѣющія небольшой имущественный цензъ), а три—„спеціальными избирателями", special electors, т. е. дворянствомъ, землевладѣльцами, лицами, имѣющими ученую степень, и членами биржи. Чтобы какая-нибудь финансовая мѣра не была принята въ законодательномъ совѣтѣ, требуется оппозиція не меньше восьми депутатовъ. Прежде члены по назначенію не имѣли права голосовать противъ такихъ мѣръ (бюджетъ вносится губернаторомъ); теперь это запрещеніе снято. Но когда депутаты воспользовались своимъ правомъ отвергать смѣты,—центральное правительство придумало, такъ называемый, „предохранительный клапанъ" (Safety valve): въ „особенно важныхъ случаяхъ" (по опредѣленію губернатора), правительство можетъ издавать законы помимо совѣта. Такимъ образомъ, губернаторъ можетъ ввести налогъ, противъ котораго высказался весь совѣтъ. Консерваторы, не смотря на это, говорятъ, что въ Мальтѣ существуетъ самоуправленіе. „Только при помощи *предохранительнаго клапана*,—наивно увѣряетъ Игертонъ,—удалось сохранить извѣстную форму самоуправленія на островѣ, который съ британской точки зрѣнія является только первоклассной крѣпостью. Мы

отступили отъ положенія, высказаннаго Веллингтономъ, что дать Мальтѣ самоуправленіе—все равно, что дать конституцію военному кораблю". *) Губернаторъ пользуется *предохранительнымъ клапаномъ* не только во время обсужденія бюджета. Въ 1899 г. такимъ же образомъ изданъ законъ, въ силу котораго черезъ пятнадцать лѣтъ оффиціальнымъ языкомъ въ судахъ явится не итальянскій, какъ теперь, а англійскій языкъ. Административное распоряженіе вызвало сильное броженіе на Мальтѣ и большое негодованіе въ Англіи. И вотъ сперва пятнадцатилѣтній срокъ былъ замѣненъ двадцатилѣтнимъ, а въ 1902 году распоряженіе губернатора было совершенно отмѣнено.

Собственно говоря, наиболѣе характернымъ типомъ коронной колоніи является Индія, хотя оффиціально она составляетъ отдѣльную имперію. Точнѣе, предъ нами не одна коронная колонія, а цѣлая группа ихъ, состоящая изъ восьми большихъ провинцій (Мадрасъ, Бомбей, Бенгалія, соединенныя провинціи Агра и Удъ, Панджабъ, Бирманія, Ассамъ и центральныя провинціи) да около двухсотъ туземныхъ государствъ. Исполнительная и законодательная власть всецѣло находится въ рукахъ вице-короля и совѣта. Послѣдній состоитъ изъ шести членовъ по назначенію правительства. Вице-король можетъ отмѣнить всякое рѣшеніе совѣта, если послѣдній пошелъ бы даже противъ намѣстника. Совѣтъ, это—комитетъ министровъ. Предъ парламентомъ отвѣтственъ статсъ-секретарь по индійскимъ дѣламъ, являющійся членомъ кабинета. Для законодательной работы вице-король назначаетъ еще въ совѣтъ 16 членовъ, изъ которыхъ восемь не должны состоять на коронной службѣ. Въ числѣ послѣднихъ—нѣсколько туземцевъ. Индія—золотое дно для англійскихъ чиновниковъ. Нигдѣ нѣтъ такихъ колоссальныхъ окладовъ, какъ тамъ.

Англійская бюрократія болѣе распорядительна, болѣе культурна и человѣчна, чѣмъ наша. Тѣмъ не менѣе, въ коронныхъ колоніяхъ всюду поднимается теперь энергичный протестъ населенія противъ бюрократіи. Англійская бюрократія слишкомъ проникнута европейскимъ духомъ, чтобы додуматься до ежевыхъ рукавицъ и намордниковъ для прессы. Въ Индіи иногда дѣлались попытки терроризировать туземную печать (не англійскую), но и тогда она пользовалась большимъ правомъ обличенія, чѣмъ русская пресса, напримѣръ. Я помню, какъ десять лѣтъ тому назадъ одесскій градоначальникъ П. А. Зеленой вычеркивалъ въ корректурѣ всѣ замѣтки, въ которыхъ упоминалось неодобрительно хотя бы о самомъ ничтожномъ полицейскомъ чинушѣ. На глазахъ у всѣхъ полиція избивала населеніе, безсовѣстно брала взятки, квартальные съ жалованьемъ въ 50 руб. въ мѣсяцъ проживали 5—6 тысячъ въ годъ; всѣ домовладѣльцы платили по-

*) The New volumes of the Ecyclopaedia Britannica, v. XXX, p. 503.

лиціи; ходили не двусмысленныя объясненія, почему не раскрываются большія кражи. И обо всемъ этомъ нельзя было заикнуться. Тѣмъ болѣе газетамъ не приходило и мысли спросить градоначальника, имѣетъ ли онъ право драться, ругать по-извозчичьи мужчинъ и женщинъ, высылать изъ города административнымъ порядкомъ лицъ, допустившихъ музыку на свадьбѣ, отбирать и уничтожать векселя и пр.? Ничего подобнаго нѣтъ въ самой подавленной коронной колоніи. Въ Индіи туземная печать критикуетъ распоряженія вице-короля. Общественное мнѣніе все болѣе и болѣе настоятельно выражается въ индійскихъ національныхъ конгрессахъ, объединившихъ буддистовъ, браминистовъ и магометанъ. На этихъ годичныхъ конгрессахъ населеніе черезъ своихъ выборныхъ требуетъ самоуправленія. Англійская печать въ коронныхъ колоніяхъ выражается рѣшительнѣе, чѣмъ туземная пресса, и доказываетъ, что самая лучшая бюрократія ничего, кромѣ путаницы, внести не можетъ. Вотъ, напримѣръ, послѣдній номеръ „Gold Coast Leader", выходящій въ Аккрѣ на Золотомъ берегѣ (Западная Африка). Въ передовой статьѣ грозно обличается губернаторъ. Населенію—„надоѣла бездарная, путающая все бюрократія",—говоритъ газета. Мѣстная власть „въ своей тупости упорно претъ напроломъ, не желая считаться съ интересами населенія" *).

Типичной колоніей съ представительными учрежденіями, но безъ контроля надъ исполнительной властью, является Ямайка. До 1884 г. она была коронной колоніей. Губернаторъ правилъ тамъ при содѣйствіи законодательнаго совѣта, состоявшаго изъ членовъ по назначенію. Въ 1884 г. губернаторъ пожелалъ выжать у населенія штрафъ за захватъ судна *Florence*. Члены совѣта (не чиновники) вышли въ отставку. Губернаторъ попробовалъ назначить другихъ членовъ, но они тоже отказались. На островѣ началось броженіе, которое готово было перейти въ вооруженное возстаніе. Правительство уступило. Власть губернатора была ослаблена. Колонія получила представительныя учрежденія. Законодательный совѣтъ составился изъ трехъ чиновниковъ ex-officio, изъ четырехъ членовъ по назначенію и девяти выборныхъ отъ населенія (на островѣ всего 15 тысячъ бѣлыхъ; цвѣтнокожіе не пользуются избирательнымъ правомъ). Въ 1895 г., послѣ новыхъ броженій, число выборныхъ было увеличено на 6, а въ 1900 г., послѣ маленькой революціи, населеніе получило право посылать въ законодательный совѣтъ 19 депутатовъ. Въ Англіи представительныя учрежденія, безъ контроля населенія надъ исполнительной властью, подвергались много разъ рѣзкой критикѣ. О характерѣ ея можно судить по выдержкѣ, взятой эпиграфомъ къ этому письму. „Представительныя учрежденія безъ отвѣтствен-

*) „Gold Coats Leader", April, 17, 1905.

наго министерства, пользующагося довѣреніемъ населенія—опасный опытъ,—писалъ Вильямъ Поттеръ.—Такія учрежденія превращаются въ насмѣшку надъ населеніемъ, въ обманъ и даже въ ловушку".

„Что за нелѣпость! — пишетъ другой англичанинъ. — Правительство тратитъ громадныя деньги на содержаніе дополнительныхъ полицейскихъ силъ. И все это только для того, чтобы губернаторъ могъ назначать своихъ министровъ, а не тѣхъ, которымъ населеніе довѣряетъ!"

II.

Мы переходимъ теперь къ третьему основному типу британскихъ колоній: къ самоуправляющейся демократіи. Я коснусь Австралазіи и Канады, изъ которыхъ каждая крайне характерна. Австралазійская республика, которая съ 1901 г. состоитъ изъ шести независимыхъ штатовъ: Новый Юж. Уэльсъ, Юж. Австралія, Викторія, Квинслэндъ, Зап. Австралія и Тасманія,—пережила въ сто лѣтъ всѣ формы правленія, отъ неограниченной деспотіи до свободной демократіи. Въ началѣ XIX вѣка четыре первоначальныя колоніи (Викторія и Квинслэндъ были отдѣлены впослѣдствіи отъ Новаго Юж. Уэльса) находились подъ желѣзной властью губернаторовъ, которые назначались обыкновенно изъ моряковъ, потому что во флотѣ дисциплина суровѣе. Моряками были губернаторы Колинсъ и Дэйви въ Тасманіи, Стэрнингъ и Хиндмаршъ въ Зап. и Юж. Австраліи, Гобсонъ и Фицрой въ Новой Зеландіи. За моряками, знавшими только висѣлицу, плети и кандалы (нужно помнить, что Викторія, Квинслэндъ и Тасманія были каторжныя колоніи) явились губернаторы, отставные офицеры, выслужившіеся во время войнъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, гдѣ не могли привыкнуть къ мягкосердечности. Эти губернаторы тоже стояли, прежде всего, за дисциплину. Каторжныя поселенія они превратили въ адъ (Тасманія называлась адскими воротами). Но, кромѣ каторжниковъ, въ Австраліи были и вольные колонисты. Какъ англичане, они не желали помириться съ деспотизмомъ, и центральному правительству пришлось осторожнѣе выбирать губернаторовъ. Прежде полагалось, что австралійскій намѣстникъ долженъ проявлять только одно: желѣзную, непреклонную, суровую волю, поэтому назначали наиболѣе ограниченныхъ и жестокихъ генераловъ. Когда же выяснилось, что эти правители неминуемо доведутъ колоніи до мятежа, правительство стало посылать вмѣсто тупыхъ бурбоновъ—просвѣщенныхъ, гуманныхъ администраторовъ. Предварительно ихъ подвергали продолжительному искусу. Губернатора сперва посылали на „выучку" въ какую-нибудь организованную коронную колонію, обыкновенно, на Вэстъ-Индскіе

острова. Тамъ онъ учился искусству смотрѣть на населеніе не какъ на проштрафившихся матросовъ, и не какъ на солдатъ дисциплинарнаго баталіона (въ тѣ времена дисциплина во флотѣ поддерживалась, главнымъ образомъ, линьками и плетью). Такихъ тренированныхъ администраторовъ называли „professional governors". Когда колоніи получили самоуправленіе, вѣкъ „профессіональныхъ губернаторовъ" кончился. Ихъ замѣнили „декоративные губернаторы", т. е. богатые лорды, которыхъ центральное правительство посылаетъ не для того, чтобы управлять, а чтобы объединять мѣстное общество.

Первые австралійскіе губернаторы были автократы, а ихъ подданные—каторжники, ссыльно-поселенцы, чиновники или военные, которые слѣпо подчинялись каждому распоряженію. Все исходило отъ губернатора. Колонистъ не могъ сдѣлать шага безъ спеціальнаго на то разрѣшенія высшаго начальства. Губернаторъ заботился о томъ, чтобы у колонистовъ земля была вспахана овцы — выстрижены и т. п. При такой опекѣ случилось то же самое, что теперь мы наблюдаемъ на Сахалинѣ. Все шло изъ рукъ вонъ плохо. Колонисты терпѣли жестокую нужду, а правительство вынуждено было постоянно выдавать пособіе населенію. Въ рукахъ губернатора была сконцентрирована вся власть: онъ издавалъ законы, онъ назначалъ судей, каравшихъ за нарушеніе этихъ законовъ *). Реформы въ Австраліи начались въ 1814 г. съ назначенія независимаго и несмѣняемаго судьи; помощниками ему дали магистратовъ, назначенныхъ губернаторами. Въ 1823 г. независимый судъ появился въ „адскихъ воротахъ", въ Тасманіи. Судъ былъ плохъ, но все же онъ составлялъ просвѣтъ въ царствѣ полнаго административнаго произвола. Въ двадцатыхъ годахъ въ Австраліи появились вольные колонисты. Они не могли помириться съ самовластіемъ губернатора, и вотъ, мало по малу, возникаютъ попытки ограничить прежній произволъ. Первой слабой попыткой въ этомъ направленіи нужно считать законъ 1823 г., въ силу котораго былъ учрежденъ законодательный совѣтъ. Если губернаторъ расходился во мнѣніи съ совѣтниками, онъ могъ поступить, какъ желалъ, но обязанъ былъ сдѣлать докладъ объ этомъ министру колоній въ Лондонъ. Такимъ образомъ, парламентъ могъ всегда знать, что дѣлается въ Австраліи, гдѣ сколько-нибудь независимыхъ газетъ тогда не было Кромѣ того, главный судья могъ отмѣнить каждое административное распоряженіе губернатора, если оно противорѣчило англійскимъ законамъ. Законодательный совѣтъ сперва состоялъ изъ семи членовъ по назначенію губернатора, но въ 1828 г. со-

*) „Lord Carrington,—говоритъ колоніальный историкъ,—began the present system of providing wealthy peers as Governors, chosen with a view to social rather than to political daties" (*W. Jose*, „Australasia etc.", p. 77.

вѣтъ пополнялся еще семью представителями, выбранными населеніемъ. Такимъ образомъ, Австралія представляла тогда такую же коронную колонію, какъ теперь—Мальта. Такъ продолжалось пятнадцать лѣтъ. Въ это время въ Австраліи уже совершенно обозначились тѣ два класса, соперничество которыхъ наполняетъ всю послѣдующую исторію ея: классъ мелкихъ фермеровъ и классъ крупныхъ землевладѣльцевъ и обладателей громадныхъ стадъ *). Въ началѣ сороковыхъ годовъ Австралія представляла земледѣльческую, мало населенную страну, въ которой крупные землевладѣльцы и скотопромышленники пользовались громаднымъ вліяніемъ. Въ 1841 г. въ Австраліи открыли золото. Сперва администрація держала открытіе въ большомъ секретѣ, такъ какъ опасалась, что оно гибельно отзовется на прогрессѣ земледѣлія. Но богатые пріиски были найдены вскорѣ въ Викторіи, тайна открылась, и золотая лихорадка потянула въ пустыню колонистовъ, затѣмъ пріискателей изъ Англіи, Южной Америки, Соединенныхъ Штатовъ. До тѣхъ поръ въ Австраліи было очень мало колонистовъ. Вольные работники почти не переселялись. Когда же открыли золото, то въ два года въ Австралію прибыли 224 тысячи бѣлыхъ эмигрантовъ. До открытія золота, въ Викторіи было 76 тысячъ бѣлыхъ, а черезъ годъ—397000. Старый строй оказался негоднымъ еще до наплыва эмигрантовъ. Въ 1842 г. законодательный совѣтъ былъ преобразованъ. Теперь онъ состоялъ изъ 12 членовъ по назначенію (6 чиновниковъ и 6 колонистовъ) и изъ 24 депутатовъ, выбранныхъ свободнымъ населеніемъ. Австралія преобразовалась изъ коронной колоніи въ таковую съ представительными учрежденіями, но безъ отвѣтственнаго правительства. Законодательный совѣтъ получилъ почти полный контроль надъ бюджетомъ, за исключеніемъ цивильнаго листа въ 81 тысячу ф. ст. Теперь губернаторъ уже не былъ членомъ законодательнаго совѣта, которому долженъ былъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ какъ губернаторы воспитались въ традиціяхъ абсолютизма, то они не могли помириться съ мыслью, что надъ ними есть какой-то намекъ на контроль. Вотъ почему между совѣтомъ и губернаторомъ происходили постоянныя недоразумѣнія **). Въ округахъ введено было земское самоуправленіе. Населеніе получило контроль надъ школами; но полиція все еще находилась въ вѣдѣніи губернатора, хотя населеніе платило половину расходовъ на нее. Мѣстные политики тогда уже выставляли положеніе, развиваемое Локкомъ: „обложеніе налогами безъ представительства является тираніей“.

---

*) См. *Albert Métin*, Législation ouvrière et sociale en Australie et Nouvelle-Zélande. Paris. 1901, p.p. 4—17. Книга, кажется, существуетъ и въ русскомъ переводѣ.

**) См. *Arthur W. Jose*, „Australasia etc.“, p. 79.

	Верхняя палата (Council).			Нижняя палата (Assembly).		
	Какъ составляется.	**Срокъ.**	**Члены выходятъ въ отставку.**	**Избирательное право.**	**Срокъ.**	
Новый Юж. Уэльсъ.	По назначенію.	пожизненно.	—	Всеобщ. избират. право.	на 3 года.	125 избират. округ. Каждый посылаетъ 1 депутата.
Викторія.	Избирается. 14 провинцій посылаютъ 48 членовъ, которые должны имѣть крупный имущест. цензъ. Отъ избирателей требуется маленькій цензъ.	на 6 лѣтъ.	14 каждыя два года и 20 каждые 6 лѣтъ.	Всеобщ. израт. право.	на 3 года.	84 избират. округ. Депутатовъ 95.
Новая Зеландія.	По назначенію.	на 7 лѣтъ.	—	Всѣ совершен. мужч. и женщины.	на 3 года.	62 избират. округ., 70 депутатовъ, 4 моарисовъ (туземцевъ).
Южная Австралія.	Избирается. Голосуютъ муж. и женщ., имѣющ. небольш. цензъ. Четыре округа, 24 члена.	на 9 лѣтъ.	треть каждые 3 г.	Всѣ совершен. мужч. и женщины.	на 3 года.	27 избират. округ. 2 депутата отъ каждаго.
Тасманія.	Избирается. Голосуютъ избиратели, имѣющіе образоват. или небольшой имущ. цензъ.	на 6 лѣтъ.	—	Небольшой имущ. цензъ.	на 3 года.	30 избират. округ. 37 депутатовъ.
Запад. Австралія.	Избирается. Небольшой имущ. цензъ.	на 6 лѣтъ.	треть каждыя три года.	Небольшой имущ. цензъ.	на 4 года.	44 избират. округ., депутатовъ 44.

Въ 1855 г. притокъ эмигрантовъ въ Австралію былъ особенно силенъ. Послѣдніе остатки стараго строя, созданнаго каторгой, были сметены навсегда. Въ 1855—56 г.г. всѣ австралійскія колоніи получили новую конституцію, которая почти безъ всякихъ измѣненій существуетъ до сихъ поръ. Колоніи получили широкое самоуправленіе. Населеніе получило контроль надъ

исполнительной властью. Когда-то всесильный губернаторъ превратился по конституціи въ номинальнаго представителя короны. Въ колоніяхъ всюду двѣ палаты: законодательный совѣтъ, или верхняя палата (Legislative Council) и палата депутатовъ (Legislative Assembly). Во всѣхъ австралійскихъ колоніяхъ, за исключеніемъ Новой Зеландіи, Новаго Южнаго Уэльса и Квинслэнда члены верхней палаты избираются населеніемъ. Верхняя палата имѣетъ цѣлью остановить слишкомъ поспѣшное законодательство нижней палаты. Въ трехъ перечисленныхъ колоніяхъ члены верхней палаты назначаются министерствомъ, въ Новомъ Юж. Уэльсѣ и въ Квинслэндѣ — пожизненно, а въ Новой Зеландіи—на семь лѣтъ. Нижняя палата (Legislative Assembly) избирается населеніемъ на принципѣ всеобщей подачи голосовъ. Въ двухъ колоніяхъ, въ Новой Зеландіи (съ 1893 г.) и въ Юж. Австраліи (съ 1895 г.) избирательное право распространено также и на женщинъ. Слѣдующая таблица даетъ представленіе о парламентскомъ механизмѣ въ Австраліи.

Кромѣ Новой Зеландіи, Австралійскія колоніи соединились теперь въ федерацію—Австралазійская республика, которая много разъ заявляла, что она—не колонія, а равная и самостоятельная единица въ громадномъ демократическомъ союзѣ.

Мнѣ остается теперь набросать такими же бѣглыми штрихами исторію другой демократической федераціи—Канады. Въ концѣ XVIII вѣка Канада была раздѣлена на двѣ провинціи, верхнюю и нижнюю, при чемъ каждая получила свою систему управленія, состоявшую изъ представителя короны,—законодательнаго совѣта (Legislative Council) и представительнаго собранія (Representative Assembly). Члены законодательнаго совѣта назначались правительствомъ пожизненно. Представительное собраніе избиралось населеніемъ на четыре года. Центральное правительство мало считалось съ тѣмъ фактомъ, что значительная часть населенія—французы, католики и одну седьмую часть всѣхъ свободныхъ земель назначило протестантскому духовенству. „То была мѣра, какъ будто нарочно придуманная для порожденія безпорядковъ и недовольства“,—говоритъ Макъ Карти *). Нижнюю и восточную Канаду населяютъ французы. Фермеры здѣсь въ то время сохранили еще вполнѣ нравы средневѣковой Франціи. Въ городахъ же поселились, главнымъ образомъ, англичане. Верхняя Канада почти вся была заселена англичанами. Оба народа отличались сильно другъ отъ друга. Правительство же въ цѣляхъ административныхъ сдѣлало, въ свою очередь, все возможное, чтобы поселить недовольство между французами и англичанами. Администраторамъ казалось, что власть короны будетъ прочнѣе, когда между населеніемъ будетъ существовать раздоръ. Для тогдашнихъ

*) A short History of our own times, 1890, p. 20.

губернаторовъ сближеніе между разноязычнымъ населеніемъ Канады представлялось нежелательнымъ, такъ какъ результатомъ его предвидѣлся сепаратизмъ.

Въ нижней Канадѣ началось сильное недовольство. Французское населеніе заявляло, что представительное собраніе—только каррикатура на самоуправленіе, такъ какъ губернаторъ черезъ посредство назначенныхъ имъ членовъ, парализуетъ дѣятельность парламента. Въ концѣ концовъ выбранные представители отказались голосовать бюджетъ и ушли изъ палаты. Они обнародовали воззваніе къ населенію, въ которомъ формулировали необходимыя реформы. Въ этомъ документѣ говорится, что правительство все время обманывало населеніе; вмѣсто дѣйствительныхъ реформъ предлагались только одни слова. Правительство старалось только выгадать время, чтобы выждать моментъ, и еще больше сдавить населеніе. Представителямъ отъ народа, — говорилось въ документѣ,—нечего дѣлать въ законодательномъ собраніи: губернаторъ и назначенные имъ члены тормазятъ и калѣчатъ каждый билль. Общественные деньги тратятся безконтрольно. Губернаторъ содержитъ на народныя средства цѣлую армію полицейскихъ и шпіоновъ, которые слѣдятъ за каждымъ недовольнымъ. „Манифестъ“ произвелъ сильное впечатлѣніе. Всѣ недовольные правительствомъ начали группироваться въ одинъ союзъ, во главѣ котораго стоялъ депутатъ отъ Монреаля и спикеръ палаты Луи Жозефъ Папино. Всюду устраивались митинги, на которыхъ произносились бурныя рѣчи. Ораторы напоминали, какъ освободились сосѣдніе Соединенные Штаты. Тогдашній губернаторъ лордъ Госфордъ только ждалъ предлога, чтобы отнять у Канады намекъ на представительныя учрежденія, и превратить ее въ коронную колонію. Онъ приказалъ арестовать всѣхъ депутатовъ законодательнаго собранія, которыхъ считалъ зачинщиками движенія. Центральному правительству губернаторъ донесъ, что населеніе Нижней Канады было бы совершенно спокойно, если бы не горсть заговорщиковъ, сѣющихъ смуту. Они разсчитывали на слабость правительства, но ошиблись. Правительство проявило свою силу и разомъ отправило въ тюрьму всѣхъ вождей. Суровая мѣра,—доносилъ губернаторъ,—будетъ имѣть самые благодѣтельные результаты. Теперь нижняя Канада успокоится.

Но предсказаніе губернатора, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не сбылось. Послѣ ареста вождей начались политическія убійства, а потомъ—настоящее возстаніе. Губернатору не удалось также натравить англійское населеніе верхней Канады на французское—нижней Канады. Многіе англичане присоединились къ повстанцамъ. Извѣстіе о мятежѣ произвело сильное впечатлѣніе въ Англіи. Либеральныя идеи тогда шли на прибыль. Начинался тотъ подъемъ общественнаго духа въ Англіи, который продолжался тридцать лѣтъ, выдвинулъ рядъ блестящихъ рома-

нистовъ, публицистовъ, философовъ, экономистовъ и общественныхъ дѣятелей, пустившихъ въ обращеніе массу новыхъ свѣтлыхъ идей. Дѣятели этого періода прославили Англію по всему міру и окружили ее почетнымъ ореоломъ. Имена этихъ людей знакомы у насъ каждому грамотному человѣку. Въ эпоху подъема общественнаго духа извѣстіе о возстаніи въ Канадѣ не могло произвести выгоднаго для правительства впечатлѣнія. Всюду въ Англіи устраивались митинги. Въ принятыхъ резолюціяхъ выражался протестъ противъ политики губернатора, котораго считали единственнымъ виновникомъ мятежа. Премьеръ внесъ въ англійскій парламентъ билль объ отмѣнѣ конституціи въ нижней Канадѣ; но общественное мнѣніе взяло верхъ и вмѣсто диктатора вѣшателя, въ возставшую колонію послали лорда Дерхэма, извѣстнаго своимъ радикализмомъ. Имя его теперь съ глубокимъ уваженіемъ произносится въ Канадѣ. Лордъ Дерхэмъ отличался выдающимся, свѣтлымъ и сильнымъ умомъ, широкой гуманностью и настойчивымъ характеромъ. Изъ Канады онъ сообщилъ центральному правительству, что края нельзя замирить ни бѣлымъ терроромъ, ни полуреформами. Бѣлый терроръ, — сообщалъ лордъ Дерхэмъ, — пугаетъ только слабыхъ людей и то только на короткое время. Люди привыкаютъ ко всему. Между прочимъ, даже самые смирные перестаютъ страшиться тюрьмы и стрѣльбы въ толпу. Страной нельзя управлять при помощи тюремъ и пуль. На придачу, правительственный терроръ порождаетъ терроръ красный. Отвѣтомъ на разстрѣлъ населенія являются политическія убійства. Всегда найдутся экзальтированныя личности, готовыя пожертвовать своею жизнью. Полуреформы, — продолжалъ Дерхэмъ, — тоже ни къ чему не ведутъ. Онѣ совершенно безполезны, раздражаютъ населеніе и вселяютъ глубокое недовѣріе и презрѣніе къ правительству. Канаду можетъ спасти только одно: радикальная реформа, т. е. полное и широкое политическое самоуправленіе. Пусть народъ станетъ вершителемъ собственной судьбы. Только само населеніе, а не королевскій приказъ, можетъ разрѣшить вопросъ о языкѣ. (Населеніе Канады,—какъ извѣстно читателямъ,—состоитъ изъ французовъ и англичанъ). Лордъ Дерхэмъ въ своемъ докладѣ составилъ проектъ реформъ, необходимыхъ для замиренія колоніи. Мы находимъ тутъ широкое политическое самоуправленіе, парламентъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ, областные сеймы и пр. Даже политическіе враги лорда Дерхэма признали, что докладъ его—замѣчательный по своей смѣлости и глубинѣ документъ. *) Враги эти взяли верхъ, и лорда Дерхэма отозвали; но докладъ его былъ до такой степени убѣдителенъ, что не нашли

*) „Lord Durham's report,—говоритъ консервативный журналъ того времени,—is a masterly document“.

возможнымъ замирять Канаду бѣлымъ терроромъ. Проектъ Дерхэма былъ осуществленъ. Канада получила самое широкое самоуправленіе, и время показало, какъ правъ былъ лордъ Дерхэмъ. Край былъ замиренъ. Канада теперь одна изъ самыхъ цвѣтущихъ демократій, входящихъ въ составъ Британской имперіи. Вражда между національностями улеглась. Французы и англичане отлично уживаются вмѣстѣ. Не смотря на различіе въ языкѣ и въ вѣрѣ, они, какъ заявилъ недавно канадскій премьеръ Лорье (французъ), составляютъ теперь одну націю — канадскую. Органическій статутъ Канады, составленный лордомъ Дерхэмомъ, былъ затѣмъ дополненъ. Въ настоящее время канадская конституція сводится къ слѣдующему.

Канада представляетъ федеративную республику, состоящую изъ семи штатовъ (Онтаріо, Квэбекъ, Новая Шотландія, Новый Брауншвейгъ, Манитоба, Британская Колумбія и островъ принца Эдуарда) и нѣсколькихъ территорій (сѣверо-западныя территоріи, въ томъ числѣ Ассилибая, гдѣ поселены духоборы, и Юконъ). Республика, оффиціальное названіе которой *Dominion of Canade*, управляется парламентомъ, состоящимъ изъ генералъ-губернатора—представителя короны, верхней палаты или сената и палаты общинъ. Сенаторы назначаются канадскимъ министерствомъ, стоящимъ у власти. Всѣхъ ихъ—81, и назначеніе ихъ—пожизненное.

Отъ Онтаріо	24	сенатора
„ Квэбека	24	„
„ Новой Шотландіи	10	„
„ Новаго Брауншвейга	10	„
„ Острова принца Эдуарда	4	„
„ Манитобы	4	„
„ Британской Колумбіи	3	„
„ Территорій	2	„
	81	

Палата общинъ состоитъ изъ 213 коммонеровъ, избираемыхъ на пятилѣтній срокъ.

Онтаріо посылаетъ	92	ком.
Квэбекъ „	65	„
Нов. Шот. „	20	„
Нов. Брауншвейгъ	14	„
Британск. Колумбія	6	„
Ост. принца Эдуарда	5	„
Манитоба „	7	„
Территоріи „	4	„
	213	

Избирательное право почти всеобщее. По конституціи, французскій штатъ Квэбекъ долженъ *всегда* выбирать 65 коммонеровъ. Въ остальныхъ штатахъ избирательные округи намѣчаются

такъ, чтобы число коммонеровъ было пропорціонально числу, выставляемому Квэбекомъ. Такимъ образомъ, по послѣдней переписи число представителей отъ Онтаріо должно сократиться на 5, Новой Шотландіи—на 2, Новаго Брауншвейга—на 1, острова принца Эдуарда—на 1, тогда какъ число коммонеровъ отъ Манитоба, Британской Колумбіи и отъ сѣверо-западныхъ территорій должно увеличиться.

Каждый штатъ имѣетъ свой собственный областной сеймъ. Федеральный парламентъ можетъ наложить veto на законъ, принятый областнымъ сеймомъ.

Канадскій парламентъ заявилъ свое право заключать торговые договоры съ другими государствами, помимо британскаго парламента. Канада имѣетъ свою собственную армію. До послѣдняго времени главнокомандующійпосылался изъ Англіи. Въ прошломъ году у главнокомандующаго лорда Дендональда вышли недоразумѣнія съ канадскимъ парламентомъ изъ-за желанія назначить нѣсколько офицеровъ помимо воли военнаго министра. Главнокомандующій произнесъ въ Торонто шовинистскую рѣчь, въ которой обвинилъ канадскаго военнаго министра въ отсутствіи патріотизма. Въ ближайшемъ засѣданіи парламента премьеръ Лорье внесъ предложеніе, принятое подавляющимъ большинствомъ, о томъ, что главнокомандующій отрѣшается отъ должности. Британское министерство вынуждено было подчиниться рѣшенію, и отозвало лорда Дендональда. Мало того. Канадскій парламентъ постановилъ, что, такъ какъ канадцы—независимая, отдѣльная нація, то она не должна больше допускать „главнокомандующихъ иностранцевъ“. Съ того времени во главѣ канадской арміи не стоитъ больше англичанинъ. Мы видимъ, что республика совершенно независима; но этимъ именно обусловливается, что Канада не отпала отъ Британской имперіи и не присоединилась къ сосѣдней великой республикѣ. Когда Англія переживала тяжелые моменты во время бурской войны,—Канада по собственной иниціативѣ явилась на помощь, и оказала существенныя услуги при Паардебергѣ. Если бы Канада была подъ гнетомъ, она, конечно, воспользовалась бы южно-африканской войной, чтобы объявить свою независимость и отложиться.

III.

Мы разсмотрѣли главныя формы правленія въ Британской имперіи: коронныя колоніи, представительныя учрежденія безъ контроля надъ исполнительной властью и парламенты съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Мы видѣли также, какъ низшая форма переходитъ въ высшую, и знаемъ уже причины, которыми обусловливается такое явленіе. Основнымъ факторомъ является

всегда настойчивое требованіе самого населенія. Безъ этого реформы давались всегда крайне неохотно, въ урѣзанномъ видѣ; въ коронной колоніи учреждался совѣтъ по назначенію (Мальта), или палата, депутаты которой не имѣли права контролировать дѣйствій исполнительной власти (Ямайка, Новый Юж. Уэльсъ, Канада). Приведу теперь примѣръ изъ послѣдняго времени.

Тридцать перваго мая 1902 году былъ заключенъ послѣ почти трехлѣтней войны, миръ между англичанами и бурами. По пятому пункту договора побѣжденнымъ было гарантировано преподаваніе родного языка въ начальныхъ школахъ и употребленіе его въ судѣ. *) Седьмой пунктъ обѣщалъ полное самоуправленіе въ недалекомъ будущемъ. **) Со стороны Англіи главными представителями были генералъ Китченеръ и лордъ Мильнеръ. Послѣдній сыгралъ важную роль въ исторіи Южной Африки. Мы видимъ предъ собою крайне любопытную фигуру убѣжденнаго бюрократа, твердо и неукоснительно вѣрующаго въ всесильное значеніе циркулярнаго распоряженія и крайне подозрительно относящагося къ общественной самодѣятельности. Это—типъ совершенно не англійскій. Дѣйствительно, лордъ Мильнеръ не англичанинъ, а пруссакъ, сынъ и внукъ чиновника. Мильнеръ воспитывался въ англійскомъ университетѣ, но не былъ даже натурализованъ тогда, когда началась его общественная дѣятельность. Для такихъ бюрократовъ въ Англіи теперь нѣтъ мѣста, и Мильнеръ перешелъ на службу въ Южную Африку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось уже писать въ „Русскомъ Богатствѣ“ про то участіе, которое принималъ Мильнеръ въ подготовленіи войны. Теперь я коснусь только организаторской дѣятельности его. Послѣ войны лордъ Мильнеръ былъ назначенъ намѣстникомъ въ новыхъ колоніяхъ, при чемъ получилъ почти безграничныя полномочія.

Щедринъ далъ намъ богатый зоологическій атласъ бюрократовъ: маленькихъ и крупныхъ, смиренныхъ и лютыхъ. Мы видимъ тутъ незлобивыхъ. „Все въ дѣятельности этихъ людей запечатлѣно неразумѣніемъ и твердой рѣшимостью удержать за собой тотъ нищенскій кусокъ, который имъ выбросила судьба... Дома онъ

---

*) Голландскій языкъ будетъ преподаваться въ Трансваалѣ и въ колоніи Оранжевой рѣки въ тѣхъ школахъ, гдѣ родители дѣтей пожелаютъ. Онъ будетъ допущенъ также въ судахъ, когда это понадобится для достиженія цѣлей правосудія“.

**) Законы военнаго времени будутъ замѣнены въ колоніяхъ возможно скорѣе гражданскимъ правленіемъ. Какъ только обстоятельства позволятъ, введены будутъ представительныя учрежденія, которыя впослѣдствіи замѣнятся полнымъ самоуправленіемъ“. (The Terms of Surrender. *Hazell's Annual*, 1903, p. 67). Со стороны англичанъ были ловкіе юристы, привыкшіе къ формулировкѣ, допускающей всякія толкованія. Буры, подписавшіе договоръ, повидимому, были совершенно не искушены въ канцелярскомъ крючкотворствѣ.

счастливъ. Разсказываетъ ходячіе канцелярскіе анекдоты и восхищается начальствомъ... По праздникамъ онъ рѣжетъ пирогъ той самой рукой, которая невѣдомо кому разбила существованіе". *) Дальше со страницъ щедринскаго зоологическаго атласа на насъ глядятъ странныя лица бюрократовъ-вершителей судебъ Россіи — Удава, Дыбы, графа Твердоонто, Пафнутьева, Скорнякова, затѣмъ цѣлая вереница составителей „проектовъ обновленія". Къ великому несчастію, Щедринъ оказывался пророкомъ. Многіе „проекты", составленные корнетомъ Твердолобовымъ, Захаромъ Ивановичемъ Стрѣловымъ и другими, оказались, на горе Россіи, не каррикатурами. Ихъ потомъ осуществили въ жизни. Возьмемъ, напр., проектъ „Время не терпитъ", составленный Стрѣловымъ. **) „Всѣ уѣзды Стрѣловъ дѣлилъ на попечительства, по числу наличныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, или ихъ довѣренныхъ, и съ подчиненіемъ всѣхъ попечителей предводителю. Въ рукахъ попечителей перепутана была власть судебная, административная и полицейская. Они завѣдывали народною нравственностью, образованіемъ, зрѣлищами, играми и забавами. Обязаны были устранять вредные обычаи и искоренять сквернословіе. Но преимущественно смотрѣть, чтобы мужикъ не лѣнился. Своевременно созывать сходки и объяснять крестьянамъ ихъ обязанности и необходимость повиновенія. За хорошее поведеніе дарить мужикамъ кушаки, и бабамъ—платки. ***)

У Захара Стрѣлова, какъ читатель можетъ видѣть, потомъ взяли его проектъ. Щедринскій герой могъ бы начать дѣло о плагіатѣ.

Лордъ Мильнеръ — прусскій бюрократъ. Онъ соединилъ въ себѣ жестокость Дыбы съ глубокой вѣрой Захара Стрѣлова во всесильное значеніе циркуляра. Но Дыба и Стрѣловъ — невѣжественны, тогда какъ Мильнеръ—бюрократъ образованный. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ щедринскаго Скорнякова. Есть одна черта, отличающая щедринскихъ героевъ отъ Мильнера: бюрократы маленькіе и большіе, смиренные и лютые у Щедрина казнокрады и мечтаютъ объ общественномъ пирогѣ или хотя бы о башкирскихъ земляхъ. Лордъ Мильнеръ, въ этомъ отношеніи, человѣкъ честный. При томъ же пристроиться къ „башкирскимъ землямъ", даже въ англійскихъ колоніяхъ не совсѣмъ безопасно, по причинѣ отличнаго контроля и широкой гласности.

Итакъ, лордъ Мильнеръ былъ назначенъ намѣстникомъ въ присоединенныхъ колоніяхъ. Ему дали почти безграничныя пол-

*) „Пестрыя письма".

**) Тамъ же.

***) М. Е. Салтыковъ. Полное Собраніе сочиненій, изд. 1900 г., т. VI, стр. 480.

номочія, а онъ, въ свою очередь, обѣщалъ замирить край и ввести тамъ образцовый порядокъ. Лордъ Мильнеръ явился въ Южную Африку съ громадной, спеціально набранной имъ канцеляріей чиновниковъ и съ цѣлой арміей жандармовъ (констэблей), организованной по его собственному плану. Основное положеніе намѣстника заключалось въ томъ, что нѣтъ такого запутаннаго и сложнаго политическаго или экономическаго вопроса, который не разрѣшался бы хорошо составленной бумагой за соотвѣтствующимъ номеромъ. Южная Африка *должна* быть англизирована. Мильнеру говорили, что это очень трудно: англичане, живущіе въ Южной Африкѣ — перелетныя птицы; они — одиноки, пріѣзжаютъ, чтобы нажиться и, добившись этого, возвращаются на родину. Этихъ перелетныхъ птицъ привлекаютъ только золотые пріиски. Черезъ 20—25 лѣтъ пріиски истощаются, тогда въ странѣ опять останутся только земледѣльцы, т. е. голландцы. Къ тому времени ихъ будетъ гораздо больше, потому что голландцы женятся рано и имѣютъ громадныя семьи въ 8—12 дѣтей. Какова бы ни была власть въ новыхъ колоніяхъ,—возражали Мильнеру,— матери голландки усиленно будутъ культивировать родной языкъ. На всѣ эти возраженія у намѣстника былъ готовъ отвѣтъ: необходимъ только хорошо и соотвѣтственно составленный циркуляръ. Нужно превратить англичанъ въ земледѣльцевъ и дать имъ устроенныя фермы. Вотъ и все. Пріѣзжающіе изъ Англіи— холостой народъ. И это ничего: нужно только выписать изъ Англіи транспортъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Такимъ образомъ, у новыхъ колонистовъ будутъ жены, которыя станутъ культивировать англійскій языкъ. Къ тому же можно издать приказъ, въ силу котораго употребленіе голландскаго языка сокращается. Правда, въ трактатѣ о мирѣ есть пунктъ пятый; но бюрократія умѣетъ составлять ловкія бумаги. Можно истолковать, напр., употребленіе голландскаго языка въ судахъ въ томъ смыслѣ, что разрѣшается не умѣющимъ говорить по-англійски, давать показанія черезъ переводчика. Мысль бюрократовъ изворотлива, и они всегда знаютъ, что можно скрыться въ туманѣ многословія, какъ уходитъ каракатица, зачернивъ вокругъ себя воду. И вотъ бюрократическая машина въ Южной Африкѣ завертѣлась. Затрачены были громадныя деньги на пріобрѣтеніе фермъ и инвентаря, которые были розданы резервистамъ и солдатамъ. Въ Англіи образовалась „патріотическая лига", которая помогала молодымъ женщинамъ эмигрировать въ Южную Африку. Уличная пресса писала про то, что въ новыя колоніи „ѣдутъ будущія матери великаго народа". Лордъ Мильнеръ настоятельно рекомендовалъ англійскимъ работникамъ переселяться въ Южную Африку. Бюрократическій умъ въ состояніи видѣть только одну прямую линію. Лорду Мильнеру представлялось, что голландское населеніе, это—мятежники, поэтому нужно противопоставить ему

лоялистовъ и имперіалистовъ—англичанъ. Консервативныя газеты въ Англіи усиленно убѣждали работниковъ переселяться. „Южная Африка, — писалъ *Times*, — разрѣшитъ вопросъ о безработныхъ“. Бюрократическая машина работала усиленно. За два года выпущено поразительное число циркуляровъ и распоряженій. Самъ намѣстникъ отличается замѣчательной работоспособностью, т. е. онъ можетъ по 10 часовъ въ день составлять приказы. Денегъ на бюрократическую машину затрачено было очень много. И вотъ въ тотъ моментъ, когда Англія, на основаніи докладовъ намѣстника, ожидала получить извѣстіе, что все въ Южной Африкѣ устроено,—она узнала, что все рухнуло. Бюрократія, при томъ самая лучшая, образованная и, сравнительно, честная (въ смыслѣ казнокрадства), оказалась полнымъ банкротомъ. Циркулярными распоряженіями, хотя и образцово составленными, не удалось превратить англійскихъ конторщиковъ и приказчиковъ, никогда не выѣзжавшихъ изъ города — въ фермеровъ. Клэрки продали инвентарь, заложили земли и уѣхали въ большіе города. Съ „матерями великаго народа“ случилось еще хуже. Многія изъ нихъ стали матерями гораздо раньше, чѣмъ нашли мужей, и попали потомъ въ публичные дома Іоганнсбурга. Газеты забили тревогу, и „патріотическая лига“ въ Англіи прекратила свою дѣятельность. Циркуляромъ не удалось также запретить голландскій языкъ. Но сильнѣе всего бюрократія ошиблась, когда рекомендовала англійскимъ работникамъ переселяться въ новыя колоніи. Она разсчитывала видѣть союзниковъ, т. е. добровольныхъ насадителей бюрократическаго имперіализма. Вмѣсто этого работники соединились съ голландцами въ требованіяхъ политической свободы. Бюрократія имѣла своими главными союзниками мѣстныхъ крупныхъ капиталистовъ, владѣльцевъ пріисковъ; но интересы этихъ предпринимателей и работниковъ были діаметрально противоположны. Золотопромышленникамъ нужны были только дешевые и безотвѣтные работники. И вотъ бюрократія забила отбой; вмѣсто англійскихъ работниковъ, стали ввозить китайцевъ и кули. Долго бюрократія не признавалась, что потерпѣла неудачу. При отсутствіи общественнаго контроля, заржавленная машина, не смотря на свою полную негодность, работала бы, какъ у насъ. Существовали бы канцеляріи, штаты (не соединенные, а платные), чиновники. Составлялись бы бумаги. Но даже въ Южной Африкѣ не удалось зажать ротъ печати, а тѣмъ болѣе въ Англіи. Общество узнало все. Факты были до такой степени очевидны, что негодность бюрократической машины стала внѣ сомнѣнія. Ее рѣшили сломать и замѣнить испытаннымъ механизмомъ—самоуправленіемъ.

Двадцать шестого апрѣля вышла въ Лондонѣ синяя книга „Cd, 2400“, содержащая органическій статутъ Трансвааля. Коло-

нія получила представительныя учрежденія, но безъ контроля надъ исполнительной властью.

IV.

„Правительство его величества,—говорится во вступленіи,—никогда не имѣло намѣренія превратить вновь присоединенныя колоніи на долгое время въ коронныя колоніи. Это было точно выражено въ манифестѣ о присоединеніи бывшихъ республикъ. Полное самоуправленіе обѣщано въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ Фереенигинѣ... Обѣщаніе дано не одному какому-нибудь классу, но всему населенію обѣихъ колоній“. Дальше въ вступленіи говорится, что центральное правительство сдѣлало уже нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ для осуществленія обѣщанія. Послѣ отмѣны законовъ военнаго времени введенъ былъ законодательный совѣтъ, въ которомъ засѣдали, вмѣстѣ съ членами по назначенію, нѣсколько выборныхъ представителей *). Затѣмъ въ колоніяхъ ввели муниципальное самоуправленіе. Во всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ города Трансвааля и Оранжевой колоніи пользуются полнымъ самоуправленіемъ.

„Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1904 г. правительство его величества убѣдилось, что наступила пора дать политическое самоуправленіе Трансваалю... Въ мирномъ договорѣ упоминается, что полному самоуправленію должны предшествовать представительныя учрежденія. Подъ „полнымъ самоуправленіемъ“ подразумѣвается, конечно, — говоритъ вступленіе, — такая система, при которой не только законодательство, но и существованіе исполнительной власти зависитъ отъ согласія большинства выборныхъ представителей народа“. Правительство знаетъ, что „значительная часть населенія Трансвааля требуетъ немедленнаго введенія именно такого самоуправленія“; но,—продолжаетъ вступленіе,—для такой реформы еще не наступила пора. „Должно пройти еще нѣкоторое время, хотя и не продолжительное, прежде чѣмъ можно будетъ вручить народу, подчиненному послѣ долгой борьбы, полное завѣдываніе его собственными дѣлами. Полное самоуправленіе, какъ оно понимается въ Англіи и въ независимыхъ колоніяхъ, сводится къ тому, что у власти послѣдовательно стоятъ различныя партіи (Full self-Government-implies party Government). Другими словами, контроль надъ законодательной и административной машинами находится въ рукахъ вождей той политической партіи, которая на выборахъ получила большинство голосовъ. Въ странѣ, въ которой существуетъ извѣстная однородность,—продолжаетъ оффиціальный документъ,—основанная или

*) Голландское населеніе отказалось тогда послать въ совѣтъ своего представителя.

на единствѣ расы и языка, или же на общей исторіи,—эта система даетъ хорошіе результаты". Не то мы видимъ въ Трансваалѣ, гдѣ рядомъ живутъ два народа, не забывшіе еще всѣхъ ужасовъ войны. Война породила сильное раздраженіе одного народа противъ другого, поэтому,—по мнѣнію составителей синей книги,—полное самоуправленіе для Трансвааля теперь повело бы къ перемѣнному господству англичанъ надъ голландцами и наоборотъ. Широкое самоуправленіе, съ другой стороны, даетъ благіе результаты тогда, когда оба народа поживутъ еще вмѣстѣ, забудутъ взаимныя обиды и когда время изгладитъ воспоминанія о прошломъ. „Центральное правительство отнюдь не думаетъ уклониться отъ своего обѣщанія; но только полагаетъ, что широкому самоуправленію должна предшествовать переходная форма... Эта увѣренность основана на предшествующемъ опытѣ. Австралазія, Канада, Новая Зеландія, Капская колонія, Наталь—не сразу получили полное самоуправленіе".

Составители синей книги вспоминаютъ, конечно, Канаду, которой дано самоуправленіе послѣ мятежа, не смотря на то, что въ колоніи живутъ два народа, тогда далеко не питавшіе симпатій другъ къ другу. „Но Канада въ то время,—говорится во вступленіи,—имѣла уже представительныя учрежденія. Французы въ Канадѣ состоятъ британскими подданными съ 1763 г. Такимъ образомъ, Канаду послѣ мятежа, когда туда явился лордъ Дерхэмъ, отнюдь нельзя сравнить съ Трансваалемъ послѣ войны 1899—1902 гг.".

Итакъ, правительство рѣшило дать Трансваалю просто представительныя учрежденія. Такого рода палата существовала въ Капской колоніи съ 1853—1872 г., а въ Наталѣ съ 1856 г. по 1893 г. „Представительныя учрежденія явятся школой, въ которой все населеніе научится самоуправленію,—говорится во вступленіи,—а каждый народъ въ отдѣльности—взаимному уваженію". Во вступленіи сказано много хорошихъ словъ; но въ нихъ завернуто одно опасеніе: боязнь преобладанія побѣжденныхъ надъ побѣдителями. Голландцы—постоянные жители Трансвааля, тогда какъ англичане—перелетныя птицы. Затѣмъ у голландцевъ большія семьи, а англичане—одинокій народъ. И вотъ составители конституціи придумали способъ, какимъ образомъ не только уравнять на выборахъ шансы обоихъ народовъ, но, если возможно, дать перелетному населенію преобладаніе. Въ синей книгѣ намѣчается особый порядокъ выборовъ. Все это очень удачно замаскировано словами о широкой справедливости. „При республикѣ каждый округъ посылалъ въ фолькраадъ представителей не въ зависимости отъ числа населенія. Такимъ образомъ, городокъ Барбертонъ, въ которомъ мужского населенія 1143 человѣка, посылалъ одного представителя, Лиденбургъ, съ населеніемъ въ 3500 человѣкъ—двухъ представителей, а Іоганнс-

бургъ, съ населеніемъ въ 75 тысячъ—только одного представителя. Правительство республики стремилось къ тому, чтобы дать деревенскому населенію преобладаніе надъ городскимъ". Составители конституціи, очевидно, руководствуются обратнымъ принципомъ. „Особенности Трансвааля заключаются въ томъ, что количество мужского населенія въ городскихъ и деревенскихъ округахъ далеко не пропорціонально,—говорится во вступленіи. Въ деревняхъ мы видимъ большія семьи, а въ городахъ — одинокихъ людей. Такимъ образомъ, если взять базисомъ абсолютное число населенія, то деревни изберутъ больше депутатовъ, чѣмъ города". Вотъ почему составители конституціи руководятся не абсолютнымъ количествомъ „душъ", а числомъ избирателей въ каждой мѣстности.

Вступленіе заканчивается призывомъ къ обоимъ народамъ, населяющимъ теперь Трансвааль. „Голландское населеніе недавно видѣло, какъ послѣ мужественной и упорной борьбы съ превосходящими силами — пала республика, основанная доблестью и жертвами его предковъ. Въ силу этого трудно ожидать, чтобы населеніе питало особую нѣжность къ современному правительству Трансвааля. Но правительство его величества, зная практическій геній голландцевъ, призываетъ ихъ къ совмѣстной работѣ".

Разсмотримъ теперь детально пункты конституціи. Представительныя учрежденія Трансвааля состоятъ изъ одной палаты; въ нее входятъ намѣстникъ, не меньше шести и не больше девяти назначенныхъ короной министровъ, затѣмъ не меньше тридцати и не больше тридцати пяти выборныхъ представителей *). Оффиціальные представители смѣщаются только распоряженіемъ короля. Избирателями могутъ быть: a) всѣ бургеры, внесенные въ избирательные списки республики; b) каждый британскій подданный, достигшій 21 года, и неопороченный судомъ, и снимавшій въ продолженіе шести мѣсяцевъ квартиру или землю, за которыя платилъ не меньше 10 ф. въ годъ; c) каждый, получавшій въ теченіе шести мѣсяцевъ до выборовъ не меньше 100 ф. въ годъ жалованья или заработка **). Другими словами, это значитъ, что все мужское населеніе Трансвааля, неопороченное судомъ, кромѣ нищихъ, получаетъ право голоса. Работники тамъ получаютъ больше 100 фунт. въ годъ и платятъ больше 10 фунт. въ годъ за квартиру.

Избирательные списки составляются каждые два года, при чемъ при намѣченіи избирательныхъ округовъ принимается во вниманіе передвиженіе населенія ***).

*) § I, a.
**) § III.
***) § VII.

Намѣстникъ является предсѣдателемъ законодательнаго собранія (Legislative Assembly) *).

Палата обсуждаетъ только законы, но не имѣетъ полнаго контроля надъ бюджетомъ. По своему усмотрѣнію палата не можетъ вносить проектовъ новыхъ налоговъ; инціатива въ этомъ отношеніи принадлежитъ предсѣдателю, т. е. намѣстнику **). Палата можетъ, конечно, отказаться вотировать бюджетъ, предложенный намѣстникомъ. Это ограниченіе бюджетнаго права составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ отступленій отъ органическихъ статутовъ другихъ британскихъ колоній. Такъ какъ не палатѣ принадлежитъ инціатива составленія смѣтъ, то контроль надъ жандармеріей (констэблями) остается всецѣло въ рукахъ намѣстника. Въ самоуправляющихся колоніяхъ полиція находится подъ полнымъ контролемъ общества. Вотъ почему въ Канадѣ или въ Австралазіи немыслимы тѣ жалобы, которыя въ Трансваалѣ и въ колоніи Оранжевой рѣки раздаются противъ произвола констэблей.

Всѣ дебаты и журналы въ законодательной палатѣ ведутся на англійскомъ языкѣ; но депутаты, съ разрѣшенія предсѣдателя, могутъ произносить рѣчи и на голландскомъ языкѣ ***).

Такова, въ общихъ чертахъ, новая конституція, которая привѣтствована всею консервативной печатью, какъ актъ, поразительный по своему великодушію.

V.

„Строй, устанавливаемый конституціей,—говоритъ „Times“,—именно тотъ, который соотвѣтствуетъ желанію наиболѣе благоразумныхъ и благожелательныхъ людей. Дарованіемъ этой конституціи — исполнено съ лихвою обѣщаніе, данное когда-то Чэмберлэномъ. Населеніе Трансваала покуда еще не получило контроля надъ исполнительной властью, потому что,—какъ справедливо указано въ предисловіи къ органическому статуту,—оно еще не дозрѣло; но за то правительство благоразумно отказалось отъ проекта палаты съ депутатами по назначенію и дало новой колоніи представительныя учрежденія въ высоко-развитой формѣ... Тотъ фактъ, что Англія даровала Трансваалю такую либеральную конституцію черезъ три года послѣ окончанія войны, не смотря на сдержанно-враждебное отношеніе бурскихъ вождей, — всего лучше свидѣтельствуетъ о нашемъ благородствѣ и о томъ, какъ хорошо держимъ мы слово. По новой конституціи населеніе получитъ такое большинство голосовъ въ палатѣ, которое дастъ

*) § VIII.
**) § XIII.
***) § XV.

ему возможность контролировать все обычное законодательство мѣстнаго характера. Населеніе получаетъ высшую степень свободы, совмѣстимой съ прочностью администраціи. Такимъ образомъ, новая колонія дѣлаетъ теперь предпослѣдній шагъ къ полному самоуправленію. Отъ самого населенія зависитъ, чтобы и *послѣдній* шагъ былъ сдѣланъ очень скоро. Ему слѣдуетъ проявить для этого благоразуміе, умѣренность и лойяльность" *). Другія консервативныя газеты тоже доказывали, что конституція—образчикъ государственной мудрости. И если въ органическомъ статутѣ есть какой-нибудь недостатокъ, то развѣ чрезмѣрное великодушіе и поразительный либерализмъ. „Новая конституція слишкомъ быстро поведетъ къ полному самоуправленію... Зачѣмъ центральное правительство подвергается риску увидать себя въ палатѣ въ меньшинствѣ? Не лучше ли было бы, если бы половина депутатовъ назначалась правительствомъ?" **)

Совершенно иного мнѣнія либеральная печать. Она доказываетъ, что центральное правительство, отнимая у парламента контроль надъ исполнительной властью, только вноситъ путаницу, но отнюдь не дѣлаетъ положеніе администраціи прочнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, если у исполнительной власти въ Трансваалѣ выйдутъ недоразумѣнія съ палатой, послѣдняя можетъ причинить много хлопотъ, хотя не имѣетъ контроля надъ бюджетомъ. „Вся конституція—только временный и при томъ неудачный палліативъ,—говоритъ главный органъ фабричнаго раіона, обрабатывающаго волокнистыя вещества.—Наша колоніальная исторія учитъ насъ, что компромиссъ между полнымъ самоуправленіемъ и коронной колоніей—не существуетъ. Нужно выбирать одно изъ двухъ: или абсолютизмъ коронной колоніи, или парламентъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ. И такъ какъ горькій опытъ доказалъ намъ, что абсолютизмъ раззоряетъ край и порождаетъ революціи, — то остается только полное самоуправленіе. Опытъ Канады, Австралазіи, Новой Зеландіи, Капской колоніи и Наталя показалъ, какіе блестящіе результаты получаются, если отдать народу въ руки его собственную судьбу. Что обозначаетъ понятіе „отвѣтственное правительство", которое теперь почему-то такъ пугаетъ нашихъ консерваторовъ?—продолжаетъ газета.—Означаетъ только то, что сама колонія, а не мы, отвѣтственна за всѣ свои поступки въ дѣлахъ самоуправленія. Предоставляя колоніи право обсужденія, но не давая ей права контроля,—центральное правительство уступаетъ нѣкоторыя свои привилегіи власти, но оставляетъ за собой всѣ неудобства. Критика власти, если у палаты нѣтъ полномочій смѣстить ее, насыщаетъ только атмосферу страшнымъ раздраженіемъ и недовольствомъ. Въ интересахъ имперіи важно,

*) „Times", April 26, 1905. Передовая статья.
**) „Morning Post", April 26, 1905.

чтобы каждая составная единица ея сама была отвѣтственна за собственные поступки". Газета дальше указываетъ на причину, почему центральное правительство поспѣшило дать представительныя учрежденія Трансваалю, а не колоніи Оранжевой рѣки. Оно желаетъ отклонить отъ себя подозрѣнія, что правитъ Трансваалемъ въ интересахъ только одного класса. Между тѣмъ, въ палатѣ оно вынуждено будетъ вступить въ коалицію съ представителями именно этого класса, чтобы сохранить за собою необходимое большинство. Такимъ образомъ, правительство свяжетъ свою судьбу съ интересами интернаціональныхъ крупныхъ золото промышленниковъ *).

Радикальная печать рѣзко осудила новую конституцію и въ своемъ приговорѣ была безпощадна. „Новая конституція, дарованная отъ имени короля, чтобы, такимъ образомъ, спасти ее отъ предварительной критики коммонеровъ, есть не что иное, какъ акробатическій фокусъ, достойный министерства барнумовъ,—говоритъ талантливая, сильно распространенная народная газета „Star". Правительство поспѣшило съ конституціей, потому что боится, что недалекіе общіе выборы поставятъ у власти радикальное министерство, которое дастъ Трансваалю широкое самоуправленіе... Новая конституція имѣетъ цѣлью дать контроль надъ колоніей тѣмъ золотопромышленникамъ, которые вытѣснили англійскихъ работниковъ и замѣнили ихъ китайскими кули" **). Такую же двоякую оцѣнку новой конституціи мы находимъ въ южно-африканскихъ газетахъ. Нужно помнить, что подавляющее большинство ихъ находится въ рукахъ крупныхъ золотопромышленниковъ. Независимыми органами слѣдуетъ считать двѣ-три голландскія газеты (главнымъ образомъ, „Volkstem"), да столько же англійскихъ газетъ, отражающихъ интересы работниковъ. Центральный журналъ золотопромышленниковъ—„Rand Mail"—въ восторгѣ отъ новой конституціи. „Она отражаетъ истинное желаніе большинства населенія и удовлетворитъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей Трансвааля,—говоритъ газета.—Конституція же враждебна бургерамъ, потому что даетъ имъ такія же права, какъ и англичанамъ". Другая газета золотопромышленниковъ,—„Iohannesburg Star",—сыгравшая видную роль въ подготовленіи войны,—находитъ конституцію „превосходной". „Трансвааль будетъ имѣть болѣе либеральную конституцію, чѣмъ какая либо другая колонія, имѣющая представительныя учрежденія". „Iohannesburg Times" тоже въ восторгѣ отъ конституціи. „Pretoria News" находитъ новый органическій статутъ „очень либеральнымъ", хотя даетъ всѣ гарантіи центральному правительству". Такимъ образомъ, пресса, выражающая интересы класса, который играетъ такую видную

*) „Manchester Guardian", April 16, 1905.
**) „Star", April 17, 1905.

роль въ исторіи Трансвааля за послѣднія десять лѣтъ,—безусловно довольна конституціей. Независимыя газеты, какъ „South African News", такъ суммируютъ сущность конституціи: „населеніе должно будетъ платить и выражать на лицѣ удовольствіе".

Южно-африканскія газеты принесли съ собою не только простую критику конституціи. Просматривая „South African News", напр., мы убѣждаемся, что основное положеніе центральнаго правительства, положеніе, выставленное съ особенной силой Мильнеромъ,—совершенно невѣрно. По мнѣнію бюрократіи, за центральное правительство является *все* англійское населеніе въ Трансваалѣ, а въ оппозиціи—всѣ голландцы. Расовой антагонизмъ, по прямолинейности своей,—болѣе всего понятенъ бюрократіи, которая, часто въ критическія минуты для себя, какъ мы, русскіе, къ горю нашему, знаемъ, усиленно играетъ на немъ. Справка съ южно-африканскими газетами доказываетъ, что демаркаціонная линія, раздѣляющая „благонамѣренность" отъ „неблагонамѣренности" (съ точки зрѣнія бюрократіи), отнюдь не совпадаетъ съ линіей, разграничивающей національности. Правда, въ оппозиціи значительная часть голландскаго населенія. Но далеко не всѣ англичане въ Трансваалѣ являются сторонниками правительства. Голландская оппозиція, составляющая общество „Het Volk", выпустила критическій разборъ конституціи; но еще болѣе рѣзко отозвалась о ней „Responsible Government Association". Эта многочисленная ассоціація состоитъ исключительно изъ англичанъ. Въ манифестѣ ассоціаціи опровергается утвержденіе, что широкое самоуправленіе въ Трансваалѣ неминуемо поведетъ къ господству одной расы надъ другой. Манифестъ ссылается на союзъ между голландскимъ „Het Volk" и англійскимъ обществомъ „Responsible Government Association". „Центральное правительство сильно ошибается, утверждая, что Трансвааль еще не созрѣлъ для контроля надъ исполнительной властью. Онъ забываетъ всю предварительную исторію колоніи". Манифестъ дальше доказываетъ, что отнятіе у представителей населенія контроля надъ исполнительной властью поведетъ къ тому, что правительство колоніи подпадетъ подъ вліяніе класса золотопромышленниковъ. Когда это случится, то на долю Трансвааля выпадутъ великія бѣдствія. Представительныя учрежденія безъ контроля надъ исполнительной властью отнюдь не являются политическими школами для населенія. Центральное правительство вынуждено было дать полное самоуправленіе Капской колоніи и Наталю, потому что тамъ выходили безпрерывныя недоразумѣнія между палатой и исполнительной властью. „Палата депутатовъ,—говорится дальше въ манифестѣ*),—

---

*) „A manifesto on the Transvaal Constitution, issued by the Responsible Government Association". „Манифестъ" составляетъ петицію на имя министра колоній.

должна имѣть полный и совершенный контроль надъ всѣми доходами и расходами колоніи. Лица, не отвѣтственныя предъ палатой, не должны распоряжаться какою бы то ни было частью прихода". *Ассоціація* дальше рѣзко осуждаетъ то, что представитель короны, т. е. намѣстникъ, по конституціи является предсѣдателемъ палаты. Манифестъ рѣшительно высказывается противъ того, что иниціатива во всѣхъ финансовыхъ реформахъ принадлежитъ исключительно предсѣдателю. „Центральному правительству,—заканчиваетъ ассоціація, не удалось доказать, почему населенію не долженъ быть данъ контроль надъ исполнительной властью". Союзъ поэтому заявляетъ, что будетъ отстаивать всѣми силами полное самоуправленіе.

Заявленіе голландцевъ составлено тоже въ крайне категорической формѣ *).

„По новой конституціи,—пишетъ отъ имени комитета ген. Бота,—правительство колоніи стоитъ совершенно внѣ контроля палаты. Представители народа не могутъ даже назначать жалованья состоящимъ на правительственной службѣ. Четвертая часть всей палаты будетъ состоять изъ правительственныхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, представители короны будутъ всегда въ состояніи выполнять свои планы. Власть палаты до такой степени ограничена, что она является скорѣе политическимъ клубомъ, чѣмъ законодательнымъ собраніемъ. Основной принципъ самоуправленія: полный контроль населенія надъ финансами страны—отсутствуетъ". Ген. Бота отъ имени Het Volk протестуетъ противъ того, что правительство намѣрено и дальше навязать населенію жардармерію (Constabulary), которая стоитъ такъ дорого и порождаетъ только безпрерывныя и справедливыя жалобы.

По конституціи, депутатамъ разрѣшается произносить въ палатѣ рѣчи на голландскомъ языкѣ, испрашивая на то разрѣшенія предсѣдателя (намѣстника). „Такимъ образомъ,—говорится въ заявленіи,—депутаты будутъ находиться въ зависимости отъ каприза представителя короны. Это—и не практично, и унизительно". Голландское населеніе протестуетъ также противъ параграфа, въ силу котораго одинокимъ искателямъ счастья, временно живущимъ въ колоніи, даны большія преимущества, чѣмъ постояннымъ жителямъ, имѣющимъ большія семьи.

Такимъ образомъ, введеніе новой конституціи породитъ не мало бурь въ Трансваалѣ; но причиной будетъ, какъ мы видѣли,—ограниченіе власти палаты. Полное спокойствіе и гармонія наступятъ тогда, когда населеніе получитъ возможность рѣшать свою собственную судьбу. Только полное самоуправленіе поведетъ въ Трансваалѣ, какъ въ Канадѣ, къ сближенію двухъ на-

---

*) „A Communication from the „Hoofd Commitee" to the Governing Bodies and Members of *Het Volk*",—переводъ съ голландскаго.

родностей. „Въ государствѣ,—говоритъ Іордъ Бичеръ,—должно руководиться тѣмъ же принципомъ, что и въ частномъ хозяйствѣ: источенную червями и изъѣденную молью негодную мебель слѣдуетъ не хранить, а вытащить на чердакъ. Такимъ негоднымъ хламомъ являются отжившія учрежденія. Непримиримый консерватизмъ—безуміе, на придачу, крайне опасное. При „обновленіи" никогда не слѣдуетъ удовлетворяться полумѣрами, которыя только раздражаютъ всѣхъ, не исцѣляя ничего. Если нужна ломка, то ломайте и выбрасывайте все негодное" *).

Діонео.

«Выцвѣтаніе» рабочей партіи.

(Письмо изъ Германіи).

I.

При вѣсти о каждой новой побѣдѣ соціалъ-демократіи, въ извѣстной части буржуазной печати постоянно слышатся голоса, которые предсказываютъ перерожденіе „красной партіи" подъ вліяніемъ ея успѣховъ, „выцвѣтаніе" или „линяніе" (Mauserung) ея пролетарской окраски. И всемірно-историческій опытъ, казалось бы, дѣйствительно, говоритъ за подобное предположеніе. Въ исторіи человѣчества, кажется, нѣтъ ни одной идеи, которая не выцвѣтала бы по мѣрѣ того, какъ ея принципы и идеалы воплощались на практикѣ. Въ началѣ—періодъ драматизма и мученичества. Является какой-нибудь пророкъ и приноситъ съ собою новую истину; его, какъ это бываетъ со всѣми пророками, гонятъ и преслѣдуютъ, его послѣдователей распинаютъ и оскорбляютъ, его ученіе смѣшиваютъ съ грязью, приравниваютъ къ бреду безумнаго или сваливаютъ въ общее хранилище человѣческой глупости. Но вотъ наступаетъ, благодаря упорству послѣдователей и перемѣнѣ соціальныхъ условій, полный переворотъ: вчерашняя глупость и заблужденіе становится всѣми признанной, неоспоримой, безусловной, единоспасительной, единственно истинной—истиной; повѣшенные, распятые, казненные и заточенные преступники вчерашняго дня—на завтра становятся руководителями и властителями, учителями и судьями, которыхъ единое слово заставляетъ трепетать и враговъ, и приверженцевъ, которыхъ власть не знаетъ никакихъ предѣловъ. Мало того, вчерашніе угнетаемые становятся на завтра угнетателями, и всякій, кто возстаетъ противъ великаго и всѣми признаннаго ученія, кто осмѣ-

---

*) *Andrew Reid.* Why i am or Liberal, p. 15.

ливается провозгласить какую-нибудь новую истину рядомъ съ только-что признанной,—платитъ мученичествомъ за свое дерзновеніе, а его учениковъ и послѣдователей вчерашніе мученики гонятъ въ тюрьмы и ссылку, подготовляя, такимъ образомъ, путь для будущей новой догмы и для новыхъ властителей человѣчества...

Власть и успѣхъ убиваютъ идею... Она становится достояніемъ массы... Она выцвѣтаетъ и опошляется... Она становится ходячей и стертой монетой текущей обыденности, входитъ въ компромиссъ съ наличными носителями силы и зачисляется въ пантеонъ признанныхъ божествъ современности... Цѣною принципа покупается общественная мощь и сила... Стоитъ только отказаться отъ первоначальнаго противоположенія старыхъ боговъ и новой вѣры, стоитъ только отодвинуть самое осуществленіе идеала въ болѣе или менѣе отдаленное будущее и установить съ печальной дѣйствительностью дружеское сожитіе подъ новымъ блестящимъ и прекраснымъ знаменемъ—и дѣло сдѣлано: съ одной стороны, великая и новая истина восторжествовала, а съ другой—и наличныя отношенія соціальной мощи не только не проиграли, но въ новомъ, блестящемъ и яркомъ идейномъ нарядѣ представляются еще лучше, прекраснѣе и спасительнѣе, чѣмъ прежде! Таковы судьбы истины, купившей путемъ компромисса признаніе и внѣшнюю власть, таковы результаты „линянія“ ея принциповъ и умноженія ея послѣдователей. Становясь сильнѣе извнѣ, она слабѣетъ внутри и выцвѣтаетъ подъ общій тонъ вѣчно торжествующей пошлости и насилія!...

Въ третьей книжкѣ XX тома архива соціальной науки и соціальной политики докторъ Бланкъ дѣлаетъ попытку доказать, при помощи статистики послѣднихъ выборовъ 1903 года, что, въ дѣйствительности, перерожденіе нѣмецкой соціалъ-демократіи уже началось, что она постепенно теряетъ свой основной пролетарскій характеръ, что въ ея ряды влились широкою струей демократическіе, бюргерскіе элементы. Для полученія такихъ результатовъ, Р. Бланкъ прибѣгаетъ къ очень простому способу. Онъ сравниваетъ общее число индустріальныхъ рабочихъ, имѣвшееся на лицо въ 1895 году, выдѣляетъ изъ него число рабочихъ, обладающихъ правами выбора, ограничиваетъ это количество опредѣленнымъ процентомъ, такъ какъ далеко не всѣ рабочіе участвуютъ въ выборахъ, и, выдѣливъ изъ полученнаго, такимъ образомъ, числа рабочихъ послѣдователей центра, сравниваетъ оставшееся число избирателей съ общимъ числомъ голосовъ, поданныхъ въ пользу рабочей партіи въ 1903 году, а въ результатѣ этихъ операцій получаетъ слѣдующія данныя. Въ общемъ въ 1903 году рабочими было подано 2.620,649 голосовъ, третья часть изъ нихъ, по мнѣнію Бланка, приходится на центръ. Такимъ образомъ, за программу соціальной демократіи было подано всего

1.747,095 голосовъ изъ среды пролетаріата, и это въ то время, какъ всего за кандидатовъ соціалъ-демократіи было подано 3.010,771 голосъ. Если бы эти данныя подтвердились на дѣлѣ, то оказалось бы, что остальные 1.263,676 голосовъ приходятся не на пролетаріатъ, а на бюргерскіе классы. Однако, эта цифра измѣняется уже потому, что съ 1895 года по 1903 годъ населеніе страны чрезвычайно увеличилось, а въ частности очень возрасло число индустріальныхъ рабочихъ. Это увеличеніе Бланкъ принимаетъ въ 40%, а въ силу этого значительно возрастаетъ и количество голосовъ, поданныхъ рабочими въ пользу соціалъ-демократіи. Изъ числа 3.010,771 голоса, въ силу этого, на рабочихъ приходится приблизительно 2.466,000. Отсюда уже ясно, что болѣе полмилліона голосовъ приходится на бюргерскіе классы, но эта послѣдняя цифра Бланка не удовлетворяетъ, и онъ думаетъ, согласно статистикѣ выборовъ 1898 года, что не менѣе 750 тысячъ бюргерскихъ голосовъ приходилось въ 1903 году на пролетарскую партію. И, на основаніи этихъ данныхъ, нашъ статистикъ приходитъ къ весьма печальнымъ для рабочей партіи результатамъ. Она, какъ оказывается, превращается постепенно въ коалиціонную партію, не имѣющую классовой основы, она преобразуется въ народную партію вообще, въ которой громадную роль играютъ бюргерскіе элементы. Благодаря этому, въ самой партіи находитъ Бланкъ раздвоеніе и противоположность. Смѣшанные бюргерско-пролетарскіе избиратели и фракція, съ одной стороны, партійное правленіе и партійный конгрессъ,—съ другой стороны. Таковы элементы, которые выражаютъ противоположность между смѣшаннымъ характеромъ первыхъ и пролетарскимъ составомъ вторыхъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ Бланкъ ссылается на тотъ фактъ, что изъ прежней программы партіи уже вычеркнуто рѣзкое положеніе, направленное противъ „всѣхъ другихъ партій, какъ реакціонной массы", что съ 1891 года партія называется не „соціалистической", а „соціалъ-демократической рабочей партіей", что, наконецъ, цѣлый рядъ случаевъ послѣдняго времени указываетъ на противоположность между соціалистической теоріей и бюргерско-демократической практикой. Если вѣрить Бланку, то „выцвѣтаніе" партіи въ полномъ ходу, и совершенно своевременнымъ является вопросъ о томъ, не выцвѣтаетъ ли соціализмъ по мѣрѣ побѣды соціалъ-демократіи? Не приспособляется ли онъ къ тому буржуазному обществу, котораго онъ объявилъ себя принципіальнымъ противникомъ? Не идетъ ли онъ нынѣ подъ однимъ ярмомъ съ капиталистическимъ обществомъ по пути его внѣшней и внутренней политики? Не поступился ли и онъ своей идеей, подобно многимъ своимъ предшественникамъ въ дѣлѣ спасенія міра, не падаетъ ли и онъ жертвой всеобщаго процесса идейнаго выцвѣтанія и политическаго роста?

Въ самомъ дѣлѣ, быть соціалъ-демократомъ въ истинномъ

смыслѣ слова, быть настоящимъ „товарищемъ“ далеко не значитъ быть только приверженцемъ опредѣленныхъ политическихъ тенденцій или, какъ это говорятъ „свободомыслящіе“ — „другомъ“ опредѣленной партіи. Такихъ друзей (Mitläufer), въ отличіе отъ товарищей (Genosse), у „соци“ очень много. „Друзья“ сочувствуютъ и не могутъ не сочувствовать глубоко-народной и гуманной политикѣ рабочей партіи, и, не раздѣляя ни соціальной вѣры, ни экономическихъ теорій соціализма, они, однако, отдаютъ свои голоса соціалъ-демократамъ, такъ какъ это, съ ихъ точки зрѣнія, все же лучшая, честнѣйшая и наиболѣе прогрессивная партія изъ всѣхъ существующихъ. Но, чтобы быть настоящимъ „соци“, настоящимъ товарищемъ, мало только голосовать за кандидатовъ партіи или жертвовать для нея денежныя средства. Какъ требуетъ совершенно опредѣленно § 1 статута ея организаціи, для принадлежности къ партіи нужно еще „исповѣданіе основныхъ положеній ея программы“, программа же эта не только предполагаетъ со стороны своихъ сочленовъ опредѣленное соціальное міровоззрѣніе, но также и извѣстную степень партійной нравственности, которая одна въ послѣдней инстанціи является рѣшающей для вопроса о томъ, поскольку тотъ или другой „товарищъ“ дѣйствительно осуществляетъ на практикѣ тѣ начала, которыя онъ исповѣдуетъ въ теоріи. Какъ было прекрасно сказано Бебелемъ въ его рѣчи на дрезденскомъ партейтагѣ: „товарищъ“ принадлежитъ своей партіи „душою и тѣломъ“(mit Haut und Haaren). И только такіе „цѣльные люди“, въ отличіе отъ „половинчатыхъ либераловъ“ буржуазныхъ партій, являются истинными членами партіи въ лучшемъ смыслѣ слова.

Нормальный и здоровый ростъ партіи поэтому далеко не можетъ быть равнозначнымъ съ однимъ только ея внѣшнимъ ростомъ и увеличеніемъ числа поданныхъ за нее голосовъ. Только тотъ приростъ ей нуженъ, только тѣ члены являются для нея дѣйствительно цѣнными, которые ни своимъ міровоззрѣніемъ, ни нравственностью не подрываютъ общаго ея единства. Вполнѣ правъ былъ Бебель въ своихъ указаніяхъ на опасность, которую несетъ съ собою въ этомъ отношеніи такой громадный ростъ партіи, какъ современный. „Безъ единства принциповъ и убѣжденій, безъ единства цѣлей, — говорилъ маститый вождь соціалъ-демократіи,—не можетъ быть никакого единенія и воодушевленія во время битвы“ Безъ такого единства партія не имѣетъ „никакой возможности двинуть въ бой свои полки, бригады и корпуса, руководить ими и привести къ побѣдѣ, какъ мы ее завоевали нынче, и какъ мы хотимъ ее завоевать даже въ томъ случаѣ, если бы весь міръ поднялся противъ насъ съ нашими врагами“. Опасность внутренняго раздора въ партіи необходимо должна была увеличиться еще и потому, что соціалъ-демократія является „во многихъ отношеніяхъ наслѣдницей буржуазныхъ

партій“ и при томъ не въ смыслѣ простого „замѣщенія“ „бюргерскаго либерализма“, но въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія его требованій, „наддачи“ къ нимъ того, о чемъ этотъ либерализмъ не смѣлъ и подумать. Вполнѣ естественно поэтому, что число сторонниковъ соціалъ-демократіи должно расти по мѣрѣ того, какъ „негодованіе, недовольство и возмущеніе по поводу совершенно разстроеннаго внутренняго состоянія страны“ распространяется все шире и шире. „Совершенная безтолковость нашей внутренней и внѣшней политики,—говорилъ Бебель,—внушаетъ опасенія все болѣе и болѣе широкимъ кругамъ населенія и влечетъ ихъ въ объятія единственной партіи, которая до сихъ поръ твердо, ясно и съ полнымъ сознаніемъ цѣли шла своей дорогой“. „Полный застой, если не открытая реакція въ удовлетвореніи необходимѣйшихъ культурныхъ потребностей, и при томъ не только въ имперіи, но и въ отдѣльныхъ государствахъ, неизбѣжно приводитъ къ соціалъ-демократіи многочисленные элементы. Къ этому же ведетъ и печальное финансовое хозяйство въ государствахъ и имперіи, и отсутствіе всякаго плана и цѣли въ нашей торговой политикѣ“... „Военная и морская политика и выросшія... благодаря ей, колоссальныя тягости вызвали высочайшую степень неудовольствія среди широкихъ круговъ народа... Благодаря этой политикѣ, мы постоянно терпимъ посрамленія, какъ, напр., въ Китаѣ, на Гаити, въ Венецуэлѣ и т. п.“... „Все это должно теперь стать яснымъ для самаго простого человѣка въ народѣ. Онъ слышитъ постоянно все снова и снова о новыхъ военныхъ законопроектахъ, о новыхъ увеличеніяхъ флота, о новыхъ колоніальныхъ планахъ. Мы вѣдь желаемъ повсюду въ мірѣ, гдѣ только есть гвоздикъ, сейчасъ же навѣсить на него нашъ щитъ. И обо всемъ этомъ слышитъ каждый нѣмецъ. Онъ знаетъ, что ему придется жертвовать своими сынами для арміи и флота, онъ знаетъ, что будутъ повышены налоги, что всѣ эти расходы совершенно безполезны, что... опасность катастрофы растетъ въ той самой степени, въ которой увеличиваются вооруженія“. Онъ знаетъ, наконецъ, „что широкія массы народа въ первую голову будутъ нести расходы на всѣ эти предпріятія, въ то время, какъ именно тѣ классы, которые поддерживаютъ эту политику и эти вооруженія, почти совсѣмъ освобождены отъ тягостей, ею налагаемыхъ. Всѣ эти тягости будутъ взвалены на работающіе классы“ *). Таковы общія причины, которыя совершенно независимо отъ распространенія чисто соціалистическихъ убѣжденій необходимо увеличиваютъ число соціалъ-демократическихъ союзниковъ, а часто также и „товарищей“. Многіе дѣлаются, такимъ образомъ, соціалъ-демо-

*) Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Dresden vom 13. bis 20 September. 1903. Berlin, 1903, S. 302—303.

кратами, не ставши еще таковыми „душою и тѣломъ"; многіе заполняютъ собою ряды соціалистовъ, но сохраняютъ еще въ себѣ слишкомъ много обломковъ стараго міровоззрѣнія, стоятъ подъ властью многихъ отжившихъ для нихъ уже, казалось бы, предразсудковъ и предубѣжденій. И это вполнѣ понятно. Переходъ къ соціалъ-демократіи есть переходъ къ иной вѣрѣ, иному міросозерцанію, иной нравственности, чѣмъ тѣ, которыя господствуютъ въ буржуазныхъ или старо-сословныхъ кругахъ. Соціалъ-демократія требуетъ всего человѣка, „съ кожей и костями": она обѣщаетъ ему рай земной въ будущемъ, но требуетъ отъ него глубокой вѣрности своимъ принципамъ, требуетъ, чтобы онъ всего себя отдалъ интересамъ грядущаго общества, чтобы онъ не только мыслилъ новыми категоріями соціальнаго разумѣнія, но и занялъ опредѣленное мѣсто въ классовой борьбѣ, чтобы онъ цѣликомъ проникся требованіями демократической морали и сталъ ея открытымъ, сознательнымъ и смѣлымъ бойцомъ. Соціалъ-демократія напоминаетъ собою своего рода воинствующее духовное братство, всѣ члены котораго даютъ обѣтъ классовой борьбы и пролетарскаго единенія. Его сила не въ количествѣ членовъ, а въ силѣ ихъ убѣжденія и единствѣ цѣлей. Всякое возрастаніе его извнѣ только тогда ему полезно, когда оно сопровождается процессомъ объединенія внутри. И именно на этой почвѣ стоялъ Бебель, когда онъ потребовалъ немедленно же послѣ выборовъ производства тяжелой „операціи" для устраненія изъ партіи всѣхъ нечистыхъ элементовъ, для мытья того „чернаго бѣлья", котораго слишкомъ много накопилось, благодаря внѣшнему политическому успѣху.

Ревизіонизмъ—таково названіе того страшнаго недуга, который, по мнѣнію Бебеля, все больше и больше разъѣдаетъ принципіальную основу партіи, уменьшаетъ остроту классовой борьбы и лишаетъ ее той идейной силы, которая увлекла за собой три милліона нѣмецкихъ гражданъ. Ревизіонизмъ—таково названіе этой болѣзни, которая стала неразлучнымъ спутникомъ внѣшняго роста партіи и ея политическихъ успѣховъ. Ревизіонизмъ—таково знамя всѣхъ, кто желаетъ ее свести съ старой испытанной позиціи и продать за блескъ и обаяніе оффиціальныхъ аттрибутовъ государственной силы...

Ревизіонизмъ!—но что же онъ такое, въ чемъ его теоретическая и практическая основа, гдѣ разгадка его вліянія, въ чемъ, наконецъ, проявляются уже теперь слѣды его растлѣвающаго дѣйствія—вотъ вопросы, которые являются тѣмъ болѣе умѣстными въ устахъ каждаго посторонняго наблюдателя, что до сихъ поръ не наблюдалось въ нѣмецкой партіи ни признаковъ раскола или распаденія, ни формальнаго отреченія отъ старой программы, ни, наконецъ, такого измѣненія ея парламентской тактики или внѣпарламентской агитаціи, которые давали бы право бросить въ

лицо партіи тѣ упреки и обвиненія, которые были сдѣланы ей въ свое время Бебелемъ.

Ревизіонизмомъ въ послѣдній разъ серьезно занимались въ Дрезденѣ, и тамъ были установлены его теоретическія основы. Формула его заключается въ слѣдующемъ: „вездѣ въ передовыхъ странахъ видимъ мы, какъ классовая борьба принимаетъ все болѣе мягкія формы“, постоянно растетъ даже между собственниками число тѣхъ людей, которые, „по весьма матеріальнымъ основаніямъ, имѣютъ интересъ сохранять хорошія отношенія къ рабочимъ“, такъ какъ, чѣмъ больше растетъ классъ рабочихъ, тѣмъ больше становится значеніе рабочихъ, какъ потребителей; единства интересовъ всѣхъ собственниковъ въ ихъ противоположности къ неимущимъ не существуетъ: все больше растетъ „противоположность между приверженцами свободной торговли и запретительныхъ пошлинъ, между представителями городовъ и аграріями, въ средѣ бюргерскихъ партій“; „господствующіе слои“ общества имѣютъ, такимъ образомъ, „различные интересы“, и этимъ должна пользоваться, въ борьбѣ за свои интересы, рабочая партія; на примѣрѣ Англіи выясняется вся польза для рабочихъ отъ „соединенія ихъ съ радикальнымъ бюргерствомъ“, такъ какъ тамъ только при помощи этого союза были завоеваны „реформы“; даже „колоніальной“ политикѣ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ сочувствовать „соціалъ-демократія“, которая должна, наконецъ, отбросить ту „фразеологію“, изъ которой она выросла, и стать тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ, т. е. „демократически-соціалистической партіей реформы“. Такъ создается примирительное теченіе, которое идетъ на встрѣчу буржуазнымъ партіямъ, стушевываетъ дальнѣйшее обостреніе классовой противоположности и откладываетъ время осуществленія соціалистическаго идеала на долгій срокъ, предоставляя его воплощеніе медленному эволюціонному процессу, ходу общегосударственной соціальной реформы. На этотъ именно путь сталъ, по утвержденію Каутскаго, фабіанизмъ въ Англіи и мильеранизмъ и жоресизмъ во Франціи. Если въ Германіи это движеніе еще только въ начаткахъ и, въ отличіе отъ французскаго и англійскаго, не имѣетъ еще строго опредѣленной программы, а проявляется только практически, — то причиною этого надо считать менѣе развитыя экономическія условія Германіи; сущность движенія, однако, и здѣсь, и тамъ совершенно одинакова *).

И устами Бернштейна ревизіонизмъ готовъ торжествовать полную побѣду надъ радикалами. Въ своей статьѣ о „Мнимо-умершемъ“ **) онъ слѣдующемъ образомъ подводитъ итогъ всему новому движенію. Въ области аграрнаго вопроса онъ приписы-

*) Protokoll des Parteitages 1903, стр. 383 –402.
**) Socialistische Monatshefte. 1905. Juni 6. Heft.

ваетъ ревизіонистамъ измѣненіе взгляда на устойчивость мелкаго и средняго хозяйства, имъ же принадлежитъ смягченіе взгляда на крестьянство, которое сдѣлано Каутскимъ въ новомъ изданіи его брошюры „Основанія и требованія соціалъ-демократіи". Подобное же измѣненіе взглядовъ подъ вліяніемъ работы ревизіонистовъ находитъ Бернштейнъ и въ вопросѣ о возрастаніи числа капиталистовъ, о неизбѣжности экономическаго крушенія капиталистическаго общества и въ построеніи теоріи обнищанія массъ. Но въ области практики Бернштейнъ указываетъ на еще большія побѣды. И хотя здѣсь онъ констатируетъ, не безъ грусти, что вопросъ о заключеніи союзовъ съ бюргерскими партіями или вопросъ о „блокахъ", объ участіи соціалистовъ въ буржуазныхъ министерствахъ и о принятіи бюджета въ классовомъ государствѣ разрѣшены принципіально противъ ревизіонизма, однако, онъ думаетъ, что на практикѣ всетаки дѣло идетъ къ примиренію и къ постепенному концу „блестящаго одиночества" соціалъ-демократіи. Въ особенности онъ замѣчаетъ смягченіе классовой борьбы въ области профессіональныхъ союзовъ. Говоря словами самого Бернштейна, можно такъ характеризовать заслуги и вліяніе ревизіонизма: „Кто безпартійно перечтетъ дебаты протекшаго года, тотъ неизбѣжно придетъ къ результату, что наибольшая склонность къ безпристрастному изслѣдованію и оцѣнки рождающагося новаго, наибольшая широта взглядовъ въ его познаніи лежала именно на сторонѣ тѣхъ, кого преимущественно называютъ ревизіонистами. Я хочу быть,—говоритъ Бернштейнъ,—совершенно объективнымъ и признаюсь, что при такой склонности здѣсь возможна и сравнительно большая опасность сойти съ рельсовъ: кто остается въ постели, тотъ и не ломаетъ себѣ ногъ". Однако... въ области практики ревизіонизму нечего опасаться историческаго взгляда назадъ. Онъ можетъ оглянуться на цѣлый рядъ успѣховъ своихъ воззрѣній и проектовъ. Его пораженія скорѣе формальны, чѣмъ матеріальны... „Суббота создана для человѣка, а не человѣкъ для субботы"...

Отношеніе кельнскаго конгресса нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ къ вопросу о всеобщей стачкѣ, казалось бы, вполнѣ подтверждаетъ слова Бернштейна. Какъ пишетъ по этому поводу Каутскій *): „Для своего дальнѣйшаго развитія профессіональные союзы нуждаются въ покоѣ".—Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ на конгрессѣ Бёмельбургъ.—И этими словами онъ высказалъ основной мотивъ кельнскаго конгресса. Этотъ мотивъ проходитъ нитью не только чрезъ всѣ дебаты о всеобщей стачкѣ, но также о майскомъ праздникѣ, гдѣ потребность въ покоѣ прямо приняла форму ожесточенія противъ соціалъ-демократіи, такъ непріятно мѣшающей этой потребности своими дѣйствіями.

*) Die Neue Zeit. 1905. № 35.

Въ вопросѣ о всеобщей стачкѣ дѣло идетъ, по крайней мѣрѣ для Германіи, только о будущемъ, въ вопросѣ майскаго праздника— о настоящемъ. Тамъ—о теоретической пропагандѣ; здѣсь—о практическомъ выполненіи; тамъ—о мысляхъ, которыя не только пошлинѣ не подлежатъ, но и доступны всѣмъ даромъ; здѣсь—о демонстраціи, которая ежегодно запускаетъ руку въ кассы безъ того, чтобы произвести малѣйшее непосредственное повышеніе рабочей платы. Въ силу этого именно только у практиковъ, которые живутъ одной лишь практической потребностью минуты, и выяснилось противорѣчіе между особымъ стремленіемъ къ покою со стороны союзовъ и всеобщей классовой борьбой, при чемъ оно выступило гораздо рѣзче въ дебатахъ о майскомъ „праздникѣ, чѣмъ о „всеобщей забастовкѣ". Эти тенденціи, по мнѣнію Каутскаго, ведутъ прямо туда, „гдѣ въ настоящее время стоятъ англійскіе трэдъ-юніонисты съ ихъ большими кассами и столь же большой апатіей и безсиліемъ и столь же болѣзненнымъ стремленіемъ къ покою, которое заставляетъ ихъ спокойно принимать самыя тяжкія униженія и лишенія правъ съ высокимъ разсчетомъ лавочника, который отвергаетъ всякое дѣйствіе, если только оно сейчасъ же не оплачивается звонкой монетой... У рабочихъ союзовъ въ большой степени должны быть приняты въ соображеніе ихъ кассы. Собственность дѣлаетъ человѣка всегда нуждающимся въ покоѣ, и коллективная собственность такъ же, какъ частная, и даже послѣдняя еще въ большей степени, чѣмъ первая. Частную собственность можно еще пріобрѣсти при помощи смѣлаго риска, тогда какъ коллективную—почти никогда. Въ этомъ дѣйствіи собственности и лежитъ Ахиллесова пята союзовъ и товариществъ". И Каутскій не могъ не отмѣтить „удивительной ироніи судьбы, въ силу которой профессіональный конгрессъ провозгласилъ потребность союзовъ въ покоѣ именно въ томъ году, который является самымъ революціоннымъ въ теченіе послѣднихъ поколѣній. Покой провозглашенъ почти въ ту самую недѣлю, когда стачки въ Чикаго и Варшавѣ приняли почти характеръ настоящихъ гражданскихъ войнъ: въ Россіи возмущеніе противъ стараго режима, въ Америкѣ—бунтъ противъ треста. И нельзя сказать, что тамъ совершаются событія, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла. Ни одинъ режимъ въ Европѣ не стоитъ такъ близко къ русскому, какъ нѣмецкій, и нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такихъ сильныхъ союзовъ предпринимателей, какъ именно въ Германіи. И если, съ одной стороны, въ Германіи мы не имѣемъ такой обнаженной системы угнетенія, какъ въ Россіи, и такихъ сильныхъ и жестокихъ трестовъ, какъ въ Америкѣ, то мы имѣемъ за то вполнѣ достаточную мѣшанину того и другого. И призывъ къ покою для союзовъ прозвучалъ въ Кельнѣ почти въ тотъ самый часъ, когда въ Гамбургѣ публично объявленъ разбой въ области избирательнаго права и право избирателей должно полу-

чить такую новую форму, что всякое большинство пролетаріата окажется исключеннымъ. Покой провозглашается теперь, когда прусскій ландтагъ похоронилъ защиту горнаго труда, когда имперскій канцлеръ провозгласилъ войну противъ рабочихъ больничныхъ кассъ"...

Казалось бы, передъ нами полное выцвѣтаніе когда-то мощной рабочей партіи. Ее наполняютъ въ громадномъ количествѣ мѣщанскіе элементы: „ремесленники, мелкіе лавочники, мелкіе крестьяне, мелкіе чиновники, учителя, художники, служащіе въ различныхъ предпріятіяхъ". Они вносятъ съ собой въ партію духъ бюргерской демократіи и коалиціонной тактики, подрываютъ принципіальныя основы классовой борьбы, являются спеціальной опорой ревизіонизма. И этотъ послѣдній хоть и проваливается „формально", но торжествуетъ „матеріально", и Бернштейнъ воскрешаетъ „мнимоумершаго" и съ хитрымъ видомъ провозглашаетъ, что если де „ревизіонизмъ еще численно слабъ, то не потому, чтобы погибли имъ защищаемыя идеи, но, напротивъ, только потому, что эти идеи въ большей своей части стали общимъ достояніемъ партіи. Можно спокойно ревизіонизмъ хоронить, это мало огорчаетъ ревизіонистовъ". „Ревизіонизмъ не представляетъ собою партіи среди партіи."—Онъ старается захватить собой всю партію, сдѣлать изъ нея то, что уже нарисовано Бланкомъ: коллективную демократическую партію не „класса", а „народа". И потребность въ тишинѣ и покоѣ, такъ откровенно поставленная въ Кельнѣ практиками въ основу угла, довершаетъ общую картину.

Выцвѣтаніе рабочей партіи началось...

II.

Это утвержденіе, однако, было бы слишкомъ поспѣшно. И, какъ доказываетъ Бебель *) въ своей критикѣ статистическихъ данныхъ, собранныхъ Бланкомъ, предположеніе относительно количества бюргерскихъ „Mitläufer'овъ" въ партіи не соотвѣтствуетъ истинѣ. Бланкъ совершенно упустилъ изъ виду рабочихъ и служащихъ, занятыхъ на желѣзныхъ дорогахъ, почтѣ и телеграфѣ, которые, не смотря на украшающій ихъ королевскій или императорскій гербъ, избираютъ тѣмъ не менѣе соціалъ-демократическихъ кандидатовъ. Слишкомъ высоко также оцѣниваетъ Бланкъ и количество рабочихъ, голосующихъ за центръ. Оно значительно меньше. Изъ 1.875,000 голосовъ, которые были получены центромъ въ 1903 году, не менѣе 1.033,000 пришлось на сельскія мѣстности; въ силу же этого только 842,000 голосовъ

*) Die Neue Zeit. 1905. № 37.

приходится на мѣста съ населеніемъ болѣе 2,000 жителей. Съ другой стороны, въ счисленіи Бланка имѣется еще и тотъ пробѣлъ, что онъ совершенно упускаетъ изъ виду принадлежащихъ къ соціалъ-демократіи сельскихъ рабочихъ, а между тѣмъ, по даннымъ самого Бланка, въ сельскихъ мѣстностяхъ (съ населеніемъ менѣе 2,000 жителей) въ 1903 году было подано не менѣе 735 тысячъ соціалъ-демократическихъ голосовъ. Въ составъ этихъ голосовъ входитъ, несомнѣнно, около $^{2}/_{5}$ индустріальныхъ рабочихъ, которые переброшены въ деревню, благодаря постепенному перемѣщенію туда большихъ фабричныхъ предпріятій. Однако, за ихъ исключеніемъ, все же остается еще 435 тысячъ голосовъ, которые выходятъ изъ рядовъ сельскихъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ, находящихся на пролетарскомъ положеніи. Если же присчитать 300 тысячъ индустріальныхъ рабочихъ изъ сельскихъ мѣстностей къ числу голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократію рабочими въ городахъ, — то получится не менѣе 2.766,000 голосовъ, поданныхъ рабочими и вошедшихъ въ составъ трехмилліоннаго вотума въ пользу соціалъ-демократіи. Согласно этимъ даннымъ, бюргерскій придатокъ къ общей массѣ пролетарскихъ голосовъ оказывается вовсе не такимъ значительнымъ, какъ это утверждалъ Бланкъ, и не превышалъ бы 239 тысячъ, если бы при сдѣланныхъ вычисленіяхъ принятая Бланкомъ степень участія рабочихъ въ выборахъ (76%) оправдалась. Въ дѣйствительности, однако, рабочіе теряютъ массу голосовъ, благодаря весьма несовершенному веденію избирательныхъ списковъ, а въ силу этого число бюргерскихъ голосовъ превосходитъ нѣсколько 478 тысячъ. Окончательный результатъ, къ которому приходитъ Бебель, можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: на 6 избирателей рабочихъ приходится приблизительно по 1 бюргерскому избирателю.

И другими соображеніями подтверждаетъ Бебель свою мысль. Доказавъ съ цифрами въ рукахъ всю быстроту и рѣзкость того процесса, который ведетъ, съ одной стороны, къ чрезвычайному росту промышленности и сосредоточиваетъ ее въ крупныхъ предпріятіяхъ, а съ другой — разворяетъ мелкій промыселъ и торговлю, Бебель оцѣниваетъ это движеніе съ точки зрѣнія партійнаго прироста. Какъ оказывается, разворенное мѣщанство далеко не сразу и цѣликомъ переходитъ изъ рядовъ либеральной буржуазіи подъ знамя рабочей партіи. Не смотря на свою пролетаризацію, эти группы населенія долго еще колеблятся и ищутъ спасенія подъ кровомъ различныхъ покровителей средняго класса, прежде чѣмъ они разочаруются окончательно въ ихъ христіанскихъ и антисемитскихъ системахъ. Любопытными цифрами иллюстрируетъ Бебель свое положеніе; типичнымъ случаемъ являются здѣсь побѣды и пораженія соціалъ-демократіи въ Дрезденѣ. Въ 1877 и 1878 годахъ мѣщанскій

Дрезденъ пошелъ было подъ знаменемъ рабочей партіи, но этотъ опытъ былъ весьма кратковременъ. Уже въ 1881 году выступили тамъ прирожденные представители падающаго мѣщанства, а именно, антисемиты. „Христіанско-соціальная" партія, такимъ образомъ, сразу же получила двѣ тысячи голосовъ, и при перебаллатировкѣ эти голоса перешли на сторону „партіи порядка". Эти голоса были набраны изъ круговъ мелкихъ служащихъ, мелкаго промысла, мелкой торговли; прошло 17 лѣтъ, прежде чѣмъ эти элементы окончательно ослабѣли, частью перешли подъ знамя пролетаріата, и съ тѣхъ поръ Дрезденъ является постоянной добычей рабочей партіи. Какъ очевидно, разложеніе мелкаго промысла далеко не въ состояніи переполнить сразу соціалъ-демократію бюргерскими элементами, далеко не является основой для полнаго перерожденія пролетарской партіи въ общенародную или коалиціонную партію соціально-либеральнаго пошиба. Рабочій по прежнему остается живымъ носителемъ классовой борьбы. И если Бебель говоритъ, что многіе перебѣжчики изъ бюргерскаго лагеря становятся добрыми соціалъ-демократами, стоящими твердо на почвѣ классовой борьбы, то, само собой разумѣется, надежность, сила и интеллигентность нѣмецкаго рабочаго внѣ всякихъ сомнѣній или подозрѣній.

Нѣмецкій пролетарій проходитъ хорошую школу; его воспитываетъ государство; въ немъ ищетъ опоры интеллигенція; его соціально просвѣщаетъ и готовитъ фабрика и товарищи; и прежде всего его захватываетъ грандіозная машина современнаго культурнаго и правового государства.

Прежнее государство въ просвѣщеніи и самодѣятельности массъ не нуждалось. Оно сосредоточивало силу своего просвѣщенія на высшихъ классахъ общества, и отъ нихъ ожидало направленія и руководства государственной машиной. Ведя до крайности примитивное хозяйство, стоя на почвѣ натуральныхъ повинностей, довольствуясь малой производительностью крѣпостного труда, оно могло не только удовлетворяться крайне скромнымъ бюджетомъ страны, но даже предоставить значительную долю труда низшихъ классовъ тѣмъ высшимъ, которые стояли у кормила. Пассивныя, темныя, малодѣятельныя и малопроизводительныя массы „чернаго народа" въ рукахъ просвѣщеннаго избраннаго меньшинства, — таковъ строй стараго крѣпостническаго государства, такова соціальная основа его экстенсивнаго хозяйства, его медленнаго и вялаго внутренняго хода. Не то въ современномъ культурномъ государствѣ. Здѣсь все—масса и движеніе. Здѣсь—громадные запросы національной политики, широкія культурныя задачи, колоссальныя денежныя средства и неустанная интенсивная работа многомилліонныхъ массъ сознательнаго и энергичнаго населенія. Новое государство потребовало и новыхъ условій хозяйства. Новое государство не могло удовлетвориться

вялымъ крѣпостническимъ трудомъ. Оно поставило громадныя требованія каждому отдѣльному подданному и для удовлетворенія ихъ дало ему не только хозяйственную и политическую свободу, но и просвѣщеніе. Самодѣятельность широкихъ народныхъ массъ стала лозунгомъ новаго времени. Государство оперлось непосредственно на массы, и отъ каждаго отдѣльнаго гражданина потребовало такого интенсивнаго труда, который можетъ быть результатомъ только высокаго сознанія, моральной силы и вышколенныхъ рукъ. И совершенно естественно, что рабочій-пролетарій такого государства менѣе всего можетъ быть приравненъ по своему умственному и нравственному уровню къ представителямъ убогой и темной дореформенной массы. Уже одно обязательное и всеобщее начальное обученіе создаетъ рѣзкую границу между ними. Всеобщая воинская повинность вводитъ молодого солдата въ кругъ политическихъ идей, развиваетъ въ немъ воинскія „добродѣтели", пріучаетъ его къ массовымъ движеніямъ и дисциплинѣ. Общинная и муниципальная самодѣятельность пріобщаетъ его къ мѣстнымъ культурнымъ и административнымъ интересамъ, ставитъ его въ непосредственное соприкосновеніе съ публично-правовымъ укладомъ страны, воспитываетъ его въ принципахъ гражданскаго долга и закономѣрной отвѣтственности. Обязанности присяжнаго засѣдателя еще болѣе знакомятъ его съ правомъ и законностью; наконецъ, право избирать народныхъ представителей въ ландтагъ и рейхстагъ дѣлаетъ его полноправнымъ участникомъ въ рѣшеніи величайшихъ вопросовъ государственной мощи и величія, финансоваго благосостоянія, международнаго мира, культурнаго прогресса, просвѣтительной и религіозно-церковной политики. Голосъ пролетарія есть голосъ нѣмецкаго политически полноправнаго гражданина, котораго воспитываетъ государство на началахъ самодѣятельности и свободы, отъ котораго оно требуетъ не только пассивнаго тягла, но и активнаго служенія, гражданскаго самоотверженія, энергичной и независимой работы на благо общее. Культурное и правовое государство воспитываетъ гражданина. Надо прежде всего отречься отъ всѣхъ современныхъ формъ благоустроеннаго политическаго быта, чтобы представить себѣ нѣмецкаго гражданина-пролетарія невѣжественнымъ и темнымъ индивидомъ, который составляетъ „свинское счастье" соціалъ-демократіи и бѣгаетъ за „красными примадоннами". И если лучшимъ средствомъ для развитія демагогіи является невѣжество и культурная отсталость массъ, то воистину лучшимъ средствомъ противъ нея является широкая самодѣятельность народа.

Однако, этимъ просвѣщеніе пролетарія, его нравственное и общественное воспитаніе далеко не оканчивается. То, чего не дѣлаетъ государство, то дѣлаетъ общество. Свободная конкурренція нѣмецкихъ религіозныхъ и церковныхъ соединеній заставляетъ

ихъ чрезвычайно расширить дѣло такъ называемой внутренней миссіи, и религіозные споры, церковная пропаганда и полемика, проповѣдь свободно-религіознаго движенія, борьба противъ Рима— Los von Rom-Bewegung—все это невольно захватываетъ массы, проникаетъ въ самые отдаленные уголки народной жизни и снабжаетъ рядового пролетарія такими богословскими и церковно-историческими свѣдѣніями, которыя даютъ ему вполнѣ достаточное разумѣніе во всѣхъ этихъ дѣлахъ. Дебаты соціалъ-демократіи на партейтагѣ въ Галлѣ, кажется, достаточно показываютъ, насколько здраво пролетарская масса сумѣла разобраться въ религіозно-политическомъ вопросѣ. Но не одна религія идетъ въ Германіи „въ народъ". Свободное искусство и свободная наука не менѣе религіи стремятся войти въ народный обиходъ. И въ этомъ отношеніи нельзя не указать на отмѣченный Койгеномъ фактъ, что именно на настоящее время падаетъ все болѣе усиливающееся сближеніе между рабочимъ и духовнымъ пролетаріатомъ. Какъ говоритъ молодой философъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ, такое сближеніе разъ уже совершилось въ исторіи соціализма: „это были богатые солнцемъ, прекрасные дни для соціализма, которыми начиналась вторая половина XIX-го вѣка. Наука и жизнь, носители духа и простого труда, казалось, заключили вѣчный союзъ. Интеллигенція и рабочій народъ приближались другъ къ другу, и завоеванія массъ были въ то же время тріумфомъ интеллигенціи. Началось непрерывное взаимодѣйствіе между пролетаріатомъ образованія и физическаго труда. Мѣсто слѣпыхъ и сильныхъ инстинктовъ массъ заняло ясное познаваніе, и ослабленное чистымъ интеллектуализмомъ чувство жизни у „интеллигентовъ" стало получать постоянно новыя силы изъ бьющаго ключа жизни работающаго народа"... Однако, впослѣдствіи опять наступилъ періодъ односторонней дифференціаціи и тѣхъ, и другихъ; союзъ грозилъ погибнуть. По большей части такъ и случилось. Но въ настоящее время опять все созрѣло для новаго и плодотворнаго сближенія: „Душа современнаго пролетарія, которая не заражена ни одностороннимъ интеллектуализмомъ, ни разъѣдающимъ скептицизмомъ, способна теперь, сообразно обстоятельствамъ, дать умственному пролетаріату новую пульсирующую кровь. Съ другой стороны, и пролетаріатъ труда можетъ, благодаря соприкосновенію съ интеллигенціей, стряхнуть нѣкоторые мѣщанскіе идеалы и пріобрѣсти высшія точки зрѣнія, получить болѣе возвышенныя цѣли" *). Нужно отмѣтить, что и на самомъ дѣлѣ подобный союзъ интеллигенціи и пролетаріата до сихъ поръ составляетъ одну изъ замѣчательныхъ сторонъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Еще при обсужденіи программы партіи, старый Либкнехтъ указалъ на то, что

*) Koigen, Die Kulturanschauung des Sozialismus, Berlin, 1903, стр. 111—112.

на помощь рабочей партіи, въ ея освободительной борьбѣ, уже тогда приходили „благородно мыслящіе, просвѣщенные люди изъ числа такъ называемыхъ высшихъ классовъ *), а партейтаги въ Ганноверѣ (1899 г.) и въ Любекѣ (1901 г.) еще болѣе закрѣпили связь между наукой и соціалъ-демократіей, благодаря дебатамъ о Бернштейнѣ и резолюціи, которою „безусловно признана необходимость самокритики для духовнаго развитія партіи“ **). Даже „истребители соціалистовъ“ не могутъ не признать, что „не только духовно низменная, хотя и великая численностью пролетарская масса присягаетъ у краснаго знамени соціализма“, но что „онъ нашелъ доступъ и вліяніе, благодаря одуряющей силѣ своей чрезвычайно идеалистической внѣшней стороны, и въ круги образованныхъ, вплоть до ученыхъ коллегій нашихъ университетовъ и высшихъ школъ, среди которыхъ соціалъ-демократія насчитываетъ многочисленныхъ приверженцевъ“ ***).

Но наиболѣе серьезное просвѣщеніе въ области соціальныхъ знаній даетъ пролетарію безспорно фабрика и большой городъ. Вся жизнь и работа здѣсь, это—ежедневное практическое занятіе по соціальнымъ наукамъ, при томъ занятіе, которое имѣетъ всѣ шансы глубоко врѣзаться въ душу неофита и никогда уже не вывѣтрится изъ его памяти. Процессъ индустріальнаго капиталистическаго производства передъ нимъ на лицо. Онъ воочію видитъ, какъ трудъ наемнаго инженера создаетъ планъ, трудъ наемнаго управляющаго организуетъ производство по типу сложной коопераціи, и какъ безконечный и неустанный трудъ безчисленныхъ рабочихъ создаетъ всевозможныя „прибавочныя стоимости“, въ то время, какъ немногіе акціонеры получаютъ дивиденды и спокойно рѣжутъ купоны. Онъ самъ на своихъ бокахъ испытываетъ всѣ прелести „анархіи производства“ и изучаетъ „теорію кризисовъ“, когда, подъ вліяніемъ неизвѣстно какъ и откуда появившагося „перепроизводства“, сокращается число рабочихъ на фабрикѣ, понижается заработная плата, и сильный рабочій человѣкъ съ семьей и уже со сложившимися культурными потребностями вдругъ останавливается передъ страшнымъ призракомъ нищеты, лишеній, голода... За что? — является невольный, хоть и безплодный вопросъ, и пролетарій по необходимости становится не только политико-экономомъ, но и соціалъ-политикомъ, примыкаетъ къ организаціи, требуетъ улучшенія условій труда, участвуетъ въ стачкѣ и наглядно знакомится съ теоріей хозяйственной борьбы, которая требуетъ такъ много жертвъ и приноситъ порою такъ мало непосредственныхъ результатовъ. Впрочемъ, и область соціальнаго законодательства не можетъ быть

*) Protokoll des Parteitages 1890, стр. 160,
**) Protokoll des Parteitages 1901, стр. 99.
***) Wolff, Rote Bysantiner, 1903, стр. 5.

чужда нашему пролетарію: онъ слишкомъ хорошо знакомится съ „гигіеной“ того или другого производства, слишкомъ часто убѣждается въ ужасающемъ вліяніи фабричнаго труда на свою жену и дѣтей, слишкомъ основательно изучилъ всю сладость безпризорной болѣзни и старости, чтобы не стать знатокомъ и этой области соціальныхъ знаній. И когда къ такому пролетарію приходитъ соціалистическій агитаторъ съ книжкой Маркса или Энгельса въ карманѣ, то по существу онъ не сообщаетъ рабочему ничего новаго; онъ только связываетъ отдѣльные эмпирическіе факты въ цѣльную картину; онъ ставитъ ее на мѣсто опредѣленнаго эпизода въ длинный рядъ историческаго развитія; онъ характеризуетъ этотъ процессъ, какъ процессъ возрастающей централизаціи капиталовъ и все увеличивающейся возможности нужды и гибели пролетарія; онъ указываетъ ему, наконецъ, на идеалы будущаго, зоветъ его на поле классовой борьбы и поднимаетъ, такимъ образомъ, его цѣли надъ узкими интересами его желудка до общихъ интересовъ всего пролетаріата, всей рабочей массы народа...

Такой пролетарій уже не пассивный атомъ слѣпой и невѣжественной массы, не безропотная и безсознательная единица въ стихійномъ движеніи хозяйственнаго процесса, но цѣлесознающій, соціально просвѣщенный участникъ общественной борьбы, самодѣятельный и дисциплинированный членъ великаго народнаго братства, которое имѣетъ своею окончательною цѣлью то самое „общее благо“, которое было превозглашено еще въ XVIII вѣкѣ гуманными пророками эпохи просвѣщенія. И нельзя забывать при этомъ, что вдобавокъ къ соціальному обученію фабрика даетъ и хорошее соціальное воспитаніе. Кто разъ уже вошелъ въ сомкнутые ряды рабочей арміи и съ нею продѣлалъ одну или двѣ кампаніи, тотъ смѣло можетъ похвалиться выдержкой и энергіей, силой характера и умѣньемъ подчинить свои частныя выгоды общему и высшему интересу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждая крупная стачка, совершенно безотносительно къ тому, увѣнчивается ли она успѣхомъ или нѣтъ, всегда есть хорошая проба силы характера, и тотъ, кто сумѣлъ устоять передъ всѣми соблазнами, предназначенными для перебѣжчика (Sfreikbrecher'а), сумѣлъ перенести и голодъ, и лишенія близкихъ людей ради успѣха товарищей, кто, не смотря на свое, быть можетъ, совершенно противоположное мнѣніе, подчинился, однако, волѣ большинства товарищей,—тотъ, конечно, не лишенная воли песчинка въ морѣ жалкой и презрѣнной черни, а нравственно сильный и соціально вышколенный „товарищъ“, который врядъ ли согласится на роль партійнаго „клакера“, или того щедринскаго барана, съ котораго каждый демагогъ ташкентецъ можетъ содрать шкуру подъ прикрытіемъ звонкихъ и красивыхъ фразъ „о свободѣ, равенствѣ и братствѣ!“

Воспитанный современнымъ представительнымъ государствомъ, пролетарій-гражданинъ, просвѣщенный свободнымъ общественнымъ словомъ пролетарій-интеллигентъ, вышколенный тяжелой соціальной борьбой, охваченный классовымъ сознаніемъ пролетарій-рабочій,—такова основа современнаго соціалистическаго движенія, и само собой разумѣется, что всѣ опасенія относительно извращенія класового характера партіи являются лишенными всякаго основанія. Тѣ необходимыя уступки практикѣ, которыя дѣлаетъ рабочая партія въ интересахъ цѣлесообразной борьбы,—эти уступки менѣе всего могутъ поколебать ея основной характеръ, какъ организаціи сознательнаго и организованнаго пролетаріата.

III.

Самъ Бебель въ цитированной нами статьѣ признаетъ справедливость выраженія Либкнехта, что соціалъ-демократія есть „оппортунистическая партія", и поясняетъ это понятіе: „Теорія занимается основными воззрѣніями партіи на сущность государства и общества. Практика занимается прежде всего борьбой, а въ частности преобразованіемъ учрежденій и условій въ государствѣ и бюргерскомъ обществѣ. Теорія охватываетъ собою обоснованіе цѣли; практика имѣетъ дѣло съ путями для достиженія этой цѣли. Если теорія и практика должны быть согласны, то дѣйствія не должны противорѣчить теоріи. Дѣйствія, которыя имѣютъ ближайшей цѣлью устраненіе или измѣненіе опредѣленныхъ установленій, должны быть предприняты только во имя основной цѣли. И если мы боремся, напримѣръ, за право свободы союзовъ и собраній, то мы боремся, вмѣстѣ съ тѣмъ, за буржуазное требованіе, которое, казалось бы, не имѣетъ ничего общаго ни съ соціалистической теоріей, ни съ нашей конечной цѣлью. Однако, по мѣрѣ того, какъ мы достигаемъ этого права свободы союзовъ и собраній, облегчается вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ пропаганда цѣлаго ряда тѣхъ требованій, которыя лежатъ на пути основной соціалистической цѣли, и пропаганда этой послѣдней. Здѣсь практика и теорія стоятъ въ согласіи и не противорѣчатъ другъ другу. Политическая тактика партіи состоитъ въ примѣненіи правильныхъ средствъ; она должна изслѣдовать, ведутъ ли эти средства къ достиженію цѣли, и она должна отвергнуть все то, что удаляетъ ее отъ основной цѣли, что затрудняетъ или затемняетъ ей путь къ ея достиженію. Конечная цѣль должна быть путеводной звѣздой, должна быть компасомъ для дѣятельности... Партія есть, такимъ образомъ, оппортунистическая партія... Но всякій человѣкъ, который не хочетъ проламывать головой стѣну, есть оппортунистъ, и всякая партія, которая, въ борьбѣ за свою цѣль, не считается съ обстоятельствами или съ представляю-

щимися ей препятствіями, была бы потеряна. Въ силу этого различіе между радикальнымъ и оппортунистическимъ очень шатко, а часто и невѣрно. Однако оппортунизмъ не долженъ быть жертвой воображаемыхъ препятствій и затрудненій. Онъ не долженъ прибѣгать къ затушевыванію и самообманамъ; онъ не долженъ пытаться стирать или сглаживать существующія противорѣчія, онъ не долженъ, наконецъ, забывать высказывать то, что есть, иначе онъ будетъ содѣйствовать разложенію партіи. Гдѣ здѣсь предѣльная линія, которую должно соблюдать? Объ этомъ можно спорить. И такъ рождается борьба изъ-за тактики. Но у насъ есть основная точка зрѣнія классовой борьбы, она служитъ намъ компасомъ и, благодаря ей, очень скоро все становится яснымъ!“ И дѣйствительно. Хотя развитіе тактики рабочей партіи шло путемъ жестокой борьбы между правымъ и лѣвымъ ея крыломъ, однако, партія продолжала твердо стоять на почвѣ классового единства, руководилась „компасомъ“ классового сознанія, крѣпко держалась своей великой конечной цѣли.

Развитіе началъ и формъ тактики соціалъ-демократіи, какъ это прекрасно выяснилъ сначала центральный органъ партіи, а потомъ на дрезденскомъ партейтагѣ и „некоронованный король Баваріи“ Фольмаръ, совершалось слѣдующимъ путемъ.

Пока партія была еще очень мала, и ея участіе въ законодательной дѣятельности страны не могло имѣть сколько-нибудь осязательнаго вліянія на общій ходъ дѣлъ, возникалъ даже вопросъ о томъ, участвовать ли вообще въ выборахъ въ рейхстагъ. Какъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ выразился покойный Либкнехтъ, онъ считалъ вопросъ: участвовать или не участвовать „демократіи“ въ выборахъ,—вопросомъ цѣлесообразности, а не принципа, и стоялъ за то, чтобы избранные партіей „депутаты вступили въ рейхстагъ съ протестомъ, а затѣмъ немедленно бы покинули его, не слагая, однако, своего мандата“. „Съ этимъ взглядомъ,— говоритъ онъ,—я остался въ меньшинствѣ: было постановлено, что представители демократіи будутъ пользоваться каждой благопріятствующей имъ возможностью осуществить въ рейхстагѣ свою отрицательную и протестующую точку отправленія, и въ то же время будутъ держаться въ сторонѣ отъ всякихъ собственно парламентарныхъ работъ, такъ какъ это заключало бы въ себѣ признаніе сѣверо-германскаго союза и бисмарковской политики и могло бы только ввести народъ въ заблужденіе относительно того факта, что „борьба“ въ рейхстагѣ есть только кажущаяся борьба или „комедія“. Въ первой и второй сессіи рейхстага мы и держались этого правила. При обсужденіи, однако, „промышленнаго устава“... нѣкоторые изъ моихъ товарищей думали сдѣлать исключеніе изъ правила въ интересахъ рабочихъ и для цѣлей пропаганды. Я былъ противъ этого. Соціалъ-демократія не должна ни подъ какими условіями и ни въ какой области работать вмѣстѣ въ про-

тивниками, такъ какъ работать можно только тамъ, гдѣ есть общая основа. Работать вмѣстѣ со своими принципіальными врагами — значитъ жертвовать своимъ принципомъ. Мельчайшая принципіальная уступка есть уничтоженіе принципа. Кто парламентствуетъ съ врагами, тотъ съ ними парламентируетъ, а кто парламентируетъ, тотъ договаривается". Въ дѣйствительности, однако, силою вещей соціалъ-демократія не могла остановиться на такой „отрицательной и непримиримой", а въ лучшемъ случаѣ только „агитаторской" дѣятельности. Подобные же дебаты и споры пришлось пережить фракціи и въ 1884 году относительно участія представителей фракціи въ парламентскомъ комитетѣ старѣйшинъ (Seniorenkonvent); и здѣсь, не смотря на многочисленные резолюціи и протесты со стороны многихъ „товарищей", въ концѣ концовъ, было признано, что комитетъ или конвентъ служитъ прекраснымъ источникомъ для ознакомленія съ ходомъ вещей въ рейхстагѣ, и потому участіе въ немъ стало обычаемъ *).

Изъ внѣпарламентской дѣятельности партіи не менѣе заслуживаютъ вниманія тѣ споры, которые велись по поводу отношенія партіи къ рабочимъ или промысловымъ союзамъ. И тутъ выставлялись доводы якобы принципіальнаго характера: провозглашалось, что эти союзы ни въ чемъ не соотвѣтствуютъ началамъ классовой борьбы, что они совершенно безполезны и т. п. И, въ самомъ дѣлѣ, если заглянуть на страницы протоколовъ кельнскаго партейтага 1892 г., то тамъ въ рефератѣ Легіена находятся весьма интересныя указанія на то, что экономическую борьбу въ свое время считали чуть ли не „войной мышей и лягушекъ", утверждали, что „экономическая борьба не приноситъ никакой пользы, пока рабочіе не достигли политической мощи", что „экономическая борьба находитъ рабочихъ всегда глубоко разъединенными, и чѣмъ печальнѣе ихъ положеніе, тѣмъ глубже и рѣзче это разъединеніе", что, наконецъ, хотя „партизанская война имѣетъ свои преимущества, однако, въ виду окончательной цѣли партіи, она имѣетъ только подчиненное значеніе" **). Такое же первоначальное недовѣріе къ промысловымъ союзамъ въ Германіи отмѣтилъ и Бебель на международномъ конгрессѣ въ 1890 г. ***). Однако, и въ этомъ отношеніи тактика партіи претерпѣла самое существенное измѣненіе, и она стремится теперь къ тому, чтобы „вліяніе промысловыхъ союзовъ все болѣе возрастало" ****).

Не менѣе поучительными для исторіи развитія тактики партіи являются, далѣе, тѣ споры, которые произошли въ самой фракціи, когда былъ возбужденъ вопросъ объ ея участіи въ дѣлѣ

*) Protokoll d. Parteit. 1903, стр. 336, 327, Vorwärts, 11. Sept. 1903.

**) Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresse zu Paris, 1890, стр. 24.

***) Protokoll üb. die Verhandlungen der sozial-demokratischen Partei Deutschlands abgehalten zu Köln, 1893, стр. 184—185.

****) Protokoll d. Parteit. 1903, стр. 328.

обсужденія законопроектовъ о страхованіи рабочихъ, о защитѣ труда; и въ этомъ случаѣ было указано на невозможность „отступить отъ основной точки зрѣнія и дать согласіе на эти законы... совершенно отрѣчься отъ всей силы агитаціи и традиціоннаго положенія партіи“. Однако, фракція не нашла возможнымъ согласиться съ этими мотивами и отказаться отъ обсужденія столь важныхъ и благодѣтельныхъ для рабочихъ законовъ. Но болѣе всего знаменательной для тактики партіи является отношеніе соціалъ-демократіи къ цѣлому ряду вопросовъ объ участіи членовъ партіи въ различныхъ выборахъ и выборныхъ учрежденіяхъ. Такъ, въ 1888 г. по поводу участія въ городскихъ выборахъ въ Берлинѣ, была принята слѣдующая резолюція: „принимая во вниманіе, что при участіи въ общинныхъ выборахъ потеря интеллектуальныхъ и матеріальныхъ силъ не стоитъ ни въ какомъ соотношеніи къ возможно большимъ его выгодамъ, въ дальнѣйшемъ убѣжденіи, что опытомъ уже въ достаточной степени доказано, что пріобрѣтеніе нѣсколькихъ мѣстъ въ собраніи городскихъ гласныхъ никоимъ образомъ не содѣйствуетъ прогрессивному развитію рабочей партіи, напротивъ того, партія развращается, благодаря все распространяющемуся карьеризму, — собраніе постановляетъ отклонить участіе въ городскихъ выборахъ“. Однако, эта резолюція оказалась также совершенно не оправдываемой обстоятельствами и исходящей изъ преувеличенныхъ опасеній нравственной порчи; вскорѣ послѣ этой резолюціи повсюду соціалъ-демократы приняли участіе въ городскихъ выборахъ и провели цѣлый рядъ своихъ гласныхъ въ муниципалитеты и общинные совѣты нѣмецкихъ городовъ. Не менѣе ожесточенные споры и дебаты возбудилъ, далѣе, вопросъ объ участіи въ выборахъ членовъ ландтага, въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Въ 1886 году была помѣщена самая энергичная статья противъ участія въ выборахъ въ газетѣ „Соціалъ-демократъ“, гдѣ, между прочимъ, говорилось: „Мы никогда не должны быть союзниками другихъ партій въ борьбѣ, но должны сражаться только самостоятельно. Это было бы измѣной партіи даже въ томъ случаѣ, если бы враги имѣли наглость предложить намъ мандатъ. Мы никогда не должны быть обязаны мандатомъ нашимъ врагамъ, такъ какъ это будетъ развращающимъ образомъ дѣйствовать на товарищей, ослабляющимъ—на избранныхъ“. Подобныхъ же воззрѣній придерживалось большинство членовъ кельнскаго партейтага. И если тамъ Бебель выступилъ референтомъ для обоснованія воздержанія отъ участія въ выборахъ, то никто иной, какъ Либкнехтъ, замѣтилъ по этому поводу: „Компромиссы, это—измѣна, которая жертвуетъ принципомъ. Должно отвергнуть всякое соглашеніе съ другой партіей, которое формально деморализировало бы нашихъ товарищей, какъ это неизбѣжно должно быть при участіи нашей партіи въ трехклассныхъ

выборахъ въ прусскій ландтагъ“. Однако, когда выяснилась вся не только безполезность такого воздержанія отъ выборовъ для партіи, но даже прямой вредъ отъ этого, такъ какъ, по словамъ Ауэра на гамбургскомъ партейтагѣ, это воздержаніе „усилило трехклассную систему выборовъ, умножило вліяніе реакціи и устранило совершенно всякую борьбу противъ этой системы“,— то тогда же было отмѣнено постановленіе кельнскаго партейтага. Въ 1898 году, согласно постановленіямъ штуттгартскаго партейтага, многіе округа Пруссіи съ достаточнымъ успѣхомъ участвовали въ выборахъ, а въ 1900 г. въ Майнцѣ Бебель уже передавалъ, согласно предложенной имъ резолюціи, что „въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, въ которыхъ существуетъ трехклассная система выборовъ, члены партіи были обязаны участвовать въ выборной агитаціи при ближайшихъ выборахъ“; для соглашеній, однако, съ отдѣльными „бюргерскими партіями“ должно было быть дано „разрѣшеніе“ отъ управленія партіи. Такъ завершился процессъ развитія тактическихъ формъ и пріемовъ партіи по отношенію къ прусскому ландтагу и его системѣ *). То, что сначала было невозможно и принципіально не допустимо, то стало при измѣнившихся обстоятельствахъ дѣломъ насущной необходимости. Съ рѣшеніемъ этого-то критическаго вопроса, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ по поводу тактики центральный органъ партіи, „разрѣшена послѣдняя важная тактическая проблема. Больше не представляется въ этой области никакой мыслимой проблемы для соціалъ-демократіи, такъ какъ вопросъ объ участіи ея въ какомъ-либо бюргерскомъ правительствѣ въ Германіи, вообще, не можетъ быть принятъ въ разсчетъ. Мы нашли полное единство принципіальной и практической политики. Мы научились пользоваться каждымъ преимуществомъ для пролетаріата безъ того, чтобы отдать за это хотя бы іоту нашихъ требованій въ качествѣ покупной цѣны. Мы работаемъ во всѣхъ областяхъ, мы проникаемъ во всѣ учрежденія, однако, мы не думаемъ о томъ, чтобы право первородства нашихъ демократическихъ и соціалистическихъ требованій размѣнять на временныя выгоды или пожертвовать имъ. Это и есть единая, ясно сознанная тактика соціалъ-демократіи, которая не нуждается болѣе ни въ какой ревизіи“.

Какъ очевидно изъ историческаго развитія партійной тактики, всѣ предсказанія относительно ея „выцвѣтанія“ и „линянія“ оказываются ни на чемъ не основанными.

Тактика партіи является все время результатомъ взаимодѣй-

*) Protokoll d. Parteit. zu Köln, 1893 г. стр. 253—266; Protokoll d. Parteit. zu Hamburg, стр. 172—173; Protokoll d. Parteit. zu Mains 1900, стр. 212 и слѣд. Protokoll d. Parteit. zu Dresden 1903, стр. 332.

ствія двухъ элементовъ, двухъ теченій въ партіи и ихъ борьбы между собою.

Съ одной стороны, необходимо отмѣтить то теченіе, во главѣ котораго стоятъ Бебель и Зингеръ, Каутскій и Штатгагенъ, Гоффманъ и другіе, по преимуществу прусскіе и саксонскіе товарищи. Это направленіе—радикальное, „революціонное", ортодоксальное или непримиримое. Это направленіе—воспитанное специфическими условіями прусскаго и саксонскаго строя. И, въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить болѣе уродливое и нелѣпое сочетаніе религіозной свободы и полицейскаго гнета, прогрессивнаго индустріализма и феодальнаго юнкерства, военной монархіи и классового представительства,—чѣмъ это имѣется въ этихъ двухъ государствахъ германскаго сѣвера. Эти государства воспитываютъ гражданина словно для того только, чтобы дать ему особенно рѣзко почувствовать цѣпи капиталистическаго крѣпостничества, и призываютъ его къ народному представительству и самоуправленію затѣмъ, чтобы передать его цѣликомъ на благоусмотрѣніе юнкерскаго и буржуазнаго меньшинства. И если само по себѣ то чрезвычайное развитіе капиталистическаго хозяйства, которое нашло себѣ мѣсто на сѣверѣ, уже достаточно тяжело ощущается рабочими во время кризисовъ и угнетенія рынка, то политическое, сознательное и преднамѣренное предпочтеніе экономически властвующихъ элементовъ въ государственномъ строѣ придаетъ здѣсь формамъ экономической эксплуатаціи еще и тяжелый характеръ несправедливой привилегіи. Государство здѣсь словно само отдаетъ однихъ своихъ гражданъ на жертву другимъ, и ясное дѣло, что современный пролетарій-гражданинъ, пролетарій-интеллигентъ такіе порядки ощущаетъ на себѣ, не только какъ одинъ изъ видовъ экономической эксплуатаціи или хозяйственнаго угнетенія, но и какъ оскорбленіе своей личности въ качествѣ гражданина, своего достоинства, какъ сознательнаго и разумнаго подданнаго, наконецъ, своихъ правъ, какъ нравственно незапятнаннаго и безупречнаго члена общества. Дѣло борьбы противъ такъ называемыхъ бюргерскихъ партій и руководимаго ими классового государства становится, такимъ образомъ, для нѣмецкаго рабочаго-сѣверянина своего рода нравственнымъ долгомъ, требованіемъ возмущенной совѣсти, его оскорбленной чести. Самая борьба получаетъ въ извѣстной степени нравственный, безусловный характеръ. И не только цѣли борьбы получаютъ особое идеалистическое освященіе, но весьма легко зачисляются также и средства ея подъ вѣдѣніе и требованіе нравственнаго закона.

Отсюда и такъ называемый „революціонный" характеръ этого теченія. О „революціи", въ собственномъ смыслѣ слова, здѣсь, конечно, нѣтъ и рѣчи. И Бебель столь же мало, какъ и его противникъ Фольмаръ, думаетъ о баррикадахъ и уличныхъ битвахъ

въ настоящемъ, столь же мало предвидитъ ихъ необходимость даже въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Quasi-революціонный характеръ этого теченія идетъ не отсюда. Его радикализмъ покоится на совершенно иныхъ основаніяхъ: дѣло въ томъ, что если въ хозяйственной жизни можно торговаться, а въ политикѣ самымъ удобномъ способомъ борьбы является дипломатія и компромиссъ, опирающійся на дѣйствительную мощь и только въ крайности прибѣгающій къ насилію, то именно въ области нравственности принципіально нѣтъ и не можетъ быть компромиссовъ: здѣсь или нѣтъ принципа, или онъ весь, половины и четверти честности и нравственной безупречности быть не можетъ; или одно, или другое; принципы честности и нравственнаго долга недѣлимы, и всякая нравственность неминуемо уничтожается, какъ только на ней оказывается хоть малѣйшее пятнышко. Здѣсь закономъ является или все, или ничего. Ни на какіе компромиссы или сдѣлки съ подлостью нравственность идти не можетъ. Разъ вопросъ классовой борьбы получаетъ, какъ мы это видимъ на примѣрѣ нѣмцевъ сѣверянъ, моральный характеръ и самые пріемы борьбы получаютъ значеніе нравственнаго принципа, понятнымъ является и „радикальный“, непримиримый или „революціонный“ характеръ ихъ тактики, ихъ неуступчивость требованіямъ, даже въ высшей степени необходимой и плодотворной для партіи цѣлесообразности. Для нихъ вопросъ о „катастрофѣ“ или „эволюціи“ не есть чисто академическій вопросъ, подлежащій разрѣшенію Каутскаго или Бернштейна, для нихъ это дѣло возмущеннаго нравственнаго чувства, которое не можетъ помириться съ эволюціей пошлости или съ уступками по адресу унижающихъ и оскорбляющихъ ихъ честь и достоинство партій или установленій. Пойти на компромиссъ съ безнравственнымъ—значитъ самому замараться. Оказать хотя бы временную поддержку существующей несправедливости—значитъ самому ее поощрять и въ ней участвовать.

Такова точка зрѣнія радикальнаго крыла соціалъ-демократіи и основа ея радикализма. Какъ очевидно, она основывается не на разрушительныхъ тенденціяхъ или анархическихъ стремленіяхъ, а на преобладаніи нравственности надъ политикой въ соціальномъ движеніи, на господствѣ чувства, а не холоднаго государственнаго разсчета въ тактикѣ. Только съ большимъ трудомъ уступаютъ постепенно непримиримые свою позицію. И только возрастающая сила и мощь партіи дѣлаютъ для лѣваго крыла партіи возможными тѣ уступки, которыя требуются необходимостью. Нечего, конечно, и говорить, что это уступки въ средствахъ, а не въ цѣли, что движеніе ни на минуту не оставило своего идеала въ видѣ будущаго земного человѣческаго рая... Это разумѣется само собою.

Другое крыло партіи, къ которому принадлежатъ не только

„ревизіонисты", но и практики, дипломаты, оппортунисты и умѣренные, имѣетъ своихъ главныхъ представителей въ лицѣ Ауэра, Фольмара, Вольфганга Гейне, Бернштейна, Кольба и др., и опирается, главнымъ образомъ, на южныхъ нѣмцевъ, на баварцевъ, вюртембергцевъ и баденцевъ,—однимъ словомъ, на тѣ государства, гдѣ и природа мягче, и промышленное развитіе не дошло еще до такихъ грандіозныхъ формъ и судорожныхъ движеній, какъ на сѣверѣ, и правительства ведутъ изстари умѣренную и либеральную политику. На югѣ легче дышется. На югѣ сильно еще демократическое старое крестьянство, на югѣ не такъ ощущаются промышленные кризисы и катастрофы, на югѣ рабочій не чувствуетъ себя такимъ угнетеннымъ и преслѣдуемымъ паріемъ, предъ нимъ нѣтъ сплоченнаго за юнкерской стѣной промышленнаго феодала, а условія политической жизни хоть и заставляютъ порою желать многаго, но отнюдь не носятъ такого рѣзкаго характера классового господства и односторонней эксплуатаціи, какъ это сразу бросается въ глаза каждому рабочему Берлина, или саксонскаго горнаго района. Хоть и неважно, но жить еще можно. Хоть сегодня плохо, да есть всегда надежда, что завтра станетъ лучше. Нѣтъ ни оскорбительнаго полицейскаго гнета, ни надменной опеки классовымъ образомъ организованной бюрократіи. И вправду потерпѣть еще можно... И вполнѣ естественно, что для южанина дѣло соціальной борьбы принимаетъ характеръ не нравственной принципіальности, а политической цѣлесообразности, что онъ безъ особенныхъ нравственныхъ страданій и колебаній идетъ на выгодный компромиссъ, разъ это только, дѣйствительно, обѣщаетъ ему соотвѣтственный выигрышъ, что, наконецъ, онъ склоненъ даже иногда и перемудрить по старому крестьянскому образцу и разыграть изъ себя того хитреца, „Ганса въ счастьѣ", который такъ мѣтко характеризуетъ собою особенно южно нѣмецкаго Михеля. Но нужно въ одномъ отношеніи и южно нѣмецкому пролетарію отдать справедливость: конечной цѣли онъ такъ же не уступитъ, какъ и его сѣверный радикальный товарищъ. Онъ, можетъ быть, склоненъ медленнѣе идти къ цѣли. Но цѣль у нихъ обоихъ безусловно одна и та же. Только онъ больше дипломатъ и политикъ. Онъ больше любитъ не говорить, а дѣлать, не агитировать, а орудовать. Онъ такъ же, какъ сѣверянинъ, вѣритъ въ идеалъ будущаго, но онъ не любитъ исповѣдывать свою вѣру. И если въ тяжелое время 48 года онъ гораздо болѣе бурно, отчаянно и продолжительно боролся за свободу, чѣмъ это было на сѣверѣ—стоитъ только вспомнить баденское усмиреніе,—то теперь онъ чувствуетъ себя болѣе зрѣлымъ политически и медленно, но вѣрно идетъ къ своей цѣли. И эта тактика въ особенности хорошо помогаетъ къ тому же противъ романтически-взвинченнаго, но холодно-разсчетливаго центра...

Горящій нравственнымъ энтузіазмомъ Бебель и глубокій политическій тактикъ Фольмаръ; непримиримый Штадтгагенъ и насмѣшливый старый Ауэръ, правовѣрный и нетерпѣливый Каутскій и злополучный ревизіонистъ Эде; наконецъ, радикально настроенный, угнетаемый политически, но высоко развитый и сознательный рабочій сѣвера и чувствующій свою политическую силу, спокойный и увѣренный въ постепенномъ и неизбѣжномъ воплощеніи своихъ идеаловъ южанинъ—таковы наиболѣе рѣзкія противоположности съ средѣ рабочей нѣмецкой партіи, которыя придаютъ ея поступательному движенію характеръ живого морально-политическаго процесса и выражаютъ народное движеніе къ соціальной свободѣ въ формахъ постоянной борьбы не только за интересы и выгоды, но и за моральную незапятнанность, за нравственное соотвѣтствіе временныхъ средствъ постоянной и возвышенной цѣли.

И у тѣхъ, и у другихъ „товарищей" цѣль безусловно одна. Это—водвореніе на землѣ такого строя, въ которомъ не было бы болѣе ни „униженныхъ и оскорбленныхъ", ни угнетенія, ни угнетателей. Но средства для этой цѣли выработываютъ они только по „общему согласію", путемъ тяжелаго товарищескаго спора о „принципіальности" и „компромиссахъ", о соотвѣтствіи средствъ цѣли, о нравственномъ и общественномъ призваніи пролетаріата. Тактика выработывается путемъ борьбы двухъ направленій, но цѣли не выцвѣтаютъ. Когда же наступаетъ время борьбы противъ общаго врага, юнкерства или бюргерскихъ партій, всѣ идутъ общимъ строемъ „плечо къ плечу", не различая болѣе ни „радикаловъ", ни „ревизіонистовъ" *).

IV.

Нѣтъ лучшаго доказательства въ пользу здороваго развитія нѣмецкаго соціализма, какъ то постепенное расширеніе его задачъ и цѣлей, которое замѣчаемъ мы въ настоящее время. Рабочая партія не довольствуется уже одной соціальной и политической стороной своей міровой задачи и, являясь наслѣдницей великихъ культурныхъ традицій западно-европейскаго общества, она сама непосредственно берется за культурную работу, пытается практически разрѣшить тѣ проблемы соціальной этики и психологіи, которыя были намѣчены еще великими „отцами" соціализма, но до сихъ поръ, въ силу многихъ причинъ, не могли быть разрѣшены не только на практикѣ, но и въ теоріи. Соціализмъ и отечество. Отношеніе рабочей партіи къ вопросу о

*) Сравн. рѣчь Бебеля на бременскомъ партейтагѣ въ „Protocoll über die Venhandlungen des Parteitages der Sozial-demokratischen Partei Deutschlands zu Bremen."—1904. Berlin. S. 143.

патріотизмѣ и связанный съ этимъ практическій выводъ о „врагахъ внѣшнихъ". Соціалъ демократія и этика, роль соціализма по отношенію къ личности, наслѣдство классическаго нѣмецкаго идеализма въ пролетарской догмѣ, отношеніе вульгарнаго матеріализма къ „практическому идеализму" рабочихъ. Наконецъ, вопросъ о религіи, о ея цѣнности для пролетаріата, объ отношеніи къ ней, съ точки зрѣнія культурныхъ задачъ, пролетаріата, вопросъ о позиціи соціалъ-демократіи по отношенію къ нѣмецкой католической и протестантской церкви—вотъ та область теоретическаго изслѣдованія и практической борьбы, которая въ настоящее время особенно интересуетъ нѣмецкихъ соціалистовъ и уже самымъ своимъ оживленіемъ ярко характеризуетъ высокій культурный подъемъ нѣмецкихъ „товарищей".

Изъ всѣхъ вопросовъ, указанныхъ нами выше, особый интересъ представляетъ въ настоящее время вопросъ объ отношеніи соціалъ-демократіи къ религіи, тѣмъ болѣе, что какъ разъ теперь происходитъ въ Эссенскомъ округѣ генеральное сраженіе между католиками и соціалъ-демократами на дополнительныхъ выборахъ въ рейхстагъ. Религіей, однако, рабочая партія занимается не въ первый разъ. Въ эйзенахской программѣ среди ближайшихъ требованій партіи значилось: „отдѣленіе церкви отъ государства, отдѣленіе школы отъ церкви". Это положеніе было принято безъ дебатовъ. На готскомъ объединенномъ конгрессѣ партіи (1875 года) проектъ программы желалъ обозначить однимъ словомъ— „свобода совѣсти" все отношеніе соціалъ-демократіи къ религіи. Однако, эта формула подверглась измѣненіямъ, и по требованію Либкнехта въ готскую программу было внесено объявленіе религіи „частнымъ дѣломъ" каждаго. Уже на готскомъ конгрессѣ Бебель требовалъ внесенія въ программу пункта объ отдѣленіи церкви отъ государства и школы. Тогда это не прошло, но уже въ Галлѣ (въ 1890 г.) самъ Либкнехтъ нашелъ, что принятая партіей статья о религіи требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Тѣмъ не менѣе, въ окончательную эрфуртскую программу (1891 г.) статья о религіи перешла безъ особенныхъ измѣненій *). Такимъ образомъ, теперь руководящими для партіи статьями являются четыре, гдѣ требуется отмѣна всѣхъ законовъ, которые ограничиваютъ или уничтожаютъ право свободнаго выраженія мнѣній, свободы союзовъ и собраній, и пунктъ 6-й, который требуетъ „объявленія религіи частнымъ дѣломъ каждаго. Отмѣны всѣхъ пособій изъ публичныхъ средствъ для церковныхъ или религіозныхъ цѣлей. Признанія церковныхъ и религіозныхъ обществъ частными соединеніями, которыя совершенно самостоятельно устраиваютъ свои дѣла." Наконецъ, § 7, требующій „свѣтскости школы". Какъ

*) August Erdmann. Sozial-demokratie und Religion. Sozialistishe Monatshefte. 1905. 6 Heft.

видно, всѣ эти требованія чисто отрицательнаго свойства, и изъ нихъ нельзя вывести никакихъ заключеній относительно положительной стороны пролетарской этики и отношенія рабочей партіи къ религіи.

Но партія не была бы наслѣдницей нѣмецкой классической философіи, если бы она ограничилась только такимъ отношеніемъ къ религіи. Недаромъ въ партійной брошюрѣ, написанной Штампферомъ въ поясненіе 6 пункта эрфуртской программы, перечисляются имена Декарта, Спинозы, Канта, Фихте, Гегеля, Шеллинга, Фейербаха и Шопенгауера, какъ учителей современности. Въ своемъ отношеніи къ религіи соціалъ-демократія желаетъ быть только продолжательницей ихъ работы и послѣдовательницей ихъ ученій. Съ особой энергіей обращается Штампферъ противъ столь обычнаго навязыванія соціализму грубо-матеріалистической догмы, такъ называемаго, вульгарнаго матеріализма. Совершенно справедливо говоритъ указанная брошюра, что „матеріалистическое міровоззрѣніе... отрицаетъ не только религію откровенія, но также и всю философію, работу которой оно отвергаетъ, какъ безплодную, при чемъ совершенно забываетъ само, что его основныя понятія, „сила“ и „матерія“, являются только философскими абстракціями. Тотъ фактъ, что мы мыслимъ, не избавляетъ насъ отъ труда изслѣдовать законъ нашего мышленія. Презирая подобное изслѣдованіе, матеріализмъ дѣлаетъ со своей стороны тоже попытку заколотить міръ досками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и близко соприкасается съ тенденціей религій откровенія... Соціалистическое міровоззрѣніе не имѣетъ ничего общаго съ теоріей силы и матеріи... И отъ исповѣданія религій откровенія отдѣляетъ его не склонность къ матеріализму, а отрицаніе всякаго догматизма и стремленіе не принимать никакихъ истинъ на вѣру, но изслѣдовать ихъ критически... Матеріалистическое пониманіе исторіи не пытается вывести сущность человѣческаго мышленія изъ матеріи, но даетъ только научно-обоснованное объясненіе тому неоспоримому факту, что содержаніе человѣческаго мышленія опредѣляется чувственно-воспринятыми явленіями“... *).

Сравнивая далѣе христіанскую нравственность съ этикой соціалъ-демократіи, Штампферъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Первая не только основывается на догмѣ и падаетъ вмѣстѣ съ нею, но и опирается, главнымъ образомъ, на ученіе о загробномъ воздаяніи, а тѣмъ самымъ прибѣгаетъ къ мотивамъ чувственнаго характера; вторая же отдѣляетъ совершенно этику отъ какихъ-либо догматическихъ предпосылокъ. Однако она не удовлетворяется системой идеализма XVIII вѣка. Правда, уже тогда „изъ развалинъ 17-ти христіанскихъ вѣковъ родилась опять идея человѣчности и обосновывала равноправіе людей уже не на вѣрѣ

*) Fr. Stampfer. Religion ist Privatsache. Berlin. 1905. S. 4—9.

въ равенство всѣхъ дѣтей одного отца, но на философски познанномъ разумѣ и свободѣ воли всѣхъ индивидовъ. „Человѣкъ свободнымъ созданъ, онъ свободенъ, хотя бы родился въ цѣпяхъ“. — Торжественно ликовали тогда Шиллеровскія пѣсни. Естественное право (право, соотвѣтствующее природѣ человѣка) царило тогда надъ всѣми политико-нравственными представленіями. Этика тогда не основывалась болѣе на религіи, но сама религія основывалась на этикѣ. „Нравственныя дѣянія есть лучшее благочестіе, и для нея не имѣютъ никакого значенія всѣ тряпки внѣшней формы“. Такъ со сцены съ поражающей силой училъ Лессингъ, а классическая эпоха, время Руссо и Монтескье, Канта и Гердера, казалось, была истинно божественнымъ праздникомъ человѣческаго духа. Подъемъ воодушевленія тогда переполнилъ все, что только жило духовной жизнью, и даже мужи церкви были увлечены этимъ ликующимъ потокомъ человѣчности. Какъ казалось, результатомъ критически идеалистической философіи былъ истинный праздникъ воскресенья человѣчества“. Но ужасы французской революціи разбили прекрасныя мечты, а „время священнаго союза высушило всѣ ранніе цвѣты весны возрожденія. И въ области идеи наука вернулась болѣе къ эмпирическому наблюденію явленій. Естественныя науки развивали спокойно успѣхъ. Готовилось время техники и крупной промышленности. И въ противоположность выродившейся политической экономіи, бывшей прежде воистину „классической“, но кончившей безплодными идеальными абстракціями, выступилъ Фридрихъ Энгельсъ въ началѣ 40-хъ годовъ, со своей, составившей эпоху, книгой о положеніи трудящихся классовъ въ Англіи. Въ этой книгѣ человѣческое хозяйство явилось не такъ, какъ его рисовали хитроумныя конструкціи отказавшихся отъ міра ученыхъ, и не такъ, какъ оно представлялось желаніямъ соціалистическихъ утопистовъ. Оно явилось такимъ, какимъ оно въ дѣйствительности было. Въ наукѣ объ обществѣ, подобно тому, какъ это было въ другихъ областяхъ, факты опять нашли свой языкъ... Однако насколько отличалось это вновь найденное пониманіе фактовъ отъ сухой близорукой спеціальной учености прежнихъ и позднѣйшихъ временъ, какъ сильно было оно отлично отъ позднѣйшей словарной премудрости, такъ называемой, исторической школы въ нѣмецкой политической экономіи! Для соціалистическихъ открывателей дѣйствительности наслѣдіе классической эпохи не оказалось потеряннымъ. За сухими цифрами дрожитъ у нихъ исполненное горячей крови нравственное воспріятіе, а идеалъ свободной человѣчности является тѣмъ критическимъ масштабомъ, которымъ измѣряются рабочія жилища, изслѣдуются списки рабочей платы. Небо гуманнаго идеализма и долину скорби капиталистическаго міра спаиваетъ крѣпкой связью научный соціализмъ... Карлъ Марксъ въ своемъ матеріалистическомъ воззрѣніи

на исторію нашелъ твердыя основы для біологіи „идеи". Во второй разъ въ исторіи божество—здѣсь божество „вѣчной идеи"—воспринято человѣческой волей и поднялось на свой міровой тронъ... Она была познана „какъ матеріальное, проектированное въ человѣческой головѣ" (Das im Menschen Kopf umgesetzte Materialle)... Историческій матеріализмъ объяснилъ изъ матеріи содержаніе мысли; онъ не спрашивалъ о томъ, откуда происходитъ, что человѣкъ мыслитъ, но откуда происходитъ то, что онъ мыслитъ. И отвѣтъ былъ—изъ дѣйствительности жизни". „Тѣ матеріальныя отношенія, которыя насъ окружаютъ, прежде, чѣмъ еще мы поняли ихъ законы, они образуютъ содержаніе нашего общественнаго сознанія. Наши понятія о правѣ и неправѣ, о добрѣ и злѣ—пустыя понятія сами по себѣ—благодаря имъ, получаютъ впервые дѣйствительное содержаніе... Каждое время имѣетъ свою опредѣленную нравственность *).

Wie einer ist, so ist sein Gott.
Darum ward Gott so oft zum Spott.

Способъ производства въ первую голову является тѣмъ общественнымъ факторомъ, который опредѣляетъ содержаніе современной этики. Классовая борьба разбиваетъ на два враждующихъ класса современное общество, и каждый изъ нихъ живетъ своей особенной моралью. Особая роль и задача пролетаріата налагаютъ особую печать на его классовую этику... Въ своей послѣдней статьѣ о „Патріотизмѣ, войнѣ и о соціалъ-демократіи" Каутскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ пролетарскую мораль: „Личность становится не цѣлью самой для себя, но только средствомъ для цѣли. И этой цѣлью является уже не другой индивидъ, а само общество или цѣлое, которому единица должна служить. Не безграничное изживаніе личности, а безграничная преданность цѣлому становится категорическимъ императивомъ новой соціалистической этики, категорическимъ императивомъ, который возникаетъ не изъ какого-либо мистическаго міра вещей въ себѣ, подобно Кантовскому, но изъ очень реальнаго міра вещей для насъ, изъ способа производства. Пролетарій видитъ свое счастье не въ величіи и мощи своей собственной личности, а въ величіи и мощи той „организаціи, къ которой онъ принадлежитъ". Такъ опредѣляетъ Каутскій этику соціализма и, какъ, очевидно, въ этомъ опредѣленіи характеризуется только одна сторона ея. И Каутскій, хотя и „между прочимъ", однако торопиться дополнить свое положеніе и хотя бы для „боязливыхъ почитателей свободной личности" спѣшитъ обосновать „успокоеніе за ея судьбы". „Этимъ,—говоритъ онъ,—свободное развитіе личности не устраняется, только оно обращается изъ привилегіи немногихъ сверхъ-человѣковъ до-

*) Stampfer. Religion. S. 16—18.

стояніемъ всѣхъ, такъ какъ только общественное производство, дѣлающее единицу простымъ колесикомъ великаго механизма, создаетъ возможность достаточнаго досуга для всѣхъ, при помощи котораго уже всѣ, по совершеніи производственной работы, будутъ въ состояніи свободно изживать и развертывать свою жизнь" *).

Штампферъ освѣщаетъ съ болѣе широкой точки зрѣнія соціалъ-демократическій идеалъ нравственности. „Бюргерство выковало положеніе о всеобщемъ равенствѣ, братствѣ и свободѣ. Однако, едва только оно насытилось, какъ это положеніе исчезло, подобно облаку. И классическая идея гуманности XVIII вѣка нашла своихъ поповъ и лицемѣровъ. Но подъ слоемъ бюргерства таилась растущая, колеблющаяся глубокими валами масса пролетаріата, угнетенныхъ, которые сами никого не угнетали— не изъ прирожденной добродѣтели, но на томъ простомъ основаніи, что подъ ними уже некого было угнетать. — Такъ идея гуманности стала идеей пролетаріата, сдѣлалась нравственной формулой практической классовой борьбы. За ней стоитъ не одна только единоличная воля, но общественная необходимость, ее несетъ съ собой не одинъ какой-нибудь блѣдный мечтательный проповѣдникъ, но безконечная масса, съ блестящими глазами и сильными руками. Такъ идея, казалось, прежде была простымъ воздушнымъ пузыремъ, и ученые ломали себѣ голову надъ ея сущностью. Теперь выросли у нея милліоны человѣческихъ ногъ, и она „гордо шествуетъ впередъ!" Безсмысліемъ называетъ поэтому Штампферъ утвержденіе, будто соціализмъ отрицаетъ „идеологическій моментъ" или даже „всякую мораль". Напротивъ того. Идеологическій моментъ только ближе опредѣленъ марксизмомъ, онъ есть... дѣйствительный *практическій идеализмъ* и *нравственный оптимизмъ* **).

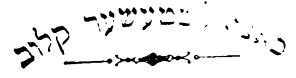
„Идеалъ гуманности, человѣческой свободы, который вмѣстѣ съ тѣмъ является классовымъ интересомъ пролетаріата, не можетъ быть поглощенъ современнымъ капиталистическимъ порядкомъ". Уже теперь „соціалъ-демократія учитъ индивида не пользоваться минутной выгодой, гдѣ онъ только ее находитъ — это мораль streikbrecher'овъ, ломателей стачки, а не пролетарская нравственность — она учитъ его свою выгоду искать въ интересахъ класса, она наполняетъ его гордымъ сознаніемъ историческаго признанія своего класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему истино нравственное сознаніе. Она учитъ его познать идею гуманности, какъ идею своего собственнаго класса". И ясно вполнѣ, что такая партія не можетъ оставить безъ борьбы и противодѣй-

*) Die neue Zeit. 1905. № 37.
**) Stampfer. Religion. S. 22-23.

ствія яко бы религіозную пропаганду католическаго клерикализма и протестантской ортодоксіи. Положительнымъ объявленіемъ войны клерикальной догмѣ кончается изданная партіей брошюра Штампфера и требованіемъ отдѣленія церкви отъ государства, а школы отъ церкви. Но мало этого: сама религія членовъ партіи становится вопросомъ, далеко для нея не безразличнымъ. И не только Штампферъ, но и другой писатель, Генрихъ Лауфенбергъ, поднимаетъ, вопросъ, можетъ ли христіанинъ, а спеціально католикъ, быть соціалъ-демократомъ? При рѣшеніи этого вопроса Лауфенбергъ становится на нѣсколько ложную точку зрѣнія. Онъ хочетъ доказать, что само католичество требуетъ соціализма, а потому приходитъ къ весьма поспѣшному выводу, что всякій католикъ непремѣнно долженъ стать соціалъ-демократомъ. Иначе разрѣшаетъ данный вопросъ Штампферъ. Онъ считаетъ, что вѣроисповѣданіе члена партіи до той поры безразлично для нея, пока религія отдѣльнаго лица не приходитъ въ соприкосновеніе съ этикой и принципами соціалъ-демократіи. Къ этимъ принципамъ, однако, принадлежитъ и борьба противъ всякой церковной догмы, противъ всякаго затемнѣнія классового сознанія, противъ всякой этики, не основанной на научномъ изслѣдованіи, на критикѣ, на философіи практическаго идеализма...

Отъ экономизма къ „практическому идеализму", отъ узкаго марксизма къ воскрешенію забытыхъ широкихъ основъ историческаго матеріализма самого Маркса, отъ вульгарнаго отрицанія идеологіи къ признанію наслѣдія классичесской философіи, наконецъ, отъ чисто экономической и политической борьбы къ высокимъ культурнымъ задачамъ—таковъ широкій и мощный ходъ развитія нѣмецкой рабочей партіи, и не выцвѣтаніе, а новый подъемъ и раскрытіе ея духовныхъ силъ совершается передъ нами. Развѣ не является своего рода симптомомъ жизненнаго прогресса въ партіи гордое, хотя и слишкомъ оптимистическое утвержденіе Штампфера, что всякій „истинный" христіанинъ непремѣнно долженъ стать „соціалъ-демократомъ"?

Реусъ.



Политика.

Цусимскій разгромъ.—Русскіе и японскіе отчеты о сраженіи.—Причины пораженія.—Его послѣдствія.—Мирные переговоры.—Франко-германскій конфликтъ.—Австро-Венгрія.—Скандинавскій разрывъ уніи.—Голландскіе выборы.—Пій X и участіе католиковъ въ итальянской политической жизни.—Китайская конституція.

I.

Въ прошлую хронику я уже успѣлъ вставить краткое извѣстіе о цусимскомъ бѣдствіи, постигшемъ нашъ по-истинѣ злосчастный флотъ... Изъ великой морской державы, какою Россія считалась еще полгода тому назадъ, до паденія Артура и цусимской катастрофы, она теперь въ морскихъ вопросахъ просто quantité négligeable. Ея армада уничтожена, при чемъ японскій флотъ не только не пострадалъ сколько-нибудь серьезно, но даже усилился захватомъ шести русскихъ боевыхъ единицъ. Какъ могло это случиться, увидимъ ниже, а теперь еще прибавимъ, что приведенныя нами въ прошлой хроникѣ данныя нѣсколько преувеличивали силы Японіи. Это явствуетъ изъ слѣдующей телеграммы агентства Рейтера, сообщенной черезъ пять дней послѣ цусимской битвы:

„Токіо, 19 (1) мая. Не имѣя больше нужды скрывать уронъ, понесенный японскимъ флотомъ, морское министерство объявляетъ о потерѣ броненосца „Яшима" подъ Портъ-Артуромъ въ маѣ прошлаго года. Кромѣ того, опубликованъ списокъ судовъ, гибель которыхъ хранилась до сихъ поръ въ тайнѣ. Сюда относятся, кромѣ броненосца „Яшима", погибшаго отъ мины во время блокады Портъ-Артура 2 мая, еще слѣдующія суда: контръ-миноносецъ „Акатцуки", погибшій тамъ же 17 мая; канонерская лодка „Ошима", затонувшая отъ столкновенія въ то время, когда дѣйствовала совмѣстно съ Ляодунской арміей—17 мая; контръ-миноносецъ „Хаятори", погибшій отъ пущенной въ него мины—20 августа во время блокады Портъ-Артура; канонерская лодка „Атаго", наскочившая на скалы и затонувшая во время блокады Портъ-Артура 24 октября. Крейсеръ „Такасаго" погибъ отъ мины, блокируя Портъ-Артуръ 30 ноября".

Иначе говоря, адмиралъ Того располагалъ однимъ броненосцемъ и однимъ бронепалубнымъ крейсеромъ меньше, чѣмъ мы у него считали, т. е. у него орудій было менѣе, чѣмъ мы привели: 12″—на 4, 8″—на 2, 6″—на 10 (итого тяжелыхъ—на 16), остальныхъ—на 52 (всего—на 68). Это очень серьезное ослабленіе. Канонерка „Ошима" была изъ лучшихъ судовъ этого типа, новой постройки. И всетаки...

Русскіе отчеты о ходѣ сраженія 14—15 мая всѣ отрывочны, являясь сообщеніями отдѣльныхъ командировъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ боя. Попробуемъ, однако, изъ нихъ извлечь болѣе интересныя и связныя данныя. Наиболѣе обстоятельный отчетъ даетъ ген. отъ инф. Линевичъ, на основаніи рапортовъ спасшихся офицеровъ, но онъ касается только перваго дня битвы; вотъ важнѣйшія части этого донесенія (опускаю нѣкоторыя подробности о потеряхъ личнаго состава и т. п.):

„14 мая утромъ, эскадра генералъ-адъютанта Рожественскаго въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ, имѣя транспорты посрединѣ, подходила къ восточному Корейскому проливу. Въ лѣвой колоннѣ шли броненосцы, въ правой—крейсера. Въ 7-мъ часу утра увидѣли на правомъ траверзѣ крейсеръ „Идзуми", шедшій почти параллельнымъ курсомъ съ эскадрой. Въ одиннадцатомъ часу усмотрѣли слѣва на траверзѣ отрядъ крейсеровъ „Касаги", „Ніитаки", „Читоза", „Цусима", идущіе сходящимися курсами по направленію въ проливъ. Въ это время „Владиміръ Мономахъ" по сигналу перешелъ на правый траверзъ транспортовъ и открылъ огонь по „Идзуми", который, отвѣчая ему, скрылся во мглѣ.

„Въ 11 час. 20 мин. 2-й броненосный отрядъ по сигналу открылъ огонь по японскимъ крейсерамъ, при чемъ было замѣчено попаденіе въ крейсеръ „Ніитака" или „Цусима". Японцы отвѣчали на огонь, повернули влѣво и скрылись въ туманѣ. Въ 11 час. 40 мин. 2-й и 3-й броненосные и крейсерскій отряды выстроились въ одну кильватерную колонну по 1-му броненосному отряду, имѣя транспортный и развѣдочный отрядъ съ правой стороны. Въ полдень измѣнили курсъ на нордъ-остъ 23, и 1-й броненосный отрядъ отдѣльно уклонился немного вправо въ строѣ кильватера, на разстояніи 3 кабельтовыхъ. Въ 1 часъ 20 минутъ развѣдочный непріятельскій отрядъ опять показался слѣва, повидимому, идя на соединеніе съ главными силами. Въ 1 часъ 40 минутъ показалась непріятельская эскадра, состоявшая изъ 4 броненосцевъ и крейсеровъ „Якумо", „Ниссинъ", „Кассуга", „Ивате", „Идзумо", „Адзума" и нѣкоторыхъ другихъ судовъ, всего 18 кораблей, шедшихъ большимъ ходомъ на встрѣчу. Туманъ уже разсѣялся, но горизонтъ былъ мглистый, вѣтеръ южный 5 балловъ. Сѣроватая окраска японскихъ судовъ, сливаясь съ мглой, дѣлала ихъ малозамѣтными. Наша эскадра открыла огонь, продолжая идти тѣмъ же курсомъ, а транспорты уклонились на 4 румба вправо и отошли отъ эскадры кабельтовыхъ на 15, имѣя слѣва крейсерскій отрядъ и сзади развѣдочный. Первый броненосный отрядъ, повернувъ на 2 румба влѣво, сталъ во главѣ второго броненоснаго отряда. Ходъ эскадры 10 узловъ.

„Бой начался съ разстоянія 60 или 70 кабельтовыхъ и доходилъ до 20 кабельтовыхъ. Непріятель на большомъ разстояніи

передъ носомъ повернулъ влѣво и легъ контра-курсомъ. Стрѣльба японцевъ была очень мѣткая, они буквально засыпали наши суда снарядами и сосредоточили огонь преимущественно на нашихъ адмиральскихъ и головныхъ корабляхъ, стрѣляли фугасными снарядами, сносили трубы, рангоутъ и всѣ надстройки, производили пожары и уже послѣ этого начинали громить бронебойными снарядами. Маневрированіе нашей эскадры стѣснялось присутствіемъ транспортовъ: „Анадырь", „Иртышъ", „Корея", „Русь" и „Свирь". Первыми пострадали изъ броненосцевъ „Ослябя" и „Суворовъ". Одинъ изъ выстрѣловъ въ „Ослябя" попалъ слѣва въ жилую палубу, близь носовой переборки. Черезъ пробоину вода попала въ первый и второй отсѣки, черезъ трещины въ палубѣ и разбитыя вентиляторныя трубы въ носовой шестидюймовый погребъ и подбашенное отдѣленіе. Задѣлка пробоины, вслѣдствіе зыби и хода, была невозможна. Въ это время были сбиты стеньги и въ носовую башню попало три крупныхъ снаряда, первый повредилъ установку, третій, влетѣвъ въ амбразуру, вывелъ всю прислугу.

„Около 3-хъ часовъ, вслѣдствіе увеличенія крена, вода стала вливаться черезъ борта нижней батареи, которые нельзя было задраить, такъ какъ полупортики были перебиты... Эскадра уклонилась немного вправо. „Ослябя" вышелъ изъ строя и около 3-хъ часовъ пошелъ ко дну, перевернувшись килемъ вверхъ. За „Ослябя" вышелъ изъ строя и „Суворовъ", у котораго были сбиты обѣ мачты, трубы, всѣ надстройки; повидимому, онъ не имѣлъ возможности управляться, и, выйдя изъ строя въ началѣ боя, стоялъ въ сторонѣ отъ района маневрированія эскадры, но не переставалъ поддерживать самый энергичный огонь. Въ это время адмиралъ Рожественскій, раненый въ самомъ началѣ боя, перешелъ со своимъ штабомъ, изъ котораго многіе тоже были ранены, на миноносецъ „Буйный". Вмѣсто „Суворова" головнымъ кораблемъ эскадры сталъ „Бородино", который лихо и энергично продолжалъ вести бой.

„Около 4-хъ часовъ дня „Сысой Великій", выйдя изъ строя, тушилъ большой пожаръ въ носовой и средней частяхъ, но не переставалъ стрѣлять и оказалъ поддержку концевымъ крейсерамъ, обстрѣливая легкіе японскіе крейсера, старавшіеся отрѣзать наши транспорты и крейсера; потушивъ пожаръ, „Сисой Великій" занялъ свое мѣсто въ строѣ. Эскадра располагала курсами такъ, чтобы прикрывать „Суворова". Около 5-ти часовъ на броненосцѣ „Императоръ Александръ III" былъ виденъ большой пожаръ и кренъ, броненосецъ вышелъ изъ строя, но вскорѣ, потушивъ пожаръ и выправивъ кренъ, снова занялъ мѣсто въ строѣ; въ 8-мъ часу броненосецъ держалъ сигналъ: „терплю бѣдствіе", хотя шелъ въ строй, но имѣлъ кренъ на правый бортъ. Съ самаго начала боя, приблизительно черезъ полчаса послѣ открытія огня, отъ японской эскадры отдѣлились „Касаги", „Читозе", „Ніитака", „Цу-

сима“, „Сума“ и два крейсера типа „Мацушима“ съ намѣреніемъ обстрѣлять транспорты, среди которыхъ произошло замѣшательство, вслѣдствіе желанія уйти изъ подъ перекрестнаго огня. Огонь японскихъ крейсеровъ былъ направленъ на транспорты и на „Свѣтлану“, „Алмазъ“, „Уралъ“; послѣдній получилъ подводную пробоину, вышелъ изъ строя и началъ спускать (гребныя) суда. „Свѣтлана“ подошелъ и сдѣлалъ сигналъ транспорту „Корея“: „принять людей съ „Урала“; въ это время „Свѣтлана“ получилъ также носовую подводную пробоину и сѣлъ немного носомъ, но вступилъ въ свое мѣсто въ строѣ и продолжалъ бой. На помощь транспортамъ нѣсколько разъ отдѣлялись „Дмитрій Донской“, „Владиміръ Мономахъ“, заставляя своимъ огнемъ непріятеля удаляться.

„Около 7-ми час. вечера эскадры находились приблизительно въ слѣдующемъ положеніи: наши броненосцы шли курсомъ, параллельнымъ непріятелю, и стрѣляли правымъ бортомъ, имѣя головнымъ „Бородино“, на которомъ было замѣтно пламя и дымъ; влѣво отъ броненосцевъ, немного расходящимся курсомъ, шли „Олегъ“, „Аврора“, „Донской“, „Мономахъ“; лѣвѣе ихъ шли транспорты безъ „Камчатки“ и „Урала“, сопровождаемые крейсерами „Свѣтлана“, „Алмазъ“; еще лѣвѣе шли „Жемчугъ“, „Изумрудъ“, миноносцы. Особыхъ поврежденій или крена не было замѣтно, кромѣ „Свѣтланы“, имѣвшей дифферентъ на носъ. Далеко слѣва и сзади показывались японскіе крейсера 2-го ранга и 3-го класса и отъ 30 до 60 миноносцевъ виднѣлось по горизонту. Въ 7 час. 10 мин. вечера „Бородино“ повернулся на правую сторону и пошелъ, менѣе чѣмъ въ три минуты, ко дну. Передъ закатомъ солнца съ броненосца „Николай“ былъ сигналъ: „курсъ нордъ-остъ 23“: этимъ курсомъ шли около получаса; впереди показались 9 японскихъ истребителей.

„Броненосцы начали склоняться вправо, крейсера—влѣво, при чемъ крейсера застопорили машины, слѣдуя движенію головного „Олегъ“. Наши броненосцы, продолжая стрѣлять по японскимъ броненосцамъ и истребителямъ, оказавшимся на флангахъ, повернули всѣ вдругъ на 8 румбовъ влѣво, стараясь сблизиться съ отрядомъ нашихъ крейсеровъ, изъ которыхъ „Олегъ“, подъ флагомъ адмирала Энквиста, „Аврора“ и „Жемчугъ“ продолжали идти на югъ, а прочіе вновь повернули на сѣверъ. Съ наступленіемъ темноты бой продолжался, при чемъ японцы освѣщали насъ прожекторами, поставленными на истребителяхъ, такъ какъ на большихъ судахъ прожекторы, вѣроятно, были разбиты подобно тому, какъ и у насъ. Первыя минныя атаки японцевъ едва ли имѣли успѣхъ, такъ какъ до 10-ти часовъ вечера не было слышно взрывовъ“.

Итакъ, въ этотъ первый день боя потоплены артиллеріей японцевъ броненосцы „Бородино“ и „Ослябя“, вспомогательный

крейсеръ „Уралъ“ и транспортъ „Камчатка“. Крейсеръ „Свѣтлана“ и броненосецъ „Суворовъ“ имѣли сильную аварію, а броненосецъ „Александръ III“ далъ сигналъ „терплю бѣдствіе“. Контръ-адмиралъ Энквистъ уже вечеромъ 14 мая повернулъ на югъ и увелъ три крейсера, а контръ-адмиралъ Небогатовъ велъ всю эскадру на сѣверо-востокъ. Наступила ночь. Рапортъ командира „Изумрудъ“ даетъ намъ нѣкоторое понятіе объ этой ночи и послѣдующемъ утрѣ 15 мая. Вотъ существенное въ этомъ донесеніи:

„Съ наступленіемъ темноты, броненосцы „Императоръ Николай I“, „Орелъ“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“, „Ушаковъ“, „Сисой Великій“, „Наваринъ“, „Нахимовъ“ и ввѣренный мнѣ крейсеръ „Изумрудъ“, прикомандированный репетичнымъ кораблемъ при броненосцахъ, слѣдуя за адмираломъ, легли на нордъ-остъ 23 въ порядкѣ: „Императоръ Николай I“, „Орелъ“, „Апраксинъ“, „Сенявинъ“, „Ушаковъ“, „Сысой Великій“, „Наваринъ“, „Нахимовъ“; остальные, отрѣзанные отъ эскадры, крейсера вскорѣ были потеряны изъ виду. Отрядъ броненосцевъ, идя 14-ти узловымъ ходомъ, подвергался повтореннымъ миннымъ атакамъ на концевые корабли. Съ разсвѣтомъ выяснилось, что отрядъ состоитъ изъ броненосцевъ: „Императоръ Николай I“, „Орелъ“, „Апраксинъ“ и „Сенявинъ“. 15 числа, съ восходомъ солнца, снова на горизонтѣ обнаружились дымы непріятельскаго флота, о чемъ доложилъ сигналомъ адмиралу. Адмиралъ прибавилъ ходъ; „Сенявинъ“, „Апраксинъ“ стали замѣтно отставать. Около 10 часовъ, спереди, слѣва и сзади, показался японскій флотъ; одинъ отрядъ крейсеровъ началъ обходъ сзади справа. Будучи при этомъ отрѣзанъ отъ эскадры и не имѣя возможности соединиться, рѣшился прорваться во Владивостокъ и далъ полный ходъ“.

Такимъ образомъ, „Александръ III“, „Суворовъ“, „Дмитрій Донской“, „Владиміръ Мономахъ“ и „Свѣтлана“ были потеряны уже раньше ночи, а ночью исчезли „Ушаковъ“, „Сысой Великій“, „Наваринъ“ и „Нахимовъ“. Другіе русскіе рапорты либо повторяютъ то же самое, либо заключаютъ подробности, касающіяся отдѣльныхъ судовъ.

Хотя болѣе короткую, но болѣе всестороннюю картину боя даютъ японскія донесенія. Оставляя въ сторонѣ свѣдѣнія „достовѣрныхъ и освѣдомленныхъ“ людей, сгруппируемъ здѣсь ясные оффиціальные отчеты адмирала Того. Вотъ они въ хронологическомъ порядкѣ:

„Лондонъ, 16 (29) мая („Central News“). Японская миссія получила слѣдующее оффиціальное сообщеніе изъ Токіо 16 мая, отправленное въ $4^1/_4$ часа пополудни. Первое донесеніе Того отъ 14 мая: „Какъ только было получено извѣстіе, что русскій флотъ въ виду, японская эскадра въ полномъ составѣ вышла, чтобы атаковать русскихъ. Погода ясная, море бурное“.

Второе донесеніе Того пришло въ Токіо ночью 14 мая: „Соединенная японская эскадра атаковала сегодня русскую эскадру близъ Окинасима, къ юго-востоку отъ Цусима, и разбила ее, потопивъ, по крайней мѣрѣ, 4 русскихъ судна и причинивъ другимъ сильныя поврежденія. Поврежденія японскихъ судовъ незначительны. Японскіе контръ-миноносцы и миноносцы атаковали русскихъ послѣ захода солнца.

„Бой продолжается, такъ что еще пройдетъ нѣсколько времени, прежде чѣмъ станутъ извѣстны окончательные результаты".

„Лондонъ, 17 (30) мая. Въ третьемъ донесеніи адмирала Того, полученномъ въ Токіо утромъ 16 мая, говорится, что японская эскадра продолжала преслѣдовать русскія суда 15 мая и атаковала ихъ у скалъ Банкуртъ, на сѣверо-востокѣ отъ Окинасимы. Группа русскихъ судовъ состояла изъ броненосцевъ: „Императоръ Николай I", „Орелъ", „Адмиралъ Сенявинъ", „Адмиралъ Апраксинъ" и крейсера „Изумрудъ".

„Морской бой еще продолжается, такъ что окончательный результатъ будетъ извѣстенъ только черезъ нѣкоторое время".

„Лондонъ, 18 (31) мая („Central News"). Японская миссія опубликовала слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія: крейсеръ „Читозе", крейсируя въ сѣверномъ направленіи, обнаружилъ утромъ 15 мая русскій контръ-миноносецъ и потопилъ его. Крейсеръ „Нитака", въ сопровожденіи контръ-миноносца „Мичакито", атаковали днемъ 15 мая другой русскій контръ-миноносецъ и, въ концѣ концовъ, потопили его.

„По полученнымъ до сего времени изъ разныхъ донесеній свѣдѣніямъ, а также изъ показаній плѣнныхъ, результаты двухдневнаго боя 14 и 15 мая представляются слѣдующими: суда „Суворовъ", „Александръ III", „Бородино", „Дмитрій Донской", „Адмиралъ Нахимовъ", „Владиміръ Мономахъ", „Жемчугъ", „Адмиралъ Ушаковъ", одинъ вспомогательный крейсеръ и два контръ-миноносца потоплены. „Николай I", „Орелъ", „Адмиралъ Апраксинъ", „Адмиралъ Сенявинъ" и контръ-миноносецъ „Бѣдовый" захвачены въ плѣнъ. Согласно показаніямъ плѣнныхъ, „Ослябя" затонулъ въ 3 часа дня 14 мая, равно какъ „Наваринъ".

Подробностей поврежденія японскихъ судовъ до сихъ поръ не получено, извѣстно лишь, что серьезныхъ потерь не было; всѣ суда продолжаютъ еще незаконченныя операціи. Общія потери также не извѣстны. Первая дивизія потеряла свыше 400 человѣкъ.

„Токіо, 18 (31) мая („Central News"). 17-го мая въ 7 ч. 45 м. вечера, было получено пятое донесеніе адмирала Того: „Главныя силы японской соединенной эскадры, послѣ захвата главныхъ силъ русскихъ близъ Ліанкурской скалы, 15 мая послѣ полудня, о чемъ уже было сообщено, прекратили преслѣдованіе. Въ то

время, какъ японцы принимали суда, въ юго-западномъ направленіи былъ замѣченъ броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ“. „Iwate“ и „Yakumo“ были немедленно посланы въ погоню. Они предложили русскому судну сдаться, но получили отказъ и въ 6 часовъ вечера потопили его. Болѣе 300 человѣкъ команды были спасены японцами. Крейсеръ „Дмитрій Донской“ также былъ обнаруженъ въ сѣверо-западномъ направленіи въ 5 часовъ пополудни. Наша 4-я дивизія быстро нагнала его и открыла сильный огонь, равно какъ и 2-я флотилія контръ-миноносцевъ. Ночью „Дмитрій Донской“ былъ еще разъ атакованъ контръ-миноносцами и на слѣдующее утро его нашли на юго-восточномъ побережьи Уль-нымя, выбросившимся на берегъ. Японскій контръ-миноносецъ „Sazanami“ захватилъ 14 мая вечеромъ, къ югу отъ острова Уль-нымя русскій контръ-миноносецъ „Бѣдовый“, на которомъ были найдены адмиралъ Рожественскій и другой адмиралъ, тяжело раненые, и кромѣ того 80 русскихъ, въ томъ числѣ офицеры съ адмиральскаго судна „Князь Суворовъ“, которое было затоплено 14-го мая. Всѣ они взяты въ плѣнъ“.

„Лондонъ, 18 (31) мая („Central News“). Днемъ 17 мая получено шестое донесеніе адмирала Того. Подтверждается гибель „Осляби“, „Наварина“ и „Сысоя Великаго“. Дальнѣйшія оффиціальныя свѣдѣнія, опубликованныя 17 мая въ 10 час. 30 мин. вечера, подтверждаютъ свѣдѣнія о потерѣ русскими 6 броненосцевъ потопленными и захватѣ въ плѣнъ 4 броненосцевъ и контръ-миноносца „Бодрый“. Потоплены также „Камчатка“, „Иртышъ“ и 3 контръ-миноносца. Такимъ образомъ, Россія потеряла 22 судна, общимъ водоизмѣщеніемъ въ 153.411 тоннъ“.

„Вашингтонъ, 20 мая (2 іюня). („Central News“). Согласно телеграммѣ изъ Токіо, японцы потеряли во время морского боя на броненосцахъ и крейсерахъ 113 офицеровъ и нижнихъ чиновъ убитыми и 424 офицеровъ и нижнихъ чиновъ ранеными. Среди раненыхъ былъ Того, командиръ крейсера „Adzuma“. На миноносцахъ было убито и ранено 87 чел.

„По отдѣльнымъ судамъ потери распредѣляются слѣдующимъ образомъ: „Mikaza“ — 63, „Adzuma“ — 39, „Shikishima“ — 37, „Asahi“—31, „Fuji“—28, „Izuma“—26, „Nishin“—27, „Otawa“—26, „Kasagi“—26, „Tsushima“—19, „Asama“—15, „Navina“—17, „Tokiwa“—15, „Yakumo“—11, „Chitose“—6, „Idzume“—10, „Kazuga“—9, „Hasgidate“—5, „Niitaku“—4.

Въ результатѣ потоплено: 6 броненосцевъ 1-го ранга, 1 броненосецъ береговой обороны, 3 броненосныхъ крейсера, 2 бронепалубныхъ, 1 вспомогательный крейсеръ, 4 контръ-миноносца и 3 транспорта; захвачено японцами—2 броненосца 1-го ранга, 2 броненосца береговой обороны и 2 контръ-миноносца; спаслись въ нейтральные порты 3 бронепалубныхъ крейсера, 1 контръ-

миноносецъ и 2 транспорта; пробились во Владивостокъ—1 крейсеръ и 2 контръ-миноносца. Отъ грозной армады не осталось ничего...

Стоимость погубленнаго флота приводитъ „Наша Жизнь“ (1905, № 96):

„Стоимость отдѣльныхъ погибшихъ и захваченныхъ японцами судовъ въ сраженіи при о. Цусима выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Руб.
Бородино	11.500,000
Имп. Александръ III	11.500,000
Орелъ	11.500,000
Фельдмаршалъ Суворовъ	11.500,000
Ослабя	10.007,000
Николай I	7.525,000
Наваринъ	7.409,000
Сисой Великій	6.747,000
Адмиралъ Нахимовъ	6.103,000
Аврора	5.582,000
Дмитрій Донской	4.564,000
Влад. Мономахъ	3.459,000
Жемчугъ	3.720,000
Изумрудъ	3.720,000
Адм. Сенявинъ	3.504,000
Адм. Ушаковъ	3.296,000
Ген. ад. Апраксинъ	3.463,000
Свѣтлана	2.787,000
Камчатка	2.500,000
Иртышъ	2.000,000
Уралъ	2.000,000
4 контръ-миноносца по 494 тыс. . . .	1.976,000
Итого . . .	126.362,000

Въ эту цифру не входитъ стоимость перевооруженія, стоимость „Кореи“, „Свири“, „Смоленска“ и другихъ судовъ, находящихся въ китайскихъ портахъ, и огромная стоимость переѣзда эскадры изъ Кронштадта на Дальній Востокъ“.

Уважаемая газета ошибочно включила „Аврору“ и „Жемчугъ“, но пропустила „Русь“, „Анадырь“ и 2 захваченныхъ японцами контръ-миноносца.

Ранѣе того погибшій флотъ Артура былъ даже еще цѣннѣе, итого свыше 250 милліоновъ рублей! Японскій флотъ стоилъ развѣ немного болѣе трети этой огромной суммы, а, между тѣмъ, изъ борьбы онъ вышелъ, не только не ослабѣвъ, но даже сильнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, японцы потеряли два броненосца 1-го ранга „Гацусе“ и „Яшима“, но взяли два броненосца 1-го ранга „Орелъ“ и „Николай I“ и два 2-го—ранга „Апраксинъ“ и „Сенявинъ“. Хотя наши броненосцы и хуже японскихъ, выстроенныхъ въ Англіи, но вѣдь четыре за два! Къ тому же, не потерявъ ни од-

наго броненоснаго крейсера, они уже подняли нашъ „Баянъ“, прекрасное судно французской постройки. Потерявъ бронепалубные крейсера „Міако“, „Іошино“ и „Токасаго“, они уже подняли гораздо болѣе сильные „Варягъ“ (американской постройки) и „Паллада“; потерянные, всѣ трое имѣли около 9 тыс. водоизмѣщенія, а захваченные—около 12 тыс. тоннъ. Кромѣ того, захвачено ими три контръ-миноносца и нѣсколько нашихъ поднято. А затѣмъ они, вѣроятно, поднимутъ и нѣкоторыя другія суда и въ Артурѣ, и въ неглубокомъ Корейскомъ проливѣ... Въ одномъ Артурѣ въ гавани лежитъ четыре могучихъ броненосца (одинъ американской постройки), не считая канонерокъ, мелкихъ крейсеровъ, минныхъ судовъ и пр. Поднявъ „Палладу“, почему не поднять „Пересвѣта“, а послѣ „Баяна“ естественно слѣдуетъ, что поднимутъ и „Ретвизанъ“. Никто во всемъ мірѣ не ожидалъ такой катастрофы, не могъ ожидать... Мы, русскіе, сами большіе скептики и привыкли не довѣрять нашимъ вѣдомствамъ, но, однако, и мы обманулись. И мы не ожидали и не могли ожидать такого полнаго безсилія и такого прямо безпримѣрнаго въ исторіи бѣдствія.

II.

Причинъ цусимскаго погрома Н. Л. Кладо выставляетъ пять:

„1) Слабость броненосной части эскадры адмирала Рожественскаго, сравнительно съ броненосной частью эскадры адмирала Того, что давало японцамъ перевѣсъ въ артиллерійскомъ бою“.

Эта первая причина, стало быть, зависитъ отъ неудовлетворительнаго сооруженія.

„2) Слабость и малочисленность его отряда крейсеровъ, что сильно отражалось на полнотѣ и точности свѣдѣній, получаемыхъ ими о непріятелѣ путемъ развѣдокъ.

„3) Подавляющее превосходство японцевъ въ числѣ миноносцевъ и болѣе чѣмъ вѣроятное присутствіе у нихъ подводныхъ лодокъ, что давало имъ огромное преимущество въ возможности эксплуатировать побѣду въ артиллерійскомъ бою“.

Обѣ причины зависятъ отъ непредусмотрительности вѣдомства, снаряжавшаго и отправлявшаго эскадру.

„4) Необходимость, если таковая дѣйствительно существовала, адмиралу Рожественскому немедленно, внѣ зависимости отъ погоды и другихъ обстоятельствъ, идти въ Корейскій проливъ, не смотря на всѣ невыгоды, которыя представлялись для него въ началѣ боя именно въ проливѣ.

„5) Строй и маневрированіе русской эскадры во время боя“ („Нов. Вр.“).

Здѣсь указанная необходимость зависѣла отъ недостатка угля, т. е. частью отъ неудовлетворительнаго снабженія, частью отъ

неудовлетворительнаго сооруженія (невозможность взять на суда много угля). И только пятая причина зависѣла отъ начальника эскадры: Н. Л. Кладо находитъ, что надо было принять бой въ строѣ фронта, а не кильватерныхъ колоннъ, и что контръ-адмиралъ Энквистъ рано покинулъ эскадру со своими крейсерами. Быть можетъ, это замѣчаніе и очень справедливо, но вѣдь ни фронтальный строй, ни болѣе продолжительное участіе въ бою трехъ крейсеровъ не могли бы уже измѣнить первыхъ четырехъ причинъ, заранѣе осудившихъ флотъ на пораженіе. Быть можетъ, успѣли бы нанести нѣсколько болѣе вреда японцамъ, но за то потерять и три спасшихся (сильно поврежденныхъ) крейсера... Неизбѣжность пораженія эскадра несла съ собою, и то или другое маневрированіе могло измѣнить лишь порядокъ разгрома и его быстроту, не болѣе того. Неудовлетворительное сооруженіе, неудовлетворительное снаряженіе и неудовлетворительное снабженіе,—вотъ тѣ причины, которыя впередъ осудили это огромное предпріятіе, эту грозную морскую армаду, несшую на себѣ восемнадцать тысячъ жизней.

Самъ Н. Л. Кладо даетъ слѣдующее описаніе одной изъ причинъ, именно неудовлетворительности сооруженія; желая объяснить быстрое потопленіе броненосцевъ „Суворовъ" и „Бородино", онъ пишетъ:

„Броненосцы эти, которые почему то назывались „улучшенный типъ Цесаревича", на самомъ дѣлѣ обладали сравнительно со своимъ прототипомъ крупнѣйшими недостатками. Прежде всего они были страшно перегружены, т. е. сидѣли больше, чѣмъ предположено, въ водѣ почти на 2 фута, а всего на два фута возвышается у нихъ надъ водой поясъ самой толстой у линіи воды брони. Такимъ образомъ, броня эта, уйдя подъ воду, уже оказывается совершенно безполезной. Перегрузка и при томъ въ огромныхъ размѣрахъ, это—бичъ русскаго кораблестроенія, и отчего эта перегрузка происходитъ—это лучше могутъ объяснить наши корабельные инженеры, которые, насколько я знаю, часто бываютъ поставлены въ невозможныя условія, благодаря нашимъ судостроительнымъ порядкамъ. Но вотъ что всѣ знаютъ: безъ перегрузки мы получаемъ только суда, выстроенныя за границей, и именно тѣ, въ постройкѣ которыхъ мы предоставляемъ наибольшую иниціативу строящимъ ихъ заводамъ. Именно этотъ фактъ заставляетъ предполагать, что японскія суда, какъ выстроенныя исключительно за границей, этой перегрузки не имѣютъ. А поймите, только при отсутствіи перегрузки и имѣетъ смыслъ столь важная для живучести корабля защита по линіи воды. Когда же эта защита уйдетъ подъ воду или значительно опустится—это все равно, что ея нѣтъ совсѣмъ; эта броня тогда излишній грузъ на кораблѣ. При этомъ еще оказалось, что остойчивость броненосцевъ типа „Суворовъ" оказалась очень нена-

дежной. Какъ разъ *наканунѣ* ухода второй эскадры изъ Либавы была прислана адмиралу Рожественскому съ особымъ курьеромъ бумага изъ министерства, въ которой значилось, что, вслѣдствіе различныхъ причинъ, остойчивость этихъ броненосцевъ оказалась гораздо меньшей, чѣмъ слѣдовало ей быть, а потому рекомендовалось принимать всевозможныя мѣры, чтобы уменьшать ихъ качку, въ особенности, когда, вслѣдствіе расхода угля, уменьшалось количество груза, расположеннаго подъ водой. Рекомендуемыя мѣры при этомъ доходили до такой мелочности, что предлагалось, напримѣръ, спускать реи (поперечныя бревна на мачтахъ, служащія для подъема сигналовъ), вѣсъ которыхъ прямо ничтоженъ. Это уже показывало, что хватаются за соломинку, и служило характеристикой серьезности опасеній. Содержаніе этой бумаги, конечно, не сообщалось на эскадрѣ во всеобщее свѣдѣніе, такъ какъ могло на многихъ повліять удручающимъ образомъ. Во время сраженія, когда, вслѣдствіе перегрузки, пробоины могли оказаться очень близко къ линіи воды, когда, можетъ быть, нельзя было не пускать въ дѣло 3-хъ-дюймовыхъ орудій, и надо было, слѣдовательно, открыть ихъ амбразуры, тоже расположенныя очень невысоко надъ водой, или когда эти амбразуры, не защищенныя броней, были разбиты непріятельскими снарядами, то при томъ довольно бвльшомъ волненіи, которое, судя по описаніямъ, было во время боя въ Корейскомъ проливѣ, внутрь корабля легко могло попасть значительное количество воды и произвести опасный, въ особенности для этихъ кораблей, кренъ. Пусть они съ этимъ креномъ справлялись, какъ, напримѣръ, броненосѣцъ „Императоръ Александръ III“, но вѣдь способъ для того, чтобы съ нимъ справиться, одинъ, это—напустить воду на сторону, противоположную той, на которую кренится корабль, а значитъ количество воды въ кораблѣ увеличивается вдвое, изъ-за чего онъ значительно погружается; а тогда еще большая часть брони уходитъ подъ воду, еще большая является вѣроятность получить такую артиллерійскую пробоину, черезъ которую польется вода, еще легче волна захлестываетъ амбразуры 3-дюймовыхъ пушекъ, которыя, наконецъ, и сами могутъ подойти къ линіи воды, а вѣдь ихъ по восьми штукъ съ каждой стороны. А первоначальная причина всего этого — перегрузка и малая остойчивость“.

Съ другой стороны, въ „Нашей Жизни“ мы находимъ нижеслѣдующее резюме кораблестроительныхъ недостатковъ судовъ эскадры ген.-адъютанта Рожественскаго:

„Крупнѣйшимъ недостаткомъ явился крайне малый запасъ угля на броненосцахъ, вслѣдствіе чего приходилось, съ одной стороны, принимать различныя мѣры для экономіи топлива,—надо полагать, что и эскадру адмиралъ Рожественскій по этой причинѣ повелъ ближайшимъ, хотя болѣе опаснымъ путемъ,—съ другой—

допускать чрезмѣрную перегрузку судовъ, что весьма печально отражалось на ихъ боевыхъ свойствахъ.

„Затѣмъ вооруженіе судовъ эскадры оказалось въ походѣ недостаточнымъ, такъ какъ броненосцы могли безопасно располагать во время боя не двадцатью 75 мм. орудіями, а только четырьмя, поставленными на верхней палубѣ, вслѣдствіе расположенія остальныхъ орудій настолько близко отъ грузовой ватеръ-линіи, что пользоваться ими было бы возможно только въ полный штиль, да и то при условіи, если броненосцы не будутъ дѣлать крутыхъ поворотовъ, когда суда сильно кренятся. Помимо того, во избѣжаніе нарушенія остойчивости броненосцевъ, полупортики этихъ орудій во время похода эскадры были закрыты, такъ какъ даже и отъ легкой зыби вода черезъ нихъ проникала въ батарейную палубу. Закрывать ихъ, конечно, нужно было бы герметически, что оказалось также невозможнымъ, такъ какъ даже послѣ самаго тщательнаго задраиванія оставались щели въ $^2/_3$ дюйми и больше.

„Можно себѣ представить, насколько это было опасно для цѣлости броненосцевъ.

„Кромѣ того, во время похода эскадры обнаружилось, что сдѣланныя изъ гофрированнаго желѣза переборки на нижней броневой палубѣ крайне слабы и не смогутъ удержать напора воды, когда будетъ пробитъ бортъ.

„Вообще же, всѣ, такъ называемыя, непроницаемыя двери и горловины, какъ обнаружилось въ пути, очень даже проницаемы и пропускаютъ воду.

„Далѣе, одною изъ серьезныхъ причинъ крупныхъ несчастій — особенно въ бою, во время маневрированія,—является неисправность руля.

„Въ этомъ отношеніи на эскадрѣ было также далеко не благополучно. Такъ, напримѣръ, на броненосцѣ „Орелъ“ во время перехода отъ порта Императора Александра III до Мадагаскара были двѣ серьезныхъ аваріи, заставившія оба раза броненосецъ выйти изъ строя. Вообще же за переходъ эскадры отъ Мадагаскара до Сайгона ей приходилось 112 разъ останавливаться изъ-за поломокъ машинъ.

„Наконецъ, какая же участь могла постигнуть нашу эскадру во время боя, если входящіе въ ея составъ броненосцы и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ не удовлетворяли необходимымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ боевымъ судамъ. Такъ, напримѣръ, носовыя башни, въ виду неудачнаго устройства, могли быть выведены изъ строя, лишившись необходимой подвижности, снарядомъ даже небольшого калибра; подача снарядовъ была недостаточно быстрая; дальномѣры поставлены въ открытыхъ, не защищенныхъ бронею мѣстахъ; отражатели осколковъ снарядовъ таковы, что не препятствовали осколкамъ влетать

Морское вѣдомство молчитъ, а „Слово“, устами г. Бѣломора, читаетъ ему отходную:

„Существующая организація морского министерства доказала неоспоримо свою неспособность. Какъ же она можетъ продолжать сложное и трудное дѣло возсозданія флота?

„Необходимо принять во вниманіе, что наши броненосцы дѣйствительно менѣе всего отвѣчали требованіямъ войны. Не были остойчивы, достаточно бронированы, цѣлесообразно вооружены и т. д. Но развѣ генералы судостроенія нашего вышли въ отставку, признали себя чистосердечно виновными въ тѣхъ грѣхахъ, которые такъ упорно и систематично дѣлали въ теченіе четверти вѣка? Нѣтъ, ничуть не бывало. Они съ легкимъ сердцемъ и съ юпитеровскимъ величіемъ не желаютъ ни слушать людей, вынесшихъ портъ-артурское сидѣнье, ни посовѣтоваться съ ними.

„Морской корпусъ, этотъ разсадникъ будущихъ капитановъ и флотоводцевъ, ни на іоту не мѣняетъ своихъ программъ, своей системы обученія. По свидѣтельству г. Кладо, въ морской корпусъ еще нынѣ приняты менѣе способные мальчики.

„Цензъ по сей день остается единственною путеводною звѣздою личнаго состава, и наши адмиралы, какъ и десятки лѣтъ тому назадъ, выслуживаютъ на блокшивахъ свои орлы. Какъ примѣръ, можно привести Либаву, гдѣ флагъ поднимается на неплавающемъ кораблѣ. Начальники дивизіи до сихъ поръ остаются какъ будто въ невѣдѣніи о полнѣйшей гибели ихъ частей.

„Однимъ словомъ, высшая администрація до сихъ поръ остается какъ будто бы въ какомъ-то заблужденіи о существованіи администрируемой части, какъ будто бы не вѣрятъ, что кораблей нѣтъ, что экипажи перетоплены или въ плѣну въ Японіи“.

„А Васька слушаетъ, да ѣстъ“... Да еще какъ уписываетъ, за обѣ щеки. Вотъ маленькая картинка („Наша Жизнь“, № 95):

„Общественное мнѣніе Владивостока сильно возмущено беззаконной и убыточной для казны сдѣлкой по поставкѣ каменнаго угля изъ одной ближайшей бухты. Уголь подвозится изъ копей на китайскихъ шаландахъ. Обычная цѣна фрахта даже въ настоящее время 8—10 к. Многіе изъ подрядчиковъ, какъ выяснила одна изъ мѣстныхъ газетъ („Владивостокскій Листокъ“), хотѣли взять поставку угля по этой цѣнѣ. Но начальство порта распорядилось иначе и сдало поставку угля одному отставному морскому офицеру по 28 к. за пудъ. Тонна угля съ доставкой изъ копей на лошадяхъ (постройка желѣзной дороги почему-то пріостановлена) до бухты и изъ бухты на шаландахъ сюда обойдется въ итогѣ около 40 руб.—цѣна ужасная. Въ обществѣ только и разговоровъ, что объ этой сдѣлкѣ. Ожидается громкій, сенсаціонный судебный процессъ, который попутно раскроетъ, вѣроятно, многое изъ дѣятельности въ этомъ направленіи“.

Не хороши дѣла на морѣ. Нельзя похвалиться дѣлами и на сушѣ...

Въ „Словѣ“ за иниціалами Н. Р. П. помѣщено письмо подъ заголовкомъ: „Одна изъ причинъ нашихъ пораженій“. Читаемъ въ немъ слѣдующее:

„Жизнь солдата въ полку сказочно-невѣроятна. Умъ, природная русская смѣкалка, систематически убивается. Не скажемъ, что это дѣлается намѣренно, нѣтъ, просто вслѣдствіе дисциплины.—„Не смѣть разсуждать“—и такъ изо дня въ день, въ теченіи четырехъ-пяти лѣтъ. Онъ ходитъ на маршировку, дѣлаетъ „чисто“ ружейные пріемы, изучаетъ въ первый годъ службы „словесность“: кто командиръ роты, баталіона, полка; долгъ часового на посту и многое, что не относится ни къ боевой жизни, ни къ жизни вообще, и живетъ чисто животной жизнью безъ всякихъ интересовъ. Жизнь идетъ въ узкихъ рамкахъ роты. Спросите любого солдата что-нибудь изъ общественной жизни,—онъ ничего не знаетъ. Не получая газетъ, солдатъ урывками читаетъ какимъ-то чудомъ попадающія въ казармы прокламаціи. Правда, ихъ сейчасъ же отбираетъ начальство, правда и то, что онъ мало понимаетъ въ нихъ, но онѣ всетаки открываютъ часть жизни, спрятанную казармой, и играютъ роль, когда солдатъ, на дѣйствительной службѣ, т. е. „лишенный правъ разсуждать“, встрѣчается въ походѣ, въ землянкахъ, на позиціяхъ со своимъ землякомъ запаснымъ, который уже утратилъ страшный воинскій гипнозъ „не разсуждать“, который знаетъ настоящую жизнь; и вотъ, подъ наплывомъ новыхъ понятій и воззрѣній, онъ впервые теряется. Являются вопросы: зачѣмъ? почему? а отвѣта на нихъ нѣтъ. И въ немъ, подъ пулями непріятеля, происходитъ страшная переоцѣнка цѣнностей. Солдатъ растерялся; сумбуръ въ головѣ отражается и на дѣлѣ. А кругомъ жизнь чужого ума все сильнѣе и сильнѣе даетъ себя знать. Вопросы „за что война“ теряютъ свою остроту, нарождаются новые: „почему японецъ лучше одѣтъ? почему у него все въ изобиліи?“ Сомнѣнія растутъ, отнимаютъ прежнюю увѣренность въ своихъ силахъ. Солдатъ, окончательно потерявшій вѣру въ свои способности и въ способности начальства, долженъ быть побѣжденъ. Не японцы побѣдили насъ, а правительство побѣдило себя своимъ же солдатомъ, т. е. сомнѣніями солдата, внушенными и постоянно внушаемыми всею дѣятельностью и всею практикою всесильныхъ „вѣдомствъ“.

III.

Цусимская битва 14—15 (27—28) мая 1905 года представляетъ собою поистинѣ огромное историческое событіе. Истребленіе кареагенскаго флота у Липарскихъ островов римлянами и уничтоженіе персидскаго флота у Саламина эллинами,—вотъ какъ далеко должны мы заглянуть въ исторію, чтобы найти такой же разгромъ, потому что ни Трафальгаръ, ни даже Лепанто не были такимъ разгромомъ только по наружности грознаго флота и съ такими ничтожными потерями со стороны побѣдителей!

Огромное событіе имѣло и огромную причину,—всю русскую исторію со времени отставки трехъ министровъ весною 1881 года и до нашихъ дней. Подписывая отставку гр. Лорисъ-Меликова, гр. Милютина и А. Абазы, императоръ Александръ III не подозрѣвалъ, что подписываетъ, между прочимъ, и смертный приговоръ русскому флоту.

Огромное событіе имѣло огромную причину. Оно имѣетъ и огромныя историческія послѣдствія далеко не для одной Россіи. Если изолировать Россію отъ отраженій всемірно-историческихъ событій, то для Россіи цусимская битва, кромѣ новыхъ данныхъ для народнаго самосознанія, принесла увѣренность въ невозможности одолѣть японцевъ на морѣ, а слѣдовательно, и въ невозможности ихъ одолѣть вообще. Японія государство островное, и чтобы ее одолѣть, надо у нея отнять море. Теперь даже побѣда на сушѣ (мало вѣроятная) не дала бы одолѣнія. Значитъ, не стоитъ искать этой побѣды и жертвовать сотнями тысячъ жизней, сотнями милліоновъ рублей. Надо заключить миръ. Что для болѣе дальновидныхъ было ясно давно, то теперь становится достояніемъ многихъ, и сознаніе необходимости остановить безплодное кровопролитіе начинаетъ становиться общимъ.

Когда началась война, туда отправился отъ „Руси“ корреспондентомъ г. Кирилловъ. Читатели упомянутой газеты, вѣроятно, не забыли его первыхъ корреспонденцій, исполненныхъ патріотическаго жара, ни его личной отваги, тяжелой раны и пр. Словомъ, конечно, онъ не желалъ „помогать непріятелю“. Онъ желалъ войны и побѣды. Онъ вѣрилъ въ побѣду. Послушаемъ, что онъ говоритъ теперь по вопросу о возможности войны и побѣды. Вернувшись съ театра военныхъ дѣйствій, все видѣвши, все испытавши и отлично освѣдомленный о положеніи дѣлъ, о состояніи арміи, о насъ и объ японцахъ, теперь въ „Руси“ г. Кирилловъ высказываетъ мысль, что никакія военныя дарованія Линевича или кого бы то ни было другого не въ состояніи поправить дѣло. По мнѣнію г. Кириллова только новыхъ пораженій можно ждать

и въ будущемъ, какъ было въ прошедшемъ. Надежда одолѣть японцевъ эфемерна. Далѣе онъ пишетъ:

„И что хуже, они, несомнѣнно, перейдутъ на русскую территорію, Владивостокъ ждетъ участь Портъ-Артура. Чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе мы будемъ. Нашъ кредитъ будетъ падать, японскій— возвышаться. И условія мира со дня на день будутъ хуже для насъ.

„Съ тяжелыми мыслями приходилось возвращаться въ Россію. Но еще тяжелѣе стало, когда въ Петербургѣ мнѣ стало ясно вполнѣ то положеніе, въ какое попала Россія: режимъ побѣдить не можетъ — это неоспоримо, но онъ и мира заключить не въ состояніи.

„Для этого у него нѣтъ нравственной силы, нѣтъ даже вѣры въ себя; при томъ же, сознавая его слабость, японцы потребуютъ такія условія мира, на какія никогда не можетъ согласиться русскій народъ. И вотъ заколдованный ужасный кругъ; не въ состояніи заключить пріемлемаго мира, нашъ бюрократическій режимъ осужденъ, проведя рѣку крови изъ Россіи на Дальній Востокъ, тянуть безконечную войну, страшную тѣмъ, что нѣтъ въ ней ни одного шанса на успѣхъ. Ужасная перспектива... Идти сознательно на гибель и видѣть Дальній Востокъ при заревѣ крови и пожара постепенно окутывающимся желтымъ мракомъ, который будетъ все дальше и дальше вдвигаться вглубь Россіи.

„Первая тихоокеанская эскадра погибла... Ляоянъ взятъ... Портъ-Артуръ палъ, сданъ... армія разгромлена у Мукдена... соединенныя 2-я и 3-я эскадры, какъ бы шутя, съ легкостью, почти безъ потерь для враговъ, уничтожены, потоплены и взяты въ плѣнъ у Цусимы... Сахалинъ, Владивостокъ и дальше нашъ богатый Пріамурскій край... всюду хлынетъ желтая волна японцевъ, съ которой нашъ режимъ слишкомъ слабъ, чтобы бороться...

„Послѣ новаго погрома, харбинскаго или гунчжулинскаго, узелъ, захлестнутый бюрократіей, который предстоитъ развязать земскому собору, будетъ еще сложнѣе, еще труднѣе.

„Но зачѣмъ же затруднять народу и безъ того нелегкую задачу его? Зачѣмъ кидать еще острыхъ камней подъ его и такъ уже израненныя ноги? Отягощать и безъ того тяжелую ношу, какую придется ему нести и вынести на своихъ плечахъ?“

Это—крикъ отчаянія и, конечно, дѣло обстоитъ не такъ погибельно (если не будетъ осложненій въ международной исторіи Европы), но этотъ крикъ—показатель настроенія людей, очень близкихъ кровопролитному дѣлу, развивающемуся на Дальнемъ Востокѣ. При такомъ настроеніи надо мириться, если бы о томъ не свидѣтельствовали и всякіе другіе доводы, цусимское побоище въ томъ числѣ и въ особенности.

Необходимость мира и безплодность дальнѣйшей борьбы стали ясными не для однихъ русскихъ, но рѣшительно для всѣхъ циви-

лизованныхъ свидѣтелей ужасныхъ событій. Не только пресса всего міра выступила въ защиту мира, но рѣшилась взяться за дѣло и дипломатія, вообще не любящая спѣшить. 15 мая произошелъ цусимскій разгромъ, а съ 22 (5 іюня) мы уже начинаемъ получать извѣстія о дипломатическихъ шагахъ въ пользу мира или хотя бы выясненія возможности мирныхъ переговоровъ. Инициатива принадлежала Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Вотъ первыя сообщенія по этому поводу:

„Вашингтонъ, 22 мая (4 іюня) („Standard“). Графъ Кассини заявилъ, что посѣщеніе имъ Бѣлаго Дома имѣло такое же значеніе, какое имѣли другія посѣщенія въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. „Президентъ говорилъ со мной,—замѣтилъ графъ,—объ общихъ дѣлахъ, ни къ какимъ опредѣленннымъ заключеніямъ мы не пришли“.

„Итальянскій посолъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ графомъ Кассини, послѣ чего видѣлся съ президентомъ Рузвельтомъ. Затѣмъ японскій посланникъ Такахира былъ вызванъ изъ Нью-Іорка въ Бѣлый Домъ. Такахира извѣстилъ, что необходимо выслушать мнѣніе изъ С.-Петербурга, до тѣхъ же поръ ничто невозможно. Сѣверо-американскій посолъ въ С.-Петербургѣ телеграфировалъ, что со стороны русскаго правительства невѣроятны никакіе шаги въ пользу мира въ теченіе 2 недѣль, пока не уляжется народное возбужденіе по поводу пораженія русскаго флота. По слухамъ, американскій посолъ сообщилъ, что шансы на заключеніе мира увеличиваются.

„Вашингтонъ, 23 мая (5 іюня). Прошлой ночью германскій посолъ Шпекъ фонъ-Штернбургъ имѣлъ двухъ-часовую бесѣду съ президентомъ Рузвельтомъ. Есть основаніе предполагать, что предметомъ бесѣды служилъ миръ. Великобританскій повѣренный въ дѣлахъ, О. Бейрнъ въ Бѣломъ домѣ обсуждалъ съ президентомъ Рузвельтомъ русско-японское положеніе (Рейтеръ).

„Вашингтонъ, 23-го мая (5 іюня) („Central News.“). Президентъ Рузвельтъ ежедневно совѣщается съ японскимъ посланникомъ и прилагаетъ всѣ старанія, чтобы достигнуть заключенія мира. Какъ полагаютъ, онъ пытается убѣдить Японію въ томъ, что было бы болѣе политично для нея удовлетвориться меньшею контрибуціей.

„Графъ Кассини сказалъ, что даже если Линевичъ будетъ разбитъ, то Россія, вмѣсто того, чтобы платить контрибуцію, предпочтетъ отодвинуть свои войска до собственной границы и вести пассивную войну, въ надеждѣ истощить тѣмъ Японію. („Morning Post“).

„Вашингтонъ, 26 мая (8 іюня) („Morning Post“). Японія рѣшительно отказывается сообщить объ условіяхъ мира до совѣщанія уполномоченныхъ для переговоровъ лицъ. Свои условія она намѣрена объявить только тогда, когда уполномоченные

обѣихъ державъ сойдутся лицомъ къ лицу. Есть еще много подробностей, которыя необходимо выработать, но президентъ Рузвельтъ настолько увѣренъ въ успѣхѣ, что всѣ ожидаютъ оффиціальнаго заявленія со стороны Вашингтона 30 мая. Между прочимъ, необходимо еще достигнуть соглашенія относительно мѣста встрѣчи уполномоченныхъ, способа обсужденія предложеній и поддержанія status quo путемъ заключенія перемирія или молчаливаго прекращенія военныхъ дѣйствій на время переговоровъ".

Такимъ образомъ, благородный починъ американской республики далъ первый толчокъ этому великому дѣлу, отвѣчающему въ настоящее время не только интересамъ гуманности и всесвѣтной торговли, но и общимъ интересамъ всего цивилизованнаго человѣчества, Японіи и Россіи въ томъ числѣ. Этотъ починъ сначала имѣлъ успѣхъ и далъ много надеждъ. По крайней мѣрѣ, вотъ оффиціальное тому свидѣтельство:

„Вашингтонъ, 26 мая (8 іюня) (Р. А.). Президентъ Рузвельтъ черезъ дипломатическихъ представителей передалъ слѣдующую ноту русскому и японскому правительствамъ: „Президентъ чувствуетъ, что настало время, когда въ интересахъ всего человѣчества слѣдуетъ попытаться положить конецъ страшному и прискорбному столкновенію между двумя державами.

„Соединенные Штаты связаны узами дружбы съ Японіею и Россіею. Президентъ чувствуетъ, что всемірный прогрессъ задерживается войною между двумя великими народами, и хотѣлъ бы побудить русское и японское правительства не только въ ихъ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ всего цивилизованаго міра, начать непосредственные переговоры другъ съ другомъ.

„Президентъ изъявляетъ свою готовность сдѣлать все, что окажется въ его силахъ, если только обѣ державы полагаютъ, что его услуги могутъ принести пользу, хотя бы въ смыслѣ устройства свиданія между представителями Россіи и Японіи.

„Но если предварительныя подробности для назначенія этого свиданія будутъ установлены непосредственно между обѣими державами или какимъ-нибудь другимъ путемъ, то президентъ ничего кромѣ чувства удовлетворенія не испытаетъ, такъ какъ единственная его цѣль заключается въ томъ, чтобы добиться такого свиданія; весь цивилизованный міръ будетъ молиться о томъ, чтобы оно привело къ окончанію войны".

Опубликованіе этой ноты показывало, что дѣло налаживается. О томъ же свидѣтельствовала и слѣдующая телеграмма:

„Вашингтонъ, 27 мая (9 іюня). Наконецъ, пришли свѣдѣнія объ отношеніи русскаго правительства къ вопросу о мирѣ. Въ общемъ констатируются благопріятные симптомы. Американскій посолъ фонъ-Мейеръ сообщилъ сюда, что русское правительство

высказываетъ готовность принять вопросъ о мирѣ къ разсмотрѣнію. Есть полное основаніе предполагать, что предложеніе добрыхъ услугъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ будетъ принято Россіей. („Assos. Press").

Наконецъ, появилось о томъ же и русское „Правительственное сообщеніе":

„Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ поручилъ послу республики при высочайшемъ дворѣ исходатайствовать частную аудіенцію для засвидѣтельствованія непосредственно предъ государемъ императоромъ о неизмѣнной дружбѣ Соединенныхъ Штатовъ къ Россіи и о личномъ желаніи г-на Рузвельта, насколько возможно, способствовать прекращенію войны на Дальнемъ Востокѣ въ интересахъ всего міра. Посолъ уполномоченъ былъ добавить, что съ таковымъ же заявленіемъ президентъ обращается одновременно и къ японскому правительству.

„Его императорскому величеству угодно было въ 25 день минувшаго мая принять посла Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и съ благосклоннымъ вниманіемъ отнестись къ почину г. Рузвельта, встрѣтившему, впрочемъ, полное сочувствіе со стороны дружественныхъ Россіи державъ.

„Удостовѣрившись тотчасъ же и въ готовности Японіи принять его предложеніе, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ передалъ черезъ посредство своихъ представителей въ С.-Петербургѣ и въ Токіо, какъ императорскому, такъ и японскому правительствамъ, оффиціальное сообщеніе по сему предмету, опубликованное затѣмъ въ Вашингтонѣ.

„Въ отвѣтъ на это сообщеніе, по высочайшему повелѣнію министръ иностранныхъ дѣлъ извѣстилъ американскаго посла нотою отъ 30 мая, что его императорское величество, цѣня выраженныя президентомъ чувства, усматриваетъ въ его завѣреніяхъ новое проявленіе дружбы, издавна связующей Россію съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, а также доказательство того значенія, которое, въ полномъ согласіи со взглядами государя императора, г. Рузвельтъ придаетъ всеобщему умиротворенію, существенно необходимому для блага и преуспѣянія всего человѣчества.

„Что же касается возможнаго свиданія русскихъ и японскихъ уполномоченныхъ, коимъ было бы поручено выяснить—въ какой мѣрѣ осуществима для обѣихъ державъ выработка условій мира, то императорское правительство не встрѣчало бы въ принципѣ препятствій къ такой попыткѣ, если японское правительство выразитъ на это желаніе".

Послѣднія строки этого документа („если японское правительство выразитъ на это желаніе") придавали нѣкоторую неопредѣленность согласію Россіи. Отъ Японіи можно было ожи-

дать только согласія, а не желанія... Это могло замедлить встрѣчу уполномоченныхъ. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, но она замедлилась, эта желанная для всѣхъ встрѣча уполномоченныхъ.

Извѣстія съ тѣхъ поръ очень скудны. Нѣкоторый характеръ достовѣрности носятъ покуда только слѣдующія сообщенія:

„Вашингтонъ, 6 (19 іюня). Изъ авторитетнаго источника сообщаютъ, что послѣ объявленія объ избраніи трехъ русскихъ и трехъ японскихъ уполномоченныхъ для обсужденія условій мира, Рузвельтъ склонитъ обѣ воюющія стороны заключить перемиріе. Говорятъ, что Японія соглашается на это, подъ условіемъ, чтобы соглашеніе о перемиріи было подписано главнокомандующими русской и японской арміи".

„Берлинъ 10-го (23-го іюня), 7 ч. 50 м. утра. Спеціальный корреспондентъ нью-іоркской газеты „Sun" телеграфируетъ изъ Токіо отъ вчерашняго числа: „Японскій военный министръ генералъ Терачи извѣстилъ армію о предложеніяхъ относительно мира. При этомъ министръ указалъ на то, что ходъ переговоровъ не поддается никакому предвидѣнію, и что поэтому японская армія должна свыкнуться съ мыслью о возможномъ продленіи войны".

„Вашингтонъ, 12 (25 іюня). (СПА). Русскій посолъ гр. Кассини имѣлъ вчера непродолжительное свиданіе съ президентомъ; послѣдній выразилъ надежду, что удастся избѣжать новаго генеральнаго сраженія. Тѣмъ не менѣе здѣсь считаютъ установленнымъ, что предложеніе о перемиріи принято не особенно благопріятно въ Россіи, и что Японія, съ своей стороны, считаетъ нежелательнымъ заключеніе перемирія до формальнаго свиданія уполномоченныхъ, которое состоится, какъ думаютъ, не раньше средины августа н. ст.".

Будемъ надѣяться, что виною этого опаснаго промедленія была не халатность и рутина русской дипломатіи, которая должна помнить, какіе жизненные интересы теперь связаны съ ускореніемъ переговоровъ. И Россія, и ея друзья рискуютъ очень многимъ изъ-за всякаго промедленія (объ этомъ немного ниже). Надо, настоятельно надо, какъ можно скорѣе, узнать японскія условія, а это возможно лишь при встрѣчѣ уполномоченныхъ. Лишь зная эти условія, можно съ полнымъ знаніемъ дѣла говорить о шансахъ мира, а чего могутъ стоить промедленія здѣсь въ Россіи мы всѣ знаемъ, но еще далеко не все знаемъ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ корреспонденціи въ „Рус. Вѣд." изъ Владивостока:

„Помимо тяжестей войны и застоя въ торговой и общественной жизни, на насъ надвигается новое страшное бѣдствіе—голодъ. Голодъ на Сахалинѣ. Въ Охотскѣ не хватило рыбныхъ запасовъ до весны; многіе питаются собаками; было нѣсколько случаевъ голодной смерти. Муки совсѣмъ нѣтъ. То же и по всей

Камчаткѣ, которая брошена на произволъ судьбы. Въ Амурской области полная безработица. Всюду бродитъ нищета. Многія казачьи станицы совершенно опустѣли. Среди орочанъ, живущихъ по побережью Татарскаго пролива, голодъ уже давно. Если война продлится еще нѣсколько мѣсяцевъ, наступитъ голодъ по всей окраинѣ".

Это только маленькая картинка, а сколько ихъ такихъ картинокъ! И кто ихъ учтетъ? Жизнь ихъ учтетъ, и выразится этотъ учетъ въ общемъ долголѣтнемъ бѣдствіи.

Маленькія картинки вмѣстѣ даютъ огромную картину огромнаго бѣдствія, но и большая картина открытой всей видимой борьбы ужасна, и это сознаютъ всѣ ея свидѣтели на всѣхъ языкахъ всего культурнаго міра. На банкетѣ, данномъ 10 (23) іюня въ честь новаго американскаго посла въ Лондонѣ Рида, Бальфуръ, предлагая за него тостъ, сказалъ, что „въ настоящемъ историческомъ кризисѣ Америка, самая предпріимчивая держава всего свѣта, имѣла то важное преимущество, что не была связана сложными отношеніями, стѣсняющими европейскія державы, при томъ выбрала вѣрный моментъ, пользуясь лучшими средствами для начала переговоровъ, о которыхъ всѣ люди, какъ этой страны, такъ и всего цивилизованнаго міра, мечтали. Бальфуръ выразилъ радость по поводу того, что Рузвельтъ выбралъ удачный случай; онъ радъ, что онъ сумѣлъ воспользоваться имъ. Онъ можетъ лишь надѣяться, что усиліями Рузвельта, которыя, можетъ быть, онъ одинъ между главами государствъ всего свѣта былъ въ состояніи предпринять, будетъ достигнуто окончаніе *борьбы, которая стоила болѣе жизней и денегъ, чѣмъ какая-либо война въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ*".

Это очень авторитетныя слова и запомнимъ, что и теперь уже мы принесли жертвъ болѣе, нежели во всю Восточную войну 1853—1856 гг.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что миръ необходимъ, что ради его возстановленія можно и должно принести даже серьезныя жертвы, и что для сознательнаго опредѣленія поведенія необходимо знать японскія условія. Промедленіе въ выясненіи этого вопроса прямо опасно, потому что состояніе европейскаго политическаго неба далеко не безоблачно, и гроза можетъ налетѣть во всякое время. Избѣгнуть этого общаго катаклизма мы не можемъ, если онъ наступитъ. Мы должны будемъ принять въ немъ участіе, а что изъ этого выйдетъ одновременно съ продолженіемъ дальне-восточнаго бѣдствія?

IV.

Начало франко-германскаго конфликта мы разсказали въ прошлой хроникѣ. Мукденское пораженіе русской арміи дало возможность Германіи выступить активнымъ противникомъ Франціи въ Марокко, въ которомъ Италія, Испанія и Англія предоставили французамъ (конечно, не даромъ) преимущественныя права, очень близкія къ протекторату. Германія открыто, и въ формѣ довольно грубой, опротестовала эти преимущественныя права и побудила султана отказать Франціи въ уже обѣщанныхъ уступкахъ. Франція составила планъ реформъ, для осуществленія ссужала деньгами и доставляла руководителей. Султанъ согласился. Теперь, по желанію Германіи, онъ взялъ это согласіе назадъ и обратился къ державамъ съ циркулярною нотою, въ которой предлагаетъ державамъ созвать конференцію въ Танжерѣ. Въ нотѣ султанъ выражаетъ желаніе, чтобы представители державъ собрались въ Танжерѣ, разсмотрѣли всѣ необходимыя реформы и указали на средства для ихъ осуществленія. Въ нотѣ не содержится указаній относительно Франціи. Циркуляръ былъ разосланъ въ день прибытія въ Фецъ англійскаго посла и до его аудіенціи у султана, т. е. Германія напередъ какъ бы заявляла, что не желаетъ считаться съ англійскою дипломатическою поддержкою Франціи. Положеніе само по себѣ становилось очень опаснымъ, а тутъ еще извѣстіе о цусимскомъ боѣ, конечно, могло только ободрить Германію и Марокко и ослабить рвеніе Англіи въ ея поддержкѣ французской политики въ Марокко. Обстоятельства настолько обострились, что заговорили о возможности новой франко-германской войны. Во Франціи этого не желаютъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ, политика котораго привела къ этому конфликту, вышелъ въ отставку, заявивъ, однако, передъ отставкою, что считаетъ войну единственнымъ возможнымъ выходомъ. Министръ президентъ Рувье взялъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ и рѣшилъ идти на уступки. Положеніе нѣсколько улучшилось. Дальнѣйшія извѣстія о ходѣ этого опаснаго конфликта имѣются слѣдующія:

„Берлинъ, 23 мая (5 іюня). Парижскій корреспондентъ „Berliner Tageblatt“ сообщаетъ: „Я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что натянутыя отношенія между Германіей и Франціей сильно обострились за послѣдніе дни и угрожаютъ принять критическій оборотъ. Ухудшеніе отношеній ясно выразилось въ томъ, что императоръ Вильгельмъ не послалъ телеграммы президенту Лубэ по поводу покушенія, между тѣмъ какъ онъ не преминулъ телеграфировать испанскому королю. Однако, существуютъ признаки, указывающіе на то, что кризисъ, который имѣетъ отчасти

личный характеръ, будетъ въ ближайшемъ будущемъ разрѣшенъ мирнымъ путемъ".

„Парижъ, 26 мая (8 іюня). Германскій повѣренный по дѣламъ, Флотовъ, посѣтилъ вчера Рувье и передалъ ему ноту, содержащую взгляды германскаго правительства относительно Марокко; нота требуетъ созыва международной конференціи. Не предрѣшая возможныхъ въ будущемъ результатовъ, слѣдуетъ отмѣтить, что это первая попытка возобновить дипломатическіе переговоры о Марокко, о которомъ Германія отказывалась сноситься съ Делькассэ. Слухъ, появившійся изъ Брюсселя, согласно которому Рувье будто бы склоненъ уступить Германіи извѣстную сферу дѣйствій въ Марокко, опровергается. Рувье остается министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ настоящее время изучаетъ различныя возможныя комбинаціи, чтобы найти, кому поручить портфель министра финансовъ".

„Танжеръ, 30 мая (12 іюня). По сообщеніямъ изъ Феца, положеніе тамъ съ каждымъ днемъ становится серьезнѣе. Полагаютъ, что хотя льготы въ коммерческомъ отношеніи, которыхъ Германія достигла въ Марокко, пока лишь незначительны, но что ей обѣщано расширеніе этихъ льготъ.

„Опасаются, что это обстоятельство можетъ вызвать серьезныя осложненія".

„Парижъ, 9 (22) іюня. Пониженіе курсовъ нѣкоторыхъ цѣнностей на биржѣ вызвало удивленіе въ палатѣ депутатовъ. Возникъ вопросъ, не вызвано ли оно какими-либо событіями внѣшней политики. Министръ-президентъ Рувье въ кулуарахъ палаты заявилъ, что пущенные въ обращеніе пессимистическіе слухи не имѣютъ никакой реальной почвы подъ собою. Переговоры между Франціей и Германіей идутъ вполнѣ нормальнымъ путемъ.

„Полагаютъ, что нота Рувье, посланная германскому правительству, будетъ оффиціозно сообщена державамъ, подписавшимъ мадридскую конвенцію".

Такимъ образомъ, время было выиграно, что иногда бываетъ очень много, но не всегда.

Въ переданной французскимъ посломъ Бигуромъ нотѣ Франція признавая вполнѣ неприкосновенность и верховныя права Марокко, а также сохраненіе принципа открытыхъ дверей, приглашаетъ Германію къ предварительному обмѣну мнѣній относительно вопросовъ, которые будутъ предложены на обсужденіе конференціи. Франція желаетъ, чтобы въ програму конференціи былъ включенъ вопросъ о соглашеніи, которое слѣдовало бы заключить съ марокскимъ султаномъ относительно обезпеченія алжирской границы, для чего французское правительство считаетъ необходимымъ, чтобы марокскія пограничныя войска находились подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ, и чтобы были образованы образцовыя роты съ французскими унтеръ-офицерами. Въ бер-

линскихъ оффиціальныхъ кругахъ заявили, однако, что нота эта не можетъ служить почвой для соглашенія. Преимущества, на которыя претендуетъ Франція, не согласуются съ намѣреніями султана, желающаго отклонить французскія предложенія о реформахъ. Если Франція будетъ настаивать на этомъ, то Германія будетъ продолжать вести непосредственные переговоры съ Марокко. При этомъ въ Берлинѣ думали, что Рувье, вступая въ переговоры съ Германіей, желалъ, повидимому, лишь выиграть время.

Слѣдующее извѣстіе было еще хуже:

„Берлинъ, 9 (21) іюня. Еженедѣльная газета „Europa" сообщаетъ, что, вскорѣ послѣ измѣненія германской политики въ Марокко, Бюловъ обратился къ военному министру и начальнику главнаго штаба съ вопросомъ, готова ли Германія къ войнѣ, заявляя, что онъ надѣется избѣгнуть войны, но что въ такого рода дѣлахъ бываютъ всегда моменты, когда государственная ладья должна идти своимъ путемъ".

Дальше сообщенія идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Берлинъ, 10 (23) іюня. Въ нѣсколькихъ здѣшнихъ газетахъ появились, повидимому, внушенные свыше, комментаріи, въ которыхъ высказывается сильное возбужденіе противъ англійской прессы, яко бы подстрекающей Францію къ войнѣ.

„Сопровождавшая графа Таттенбаха военная миссія возвращается завтра изъ Феца. Изъ этого видно, что главная работа сдѣлана, и что теперь предстоятъ лишь дипломатическіе переговоры».

„Парижъ, 10 (23) іюня (Petit Parisien"). Рувье сообщилъ державамъ свой отвѣтъ Германіи. Лондонскій корреспондентъ газеты передаетъ, что лордъ Лэнсдоунъ вчера сообщилъ французскому послу Камбону о томъ, что взгляды Англіи и Франціи совершенно совпадаютъ. По свѣдѣніямъ „Echo de Paris" Рувье заявилъ вчера, что онъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что въ Берлинѣ удовлетворятся его нотой. Той же газетѣ сообщаютъ, однако, изъ Берлина, что французская нота не удовлетворила правительство, и что переговоры будутъ продолжаться".

„Берлинъ, 10 (23) іюня. Сегодня первый разъ съ начала марокксbooкаго кризиса произошло сильное паденіе имперскихъ займовъ. Въ этомъ выразилось существующее на биржѣ опасеніе, что можетъ возникнуть война между Германіей и Франціей. Оффиціозно относительно ноты французскаго министра президента Рувье, переданной сегодня здѣшнимъ французскимъ посломъ министру иностранныхъ дѣлъ, сообщается, что принципіальное разногласіе между Германіей и Франціею не устранено этой нотой".

„Берлинъ, 11 (24) іюня. Имперскій канцлеръ принималъ вчера французскаго посла и долго съ нимъ совѣщался. Настроеніе здѣсь гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ на биржѣ вчера произошла паника".

„Лондонъ, 11 (24) іюня. Въ здѣшнихъ дѣловыхъ сферахъ господствуетъ значительное безпокойство въ виду политическаго положенія, занятаго Германіей по отношенію къ Франціи въ вопросѣ о Марокко. Безпокойство это выразилось сегодня въ дальнѣйшемъ противъ вчерашняго пониженія всѣхъ фондовъ, начиная съ консолей. Чувство озабоченности болѣе замѣтно въ кругахъ финансистовъ, нежели въ политическихъ сферахъ".

Изъ Парижа телеграфируютъ:

„Газеты „Patrie", „Presse", „Libre Parole" и другія усердно настаиваютъ на усиленныхъ военныхъ приготовленіяхъ Германіи, якобы направленныхъ противъ Франціи, и заявляютъ, что война можетъ вспыхнуть внезапно. Напротивъ, въ оффиціальныхъ сферахъ считаютъ, что отношенія съ Германіей теперь значительно улучшились".

„Парижъ, 12 (25) іюня („Information"). Берлинскій корреспондентъ „Eclair" сообщаетъ, что текстъ отвѣтной ноты Германіи на ноту Рувье будетъ слѣдующій: „Имперское правительство проситъ Францію установить болѣе точно программу реформъ, предположенныхъ въ Марокко. Въ то же время Германія, желая достичь соглашенія, предлагаетъ, чтобы обѣ державы обсудили отдѣльно каждый вопросъ, какъ это было предусмотрѣно мадритской конвенціей". Если Франція приметъ это предложеніе, Германія склонна отказаться отъ созыва конференціи".

Эта послѣдняя депеша и явилась первымъ лучемъ мира, но, конечно, цѣною полнаго торжества Германіи. Надо помнить также, что это еще не оффиціальное извѣстіе, и опасность печальнаго столкновенія еще не совсѣмъ миновала.

Подъ Цусимою японцы нанесли Франціи пораженіе не менѣе тяжкое (политически-тяжкое), чѣмъ Россіи. Плоды долгой и очень искусной политики, приведшей Францію къ ряду блестящихъ международныхъ соглашеній, были потоплены въ теплыхъ водахъ Корейскаго пролива у недавно безвѣстнаго островка.

V.

Франко-германскій конфликтъ, угрожавшій и отчасти угрожающій и теперь общеевропейскою войною, частью заслонилъ своимъ колоссальнымъ значеніемъ другіе международные конфликты, имѣющіе, однако, крупное историческое значеніе. Таковъ прежде всего все обостряющійся и развивающійся конфликтъ между императоромъ Францомъ-Іосифомъ и венгерскимъ парламентомъ. Четыре съ половиною мѣсяца старый императоръ не хотѣлъ отпустить министерство Стефана Тиссы, потерпѣвшее пораженіе на выборахъ и не имѣвшее за себя большинства въ парламентѣ. Палата нѣсколько разъ выражала недовѣріе министерству, мини-

стерство постоянно настаивало на увольненіи, но Францъ-Іосифъ его удерживалъ, не желая уступить парламентскому большинству. Очень умѣренная программа большинства была отвергнута, и монархъ уперся на своемъ non possumus. Это удержаніе у власти министерства, осужденнаго парламентомъ, было прямо незаконно, являлось нарушеніемъ конституціи, въ палату уже внесено было предложеніе о преданіи суду Стефана Тиссы и его товарищей, когда большинство сдѣлало послѣднюю попытку уладить столкновеніе на почвѣ закона и конституціи. Оно выбрало и послало къ королю въ Вѣну такого уважаемаго и заслуженнаго государственнаго дѣятеля, какъ Юлій Андраши. Въ прошлой хроникѣ мы разсказали о неудачѣ этой попытки и закончили извѣстіемъ о назначеніи дѣлового министерства съ Фейервери во главѣ.

5 (18) іюня утромъ Францъ-Іосифъ прибылъ въ Будапештъ, принялъ въ прощальной аудіенціи министерство Тиссы, оставляющее власть, подписалъ декретъ о назначеніи Фейервари и его товарищей и принялъ отъ нихъ присягу. 6 (19) іюня оффиціально опубликовано о назначеніи Фейервари министромъ-президентомъ временнаго кабинета, министромъ юстиціи—Ланій, министромъ торговли—Вереса, министромъ внутреннихъ дѣлъ—Кристофи, министромъ народнаго просвѣщенія—Луккача, министромъ земледѣлія—Джіорджи, министромъ Хорватіи—Ковачевича.

Дальнѣйшія событія выразились въ двухъ рескриптахъ императора Франца-Іосифа и въ постановленіяхъ, принятыхъ парламентомъ.

Императоръ Францъ-Іосифъ одновременно съ назначеніемъ новаго министра обратился къ министру-президенту Фейервари съ рескриптомъ, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе, что онъ до сихъ поръ не могъ назначить новаго правительства изъ состава парламентскаго большинства, потому что это большинство не предложило программы, которая могла бы успокоить націю. Императоръ надѣется, что теперь при посредствѣ внѣпартійнаго правительства станетъ возможнымъ устранить неурядицу и призвать правительство изъ состава парламентскаго большинства. Императоръ благосклонно относится къ предложеніямъ большинства относительно реформъ во внутреннемъ управленіи и въ народномъ хозяйствѣ. Что касается вопросовъ обороны имперіи, то императоръ уже согласился на осуществленіе нѣкоторыхъ предложенныхъ мѣропріятій, при чемъ права государя и связанныя съ ними обязанности всегда будутъ соблюдаться лишь въ той мѣрѣ, какая представляется безусловно необходимой для предупрежденія опасности, которая могла бы угрожать обоимъ государствамъ монархіи. Императоръ былъ бы очень радъ, если бы Фейервари удалось достигнуть соглашенія въ намѣченныхъ предѣлахъ и тѣмъ облегчить образованіе правительства изъ состава парламентскаго большинства.

Другимъ рескриптомъ освобождаются отъ обязанностей члены кабинета Тиссы, выражается благодарность Тиссѣ и другимъ министрамъ, а также объясняется объ увольненіи государственныхъ секретарей Макфальви, Гренценштейна, Сандора, Серени.

Въ отвѣтъ на это всѣ фракціи большинства, объединившись, рѣшили вотировать противъ кабинета Фейервари.

Затѣмъ 8 іюня новое министерство явилось въ палату депутатовъ. При появленіи новаго кабинета въ палатѣ депутатовъ со стороны большинства раздался смѣхъ и свистки. Фейервари передалъ рескриптъ короля, содержащій сообщеніе о назначеніи его министромъ-президентомъ. По прочтеніи рескрипта, министръ-президентъ предложилъ рядъ проектовъ, въ томъ числѣ бюджетную смѣту, законопроектъ о рекрутахъ и пр. Затѣмъ министръ-президентъ предложилъ прочитать второй рескриптъ. Поднялся страшный шумъ. Президентъ протестуетъ противъ прочтенія второго рескрипта, до тѣхъ поръ, пока первый рескриптъ не принятъ къ свѣдѣнію палатой. Фейервари взываетъ къ вѣковымъ традиціямъ, въ силу которыхъ палата всегда должна выслушивать короля, если онъ желаетъ съ ней говорить. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ онъ представляетъ на разрѣшеніе палаты. По произведенному голосованію, большинство высказалось противъ чтенія рескрипта. Фейервари заявилъ, что послѣ того, какъ большинство приняло такое рѣшеніе, онъ отказывается отъ званія министра-президента и покидаетъ палату. Вслѣдъ затѣмъ члены кабинета ушли изъ зала.

Послѣ краткихъ дебатовъ палата приняла предложеніе Кошута о выраженіи недовѣрія правительству. Затѣмъ былъ прочитанъ второй рескриптъ короля, которымъ засѣданія палаты отсрочиваются до второго сентября. Отъ имени коалиціи Банфи предлагаетъ признать отсрочку засѣданій палаты незаконной и противорѣчащей конституціи. Далѣе формула Банфи содержитъ отказъ Венгріи отъ участія въ общеимперскихъ расходахъ по нѣкоторымъ статьямъ бюджета и приглашаетъ муниципалитеты не давать средствъ на налоги, не вотированные венгерскимъ правительствомъ, и на рекрутскій наборъ, безъ согласія палаты. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ формула Банфи принята единогласно при отсутствіи либераловъ. Засѣданіе закрыто.

Тогда же 8 (21) іюня палата господъ приняла къ свѣдѣнію королевскій рескриптъ относительно назначенія министерства Фейервари, послѣ чего послѣдній сдѣлалъ такое же заявленіе, какъ и въ палатѣ депутатовъ. Затѣмъ, графъ Десефи предложилъ резолюцію, въ которой заявляется, что палата господъ, принимая во вниманіе, что нынѣшнее внѣпарламентское правительство непригодно для улаженія кризиса, не питаетъ къ нему никакого довѣрія. Послѣ продолжительныхъ преній резолюція была принята большинствомъ 51 противъ 19 голосовъ.

Послѣ этого палата господъ приняла къ свѣдѣнію королевскій рескриптъ относительно отсрочки засѣданій и разошлась.

Затѣмъ изъ Будапешта сообщалось, что Фейервари, не смотря на выраженное ему голосованіемъ палаты недовѣріе, не выйдетъ въ отставку. Оппозиція организуетъ пассивное сопротивленіе. Исполнительный комитетъ соединенной оппозиціи дѣйствуетъ непрерывно въ цѣляхъ наблюденія за министерствомъ. Даже либеральная партія осуждаетъ образъ дѣйствія министерства. Изъ многихъ комитатовъ сообщаютъ, что народъ находится въ небываломъ возбужденіи.

Однако, 11 (24) іюня министерство Фейервари подало въ отставку, которая не принята.

Фейервари остался и предложилъ вождямъ политическихъ партій выработать такую программу кабинета, которая могла бы быть принята императоромъ, но лѣвая уже раньше сдѣлала всевозможныя уступки и дальше идти по этому пути отказалась.

Такимъ образомъ, обѣ палаты осудили новое министерство, которое, вопреки закону, остается у власти, а Францъ-Іосифъ отсрочилъ засѣданіе парламента до осени. Три или четыре мѣсяца Фейервари будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи, но что намѣренъ онъ и его монархъ предпринять за это время, никто въ точности не знаетъ. Бюджетъ не вотированъ, не вотированъ и законъ о призывѣ контингента 1905 года на военную службу. Взиманіе налоговъ и отбываніе воинской повинности являются незаконными и принуждать венгерскій народъ къ тому возможно, лишь совершенно попирая всѣ законы, но для этого надо разогнать всѣ суды... Время вооруженныхъ революцій прошло, но ихъ замѣнила организованная сила народнаго самосознанія, которая можетъ оставить правительство, нарушившее законность, и безъ финансовъ, и безъ солдатъ. Опытъ борьбы на этой почвѣ мы и наблюдаемъ теперь въ Венгріи.

Нижеслѣдующая телеграмма даетъ понятіе объ этой борьбѣ:

„Будапештъ, 14 (27) іюня. По слухамъ, императоръ намѣревается созвать совѣщаніе вождей партій подъ своимъ предсѣдательствомъ, дабы указать имъ на серьезность положенія и еще разъ предложить выдѣлить военные вопросы. Настроеніе въ странѣ весьма угрожающее. Комитаты рѣшили отказаться отъ взиманія податей, набора рекрутовъ и даже пріема добровольно уплачиваемыхъ налоговъ. Адвокатскія палаты отказываются признавать министерство и не вносятъ гербовыхъ пошлинъ съ подаваемыхъ въ суды бумагъ. Чины управленій комитатовъ прекращаютъ исполненіе административныхъ обязанностей".

Отмѣтимъ интересный отголосокъ будапештскихъ событій въ вѣнскомъ парламентѣ, именно слѣдующее сообщеніе:

„Вѣна, 10 (23) іюня. Въ рейхсратѣ продолжалось сегодня

первое чтеніе временной росписи государственныхъ приходовъ и расходовъ.

„Шенереръ подвергъ отрицательной критикѣ вчерашнее заявленіе министра-президента, сказавъ, что австрійскій парламентъ долженъ на несомнѣнное рѣшеніе венгерскаго парламента—высказаться въ пользу отдѣленія Венгріи отъ Австріи—отвѣтить резолюціею, требующею отмѣны уніи съ Венгріею. Затѣмъ Шенереръ потребовалъ неотложности для этой резолюціи и, изложивъ еще разъ свою извѣстную программу, закончилъ свою рѣчь восклицаніемъ: „Да здравствуетъ императоръ Вильгельмъ! Да здравствуетъ Пангерманія“.

„Проектъ временной росписи былъ переданъ для разсмотрѣнія въ коммиссію.

„Затѣмъ рейхсратъ перешелъ къ обсужденію вопроса о неотложности обсужденія резолюціи Шенерера. Министръ-президентъ Гаучъ заявилъ, что правительство не приметъ участія въ преніяхъ по этому поводу и должно предоставить рейхсрату рѣшеніе вопроса, если онъ хочетъ высказаться о столь важномъ дѣлѣ.

„Къ концу засѣданія, продолжавшагося очень долго, соціалистъ Резель говорилъ въ пользу резолюціи Шенерера. Нѣмцы-радикалы привѣтствовали его рѣчь криками: „Эльенъ Кошутъ!“

„Затѣмъ засѣданіе было закрыто. Слѣдующее засѣданіе состоится въ понедѣльникъ (Кор. бюро)“.

Конечно, это только пикантный эпизодъ, не болѣе, и добрые австрійскіе подданные императора Франца-Іосифа, вѣроятно, даже охотно пойдутъ усмирять „бунтующихъ“ венгерцевъ. И нѣмцы пойдутъ, и славяне... Въ этой національной розни и заключается главное несчастіе народовъ Австро-Венгріи.

VI.

Развивается постепенно и шведо-норвежскій конфликтъ. Центръ интереса въ прошлыхъ нашихъ отчетахъ былъ въ Христіаніи. Тамъ низложили короля, учредили новое независимое правительство, упразднили унію со Швеціей, спустили шведо-норвежскій флагъ, подняли норвежскій, привели къ присягѣ армію и флотъ, привели ихъ на военное положеніе, увѣдомили о случившемся короля и шведское правительство. Слово теперь за королемъ и Швеціей, и центромъ интереса сталъ теперь Стокгольмъ.

Первыя извѣстія изъ Стокгольма были неопредѣленныя и не позволяли предвидѣть вѣроятное направленіе событій. Такъ, отъ 25 мая (7 іюня) сообщалось, что король отправилъ телеграмму на имя статсъ-секретаря Михельсона въ Христіанію. „Сообщеніе

государственнаго совѣта получилъ и рѣшительно протестую противъ образа дѣйствій правительства". Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ того же числа, сообщалось, что шведская печать пока еще не высказывается открыто о событіяхъ въ Норвегіи. Тѣмъ не менѣе, всѣ газеты констатируютъ, что наступила революція, при чемъ унія между Швеціей и Норвегіей порвана. Въ то же самое время (25 мая) изъ Копенгагена сообщали, что Швеція не прибѣгнетъ къ военной силѣ противъ Норвегіи. Тамъ ожидаютъ немедленнаго прибытія изъ Берлина наслѣднаго принца.

Затѣмъ, 26 мая (8 іюня), въ отвѣтъ на ходатайство президента стортинга Бернера, обратившагося отъ имени стортинга къ королю съ просьбою принять въ аудіенціи депутацію, которая вручитъ ему адресъ стортинга, король послалъ Бернеру телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Такъ какъ я не признаю революціонныхъ шаговъ, предпринятыхъ стортингомъ, съ нарушеніемъ конституціи и прерогативъ королевской власти, то отказываюсь также и принять депутацію. Оскаръ".

То обидное положеніе, въ которомъ очутился престарѣлый Оскаръ, очень популярный въ Швеціи, вызывало со стороны шведовъ всякія выраженія сочувствія, и эти выраженія и были сначала единственными черными точками на свѣтломъ сѣверномъ небѣ Скандинавіи.

25 мая, вечеромъ, передъ дворцомъ Возедалемъ королю Оскару были сдѣланы восторженныя оваціи. Толпа въ тысячу человѣкъ съ музыкой во главѣ приблизилась ко дворцу; король, королева, принцы и принцесса Ингсбергъ вышли на балконъ; музыка играла національный гимнъ; толпа громко привѣтствовала короля; нѣсколько дамъ поднесли королю цвѣты. Король любезно благодарилъ толпу, которая послѣ этого спокойно разошлась.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, изъ Стокгольма сообщалось, что кризисъ нисколько не измѣнилъ внѣшней картины жизни въ Стокгольмѣ. Все идетъ своимъ обычнымъ и спокойнымъ путемъ. Большая публика относится довольно равнодушно къ упраздненію уніи, такъ какъ страна долго пользовалась миромъ, и уніи придавалось сравнительно мало значенія, тѣмъ болѣе, что она влекла за собою много непріятностей. Все это въ совокупности сдѣлало то, что большинство шведовъ въ дѣйствительности стали тяготиться уніею. Только меньшинство ихъ, относящееся болѣе впечатлительно къ политическимъ событіямъ дня, взволновано происшедшимъ раздѣломъ и взираетъ на будущее съ тревогой. Къ этому присоединяется опасеніе, что Норвегія будетъ держаться внѣшней политики, которая можетъ повлечь за собою опасность для Швеціи. Затѣмъ могутъ понадобиться большіе

расходы, такъ какъ, по всей вѣроятности, окажется необходимымъ укрѣпить западную границу Швеціи.

Кромѣ того, въ Стокгольмѣ царило нѣкоторое безпокойство по поводу того, какъ отнесутся къ совершившемуся факту иностранныя державы. Значительное большинство относится съ глубокимъ сочувствіемъ къ маститому королю, которому приходится подвергаться къ концу жизни такимъ испытаніямъ. Чувство это находитъ себѣ выраженіе въ многочисленныхъ привѣтственныхъ телеграммахъ, посылаемыхъ королю.

Какой характеръ приметъ въ дальнѣйшемъ теченіи кризисъ, сказать невозможно. Однако, изъ Швеціи сообщалось, что можно всетаки предположить, что Швеція не прибѣгнетъ къ силѣ, что этого врядъ ли захочетъ хотя-бы одинъ шведъ и что сама унія останется въ силѣ, хотя и въ умѣренной формѣ. Риксдагъ рѣшитъ, какъ должна Швеція относиться къ норвежскому стортингу и норвежской революціи.

Среди этихъ довольно миролюбивыхъ извѣстій, только изъ Берлина проскользнуло было тревожное, именно:

„Берлинъ, 26 мая (8 іюня). Въ „Frankfurter Generalanzeiger“ сообщаетъ изъ Стокгольма, что сегодня, утромъ, собравшійся подъ предсѣдательствомъ короля, совѣтъ министровъ рѣшилъ единогласно отклонить рѣшенія стортинга, какъ незаконныя, и требовать сохраненія уніи, предъявивъ о томъ Норвегіи ультиматумъ“. И тѣмъ не менѣе, уже отъ слѣдующаго 27 мая (9 іюня) изъ Стокгольма телеграфировали, что кронъ-принцъ возвратился и былъ восторженно принятъ. Газеты спокойно обсуждаютъ положеніе. Никто не совѣтуетъ прибѣгнуть къ военнымъ мѣропріятіямъ. Одна консервативная газета предлагаетъ обратиться къ гаагскому третейскому суду. На совѣтѣ, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ короля, въ присутствіи наслѣднаго принца, король рѣшилъ созвать риксдагъ на чрезвычайную сессію во вторникъ, 7 (20) іюня. Президентъ совѣта министровъ, прочитавъ отчетъ о рѣшеніи норвежскаго стортинга 25 мая, сказалъ: „Этимъ революціоннымъ актомъ стортингъ не только безъ участія короля, но и безъ согласія Швеціи, собственной властью рѣшилъ нарушить унію, которая существуетъ на основаніи взаимной конвенціи, установленной законами, и которая не можетъ быть нарушена безъ согласія обѣихъ странъ. Эта революція стортинга рѣзко нарушаетъ права Швеціи, и поэтому необходимо, чтобы былъ созванъ риксдагъ на чрезвычайную сессію безъ промедленія, для принятія мѣръ со стороны Швеціи по отношенію къ послѣднему событію“.

Получались извѣстія и болѣе тревожныя. Изъ Копенгагена сообщали, что, не смотря на кажущееся спокойствіе шведскихъ политическихъ сферъ, осложненія отнюдь не невозможны. Норвегія готова къ войнѣ. Въ то же время изъ Стокгольма телегра-

фировали 30 мая (12 іюня), что „положеніе кабинета поколеблено; по всей вѣроятности, онъ подастъ въ отставку при созывѣ риксдага“.

Король, по поводу многочисленныхъ полученныхъ имъ телеграммъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, сдѣлалъ распоряженіе опубликовать слѣдующее письмо: „Революція, произведенная государственнымъ совѣтомъ и норвежскимъ стортингомъ противъ короля и братскаго народа, путемъ которой нарушены клятвенные священные законы, причиняетъ моему сердцу глубокую неизлѣчимую рану. Посреди заботъ, которыя готовитъ мнѣ этотъ противозаконный поступокъ, неописуемое утѣшеніе доставили мнѣ поистинѣ тысячи доказательствъ преданной любви, полученныя мною изъ близка и далека, отъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ общественныхъ классовъ шведскаго государства, какъ устныя и письменныя, такъ и телеграфныя. Примите же вы, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ всѣ и каждый самую горячую благодарность вашего стараго короля. Потрясенный до глубины души, я говорю, что слова: „Господи, благослови мой шведскій народъ“ будутъ моей самой горячей, самой искренней мольбой, которую я весь остатокъ моей жизни буду возносить къ Всевышнему“.

Эта-то предпочтительная любовь къ шведскому народу и оттолкнула отъ короля народъ норвежскій. 31 мая (13 іюня) появилось письмо короля Оскара къ президенту норвежскаго стортинга. Король въ письмѣ заявляетъ, что присяга, принесенная президентомъ норвежскому королю при вступленіи въ должность, обязываетъ его не позволить остаться на томъ рѣшеніи, которое принято норвежскимъ министерствомъ, вслѣдствіе отказа короля санкціонировать законъ о консулахъ. Король затѣмъ разсматриваетъ весь вопросъ, обсуждаетъ кризисъ и говоритъ, что послѣ того, какъ министры въ стортингѣ отказались отъ должностей, стортингъ одобрилъ и это нарушеніе конституціи, которое повело къ революціонному образу дѣйствій, такъ какъ стортингъ заявилъ, что король норвежскій легально пересталъ управлять страной, и что унія между соединенными государствами уничтожена. Дѣло Швеціи и короля, въ качествѣ короля соединенныхъ державъ, рѣшить, долженъ ли повести къ законному уничтоженію уніи образъ дѣйствій Норвегіи.

Въ унисонъ этихъ протестовъ и заявленій короля, часть шведской печати стала относиться враждебно къ Норвегіи, появились слухи о мобилизаціи, о сосредоточеніи войскъ на норвежской границѣ, о движеніи флота.

Навстрѣчу всѣмъ этимъ опасностямъ, равно тревожнымъ обоимъ народамъ, норвежскій стортингъ выступилъ съ адресомъ королю, которымъ полагалъ склонить и его, и шведовъ къ мирному и полюбовному соглашенію. Вотъ этотъ историческій документъ:

„Государь, норвежскій стортингъ почтительнѣйше докладываетъ вашему величеству, и чрезъ посредство вашего величества шведскому риксдагу и шведскому народу о слѣдующемъ: то, что произошло въ Норвегіи, является неизбѣжнымъ результатомъ политическихъ событій послѣдняго времени и не можетъ быть измѣнено. Ни Швеція, ни Норвегія не желаютъ вернуться къ старому порядку вещей, поэтому стортингъ не считаетъ нужнымъ разсматривать различные вопросы, касающіеся конституціи и публичнаго права, упомянутые въ письмѣ вашего величества на имя президента стортинга въ связи съ рѣшеніями, имъ принятыми. По поводу этихъ рѣшеній стортингъ и норвежское правительство высказались подробно уже раньше.

„Стортингъ вполнѣ понимаетъ трудность положенія вашего величества и ни на минуту не сомнѣвается, что рѣшенія вашего величества были приняты въ соотвѣтствіи съ вашими взглядами на права и обязанности короля. Стортингъ рѣшилъ обратиться съ воззваніемъ къ вашему величеству, къ риксдагу и къ шведскому народу, ища его содѣйствія для мирнаго осуществленія нашего проекта разрыва уніи, предпринятаго съ цѣлью гарантировать дружбу и согласіе между двумя народами Скандинавскаго полуострова. Изъ декларацій, послѣдовавшихъ въ Швеціи, стортингъ усматриваетъ, что рѣшеніе о разрывѣ уніи между обоими королевствами, принятое въ соотвѣтствіи съ его долгомъ по отношенію къ отечеству, по своей формѣ было признано оскорбительнымъ для Швеціи. Такихъ намѣреній Норвегія никогда не питала. То, что случилось и что должно было случиться, представляетъ собою лишь торжество конституціонныхъ правъ Норвегіи, но народъ норвежскій никогда не имѣлъ въ виду оскорблять Швецію.

„Когда ваше величество въ совѣтѣ министровъ 14 мая объявили, что не можете дать свою санкцію единогласному рѣшенію стортинга объ образованіи самостоятельной норвежской консульской организаціи, и когда ваше величество отказались дать Норвегіи новое правительство, конституціонный порядокъ въ Норвегіи былъ до такой степени нарушенъ, что унія уже не могла болѣе держаться. Норвежскій стортингъ принужденъ былъ немедленно учредить правительство. Другого исхода не было, тѣмъ болѣе, что шведское правительство вашего величества уже 12 апрѣля безусловно отвергло новые переговоры, въ перспективѣ рисовавшіе разрывъ уніи, въ случаѣ, если бы не удалось придти къ соглашенію.

Стортингъ уже ранѣе высказался въ томъ смыслѣ, что норвежскій народъ не питаетъ никакой злобы или неудовольствія по отношенію къ вашему величеству или къ шведскому народу. Противоположныя мнѣнія, которыя въ иныхъ случаяхъ могли быть высказаны, являются результатомъ общаго неудовольствія

положеніемъ Норвегіи въ уніи. Такъ какъ мотивы этого неудовольствія съ разрывомъ уніи исчезаютъ, то вмѣстѣ съ ними исчезнутъ и всякаго рода непріятности. Сотрудничество на поприщѣ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, въ продолженіе 90 лѣтъ, развило у норвежскаго народа чувства искренней дружбы и симпатіи къ народу шведскому. Отнынѣ Норвегія уже не находится въ томъ унизительномъ для ея національной независимости положеніи, которое переживала раньше; отсюда слѣдуетъ, что чувства дружбы и симпатіи къ Швеціи только укрѣпятся и усилятся, упрочивъ взаимныя отношенія между обоими народами.

„Въ полной увѣренности, что шведскій народъ раздѣляетъ это мнѣніе, стортингъ проситъ конституціонное шведское правительство признать новое положеніе Норвегіи и право ея, какъ сувереннаго государства, на веденіе переговоровъ, необходимыхъ для окончательной ликвидаціи нынѣ законченныхъ уніонистскихъ отношеній. Съ своей стороны стортингъ готовъ удовлетворить всякое справедливое и разумное желаніе, которое въ данномъ случаѣ могло бы быть высказано съ цѣлью обезпечить независимость и неприкосновенность правъ обоихъ скандинавскихъ государствъ. Съ точки зрѣнія публичнаго права, Швеція и Норвегія отдѣлены другъ отъ друга, но стортингъ вполнѣ увѣренъ, что при этомъ новомъ порядкѣ вещей возникнутъ добрыя отношенія, основанныя на началахъ взаимнаго довѣрія, для защиты общихъ интересовъ обоихъ народовъ, если только неизбѣжная ликвидація прежнихъ отношеній совершится мирно, безъ какихъ-либо проявленій горечи. Стортингъ убѣжденъ, что послѣднія событія послужатъ къ прочному счастью сѣверныхъ народовъ. Во имя сѣвера, стортингъ обращается съ этимъ воззваніемъ къ народу, который, благодаря своему великодушію и рыцарскимъ чувствамъ, завоевалъ себѣ столь завидное положеніе среди другихъ европейскихъ націй. Норвежскій народъ всѣмъ сердцемъ желаетъ поддерживать добрыя отношенія съ народомъ шведскимъ“.

Эти исполненныя благородства и дружескаго чувства къ шведамъ слова не могли не произвести добраго впечатлѣнія среди шведовъ. 20 (7) іюня собрался риксдагъ, и шведское министерство (либеральное) представило ему законопроектъ, которымъ оно проситъ разрѣшенія начать переговоры съ норвежскимъ стортингомъ и установить условное разрѣшеніе вопросовъ, которое явится необходимымъ въ случаѣ разрыва уніи. Президентъ совѣта министровъ заявилъ въ совѣтѣ, гдѣ разсматривался этотъ проектъ, что прибѣгать къ мѣрамъ насилія не входитъ въ интересы Швеціи, и высказался за переговоры съ Норвегіей, въ виду желательности того, чтобы конвенція между двумя державами обезпечила обѣимъ мирную общую жизнь. „Во всякомъ случаѣ, переговоры необходимы, чтобы распутать положеніе и окончательно разрѣшить спорные вопросы; все это отлично можетъ быть сдѣ-

лано при посредствѣ делегатовъ. Только послѣ условнаго разрѣшенія вопроса, Швеція могла бы заняться вопросомъ о конечномъ одобреніи разрыва и уничтоженіи акта уніи". Другіе члены государственнаго совѣта примкнули къ мнѣнію президента. Послѣ этого король сказалъ слѣдующее: „Государственный совѣтъ побуждаетъ меня къ тяжелому шагу. Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я во все время своего долгаго царствованія стремился къ цѣли, которую я избралъ при вступленіи на престолъ: благо двухъ родственныхъ народовъ. Для меня поистинѣ тяжело содѣйствовать разрыву союза, въ которомъ я всегда видѣлъ залогъ независимости, безопасности и счастія для соединенныхъ королевствъ. Если, тѣмъ не менѣе, я согласенъ на этотъ шагъ, то это лишь съ тѣмъ, чтобы избѣжать еще большаго зла и потому еще, что я вѣрю, что союзъ безъ взаимнаго согласія не дастъ Швеціи никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ".

Такимъ образомъ, можно было думать, что дѣло подвигается къ мирному разрѣшенію вопроса. Затѣмъ, однако, были обнародованы слѣдующія тревожныя извѣстія:

„Стокгольмъ, 10 (23) іюня. „Nya Dagligt Allehanda" сообщаетъ, что министерство 7 іюня подало въ отставку.

„По мнѣнію „Aftonbladet", верхняя палата отклонитъ переговоры съ Норвегіей, нижняя же приметъ ихъ.

„Стокгольмъ, 12 (25) іюня. Настроеніе противъ правительства усиливается. Печать сожалѣетъ о нерѣшительности и слабости его. Консерваторы надѣются свергнуть кабинетъ.

„Стокгольмъ, 13 (26) іюня. Правительство рѣшило не увольнять въ запасъ матросовъ, выслужившихъ срокъ".

Появился даже слухъ объ отреченіи короля Оскара и о воинственномъ настроеніи его наслѣдника.

Въ Нидерландахъ происходили генеральные выборы въ парламентъ. Четыре года тому назадъ, въ 1901 году, впервые послѣ многихъ лѣтъ, одержали верхъ консерваторы. Безсильны они были раньше, вслѣдствіе глубокой вражды, издавна раздѣлявшей протестантовъ и католиковъ страны, въ средѣ либераловъ, конечно, давно исчезнувшей. Только въ 1901 году удалось консерваторамъ-протестантамъ и консерваторамъ-католикамъ кое-какъ соединить свои силы и разгромить мало приготовленную либеральную партію. Теперь, въ 1905 году, либералы собрались съ силами и, вмѣстѣ съ соціалистами, отвоевали половину депутатскихъ мѣстъ. Прочнаго большинства въ парламентѣ голландскомъ не оказывается.

Папа Пій X отмѣнилъ изданное Піемъ IX и сохраненное Львомъ XIII запрещеніе вѣрнымъ католикамъ принимать участіе въ политической жизни „отлученнаго" итальянскаго королевства.

Косвенно это шагъ къ примиренію съ этимъ королевствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это поведетъ къ появленію клерикальной партіи въ итальянскомъ парламентѣ.

Въ заключеніе слѣдующее интересное и важное извѣстіе:

„Токіо, 14 (27) іюня („Daily Telegraph"). Телеграммой изъ Пекина сообщается, что оффиціально объявлено о введеніи черезъ 12 лѣтъ конституціи въ Китаѣ; все предшествующее время будетъ посвящено реформамъ, необходимымъ для столь важнаго преобразованія государственнаго строя. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Китай слѣдуетъ указаніямъ Японіи".

При старой и высокой культурности китайцевъ, можно ожидать прямо чудесъ при его возрожденіи, послѣ освобожденія отъ бюрократіи и перехода къ народному правленію.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

XIV. Крестьянское движеніе.—XV. Мѣры, предпринятыя правительствомъ.—XVI. Вѣроятное развитіе крестьянскаго движенія.

XIV.

Какъ это ни странно, но аграрный вопросъ одно время оказался дѣйствительно забытымъ. Въ высочайшемъ указѣ 12 декабря о земельныхъ нуждахъ деревни не было упомянуто ни слова. Впрочемъ, и о правовыхъ нуждахъ крестьянства въ названномъ указѣ было упомянуто лишь мимоходомъ. Хотя „мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія", по принятому уже въ такихъ актахъ порядку, и была поставлена „во главу заботъ", однако для ея развитія въ указѣ не было удѣлено ни одного „пункта". Комитетъ министровъ, придерживавшійся въ своихъ сужденіяхъ именно „пунктовъ", конечно, оставилъ крестьянскія нужды внѣ разсмотрѣнія. Не мудрено поэтому, что „особое совѣщаніе по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія" появилось однимъ изъ самыхъ послѣднихъ. Оно было учреждено лишь 30 марта.

Крестьяне сами напомнили о себѣ, и при томъ такъ, что игнорировать ихъ стало невозможно. Въ половинѣ февраля вспыхнули крестьянскія волненія въ нѣсколькихъ смежныхъ уѣздахъ Курской, Орловской и Черниговской губерній. Одновременно обострилось, принявъ форму почти открытаго возстанія, крестьянское движеніе въ Гуріи, распространившееся затѣмъ почти на все

Закавказье. Въ томъ же февралѣ и началѣ марта крестьянское движеніе охватило нѣсколько уѣздовъ въ сѣверо-западномъ краѣ, весь прибалтійскій и значительную часть царства польскаго. Затѣмъ оно обнаружилось въ юго-западномъ краѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ губерній: въ Саратовской, Харьковской, Херсонской, Бессарабской, Таврической, Полтавской, Воронежской, Смоленской Нижегородской, Московской,* Тульской, Симбирской... Впрочемъ, въ настоящее время трудно указать тѣ губерніи, въ которыхъ въ большемъ или меньшемъ числѣ пунктовъ, въ болѣе или менѣе острой формѣ за послѣдніе мѣсяцы не наблюдалось бы крестьянскаго движенія. Это еще не пожаръ, это безчисленныя вспышки; но уже во многихъ мѣстахъ разгоравшіеся костры съ трудомъ лишь поддавались тушенію.

Съ внѣшней стороны наиболѣе характерными чертами крестьянскаго движенія являются его повсемѣстность и его всеобщность. Въ самомъ дѣлѣ, какое громадное разстояніе отдѣляетъ Гурію отъ Лифляндіи, какая громадная разница наблюдается между латышемъ и грузиномъ! Что, далѣе, казалось бы, общаго между волгаремъ и полякомъ? Гдѣ же, наконецъ, разница между надѣляющими другъ друга ироническими кличками „хохломъ" и „кацапомъ"? Всѣ они оказываются охваченными однимъ и тѣмъ же чувствомъ, однимъ и тѣмъ же движеніемъ. Мы, такимъ образомъ, воочію видимъ, какъ предъ соціальнымъ вопросомъ меркнутъ всѣ національныя различія...

Не менѣе характернымъ въ данномъ отношеніи представляется и другое обстоятельство. Всѣ имѣющіяся свѣдѣнія заставляютъ думать, что движеніемъ, гдѣ таковое уже обнаружилось, охвачена вся деревня, всѣ слои ея, за самыми ничтожными, быть можетъ, исключеніями. Мнѣ по крайней мѣрѣ, встрѣтилось лишь одно извѣстіе, опредѣленно говорившее о розни внутри крестьянства. Ссылаясь на мнѣніе какого-то „лица, прибывшаго изъ Глуховскаго уѣзда", „Кіевлянинъ" утверждалъ, что въ Черниговской губерніи „крестьянское земледѣльческое населеніе, въ особенности лучшіе хозяева сильно встревожены и, сознавая, что отъ этихъ грабежей и поджигателей имъ также грозитъ не меньшая опасность, они быстро пришли въ себя и рѣшили дать такой отпоръ, чтобы въ другой разъ не повадно было грабить". Я цитирую по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени" (отъ 4 марта) и не знаю, отъ себя ли эта послѣдняя газета, или передавая мысль „Кіевлянина", прибавила: „Если таково дѣйствительное настроеніе хозяйственнаго крестьянства, то съ грабителями оно быстро справится и выдастъ виновныхъ, такъ какъ въ селеніи преступникъ долго не спрячется отъ своихъ сосѣдей". Однако этимъ надеждамъ на предательство сосѣдей, повидимому, не суждено было сбыться. Читатели „Русскаго Богатства" уже знаютъ, что въ той же Черниговской губерніи лица, производящія слѣдствіе для розыска

виновныхъ, должны были прибѣгать къ инымъ средствамъ, не останавливаясь даже передъ пыткой *). Однако, и за всѣмъ тѣмъ ихъ розыскъ не увѣнчался, повидимому, достаточнымъ успѣхомъ: Такъ, въ Глуховскомъ уѣздѣ, при 168 обвиняемыхъ, со стороны обвиненія выставлено лишь 72 свидѣтеля, со стороны же обвиняемыхъ, какъ сообщаетъ „Кіевская Газета", ихъ будетъ, вѣроятно, больше тысячи. Попытку свалить всю вину въ безпорядкахъ на „отбросы" сдѣлала еще прибалтійская нѣмецкая печать, ревностно защищающая, какъ извѣстно, интересы бароновъ и всячески отстаивающая существующій аграрный строй. По ея словамъ, „въ прибалтійскомъ краѣ революціонный соціализмъ, какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ, имѣетъ приверженцевъ только среди отбросовъ населенія, не желающихъ работать, а также среди незрѣлой молодежи". Однако латышская печать съ фактами въ рукахъ доказала, что въ безпорядкахъ на ряду съ безземельными крестьянами принимали участіе и „усадьбовладѣльцы, т. е. болѣе обезпеченная часть мѣстнаго крестьянства, которую создатели мѣстнаго аграрнаго строя считали въ теоріи наиболѣе надежнымъ оплотомъ порядка" **). Впрочемъ, и нѣмецкія газеты должны были признать, что „нигдѣ не удается захватить распространителей прокламацій—никто не выдаетъ ихъ" („Mit. Ztg."). По свидѣтельству г. Максимова, который былъ спеціально командированъ „Русскими Вѣдомостями" въ Орловскую и Курскую губерніи,

въ грабежѣ принимали участіе цѣлыя деревни—мужчины, женщины, подростки; въ числѣ арестованныхъ за грабежъ и сидящихъ въ сѣвской тюрьмѣ есть, между прочимъ, одинъ слѣпой нищій; сельчане снабдили его лошадью и подводой; помогли насыпать хлѣба, и онъ, такимъ образомъ, привезъ съ собой цѣлый возъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при первомъ походѣ на грабежъ изъ данной деревни отправлялась только часть крестьянъ, но затѣмъ, соблазненные первыми, и остальные отправлялись громить слѣдующую усадьбу Какого-нибудь распредѣленія экономій между деревнями не было; всякій пріѣзжалъ, кто хотѣлъ, изъ какой бы ни было деревни, и пріѣзжали иногда очень издалека... Говорятъ, что были случаи принужденія отдѣльныхъ домохозяевъ и даже цѣлыхъ деревень къ участью въ грабежѣ подъ угрозой поджога, но, на сколько это вѣрно, трудно сказать, такъ какъ имѣющіяся теперь показанія этого рода легко объясняются желаніемъ избѣжать отвѣтственности или, по крайней мѣрѣ, уменьшить ее ***)...

Какъ бы то ни было, крестьяне, въ охватившемъ ихъ движеніи, проявляютъ несравненно больше солидарности, чѣмъ слѣдовало бы по теоріи нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, долго и упорно отрицавшихъ возможность общихъ чувствъ и общихъ движеній въ „дифференцированной" деревнѣ,—и, пожалуй, въ общемъ

*) „Русь", 10 марта.
**) См. „О спеціалистахъ по сѣченію" въ „Случайныхъ замѣткахъ" за май.
***) „Русскія Вѣдомости" 3 марта.

счетѣ не меньше, чѣмъ проявляютъ въ однородныхъ случаяхъ городскіе рабочіе.

Во всякомъ случаѣ, никакого антагонизма между рядовымъ крестьяниномъ и деревенскимъ пролетаріемъ, между крестьянскими и рабочими нуждами, не замѣтно. И это необходимо сказать не только относительно внутреннихъ губерній, гдѣ крестьянинъ и сельско-хозяйственный рабочій остаются объединенными въ одномъ дворѣ и нерѣдко даже въ одномъ лицѣ, но и про окраины, гдѣ эти „категоріи“ до извѣстной степени уже дифференцировались. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, на первый планъ, конечно, выдвигаются то крестьянскія, то рабочія нужды. Во внутреннихъ, напримѣръ, губерніяхъ движеніе имѣетъ, по преимуществу, если не исключительно, крестьянскій характеръ, въ прибалтійскомъ краѣ и царствѣ польскомъ, наоборотъ,—рабочій, при чемъ тамъ оно почти сливается съ городскимъ рабочимъ движеніемъ. Вездѣ, однако, крестьяне и рабочіе дѣйствуютъ параллельно и нерѣдко совмѣстно. Такъ, въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ движеніе началось забастовкой сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, предъявившихъ своимъ хозяевамъ рядъ требованій, охватывающихъ разныя стороны ихъ быта и труда. Послѣ сдѣланныхъ хозяевами уступокъ, работы возобновились, но „затѣмъ,— по сообщенію „Русскаго Слова“,—опять прекратились, вслѣдствіе возникшаго въ разныхъ пунктахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ аграрнаго движенія“.. Въ прибалтійскомъ краѣ „въ безпорядкахъ принимаютъ участіе не только сельскіе рабочіе, предъявляющіе помѣщикамъ требованія объ уменьшеніи рабочихъ часовъ, увеличеніи заработной платы и т. д., но также дворохозяева-арендаторы, требующіе уменьшенія арендной платы, и собственники усадебъ, предъявляющіе требованія о надѣленіи землей, лугомъ, лѣсомъ и пр.“... *) Въ имѣніи Алацкиви, например, „въ безпорядкахъ—по сообщенію „Eesti Postimees“—участвовали мызные рабочіе, рыбаки и крестьяне-дворохозяева. Мызные рабочіе требовали увеличенія поденной платы съ 40 на 60 коп.; рыбаки, платившіе по 30—36 рублей аренды за десятину песчаной земли, требовали пониженія арендной платы; крестьяне-дворохозяева требовали выдѣлить изъ общаго лѣса участки для каждой усадьбы“. Въ югозападномъ краѣ движеніе все время имѣетъ двойственный характеръ: борьба идетъ между помѣщиками и рабочими, съ одной стороны, и крестьянами—съ другой. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи оказались ошибочными предвидѣнія публицистовъ, которые въ своихъ построеніяхъ „сшибали лбами два разряда людей, жизнь которымъ въ разномъ родѣ, но одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ и оди-

*) „Русскія Вѣдомости“, 23 марта.

наково заслуживаетъ участія" *). Въ критическую эпоху народной жизни крестьяне и рабочіе,—какъ ни различны съ точки зрѣнія „производственныхъ отношеній" эти „категоріи",—оказались въ однихъ рядахъ. И въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Интересы *труда*, какъ ни разнообразны формы его эксплуатаціи,— всегда были и всегда будутъ близки и понятны рабочему человѣку, кто бы онъ ни былъ. Эти интересы всколыхнули и объединили трудящіяся массы. Послѣ того, что пережито за послѣдніе мѣсяцы, это уже не „людская пыль" и не „безсвязныя толпы", а великая и единая соціальная сила. Когда откроется русскій парламентъ, то и въ немъ, конечно, представители крестьянскихъ и рабочихъ интересовъ займутъ мѣста рядомъ. Больше того: мы въ правѣ надѣяться, что они составятъ единую и великую партію, и что эта партія будетъ имѣть достаточную для соціальныхъ реформъ политическую силу.

Не смотря на разнообразіе захваченныхъ крестьянскимъ движеніемъ мѣстностей, оно и въ формахъ своихъ имѣетъ много общаго.

Въ Курской, Орловской и Черниговской губерніяхъ происходила, такъ называемая, „разборка" экономій, хорошо извѣстная уже со времени полтавскихъ безпорядковъ 1902 года.

Конечно, не во всѣхъ мѣстностяхъ,—говоритъ по этому поводу г. Максимовъ,—безпорядки происходили одинаково, но главныя черты въ большинствѣ случаевъ приблизительно однѣ и тѣ же. Большею частью крестьяне предупреждали заранѣе владѣльца, что явятся къ нему тогда то, при чемъ иногда приходила небольшая группа, осматривала экономію и уже послѣ того заявляла, что крестьяне придутъ въ извѣстный день. Въ назначенный день недалеко отъ усадьбы зажигался ометъ соломы, костеръ или просто большой пукъ соломы на длинной жерди, и по этому сигналу собиралась толпа крестьянъ съ подводами: подводъ иногда съѣзжалось до 500—700. Въ одномъ случаѣ (въ Романовкѣ) сигналъ былъ данъ набатнымъ звономъ. Собравшись, крестьяне направлялись на экономію; подходя къ ней, дѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, ломали замки у амбаровъ, нагружали хлѣбъ на подводы и уѣзжали. Присутствіе хозяина или управляющаго нисколько ихъ не смущало; они дозволяли ему быть свидѣтелемъ происходящаго, не отгоняли отъ себя, но въ то же время и не вступали съ нимъ ни въ какія объясненія. Грабили, главнымъ образомъ, зерновой хлѣбъ; другіе продукты увозили въ рѣдкихъ случаяхъ. Насилій никакихъ не дѣлалось, и только въ М.-Витичѣ былъ легко раненъ урядникъ... Вообще крестьяне старались вести себя сдержанно и не выходить изъ извѣстныхъ предѣловъ...

Эта картина спокойной и выдержанной „разборки" помѣщичьяго имущества (главнымъ образомъ, хлѣба, корма для скота и сельско-хозяйственныхъ орудій) рѣзко мѣнялась, по свидѣтельству цитируемаго автора, въ тѣхъ случаяхъ, когда „подъ вліяніемъ раздраженія, опьяненія или особенно обостренныхъ отношеній" разгорались страсти. „Тогда уже происходилъ разгромъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова".

*) Н. К. Михайловскій. Литература и жизнь. „Р. Б." 1897 г. № 6.

Въ Гламаздинѣ крестьяне не только разграбили хлѣбъ, но и сожгли всю усадьбу, жилой домъ, винокуренный заводъ и прочія постройки. Такая же участь постигла Хинельскій винокуренный и Михайловскій сахарный заводы, но и тутъ приходится отмѣтить, что на Хинельскомъ заводѣ крестьяне сперва въ ночь съ 20 на 21 февраля разграбили хлѣбъ, а потомъ уже, 22-го, явились вторично и сожгли самый заводъ... Отдѣльныя лица доходили прямо до озвѣрѣнія... На ряду съ этимъ происходили и нелѣпыя сцены.

...Таскали при этомъ все, что кому нравилось... *).

Такой же въ общемъ характеръ носили безпорядки и въ другихъ губерніяхъ. Въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ „крестьяне появлялись въ экономіяхъ, забирали хлѣбъ, скотъ и другой сельско-хозяйственный инвентарь“ **) Въ Двинскомъ уѣздѣ „мѣстные крестьяне, доведенные до нищеты и голода, разграбили и разбили нѣсколько имѣній. Все, что можно было взять, взято и унесено, чего нельзя—уничтожено. Окна, двери, печи, мебель и вся домашняя утварь поломаны и разбиты. Изъ нѣкоторыхъ имѣній угнанъ скотъ“ ***). Въ прибалтійскомъ краѣ „толпы крестьянъ, доходящія до нѣсколькихъ сотенъ (300—400 человѣкъ), разрушали и жгли экономическія постройки, грабили скотные дворы, корчмы, винныя лавки“ ****), „конторы разрушали до тла, документы сжигали; въ замкахъ разбивали дорогія зеркальныя стекла; старинную обстановку рвали и топтали ногами; корчмы, паровыя мельницы, лѣсопильни, склады хлѣба, сѣно въ сараяхъ и на поляхъ поджигали, тушить не позволяли“ *****).

Кромѣ разборки и разгрома усадебъ, повсемѣстно мы встрѣчаемъ самовольную рубку помѣщичьихъ лѣсовъ; съ весны же во многихъ и при томъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ начались захваты помѣщичьей, удѣльной и церковной земли подъ посѣвъ, сѣнокосъ и пастьбу скота.

Такимъ образомъ, захватъ и уничтоженіе помѣщичьяго имущества являются наиболѣе общими и наиболѣе рѣзкими чертами аграрнаго движенія. Въ нѣкоторыхъ органахъ печати были предприняты попытки истолковать все движеніе, какъ проявленіе самыхъ дикихъ и грубыхъ инстинктовъ недисциплинированной и вышедшей изъ повиновенія толпы. Что касается основной причины, то одни видятъ ее въ нищетѣ, доведшей крестьянскую массу до отчаянія, другіе — всецѣло и исключительно въ агитаціи „злонамѣренныхъ личностей“.

Не трудно, однако, понять, — и это видно даже стороннему наблюдателю, при тѣхъ даже чисто внѣшнихъ описаніяхъ, какими приходится довольствоваться,—что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ

---

*) „Русскія Вѣдомости“, 3 марта.
**) „Русь“, 12 марта.
***) „Русскія Вѣдомости“, 1 марта.
****) „Русскія Вѣдомости“, 23 марта.
*****) „Русь“, 26 марта.

дѣло съ болѣе сложнымъ и болѣе глубокимъ явленіемъ изъ области народной психологіи. За „грабежами" чувствуется опредѣленное правосознаніе, въ „разборкахъ" и „разгромахъ" имѣется, несомнѣнно, общая идея. Во всякомъ случаѣ, сами крестьяне не сознають себя „преступниками". Это видно уже изъ тѣхъ описаній, какія приведены выше. Возьмите хотя бы самый процессъ разборки, какъ онъ описанъ г. Максимовымъ: крестьяне дѣйствуютъ совершенно открыто и спокойно, они даже предупреждаютъ о днѣ, когда явятся; самая явка обставлена извѣстными обрядностями; ихъ нисколько не смущаетъ присутствіе владѣльца; самая „разборка" при нормальныхъ условіяхъ ограничена извѣстными предѣлами... Можетъ быть, крестьянамъ и не чуждо чувство отвѣтственности передъ властью, но передъ собственною совѣстью и передъ людьми они, очевидно, чувствуютъ себя правыми.

Что же это за право? Въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ, забирая у помѣщиковъ хлѣбъ и скотъ, крестьяне „заявляли, что земля и продукты труда должны принадлежать имъ". „На що ціи паны!" — говорили крестьяне въ Проскуровскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи. „Нѣкоторые полагали,—прибавляетъ корреспондентъ—что такъ какъ паны вообще живутъ за границей или въ городахъ, а земли сами не пашутъ, то и хорошо было бы, если бы всѣ они навсегда выѣхали за границу или въ города, а землей бы владѣли крестьяне" *). „Въ Липовецкомъ уѣздѣ, въ с. Стрижаковѣ, бунтующіе крестьяне усадили владѣльца имѣнія въ запряженный экипажъ и предложили уѣзжать по-добру по здорову на всѣ четыре стороны, говоря, что распоряжаться имѣніемъ они сами сумѣютъ" **). Въ Сѣвскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи „желаніе крестьянъ одно, и выражено кратко: передача имъ всѣхъ земель. Если владѣлецъ не протестуетъ, его мирно усаживаютъ въ телѣгу и отправляютъ въ городъ. Если же онъ прячется или принимаетъ мѣры, то усадьба предается разграбленію или огню" ***).

Въ Рязанской губерніи и уѣздѣ, въ деревнѣ Ш—вѣ къ землевладѣльцу Г—ву явились старики съ предложеніемъ „приводить дѣла въ порядокъ".

— Какъ только поля просохнутъ,—заявили депутаты,—мы твою землю дѣлить будемъ.

До этихъ поръ отношенія были прекрасныя, дружескія. Имѣніе давно въ роду владѣльца.

— Да вѣдь у меня земля заложена и долги еще другіе есть,—пробовалъ возражать г. Г—въ,—кто же платить ихъ будетъ?

— Эка! Кто? Кому же, какъ не казнѣ. Она съ насъ беретъ, пусть и платитъ за мужичковъ.

— Мнѣ-то вы оставите что-нибудь? Ну, хоть надѣлъ?

---

*) „Слово". Цитирую по перепечаткѣ въ „Сынѣ Отеч." отъ 24 апрѣля.
**) „Русскія Вѣдомости", 9 іюня.
***) „Новое Время", 3 марта.

— А на что онъ тебѣ? Вѣдь ты бездѣтный. Жилъ въ городѣ—и живи. Кормился по письменной части—и кормись.

— Ну, а дачу (усадьбу)?

— Дачу бери, Богъ съ тобой. Жилъ по хорошему сколько лѣтъ — и впредь обиды не увидишь.

Обѣщаютъ также вернуть сѣмена за посѣянное озимое поле, и за навозъ, и за работу.

— Намъ твоего не надо!—заявляютъ они наивно *).

То же самое желаніе отдѣлить „свое" отъ „чужого" сквозитъ и въ приведенныхъ фактахъ дѣленія помѣщичьяго имущества на подлежащее и не подлежащее разборкѣ,—на подлежащее захвату и на подлежащее уничтоженію. Въ Гуріи, гдѣ крестьянамъ была предоставлена возможность открыто формулировать свои нужды, и гдѣ движеніе, благодаря большей сознательности, имѣетъ вообще отчетливый характеръ, тезисъ о передачѣ всѣхъ земель трудящимся, мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ требованій, предъявляемыхъ къ правительству.

Эта общая идея, несомнѣнно, и лежитъ въ основѣ всего аграрнаго движенія. Захватъ помѣщичьяго имущества съ точки зрѣнія крестьянъ, это—только осуществленіе ихъ вѣковѣчнаго права, разгромъ, это—только средство—разъ навсегда покончить съ наболѣвшимъ вопросомъ. „На що ціи паны?" — ставятъ, какъ мы только что видѣли, вопросъ крестьяне; землею вѣдь они и сами распорядиться сумѣютъ. И вотъ они сажаютъ помѣщика на телѣгу и отправляютъ его въ городъ. „Кормился по письменной части—и кормись". Если же кто упорствуетъ, то... раззоряютъ „гнѣзда" въ надеждѣ, что птицы сами разлетятся.

Не вездѣ, конечно, вопросъ ставится такъ радикально, и не вездѣ безпорядки принимаютъ столь острую форму. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне предъявляютъ „требованія" къ помѣщикамъ и иногда стараются подѣйствовать на нихъ тѣмъ же средствомъ, къ какому прибѣгаютъ и городскіе рабочіе, т. е. забастовкой. Такъ, въ с. Дмитріевкѣ, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи „крестьяне отказывались снимать землю въ экономіи г. Дурново, требуя пониженія аренды съ 18 до 6 руб. Въ концѣ концовъ сошлись на 10 руб. **). Такое же требованіе—по сообщенію с.-петербургскаго телеграфнаго агентства отъ 23 апрѣля—предъявили крестьяне нѣкоторыхъ деревень въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи. Забастовка въ сферѣ арендныхъ отношеній представляется, однако, средствомъ малодѣйствительнымъ, такъ какъ у владѣльца остается возможность использовать землю инымъ путемъ, а иногда—и вовсе недоступнымъ, такъ какъ владѣльцы и безъ того нерѣдко отказываются сдавать землю кре-

*) „Биржевыя Вѣдомости", 31 марта.

**) „Русскія Вѣдомости", 28 мая.

стьянамъ, предпочитая эксплуатировать ее при посредствѣ наемныхъ рабочихъ или обращаться къ услугамъ всякаго рода посредниковъ. Въ Подольской, напримѣръ, губерніи удѣльное вѣдомство предпочитаетъ сдавать землю оптовымъ съемщикамъ, которые и пересдаютъ ее уже отъ себя—съ значительной, конечно, надбавкой—крестьянамъ. Требованія послѣднихъ и заключались въ томъ, чтобы удѣльная земля сдавалась только имъ, крестьянамъ *). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи крестьяне также предъявили требованіе „объ оставленіи аренды нынѣшними арендаторами и отдачѣ крестьянамъ земли исполу или въ аренду“. Вспыхнувшее въ началѣ іюня движеніе въ Сумскомъ уѣздѣ и быстро распространившееся затѣмъ на сосѣдніе уѣзды Харьковской губ.—по сообщенію телеграфнаго агентства **)—„всюду, за исключеніемъ Лебединскаго уѣзда, носитъ мирный характеръ: населеніе обращается къ землевладѣльцамъ съ просьбою предоставить имъ землю для посѣва и пастьбы скота“.

Чтобы поддержать такого рода требованія и просьбы, у крестьянъ нѣтъ, однако, иныхъ средствъ, кромѣ угрозы разгромомъ или самовольнымъ захватомъ. Иногда такая угроза только подразумѣвается, иногда же, какъ, напримѣръ, въ Кременчугскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., и прямо предъявляется крестьянами ***). Судя по позднѣйшимъ извѣстіямъ изъ Харьковской губерніи, и тамъ „мирныя“ просьбы уже перешли въ захваты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—и въ разгромы.

Болѣе дѣйствительной забастовка оказывается въ вопросахъ, касающихся заработной платы, и она, дѣйствительно, получила широкое распространеніе, особенно въ юго-западномъ краѣ. Въ Ушицкомъ уѣздѣ, Подольской губ., „крестьяне м. Солобковецъ, собравшись въ присутствіи сельскаго старосты на сходъ, постановили приговоръ, что никто изъ членовъ общества не долженъ наниматься на работы въ мѣстную экономію дешевле 1 руб. въ день для взрослаго работника и 50 коп.—для работницы. Постановленіе это было за симъ объявлено выборнымъ окрестнымъ крестьянамъ въ ближайшій ярмарочный день для обязательнаго исполненія“ ****). Въ Ермолинецкой вол., Проскуровскаго уѣзда „подъ вліяніемъ городскихъ забастовокъ, забастовала мѣстная рабочая крестьянская сила и потребовала повышенія поденной платы мужику до 1 рубля, бабѣ до 70 коп. Владѣльцы экономіи попытались было пригласить рабочія руки изъ сосѣднихъ селъ. Мѣстные крестьяне безъ насилія, но, тѣмъ не менѣе, чужаковъ не

---

*) „Русь“, 4 мая.

**) Отъ 12 іюня.

***) Сообщеніе Россійскаго телеграфнаго агентства отъ 6 мая.

****) „Русскія Вѣдомости“, 30 марта.

допустили" *). Стачечное движеніе захватило затѣмъ цѣлый рядъ уѣздовъ Кіевской губерніи: Васильковскій, Таращанскій, Сквирскій, Каневскій, Кіевскій, Бердичевскій, Липовецкій и Черкасскій. Затихнувъ на нѣкоторое время подъ вліяніемъ принятыхъ администраціею мѣръ, стачечное движеніе въ юго-западномъ краѣ вспыхнуло съ новою силою, когда начались спѣшныя работы на свекловичныхъ плантаціяхъ. Сказалось оно и во многихъ другихъ, особенно южныхъ, губерніяхъ, вплоть до Саратовской.

Успѣшный исходъ забастовокъ не вездѣ, однако, представляется обезпеченнымъ. Владѣльцы широко пользуются возможностью мѣстнымъ рабочимъ противопоставить пришлыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стачечное движеніе уже обострилось, и крестьяне начали силой „снимать" не только рабочихъ, но и прислугу въ экономіяхъ. Кое-гдѣ произошли и побоища. Разсчитывать на успѣшное развитіе и мирное теченіе стачечнаго движенія особенно трудно по отношенію къ южнымъ губерніямъ, гдѣ пришлые изъ внутренней Россіи рабочіе, въ своей массѣ не организованные и не могущіе сорганизоваться, легко могутъ быть противопоставлены другъ другу и мѣстнымъ крестьянамъ.

Съ другой стороны, среди мѣстнаго крестьянскаго населенія, разъ начавшееся рабочее движеніе легко переходитъ въ аграрное. Такъ, напримѣръ, въ Подольской губерніи вспыхнувшая въ Проскуровскомъ уѣздѣ „забастовка" начала быстро распространяться... Движеніе приблизилось къ Каменецъ-Подольску. По пути, во владѣніяхъ Фишмана, крестьяне уже перешли границу дозволеннаго: они уничтожили пограничныя канавы и перепахали посѣвы" **). Затѣмъ немедленно всплылъ, конечно, и коренной вопросъ: „на що ціи паны?" Такой же оборотъ стачечное движеніе получило и въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

Такимъ образомъ, крестьянское движеніе, захватывая новыя и новыя мѣстности, все время имѣетъ тенденцію къ радикальной постановкѣ вопросовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти повсюду отливается въ самыя острыя формы.

XV.

30 марта, какъ я уже сказалъ, было учреждено „особое совѣщаніе по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія" подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упразднено другое „особое совѣщаніе"—„о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности", работавшее подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте. Произошло это совершенно не-

*) „Сынъ Отечества", 24 апрѣля.
**) „Сынъ Отечества", 24 апрѣля.

ожиданно. Говорятъ, что статсъ-секретаремъ Витте были даже разосланы повѣстки на слѣдующее засѣданіе. Во всякомъ случаѣ, труды упраздненнаго совѣщанія, хотя оно и работало слишкомъ три года, не были закончены. „Производившіяся въ немъ дѣла“ повелѣно передать подлежащимъ вѣдомствамъ и вновь образованному особому совѣщанію „по принадлежности“.

Уже упраздненіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности представляется въ данномъ случаѣ въ высшей степени характернымъ. „Производившіяся въ немъ дѣла“ въ послѣднее время относились къ крестьянскому вопросу, и ссылкой на это именно обстоятельство, въ указѣ 12 декабря 1904 г., было мотивировано исключеніе „важнѣйшихъ вопросовъ устроенія крестьянской жизни“ изъ числа намѣченныхъ въ этомъ указѣ преобразованій. Широкая анкета, произведенная въ свое время особымъ совѣщаніемъ, при посредствѣ мѣстныхъ комитетовъ, и личные взгляды его предсѣдателя, поскольку таковые были изложены въ опубликованной имъ „Запискѣ по крестьянскому дѣлу“, давали, казалось, право надѣяться, что крестьянскій вопросъ, хотя бы только въ правовой его части, получитъ теченіе, согласно съ указаніями общественнаго мнѣнія. Въ свое время *) я отмѣтилъ, однако, какъ шатки эти надежды и какъ легко можетъ ожить „непогребенный мертвецъ“, прежде чѣмъ выраститъ „только еще зачатый младенецъ“. Произошло это даже скорѣе, чѣмъ можно было предполагать. Младенецъ не успѣлъ и родиться, какъ его уже похоронили...

Изъ рескрипта, даннаго на имя И. Л. Горемыкина, видно, что особому совѣщанію „надлежитъ нынѣ же озаботиться выясненіемъ практическихъ путей къ осуществленію намѣчаемой задачи при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ“. „Въ связи съ симъ—говорится далѣе въ рескриптѣ—слѣдуетъ приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности“. Такимъ образомъ, въ виду имѣется не буквальное, а условное укрѣпленіе крестьянскаго землевладѣнія,—укрѣпленіе, если можно такъ выразиться, отрицательное. Въ положительной же формѣ задача особаго совѣщанія сводится къ укрѣпленію не крестьянскаго, а „частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ“. Въ этомъ смыслѣ порученные совѣщанію вопросы представляются, конечно, отнюдь не праздными, особенно въ виду тѣхъ фактовъ, которые изложены мною на предыдущихъ страницахъ...

*) См. Крестьянскій вопросъ (По поводу новаго его превращенія). „Р. Б.“, 1904 г. № 12.

Изъ сказаннаго вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что новое направленіе, какое правительство дало крестьянскому вопросу, ни въ коемъ случаѣ нельзя разсматривать, какъ уступку общественному мнѣнію. Скорѣе наоборотъ. Такъ, упоминавшаяся въ указѣ 12 декабря, задача обезпеченія за крестьянами „положенія полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“, съ передачей дѣлъ „въ надлежащія вѣдомства“, исчезнетъ, ибо, насколько извѣстно, ни одно изъ вѣдомствъ этимъ не озабочено. Съ другой стороны, обойденная въ томъ же указѣ молчаніемъ аграрная проблема получила направленіе радикально-противоположное той постановкѣ, какую дало ей крестьянское движеніе...

Вопросъ о мѣрахъ къ охраненію частнаго землевладѣнія для русской бюрократіи далеко не новый, и въ жизни можно было бы указать не мало уже порожденныхъ ею и до сихъ поръ „непогребенныхъ мертвецовъ“, въ родѣ кредитныхъ мѣръ и льготъ или всякаго рода мѣръ и проектовъ по насажденію частнаго землевладѣнія въ Сибири. Но въ настоящій разъ правительству приходится считаться съ исключительными обстоятельствами, ибо ограждать частное землевладѣніе приходится не отъ медленныхъ теченій экономической эволюціи, а отъ бурнаго потока всякихъ посягательствъ. Нужны мѣры особаго рода, нужно дѣйствовать, какъ и указано въ рескриптѣ, на „народное сознаніе“... Для этого есть, конечно, прямой путь — непосредственное обращеніе къ уму и сердцу крестьянина. И онъ, дѣйствительно, не былъ упущенъ изъ виду правительствомъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно предложилъ губернаторамъ „разъяснить“ населенію, какъ „безмѣрно преступны крестьяне, производящіе безпорядки въ нынѣшнюю тяжелую годину, когда государство напрягаетъ всѣ силы, чтобы отразить упорнаго внѣшняго врага“.

Конечно, нарушителей порядка—говорилось, между прочимъ, въ циркулярѣ—среди крестьянъ немного. Громадное большинство сельскаго населенія не вѣритъ обманнымъ рѣчамъ злонамѣренныхъ личностей, хорошо понимая, что нельзя составить себѣ состоянія посредствомъ грабежа и насилія. Населеніе это, кромѣ того, памятуетъ постоянныя заботы о немъ русскихъ государей. Дѣйствительно, улучшеніе земельнаго быта крестьянъ составляетъ главную задачу правительства. Такъ, даже нынѣ, не взирая на переживаемую Россіей тяжелую войну, государь императоръ приказалъ особо избраннымъ имъ лицамъ, подъ руководствомъ опытнѣйшаго въ крестьянскомъ дѣлѣ, члена государственнаго совѣта д. т. с. Горемыкина, возможно скорѣе установить тѣ мѣры, которыя необходимы для улучшенія хозяйственнаго положенія крестьянъ... Каждому, затѣмъ, понятно,—говорилось далѣе,—что успѣшное исполненіе мѣропріятій, указанныхъ его императорскимъ величествомъ на пользу земледѣльческаго крестьянства, возможно только при полномъ спокойствіи въ сельскихъ мѣстностяхъ. Нельзя одновременно заниматься устройствомъ земельнаго быта крестьянъ и водворять нарушенный ими же порядокъ.

Эти разъясненія заканчивались призывомъ, обращеннымъ къ

крестьянамъ, чтобы они, „для собственной своей пользы соединились въ дружномъ содѣйствіи правительству и сами охраняли порядокъ въ сельскихъ мѣстностяхъ" *).

Около этого же времени „неутомимый работникъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія", извѣстный генералъ Богдановичъ выпустилъ листокъ, озаглавленный: „Новый змій-искуситель и его злодѣйское дѣло". На листкѣ помѣщены двѣ картинки и напечатано соотвѣтствующее къ нимъ „разъясненіе".

На одной изъ картинокъ изображена благоустроенная помѣщичья усадьба.

Взгляни, добрый человѣкъ,—говорится въ листкѣ,—на эту усадьбу. Вѣдь глазъ не нарадуется, смотря на этотъ человѣческій муравейникъ, гдѣ всякій трудится у своего дѣла, гдѣ всѣ живутъ по-Божьи и довольны скромною своей долей. Вонъ баринъ-хозяинъ слѣзаетъ съ лошадки. Онъ сейчасъ вотъ только-только вернулся съ поля, куда выѣхалъ чуть свѣтъ, чтобы своимъ глазомъ осмотрѣть колосящіеся хлѣба. А тутъ вотъ барыня-хозяйка выходитъ изъ птичника, гдѣ хлопотала съ курочками-крикушками, что яйца несутъ сотнями и циплятъ выводятъ десятками. А вотъ здѣсь и взрослая дочь барина, краса-дѣвушка, выслушиваетъ бабъ деревенскихъ съ дѣточками, что пришли къ ней полѣчиться... А вотъ тамъ подальше, тамъ, на гумнѣ, работаютъ весело люди. То—крестьяне изъ сосѣдняго села, что видно вдали. Они споконъ-вѣка, изъ поколѣнія въ поколѣніе, живутъ душа въ душу съ бариномъ-сосѣдомъ и около него кормятся... И всѣ тутъ, и хозяева и работники, и мужчины и женщины, всѣ покойны, живутъ—не тужатъ, кормятся отъ своихъ трудовъ праведныхъ, Бога не забываютъ, царю служатъ, кто чѣмъ можетъ, а царь о всѣхъ печется, радуясь миру и порядку въ своей русской землѣ...

На картинку, дѣйствительно, можно заглядѣться, особенно въ связи съ данными къ ней разъясненіями... Лошадки, курочки... да и какія еще курочки!—„яйца несутъ сотнями". Барышня красавица... и вѣдь „ужъ добрыхъ два часа она съ ними (съ бабами) возжается". Главное же, какъ „весело работаютъ люди!" Но замѣчательнѣе, конечно, всего, какъ дружно и бодро они молотятъ хлѣбъ, который еще колосится въ полѣ...

На другой картинѣ изображена та же помѣщичья усадьба, но уже разрушенная „крамольнымъ бунтомъ". Къ ней тоже дано соотвѣтствующее разъясненіе.

А теперь, добрый человѣкъ, посмотри ты вотъ на эту скорбную, ужасную картину жестокаго раззоренія и человѣческой печали. Смотри, вѣдь это та же самая усадьба, что и слѣва; но отъ веселенькаго красиваго домика остались лишь черныя обгорѣлыя балки. Хозяйственныхъ строеній, что тѣсно ютились вокругъ, какъ не бывало. И пусто среди этихъ грустныхъ развалинъ, потому что и жить-то тутъ некому! Добрая хлопотунья барыня-хозяйка Богу душу отдала, баринъ-хозяинъ спалилъ себѣ очи на пожарѣ и ослѣпъ, а красавица-дочь, вотъ видишь, у той церковки, вдали у села, мо-

*) „Сынъ Отечества", 26 апрѣля.

лится на погостѣ у могилы матери... Но что это за люди сидятъ тутъ, пригорюнившись, сбоку? Истощенныя лица ихъ скорбны, одежда ихъ убогая и въ лохмотьяхъ, такъ и чувствуешь, что они еле-еле могутъ двигаться, до того они истощены или отъ голода, или болѣзнью, или отъ чего другого пришиблены. Чтоже это за люди такіе? А это—видишь, добрый человѣкъ,—тѣ же самые крестьяне изъ сосѣдняго села, что слѣва такъ весело и дружно работали на гумнѣ...

Въ листкѣ, далѣе, подробно объяснено, какъ добился такого результата, „змій-искуситель“, „волкъ въ овечьей шкурѣ, одинъ изъ тѣхъ нехристей, что подослали враги государства нашего, дабы смутить людъ православный“.

Съ „разъясненіями“ къ крестьянамъ дважды обращался и предсѣдатель особаго совѣщанія д. т. с. Горемыкинъ, при чемъ обѣщалъ, что осенью имъ будутъ вызваны выборные отъ крестьянъ представители. Путь непосредственнаго обращенія къ народному сознанію былъ, такимъ образомъ, правительствомъ использованъ. Насколько, однако, это средство окажется дѣйствительнымъ, сказать трудно. „Московскія Вѣдомости полагаютъ, что мысли г. Богдановича, напримѣръ, „появляются какъ нельзя болѣе своевременно и окажутъ правительству несомнѣнную пользу въ предпринятыхъ имъ мѣрахъ къ успокоенію крестьянскаго населенія“. „Желательно,—говоритъ газета,—самое широкое распространеніе этихъ картинъ во всѣхъ деревняхъ и селахъ Россіи... Этимъ будутъ спасены отъ раззорительнаго погрома сотни помѣщичьихъ усадебъ, владѣтели которыхъ обязаны будутъ этимъ спасеніемъ Евгенію Васильевичу Богдановичу, который своими прекрасными изданіями уже сдѣлалъ столько добра русскому народу“. Сами владѣльцы, однако, повидимому, не очень раздѣляютъ эти оптимистическія надежды. Да и бюрократіи, какъ видно изъ приведеннаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, очевидно, не чуждо сознаніе, что, кромѣ разъясненій и обѣщаній, необходимы еще какія либо мѣры, „скорыя“ мѣры „для улучшенія хозяйственнаго положенія крестьянъ“, иначе всѣ увѣщанія могутъ остаться безплодными. Но изыскать такія мѣры, „при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія“, не легко.

Послѣ нѣкотораго, какъ бы, раздумья, продолжавшагося со дня учрежденія особаго совѣщанія болѣе мѣсяца, была произведена, наконецъ, органическая реформа и при томъ, можетъ быть, самая радикальная, на какую только способна бюрократія. 6 мая, „въ видахъ успѣшнаго исполненія предуказанной особому совѣщанію задачи, требующей, независимо отъ законодательныхъ мѣропріятій, обширной и постоянной распорядительной дѣятельности въ порядкѣ управленія“, былъ учрежденъ особый комитетъ по земельнымъ дѣламъ, а министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ было преобразовано въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія, при чемъ измѣнены предѣлы вѣдомства и нѣкоторыхъ другихъ министерствъ. Произошло это

опять-таки совершенно неожиданно, такъ что многіе даже высокопоставленные сановники и въ частности министръ земледѣлія, какъ утверждаютъ газеты, узнали о состоявшихся преобразованіяхъ только изъ газетъ. Что касается остальныхъ чиновниковъ упраздненнаго министерства, то они долго не могли разобраться, кто изъ нихъ въ какомъ вѣдомствѣ находится. Насколько поспѣшно была произведена реформа, видно уже изъ того, что государственныя имущества были забыты и ни къ какому вѣдомству не причислены. Понадобился особый указъ, состоявшійся лишь 6 іюня, коимъ были разрѣшены, наконецъ, всѣ эти недоумѣнія: всѣ учрежденія и чины министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ высочайше повелѣно переименовать въ учрежденія и чины главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, сохранивъ всѣ дѣйствующіе инструкціи, штаты и оклады. Такимъ образомъ, произведенная съ невиданною поспѣшностью реформа ограничилась въ сущности простымъ переименованіемъ.

Какъ бы ни было, не только для „законодательныхъ мѣропріятій", но и для „обширной и постоянной распорядительной дѣятельности" по земельнымъ дѣламъ—въ лицѣ особаго совѣщанія, особаго комитета и главнаго управленія—теперь уже имѣлись всѣ необходимые органы, съ присвоенными имъ штатами и окладами. Дѣло оставалось только за мѣрами; къ изысканію ихъ и приступило особое совѣщаніе. Закипѣла лихорадочная работа, начались чуть не ежедневныя засѣданія. Изъ архивовъ были вынуты всѣ дѣла, трактовавшія о мѣрахъ къ улучшенію крестьянскаго положенія. На сценѣ появились: крестьянскій банкъ, размежеваніе, кустарные промыслы, техническія улучшенія и тому подобные, много уже разъ обсуждавшіеся бюрократіей вопросы. Чтобы показать, насколько успѣшно идутъ новыя сужденія на старыя темы, я позволю себѣ привести цѣликомъ одно изъ сообщеній телеграфнаго агентства о засѣданіяхъ особаго совѣщанія.

Седьмое засѣданіе особаго совѣщанія о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія, происходившее 7-го іюня, было посвящено обсужденію положеній наказа главному управленію землеустройства и земледѣлія, касающихся дѣятельности этого вѣдомства въ области сельско-хозяйственной промышленности, при этомъ было признано, что, въ связи съ общими мѣрами къ подъему земледѣльческаго промысла, на особое попеченіе главнаго управленія земледѣлія и землеустройства должны быть возложены заботы о преуспѣяніи сельскаго хозяйства на крестьянскихъ земляхъ. Для достиженія этой цѣли, главному управленію надлежитъ приступить къ разработкѣ и осуществленію общаго плана и послѣдовательному проведенію въ жизнь практическихъ мѣропріятій для увеличенія производительности земледѣльческаго труда и развитія отдѣльныхъ отраслей сельско-хозяйственнаго промысла путемъ широкаго распространенія техническихъ знаній и содѣйствія къ распространенію улучшенныхъ порядковъ веденія сельскаго хозяйства, а также облегченію условій переработки и сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Такъ какъ подъемъ земледѣльческой промышленности требуетъ, прежде всего, согласованія съ ея потребностями общей экономической и фи-

нансовой политики государства, то на учрежденіи, вѣдающемъ дѣло землеустройства и земледѣлія, должны лежать защита и поддержаніе интересовъ сельско-хозяйственнаго промысла при разработкѣ и осуществленіи всѣхъ касающихся послѣдняго государственныхъ мѣропріятій.

Далѣе совѣщаніе остановилось на вопросѣ о сельско-хозяйственныхъ отхожихъ промыслахъ и пришло къ заключенію, что, хотя активное вмѣшательство правительственной власти въ дѣло организаціи подобныхъ промысловъ представляется вообще весьма затруднительнымъ, тѣмъ не менѣе, главное управленіе земледѣлія и землеустройства не можетъ оставаться совершенно безучастнымъ къ происходящимъ въ Россіи ежегоднымъ передвиженіямъ крестьянъ на сельско-хозяйственные и иные промыслы. Къ обязанности главнаго управленія должно быть отнесено оказаніе содѣйствія крестьянамъ, идущимъ на сельско-хозяйственные промыслы, и доставленіе имъ свѣдѣній о существующихъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ требованій на рабочія руки и о цѣнахъ на нихъ.

Вопросовъ — въ одномъ этомъ засѣданіи — разсмотрѣно и тезисовъ установлено не мало, но тщетно вы будете искать хоть одной новой мѣры. Въ самомъ дѣлѣ.

Признано, что „въ связи съ общими мѣрами къ подъему земледѣльческаго промысла“ необходимы „заботы о преуспѣяніи сельскаго хозяйства на крестьянскихъ земляхъ“. Но вѣдь попеченіе о крестьянахъ издавна ставилось „во главу заботъ“, и вся суть лишь въ томъ, что никакихъ благопріятныхъ послѣдствій изъ этого ни разу еще не проистекло.

Необходимъ, далѣе, „общій планъ и послѣдовательное проведеніе въ жизнь практическихъ мѣропріятій“. Но когда же бюрократія начинала дѣло не съ разработки общаго плана? Что касается „послѣдовательнаго проведенія въ жизнь“, то и въ этомъ отношеніи она проявляла нерѣдко героическія усилія...

„Путь широкаго распространенія техническихъ знаній и содѣйствія къ распространенію улучшенныхъ порядковъ веденія сельскаго хозяйства, а также облегченію условій переработки и сбыта сельско-хозяйственыхъ продуктовъ“—также изведанъ. Болѣе десяти лѣтъ по нему шествовало министерство земледѣлія, пока не пришло къ собственному упраздненію...

„Защита и поддержаніе интересовъ сельско-хозяйственнаго промысла“ тоже не представляютъ чего-либо новаго. Въ бюрократической средѣ давно уже укоренилось заблужденіе, что всякаго рода „интересы“ можетъ защищать и поддерживать любое „вѣдомство“. На этотъ разъ интересы сельско-хозяйственнаго промысла будутъ отождествлены съ интересами главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Едва ли, однако, послѣ этого крестьянскіе интересы можно будетъ считать обезпеченными.

Что касается отхожихъ промысловъ, то всегда „организація ихъ представлялась вообще затруднительной“, а „оказаніе содѣйствія крестьянамъ, идущимъ на сельско-хозяйственные промыслы“, столь же неизмѣнно признавалось желательнымъ.

Я взялъ первый попавшійся подъ руку отчетъ, но такими же общими мѣстами наполнены и всѣ остальные...

Есть, однако, и еще одинъ путь къ народному сознанію... Я имѣю въ виду репрессіи, — въ сущности единственное вполнѣ доступное для полицейскаго государства средство воздѣйствія на народную психику. Насильственный характеръ крестьянскаго движенія не только позволяетъ, но и какъ бы обязываетъ правительство на силу отвѣчать силой. Въ правительственныхъ актахъ такой взглядъ на задачи государственной власти излагался уже неоднократно. „Злонамѣренное нарушеніе имущественныхъ правъ—читаемъ мы, напримѣръ, въ указѣ 10 апрѣля—не можетъ быть терпимо. Всякая частная собственность неприкосновенна, и охраненіе ея отъ незаконнаго посягательства, а тѣмъ болѣе отъ насилія, составляетъ первѣйшую обязанность правительства и необходимое условіе мирнаго и спокойнаго преуспѣянія общественной жизни“.

Подавить безпорядки—такова первая задача, которую ставитъ себѣ правительство. При первомъ же извѣстіи о вспышкѣ и даже только о броженіи среди крестьянъ, прежде всего, отправляются войска. Читая телеграммы: „въ такой то уѣздъ отправлены двѣ сотни казаковъ“, „въ такой-то—баталіонъ пѣхоты“,—мы уже знаемъ, что, стало быть, произошли или ожидаются крестьянскіе безпорядки... Правда, мѣстныя власти, повидимому, нерѣдко прибѣгаютъ къ содѣйствію воинской силы и въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ не только „насилія“, но и „незаконнаго посягательства“. Такъ, нерѣдко войска высылаются, напримѣръ, при стачкахъ, которыя сама администрація называетъ „мирными“. „Первѣйшая обязанность“, какою правительство, какъ мы видѣли, считаетъ охраненіе частной собственности, настолько уже усвоена агентами власти, что они готовы скорѣе пересолить въ этомъ случаѣ, чѣмъ оказаться непредусмотрительными или неисправными. При этомъ призываемыя для водворенія порядка войска сами нерѣдко являются источникомъ новыхъ безпорядковъ, новыхъ посягательствъ и на личность, и на имущество. Такъ, казачьи части, какъ извѣстно, считаются наиболѣе подходящимъ родомъ оружія для усмиреній, какъ въ виду ихъ большой подвижности, такъ и въ виду неизмѣнной готовности расправиться самымъ энергичнымъ образомъ съ бунтовщиками. Поощряемая готовность нерѣдко переходитъ, однако, всякіе предѣлы. Въ Ромнахъ, напримѣръ, стоятъ наготовѣ къ устраненію могущихъ возникнуть волненій казаки; на страстной недѣлѣ—какъ сообщили въ свое время „Кіевскіе Отклики“ — они были распущены по селамъ для „прелиминарной реквизиціи“. Казаки шатались по Красному, Колядину и довольно настойчиво требовали яицъ, колбасъ, денегъ. Въ день самой Пасхи въ сел.

Тирзники (Горійскаго уѣзда) разыгралась другая еще болѣе печальная исторія.

Въ эту деревню было послано полъ-сотни казаковъ, которые и прибыли въ первый день Пасхи. Казаки подвыпили и пошли грабить жителей и дома. Одинъ 20-лѣтній крестьянинъ сталъ на порогѣ дверей своего дома и отказался впустить казаковъ, но сію же минуту палъ, пронизанный пулями. Мѣсто его занялъ младшій братъ (16 лѣтъ), но онъ также былъ убитъ. Престарѣлаго же отца убитыхъ избили до полусмерти. Потомъ пошли гулять по всей деревнѣ, и въ результатѣ 7 убитыхъ и 10 раненыхъ. По этому же поводу „Иверіи" сообщаютъ, что главною причиною битвы послужили женщины, которыя не пошли въ церковь, а остались дома. Казаки и хотѣли воспользоваться отсутствіемъ мужчинъ, но мужчины выбѣжали изъ церкви и заступились за своихъ дочерей и женъ *).

Кромѣ подавленія безпорядковъ, видное мѣсто въ борьбѣ съ ними занимаютъ розыскъ зачинщиковъ и наказаніе виновныхъ. Придавая этимъ мѣрамъ профилактическое значеніе, правительство удѣляетъ имъ не меньше вниманія, чѣмъ и „усмиреніямъ". При этомъ опять-таки нерѣдко теряется всякая перспектива. Такъ, напримѣръ, въ началѣ марта смоленскій губернаторъ

обратился циркулярно ко всѣмъ земскимъ начальникамъ съ предложеніемъ объѣхать немедленно свои участки съ цѣлью ознакомленія съ настроеніемъ крестьянъ и отношеніемъ ихъ къ текущимъ событіямъ... Въ циркулярномъ предложеніи губернатора давались и подробныя инструкціи, какъ производить это „ознакомленіе", при чемъ отнюдь не рекомендовалось это дѣлать открыто путемъ опроса отдѣльныхъ крестьянскихъ группъ или бесѣдъ на сходахъ „во избѣженіе превратныхъ толкованій", а предлагался другой, болѣе осторожный путь: собирать свѣдѣнія о крестьянскомъ современномъ настроеніи чрезъ лицъ, пользующихся „особымъ уваженіемъ и довѣріемъ", при чемъ, обнаруживая, такимъ образомъ, подстрекателей и агитаторовъ, предъявлять ихъ полиціи **).

Однородное распоряженіе было сдѣлано въ то же время и по Владимірской губерніи ***), при чемъ тамъ оно было поставлено въ связь съ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, изъ чего можно заключить, что эта мѣра общая для всей Россіи... Извѣстны также попытки привлечь къ этому дѣлу и добровольцевъ. Такъ, новосильскій предводитель дворянства обратился ко всѣмъ землевладѣльцамъ уѣзда съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

Какъ вамъ извѣстно изъ газетъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской, Курской и Воронежской губерній, крестьяне производили нападенія на экономіи г.г. дворянъ и частныхъ владѣльцевъ. Въ виду того, что препятствовать подобному злу можно только въ томъ случаѣ, если полиція будетъ освѣдомлена заблаговременно о разныхъ случаяхъ, которые всегда предшествовали подобному явленію въ народѣ, убѣдительно прошу васъ сооб-

---

*) „Сынъ Отечества", 8 мая.

**) „Русскія Вѣдомости", 22 мая.

***) „Сынъ Отечества", 6 апрѣля; „Русскія Вѣдомости", 28 апрѣля.

щать полиціи неотлагательно о всякихъ подобныхъ случаяхъ, дабы она могла своевременно производить дознаніе и принимать соотвѣтствующія мѣры. Только при вашей помощи для своевременнаго предупрежденія, полиція будетъ способна принимать мѣры и не дать развиться злу.

Съ другой стороны, къ дѣлу розыска зачинщиковъ нерѣдко привлекаются войска. Такъ, движеніе генерала Алиханова съ войсками въ Гурію имѣло главною своею цѣлью захватъ „агитаторовъ". При этомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, практиковались крайне своеобразные пріемы.

Въ первыхъ числахъ апрѣля,—сообщаютъ подцензурной грузинской газетѣ „Иверія",—помощникъ тіонетскаго уѣзднаго начальника и мировой посредникъ лично объявили крестьянамъ долины Эрцо, что они могутъ собраться, потолковать о своихъ нуждахъ и представить таковыя начальству. 4-го апрѣля 300—400 человѣкъ крестьянъ собрались въ село Толать-Сопели, совершенно не подозрѣвая, что въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда скрываются приставъ и казаки въ ожиданіи извѣстія, что въ такомъ-то мѣстѣ крестьяне бунтуютъ. Назначенные для этого развѣдчики дали объ этомъ знать приставу и добавили, что между крестьянами находятся рабочіе агитаторы. Крестьяне увидѣли приближающихся казаковъ, но не разошлись, такъ какъ сходка была разрѣшена. Приставъ приблизился и на русскомъ языкѣ отдалъ краткій приказъ разойтись. Грузины-крестьяне въ большинствѣ ничего не поняли и стояли въ ожиданіи передачи своихъ требованій. Спустя минуту приставъ отдаетъ распоряженіе разогнать толпу. Казачій офицеръ первый бросается верхомъ въ толпу, за нимъ слѣдуютъ казаки, и начинается давка. Одинъ крестьянинъ, обороняясь, задѣлъ палкой офицера, который сперва отдаетъ приказъ отступить, потомъ выстраиваетъ отрядъ въ лаву и, крикнувъ: „шашки на-голо!", летитъ карьеромъ на убѣгающую безоружную толпу. Казаки за нимъ. И на полѣ битвы остается пять убитыхъ и десять раненыхъ, изъ которыхъ двое безнадежно.

На второй день явился уѣздный начальникъ Леонтьевъ съ ротой пѣхоты и полъ-сотней казаковъ, собралъ сходъ, оцѣпилъ солдатами, съ 11 час. утра до поздняго вечера держалъ ихъ и обѣщалъ не выпускать и изморить ихъ, если они не выдадутъ агитаторовъ. Вечеромъ агитаторы явились сами и были задержаны.

Наконецъ, въ тѣхъ же цѣляхъ розыска и наказанія виновныхъ, — или, какъ сказано въ высочайшемъ указѣ,—„въ цѣляхъ вящшаго развитія въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія, какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности", — были предприняты и въ порядкѣ верховнаго управленія экстраординарныя мѣры. Министру внутреннихъ дѣлъ, указомъ 10 апрѣля, предоставлено учреждать въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, временныя коммиссіи съ участіемъ должностныхъ лицъ и земскихъ гласныхъ: во-первыхъ, для выясненія лицъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ, и, во-вторыхъ, „для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все, безъ изъятія, движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и

селенныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи". Послѣдняя задача формулирована въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя сказать, кого предполагается привлекать къ имущественной отвѣтственности: отдѣльныхъ ли крестьянъ, или цѣлыя сельскія общества, члены которыхъ принимали участіе въ скопищахъ... Во всякомъ случаѣ, даже при ограничительномъ толкованіи указа 10 апрѣля, имущественную отвѣтственность должны будутъ нести не только тѣ, которые непосредственно участвовали въ грабежахъ и разгромахъ, но и всѣ тѣ, которые принимали участіе въ „скопищахъ"...

Доходятъ ли до народнаго сознанія и какой слѣдъ оставляютъ въ немъ предпринимаемыя правительствомъ мѣры, сказать, конечно, трудно. Во всякомъ случаѣ, едва ли результаты ихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ ожиданіямъ самого правительства. Правда, власти не разъ уже объявляли тѣ или иныя мѣстности успокоенными и окончательно замиренными. Иначе, однако, относится къ этому спокойствію само населеніе. „Волненія — пишутъ „Сыну Отечества" изъ Двинскаго уѣзда — утихли, но, какъ передаютъ сами крестьяне, едва ли совсѣмъ... Въ окончательное успокоеніе крестьянъ не вѣрятъ и помѣщики, которые ѣдутъ въ городъ". „Не вѣчно же будутъ стоять солдаты"—говорили крестьяне въ другомъ мѣстѣ, когда ихъ спрашивали насчетъ будущаго. И, дѣйствительно, во многихъ мѣстностяхъ, объявленныхъ успокоенными, волненія уже возобновились съ новою силою. Вспышки за послѣднее время настолько опять участились, что уже начали сливаться въ общій пожаръ...

Говоря о полицейскихъ успокоеніяхъ, нельзя не вспомнить исторіи Кавказа, который въ теченіе пятидесяти лѣтъ тоже считался замиреннымъ. Однако—по признанію, какое теперь дѣлаетъ мѣстная оффиціальная газета, — „замиреніе Кавказа оказалось оптическимъ обманомъ. Дѣйствія разрушительныхъ элементовъ стали обнаруживаться давно, еще въ восьмидесятыхъ годахъ... Съ возникшимъ зломъ пробовали бороться по старой стистемѣ. Полицейскія мѣры, высылки, круговыя поруки, организація цѣлаго корпуса земской стражи,—все это, казалось, должно было напомнить Кавказу желѣзную руку Ермолова, но неожиданными оказались результаты, къ которымъ привела система репрессалій. Кавказское движеніе на нашихъ глазахъ приняло форму всеобщаго кавказскаго пожара, и пожаръ грозитъ перейти въ революцію" *).

Несомнѣнно такой же „оптическій обманъ" представляетъ и замиреніе деревни. Не десятки лѣтъ и не годы нужны будутъ,

*) „Кавказъ". Цитирую по телеграммѣ въ „Руси" отъ 5 мая.

чтобы онъ вскрылся; пройдутъ, быть можетъ, мѣсяцы—и всѣмъ станетъ ясно, что нужно говорить именно о всеобщемъ пожарѣ...

По словамъ „Гражданина“, одинъ важный сановникъ въ сельско-хозяйственномъ совѣщаніи сказалъ:

— „Не пройдетъ года, какъ въ этой самой залѣ мы будемъ обсуждать проектъ новаго передѣла земли“.

Правда, сельско-хозяйственное совѣщаніе уже упразднено, на что съ восторгомъ и указали „Московскія Вѣдомости“, перепечатывая эту реплику. Едва ли, однако, съ упраздненіемъ совѣщанія исчезла и самая возможность событій.

XVI.

Крестьянское движеніе, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ его формахъ, какія мы разсматривали до сихъ поръ, имѣетъ рѣзко выраженный аполитическій или — что, конечно, правильнѣе будетъ въ данномъ случаѣ,—анархическій характеръ. Государственной власти для охваченныхъ движеніемъ крестьянъ какъ бы не существуетъ. Во всякомъ случаѣ, не къ ней они обращаютъ свои требованія и не при ея посредствѣ разсчитываютъ удовлетворить свои нужды. Громадные и сложные вопросы они пытаются разрѣшить исключительно — какъ ихъ назвалъ Г. И. Успенскій — „своими средствіями“.

Психологія крестьянства до извѣстной степени, конечно, понятна. Государство, не смотря на свою тысячелѣтнюю давность, остается для крестьянина чисто внѣшнею организаціею. Его цѣли онъ не знаетъ, его нормъ не понимаетъ. Въ созданіи писанаго права, которымъ живетъ или, по крайней мѣрѣ, должно бы жить государство, ни его мысль, ни его воля не принимали участія. Да и есть ли такое право? Развѣ крестьянство не видитъ на каждомъ шагу, что воля любого начальства выше всякаго закона. „Законъ, что дышло: куда повернулъ, туда и вышло“...

Силу государственной организаціи крестьяне, конечно, хорошо знаютъ. Но они уже свыклись съ тѣмъ, что эта сила *чужая*. Въ эпохи, подобныя настоящей, это особенно сильно должно чувствоваться. О томъ, что этой силой и они могутъ воспользоваться, что „дышло“ можетъ оказаться въ ихъ рукахъ,—имъ, какъ будто, не приходитъ и въ голову. Во всякомъ случаѣ, они добиваются не закона, который обезпечилъ бы ихъ интересы, и не власти, которая осуществила бы ихъ право. Они, какъ мы видѣли, стараются захватить лишь реальныя блага. Говоря иначе, право, которое выработало и сохранило ихъ сознаніе, они стремятся осуществить, какъ фактъ, а не какъ государственную норму.

Этотъ „анархическій“ характеръ крестьянскаго движенія и представляетъ его самую опасную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую слабую сторону.

Мы видѣли, какъ трудно этому движенію удержаться въ мирныхъ формахъ. Для преобразованій въ общественныхъ отношеніяхъ, даже и менѣе радикальныхъ, чѣмъ какія составляютъ задачу аграрнаго движенія, всегда нужна сила. Такою силою обладаетъ, напримѣръ, государство, пользующееся принудительною властью. Такою силою можетъ быть экономическое преобладаніе надъ тѣмъ классомъ, за счетъ котораго реформируются отношенія. Такою силою, наконецъ, является, какъ, напримѣръ, для городскихъ рабочихъ, ихъ сплоченность, позволяющая имъ, если не реформировать отношенія, то, по крайней мѣрѣ, отстаивать свои интересы въ рамкахъ даннаго строя. Крестьянство находится въ исключительномъ отношеніи. Принудительная власть, какъ мы видѣли, занимаетъ рѣзко отрицательную позицію по отношенію къ его правосознанію. Экономическаго преобладанія надъ тѣмъ классомъ, за счетъ котораго оно можетъ улучшить свою участь, оно не имѣетъ и даже находится въ прямой отъ него зависимости. Наконецъ, соорганизоваться въ предѣлахъ и размѣрахъ, необходимыхъ для аграрной реформы, оно не можетъ. Для этого нужно было бы сплотиться крестьянамъ и рабочимъ на всемъ необъятномъ пространствѣ имперіи, т. е. въ сущности создать новую государственную организацію. Остается, такимъ образомъ, физическая сила, „свои средствія“ — и эти средствія: разгромъ, грабежъ, поджоги, и только въ лучшемъ случаѣ — стачка съ затаенною или нескрываемою угрозою и всегда съ явною склонностью перейти въ насиліе. Для того, чтобы отнять у крестьянскаго движенія издревле свойственный ему характеръ пугачевщины, есть только одно средство: необходимо ввести его въ русло государственности. Для этого же нужно двѣ вещи: нужно, чтобы крестьяне поняли, что силы государства, это—ихъ силы, и нужно, чтобы они получили возможность управлять ими. Говоря иначе, нужны политическое самосознаніе крестьянской массы и цѣлесообразная государственная организація.

Съ другой стороны, пока государство остается внѣшней и чуждой крестьянскому правосознанію силой, всѣ попытки крестьянъ осуществить свое право неизбѣжно будутъ оказываться безрезультатными. Мы уже познакомились съ фактами. Послѣ захватовъ и разгромовъ, какъ deus ex machina, являются власти, войска, полиція и быстро возстановляютъ status quo ante. Крестьяне безропотно склоняются передъ этой, стихійной для нихъ, силой. Этимъ, конечно, не устраняется возможность новыхъ безпорядковъ: они, въ сущности, неизбѣжны, пока законъ и правосознаніе массъ такъ или иначе не будутъ приведены къ одному знаменателю. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же все время держать на цѣпи стомилліонную массу. Но какъ бы часто, какъ бы долго и съ какою бы силой ни волновались крестьяне, создаваемые ими факты не будутъ долговѣчны, пока рядомъ существуютъ идущія въ разрѣзъ съ ними нормы.

Кое-гдѣ у крестьянъ, повидимому, мелькаетъ надежда, что государство, въ концѣ концовъ, отступится или окажется безсильнымъ. Я уже приводилъ эту многозначительную реплику: „не вѣчно же будутъ тутъ стоять солдаты". По словамъ г. Максимова, въ курскихъ и орловскихъ безпорядкахъ „извѣстную роль, повидимому, сыграло убѣжденіе крестьянъ, что войскъ теперь въ Россіи мало, такъ какъ, молъ, всѣ они на Дальнемъ Востокѣ". Едва ли, однако, нужно говорить, какъ шатки эти разсчеты, основанные при томъ же на временномъ и случайномъ соотношеніи силъ. Во всякомъ случаѣ, государство не отступится до тѣхъ поръ, пока его силы не будутъ исчерпаны.

Нельзя, однако, отрицать возможности, что оно окажется, въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ—на время, безсильнымъ. Уже теперь власти далеко не всегда могутъ своевременно выполнить свою „первѣйшую обязанность". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ приходится прямо отказывать въ своей защитѣ землевладѣльцамъ. Напримѣръ, при безпорядкахъ въ им. Кокора, Юрьевскаго уѣзда, „прибывшій къ вечеру младшій помощникъ уѣзднаго начальника заявилъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для защиты собственности и личности помѣщика" *). Въ Ниггенѣ, Лифляндской губ., когда возникли безпорядки, „обратились за помощью къ уѣздному начальнику, но такъ какъ тотъ уѣхалъ вмѣстѣ съ солдатами въ им. Лунія, то никакой помощи оказать не могъ" **). Если батраки,—пишетъ по этому же поводу корреспондентъ „Руси" изъ Риги,—„сговорятся учинить демонстрацію противъ владѣльца и догадаются, при этомъ, оборвать телефонные провода, предусмотрительно соединяющіе здѣсь всѣ крупныя имѣнія между собою и уѣзднымъ центромъ, то положеніе помѣщика становится критическимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно становится прямо ужаснымъ. Нельзя вѣдь въ каждое имѣніе наряжать воинскую команду,—а требованія на нихъ поступаютъ почти отъ всѣхъ имѣній. За отсутствіемъ такого количества свободныхъ войскъ отъ военнаго начальства въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже послѣдовали отказы" ***). Мы знаемъ, далѣе, цѣлый край—Гурію—которая, въ теченіе довольно продолжительнаго періода, находилась цѣликомъ во власти волнующихся крестьянъ. Наконецъ, предупреждать безпорядки и теперь власти не въ силахъ, иначе вѣдь они не возникали бы. Стоитъ поэтому себѣ представить, что волненія сразу охватятъ большую мѣстность, — и государство, дѣйствительно, окажется безсильнымъ. Конечно, постепенно оно справится съ движеніемъ, но страна перенесетъ тяжкія потрясенія, и, въ концѣ концовъ, они окажутся безцѣльными.

---

*) „Новое Время", 2 марта.
**) „Русскія Вѣдомости", 14 марта.
***) „Русь", 24 марта.

Допустимъ даже, что государство отступится, что оно предоставитъ крестьянамъ самимъ установить земельныя отношенія... Но и послѣ того задачи крестьянскаго движенія, при томъ анархическомъ характерѣ, какой оно имѣетъ, останутся неосуществленными... Борьба за землю начнется среди самихъ крестьянъ, между сосѣдями, между селеніями, между мѣстностями, и изъ ихъ собственной среды постепенно выростутъ опять „ціи паны". Идти этимъ путемъ — это значило бы начать русскую исторію сначала и рано или поздно вновь придти къ тому пункту, на которомъ мы сейчасъ находимся. Для того, чтобы крестьянское право получило мѣсто въ жизни, необходимо ввести его въ систему пріобрѣтенныхъ правъ и поставить подъ защиту государственной власти. При данномъ уровнѣ культуры и при данныхъ формахъ хозяйства перепрыгнуть черезъ правовое государство немыслимо. Нельзя и думать, что теперь же можно начать новую жизнь безъ организованной принудительной власти *).

Смутное сознаніе необходимости государственной санкціи до извѣстной степени присуще и самимъ крестьянамъ. Оно сказывается, между прочимъ, въ сопровождающихъ безпорядки слухахъ о какомъ-то манифестѣ или указѣ, разрѣшающемъ будто бы передѣлить землю или обязывающемъ помѣщиковъ платить не меньше рубля рабочему. Но самое появленіе подобныхъ слуховъ и довѣріе къ нимъ уже свидѣтельствуютъ о недостаткѣ политическаго самосознанія въ крестьянскихъ массахъ. Рано или поздно имъ придется убѣдиться, что указы появляются на свѣтъ не произвольно, что они диктуются тою или иною политическою силой, и что тѣ

*) Эту мысль я считаю необходимымъ подчеркнуть особенно энергично, такъ какъ чувствую, что среди друзей по направленію появилась струя аполитизма. Какъ и крестьяне, нѣкоторые изъ нихъ не довѣряютъ государству,—„буржуазному" государству, и слишкомъ переоцѣниваютъ хозяйственный союзъ-общину. „Соціализацію" они склонны понимать, не какъ одну изъ формъ „національзаціи", а какъ нѣчто особое, до извѣстной степени противоположное и, во всякомъ случаѣ, предшествующее послѣдней. Я не думаю, чтобы иниціаторы новаго термина такъ далеко заходили въ своемъ недовѣріи къ государству и отрицали роль, какую оно должно сыграть въ аграрной реформѣ. Полагаю, что появленіе новаго термина было вызвано исключительно желаніемъ предупредить возможность неправильнаго истолкованія программы, къ чему давало бы поводъ разно понимаемое слово „національзація". Впрочемъ, о терминѣ я спорить не буду и, въ виду разнообразія въ его пониманіи, лучше воздержусь въ дальнѣйшемъ изложеніи отъ его употребленія. Для меня важно подчеркнуть лишь, что въ аграрной реформѣ необходимо использовать организующую и творческую силу государства. Ссылка на буржуазный характеръ послѣдняго для меня не имѣетъ значенія. Степень буржуазности опредѣлится, какъ результатъ борьбы соціальныхъ силъ, имѣющихся въ странѣ. Государство, которое передвинетъ землю въ опредѣленную сторону, не страшно и въ качествѣ земельнаго собственника. Какъ бы то ни было, исторію нужно продолжать, а не начинать сызнова. Продолжать же ее можно не иначе, какъ въ государственныхъ формахъ.

указы, которыхъ ждутъ крестьяне, появятся не прежде, чѣмъ они сдѣлаются сознательными участниками политической жизни. Вопросъ можетъ быть въ томъ лишь, когда и какимъ путемъ крестьяне убѣдятся въ этой простой истинѣ.

Крайне поучительна въ этомъ случаѣ эволюція крестьянскаго движенія въ Гуріи. Аграрные безпорядки тамъ начались еще три года тому назадъ и въ началѣ были направлены исключительно противъ помѣщиковъ и духовенства. Въ послѣднее время они получили, однако, рѣзко политическую окраску. Сами крестьяне такъ объяснили т. с. Суміанъ-Крымъ-Гирею эту эволюцію:

По божескимъ и человѣческимъ законамъ—говорили они—слѣдовало бы, чтобы земля, обрабатываемая крестьяниномъ, ему и принадлежала. Но мы вынуждены арендовать чужую землю; мы умоляемъ землевладѣльцевъ: „Берите себѣ $^1/_3$, оставьте намъ двѣ", но на это они не соглашаются. Мы вынуждены были оказать неповиновеніе, а за это на насъ обрушилась полиція, казаки, старшины, писарь, священникъ. Насъ бьютъ, не даютъ сказать слова. Въ полѣ у насъ насильно забираютъ часть для землевладѣльцевъ. Правосудіе существуетъ только для дворянъ... Старшины продаютъ наше движимое имущество, а вырученныя деньги передаютъ все тѣмъ же землевладѣльцамъ. Если случайно окажется честный старшина, его арестовываютъ и даже ссылаютъ... У насъ отнято право выбирать старшинъ; ихъ назначаютъ къ намъ на жалованье, и съ насъ же взыскиваютъ эти деньги... Молчимъ мы—насъ обманываютъ и грабятъ, заговоримъ—насъ бьютъ и арестовываютъ. Пріѣхалъ къ намъ губернаторъ какъ-то. Мы собирались подать ему жалобу, но онъ закричалъ на насъ и велѣлъ арестовать 30 нашихъ товарищей... Нынче въ первый разъ намъ дозволили собраться въ такомъ большомъ количествѣ, чтобы заявить о нашихъ нуждахъ, но ранѣе за всякую попытку собраться насъ били и истязали...

Мы просимъ права сходиться свободно и по совѣсти высказываться о своихъ дѣлахъ, а также и доводить до свѣдѣнія другихъ о нашихъ нуждахъ, т. е. намъ нужна свобода печати. Кромѣ того, мы просимъ освободить и вернуть всѣхъ нашихъ сельчанъ, пострадавшихъ за свои убѣжденія, за участіе въ сходкахъ... Мы понимаемъ, что требованія наши могутъ быть удовлетворены только при участіи избранныхъ народомъ представителей. Пусть въ выборахъ принимаютъ участіе мужчина и женщина, татаринъ и христіанинъ, русскій, армянинъ и грузинъ *)...

Такимъ образомъ, сама жизнь заставила гурійцевъ „понять", что ихъ „требованія" могутъ быть удовлетворены не помимо, а только при посредствѣ государства. Чтобы это понять, гурійцамъ понадобились три года, да и то это произошло не безъ участія извнѣ. Къ такому же пониманію жизнь, несомнѣнно, приведетъ крестьянъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Но этотъ путь—путь убѣжденія самою жизнью — медленный и тяжелый. Есть, однако, и другой путь—путь убѣжденія словомъ.

Съ этой точки зрѣнія крайне интересной представляется другая волна крестьянскаго движенія, отличная и до извѣстной сте-

*) „Цнобисъ-Пурцели". Цитирую по перепечаткѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" отъ 12 марта.

пени независимая отъ той, которая различается въ видѣ захватовъ, грабежей и разгромовъ. Я имѣю въ виду политическое движеніе въ крестьянствѣ, уже начавшееся и неизмѣнно съ каждымъ днемъ все усиливающееся. Оно протекаетъ пока въ совершенно мирныхъ формахъ и сказывается, между прочимъ, въ тѣхъ приговорахъ объ усовершенствованіи государственнаго порядка, какіе составляютъ крестьяне въ силу предоставленнаго указомъ 18 февраля права, а также въ тѣхъ ходатайствахъ и заявленіяхъ о своихъ нуждахъ, которыя они представляютъ правительству. Можно думать, что это движеніе зародилось въ крестьянской средѣ не самостоятельно, а въ связи съ общимъ движеніемъ въ странѣ и подъ вліяніемъ общественной мысли, разными путями проникающей въ массу. Развиваясь безпрепятственно въ этомъ направленіи, крестьянское движеніе, несомнѣнно, очень быстро утратило бы свой анархическій, какъ я его назвалъ, характеръ. Сознательная мысль обобщила бы крестьянскія нужды, оформила бы крестьянскія требованія и дала бы цѣлесообразное направленіе крестьянской энергіи. Но и на этомъ пути движенію уже ставятся преграды.

Мнѣ извѣстенъ — пишетъ корреспондентъ „Кіевскихъ Откликовъ" изъ Черниговской губ. — лишь одинъ случай сознательнаго отношенія крестьянъ въ нашей округѣ къ правительственнымъ актамъ послѣдняго времени,—случай, обязанный своимъ возникновеніемъ не благодаря, а вопреки мѣстнымъ властямъ. Я говорю о постановленіи конышевскихъ крестьянъ (Борзенскаго уѣзда), рѣшившихъ на сходѣ, согласно указу 18 февраля, изложить свои нужды и взгляды на государственное благоустройство и отправить въ совѣтъ министровъ. Но, увы! въ результатѣ земскій начальникъ, проглядѣвшій сходъ, получилъ репримандъ, а „зачинщики" постановленія, какъ передавали мнѣ, попали даже подъ арестъ при волости...

Не менѣе характерный случай передаетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей" изъ Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Крестьяне сел. Хотомли, услыхавъ объ указѣ 18 февраля, рѣшили подать заявленіе о своихъ нуждахъ.

Прежде всего крестьяне обратились за разъясненіями по поводу указа къ мѣстнымъ властямъ (сельскимъ и волостнымъ), желая узнать, какимъ путемъ надо сдѣлать представленіе о своихъ нуждахъ. На этотъ запросъ низшая администрація отвѣтила, что она ничего не знаетъ и ничего не слыхала. Подобный же отвѣтъ крестьяне получили и отъ мѣстнаго земскаго начальника, къ которому обратились за разъясненіями на сельскомъ сходѣ 20 апрѣля. Однако же, послѣ настоятельныхъ требованій со стороны крестьянъ огласить на сходѣ высочайшій указъ, земскій начальникъ велѣлъ принести газету и прочиталъ на сходѣ не указъ, а высочайшій манифестъ отъ того же числа, сдѣлавъ соотвѣтствующія разъясненія по поводу „смуты" и „крамолы". Такое упорное нежеланіе со стороны земскаго начальника прочитать на сходѣ указъ вызвало со стороны крестьянъ ропотъ и разговоры, что мѣстное начальство желаетъ скрыть отъ народа царскій указъ. Въ концѣ концовъ, земскій начальникъ вынужденъ былъ прочитать указъ, но читалъ такъ, что, по словамъ присутствовавшихъ на сходѣ, ничего разобрать нельзя было: читалъ

„еле шевеля губами“ и „не отдѣляя слова отъ слова“. Окончивъ чтеніе, земскій начальникъ заявилъ, что этотъ указъ данъ только правительствующему сенату и до крестьянъ не касается.

Крестьяне всетаки выбрали уполномоченныхъ и поручили имъ составить проектъ заявленія. Послѣднее въ нѣскольких копіяхъ функціонировало затѣмъ по селу, въ цѣляхъ предварительнаго ознакомленія.

Копіи, однако, полиціей были отобраны, и уполномоченные были вызваны къ земскому начальнику, который еще разъ пытался убѣдить ихъ во вредѣ подобнаго заявленія, доказывалъ уполномоченнымъ преимущество земскихъ начальниковъ передъ мировыми судьями, пользу исключительныхъ законовъ для крестьянскаго сословія, ненужность высшаго образованія, вредъ, происходящій отъ свободы печати, и проч. Уполномоченные были, однако, тверды въ своихъ рѣшеніяхъ. 15 мая въ Хотомлѣ собрался сельскій сходъ для окончательнаго принятія составленнаго заявленія. Земскій начальникъ на сходъ не пріѣхалъ, и его роль увѣщателя исполнялъ въ данномъ случаѣ мѣстный урядникъ, убѣждавшій крестьянъ, что они затѣяли пустяки, что никакого указа, дающаго право крестьянамъ дѣлать представленія о своихъ нуждахъ, нѣтъ, „и что все это выдумка штунды“, т. е. мѣстныхъ сектантовъ. Въ то же время лица, „приближенныя къ властямъ и духовенству“, пытались запугать присутствовавшихъ на сходѣ тѣмъ, что имъ предлагаютъ подписать „прокламацію“, за которую будетъ порка отъ казаковъ. Тѣмъ не менѣе заявленіе было принято огромнымъ большинствомъ схода, — не соглашались на него лишь мѣстные „богатѣи“. 17 мая въ Хотомлю пріѣхалъ земскій начальникъ и заявилъ, что онъ приговора схода не утвердитъ. Сходъ былъ признанъ не состоявшимся и перенесенъ на 22 мая. Когда на этомъ сходѣ крестьяне вновь высказали непремѣнное желаніе подать заявленіе, земскій начальникъ, дабы припугнуть грозящей отвѣтственностью, заставилъ каждаго въ отдѣльности выходить изъ круга и подписывать заявленіе, хотя передъ тѣмъ сельскій сходъ поднятіемъ рукъ высказался почти единогласно за принятіе заявленія. Въ то же время на сходъ явился жандармъ, который расхаживалъ по толпѣ и какъ бы помѣчалъ „бунтовщиковъ“, а мѣстный волостной судъ пытался силою воспрепятствовать подписывать заявленіе и побуждалъ толпу бить штундистовъ, какъ зачинщиковъ всего этого незаконнаго дѣла. Передъ такимъ давленіемъ нѣкоторые убоялись давать свои подписи, но дѣло, тѣмъ не менѣе, не разстроилось, такъ какъ изъ 260-ти человѣкъ болѣе 160-ти подписалось подъ заявленіемъ. Послѣ этого земскій начальникъ уѣхалъ, и приговоръ схода остался не подписаннымъ и не утвержденнымъ. Въ такомъ положеніи находится дѣло и въ настоящее время. Въ послѣдующіе дни сельскій староста ходилъ по селу и пугалъ людей, что вызваны казаки, которые будутъ пороть тѣхъ, кто подписалъ заявленіе *).

Такихъ фактовъ за послѣднее время можно было бы привести множество. Какого рода послѣдствія они могутъ имѣть, предусмотрѣть не трудно. Тѣ же крестьяне с. Хотомли, за отказомъ земскаго начальника утвердить ихъ приговоръ, едва ли признаютъ свои нужды тѣмъ самымъ удовлетворенными... И — кто знаетъ? — въ тѣхъ безпорядкахъ, о которыхъ начали получаться въ послѣдніе дни телеграммы изъ Харьковской губ., не участвуютъ ли уже и крестьяне с. Хотомли.

---

*) „Русскія Вѣдомости“, 2 іюня.

Мѣстныя власти, препятствуя крестьянскому движенію развиться въ этомъ направленіи, тѣмъ самымъ подрываютъ въ крестьянской массѣ послѣднее довѣріе къ началамъ государственности и толкаютъ ее на путь анархіи. Повторяю, едва ли мы тогда избѣгнемъ пугачевщины.

Къ счастію, можно думать, что этого не случится. Зародившееся въ общественныхъ нѣдрахъ движеніе всколыхнуло уже такіе широкіе круги, что изолировать его отъ крестьянской массы немыслимо. Не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыя общественныя группы начинаетъ уже охватывать страстное стремленіе „въ народъ“ — въ эти взволнованныя массы. Сознательная мысль не опередила стихійнаго движенія, но она можетъ еще въ него влиться...

А. Пѣшехоновъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ „Наши газеты и журналы“ (№ 5) замѣчены слѣдующія опечатки:

Стран.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
27, строка 3 снизу.	„Политикой довѣрія“	„Политикой недовѣрія“
37, строка 4 снизу.	Просвѣщенія	Православія
44, строка 3 сверху.	передачи.	передачи силою

Въ статьѣ „Изъ Франціи“:

Стран.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
198, строка 7 снизу.	Историко-соціальныхъ	Историка соціальныхъ
208, строка 16 снизу.	партіи, рекомендовалось	партіи, превратилось въ средство, которое рекомендовалось
229, строка 7 снизу.	1894	1904

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

Поступило:

На сооруженіе памятника на могилѣ **Н. К. Михайловскаго**: отъ сотрудника „Русскаго Богатства", В. В. Лункевича—201 р.; А. Н. Хавской—5 руб. 86 к. Итого . . . . 206 р. 50 к. А всего съ прежде поступившими 2.890 р. 30 к.

———

На стипендію имени **Н. К. Михайловскаго**. . . . . 935 р. 65 к.

———

На устройство народной школы **Н. К. Михайловскаго**: . . . . 405 р. 30 к.

———

Въ капиталъ имени **Н. К. Михайловскаго** при „Литературномъ фондѣ" 245 р. 48 к.

———

На библіотеку имени **Н. К. Михайловскаго**. . . . . 111 р. 50 к.

———

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Н. К. Михайловскаго**. . 11 р.

———

На изданіе „**безплатнаго** сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Н. К. Михайловскаго**". . . . . 5 р.

———

На устройство народной школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.: отъ И. И. Бушуева, со ст. Усть-Чарышской. . . . 1 р. А всего съ прежде поступившими 3.555 р. 76 к.

———

На сооруженіе памятника на могилѣ **Гл. И. Успенскаго** . . . . 17 р. 50 к.

———

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова**. . . . . . 413 р. 35 к.

———

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго пѣвца народа-раба", **Н. А. Некрасова.** 10 р. 20 к.

———

На развитіе библіотеки имени **В. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ. . . . . 1.382 р.

На образованіе стипендіи имени **В. Г. Короленко** . . . . 117 р. 50 к.

———

На учрежденіе высшей школы имени гр. **Л. Н. Толстого** . . . 179 р. 70 к.

———

На школу имени **А. П. Чехова.** 23 р.

———

На памятникъ **декабристамъ** въ Сибири . . . . 3 р. 50 к.

———

На образованіе фонда для учрежденія при Гнѣдинскомъ ремесленномъ училищѣ стипендіи **Н. А. Карышева** 2 р.

———

На образованіе фонда политическаго просвѣщенія народа: отъ г. Прокоповича—20 р.; черезъ врача Протасова отъ служащихъ Теткинской экономіи Терещенко—35 р.; М. Бѣлентьевой, изъ с. Андреевки—10 р.; Д. Д. Посполитаки, изъ Керчи—50 р.; черезъ д-ра М. Тихомирова отъ врачей Уяздовскаго госпиталя—31 р.; подпоручика Е. Дзбановскаго, изъ Владиміръ-Александровска—25 р.; присяжнаго повѣреннаго М. Р. Бейлина, изъ Томска—25 р.; г-жи Лопухиной, изъ Петровска—12 р.; N N изъ Бѣжицы—1 р.; черезъ Е. Н. Звягинцева отъ служащихъ Пермскаго губ. земства—40 р; О. К. Нечаевой—5 р.;—В. П. Тарновской—10 р. Итого . . . . 264 р. А всего съ прежде поступившими 368 р. 50 к.

———

Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ 9 января: отъ М. В. Евтѣева съ товарищами, изъ Тирлянскаго Зав., Оренбургской губ.—8 р. 25 к.; подпоручика Е. Дзбановскаго, изъ Владиміръ-Александровска—25 р.; В. В. Максимова, изъ Твери—50 к. Итого . . . . 33 р. 75 к. А всего съ прежде поступившими 4.053 р. 90 к.

———

Суммы неизвѣстнаго назначенія: отъ г. Рейнгарда, изъ Орла—92 р. 70 к., Об-ва потребителей служащихъ Сызр.-Вяз. ж. д., изъ Калуги—30 р. 70 к., А. И. Соболева, изъ Керчи—143 р. 10 к. Итого . . . . 266 р. 50 к.

———

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Редакторъ-Издатель: ***Вл. Г. Короленко.***

Дозв. ценз. Спб., 24 іюня 1905 г. Типогр. Н. Н. Клобукова, Лиговка, № 34.